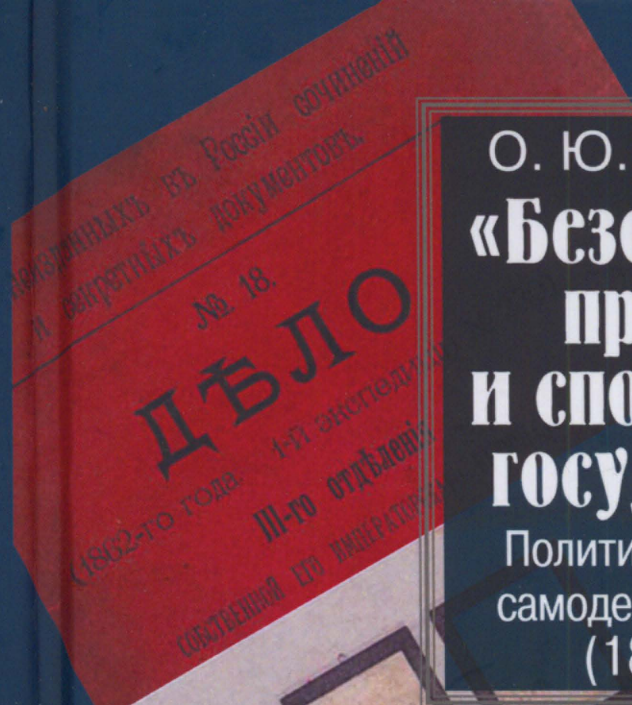

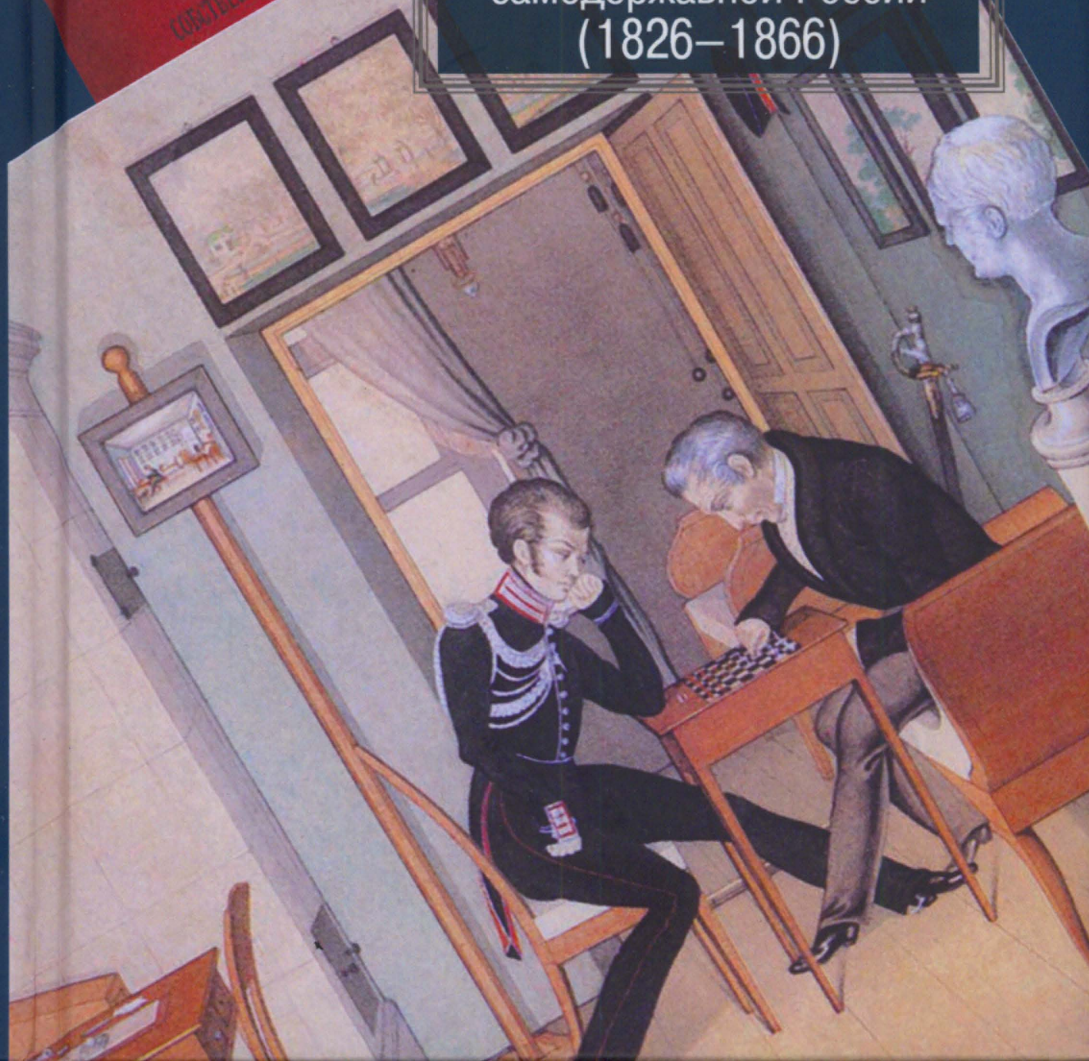
О. Ю. АБАКУМОВ

«Безопасность престола и спокойствие государства»
Политическая полиция самодержавной России (1826—1866)

О. Ю. АБАКУМОВ
«Безопасность престола и спокойствие государства»

Политическая полиция самодержавной России (1826—1866)

О. Ю. АБАКУМОВ

**«Безопасность
престола
и спокойствие
государства»**

Политическая полиция
самодержавной России
(1826—1866)

РОССПЭН
Москва
2019

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)
А13

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ),
проект № 19-19-00168, не подлежит продаже*

*В монографии использованы материалы, подготовленные в рамках
поддержанного РГНФ научного проекта № 14-01-00037*

Абакумов О. Ю.

А13 «Безопасность престола и спокойствие государства». Политическая полиция самодержавной России (1826–1866) / О. Ю. Абакумов. – М. : Политическая энциклопедия, 2019. – 559 с.

ISBN 978-5-8243-2344-3

Монография посвящена деятельности политической полиции Российской империи – III Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии с начала правления императора Николая I до эпохи «великих реформ» Александра II. На основе использования архивного материала показаны внутренние механизмы функционирования системы политического сыска и надзора, методы деятельности (агентурный надзор, перлюстрация, доносы, цензура, высылка и т. д.). Исследуются способы выявления, суммирования и трансляции общественных настроений во власть, влияние руководителей III Отделения на правительственную политику этого периода.

Книга рассчитана на ученых, студентов и на всех интересующихся историей.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)

ISBN 978-5-8243-2344-3

© Абакумов О. Ю., 2019

© Политическая энциклопедия, 2019

*Моему учителю
Игорю Васильевичу Пороху
посвящается*

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	6
Глава 1. Высшая полиция «устроена по собственной мысли его величества, развита по его личным указаниям»	11
Глава 2. III Отделение и правительственная политика 1830–1860-е гг.	63
1. Крестьянский вопрос	63
2. Земская реформа	116
3. Судебная система и судебная реформа.	134
4. Цензурная политика.	168
5. Университетский вопрос.	187
Глава 3. Методы политического надзора и сыска	200
1. Агентурный надзор	200
2. Жандармский надзор	237
3. Перлюстрация.	250
4. Доносы.	274
5. Административный надзор.	286
6. Театральная цензура	298
7. Надзор за печатью (1857–1862 гг.)	312
8. Слухи как инструмент контроля и воздействия на общество	343
Глава 4. Оппозиционность и вольномыслие в контексте государственной безопасности	388
Глава 5. III Отделение и русское общество	453
Заключение	487
Приложение	493
Литература	529
Указатель имен	549

ПРЕДИСЛОВИЕ

В российской исторической науке долгое время доминировал односторонний подход к изучению деятельности политической полиции, приверженцы которого делали акцент на ее репрессивной, карательной функции. Именно эта сторона активности трактовалась как воплощение охранительного направления в правительственной политике. В то же время практическая деятельность III Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии (называвшегося политической, тайной, высшей полицией) была многообразнее. III Отделение, являясь по замыслу его создателей полицией «наблюдательной», осуществляло общий надзор за «состоянием умов» (общественными настроениями), присматривало за деятельностью министров и главноуправляющих ведомствами, губернаторов и отдельных чиновников, обращавших на себя по каким-либо причинам внимание, выявляло случаи злоупотребления властью, коррупции, вмешивалось в дела цензуры, воздействовало на общественное мнение, пыталось примирять семейные конфликты, оказывало материальную помощь нуждающимся и заботилось о нравственности и благочинии. Эта разносторонняя деятельность полиции заслуживает специального анализа.

Имеющиеся исследования по данной теме можно разделить на две группы. Одна включает в себя работы, касающиеся истории политической полиции в России. Первый исследователь истории так называемого «освободительного движения» – противостояния оппозиции и власти – М. К. Лемке особое внимание уделял анализу репрессивной политики правительства (III Отделение, Следственные комиссии 1860-х гг.), представляя революционеров невинными жертвами государственного произвола¹. Эту традицию продолжали Б. Л. Модзалевский², С. Я. Штрайх³, П. Е. Щего-

¹ Лемке М. К. Эпоха цензурных реформ 1859–1865 годов. СПб., 1904; *он же*. Очерки по истории русской цензуры и журналистики XIX столетия. СПб., 1904; *он же*. Николаевские жандармы и литература 1826–1855 гг. По подлинным делам Третьего отделения Собственной Е. И. Величества канцелярии. СПб., 1909 и др.

² Модзалевский Б. Л. Пушкин и его современники. Избранные труды (1898–1928). СПб., 1999.

³ Штрайх С. Я. Роман Медокс. Похождения русского авантюриста XIX века. М., 2000.

лев¹, А. А. Шилов². В советской историографии популярный очерк истории III Отделения, написанный И. М. Троцким³, долгое время оставался единственным исследованием по истории данного ведомства. Ситуация стала меняться к началу 1980-х годов. До сих пор не потеряли научной значимости диссертация Т. Г. Деревниной⁴ и монография И. В. Оржеховского⁵.

Среди новейших исследований необходимо назвать работы А. В. Седунова⁶, который анализировал деятельность жандармских органов на Северо-Западе России, Л. В. Страхова, А. В. Перегудова, изучавших политический сыск в Центральном Черноземье⁷, Н. В. Макаровой⁸, исследовавшей частную и общественную жизнь горожан эпохи Николая I по материалам III Отделения; богатый архивный материал по истории III Отделения вводит в научный оборот М. В. Сидорова⁹. Историки Ч. Рууд и С. Степанов¹⁰, Ф. М. Лурье¹¹, Э. Ф. Макаревич¹², А. Г. Чука-

¹ См.: Алексеевский рavelин. Секретная государственная тюрьма России в XIX в. Т. 1–2. Л., 1990 и др.

² *Шилов А. А. П. Л. Лавров в донесениях «секретных сотрудников» III Отделения // Материалы для биографии П. Л. Лаврова. Вып. 1. Пг., 1921; он же. Арест М. И. Михайлова и суд над ним // Русское прошлое. 1923. № 2. С. 145–150.*

³ *Троцкий И.* III-е отделение при Николае I. Л., 1990.

⁴ *Деревнина Т. Г.* III отделение и его место в системе государственного строя абсолютной монархии в России (1826–1855 гг.). Диссертация на соискание ученой степени канд. ист. наук. М., 1973.

⁵ *Оржеховский И. В.* Самодержавие против революционной России (1826–1880 гг.). М., 1982.

⁶ *Седунов А. В.* Жандармские офицеры на Северо-Западе России в первой половине XIX века // Вестник С.-Петербургского университета МВД России. 2006. № 3. С. 63–67 и др.

⁷ *Страхов Л. В., Перегудов А. В.* Воронежские жандармы в эпоху модерна. Воронеж, 2019.

⁸ *Макарова Н. В.* Российское общество в эпоху правления Николая I: общественная и частная жизнь (по материалам III Отделения): диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук: 07.00.02. М., 2013.

⁹ *Сидорова М. В.* Из истории архива III Отделения // Советские Архивы. 1990. № 6; *она же.* Штаты III Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии // Из глубины времен. Выпуск 4. СПб., 1995; *она же.* Немцы на службе в III Отделении С. Е. И. В. канцелярии (по данным формулярных списков) // Россия – Германия. Пространство общения: Материалы X Царскосельской научной конференции. СПб., 2004 и др.

¹⁰ *Рууд Ч., Степанов С. А.* Фонтанка, 16: Политический сыск при царях. М., 1993.

¹¹ *Лурье Ф. М.* Полицейские и провокаторы. Политический сыск в России. 1649–1917. М., 1998.

¹² *Макаревич Э. Ф.* Секретная агентура. М., 2007.

рев¹, В. С. Измозик², Ф. Л. Севастьянов³ и др. в своих трудах обстоятельно анализируют начальный период деятельности III Отделения, а затем, как правило, «летальную» стадию 1870-х – 1880 гг. – период ликвидации данной структуры и замены ее департаментом полиции. Формы контроля повседневной частной жизни россиян, противодействия поведенческим аномалиям со стороны политической полиции стали предметом специального исследования⁴.

История создания политической полиции, деятельность первого шефа жандармов А. Х. Бенкендорфа⁵ обстоятельно изложена Г. Н. Бибиковым⁶ и Д. И. Олейниковым⁷, а в контексте правительственной политики Николая I – Л. В. Выскочковым⁸. В зарубежной историографии специальные исследования С. Монаса⁹ и П. Сквайера¹⁰ также посвящены политической полиции «николаевского» времени.

В последние годы несколько основательных работ по истории корпуса жандармов (взаимодействие его местных структур с губернской властью и др.) опубликовал В. В. Романов¹¹.

Колоритный материал из архивов политического сыска дает простор для построения разного рода измышлений и конструирования новых мифов публицистами и популяризаторами.

Можно отметить, что в наибольшей степени изучен начальный период истории III Отделения и период открытой конфронтации власти и общества (1866–1880 гг.), в то время как 1830–1860-е годы остались вне сферы внимания исследователей, хотя именно на этом

¹ Чукарев А. Г. Тайная полиция России. 1825–1855 гг. М., 2005.

² Жандармы России / сост. В. С. Измозик. СПб., 2002.

³ Севастьянов Ф. Л. «Высшая полиция» в России. СПб., 2001.

⁴ Абакумов О. Ю. Третье отделение на страже нравственности и благочиния. Жандармы в борьбе со взятками и пороком. 1826–1866. М., 2017.

⁵ В последние годы биография А. Х. Бенкендорфа стала предметом пристального внимания. Ему посвящены исследования объемом от полутора (*Рослякова О. Б.* А. Х. Бенкендорф – первый главноуправляющий III отделения // Политический сыск в России: история и современность СПб., 1997. С. 147–148) до четырехсот страниц (*Г. Н. Бибиков и Д. И. Олейников*).

⁶ Бибиков Г. А. Х. Бенкендорф и политика императора Николая I. М., 2009.

⁷ Олейников Д. Бенкендорф. М., 2009.

⁸ Выскочков Л. В. Император Николай I: человек и государь. СПб., 2001.

⁹ Monas S. The Third Section. Police and Society in Russia under Nicholas I. Harvard, 1961.

¹⁰ Squire P. S. The Third Department. The establishment and practices of the political police in the Russia of Nicholas I. Cambridge, 1968.

¹¹ Романов В. В. Трансформация органов политической полиции Российской империи в 1826–1860 гг.: историко-правовой анализ. Ульяновск, 2013.

этапе своей истории политическая полиция представляла собой «идеальную модель» функционирования «высшей полиции», воплощая идею полицейского государства с его всепроникающей заботой о благе и спокойствии подданных императора.

Вторая группа исследований посвящена правительственной политике императоров Николая I и Александра II. Из новейших исследований следует обратить внимание на работы Л. Г. Захаровой¹. Продолжая линию школы П. А. Зайончковского, Л. Г. Захарова положила начало новой историографической традиции анализа реформ 1860-х гг. – сквозь призму изучения политической борьбы не только в верхних эшелонах власти, но и в различных стратах российского общества. Наиболее важные результаты на этом поприще достигли М. Д. Долбилов², И. А. Христофоров³, проанализировавшие деятельность «аристократической» фронды. Цензурную политику правительства изучают А. И. Рейтблат⁴, Л. М. Макушин⁵, Н. Г. Патрушева⁶, В. С. Измозик⁷. Безусловно великолепные образцы исследования различных аспектов правительственных реформ представлены С. В. Мироненко⁸, Б. Г. Литваком⁹, В. Г. Чернухой¹⁰, В. Я. Гроссулом¹¹ и др. Оригинальной постановкой и решением исследовательских задач отличаются работы Р. Пайпса, Р. Уортмана, Д. Филда, Т. Эммонса, А. Рибера, Д. Ливена, Л. Хефнера, Г. Фриза и др.¹², однако в оценке

¹ Захарова Л. Г. Александр II и отмена крепостного права в России. М., 2011.

² Долбилов М. Д. Александр II и отмена крепостного права // Вопросы истории. 1998. № 10 и др.

³ Христофоров И. А. «Аристократическая» оппозиция Великим реформам (конец 1850 – середина 1870-х гг.). М., 2002.

⁴ Рейтблат А. И. Как Пушкин вышел в гении. Историко-социологические очерки о книжной культуре Пушкинской эпохи. М., 2001; Видок Фиглярин: Письма и агентурные записки Ф. В. Булгарина в III отделение. М., 1998.

⁵ Макушин Л. М. Цензурный режим и журналистика: от «чугунного» устава 1826 г. до закона о печати 1865 г.: В 2 книгах. Екатеринбург, 2009.

⁶ Патрушева Н. Г. Цензурное ведомство в государственной системе Российской империи во второй половине XIX – начале XX века. СПб., 2013.

⁷ Измозик В. С. «Черные кабинеты»: история российской перлюстрации XVIII – начало XIX века. М., 2015.

⁸ Мироненко С. В. Страницы тайной истории самодержавия. М., 1990.

⁹ Литвак Б. Г. Переворот 1861 г. в России. М., 1991.

¹⁰ Чернуха В. Г. Внутренняя политика царизма с середины 50-х до начала 80-х гг. XIX в. Л., 1978; она же. Правительственная политика в отношении печати. 60–70-е гг. XIX века. Л., 1989.

¹¹ Гроссул. В. Я. Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика. М., 2000.

¹² Пайпс Р. Россия при старом режиме. М., 1993; Уортман Р. С. Властители и судии: Развитие правового сознания в императорской России. М., 2004; Ливен Д. Рос-

деятельности III Отделения эти авторы зачастую используют устоявшиеся стереотипы и клише советской историографии.

Источниковая база данного исследования представлена материалами официального делопроизводства: «всеподданнейшие» отчеты, доклады, ведомственная переписка, жандармские донесения, «Обзоры деятельности III Отделения» за 25 и 50 лет и др.¹ Большая часть материалов не опубликована и находится в столичных архивохранилищах². Источники личного происхождения: записки, воспоминания, дневники, письма современников, привлекались для воссоздания колорита эпохи и выяснения особенностей субъективного восприятия россиянами полицейской опеки и охранительных мер поддержания порядка.

В центре внимания монографии – проблема взаимодействия власти и общества в 1826–1866 гг.: выявление механизмов институционального влияния силовых структур на правительственную политику и состояние гражданского общества.

сийская империя и ее враги с XVI века до наших дней. М., 2007; Великие реформы в России. 1856–1874. М., 1992.

¹ Россия под надзором. Отчеты III отделения. 1827–1869. М., 2006; Обзор деятельности III Отделения С. Е. И. В. К. и корпуса жандармов за 25 лет. 1826–1850 // ГА РФ. Ф. 109. С. А. Оп. 3. Д. 533; Третье отделение собственной Е. И. В. К. о себе самом // Вестник Европы. 1917. № 3 и др.

² В работе использованы материалы Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ), Российского государственного исторического архива (РГИА), Отдела рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ), Государственного архива Саратовской области (ГАСО).

Глава 1

ВЫСШАЯ ПОЛИЦИЯ «УСТРОЕНА ПО СОБСТВЕННОЙ МЫСЛИ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА, РАЗВИТА ПО ЕГО ЛИЧНЫМ УКАЗАНИЯМ»

Создание политической полиции Российской империи – III Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии прошло незаметно для современников. В кратком указе от 3 июля 1826 г. «О присоединении Особенной Канцелярии Министерства Внутренних дел к Собственной Его Величества Канцелярии» устанавливалось, что к ведению нового учреждения относятся «все распоряжения и известия по всем вообще случаям высшей полиции»¹. Далее следовала детализация, не раскрывавшая, а обозначавшая направления деятельности отделения:

«2. Сведения о числе существующих в Государстве разных сект и расколов.

3. Известия об открытиях по фальшивым ассигнациям, монетам, штемпелям, документам и проч., коих розыскания и дальнейшее производство остается в зависимости Министерств: Финансов и Внутренних дел.

4. Сведения подробные о всех людях, под надзором Полиции состоящих, равно и все по сему предмету распоряжения.

5. Высылка и размещение людей подозрительных и вредных.

6. Заведование наблюдательное и хозяйственное всех мест заточения, в кои заключаются Государственные преступники.

7. Все постановления и распоряжения об иностранцах, в России проживающих, в предел Государства прибывающих и из оного выезжающих.

8. Ведомости о всех без исключения происшествиях.

9. Статистические сведения, до Полиции относящиеся».

Содержание указа создавало впечатление, что новый орган в первую очередь будут интересовать передаваемые другими ведомствами статистические и фактические сведения о расколе, фальшивомонетчиках, происшествиях в стране, неблагонадежных лицах, состоящих

¹ Полное собрание законов Российской империи. 2-е собр. Т. 1. № 449.

под полицейским надзором. Собственный предмет ведения ограничивался обеспечением высылки, размещением подозрительных и вредных лиц и заведением тюрьмами, в которых содержались государственные преступники.

В официальном «Обзоре деятельности III Отделения Собственной Вашего Императорского Величества канцелярии за 50 лет. 1826–1876 гг.» признавалось: «Круг деятельности III Отделения, определенный при самом его учреждении, оставался в течение пятидесяти лет почти без изменения»¹. «Почти» относилось к порученному в 1828 г. (и существовавшему до 1865 г.) наблюдению за театрами и осуществлению драматической цензуры.

Декларируемые и реальные занятия Отделения были столь различны и таинственны, что даже служивший в московском Сенате правовед-чиновник М. А. Дмитриев считал, что об учреждении тайной полиции «официально никогда (...) объявлено не было»².

Любопытно объяснение самого шефа III Отделения А. Х. Бенкендорфа (1782–1844) о причинах его создания: «Император всеми способами пытался вырвать корни тех злоупотреблений, которые проникли в аппарат управления и которые стали явными после раскрытия заговора, обогрившего кровью его вступление на престол», т. е. не политические причины, не антиправительственный заговор, проявившийся 14 декабря 1825 г., как таковой, а факторы, причины, его породившие, интересовали в первую очередь монарха. Изначально ставилась задача предотвратить вызревание подобных настроений.

Второй целью была «защита угнетенных» и лишь потом – «наблюдения за заговорами и недоброжелателями». Причем такими недоброжелателями являлись иностранцы – «французские авантюристы»: «...число последних угрожающе увеличивалось с тех пор, как в России получили распространение подрывные идеи французской революции»³. В юбилейном отчете III Отделения пояснялось некоторое умаление задач политического сыска: «Тайные общества (...) привлекли в свою среду почти все революционные элементы, существовавшие в то время в России. Поэтому, когда следствие раскрыло всех участников преступного покушения и приговор суда выделил их из общества, то спокойствие было обеспечено надолго»⁴. Эта мысль неоднократно повторялась руководителями политической полиции в обоснование разностороннего характера действия ведомства.

¹ Третье отделение собственной Е. И. В. К. о себе самом // Вестник Европы. 1917. № 3. С. 91.

² Дмитриев М. А. Главы из воспоминаний моей жизни. М., 1998. С. 257.

³ Бенкендорф А. Х. Воспоминания. 1802–1837. М., 2012. С. 342.

⁴ Третье отделение... С. 91.

Еще один важный тезис был сформулирован в «Обзоре деятельности III Отделения С. Е.И. В.К. и корпуса жандармов за 25 лет. 1826–1850». В нем подчеркивалась особая роль III Отделения в системе государственных учреждений Империи: признавалось, что, хотя «высшая полиция» и «составляет малую часть в общем государственном правлении», она, «с одной стороны, обнимает важнейший предмет – безопасность престола и спокойствие государства, а с другой, устроена по собственной мысли его величества, развита по его личным указаниям и имеет обязанность, между прочим, следить за общим мнением и толками насчет правительства»¹. Обеспечение государственной безопасности, надзирая за политической благонадежностью подданных методами, санкционированными непосредственно императором, – реальные цели создания III Отделения.

Перед А. Х. Бенкендорфом были поставлены четкие задачи: «...организовать действенное наблюдение, которое со всех концов его обширной империи сходилась бы к одному органу», и обеспечить «защиту угнетенных и наблюдения за заговорами и недоброжелателями». Выбор именно А. Х. Бенкендорфа для создания новой системы надзора был не случаен. Сам он признавал: «Я не был готов к исполнению такого рода службы, о которой у меня было самое общее представление»². В этих словах, однако, есть определенная доля лукавства.

Еще в апреле 1826 г. А. Х. Бенкендорф представил Николаю I проект устройства высшей полиции³, в котором, напоминая о «страшном заговоре» 14 декабря 1825 г., указывал на необходимость немедленных и скорых действий («организовать новую полицейскую власть по обдуманному плану, приведенному как можно быстрее в исполнение»). В этом плане упоминались и перлюстрация, которая «действует постоянно и обнимает все пункты империи»), и агентура, «склонная к наживе» и потому нередко служащая «за и против правительства», и добровольные доносители («злодеи, интриганы и люди недалекие, раскаявшись в своих ошибках или стараясь искупить свою вину доносом, будут по крайней мере знать, куда им обратиться»).

В документе была прописана надзорная деятельность и положение жандармов, «рассеянных во всех городах России и во всех частях войска», – людей «честных и способных, которые часто брезгают ролью тайных шпионов, но, нося мундир, как чиновники правительства, считают долгом ревностно исполнять эту обязанность».

¹ ГА РФ. Ф. 109. С.А. Оп. 3. Д. 533. Л. 1–10б.

² Бенкендорф А. Х. Воспоминания. С. 342.

³ Проект г.-а. Бенкендорфа об устройстве высшей полиции // Русская старина, 1900. Т. 104. С. 615–616.

В общих чертах даже определены принципы организации и корпоративного управления: необходимо, чтобы полиция «подчинялась системе строгой централизации, чтобы ее боялись и уважали», полиция должна «приобрести нравственную силу, которая во всяком деле служит лучшей гарантией успеха», правда, даже внутри такой высоконравственной структуры «не следует особенно доверять кому бы то ни было».

Интересно отметить, что если руководитель создаваемой полиции должен был обладать буквально ангельскими качествами, привлекавшими к нему «честных людей, которые пожелали бы предупредить правительство о каком-нибудь заговоре или сообщить ему какие-нибудь интересные новости», то второму лицу – правителю канцелярии – полагалось руководствоваться вполне земными интересами: «Личная выгода и опасение лишиться чрезвычайно доходного места будут ручательством в верности». А. Х. Бенкендорф понимал, что тайная полиция «почти немыслима, честные люди боятся ее, а бездельники легко осваиваются с нею», поэтому подчеркивал, что решение вопроса в принципе потребует «зрелого обсуждения» и анализа реальной практики.

Как видим именно охранительные мотивы, идеи политического контроля для обеспечения государственной безопасности подтолкнули генерала к размышлениям о рациональной организации политического надзора.

О своей новой сфере деятельности А. Х. Бенкендорф писал: «Я немедленно принялся за работу и, с Божьей помощью, вскоре усвоил мои новые обязанности и принялся осуществлять их к удовлетворению императора и без осуждения общественным мнением. Я был вполне счастлив, имея возможность делать добро, оказывать услуги многим людям, вскрывать много злоупотреблений и, особенно, предотвращать много несчастий»¹.

В своих «Воспоминаниях», несколько нарушая хронологию, он сообщал о создании корпуса жандармов: «Империя была разделена на 7 округов, во главе каждого был поставлен генерал, в подчинении у которого находились старшие офицеры, располагавшиеся в каждой губернии. Создание дополнительных структур было отложено на значительно более поздний срок и должно было исходить из тех требований, которые будут указаны практикой»². Реальным центром секретной полиции становилось III Отделение, которое должно было действовать в единстве с жандармским корпусом. «Они должны были

¹ Бенкендорф А. Х. Воспоминания. С. 343.

² Там же.

создать негласные связи и оказывать помощь в работе и в намерениях жандармерии»¹, – писал А. Х. Бенкендорф.

Опубликованное «Положение о корпусе жандармов» от 28 апреля 1827 г. касалось лишь общих принципов организации и управления жандармскими частями².

В «Положении» 1836 г. был обозначен еще и круг обязанностей нижних чинов корпуса жандармов: приведение в исполнение законов и приговоров суда, «поимка воров, беглых, корчемников, преследование разбойников и рассеивание законом запрещенных скопищ», «усмирение буйств и восстановление нарушенного повиновения», преследование контрабандистов, сопровождение арестантов, обеспечение порядка на ярмарках, торжищах, церковных и народных праздниках.

В отношении же губернских штаб-офицеров было сказано, что их обязанности определяются особыми инструкциями шефа жандармов (п. 47). В то же время п. 52 «Положения» весьма неопределенно указывал на некоторые особые виды ответственности жандармских чинов: «...они отвечают по званию своему, за распоряжения, противные установлениям; а также упущения, или непорядки, если бы таковые от послабления власти, или недостаточного попечения последовали»³.

Целям и методам жандармского надзора были посвящены специальные инструкции шефа жандармов графа А. Х. Бенкендорфа для офицеров корпуса, но они были секретными и мало кому из современников доступны для прочтения.

Упомянутые инструкции хорошо известны исследователям. Первая – с небольшими разночтениями публиковалась неоднократно⁴. Вторая, а точнее дополнение к «Инструкции», была обнаружена Т. Г. Деревниной и помещена в приложении к ее диссертации⁵.

¹ Там же.

² Романов В. В. Трансформация органов политической полиции Российской империи в 1826–1860 гг.: историко-правовой анализ. Ульяновск, 2013. С. 69–110.

³ ПСЗРИ. Т. XI. Отд. 1. № 9355. См.: Романов В. В. Указ. соч. С. 111–146.

⁴ Бодянский О. Инструкция жандармским чиновникам // Чтения в МОИДР. 1871. Т. 1. С. 197–199; Н. [Зибер]. К истории жандармской полиции в России // Юридический вестник. 1882. № 11. С. 425–426; Инструкция графа Бенкендорфа чиновнику III отделения // Русский архив, 1889. № 7. С. 396–397.

⁵ Дополнение к инструкции господину корпуса жандармов подполковнику и кавалеру Дейеру // Деревнина Т. Г. III отделение и его место в системе государственного строя абсолютной монархии в России. (1826–1855 гг.). Дисс. канд ист. наук. М., 1973. С. 179–181. Здесь текст Дополнения цитируется по экземпляру, хранящемуся в ГАСО. Ф. 53. Оп. 9. Д. 25. Л. 10–10 об.

Автором инструкции считается А. Х. Бенкендорф. И. В. Оржеховский полагает возможным участие в ее составлении М. Я. фон Фока¹. Однако точных сведений об авторстве и правовом статусе данных документов не обнаружено. Когда была составлена инструкция? Утверждалась ли она императором или же являлась внутриведомственным актом? Любопытно, что эти же вопросы задавали и сами жандармы.

Так, на запрос Штаба корпуса жандармов из III Отделения в 1852 г. последовал такой ответ: «...в делах III Отделения, по точнейшей справке, не оказалось никаких сведений ни о том, кто и на каком основании составлял секретные инструкции для жандармских штаб-офицеров, ни о том, когда именно и кем были утверждены эти инструкции»², хотя незадолго до этого, в 1850 г., в «Обзоре деятельности III Отделения» прямо указывалось на высочайшее утверждение этой инструкции³. Не прояснился этот вопрос и через 20 лет. Так, в записке жандармского полковника П. В. Бачманова отмечалось, что инструкция «была издана не с высочайшего утверждения, а от имени шефа жандармов, и, следовательно, ни для кого не была обязательною, за исключением чинов корпуса жандармов, как документ никому не известный и не имеющий силы законодательного акта»⁴. Однако информация П. В. Бачманова опровергалась в примечаниях к его записке (их автор неизвестен): «Из всеподданнейшего отчета ген.-ад. гр. Бенкендорфа за 1830 г. видно, что инструкция эта была высочайше учреждена⁵, но, по каким причинам удержана в секрете, не известно, так как никаких следов об издании инструкции не найдено и сохранилось только одно ее содержание, вполне оправдывающее существующую легенду о белом платке»⁶. Спор, однако, велся по формальному вопросу, ибо статус документа, исходящего из собственной канцелярии императора, не имел принципиального значения, и высочайшее одобрение подразумевалось само собой.

Еще несколько замечаний относительно упомянутой легенды. При учреждении III Отделения Николай I якобы вручил А. Х. Бен-

¹ Оржеховский И. В. Самодержавие против революционной России (1826–1880 гг.). М., 1982. С. 58.

² ГА РФ. Ф. 109. 1 эксп. 1852. Д. 58. Л. 11 об.

³ Там же. СА. Оп. 3. Д. 533. Л. 99.

⁴ Там же. Д. 746. Л. 8 об.

⁵ В «Отчете о действиях корпуса жандармов за 1830 г.» упомянуты «прямые обязанности» жандармских генералов, штаб- и обер-офицеров, «возложенные на них общим постановлением *высочайше утвержденных* в их руководство инструкций» (Гр. А. Х. Бенкендорф о России в 1827–1830 гг. // Красный архив, 1930. № 1. С. 145).

⁶ ГА РФ. Ф. 109. СА. Оп. 3. Д. 746. Л. 8 об. – 9.

кендорфу платок со словами: «Вот тебе все инструкции. Чем более отрешь слез этим платком, тем вернее будешь служить моим целям!»¹ Содержание инструкции и напутствия государя скоро стали известны в обществе, вызвав противоречивую реакцию. Ф. В. Булгарин в одной из своих записок писал: «Инструкция разошлась по рукам и служит доказательством любви Государя к порядку и благу России»². Другой современник – П. М. Голенищев-Кутузов-Толстой – признавал «Важную и благородную цель этого учреждения»³, а один из первых русских эмигрантов – Н. И. Сазонов в изданной в Париже в 1854 г. «Правде об императоре Николае» писал о «чудовищном лицемерии, неизменно присущем Николаю»⁴. В начале XX в. один из последних командиров корпуса жандармов – В. Ф. Джунковский – при своем вступлении в должность в Приказе к чинам корпуса жандармов напомнил: «Священный завет милосердия, призывавший осушать слезы несчастных, да останется неизменным девизом для каждого из нас»⁵. Исследователи считали рассказ о платке «апокрифическим, но по внутреннему смыслу вероятным»⁶. К. Грюнвальд писал: «Николай I был полностью откровенен, когда произносил эти слова»; историк полагает, что это был «жест, в котором значительно больше наивности, чем лицемерия»⁷. По мнению П. Сквайера, этот эпизод «довольно точно отражает сентиментальное настроение Николая I в это

¹ Приводя эту фразу, исследователи обычно ссылаются на: *Шильдер Н. К.* Император Николай I. Его жизнь и царствование. СПб., 1903. Т. I. С. 467, но там именно этой цитаты нет. Она приведена в воспоминаниях П. П. Каратыгина «Бенкендорф и Дубельт» (Исторический вестник, 1887. № 10. С. 166).

Есть и иные версии интерпретации символического жеста Николая I: «Вот тебе вся инструкция. Чтобы ни один платок в России не был омочен слезами» (*Чукарев А. Г.* Тайная полиция России 1825–1855 гг. М., 2005. С. 124) или «Не упускай случаев утирать слезы несчастным и обиженным – вот тебе инструкция» (*Ломачевский А. И.* Из воспоминаний жандарма 30 и 40 годов. СПб., 1880. Ч. 1. С. 155). При общей смысловой близости акценты различны: в версии А. Г. Чукарева (в качестве первоисточника он ссылается на того же Н. К. Шильдера) речь идет о предотвращении бедствий и злоупотреблений, а в остальных трактовках говорится об успокоении обиженных и пострадавших.

² Видок Фиглярин: Письма и агентурные записки Ф. В. Булгарина в III отделение. М., 1998. С. 167.

³ *Голенищев-Кутузов-Толстой П. М.* Из памятных заметок // Русский архив, 1883. № 1. С. 213.

⁴ *Сазонов Н. И.* Правда об императоре Николае // Литературное наследство. М., 1941. Т. 41–42. С. 214.

⁵ *Джунковский В. Ф.* Воспоминания. М., 1997. Т. 2. С. 127.

⁶ *Н. [Зибер].* К истории жандармской полиции в России. С. 425.

⁷ *Grunwald, de C.* La vie de Nicolas Ier. P., 1946. P. 184.

время»¹. Правдоподобным считает данный эпизод Р. Г. Эймонтова: «Николай Павлович умел находить эффектные изречения, предназначавшиеся подданным и потомкам»². Л. В. Выскочков резюмирует: «Было ли это на самом деле – доказать трудно, но подобный жест соответствует представлению о Николае I как о несколько сентиментальном и склонном к внешним эффектам человеке»³. Во всяком случае, император представил современникам и потомкам весьма информативный и полифоничный мем, соответствующий замыслу создаваемой структуры.

Обратимся к анализу жандармских инструкций, сохранявшихся в силе до начала 70-х гг. XIX в. и зафиксировавших обязанности губернских штаб-офицеров.

Прежде всего, жандармам предписывалось: «Обратить особенное (...) внимание на могущие произойти без изъятия во всех частях управления и во всех состояниях и местах злоупотребления, беспорядки и законопротивные поступки» (п. 1), а также наблюдать, «чтобы спокойствие и права граждан не могли быть нарушены чьей-либо личною властью или преобладанием сильных лиц, или пагубным направлением людей злоумышленных» (п. 2). При выявлении незаконных действий п. 3 Инструкции предписывал «лично сноситься и даже предварять начальников и членов тех властей или судов или те лица, между коих замечены вами будут незаконные поступки» и доносить шефу жандармов только тогда, «когда ваши домогательства будут тщетны», «ибо цель вашей должности должна быть прежде всего предупреждение и отстранение всякого зла».

В Дополнении к инструкции 6 пункт фактически повторял содержание п. 3 Инструкции, но с оговоркой: «...должно вам поставить себя на такую ногу, чтобы местные начальства вас уважали и принимали бы *извещения* ваши с признательностью». Таким образом, в обязанности офицера недвусмысленно закладывалась идея не конфронтации и противостояния, а сотрудничества и добрососедства с местными властями. Не случайно в п. 5 Дополнения разъяснялись нормы поведения жандармского штаб-офицера. Он должен было обеспечить «общее уважение и доверие всех сословий и благорасположение всех гг. начальников, гражданских и военных» – «приличною покорностью и чинопочтанием к особам вас старшим, благородным и при-

¹ Цит. по: Рууд Ч., Степанов С. А. Фонтанка, 16: Политический сыск при царях. М., 1993. С. 48.

² Эймонтова Р. Г. В новом обличи (1825–1855 гг.) // Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика. М., 2000. С. 110.

³ Выскочков Л. В. Император Николай I: человек и государь. СПб., 2001. С. 320.

ветливым отношением с равными вам, ласковым и снисходительным отношением со всеми прочими».

Это специальное дополнение, видимо, стало результатом реакции на появление в глубинке наблюдателей в голубых мундирах. Не случайно в отчетах III Отделения постоянно слышны отголоски конфронтационных практик. В 1828 г. шеф жандармов докладывал императору: «*Должностные лица и лихоимцы, несомненно, настроены против жандармов*»⁴, в следующем году: «*Теперь (!) местные начальства постигают истинную цель сего учреждения*»⁵.

В отчете за 1829 г. А. Х. Бенкендорф признавал изменение отношения к жандармам: «Институт этот при его учреждении внес вообще смятение в настроение общества, но в настоящий момент благодаря спокойной и осторожной деятельности жандармерии и довольно удачному выбору людей общественное мнение по отношению к ней почти единодушно настроено благоприятно (...). Возможно, что жандармерия могла приносить еще большую пользу, если бы не встречала столько противодействия и недоброжелательства со стороны *местных властей*»⁶. Но пассивное сопротивление шло не только снизу, из провинциальной глуши. В том же отчете упоминались действия министра внутренних дел А. А. Закревского, который все «сообщаемые ему жандармерией сведения (...) посылает губернаторам, сообщая им, от кого они исходят; это тормозит деятельность жандармов и навлекает на них придирки и злобу местных властей»⁷. Несмотря на неоднократные указания, что информируют министра лично с целью ознакомления и возможного исправления положения, он продолжал огласку «исключительно из-за неуместной ненависти к учреждению, которое, по его мнению, врывается в сферу его компетенции»⁸.

Искренне воспринявшие задачи жандармской инструкции офицеры сразу обратили на себя внимание. Ф. В. Булгарин сообщал в III Отделение 6 июня 1828 г.: «Рассказывают чудеса о жандармском полковнике в Вильне Рутковском. Он привел в ужас всех злоупотребителей (...). В усердии своем Рутковский не знает ни лица, ни места»⁹. И далее информатор писал, что почт-директору А. И. Бухарскому он указал, что его положение обязывает подавать пример

⁴ Красный архив, 1929. № 6. С. 162 (курсив мой. – О. А.).

⁵ Там же. С. 174 (курсив мой. – О. А.).

⁶ Россия под надзором. Отчеты III отделения 1827–1869. М., 2006. С. 61 (курсив мой. – О. А.).

⁷ Там же. С. 51.

⁸ Там же.

⁹ Видок Фиглярин. Письма и агентурные записки Ф. В. Булгарина в III отделение. М., 1998. С. 298.

нравственности и не допускать, чтобы в его карете ездил с визитами его наложница, «публичная девка», так как это «вредит службе Государевой, озлобля чиновников»¹. Затем жандарм принес военному губернатору А. М. Римскому-Корсакову записку со сведениями, по каким делам, сколько, когда и от кого получено взятки в его канцелярии и какие решения в результате последовали. «Корсаков также взбесился. “Подайте мне рапорт!”, – закричал он. “Рапорты я подаю моему начальству, а если Вашему Высокопревосходительству угодно удостовериться в истине моей записки, сделайте следствие” – “Извольте оставить меня!” – и бедный жандарм должен был опять идти не с чем», – сочувственно повествовал о подвигах жандарма Ф. В. Булгарин². Судя по резолюции А. Х. Бенкендорфа, восторга от таких действий он не испытывал: «Не нужно ему столь явно вооружаться против чиновников старше его, если они неохотно принимают его извещения; в инструкции ясно начерчена мера поведения жандармских штаб-офицеров»³. Однако К. Л. Рутковского А. Х. Бенкендорф защитил от вел. кн. Константина Павловича, в июле 1828 г. потребовавшего удалить его из Царства Польского и вернуть на прежнюю службу в пехотный полк. Впоследствии К. Л. Рутковский неоднократно получал благодарности по службе, а в 1831 г. стал полковником.

Успех жандармской миссии во многом зависел от такта, влияния и авторитета А. Х. Бенкендорфа. По свидетельству В. А. Шомпулева, «жандармские офицеры в губернии, имевшие к тому же свое совершенно самостоятельное положение, (...) были обставлены особыми преимуществами и полномочиями, которые долго поддерживались шефом жандармов графом Бенкендорфом, (...) пользовавшимся чрезвычайным доверием императора Николая I. Этих-то господ жандармских офицеров, несмотря на их незначительные чины майоров и даже капитанов, губернаторы весьма побаивались, так как дневник жандармов, наполнявшийся происшествиями в губернии, не исключая домашнего быта, не щадил ни губернаторов, ни губернских предводителей, ни даже архиереев и, доставляемый периодически Бенкендорфу, влиял на судьбу каждого»⁴.

Иногда губернаторам удавалось воздействовать на главу III Отделения и добиться устранения бдительного наблюдателя. 11 марта 1832 г. по корпусу жандармов за подписью Бенкендорфа был издан приказ № 30, в котором описывалась конфликтная ситуация, сложив-

¹ Видок Фиглярин. Письма и агентурные записки Ф. В. Булгарина в III отделение. С. 299.

² Там же.

³ Там же. С. 302.

⁴ Шомпулев В. А. Записки старого помещика. М., 2012. С. 26.

шаяся в Астрахани. Военный губернатор генерал-майор В. Г. Пяткин сообщал «о странном поведении и неприличных поступках» штаб-офицера корпуса жандармов майора Мейера-Женовского. По словам губернатора, майор «принимает на себя дела, совершенно до него не касающиеся, требует к себе Гражданских чиновников для объяснения, мешается в тяжбы, в распоряжения гражданского начальства по торговым оборотам, требует, чтобы караул главной гауптвахты выходил ему к ружью и в благородном собрании делает свои замечания карандашом на лоскутке бумаги, наконец, домогается особенной к нему благосклонности г. военного губернатора». Судя по этому документу, А. Х. Бенкендорф был необычайно взволнован: «Я не могу постичь, каким образом майор Мейер-Женовский мог допустить себя до поступков, столь не свойственных ни его званию, ни его прямой обязанности, поступков, противных даже здравому рассудку»¹.

Ситуация казалась довольно типичной и реальной. Жандарму был объявлен строжайший выговор и приказано немедленно прибыть в С.-Петербург, «дабы удалить его из той губернии, в которой он навлек на себя столь справедливое негодование». Личное объяснение полностью удовлетворило разгневанного начальника. А. Х. Бенкендорф писал: «...к крайнему моему удивлению и удовольствию увидел я совершенную невинность своего штаб-офицера, о чем мне весьма приятно известить его товарищей»². Ошибка была исправлена, репутация штаб-офицера восстановлена.

Постоянное дублирование директивных указаний, разъяснение способов надзора и контроля за местными чиновниками, порядка взаимодействия с губернским начальством свидетельствовали об устойчивом конфликтом поле в отношениях губернских властей и жандармов. Тем не менее тенденция к умиротворению отношений между гражданскими властями и жандармскими офицерами упрочивалась, получив развитие в многочисленных приказах по корпусу жандармов (1827 № 4, 1828 № 5, 1834 № 39, 45, 49, 1836 № 39 и др.).

В приказах оговаривалась обязанность штаб-офицера «только уведомлять начальство о злоупотреблениях гражданских чиновников, нимало не настаивая ни об исследовании сих злоупотреблений, ни о поступлении к прекращению оных по законам, и не требуя уведомления о том, что по их сообщениям будет сделано, оставляя последнее на собственное распоряжение местного начальства». Офицеры не должны были вмешиваться «в самые же распоряжения гражданского начальства, в разбирательство тяжб, ссор между частными лицами

¹ ГА РФ. Ф. 110. Оп. 3. Д. 988.

² Там же.

и другие дела, до них не относящиеся» (1827 № 4, 1834 № 49). Им было запрещено «требовать из присутственных мест ни дел, ни сведений по производству оных для рассмотрения или извлечения из них выписок» (1830 № 7, 1834 № 18). Особо подчеркивалось, что «они не должны ни под каким видом действовать официально и входить в письменные по делопроизводству сношения с правительственными местами и лицами» (1834 № 18, 45, 49).

Кроме того, им запрещалось «входить в формальную или официальную переписку и сношения с местным начальством», кроме случаев «обоюдного с теми начальниками согласия, основанного на взаимной доверенности» (1834 № 45). В случае если «их словесные представления не уважены», надлежало донести об этом шефу жандармов, «не начиная ни переписки, ни малейшего несогласия с гражданским начальством»¹.

Это заключение подтверждает и содержащееся в Дополнении к инструкции указание на самостоятельность и негласность действий штаб-офицеров². «Вы не должны ни под каким видом вмешиваться ни в какие действия и распоряжения присутственных мест и начальства как по гражданской, так и по военной части. Вы должны избегать всякого вида соучастия и влияния на производство дел и на меры, местным начальством предпринимаемые», – гласило Дополнение, противореча процитированному выше п. 3 Инструкции.

Тем не менее в приказе по корпусу жандармов № 39 от 24 июня 1836 г. «Об обязанностях жандармского штаб-офицера к Гражданскому начальству» Бенкендорф подчеркивал: «Считаю долгом вновь внушить г.г. штаб-офицерам вверенного мне корпуса, что они не должны представлять себя официально действующими лицами или как бы Военными Прокурорами: ибо назначение их состоит в том, чтобы единственно наблюдать за ходом дел и оказывать благотворное влияние на оный только домашним образом, без всякой гласности и переписки».

Логика шефа жандармов была вполне понятна и психологически выверена: «Вмешиваясь официально в дела, они не только не принесут никакой пользы, но вредят службе, ибо поставляют местное начальство в неприятное против себя расположение, преграждая себе путь к приобретению доверенности, на котором основан успех выполнения их обязанностей. Действуя же без официальности, они более произведут впечатление на людей неблагонамеренных, нежели всеми возможными официальными действиями».

¹ ГА РФ. Ф. 110. Оп. 3. Д. 988. Л. 25.

² Деревнина Т. Г. Указ. соч. С. 121; Оржеховский И. В. Указ. соч. С. 60.

Следование такой модели поведения, как предполагалось, должно было обеспечить согласие и взаимодействие в делах государственной службы и управления. В отношении же личностей, обращавших на себя внимание нарушением общепринятых норм политического и социального поведения, расчет делался на эмоциональное воздействие: потенциальная угроза надзора, сурового наказания, конструируемого воспаленным воображением и подогреваемого самыми нелепыми слухами о тайных суровых наказаниях в III Отделении, была страшнее реальных административных мер воздействия.

Подвижки в преодолении противостояния отмечены в отчете за 1835 г.: «Заметно, что в губерниях гражданские губернаторы год от года более постигают пользу, какая и для них проистекает от губернских штаб-офицеров корпуса жандармов, и гораздо менее уже их ныне чуждаются. Многие из них убедились, что жандармские штаб-офицеры наилучшие им помощники в благонамеренных их действиях. Таким образом постепенно достигается столь желательное между властью управительною и частью наблюдательною сближение, которое, доставляя сей последней возможность действовать с большим успехом, представляет ей средства достигнуть ту благодетельную цель, которую правительство имело в виду при учреждении корпуса жандармов»¹.

Был ли искренен шеф жандармов в словах о сближении «управленцев» и «наблюдателей» или выдавал желаемое за действительное? Думается, что Бенкендорфу важно было показать императору результат: сложившуюся систему контроля. Ведь буквально через несколько месяцев после представления Николаю I годового отчета шеф жандармов признавался (приказ № 39 от 24 июня 1836 г.): «Я беспрерывно получаю донесения, что некоторые штаб-офицеры корпуса жандармов продолжают официально вмешиваться в распоряжения гражданского начальства, делопроизводство судебных мест и разбирательство частных несогласий, вступают в переписку с разными лицами, даже заключают отношения свои требованием уведомления о тех распоряжениях, которые будут сделаны». Последствия такого произвола нарушали благостную картину, представленную императору: «От сего возрождаются неудовольствия между начальниками губерний и жандармскими штаб-офицерами, которые теряют чрез то силу и успех в делах, тогда как, действуя по точному смыслу данных им правил, они успевали бы и начальственные лица считали бы их вернейшими своими помощниками при устройении общего блага».

¹ Россия под надзором. С. 137.

Жандармы оказались поставлены в такие условия, когда вынуждены были следовать взаимоисключающим требованиям: с одной стороны, обращать внимание на «злоупотребления, беспорядки и законопротивные поступки»¹, а с другой – «сколь возможно домашним образом дать хорошее направление делам, отступающим от прямого пути» (приказ 1834 г. № 39).

Зачастую самым простым, невидимым, «домашним» способом воздействия становилось бездействие. Именно пассивность защищала от конфронтации, создавала искомый тандем управления и контроля, обеспечивала лестные отзывы губернского начальства, немаловажные для жандармской карьеры. На сложившуюся систему обратил внимание новый шеф жандармов А. Ф. Орлов. В приказе по корпусу жандармов № 59 от 26 апреля 1845 г. он указывал: «Замечено мною, что штаб-офицеры, находящиеся в губерниях, не делают мне донесений о важнейших происшествиях, так что я узнаю об оных совершенно другими путями». Поскольку таким молчанием дискредитировалась сама идея «высшей», наблюдательной полиции, Орлов был категоричен и предупреждал своих подчиненных, что «ежели кто из них, в случае каких-либо происшествий, не донесет мне об оных в то же время, то, приписав это к невнимательности их к своим обязанностям, буду отрешать таковых от должности».

Как видим, попытка создать эффективную систему жандармского контроля над губернской администрацией не дала желаемого результата, хотя отдельные субъективные факторы, личностные компоненты обеспечивали искомый результат – «предупреждение и отстранение всякого зла» хотя бы в локальных границах.

Другое противоречие жандармской службы – в Инструкции не без патетики утверждалось: «Сколько дел, сколько незаконных и бесконечных тяжб посредничеством вашим прекратиться могут (...). В вас всякий увидит чиновника, который через мое посредство [т. е. шефа жандармов. – О. А.] может довести глас страждущего человечества до престола царского и беззащитного и безгласного гражданина немедленно поставить под высочайшую защиту государя императора»². Возможность обеспечить защиту страждущим всегда особо подчеркивалась обладателями голубого мундира. В отчете за 1841 г. указывалось, что «неудовольствия против Корпуса жандармов» слышны только в высшем обществе, остальные слои населения «не только не жалуются, но во всех случаях прибегают к защите Корпуса жандармов, зная, что когда нигде уже не найдут правосудия, то здесь не от-

¹ Инструкция графа Бенкендорфа чиновнику III отделения. С. 396.

² Там же.

вергнут их, и это действие сделало то, что шефа жандармов называют больницей неизлечимых¹.

Каждодневную борьбу за справедливость вели губернские жандармские чины: «...в губерниях нет ни одного штаб-офицера, к которому не обращались бы обиженные и не искали бы его защиты; (...) нет дня в С.-Петербурге, чтобы начальник округа, начальник штаба, дежурный штаб-офицер не устраняли вражды семейные, не доставляли правосудия обиженному, не искореняли беззакония и беспорядков»². При этом жандармы были ограничены требованием п. 4 Дополнения к инструкции, который предписывал: «Вы не должны отнюдь принимать никаких просьб или жалоб на места и лица; ибо на сие есть определенный порядок и разные пути, законами установленные» (исключения допускались в случае «обстоятельств особенной важности») ³. По прошествии десятилетий, в начале 1860-х гг., когда возник вопрос о пересмотре жандармской инструкции и в одной из записок указывалось на нелогичность подобной практики, тогдашний шеф жандармов В. А. Долгоруков счел этот запрет уместным, ибо «письменные просьбы (...) служат к одному только кляузничеству со стороны ходатаев и к разорению просителей на уплату сочинителям прошений»⁴.

Весьма показательное требование Инструкции «даже по собственному влечению сердца» отыскивать «бедных и сирых, служащих бескорыстно верой и правдой» для оказания им «возможного пособия». Однако размах благотворительной деятельности ограничивался 2000 руб. сер. в год.

Публикация Инструкции графа А. Х. Бенкендорфа в «Русском архиве» сопровождалась редакционными разъяснениями о «самых благих намерениях» учредителей тайной полиции. Жандармский полковник П. В. Бачманов назвал ее «выпиской из св[ятого] Евангелия»⁵. Современные исследователи пишут о «демагогических словах Бенкендорфа», о насквозь фальшивых обещаниях о защите *бедных и сирых*⁶. Правда, Д. Рац считает, что обвинение создателей III Отделения в иезуитстве «слишком упрощено и однобоко». Истоки же благих начинаний автор склонен видеть в личных качествах Бенкендорфа⁷. Д. И. Олейников, вполне резонно отметив, что целью де-

¹ Россия под надзором. С. 269–270.

² Там же. С. 272.

³ ГАСО. Ф. 53. Оп. 9. Д. 25. Л. 10–10 об.

⁴ ГА РФ. Ф. 110. Оп. 3. Д. 988. Л. 8 об.

⁵ Инструкция графа Бенкендорфа чиновнику III отделения. С. 398; ГА РФ. Ф. 109. СА. Оп. 3. Д. 746. Л. 8 об.

⁶ Оржиховский И. В. Указ. соч. С. 59.

⁷ Рац Д. «Отрицательно-добрый человек» // Факел. 1990. М., 1990. С. 48–49.

тельности тайной полиции при Бенкендорфе было «не переустройство общества», а «оздоровление его при существующем устройстве», оценивает этот план как «грандиозный социальный проект»¹.

Думается, нет особых оснований ни для умиления чистотой помыслов А. Х. Бенкендорфа и Николая I, ни для обвинения их в лживости и лицемерии, ни для восторгов по поводу масштабности социального реформирования.

Жандармский штаб-офицер А. И. Ломачевский находил Инструкцию похожей на Наказ Екатерины II губернским прокурорам². Определенное созвучие можно заметить и с Наказом Александра I саратовскому губернатору, и с положениями закона «О главных начальниках губернии» и даже с проектами П. И. Пестеля³.

Поэтому можно утверждать, что идеал «благополучия и спокойствия», славословие о защите и покровительстве притесненных и т. п. – это расхожие официальные штампы, не лишённые элементов социальной демагогии. Корни их – в официальной доктрине власти, утвердившейся в начале XVIII в., – доктрине полицейского (регулярного) государства.

В первой половине XIX в. в России власть из *традиционной* (ограниченной традицией и обычаями) все больше становилась *законной*, т. е. законодательно определенной. Не подвергая сомнению исконные основы: патернализм, безграничную веру в могущество и священность особы монарха, – сама верховная власть эволюционировала в направлении к правовому государству, концепция которого доминировала в европейской либеральной правовой мысли того времени. Принципы естественного права и рационалистические основы законодательства периода просвещенного абсолютизма облегчали это движение.

Так, А. Я. Аврех, касаясь оценки документов екатерининской эпохи (и даже более ранней «Правды воли монаршей»), отмечал, что в них содержатся некоторые принципы буржуазного права, а непоследовательность в выражении этих идей говорит лишь «о начальной стадии процесса, о мере буржуазности, о том, что принцип этот провозглашен феодальным государством». Ссылаясь на вывод Н. И. Павленко о том, что начиная с Петра I генеральной идеей российского абсолютизма была идея «общего блага» и «всемирной пользы», А. Я. Аврех заключал: «Нетрудно видеть, что это основной

¹ Олейников Д. И. А. Х. Бенкендорф // Российские консерваторы. М., 1997. С. 81.

² Ломачевский А. И. Записки жандарма // Вестник Европы, 1872. № 3. С. 245.

³ Тарасов И. Т. Полиция в эпоху реформ. М., 1885. С. 6; СЗРИ. Изд. 1857 г. Т. 2. Ч. 1. С. 298–304; Восстание декабристов. Т. VII. М., 1958. С. 228–234; Экхтунт С. А. На службе российскому Левиафану. Историческо-социологические опыты. М., 1998. С. 231–240.

принцип буржуазного общества, сводящийся к идее гражданского равенства при якобы надклассовом государстве, выраженный в старомодной манере XVIII в.»¹.

В связи с этим важно и наблюдение Б. Н. Миронова отметившего, что до середины XIX в. под понятием *правовое государство* подразумевалось обеспечение индивидуальных прав граждан, свободы человека от угнетения его со стороны других людей, а не защиту от давления государства через предоставление народу гражданских и политических прав².

В одном из своих отчетов («Краткий обзор общественного мнения в 1828 г.») руководство III Отделения сформулировало общие, народные, представления о сути монархического начала в России. По мнению жандармских чиновников: «В глазах образованных классов и народа самыми ценными качествами Государя являются: Его способность к административной деятельности, Его любовь к правосудию, Его стремление самому все видеть, все знать, уничтожать злоупотребления, наказывать виновных и награждать за заслуги (...), показывая бюрократам и народу, что (...) *око земного Бога блюдет над ними подобно Провидению*»³. Хотя в Обзоре речь идет именно об «особе государя», из приведенной цитаты видно сколь органично включалась в систему российского абсолютизма жандармская организация.

Создание III Отделения и корпуса жандармов, определение в Инструкции задач этих учреждений – «споспешествовать благотворительной цели государя императора и отеческому его желанию, утвердить благосостояние и спокойствие всех в России сословий, видеть их охраняемых законами и восстановить во всех местах совершенное правосудие» – было попыткой абсолютистского государства обеспечить традиционными мерами и способами, без буржуазных преобразований и демократических институтов, движение к таким принципам государственности (равенство перед законом, торжество права над произволом и т. п.), универсальный характер которых был уяснен русским обществом со времени просветителей. Это желание подстроиться под принципы через усиление государственного проникновения, полицейскую заботу об *общем благе*, о каждом *слабом*, о *бедных и сирых*, через *отеческое* внушение или наказание. Учредителей III Отделения не смущало то обстоятельство, что их детище

¹ *Аврех А. Я.* Русский абсолютизм и его роль в утверждении капитализма в России // История СССР, 1968. № 2. С. 93; *Павленко Н. И.* Идеи абсолютизма в законодательстве XVIII в. // Абсолютизм в России (XVII – XVIII вв.). М., 1964. С. 399.

² *Миронов Б. Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начала XX в.). Т. 2. СПб., 2000. С. 142.

³ Россия под надзором. С. 33.

строилось на отрицании тех принципов, к которым они стремились: восстановить правосудие изъятием из судебного рассмотрения «неудобных» дел, охранять законами подданных через вторжение в частную жизнь, нарушая даже немногие сословные права и привилегии¹. Показательны слова, сказанные А. Х. Бенкендорфом издателю «Литературной газеты» А. А. Дельвигу: «Законы пишутся для подчиненных, а не для начальства, и вы не имеете права в объяснениях со мною на них ссылаться и ими оправдываться»². Право манипулировать законом для высших интересов государства – неперенный атрибут авторитарной власти.

Несовершенство законов, отсталость судебной системы подталкивали к административному рассмотрению дел для обеспечения видимости повсеместного присутствия власти: зло пресекалось, справедливость торжествовала именем государя. Таким образом, при общем движении к «правомерной бюрократической монархии»³ Николая I создание III Отделения – это своеобразное попятное движение: от недостижимой законности для всех к справедливости, обеспечиваемой вмешательством лично монарха; это апогей административной централизации (в плане выстраивания неформальной системы контроля властной вертикали). Вместе с тем принять утверждение И. М. Троицкого о том, что задача борьбы с бюрократической системой ставилась III Отделением «всерьез»⁴, именно всерьез принять нельзя. Как уже было показано, обремененные государственной властью «сильные лица» (п. 2 Инструкции) были фактически защищены и от жандармских «добрых внушений», и от гласного обнаружения «худых поступков перед правительством». Определенный простор деятельности оставался в гражданско-правовой сфере – защита «невинных жертв алчности», борьба с пагубными намерениями «воспользоваться собственностью ближнего», но и здесь отсутствие разработанной процессуальной системы предлагало носителям голубого

¹ Едкими замечаниями сопроводил краткий текст Инструкции современник – М. А. Дмитриев: «По первому же пункту инструкции давалась жандармам *carte blanche* действовать неограниченно и вступаться во все. Во втором говорится о правах граждан, которых нет; о наблюдении, чтобы они не были нарушены властью и сильными лицами, а этим – то самым учреждением и нарушалось первое необходимое право гражданина – безопасности и домашнего спокойствия (...). Но третьим пунктом нарушалась уже и семейная безопасность...» (*Дмитриев М. А. Указ. соч. С. 257–258*).

² Записки Александра Ивановича Кошелева (1812–1883 годы). М., 2002. С. 27.

³ *Миронов Б. Н. Указ. соч. С. 149.*

⁴ *Троицкий И. Жизнь Шервуда – Верного // Троицкий И. III-е отделение при Николае I. Л., 1990. С. 159.*

мундира исключительный, *надзаконный*, но «прямой и кратчайший путь к покровительству его Императорского Величества»¹.

Инструкция не разъясняла, а скорее маскировала характер конкретных действий жандармских офицеров. Что означало на практике требование «обратить особенное внимание» или «наблюдать»?

К тому же сфера жандармской компетенции была безграничной. «Впрочем, – говорилось в Инструкции, – нет возможности поименовать здесь все случаи и предметы, на кои вы должны обратить свое внимание, ни предначертать вам правил, какими (...) вы во всех случаях должны руководствоваться»². Н. П. Ерошкин полагал, что неопределенность и расплывчатость формулировок «давали чинам Корпуса жандармов широкий административный простор, а обязательство к активным действиям делало их важным межведомственным звеном местного управления»³. Не случайно заключительное наставление А. Х. Бенкендорфа вызвало появление значительного числа начальственных циркуляров.

И здесь выявляется еще одно противоречие: полная свобода действий заменялась мелочной регламентацией. По словам первого шефа жандармов и главного начальника III Отделения А. Х. Бенкендорфа, императором ему было предписано организовать «действенное наблюдение, которое со всех концов его обширной империи сходилось бы к одному органу»⁴.

В представленном к юбилею высшей полиции «Обзоре деятельности 3 Отделения с. е. и. в. к. и корпуса жандармов за 25 лет 1826–1850» обращалось внимание монарха на то, что новая структура создавалась для обеспечения «безопасности престола и спокойствия государства, «по собственной мысли его величества, развита по его личным указаниям»⁵. С одной стороны, император признавался соавтором, вдохновителем всех охранительных акций Отделения, с другой, все жандармские действия освящались авторитетом царской власти.

¹ Именно возможность нарушения существовавшей (несовершенной, но законной) системы производства дел по прихоти жандармских чинов ради «наилучших намерений» смущала современников. Ф. Ф. Вигель удивлялся: «Разве не было губернаторов, городских и земских полиций и, наконец, прокуроров, которые должны были наблюдать за законным течением дел? Неужели дотоле не было в России ни малейшего порядка? Неужели везде в ней царствовало беззаконие?» (Вигель Ф. Ф. Записки: В 2 кн. М., 2003. Кн. 2. С. 1210).

² Инструкция графа Бенкендорфа чиновнику III отделения. С. 397.

³ Ерошкин Н. П. Российское самодержавие. М., 2006. С. 189.

⁴ Бенкендорф А. Х. Воспоминания 1802–1837. С. 342.

⁵ ГА РФ. Ф. 109. СА. Оп. 3. Д. 533.

Созданная система обеспечивала оперативное получение информации из не зависящего от местной власти источника, что создавало иллюзию повсеместного наблюдения и контроля. А. Х. Бенкендорф докладывал императору, что подобные представления о деятельности корпуса жандармов вызывают негодование должностных лиц – от министров до губернаторов, которые «видят в нем род контроля их действиям и в чувстве этого неудовольствия приписывают ему далеко обширнейший круг действия», чем тот, что был им определен¹. Секретность методов получения сведений, негласные действия и контакты жандармов способствовали развитию представлений о наличии альтернативных источников информации с мест и из ведомств, существовании тайной «гласности», транслирующей наверх если не альтернативные, то иные оценочные суждения.

Результаты надзора в форме регулярных «всеподданнейших» докладов и ежегодных отчетов представлялись на рассмотрение императору. Годовые отчеты III Отделения, как правило, завершались «Нравственно-политическим отчетом» (в разные годы он назывался по-разному: «Картина общественного мнения», «Обозрение расположения умов и различных частей государственного управления»), в котором давалась общая картина общественных настроений в России и за рубежом, а также характеристика деятельности центральной администрации.

Эти разделы содержали размышления и оценки шефом жандармов состояния российского государства, самодержавной власти и русского народа. Характер этих текстов довольно специфичен, так как адресовались они единственному читателю, и монарху надо было рассказать о нем самом, «угадать» то, что он хотел слышать² и при этом сохранить видимость достоверности и не сбиться на лесть.

«Обозрения» отчетов 1830-х годов отражали психологически портрет императора, который, несмотря на внешнюю суровость и отчужденность, нуждался во внешней поддержке и одобрении. «Твердый, смелый, честный, искренний, великодушный, он создан для того, чтобы быть любимым, обожаемым»³, – так характеризовал правителя шеф жандармов. В отчете формулировались знаковые имиджевые черты, гарантировавшие народную любовь к самодержцу. Его деятельность рациональна, целесообразна и точна: «Преследование порока и злостности, награждение добрых, презрение к интриганам,

¹ Россия под надзором. С. 269.

² *Долбилов М. Д.* «...Угадывать волю Вашу»: роль советника в принятии императорских решений в России XIX в. // Петр Андреевич Зайончковский: Сборник статей и воспоминаний к столетию историка. М., 2008. С. 410–411.

³ Россия под надзором. С. 74.

большая строгость в соединении с кротостью, но никаких резких мер, особенно никаких придинок, которых боятся больше, чем самой тирании»¹. В отчете за 1832 г. отмечались «неутомимые труды Его на пользу государства», «неусыпное внимание Его ко всем отраслям государственного управления» и «семейные добродетели»².

Важно было подчеркнуть смирение и единение народа перед монархом: «Все единодушно любят Государя», но «в то же время боятся Государя и находят Его строгим»³.

Политическая система России коренным образом отличалась от системы европейских государств: «В России никому (говоря вообще) и мысль не приходит, чтоб Государь сделал худо, чтоб Государь мог сделать худо. Ропщут на министра, губернатора, судью и так далее, но никогда на Государя. Государь есть светлое солнце русских; второе Провидение их!» (1833 г.)⁴. Величие правителя не подлежало сомнению и не знало земных границ.

Вывод жандармского отчета подтверждался результатами надзора: «Высшее наблюдение, обращая бдительное внимание на расположение умов, может и в сей раз удостоверить, что преданность и любовь к Государю подданных Его нисколько не ослабевают»⁵ (1833 г.). Происки внешних врагов («вредные наущения и козни») лишь с новой силой демонстрировали эти народные чувства. На следующий год политическая полиция имела «счастье удостоверить, что чувства преданности, уважения и любви к Его Величеству с каждым годом возрастают»⁶.

В отчете за 1835 г. А. Х. Бенкендорф обращал внимание императора на то, что безграничное почитание монарха входит в число идеологических столпов системы: «Одно из прекраснейших свойств русского народа есть, конечно, то беспредельное, безусловное чувство преданности, которым он исполнен к своему Государю. Свойство сие несомненно составляет главнейшую силу нашего государства»⁷. Религиозное сознание освещало органичность понимания монархической идеи в народе: «...в слове Государь заключается для него все великое, все прекрасное, все совершенное, это есть чувство врожденное, которое благодать Божия даровала русскому народу»⁸.

¹ Там же. С. 74.

² Там же. С. 87.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 98.

⁵ Там же. С. 99.

⁶ Там же. С. 115.

⁷ Там же. С. 126.

⁸ Там же.

Император – символ и гарант величия России, особенно в условиях европейской политической нестабильности: «Государь есть единственная опора своих союзников, единственный оплот, удерживающий дальнейшее распространение смуты и беспорядка в Европе, и страшилище злых революционеров»¹. Только он один может остановить революционную крамолу и предотвратить гибель монархических режимов.

В отчете за 1836 г. вывод «относительно любви и преданности российского народа к Государю» вновь подтверждался результатами надзора с уточнением, что «чувство всеобщего доверия к Государю», утвердилось «в последние пять лет» и теперь «лучшего народного расположения к Государю поистине и желать не можно»². Любопытно, что «задним числом» признавалось преодоление некогда существовавшей проблемы «всеобщего доверия», ранее объявлявшейся генетическим свойством русского народа.

Можно говорить и о более явных попытках психологического влияния на действия монарха, на корректировку его имиджевого поведения, особенно в плане сочетания форм публичной самопрезентации монарха и обеспечения безопасности, заботы о здоровье императора во время его многочисленных поездок по России.

«Государь так мало Себя бережет; для чего так быстро ездит; какая надобность Ему ездить по ночам и тем подвергать Себя опасности и в то же время лишать целые населения счастья узреть своего Царя, счастья, столь жадно ими ожидаемого. Государь, говорили другие, и перед Богом имеет святую обязанность Себя беречь, Ему вручено благоденствие 50 миллионов народа, тесно связанное с Его существованием; для Него не дорожить Собою значит не дорожить участью своих подданных»³, – отмечал А. Х. Бенкендорф, обращаясь к монарху, от имени подданных, солидаризировавшихся с профессионалами охраны.

В отчете за 1838 г. вновь встречается обширный пассаж о верности народа своему древнему наследию – «наследию драгоценному, которому Россия обязана своим величием, спокойствием, которому во времена бедствия она обязана была своим спасением, одним словом, что русские и ныне всею душою любят Царя своего, безусловно Ему преданы и почитают Его не иначе, как всеобщим Отцом своим, благостию Божескою им дарованным»⁴. И вновь это суждение подтверждалось наблюдением за «духом народным» и «резкими изъяс-

¹ Россия под надзором. С. 127.

² Там же. С. 141.

³ Там же. С. 141–142.

⁴ Там же. С. 179.

лениями общественного мнения, которые обнаруживаются при всяком замечательном в Царственном Доме событии»¹.

Если в 1834 г. III Отделение деликатно отмечало, что «публика наша радуется всякому действию государя, в котором *мнит видеть* (курсив мой. – О. А.) наклонность Его к национальности»², то в отчете 1838 г. традиционное возвеличивание фигуры императора дополнилось акцентом на новом элементе внутренней политики – национализме: правление Николая I «убедило в постоянном и исключительном стремлении Его к возвышению всего русского, к покровительству всему отечественному и к искоренению рабского подражания иностранцам»³.

В отчете за 1839 г. хотя и допускалось, что в России есть группы, «недовольные правительством и даже могущие иметь личное неудовольствие против Его Величества», однако отмечался существовавший в обществе консенсус в оценке личности императора: «таковой именно царь должен владеть Россиею». В этом, как сказано в документе, убеждают «твердость его характера, непоколебимое мужество, правосудие, великодушие и щедрость в наградах»; а «всего более привлекает к Нему сердца русских это видимое покровительство русской национальности»⁴.

Руководство политической полиции фиксировало, что о Николае I «люди благонамеренные и недовольные говорят согласно, что это истинно русский царь и что такого русского царя не было на престоле от времен Петра Великого, и это самое составляет величайшую, нравственную силу Государя во всех сословиях народа»⁵.

В следующем годовом отчете деликатно отмечалось: «...нельзя сказать, чтобы 1840 год являл нам общественное стремление духа в тех же хороших видах, в каком проявлялся дух народный во все предшествовавшие годы царствования Государя Императора». Шефу жандармов было «прискорбно говорить неприятную истину», но долг службы обязывал доложить, «что собственно на лицо Государя нет еще ропота, но кроется повсюду какое-то общее неудовольствие, которое можно выразить одним словом, писанным к шефу жандармов из Москвы: “не знаю, а что-то нехорошо!”»⁶

¹ Там же.

² Там же. С. 114.

³ Там же. С. 181.

⁴ Там же. С. 218.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 241.

В 1841 г. с депрессивными настроениями, видимо, было уже покончено, и в «Нравственно-политическом отчете» утверждалось: «Россия не имела еще Государя столь правосудного»¹. Традиционными было и славословие в адрес императора, который «исполнен великого ума, желания добра, силы духа, добрый семьянин, рыцарь своего слова»². Достоверность эпитетов – вторична (о связи «добротного семьянина» с В. А. Нелидовой знали не только в ближнем окружении императора), важно, что император хотел видеть себя таким, и российская спецслужба декларировала желаемое.

Любопытна оценка результатов деятельности правителя: «При виде и ощущении некоторых недостатков не слышно ни ропота, ни же неудовольствия, но только некоторая скорбь и соболезнование, и полагают, что устранение зла по всем частям и предметам, зла, существующего большею частью уже издавна, даже десятками и сотнями лет, требует предварительных и обширных соображений и величайшей осторожности, что все новое должно быть вводимое с наивозможной осмотрительностью, тихо, медленно, кротко»³. Что это, как не признание застоя, правительственной апатии и бессилия? С другой стороны, приведенный текст можно трактовать и как предупреждение, предостережение от неоправданного радикализма перемен.

Однако вскоре ситуация меняется, образцом для имиджевой модели Николая I становится первый российский император. Если в отчете 1839 г. Николай I – это лишь национальный лидер («истинно русский царь», «такого русского царя не было на престоле от времен Петра Великого»⁴), то в отчете за 1842 г. это уже монарх-созидатель: «Публика рассуждает, что царствующий Государь, подобно державному предку своему великому устройтелю России, не останавливается препятствиями к достижению полезных целей; что Он спешит совершить при себе все, что можно, и не одного важного предмета не оставляет без живительного внимания; что все части государственного управления равно влекут на себя попечительную его заботливость»⁵.

Бенкендорф перечислял «необъятные труды Его» (1843 г.): «...усовершенствование законодательства; устройство различных частей государственного управления; поощрение наук, искусств, художеств и промышленной деятельности; воспитание юношества; образова-

¹ Россия под надзором. С. 268.

² Там же. С. 255.

³ Там же. С. 268.

⁴ Там же. С. 218.

⁵ Там же. С. 287–288.

ние войск; усиление флота; распространение внутренних сообщений, шоссе, железных дорог; устройство городов; сооружение крепостей, публичных зданий и памятников славы народной – на все обратил Он свое животворное внимание!»¹

Перья жандармских аналитиков рисуют портрет Николая I – не просто ревностного продолжателя дела Петра Великого, а создателя, превзошедшего своего великого предка: «Если бы Император Петр I посмотрел теперь на Россию, вызванную им из состояния дикого невежества, и на столицу, которой основание положил он на зыбком болоте, то не узнал бы своих созданий: ибо успехи вкуса и просвещения равно отразились на граните и на людях. Сколько нужно было усилий его преемникам, чтобы преобразить эту страну и развить начала ее величия!»²

Вершина конструирования имиджа императора была достигнута: в историческом прошлом России Николаю I уже не было конкурента.

В 1850 г. в «Обзоре деятельности 3 Отделения с. е. и. в. к. и корпуса жандармов за 25 лет» отмечалось: «Русские всегда любили своих государей: император есть светлое солнце их, земной бог, второе проведение. Его благодаря[т] за все, чем наслаждаются в жизни, они не относят к нему тягостей, которым иногда подвергаются, и никому в мысль не приходит, чтобы действия его были или могли быть ошибочными»³.

Сменивший А. Х. Бенкендорфа гр. А. Ф. Орлов продолжил традицию прямого восхваления монарха: «При рекрутских наборах, обременительных для многочисленной части жителей, народ погружается во временное уныние и смиренно исполняет повинность, утешает себя словами: “Царь знает, что делает. Ему нужны войска, у него много врагов”. Такие чувства русского народа, искони составлявшие отличительную черту его, доселе не изменились. Еще более Его Величество своими личными достоинствами привлек к себе всеобщее доверие и любовь народа. Действия его носят на себе отпечаток некоего величия, и притом величия Русского. В нашем народе отвага есть одно из главных качеств, и царственная смелость, с которою государь действует во всех случаях, грозящих опасностью, всегда восхищала его подданных»⁴.

Последующие обзоры ежегодных отчетов николаевского времени наполнены обличениями происков завистников и врагов Рос-

¹ Там же. С. 316.

² Там же.

³ ГА РФ. Ф. 109. СА. Оп. 3. Д. 533. Л. 53 об. – 54.

⁴ Там же. Л. 54 об. – 55.

сии, признанием повсеместного народного одушевления «чувством любви к Отечеству» и «истинной преданности к Царю»¹.

Успокоительная лесть и бравада, поиск внешних врагов и убежденность в народной любви к правителю – такими методами III Отделение не просто оповещало императора о ситуации в стране, но и формировало его самооценку, убежденность в собственной исключительности и богоизбранности.

Говорить правду могло позволить себе только лицо, облеченное особым доверием императора.

Выбор на место главы политической полиции боевого генерала (в 1821 г. А. Х. Бенкендорф был произведен в генерал-лейтенанты) был понятен: после более чем десятилетия европейских войн именно высшие военные чины могли претендовать на место в управленческой элите. В пользу А. Х. Бенкендорфа говорило участие в подавлении бунта Семеновского полка (16–18 октября 1820 г.), правда, эти действия вызвали неудовольствие Александра I; самоотверженность, проявленная им во время петербургского наводнения в декабре 1824 г., и уверенные действия при подавлении восстания 14 декабря 1825 г. Но, пожалуй, главным фактором был его интерес к делу обеспечения государственной безопасности. Еще в мае 1821 г. он с санкции командира гвардейского корпуса И. В. Васильчикова передал записку М. К. Грибовского о «Союзе благоденствия» императору. «Донос» или превентивное предупреждение об опасности осталось без внимания². В истории с запиской С. А. Экштут видит не осторожность начальника, опасавшегося возможных обвинений в попустительстве, а особую мудрость и проницательность выпускника пансиона аббата Николая в Петербурге: «...генерал Бенкендорф был первым, кто понял опасность людей, поверхностно образованных, но тщеславных и амбициозных, для судеб государства и нации»³.

С началом нового царствования А. Х. Бенкендорф оказывается в ближнем окружении императора, участвует в работе Верховной следственной комиссии по делу декабристов. В апреле 1826 г. он представил императору уже упоминавшуюся «Записку о высшей полиции», в которой обосновал необходимость создания централизованной организации, контролирующей всю территорию империи и опирающейся не на «всеми презираемое сообщество шпионов», а на нравственную силу и авторитет⁴. Далее последовало назначение главным начальником III Отделения Собственной Его император-

¹ Россия под надзором. С. 440.

² Бибиков Г. А. Х. Бенкендорф и политика императора Николая I. С. 107.

³ Экштут С. А. На службе российскому Левиафану. С. 225–226.

⁴ Бибиков Г. Указ. соч. С. 123.

ского величества канцелярии (25 июля 1826 г.). Видимо, понимая неминуемые репутационные издержки и желая подчеркнуть значимость новой должности, император назначает Бенкендорфа ещё и командующим Императорской главной квартирой. Об этом писал и он сам: «С тем, чтобы сделать эту службу для меня более приятной, император милостиво добавил к ней должность начальника его главной квартиры»¹.

А. Х. Бенкендорф гордился, что свои обязанности он осуществлял «без осуждения общественным мнением»: «Я был вполне счастлив, имея возможность делать добро, оказывать услуги многим людям, вскрывать много злоупотреблений и особенно предотвращать много несчастий»². По признанию сенатора П. Г. Дивова (1831 г.), А. Х. Бенкендорф управляет высшей полицией «с большим умом и не отвлекает спокойствия императора совершенно ненужными доносами»³. При появлении слухов о тяжелой болезни главы полиции П. Г. Дивов записал в дневнике (2–4 марта 1837 г.): «Все боятся потерять его, зная, что он умеет быть снисходительным к увлечениям и ошибкам молодых людей. Стоя во главе тайной полиции, имея возможность делать много вреда, он не делает никому зла»⁴. Суждения современника вполне коррелируют со строками «Обзора деятельности III Отделения», написанными уже после смерти шефа жандармов: «Гнушающийся всяким преступлением и нечестным делом, он с пылкостью преследовал злоупотребления, безнравственность, а тем более людей, опасных для правительства и общественного спокойствия, но в то же время питал в душе своей столько любви к ближним и сострадания, что был чрезвычайно разборчив в делах строгости, не оставляя дознанных преступлений без преследования, он всегда умел заметить те обстоятельства, по которым можно или должно было оказать снисхождение. С тем вместе он был постоянным ходатаем за всякого притесненного или засуживающего монаршей милости. От этого управление его, никогда не терявшее вида строгости, имело в то же время вид снисходительного и самого доброжелательного...»⁵

В то же время современники порицали А. Х. Бенкендорфа за то, что он мало вникал в дела Отделения, не отличался настойчивостью в отстаивании своих взглядов, был равнодушен к общему ходу дел

¹ Бенкендорф А. Х. Воспоминания. С. 343.

² Там же.

³ Из дневника П. Г. Дивова // Русская старина, 1899. Т. 100. № 10–12. С. 541.

⁴ Там же // Русская старина, 1900. Т. 104. № 10–12. С. 488.

⁵ ГА РФ. Ф. 109. СА. Оп. 3. Д. 533. Л. 3 об. – 4 об.

в государстве. Хорошо изучивший его поведение на заседаниях Государственного совета М. А. Корф так характеризовал шефа жандармов: «Граф Бенкендорф. Бывает в Совете для одной формальности, не обращая никакого внимания на докладываемые дела. При добром сердце и благородстве чувств большое ничтожество»¹.

Новый шеф жандармов и главный начальник III Отделения (назначен 17 сентября 1844 г.) Алексей Федорович Орлов (1786–1861) имел в своем послужном списке записи об отличиях в сражении под Аустерлицем (1805), участвовал в сражениях под Гейльсбергом и Фридландом (1807), под Витебском и Смоленском (1812), был ранен при Бородино, но вскоре вернулся в армию и сражался под Красным; участвовал в заграничных походах русской армии, в турецкой кампании (1828–1829). Он привлекался для выполнения дипломатических поручений, сопровождал императора в поездках по стране и за границу; имел опыт участия в подавлении вооруженного выступления 14 декабря 1825 г. и «холерного бунта» 1831 г. в С.-Петербурге, восстаний в Новгородских и Старорусских военных поселениях. Репутация А. Ф. Орлова не была однозначной. «Беспечный, но честный Бенкендорф заменился столь же беспечным, но и бесчестным Орловым»², – писал К. И. Фишер, указывая, что «Орлов начал с того, что со всех почти акционерных обществ брал деньги за покровительство»³. В обществе настойчиво говорили о небескорыстном отстаивании им интересов по тяжбам частных лиц в судах, каких-то финансовых махинациях с акциями золотых приисков, способствовавших его обогащению, перепродаже казне полученного от государя в подарок дома⁴. Заняв столь важный пост, А. Ф. Орлов, видимо, перестал быть акционером-золотопромышленником⁵, тем не менее молва продолжала искать коррупционное объяснение его богатствам.

¹ Корф М. А. Дневники 1838 и 1839 гг. М., 2010. С. 263.

² Фишер К. И. Записки сенатора. М., 2008. С. 128.

³ Там же. С. 264.

⁴ Долгоруков П. В. Петербургские очерки. С. 323–324.

⁵ Во всяком случае, в «Мнении Государственного совета» по делу о Платоновском и Ольгинском золотосодержащих приисках отмечено: «Впоследствии граф Орлов по случаю назначения его Шефом Жандармов и отказался за себя от права, дарованного ему на известную долю прииска» (Сборник Высочайше утвержденных мнений Государственного совета по гражданским делам 1850–1851. СПб., 1851. С. 188). О заинтересованности А. Ф. Орлова в иске против разработчиков приисков свидетельствовал и К. Н. Лебедев (Из записок сенатора К. Н. Лебедева // Русский архив, 1910. № 8. С. 495–496).

А. Ф. Орлов, как и А. Х. Бенкендорф¹, был крупным землевладельцем, но значительно превосходил его в количестве находящегося в его собственности земель. В 1852 г. у него было приобретенное имение с 700 душами м. п. и 10 000 десятинами земли, а также 66 000 десятин незаселенных земель в Воронежской и Симбирской губерниях, а у его супруги более 9000 душ м. п. и 70 000 десятин земли в родовых имениях Владимирской, Рязанской и Смоленской губерниях².

В официальном «Обзоре деятельности III Отделения», подписанном самим А. Ф. Орловым, отмечалось: «С самого начала он увидел, что граф Бенкендорф обо всем доводил до сведения Его Величества, руководствовался только теми правилами, которые истекали от монаршей воли и вообще действовали по собственным мыслям и указаниям его величества. Поэтому граф Орлов, ничего не изменяя, старался продолжить дела вверенной ему части в духе и направлении своего предместника»³.

Изменения касались порядка рассмотрения частных дел, обращение к рассмотрению которых подрывало «достоинство высших судебных мест» и вело к многочисленным неоправданным ходатайствам. Вычеркнутая из «Обзора» фраза поясняет мысль: «При том же часто покровительства шефа жандармов искали такие люди, выставившие себя угнетенными, которые, как оказывалось впоследствии, не заслуживали участия»⁴.

Об этом же говорили современники, правда подчеркивалось, что А. Ф. Орлов не был невинной жертвой заблуждения, а преследовал свои корыстные интересы, будучи известен «своей хитростью, своим эгоизмом и ненасытной жадностью к деньгам»⁵. Может быть, поэтому в «Обзоре» сделан акцент на правовых методах действий шефа жандармов при разрешении частных споров: «Зная, что его величество, облеченный самодержавною, неограниченною властью, сам всегда изволит действовать, не выступая из круга законов, гр. Орлов употребляет все старание, чтобы распоряжения его были сколь возможно законны и согласны с юридическими формами»⁶.

¹ В 1842 г. у него было родовое имение 600 душ м. п., 7000 десятин земли в Тамбовской губернии и приобретенное: мыза Фалье около Ревеля в Эстляндской губернии и 29 000 десятин земли в Бессарабской области (*Шилов Д. Н.* Государственные деятели российской империи. 1802–1917. Биобиблиографический справочник. СПб., 2001. С. 71).

² Там же. С. 483.

³ ГА РФ. Ф. 109. СА. Оп. 3. Д. 533. Л. 111 об. – 112.

⁴ Там же. Л. 112 об.

⁵ *Долгоруков П. В.* Петербургские очерки. С. 184.

⁶ ГА РФ. Ф. 109. СА. Оп. 3. Д. 533. Л. 112 об. – 113.

Текущая работа III Отделения направлялась управляющим. Первым был действительный тайный советник М. Я. фон Фок (1826–1831), ранее возглавлявший Особенную канцелярию Министерства Внутренних дел и много сделавший на новом месте службы для становления системы агентурного надзора и сыска. О его репутации много говорит краткая запись в дневнике А. С. Пушкина: «На днях скончался в Петербурге фон Фок, начальник Третьего отделения государственной канцелярии (тайной полиции), человек добрый, честный, твердый. Смерть его бедствие общественное»¹. Ф. Ф. Вигель видел достоинство фон Фока в том, что он далеко не всю информацию, получаемую от агентов, докладывал шефу жандармов и пускал в ход: М. Я. фон Фоку «было весьма удобно большую часть ложных доносов, не доводя до его [А. Х. Бенкендорфа] сведения, бросать в камин, тем более что беспрестанно увеличивающееся число их было не в соразмерности с числом трудящихся в канцелярии»².

М. Я. фон Фока сменил действительный статский советник А. Н. Мордвинов (1831–1839). Личностью он был противоречивой – представитель «инквизиции из убеждений»³, по словам А. И. Герцена, а по словам другого эмигранта, П. В. Долгорукова, «человек крутой и суровый, но умный и бескорыстный». По мнению К. И. Фишера, именно А. Н. Мордвинов использовал репрессивную систему тайной полиции для сведения личных счетов: «Мордвинов совершал оружием Третьего отделения злодейства инквизиции»⁴. До сих пор остаются неясными обстоятельства его отставки. По официальной версии, он был уволен за пропуск в сборнике «Сто русских литераторов» портрета с факсимильной подписью государственного преступника писателя-декабриста А. А. Бестужева (Марлинского).

Подтекст этого дела пояснял барон М. А. Корф: «...таким образом черты и подпись государственного преступника, умершего и политически и физически, увековечивались в потомстве в виде правительства и как бы в насмешку над правосудною его карою»⁵. Но возникает вопрос, как чиновник, который, по словам А. В. Никитенко, «ловит каждую мысль, грызет ее, обливает ядовитою слюною и открывает в ней намеки, существующие в его низкой душе», мог совершить такую ошибку?

Версий, объясняющих появление печатного портрета, несколько. С одной стороны, И. М. Троицкий полагал, что А. Н. Мордвинов «по

¹ Пушкин А. С. Из дневника 1831 года // Собр. соч. в 10 т. Т. 7. М., 1962. С. 309.

² Вигель Ф. Ф. Указ. соч. С. 1210.

³ Герцен А. И. Собр. соч. в 30 т. М., 1954–1965. Т. 2. С. 205.

⁴ Фишер К. И. Указ соч. С. 260–263.

⁵ Корф М. А. Записки. М., 2003. С. 79.

небрежности» пропустил в печать портрет, намекая на причастность к этому делу Л. В. Дубельта, который давно под него «подкапывался»¹. Другие исследователи (И. В. Порох, Н. Я. Эйдельман) допускали возможность некой фронды и преднамеренного пропуска книги с портретом, акцентируя внимание на том, что впоследствии сын А. Н. Мордвинова исповедовал достаточно радикальные взгляды, посещал кружок М. В. Петрашевского, участвовал в оппозиционном движении конца 1850-х гг.² Эта «самоубийственная» версия вполне резонно опровергается В. Э. Вацуро, полагавшим, что в публикации портрета не было «политического криминала»³. Изъятие из сборника одного портрета Александра Марлинского – под этим псевдонимом разрешалась III Отделением публикация сочинений писателя-декабриста – вызвало бы излишний интерес к этой фигуре и нежелательные толки. Иной логики придерживался император, не потерпевший прямого нарушения закона. Узнав об увольнении А. Н. Мордвинова, К. Н. Лебедев записал в дневнике: «Мордвинов престранной наружности и образа жизни; ни один человек не отзывался о нем с хорошей стороны, всякий боялся его по занимаемому месту, он считал себя непоколебимым, как хранитель тайн, которых, право, гроша не стоят (...). Этот человек холодный и презрительный»⁴. Однако он не был предан забвению. В отчете за 1841 г. шеф жандармов, вспоминая былые обвинения по его адресу, отмечал, что теперь о вятском губернаторе А. Н. Мордвинове «не слышать ни одного дурного слова», и он «ныне может почестся одним из лучших губернаторов»⁵.

Преемником А. Н. Мордвинова стал генерал-майор (позже генерал-лейтенант) Л. В. Дубельт (1839–1855) – фигура необычайно интересная и противоречивая, по оценке современников. В цитируемом выше отчете шефа жандармов (1841 г.) новый управляющий III Отделением характеризовался как чиновник, который «сколько можно уделяет времени на добрые дела, ибо честность и доброта суть наклонности его сердца»⁶. Однако многие не согласились бы с подобным утверждением⁷.

¹ Троицкий И. Указ. соч. С. 50.

² Порох И. В. История в человеке. Саратов, 1973.

³ Вацуро В. Э. Гиллельсон М. И. «Сквозь умственные плотины». Очерки о книгах и прессе пушкинской поры. М., 1986. С. 226–227.

⁴ Лебедев К. Н. Из записок сенатора // Русский архив, 1910. № 7. С. 396.

⁵ Россия под надзором. С. 272.

⁶ Там же.

⁷ Доносы на Леонтия Васильевича Дубельта (Из материалов секретного архива III Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии) // Российский Архив (История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.). Вып. XIV. М., 2005. С. 125–145.

Леонтий Васильевич Дубельт происходил из небогатой дворянской семьи¹, по окончании Горного кадетского корпуса (1807 г.) он начал службу в Псковском пехотном полку. Участвовал в Отечественной войне 1812 г. и Заграничных походах 1813–1814 гг. В 1822–1828 гг. был командиром Старооскольского пехотного полка, потом вышел в отставку по семейным обстоятельствам. Был знаком со многими членами тайных обществ (М. Ф. Орловым, князем С. Г. Волконским и др.). По свидетельству Н. И. Греча, считался «одним из первых крикунов-либералов в Южной армии»², участия в деятельности тайных обществ не принимал и к следствию по делу декабристов не привлекался.

Оказавшись без средств к существованию, Дубельт вынужден был отправиться в С.-Петербург и поступить на службу (1830 г.) в Отдельный корпус жандармов. Видимо решение это давалось нелегко. В письме к супруге он оправдывал свой выбор: «Ежели я, вступая в корпус жандармов, сделаюсь доносчиком, наушником, тогда доброе мое имя, конечно, будет запятнано. Но ежели, напротив, я, не мешаясь в дела, относящиеся до внутренней полиции, буду опорой бедных, защитой несчастных; ежели я, действуя открыто, буду заставлять отдавать справедливость угнетенным, буду наблюдать, чтобы в местах судебных давали тяжёлым делам прямое и справедливое направление, – тогда чем назовешь ты меня? Не буду ли я тогда достоин уважения, не будет ли мое место самым отличным, самым благородным? Так, мой друг, вот цель, с которой я вступаю в корпус жандармов»³.

В 1831 г. он был утвержден дежурным штаб-офицером, а в 1835 г. – начальником штаба корпуса жандармов с производством за отличие по службе в генерал-майоры. Через три года он был зачислен в свиту Его Императорского Величества с оставлением в прежней должности, а 24 марта 1839 г. Л. В. Дубельт был назначен начальником штаба корпуса жандармов и управляющим III Отделением Собственной Его Императорского Величества канцелярии, а также членом главного управления цензуры и секретного комитета о раскольниках.

Хорошую возможность изучить систему мировоззренческих ценностей, рисков и опасностей дают сохранившиеся записки Л. В. Дубельта. Исходя из этого текста можно понять, чем руководствовался, от чего защищал государство и к чему стремился в своей ежедневной деятельности управляющий III Отделением. Традицию само-

¹ Прошение М. Г. Дубельт // Российский Архив (История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.). Вып. XI. М., 2001. С. 18–19.

² Греч Н. И. Записки о моей жизни. М., 1990. С. 269.

³ Дубельт Е. И. Леонтий Васильевич Дубельт. Биографический очерк и его письма // Русская старина, 1888. № 11. С. 501.

державного правления Л. В. Дубельт считал основой благополучия российского государства. Монархию он полагал закономерным, естественным ходом вещей: «Ведь в небе Бог один, на небе солнце одно и в семье отец один, так как же быть царям многим?»¹ Своего государя русский народ боготворит, он олицетворение силы и могущества русского государства: «Россия велика и сильна; русский Царь у себя, дома, Бог земной!»²

Не признавая западных ценностей и порядков, он не считал Россию страной восточной политической традиции. «Наше правление, – полагал он, – стоит на самой середине между кровавым деспотизмом восточных государств и буйным безначалием западных народов. Оно самое отеческое, патриархальное, и потому Россия велика и спокойна»³. По его мнению, главные черты «общей физиогномии государства: довольство, мир, тишина, трудолюбие»⁴. Стабильность и спокойствие – результат следования замыслам Провидения: «Мы знаем, что несть власть, иже не от Бога; знаем, что лучше иметь одного владыку, чем иметь их двести тысяч; что лучше покоряться законному, могучему властителю, который силен и защитит нас, чем повиноваться буйной, необразованной черни, которая умеет только жечь да грабить»⁵. Гармония в природе – результат воплощения божественного порядка, а самодержавный строй органичен для верноподданного русского монарха: «Теперь же все тихо у нас, потому что образ правления нашего самый настоящий, сходный с природою, сходный с потребностями человека благомыслящего»⁶.

Развитие государства невозможно без просвещения. «Просвещение, – в понимании Л. В. Дубельта, – должно состоять в познании и исполнении своих обязанностей; в развитии добрых склонностей; в присвоении себе самых высоких мыслей и самых благородных правил всех мудрых и добродетельных людей всех веков; в умении размышлять и владеть собою». Просвещение должно учить смирению и богобоязни, почитанию начальников и исполнению своих служебных обязанностей, принятию и сохранению своего социального статуса: «Человек истинно просвещенный знает, что он должен прежде всего исполнять свои обязанности и что права его сами собою воз-

¹ Дубельт Л. В. Вера без добрых дел мертвая вещь // Российский Архив (История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.). М., 1995. Т. VI. С. 126.

² Там же. С. 136

³ Там же. С. 133.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 129.

⁶ Там же. С. 130.

никнут и осуществляются»¹. Многознание, ученость не равнозначны подлинной просвещенности. «Истинное просвещение должно быть основано на религии; тогда оно и плоды принесет сторицею»², – полагал Л. В. Дубельт. Формировалось такое подлинное просвещение, по его мнению, через воспитание: «Воспитание порождает смуты и беспорядки нашего времени. Воспитание, худое направление мыслей, привычка считать себя умнее других – вот настоящие причины неустройства»³.

Другая опасность для государства связана со свободой слова, свободой книгопечатания. Он полагал, что «хороший человек не станет читать худых книг, порочного и безнравственного листка и в руки не возьмет; а дурному человеку никакая цензура не помешает доставать худые книги. Запрещение, напротив, еще более раздражает любопытство и заставляет прочесть какую-нибудь скверность»⁴.

Оппонентов власти Л. В. Дубельт называл «наши умники»⁵, «наши умники и крикуны», «наши горячие головы», «наши передовые люди, как они себя называют»⁶ и «наши журналисты»⁷. Главный их недостаток в том, что они не знают русского народа, а если б узнали, то поразились «его патриархальной простоте, врожденному уму, высокому рассудку и глубокой покорности»⁸. Он предостерегал вольнолюбцев: «Не троньте этот народ, оставьте его в патриархальной простоте и во всем природном его величии; а ежели вздумаете прививать к нему западные идеи да начнете мудрить, – худо будет!»⁹ Рациональные модели совершенствования государственного механизма, критики отдельных частей управления, считал он, должны корректироваться традицией, правилом, нормой, соответствовать общепризнанным ценностям, вызывать позитивное эмоциональное отношение и одобрение власти.

Всеобщая любовь к власти и существующему порядку не вызывала сомнений у управляющего политической полицией, самобытность за подданными признавалась лишь в праве на межличностные пердряги и бытовые конфликты.

¹ Дубельт Л. В. Вера без добрых дел мертвая вещь. С. 136.

² Там же. С. 128.

³ Там же. С. 131.

⁴ Там же. С. 130.

⁵ Там же. С. 128, 129, 140.

⁶ Там же. С. 125.

⁷ Там же. С. 127.

⁸ Там же. С. 129.

⁹ Там же.

Верный страж престола и общественной безопасности Л. В. Дубельт боготворил идею самодержавной власти и ее носителей. Гарантию счастливой жизни в своем Отечестве он видел в жизни по правилам: «...только не тронь никого, исполняй свои обязанности, и тогда нигде не найдешь такой свободы, как у нас, и проведешь жизнь свою, как в Царстве Небесном»¹. Главные опасности для государства, он полагал, крылись в необдуманных реформах власти и свободомыслии подданных. Отстаивая необходимость существования бдительной цензуры («совершенная свобода книгопечатания есть бич человечества»²), он тем не менее признавал, что «мы не в силах уничтожить свободомыслия»³. Л. В. Дубельт писал не всегда правдиво, но всегда правильно, как того требовала власть. Он мечтал о своеобразном «железном занавесе»: «Не впускать бы в Россию ни одного иностранца – вот и все тут; да та беда, что этого сделать невозможно»⁴. Предлагал выслать «умников» к своим единомышленникам на Запад, а ученость отпускать «только по рецепту правительства»⁵.

Своеобразным заветом охранителя самодержавного строя мог бы быть слоган: «Порядок в мыслях, порядок в поступках»⁶. Несмотря на столь праведный ход мыслей, в памяти современников Л. В. Дубельт остался олицетворением полицейского произвола, злоупотреблений и бесчестной наживы. А. М. Петров указывал на ходившие слухи «о каких-то важных злоупотреблениях не совсем бескорыстного свойства»⁷. Об участии Л. В. Дубельта в ночных оргиях с картежной игрой у А. Г. Политковского, растратившего более миллиона рублей казенных денег, свидетельствовали (по слухам) многие современники⁸. На его личную нечистоплотность указывали и авторы

¹ Там же. С. 128.

² Там же. С. 115.

³ Там же. С. 125.

⁴ Там же. С. 129.

⁵ Там же. С. 113.

⁶ Там же. С. 129.

⁷ *Дубельт Л. В. Дневник // Российский Архив (История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.)*. М., 1995. Т. VI. С. 275.

⁸ Там же. С. 331–332; *Долгоруков П. В. Правда о России*. Т. 1. С. 7; *Н. Г. Леонтий Васильевич Дубельт. К истории III отделения // Русская старина*, 1880. Т. XXIX. С. 127–128. Сын Л. В. Дубельта Михаил опровергал слух о карточной игре у А. Г. Политковского, где он сам ребенком бывал и ничего не видел. Приводит он и рассказ о том, что когда Николаю I стало известно о попытке дать Л. В. Дубельту взятку, то император якобы произнес, что и у него недостаточно денег, чтобы подкупить Дубельта. См. также: *Гернет М. Н. История царской тюрьмы*. М., 1961. Т. 2. С. 443–454; *Абакумов О. Ю. Третье отделение на страже нравственности и благочиния. Жандармы в борьбе со взятками и пороком 1826–1866*. М., 2017. С. 174–177.

анонимных писем, адресованных Александру II¹. Достоверность этих сведений довольно сомнительна. Во всяком случае нажитых средств Л. В. Дубельту не хватило на обеспечение своей старости, и умер он в 1862 г. в бедности².

Символичным представляется тот факт, что последним дежурным при гробе умершего императора Николая I был именно управляющий III Отделением Л. В. Дубельт³. С этой смертью в прошлое уходила целая эпоха, основанная на государственном произволе, беззаконии, всесилиии тайной полиции.

К числу важнейших мер нового царствования, определивших на десятилетие направление и стиль действий тайной полиции, следует отнести перемены в руководстве III Отделения. Далекий от полицейских забот, главный начальник III Отделения А. Ф. Орлов был назначен (5 апреля 1856 г.) председателем Государственного Совета и Комитета министров, а снискавший всеобщую ненависть управляющий этим отделением Л. В. Дубельт вынужден был вскоре оставить службу.

Новым главным начальником III Отделения и шефом жандармов был назначен В. А. Долгоруков (1803–1868 гг.), занимавший этот пост в течение десяти лет. Несмотря на отсутствие у бывшего военного министра (1852–1856 гг.) таланта государственного деятеля, этот выбор можно признать удачным. Чем же руководствовался Александр II, назначая на столь влиятельный пост обанкротившегося, казалось бы, политика (его бездействие в годы Крымской войны стало притчей во языцех)? Думается, критериев было несколько.

Прежде всего это, конечно, личная близость к Александру II. С ним В. А. Долгоруков сблизился, когда тот был еще наследником престола. Он сопровождал Александра Николаевича во время его поездок за границу в 1838–1840 гг. и одно время даже управлял его двором.

Обращала на себя внимание удивительная камертонность В. А. Долгорукова. Он легко подстраивался и сносил все причуды своих служебных начальников: инспектора резервной кавалерии А. П. Никитина (при нем он исправлял должность начальника штаба

¹ ГА РФ. Ф. 109. С.А. Оп. 3. Д. 534.

² В записке, адресованной шефу жандармов В. А. Долгорукову, сообщалось о посещении больного Л. В. Дубельта незадолго до его смерти: «...он чество уверяет, что большая часть содержания, им получаемого, обращалась на уплату его долгов. Что долги эти до сих пор не очищены и что в настоящее время он решительно не имеет средств на zapлату ни за лекарства, ни доктору, ни за квартиру, ни за пищу» (ГА РФ. Ф. 109. 2 эксп. 1862. Д. 215. Л. 1 об.).

³ ГА РФ. Ф. 638. Оп. 1. Д. 21. Л. 21.

в 1841–1848 гг.)¹, военного министра А. И. Чернышева, будучи его товарищем в 1848–1852 гг. При этом поразительная исполнительность сочеталась в нем с полной безынициативностью. В официальной истории военного министерства отмечалось, что А. И. Чернышев постоянно убеждал Николая I, что «устройство военного управления находится на желательной степени совершенства, не требуя никаких существенных изменений». Сменивший его В. А. Долгоруков, «поглощенный заботами по приготовлению армии к колоссальной борьбе, в своих всеподданнейших отчетах обходил этот вопрос молчанием, и, таким образом, до самой кончины императора Николая I ни единого слова критики не было произнесено относительно устройства военного управления»².

В то же время кн. В. А. Долгоруков считался человеком честным и порядочным. Кн. В. П. Мещерский полагал, что «он был полнейшим олицетворением не только вельможи старого типа благородного закала, но [и] необыкновенно деликатного человека»³. Узнав о смерти В. А. Долгорукова, П. А. Валуев записал в дневнике: «Он не был государственным мужем, но он сам никогда себя и не считал им. Всякое самообольщение и всякая недобросовестность ему были чужды. Он никому не делал и не желал зла. Я никогда не встречал человека менее злопамятного, а в душе более скромного. Он много сделал добра, еще более желал, но не успевал или не умел его сделать. Его преданность государю и его самоотвержение на службе теперь уже не встречаются в этой мере и в этих формах»⁴.

В. А. Долгоруков, несомненно, смягчил нравы тайной полиции (не только по доброте характера, но и следуя новым реалиям, духу эпохи), однако ее суть, незаконный характер деятельности не изменился. Он и сам в какой-то мере стал жертвой этой административной машины, следуя убеждениям, а не закону. Например, участвуя ради, казалось бы, благой цели – спокойствия Отечества – в фальсификации дела Н. Г. Чернышевского.

¹ Откликаясь на известие об увольнении от должности военного министра В. А. Долгорукова, В. А. Муханов припомнил и записал в дневнике, что, состоя при генерале А. П. Никитине, «он в продолжении семи лет ни одного раза не сел в присутствии корпусного командира. Такая наклонность к перпендикулярному положению при виде начальника решила назначение его в военные министры» (ОПИ ГИМ. Ф. 117. Д. 165. Л. 45–45 об.).

² Столетие военного министерства. 1802–1902. Т. 3. Отд. 4. СПб., 1911. С. 214–221.

³ Мещерский В. П. Мои воспоминания. Ч. 1. СПб., 1897. С. 329.

⁴ Валуев П. А. Дневник. Т. 2. С. 232.

По собственному признанию В. А. Долгорукова, «самым ревностным помощником»¹ в делах тайной полиции был управляющий III Отделением и начальник штаба корпуса жандармов (в 1856–1861 гг.) генерал-майор А. Е. Тимашев. Он удачно дополнял шефа жандармов, являясь лидером в этом тандеме. Закоснелый догматик, отличающийся прямоотой суждений и решимостью действий, он был незаменимой фигурой и призывался властями на службу тогда, когда надлежало власть употребить.

В течение нескольких месяцев 1861 года управляющим III Отделением был П. А. Шувалов (1827–1889), а затем в 1861–1864 гг. А. Л. Потапов (1818–1886). Все они выходцы из богатых дворянских семей², а П. А. Шувалов был сыном влиятельного царедворца (обергофмаршала, члена Государственного совета А. П. Шувалова). Никто из них не выделялся широтой и разносторонностью образования. И это естественно для «молодых генералов», вышедших «из военной рассадницы, взлелеянной императором Николаем»³. За плечами А. Е. Тимашева был московский университетский пансион и школа гвардейских подпрапорщиков и юнкеров, П. А. Шувалов воспитывался в Пажеском корпусе, А. Л. Потапов получил домашнее образование. Выделившись в экспедиции против восставших венгров (1848 г.), А. Е. Тимашев был награжден орденом Св. Анны 2 степени, А. Л. Потапов – саблей с надписью «За храбрость». Во время Крымской войны А. Л. Потапов участвовал в бесславной осаде крепости Силистрия, А. Е. Тимашев был исполняющим должность начальника штаба 3 резервного кавалерийского корпуса, П. А. Шувалов – адъютантом военного министра.

В руководство жандармским ведомством они вступали взрослыми людьми сформировавшихся взглядов, далекими от либеральных юношеских влечений. В какой-то мере исключением был 34-летний П. А. Шувалов, одержимый идеей облагораживания тайной полиции. Любопытно то обстоятельство, что П. А. Шувалов и А. Л. Потапов пришли в III Отделение, имея положительный опыт службы в полиции исполнительной: первый был С.-Петербургским обер-полиц-

¹ Отдельный корпус жандармов. Приказы. 1861. № 45.

² У А. Е. Тимашева (данные 1871 г.) в совместном владении с братом было родовое имение в Оренбургской губернии с 2756 временно обязанными крестьянами, а у А. Л. Потапова (данные 1847 г.) – родовое имение с 1000 крепостных в Воронежской губернии и «благоприобретенные» 406 душ крестьян в Московской губернии. (РГИА. Ф. 789. Оп. 7. Д. 69. Формулярный список А. Е. Тимашева; ГАВО. Ф. 29. Оп. 137. Д. 199. Формулярный список А. Л. Потапова. (Сообщ. И. В. Порох).

³ Герцен А. И. Собр. соч. Т. XIII. С. 284.

мейстером в 1857–1860 гг., а второй служил в такой же должности в Москве и Варшаве в 1860–1861 гг.

Как видим, в обстановке общественного подъема начала 1860-х гг. III Отделение нуждалось в энергичных профессионалах, умеющих быстро ориентироваться в обстановке и принимать решения, а также знакомых с системой уголовного сыска. Эти назначения можно рассматривать и как смену приоритетов в деятельности тайной полиции.

В 1857 г. В. А. Долгоруков, представляя в годовом отчете общий анализ деятельности государственных учреждений, о своем ведомстве писал: «III Отделение (...) и корпус жандармов сосредотачивают в себе высшее наблюдение за направлением умов и общественной жизни в государстве (...). При разнородности обязанностей этих управлений, цель их учреждения тем благотворнее, что она заключается не столько в самом преследовании открываемых беспорядков и злоупотреблений, сколько в изыскании мер к благовременному пресечению и предупреждению оных»¹.

С середины 1861 г. в российской внутренней политике и соответственно в деятельности тайной полиции усиливается репрессивная составляющая.

Первоначально при создании новой структуры в состав III Отделения вошли чиновники, служившие в Особенной канцелярии Министерства внутренних дел, всего 20 человек (в том числе управляющий и четыре чиновника особых поручений сверх штата). После передачи в 1828 г. в ведение Отделения цензуры драматических сочинений численность служащих увеличилась на два человека (цензор и его помощник). В следующем году по докладу А. Х. Бенкендорфа были введены в штат две должности младших чиновников и несколько повышены оклады служащим, остававшиеся все же ниже окладов чиновников других отделений.

Эта диспропорция была ликвидирована в 1839 г., когда по высочайшему повелению унифицировали штаты и оклады всех чиновников императорской канцелярии. Общее число чиновников вместе с управляющим, должность которого была объединена с должностью начальника штаба корпуса жандармов, составило 27 человек (сверхштатные должности четырех чиновников включили в штат). Разброс размеров жалованья был довольно велик: от 2000 руб. у старших чиновников (V класс) до 515 руб. у помощника журналиста (X класс)².

¹ Россия под надзором. С. 461.

² Сидорова М. В. Штаты III отделения с. е. и. в. канцелярии // Из глубины времен. Вып. 4. С. 3–4.

К числу важнейших организационно-структурных перемен следует отнести учреждение в 1842 г. V (цензурной) экспедиции (в помощь цензору, ставшему теперь старшим чиновником, была введена еще одна должность младшего чиновника). В 1865 г. Цензурная экспедиция была передана в ведение Министерства внутренних дел.

В 1849 г. был приведен в «окончательное устройство» архив (введены сверхштатные должности начальника архива и двух помощников)¹:

В 1862 г. было несколько упорядочено штатное расписание (в него включили должности, установленные негласными повелениями 1849–1850 гг.) и денежное содержание чиновников («в один оклад (...) соединены (...) прежнее жалованье и столовые деньги»), а также дифференцированы выплаты чиновникам, занимающимся «собственно делопроизводством» и только «перепиской бумаг»².

Следует отметить, что были сокращены и перераспределительные функции III Отделения: в ведение военного министерства передано содержание «чинов и команды» Алексеевского рavelина и расходы по ремонту крепости; в распоряжение министерства внутренних дел – суммы на содержание тайной полиции в Одессе и Бессарабии, на выплату пособий сосланным политическим преступникам. Помимо этого, были «распределены по принадлежности ведомств производившиеся разным лицам через посредство отделения постоянные негласные пособия из Государственного казначейства»³. Как видим, все больше специализируясь на политическом сыске, III Отделение постепенно избавлялось от не свойственных тайной полиции функций.

Направления деятельности экспедиций оставались практически неизменными со времен А. Х. Бенкендорфа⁴. В ведении Первой экспедиции сосредоточивались «все предметы высшей наблюдательной полиции»: предупреждение «злоумышлений против особы государя императора», раскрытие тайных обществ и заговоров, надзор за состоянием общественного мнения, распоряжения о высылке и размещении «лиц подозрительных и вредных». Вторая экспедиция ведала кадровым составом III Отделения, тюрьмами для политических преступников, собирала сведения о раскольниках, «об открытиях по фальшивым ассигнациям, монетам, штемпелям, документам», разбирала имущественные и семейные тяжбы. Третья экспедиция осу-

¹ Сидорова М. В. Из истории архива III отделения // Советские архивы. 1990. № 6. С. 35–36.

² Там же.

³ ГА РФ. Ф. 109. Оп. 223. Д. 26. Л. 246–247.

⁴ Деревнина Т. Г. Из истории образования III отделения // Вестник МГУ. Сер. История. 1973. № 4. С. 69–70.

шествовала надзор за иностранцами, находящимися в России, и вела переписку с заграничными агентами. В Четвертую экспедицию поступала информация о различных происшествиях: пожарах и поджогах, убийствах и грабежах, о злоупотреблениях властью помещиками и крестьянских волнениях, о «насилии и увозе девиц», «рождении уродов» и т. п. Пятая экспедиция осуществляла цензуру драматических сочинений.

В «Обзоре деятельности III Отделения за 50 лет» сообщалось, что расходы Отделения «возрастали, как и его деятельность»: «В первые 16-ть лет его существования они постепенно возвышались от 70 до 165 тыс. рублей ассигнациями и 8600 червонцев; затем до 1843 года держались между 62 и 77 тыс. рублей серебром и 3 и 6 тыс. червонцев; с 1844 по 1865 колебались от 100 до 150 тыс., иногда понижаясь до 90 и 85 тыс., и только в 1865 г. дошли до 328 тысяч; в 1866 г. составили около 250 тысяч, в 1867 – слишком 320 тысяч, а в последние восемь лет постоянно держались между 400 и 500 тыс. рублей и 2100 червонцев»¹.

Расходы на содержание собственно аппарата III Отделения в конце 50-х – начале 60-х годов XIX века были стабильны и невелики: содержание чиновников – 40–45 тыс. руб., хозяйственные нужды – 8–9 тыс. руб., содержание арестантов Алексеевского рavelина и Шлиссельбургской крепости – 4 тыс. руб. Однако практическая деятельность тайной полиции требовала значительных затрат. До 1862 г. ассигнования на секретные расходы составляли 35 тыс. руб., в 1863 г. – 58 тыс., а в 1867 г. – 165 тыс.²

Проанализируем состав чиновников Отделения за десять лет (1856–1866 гг.)³. По «Адрес-календарю» на 1857 г. в III Отделении значилось 30 чиновников. В нем не указаны помощники начальника архива (сверх штата с правами младших чиновников) И. К. Тимофеев и М. П. Львов, а также прикомандированные в конце 1856 г. для исполнения должности младших чиновников Е. И. Бартель и П. Н. Григорович. Всего 34 человека. В «Адрес-календаре» на 1866–1867 гг.

¹ ГА РФ. Ф. 109. Оп. 221. Д. 16. Л. 47.

² Смета расходов III Отделения... на 1864 г.; Смета расходов III Отделения... на 1868 г.

³ При рассмотрении данного вопроса использованы следующие материалы: ГА РФ. Ф. 109. II экзп. 1828. Д. 179; 1830. Д. 115; 1832. Д. 711; 1833. Д. 735; 1836. Д. 626; 1838. Д. 618; 1841. Д. 1120; 1842. Д. 368; 1843. Д. 66; 1845. Д. 162; 1846. Д. 164; 1847. Д. 102, 144, 169; 1848. Д. 376; 1849. Д. 349, 353, 620; 1850. Д. 499; 1852. Д. 765; 1853. Д. 175; 1854. Д. 567; 1855. Д. 99, 287; 1856. Д. 225, 225, 270, 294, 303, 492, 506; 1857. Д. 10, 188, 211, 233, 469; 1858. Д. 19, 47, 79; 1859. Д. 19, 25, 42, 83, 446, 666; 1860. Д. 666; 1861. Д. 160, 674; 1862. Д. 30, 103, 104, 218, 575, 599; 1863. Д. 167, 264, 294, 333, 360; 1864. Д. 151, 341; 1871. Д. 779; 1872. Д. 391.

уже значится 35 чиновников¹. Из них один – В. О. Латышев в конце 1865 г. вышел на пенсию. Таким образом, видно, что общая численность не изменилась. По разным причинам за 10 лет (конец 1856 – конец 1865 г.) службу оставило 20 человек. Но насколько существенны были кадровые перемены? Данные 57 формулярных списков чиновников, служивших в этот период, приведены ниже в табл. 1².

Таблица 1

Год	Средний возраст	Стаж службы	Вероисповедание			Происхождение			Образование		
			православные	лютеране	католики	дворяне	разночинцы	иностранцы	высшее	среднее	иное
1856	41,3	10,1	24	6	2	16	13	2	17	3	11
1865	41,6	10	27	5	1	14	18	1	12	11	10

Из приведенных данных видно, что, несмотря на значительные перемены в личном составе, преемственность была выдержана и среднестатистический «портрет» чиновника практически не изменился. Таким образом, реформаторский, «перестроечный» дух эпохи, затронувший структуру и функции III Отделения, не внес каких-либо существенных перемен в социальный, возрастной, национальный состав чиновничества. Хотя серьезные кадровые перестановки все же произошли. В 1856 г. вышел на пенсию «корифей» тайной полиции А. А. Сагтынский. Затем в 1866 г. оставили службу двое из трех чиновников по особым поручениям, сменились все старшие чиновники (один ушел на пенсию, трое – на другие должности) и их помощники (все пятеро оставили службу). Причем это было не следствие естественного старения, а регулируемый процесс. Так, помощник старшего чиновника Н. А. Тихомиров просил предоставить ему отпуск либо уволить от службы для лечения за границей и был уволен в ноябре 1857 г.³ Вероятно, особой необходимости в нем руководство не испытывало.

¹ Адрес-календарь на 1857 год. СПб., 1856. С. 12; Адрес-календарь на 1866–1867 гг. СПб., 1865. С. 83.

² Использована методика П. А. Зайончковского (*Зайончковский П. А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX веке. М., 1978. С. 9–13*). Не обнаружены формулярные списки 2 чиновников. Отсутствующие данные реконструированы по косвенным источникам.

³ ГА РФ. Ф. 109. 2 эксп. 1857. Д. 469. Л. 18.

Однако, имея в виду общие результаты, было бы целесообразно рассмотреть аналогичные показатели в «должностном» разрезе.

Правомерно выделить две группы чиновников. К первой следует отнести лиц, занимавших должности чиновников по особым поручениям, старших чиновников и их помощников, казначея и начальника архива, т. е. лиц, оказывавших какое-либо влияние на выработку и принятие тех или иных решений. К второй – младших чиновников и чиновников для писмоводства, помощников казначея и начальника архива. Эту категорию лиц нельзя игнорировать, т. к. по роду службы некоторые из них занимались «не одною перепискою бумаг, но и самим составлением их, требующим опытности и знания иностранных языков»¹. Они же составляли своеобразную «базу роста» III Отделения. Как видим, младшие чиновники на 8–11 лет моложе старших (см. табл. 2), их служебный стаж вдвое меньше, уступают они и по уровню образования.

Таблица 2

Год	Средний возраст		Стаж службы	
	старшие чиновники	младшие чиновники	старшие чиновники	младшие чиновники
1856	48,3	37	13,8	7,9
1865	46,6	38,3	14,7	6,9

Младшие чиновники преимущественно православные (т. е. русские), в то время как среди чиновников, отнесенных к первой группе, значителен удельный вес лютеран (т. е. немцев). Причем среди старших чиновников и чиновников по особым поручениям он особенно высок (в 1856 г. – 3 немца и 3 русских, в 1865 г. – 3 немца и 4 русских) (см. табл. 3).

«Нерусской» была и V (цензурная) экспедиция: 3 немца и поляк. Вероятно, антинемецкие настроения не были чужды и чиновникам III Отделения. Во всяком случае, во «всеподданнейшем» отчете за 1865 г. весьма сочувственно сообщалось о нараставшем в стране «раздражении против немцев» и заявлениях прессы, что отныне «роль цивилизаторов немцев у нас окончена и что для России с либеральным ее правительством наступила пора новой самобытной жизни»².

¹ Там же. 1863. Д. 333. Л. 19 об.

² Там же. Оп. 223. Д. 30. Л. 45 об.

Таблица 3

	1856		1865	
	Старшие чиновники	Младшие чиновники	Старшие чиновники	Младшие чиновники
Вероисповедание				
Православные	8	16	9	18
Лютеране	4	2	3	2
Католики	0	2	1	0
Происхождение				
Дворяне	5	11	6	8
Разночинцы	6	7	6	12
Иностранцы	1	1	1	0
Образование				
Высшее	9	8	8	4
Среднее	1	2	1	10
Иное	2	9	4	6

Анализируя кадровую политику 1826–1856 гг., И. В. Оржеховский приходит к выводу, что на «наиболее ответственные должности в аппарате III Отделения, как правило, назначались люди, имевшие определенный опыт работы в высших или центральных государственных учреждениях»¹.

И. А. Нордстрем начал службу во II Отделении императорской канцелярии, затем переведен старшим помощником столоначальника в департамент государственных имуществ, затем был определен секретарем при начальнике VI округа корпуса жандармов и лишь потом высочайшим приказом переведен в III Отделение. Специализировавшийся на политическом сыске за границей А. А. Сагтынский начал службу переводчиком, потом попал в Главный штаб и оттуда был причислен к III Отделению в качестве чиновника по особым поручениям². Н. А. Кашинцов из Владимирского губернского правления был переведен в Правительствующий Сенат, затем служил в Экспедиции кремлевских строений. Активно участвовал в благотворительной деятельности, стал директором Дорогомиловского Богдельного дома и в 1832 г. по высочайшему повелению был причислен к III Отделению. Он проживал в Москве и наблюдал за выходившими там периодическими изданиями³.

¹ Оржеховский И. В. Указ. соч. С. 3.

² Черкасов П. П. Третий человек в Третьем отделении: Адам Сагтынский – первый шеф российской внешней разведки // Родина, 2007. № 9. С. 55–59.

³ Сидорова М. В. Штаты III отделения. С. 7–8.

Старший помощник начальника стола А. А. Геллер был переведен из Капитула Орденов на службу в высшую полицию по высочайшему повелению за «благородный поступок»: он раскрыл подготовку покушения на штаб-ротмистра Яковлева и отказался от 10 000 руб., предложенных ему в знак благодарности. Начав службу младшим чиновником, он в 1849 г. возглавил архив отделения, а в 1851 г. вышел в отставку по состоянию здоровья¹.

Бывший студент Киевского университета А. М. Петров, сделавший донос о существовании Кирилло-Мефодиевского общества, также по высочайшему повелению был определен на службу младшим чиновником III Отделения. С этим чиновником сразу возникло много проблем. Он неоднократно обращался к начальству с просьбами о денежном пособии: «К Новому году он надеялся на денежную награду из остаточных сумм, распределяемых по принятому вообще порядку между чиновниками семейными, более нуждающимися и службою обратившими особенное внимание»².

На него поступила жалоба от петербургского купца М. Захарова, в которой тот сообщал, что А. М. Петров, регулярно забирая овощи и вино из лавки, задолжал ему 73 руб. 81 коп. и просил вычесть сумму долга из жалованья чиновника³. Кроме того, на службе своим поведением он настораживал коллег: «Петров занимался по обязанности в главном архиве III Отделения. По показаниям сторожей, нередко оставался там после выхода прочих чиновников и ходил по всем шкафам и ящикам рассматривал бумаги...»⁴ Ему было объявлено замечание за прочтение одной секретной бумаги, содержание которой он сообщил своему начальнику А. А. Галлеру.

В специально подготовленном докладе проверявшего III Отделение статс-секретаря князя А. Ф. Голицына сообщалось: «По случаю замеченного за ним любопытства Петрова в 1 экспедиции, чиновники оной остерегались его, убирали в дни его дежурств все бумаги со столов и приказывали сторожам не впускать его»⁵. Кульминацией походов Петрова стало похищение бумаг с резолюциями Николая I и отсылка их по почте императору с анонимной запиской о том, что за деньги в III Отделении можно купить все, даже автограф царя. Для проверки была создана комиссия под председательством князя А. Ф. Голицына, которая изучила все делопроизводство, внутренний порядок и пришла к выводу: «Оставаясь дежурить по вечерам, Пе-

¹ Там же. С. 7.

² ГА РФ. Ф. 109. СА. Оп. 3. Д. 532. Л. 9 об.

³ Кирилло-Мефодіївське товариство: В 3-х тт. Київ, 1990. Т. 3. С. 275.

⁴ ГА РФ. Ф. 109. СА. Оп. 3. Д. 532. Л. 13.

⁵ Там же. Л. 15 об.

тров проникал в I-ю экспедицию, брал там секретные бумаги, а также расшивал некоторые дела архива для передачи частным лицам»¹. За свои действия А. М. Петров, естественно, поплатился. Он провел более полутора лет в Алексеевском равелине, после чего был выслан в Олонецкую губернию.

К 50–60-м годам XIX века кадровая политика III Отделения существенных изменений не претерпела. Для определения на службу нелишними были рекомендации влиятельных особ (статс-дама Ю. Ф. Баранова рекомендовала П. Н. Григоровича, а М. Н. Мусина-Пушкина – К. Н. Мавроди²). Затем следовали испытания для новичков или временное исполнение должности для претендующих на повышение чиновников Отделения продолжительностью от нескольких месяцев до нескольких лет. Иногда достаточно было прочесть заявление кандидата, чтобы решить его судьбу. Может быть, так и поступили с недоучившимся студентом медико-хирургической академии И. Изансоном, просившим должность и сообщавшим о себе: «...зная говорить три языка правильно и писать, кроме того двумя другими языками объясняться»³. М. И. Анисимову при поступлении на службу младшим чиновником поручено было «чтение 3-х пьес и разборы им представленные оказались вполне удовлетворительными»⁴. Е. А. И. Кейзер-фон-Нилькгейму при поступлении на вакансию помощника старшего чиновника пришлось выдержать конкурсные испытания. Оба претендента «исполнили порученные им работы в равной степени удовлетворительно, высказав знание дела и способность к занятиям по цензурной экспедиции», однако решающим для него было ходатайство ген.-ад. барона Корфа⁵.

Вероятно, эти испытания были неизбежной формальностью⁶. Так, обреченный на успех старший сын Ф. В. Булгарина Болеслав (определялся на службу по приказу главного начальника III Отделения графа А. Ф. Орлова) также проходил трехмесячные испытания и по итогам получил следующее заключение Л. В. Дубельта: «Очень нравственный молодой человек и будет хорошим чиновником»⁷.

¹ Сидорова М. В. Штаты III отделения. С. 9.

² ГА РФ. Ф. 109. 2 эксп. 1856. Д. 492. Л. 1; 1855. Д. 287. Л. 3.

³ Там же. СА. Оп. 3. Д. 615. Л. 1.

⁴ Там же. 2 эксп. 1860. Д. 666. Л. 2а.

⁵ Там же. 2 эксп. 1859. Д. 83. Л. 1.

⁶ И. В. Оржеховский считает, что, «вероятно, не существовало никаких официально установленных испытаний» (*Оржеховский И. В.* Указ. соч. С. 66). Об этом же пишет Т. Г. Деревнина (*Деревнина Т. Г.* III отделение и его место в системе государственного строя абсолютной монархии в России (1826–1855 гг. С. 151).

⁷ ГА РФ. Ф. 109. 2 эксп. 1854. Д. 567. Л. 1.

Однако в 1860-е гг. отмечается иная тенденция. Рост общественного движения, кристаллизация его различных течений заставляли руководителей III Отделения делать ставку на профессионалов политического сыска, хорошо знающих «кухню» тайной полиции и ориентирующихся как в современной обстановке, так и в прошлом делопроизводстве. Если раньше продвижение по службе «почти не практиковалось»¹, то в 1860-е годы на высших должностях появляются «доморощенные» кадры, прошедшие путь от младших до старших чиновников: А. Ф. Шульц (1844–1864), Ф. И. Проскуряков (1857–1864), Ф. И. Горянский (1851–1870), П. П. Логиновский (1858–1867).

Существенно обогатили состав III Отделения (хотя бы по формальным показателям) кадры, принимаемые на вакансии, установленные по высочайшему повелению от 6 июля 1850 г., которым разрешалось «определять в III Отделение (...) по мере надобности сверх штата до 6 младших чиновников, преимущественно из молодых людей, еще нигде не служивших и неиспорченной нравственности, с тем чтобы по шестимесячному испытанию, если окажутся вполне достойными, зачислять на службу в отделение»².

Большинство сотрудников, поступивших на службу в III Отделение в 1850-е гг., имели высшее образование. И по сравнению с концом 1840-х гг., когда «во всем отделении было только три лица с высшим образованием»³, к середине 1850-х гг. их удельный вес был значительным (табл. 2, 3). В то же время введение штатов, высочайше утвержденных 23 августа 1862 г., и предусматривавших установление новых должностей чиновников для письменоводства, сыграло негативную роль. На эти должности поступали чиновники низших разрядов со средним или начальным образованием (табл. 3). Так, если в 1856 г. в III Отделении не было ни одного чиновника в чине коллежского регистратора, то в 1864 г. – пять⁴. В этих условиях замкнутость, «кастовость» тайной полиции стали почвой грядущей деградации этого учреждения. Высшее образование (во всяком случае, в середине XIX века) было не формальным показателем учености, оно закладывало и определенные нравственные основы личности, хотя и не всегда с положительным результатом. А. И. Герцен считал, что «порядочный русский не пойдет (на службу. – О. А.) в III Отделение»⁵. Но

¹ Там же; *Деревнина Т. Г.* III отделение и его место в системе государственного строя абсолютной монархии в России (1826–1855 гг.). С. 152.

² ГА РФ. Ф. 109. 2 эксп. 1856. Д. 492. Л. 10.

³ *Петров А. М.* Указ, соч. С. 329.

⁴ Адрес-календарь на 1864–1865 гг. С. 87.

⁵ *Герцен А. И.* Собр. соч. Т. XVIII. С. 287.

были и исключения. Арестованный по ложному доносу Н. Н. Жеденев считал старшего чиновника М. М. Попова «благороднейшей и добрейшей душой»¹. И. В. Селиванов рассказывал, как М. М. Попов бросил в огонь запись его неосторожных показаний, и отмечал, что тем самым «он спас меня»². П. Д. Боборыкин, повествуя о своих цензурных мытарствах, приводил любопытные слова И. А. Нордстрема: «Вы студент. И я был студентом Казанского университета. Вы думаете, я ничего не понимаю?» И, указывая рукой на стену вглубь здания, он вполголоса воскликнул: «Но что же вы прикажете делать с тем кадетом?» А тот «кадет» был тогдашний начальник III Отделения генерал Тимашев»³. Вероятно, нелегко им было нести на себе столь явную печать общественного презрения. Если даже Ф. И. Горянский (исп. долж. помощника старшего чиновника), по определению М. Л. Михайлова, «редкий подлец, подлец до глубины души, до мозга костей», у которого «подлость характеристически отпечатывалась в каждой черте, в каждом движении мускулов», при расставании говорил ему: «Не браните нас. Такое уж наше, собственно, положение»⁴.

Любое общение с чиновником III Отделения настораживало и требовало бдительности. Чиновник статистического комитета Министерства внутренних дел А. И. Артемьев записал 2 ноября 1857 г. в своем дневнике, как он с приятелями обсуждал подготовку к обеде выпускников Казанского университета: «Еще не хотели послать пригласительного билета Нордстрему, служащему в III Отделении. Я убедил, что это нелепо, что такая выходка только даст повод думать, что мы, казанцы, затеваем какое-то дело... Согласились об этом. Нордстрема пригласили. Мы зовем его, как студента. Неужели он явится шпионом?!»⁵ Любопытная получалась ситуация: если позвать, то можно опасаться доноса о неловко сказанных словах выпускников-казанцев, а не позвать – может возникнуть подозрение, что организаторы обеда что-то скрывали. В результате решили пригласить чиновника, и Нордстрем принял участие в торжественном обеде.

В статье Л. И. Тютюник крах методов борьбы III Отделения с политическими противниками в 1860-е гг. объясняется тем, что «дворяне-чиновники III Отделения, имевшие раньше дело с дворянами подследственными, психологически и практически не были подго-

¹ Жеденев Н. Н. Случай в Петербурге в 1848 г. // Русская старина, 1890. № 8. С. 299.

² Записки И. В. Селиванова // Русская старина, 1880. № 6. С. 310.

³ Боборыкин П. Д. Воспоминания. М., 1965. Т. 1. С. 214.

⁴ Михайлов М. Л. Записки // Шелгунов Н. В., Шелгунова Л. П., Михайлов М. Л. Воспоминания. Т. 1–2. М., 1967. С. 285, 306.

⁵ ОР РНБ. Ф. 37. Артемьев А. И. Оп. 1. Д. 162. Л. 2 об.

товлены к работе с разночинцами, пришедшими на смену дворянским революционерам. Изменение социального состава чиновничества III Отделения, начавшееся в 1860-е гг., шло, – по мнению этого автора, – довольно медленно, но именно в результате этого процесса в III Отделении появился Н. Клеточников»¹. Вряд ли справедлив этот тезис, ибо состав чиновников нельзя однозначно назвать дворянским (табл. 2, 3). А фигура Н. Клеточникова достаточно типична, если иметь в виду его происхождение и служебную деятельность², не только для 1870-х гг., но и для более раннего времени. Если же речь идет о его идейном своеобразии, революционной убежденности, то это не типичная, а уникальная фигура. П. А. Зайончковский справедливо отмечал, что принадлежность чиновников к разночинцам не означает господства в их среде разночинской идеологии, наоборот, «это была наиболее верноподданная категория»³.

Если говорить об имущественном положении чиновников, то основным источником существования для большинства из них было жалованье⁴, причем довольно высокое⁵: старшие чиновники получали 1960–2000 руб., их помощники – 1259–1285 руб., младшие чиновники – 715–730 руб.⁶ Как видим, в сравнении с 1849 г. оклады увеличились. Младший чиновник губернский секретарь А. М. Петров «прямо с ученической скамейки занял должность с жалованьем высшим того, какое получают самые отличные молодые люди», и получал 515 руб. сер. в год, столько же, сколько его коллега коллежский секретарь Колчин, служивший в III Отделении 14 лет⁷.

По мнению руководства политической полиции, этой суммы вполне должно было хватать молодому человеку, только начинающему службу. Петров же жил на широкую ногу: «Самый расчет Петрова: 10 руб. сер[ебром] за квартиру, 15 р[уб]. сер[ебром] за стол, 5 р[уб]. сер[ебром] за хлеб, 5 р[уб]. сер[ебром] человеку, 8 р[уб]. сер[ебром] за дрова, 4 р[уб]. сер[ебром] прачке не довольно умерен. Недоста-

¹ Тютюник Л. И. Состояние политического сыска в России в 60–70-е гг. XIX в. // Государственные учреждения и общественные организации СССР. История и современность. М., 1985. С. 103.

² Троицкий Н. А. Подвиг Николая Клеточникова // Прометей. Т. 9. М., 1972. С. 61–63.

³ Зайончковский П. А. Правительственный аппарат... С. 28.

⁴ Собственников среди чиновников было немного. Землевладельцы М. П. Шулепников (148 душ), А. В. Каменский (620 дес.), И. Д. Горемыкин (1973 дес.), И. И. Клица (216 дес.), Б. А. Врасский (620 дес.), Ф. Ф. Кранц (3900 дес.). Домовладельцы: Ф. И. Горянский, Е. И. Бартель, П. А. Мулюкин.

⁵ Ср.: Зайончковский П. А. Правительственный аппарат... С. 82–84.

⁶ ГА РФ. Ф. 109. СА. Оп. 3. Д. 544. Л. 12, 56.

⁷ Кирило-Мефодіївське товариство. Т. 3. С. 274.

точные молодые люди в столице нанимают квартиры от жильцов с дровами, столом, прислугой, мытьем белья и за все платят рублей по 15 сер[ебром] в месяц или еще менее»¹.

Чиновники со стажем могли претендовать на выплату «добавочного содержания», вознаграждения «за отличную и ревностную службу», иногда жаловались «аренды». Однако для чиновников III Отделения этого было недостаточно, их личные дела полны ходатайств о выделении пособий по разным поводам (свадьбы, рождения детей, похороны родственников), об определении детей для обучения на казенный счет, увеличении размеров пенсии. Этот поток просьб стимулировался простотой получения денег. Как сказано в одной служебной записке (18 марта 1856 г.), раньше пособия «делались большею частью с высочайшего разрешения Государя Императора. и в таком случае деньги требовались из Государственного казначейства на известное Его Величеству употребление», а в 1857 г. «выплаты делались по приказанию главного начальника III Отделения В. А. Долгорукова из суммы отпускаемой ежемесячно в распоряжение г. Шефа жандармов»². По-видимому, отголоски рассказов об этих выплатах служили почвой слухам, циркулировавшим в консервативных кругах общества, будто деньги на агентов и секретные расходы оседают в карманах чиновников, а не идут на борьбу с революционным движением. Не гнушались служащие и «предпринимательством», несколько неудачных случаев такой деятельности отражены в личных делах. Так с формулировкой «уволен по домашним обстоятельствам» оставил службу казначей III Отделения И. И. Клица, обвиненный в умышленном разорении некоего Пашкова, у которого он управлял состоянием³. В 1863 г. был уволен и предан суду новый казначей И. Д. Дьяконов. Проведенная ревизия обнаружила недостачу в 8000 руб., которые он давал в ссуду посторонним лицам⁴. В 1869 г. помощник начальника архива Н. К. Гальслебен был «уволен без прошения». Служебное расследование показало, что ему было обещано 500 руб. за ходатайство о высланном в Архангельскую губернию купце Мендельсоне и уплачено 15 руб. за составление прошения. Этот случай заставил шефа жандармов П. А. Шувалова создать специальную комиссию «для приискания средств к улучшению положения чиновников». В своей деятельности комиссия исходила из принципа,

¹ Кирило-Мефодіївське товариство. Т. 3. С. 274.

² ГА РФ. Ф. 109. 2 эксп. 1853. Д. 175. Л. 44–45.

³ Там же. 2 эксп. 1847. Д. 144. Л. 50.

⁴ Там же. 2 эксп. 1863. Д. 715.

предполагавшего «преимущественно другое распределение труда, ибо нельзя ожидать усиления бюджета III Отделения»¹.

Что же касается слухов о глухонемых чиновниках, то основанием для них могли стать поведение, образ жизни некоторых служащих III Отделения. А. М. Петров вспоминал А. А. Сагтынского – «вечно улыбающийся и безмолвный, как могила»². М. Л. Михайлов писал о Ф. Ф. Кранце – «голос мягкий и тихий, впрочем, как у всех в этом шпионском царстве»³. Зачастую аскетизм, замкнутость, нелюбимость доходила до болезненных расстройств (у А. Н. Кобеляцкого, П. Н. Григоровича)⁴. Но в III Отделении действительно был один глухонемой чиновник для письмоводства – А. А. Соколов⁵.

Таким образом, несмотря на то что за 10 лет (1856–1865 гг.) кадры чиновников III Отделения обновились почти на 60 %, серьезных качественных изменений в их составе не произошло. Проводимая руководством кадровая политика препятствовала притоку в III Отделение передовых, уважаемых в обществе людей⁶, что весьма контрастировало с идеями его «отца-основателя» графа А. Х. Бенкендорфа о важности приглашении на службу представителей «лучших фамилий»⁷ для повышения нравственного авторитета тайной полиции. Старшие чиновники, генерируясь в недрах III Отделения, этого «разбойничьего вертепа у Цепного моста»⁸, впитывали традиции и постигали методы, далекие от идей демократии и правового государства, владевших умами передовых слоев общества. При общем стремлении к образованию, просвещению, при увеличении в России числа студентов в III Отделении, вероятно, из-за страха проникновения заразы вольнодумства уменьшалось количество чиновников с высшим образованием.

Созданное и развитое по личным указаниям императора Николая I III Отделение должно было выполнять задачу обеспечения

¹ Там же. 2 эксп. 1866. Д. 333. Л. 33, 35.

² *Петров А. М.* Указ. соч. С. 334.

³ *Михайлов М. Л.* Указ. соч. С. 303.

⁴ ГА РФ. Ф. 109. 2 эксп. Д. 225. Л. 17; Д. 492. Л. 25.

⁵ Там же. 2 эксп. 1862. Д. 360.

⁶ О необходимости и одновременно об обреченности подобных мер свидетельствуют мысли А. К. Толстого. В одном из своих писем он писал, что «готов целовать руки тому, кто сделался бы, например, жандармом для ниспровержения жандармерии...» В себе же таких способностей он не усматривал. «Хорош бы я был, если бы напялил на себя, к примеру, мундир III отделения, дабы показать его нелепость? Да разве есть у меня ловкость, необходимая для этого? Я бы только замарался, никому не принеся пользы» (*Толстой А. К.* Собр. соч. в 4 тт. М., 1960. Т. 4. С. 338).

⁷ *Голенищев-Кутузов-Толстой П. М.* Из памятных заметок. С. 221.

⁸ *Михайлов М. Л.* Указ. соч. С. 285.

безопасности государства через ограничение произвола чиновников, водворение законности, скорое и справедливое царское слово, предупредая и предвосхищая оппозиционные замыслы недоброжелателей и формируя нравственный ход повседневной жизни.

Ричард С. Уортман пишет, что «Третье отделение должно было стать инструментом для наблюдения за исполнением закона и нравственностью подданных»¹. Посредством этого учреждения должна была осуществляться эффективная вертикаль управления: скорая, рациональная, справедливая, благотворительная, не сдерживаемая и не ограниченная нормами предписаний, положений, законов. Главного начальника III Отделения сначала воспринимали как выразителя царской воли, такого «первого министра», олицетворявшего единство управления. Однако погружение руководителей III Отделения в трясину рассмотрения гражданско-правовых конфликтов частных лиц, участие в роли своеобразных экспертов в различных комитетах и комиссиях, занятых преобразованием государственного управления и решением социально-экономических проблем, заставляло их формировать собственную позицию, отстаивать ведомственные взгляды в Комитете министров, Государственном совете. Таким образом шеф жандармов становился не выразителем царской воли, а одним из сановников, привлекаемых к решению текущих проблем. На авторитет ведомства работала секретность его деятельности и близость руководителей к монарху, чем начальники тайной полиции умело пользовались.

¹ Уортман Р. С. Властители и судии: Развитие правового сознания в императорской России. М., 2004. С. 409.

Глава 2

III ОТДЕЛЕНИЕ И ПРАВИТЕЛЬСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА 1830–1860-е гг.

1. Крестьянский вопрос

С началом правления императора Николая I крестьянский вопрос постепенно осознавался как существенный фактор политики, обеспечивающий стабильность внутривластного состояния государства. Если в канун ожидаемой коронации М. Я. фон Фок в донесении шефу жандармов (23 августа 1826 г.) в числе факторов политической стабильности отметил, что «проект освобождения крестьян также разлетелся в прах»¹, то уже в отчете III Отделения за 1827 г. появилось осторожное обозначение серьезной проблемы: недовольство крепостных крестьян своим положением. «Так как из этого сословия мы вербуем своих солдат, оно, пожалуй, заслуживает особого внимания со стороны правительства»², – писал А. Х. Бенкендорф.

Прежде всего, он считал необходимым учитывать массовые настроения и представления крестьян о справедливости: «Среди этого класса встречается гораздо больше рассуждающих голов, чем это можно было бы предположить с первого взгляда». Взаимодействуя с казенными крестьянами, проживая в городах, «крепостные невольно учатся ценить те преимущества, коими пользуются свободные сословия», а потому «всякий крепостной, которому удалось своим трудом скопить несколько тысяч рублей, употребляет их прежде всего на то, чтобы купить себе свободу»³. Крестьяне-странники, сельские священники, религиозные сектанты, уволенные со службы за дурное поведение мелкие чиновники «распространяют пагубные идеи среди крепостных», в результате крестьяне живут в ожидании своего мессии – Метелкина («Пугачев попугал господ, а Метелкин пометет их»). «Народные страсти не довольствуются желаниями

¹ Петербургское общество при восшествии на престол императора Николая (По донесениям М. М. Фока – А. Х. Бенкендорфу // Николай Первый и его время. М., 2000. С. 82.

² Россия под надзором. Отчеты III Отделения 1827–1869. М., 2006. С. 24.

³ Там же.

и надеждами»¹, а потому начало каждого царствования знаменуется крестьянскими волнениями.

В отчете за 1830 г. шеф жандармов, перечисляя социальные группы, выражавшие, по данным надзора, в той или иной степени недовольство правительственной политикой, отмечал и все крепостное сословие, «которое считает себя угнетенным и жаждет изменения своего положения»².

Прошло более десяти лет, и в отчете за 1839 г. шеф жандармов вновь обратился к проблеме крепостничества. По сути, он представил на рассмотрение государя несколько расширенную версию своих суждений 1827 г. Тезис начала нового правления о традиционных крестьянских бунтах, существенно скорректирован: «При каждом новом царствовании, при каждом важном событии при дворе или в делах государства издревле и обыкновенно пробегает в народе весть о предстоящей перемене во внутреннем управлении и возбуждается мысль о свободе крестьян; вследствие этого происходят и в прошедшем году происходили в разных местах беспорядки, ропот, неудовольствия, которые угрожают хотя отдаленную, но страшную опасностью»³. Непрекращающиеся крестьянские волнения – потенциальная серьезная угроза общественной безопасности. Вновь повторялась мысль о постоянном воздействии «праздных людей», лиц свободных сословий на крепостной народ, именно они «привили ему много новых идей и раздули в сердце искру, которая может когда-нибудь вспыхнуть»⁴. Зачастую заблуждение крестьян было добросовестным и основывалось на библейских текстах: «В народе толкуют беспрестанно, что все чужезычники в России, чухны, мордва, чуваша, самоеды, татары и т. п. свободны, а одни русские, православные-невольники, вопреки Священному Писанию. Что всему злу причиной господа, т. е. дворяне! На них сваливают всю беду!»⁵ По сведениям надзора реорганизация управления удельными крестьянами и улучшение их положения «сильно подействовали на возбуждение еще большего омерзения к крепостному состоянию»⁶.

«Вообще весь дух народа направлен к одной цели, к освобождению, – писал шеф жандармов, обобщая. – Вообще крепостное состояние есть пороховой погреб под государством, и тем опаснее, что войско составлено из крестьян же (...)»⁷.

¹ Россия под надзором. Отчеты III Отделения 1827–1869. С. 24.

² Там же. С. 74.

³ Там же. С. 201.

⁴ Там же. С. 202.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

Подобное внимание шефа жандармов к проблеме крепостничества вполне подтверждает тезис С. В. Мироненко о том, что к середине 1830-х годов у императора сложилось твердое убеждение в необходимости вплотную заняться изменением положения крепостных крестьян¹, и ближайший к императору сановник оказывал содействие в этом намерении.

16 ноября 1839 г. собрался на первое заседание Секретный комитет, которому было «высочайше повелено» «сделать безотлагательно пересмотр закона об увольнении в вольные хлебопашцы»². Деятельность комитета была засекречена. Опасаясь появления ненужных толков, ему дали наименование «Комитет о повинностях в казенных имениях западных губерний». Шеф жандармов не упоминался в числе членов этого комитета, но, видимо, был хорошо осведомлен о его деятельности. В тексте отчета III Отделения – со ссылкой на мнение «людей здравомыслящих» – говорилось о необходимости «начать действовать», при этом «не объявляя свободы крестьянам, которая могла бы от внезапности произвести беспорядки»³. Необходимо было покончить с тем, что создает условия для злоупотребления помещиков: «Теперь крепостные люди не почитаются даже членами государства и даже не присягают на верность Государю. Они состоят вне закона, ибо помещик может без суда сослать их в Сибирь». Было бы желательно, не вводя ничего нового, «утвердить законом все существующее уже на деле (*de facto*) в хорошо устроенных поместьях»⁴. Далее формулировались несколько важных тезисов этой программы:

– «можно было бы учредить волостные управления, сдачу в рекруты по жребию или по общему суду старшин волости, а не по прихоти помещика»;

– «можно было бы определить меру наказания за вины и подвергнуть крепостных людей покровительству общих законов»;

– «разделив Россию на полосы по качеству почвы, климату и промышленному положению края, определить число рабочих дней на господина по мере занимаемой крестьянином земли и определить по той же мере оброк»⁵.

Сравнивая приведенное мнение «людей здравомыслящих» с программой главного идеолога преобразований П. Д. Киселева, сформулированной в записке «О мерах правительства в отношении к крепостному состоянию» и представленной Николаю I 12 февраля 1840 г.

¹ *Мироненко С. В.* Страницы тайной истории самодержавия. М., 1990. С. 112.

² Там же. С. 120.

³ Россия под надзором. С. 202.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 202–203.

(примерно в это же время рассматривались и тексты ежегодных отчетов министров и главноуправляющих), можно отметить определенное созвучие двух документов. В тексте записки есть и предложения «учредить суд и расправу», и признание необходимости «определить порядок исполнения рекрутской повинности на общих основаниях»; главный тезис – об отношении крестьян к помещичьей земле – был сформулирован весьма абстрактно: «...определить отношение крестьян к владельческой земле и обеспечить права помещиков на получение соразмерного дохода»¹.

В Записке П. Д. Киселева от 18 марта есть суждения, еще более близкие к мысли А. Х. Бенкендорфа: «Развить указ о трехдневной барщине и определить инвентарями количество земли, которое помещики должны предоставлять в пользование крестьянам (...)»². Важно отметить, что, по мнению шефа жандармов, порядок личного освобождения крестьян устанавливался государством: предоставление определенных гражданских прав сопровождалось установлением размера повинностей и оброка в зависимости от качества и доходности выделяемой крестьянам земли.

Шеф жандармов полагал: «Начать когда-нибудь и с чего-нибудь надобно, и лучше начать постепенно, осторожно, нежели дожидаться, пока начнется снизу, от народа. Тогда только мера будет спасительна, когда будет предпринята самим правительством тихо, без шуму, без громких слов и будет соблюдена благоразумная постепенность»³.

Перипетии работы Секретного комитета 1839–1842 гг. известны. В то время, когда в комитетских дебатах уничтожалась первоначальная идея «принудительной регламентации»⁴ отношений помещиков и обязанных крестьян, шеф жандармов в своих отчетах рисовал довольно мрачные картины последствий правительственного бездействия: «Вообще мысль о свободе вкореняется более и более и бывает причиною не только беспорядков, но порождает часто и важнейшие преступления: посягательство на жизнь самих помещиков и управителей имениями! (...) мысль крестьян о свободе год от году более угрожает опасностью будущие времена России»⁵ (1840 г.). Продолжая тему, он в 1841 г. предупреждал: «Эти темные идеи мужиков все более и более развиваются и сулят нечто нехорошее»⁶.

¹ МIRONENKO С. В. Указ. соч. С. 125.

² Там же. С. 127.

³ Россия под надзором. С. 203.

⁴ МIRONENKO С. В. Указ. соч. С. 192.

⁵ Россия под надзором. С. 238.

⁶ Там же. С. 256.

При обсуждении проекта правительственного указа в Государственном совете 30 марта 1842 г. император счел необходимым ознакомить членов Совета с теми «побуждениями», которыми он руководствовался. Признавая, что «крепостное право, в нынешнем его положении у нас, есть зло, для всех ощутительное и очевидное, но прикасаться к нему *теперь* было бы делом еще более гибельным (...) если время, когда можно будет приступить к такой мере, вообще очень еще далеко, то в *настоящую* эпоху всякий помысел о том был бы не что иное, как преступное посягательство на общественное спокойствие и благо государства»¹. Император подчеркнул необходимость «приготовить пути для постепенного перехода к другому порядку вещей». Суть этого пути сводилась к тезису: «Не должно давать вольности, но должно проложить дорогу к переходному состоянию, а с ним связать нерушимое охранение вотчинной собственности на землю»². Подчеркнув, что «это не есть закон новый», а развитие закона 1803 г. о вольных хлебопашцах, устраняющее «вредное начало этого закона – отчуждение от помещиков поземельной собственности, которую, напротив, (...) желательно видеть навсегда неприкосновенною в руках дворянства». Предметом первостепенной важности для будущего спокойствия названо четко сформулированное «убеждение правительства», что земля есть собственность не крестьян, которые на ней поселены, а помещиков»³. Место первоначально обсуждавшейся государственной регламентации размеров повинностей и наделов в подготовленном указе занимал принцип добровольного соглашения, которое «дает каждому благонамеренному владельцу способы улучшить положение его крестьян и (...) предоставляет все доброй воле каждого и влечению собственного сердца»⁴.

Николай I пошел на серьезный компромисс с дворянами, утя их интересы, однако настоял на завершении длительного процесса обсуждения и согласования. «Отлагать начинание, которого польза очевидна, и отлагать потому только, что некоторые вопросы с намерением остаются неразрешенными и на первый раз предвидятся некоторые недоумения, – я не нахожу никакой причины»⁵, – заявил он в Государственном совете.

¹ Материалы и черты к биографии императора Николая I и к истории его царствования // Сборник Императорского русского исторического общества. СПб., 1896. Т. 98. С. 115.

² Там же.

³ Там же. С. 116.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

Отчет шефа жандармов за 1842 г. как раз содержал такой перечень «неудобств», препятствовавших оформлению договорных отношений. В первую очередь, это «бедность крестьян-хлебопашцев во всех почти губерниях», затем – «превратное мнение крестьян о свободе», считавших освобождением «уничтожение прав господина с приобретением его собственности и с переходом из владения помещичьего в ведомство казенное». К более частным вопросам относилась «трудность наделения крестьян участками земли при общей почти чресполосности помещичьих владений», а также правовая неопределенность отношений помещиков и крестьян и несовершенство системы местного управления (нижние суды, земская полиция). Главнейшим же препятствием для реализации правительственной реформы, по мнению «людей сведующих», озвученному шефом жандармов, было нравственное состояние крестьян и помещиков: «дворян, не получивших надлежащего образования, и крепостных крестьян, доселе пребывающих в совершенном невежестве»¹. Поэтому успешное претворение правительственных начинаний возможно будет только тогда, когда «временем и мудрыми внушениями правительства те и другие могут быть приготовлены к предназначенному для них обновлению»².

Если еще один-два года назад А. Х. Бенкендорф указывал на бездействие как фактор приближения катастрофы, то теперь беду предрекала решительная деятельность. Шеф жандармов писал: «Поспешность в исполнении помянутой меры повернула бы оба класса (дворян и крестьян) в смятение, гибельное для них самих, тягостное для правительства, опасное, может быть, для спокойствия общественного и вредное для успехов земледелия»³. Подобные оговорки и предостережения не означали остановки или попятного движения. Показателен пример генерал-адъютанта графа М. С. Воронцова, попытавшегося воспользоваться нормами указа 1842 г. А. Х. Бенкендорф посоветовал П. Д. Киселеву, к которому обратился землевладелец, составить записку, включить в нее выдержку из письма М. С. Воронцова и показать государю: «Это даст вам случай все высказать; (...) затем я буду горячо говорить. Было бы истинным несчастьем, если бы дело остановилось; скажу более: это было бы ударом верховной власти и вечною преградой для дела самого нужного, самого необходимого для постепенного освобождения крестьян»⁴.

¹ Россия под надзором. С. 293.

² Там же. С. 293–294.

³ Там же. С. 294.

⁴ *Семевский В. И.* Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века. СПб., 1888. Т. 2. С. 92.

Этот пример действительно был важен для сторонников последовательных шагов по пути отмены крепостного права. А. Х. Бенкендорф сдержал слово. В отчете за 1842 г. об этом деле сообщалось: «С одной стороны, сами крестьяне хотя не противились, но убеждали оставить их в первобытном положении, а с другой – граф Воронцов более половины года не может окончить сего дела по причинам, от присутственных мест зависящим. Это обстоятельство обезоруживает других и приводит к основательному заключению, что ежели такой сановник не может окончить своего предприятия, то как исполняют это другие, менее знатные люди»¹. История эта так быстро не закончилась, в феврале 1843 г. дело рассматривалось в Совете министров, а в конце июня 1843 г. договор был утвержден императором.

А. Х. Бенкендорф докладывал Николаю I: «Милостивый же Его Императорского Величества на имя графа Рескрипт еще более встревожил помещиков, будучи ими принят за косвенное изъявление Высочайшей воли на то, чтобы и другие последовали этому примеру»². Правда, затем волнение улеглось: «Помещики увидели, что правительство, предложив им сию меру не в виде обязанности, а в качестве права, не настаивает о непременном ее исполнении, и чистая, благодетельная мысль Его Величества о возможности освобождения в России помещичьих крестьян при благоприятных обстоятельствах проявилась во всем своем блеске». После того как необязательный, рекомендательный, вариативный способ организации отношений с крестьянами был осознан, тревога помещиков утихла: «Теперь это нововведение считается уже удобоисполнимым, полезным и государственно важным, но требующим времени, большего развития образованности, улучшения нравственного и хозяйственного быта крестьян или особых случаев принорования»³.

В 1844 г. А. Х. Бенкендорф участвовал в работе нового Секретного комитета о дворовых людях. По мнению В. И. Семевского, шеф жандармов оказался на стороне «либералов», т. е. высказался в пользу мер относительного уменьшения численности дворовых людей⁴. В делах Секретного комитета сохранилась записка, обсуждение которой состоялось на заседании 19 марта 1844 г. В ней глава III Отделения отметил риски существования огромного числа дворовых: это опасность для общественного спокойствия Империи, источник разорения для помещиков и утнетения для крестьян, а также «постоянное пре-

¹ Россия под надзором. С. 294–295.

² Там же. С. 321.

³ Там же. С. 321–322.

⁴ Семевский В. И. Указ. соч. Т. 2. С. 123.

пятствие большим успехам земледелия». Принять меры «для уменьшения сего вредного класса» следовало, «не дав ему повод к возмущению и без нарушения основных прав дворянства»¹.

Далее А. Х. Бенкендорф анализировал суждения, высказанные в Комитете. «Нравственную невыгоду» видел он в предложении заставить помещиков отпускать дворовых на волю: «негодные получают свободу преимущественно пред хорошими слугами, которые усердием и добрым поведением стараются выслужить себе отпускную»². Напротив, он предлагал меру, которая могла поощрить помещиков к выдаче отпускных: помещику за каждого мужчину-дворового, отпущенного на свободу, в городе платить по 20 руб. сер., за женщину – 10 руб. сер., а за дворовых в деревнях – по 15 руб. и по 7 руб. с половиной. Предложение о «возвышении в четыре раза пошлины на паспорта дворовых людей нисколько не будет соответствовать предложенной цели; единственное следствие сего будет то, что отпущенные по паспортам, на которых естественно упадет сия пошлина, воздорожают непомерно при найме»³.

А. Х. Бенкендорф считал полезным создавать особые цехи или артели для бывших дворовых слуг, потому что это «польстит самолюбию сего униженного класса и будет сильно способствовать к исправлению людей, до ныне подвергнутых полному произволу помещиков; тем более что произвол беспрестанно раздражает дворовых; доводит их до того, что, не видя особенной выгоды быть лучшими они теряют и всякую охоту быть лучшими и предаются праздности и порокам»⁴. Коллективистские формы опеки и социального контроля должны были заменить патерналистскую власть помещика.

По мнению шефа жандармов, начало преобразований «не повлечет за собою никакого неустройства»: «При постоянных опасениях ни до чего достигнуть нельзя; причины взрыва, которые вовремя можно отклонить, не уничтожаются нерешимостью, а лишь укрепляются, и чем позднее будет сей взрыв, тем сильнее и опаснее»⁵. Традиционное для главы политической полиции указание на грядущие опасности в данном случае должно было побуждать к действию. Прозвучавшие в комитете предложения получили одобрение государя, но практически шагов не последовало. Как пишет С. В. Мироненко, по закону 12 июня 1844 г. помещики получили право освобождать дворовых на особых условиях, которые должны были утверждаться

¹ РГИА. Ф. 1180. Оп. 1. Д. 147. Л. 112.

² Там же. Л. 113.

³ Там же. Л. 113 об. – 114.

⁴ Там же. Л. 114–114 об.

⁵ Там же. Л. 115–115 об.

местной властью, а поскольку никаких побудительных причин для сокращения дворни не было установлено, то и результаты оказались ничтожными¹.

Сменивший А. Х. Бенкендорфа в должности шефа жандармов А. Ф. Орлов имел опыт участия в работе Секретных комитетов по крестьянскому делу. Правда, в 1841 г. в одном из них он заявил, что «не имеет практических сведений о сельском хозяйстве и потому не может судить о степени удобства или неудобства предполагаемых подробностей наделения крестьян землею, по стоимости их работ, платежа оброка, по ценности хлеба и проч., и проч.»². Тем не менее он критиковал положения указа 1803 г. о вольных хлебопашцах, видя его «неуспех (...) единственно в ограничении права помещиков увольнять крестьян не иначе как с землей». «Лишение права на землю с ненадежным обеспечением, основанном только на обязательстве крестьян, затрудняет помещиков давать свободу крестьянам», – утверждал А. Ф. Орлов, отстаивая право помещиков «увольнять крестьян и с оставлением за собой земли, к которой крестьяне должны однако ж оставаться крепкими», и с сохранением полицейской власти помещика над крестьянами³. Ожидать каких-либо инициатив от руководителя политической полиции не приходилось.

1 марта 1846 г. состоялось заседание очередного Секретного комитета, сформированного по указанию императора под председательством наследника Александра Николаевича. В состав комитета вошли шеф жандармов А. Ф. Орлов, председатель Государственного совета И. В. Васильчиков и министр внутренних дел Л. А. Перовский. Рассмотрев записку Л. А. Перовского, комитет «остановился прежде всего на главной и, так сказать, основной его мысли: достигнуть освобождения людей крепостного состояния постепенным ограничением крепостного права, незаметным для них образом, не возбуждая в народе опасных толков и не произнося даже слова: свобода или вольность»⁴. Члены комитета согласились с тем, что «власть помещика, как поземельного владельца, есть орудие и опора самодержавной власти. Он есть ближайший блюститель над народонаселением в 24 миллиона душ обоого пола, и на нем лежит ответственность пред Самодержавной властью за спокойствие и довольствие сей огромной части ея подданных. Власть помещика не должна, однако ж, быть не

¹ Мироненко С. В. Указ. соч. С. 104–105.

² ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 3. Д. 1232. Л. 12.

³ Там же. Л. 12 об.

⁴ РГИА. Ф. 1180. Оп. 1. Д. 148. Л. 37.

ограничена, и крестьянин должен быть огражден законами от злоупотребления оной»¹.

Признавая, что «права личные и по имуществу суть первые условия гражданства», члены комитета определили первоочередные действия правительства: «точное определение власти помещика над личностью крестьян в степени, необходимой для охранения спокойствия и порядка в пределах его владений», «ограждение собственности крестьянина от произвольных притязаний помещиков» и «дарование крестьянам права жалобы на злоупотребления помещицьею властью»². Итоговое мнение комитета зафиксировано в журнале: «Далее сего, по убеждению комитета, еще долго идти невозможно, не возбуждая опасных толков без существенной пользы; ибо, прикасаясь к мелочам и оставляя источник зла, правительство неизбежно будет раздражать обе стороны: одну стеснением воли и привычек, а другую указанием ей на то, что она еще не имеет»³.

Отчеты III Отделения за последующие годы содержат многочисленные примеры крестьянских волнений из-за действий подстрекателей, ложных слухов, произвола помещиков. Только в «Нравственно-политическом отчете за 1847 год» встречаются размышления о возможности отмены крепостного права и социальных последствиях сохранения крепостничества: «В течение прошедшего года главным предметом рассуждений во всех обществах была непонятная уверенность, что Вашему Величеству непременно угодно дать полную свободу крепостным людям. Эта уверенность поселила во всех сословиях опасение, что от внезапного изменения существующего порядка вещей произойдут неповиновение, смуты и даже самое буйство между крестьянами»⁴.

В этих обстоятельствах А. Ф. Орлов выступил проводником настроений и убеждений императора, ссылаясь на свою хорошую осведомленность в этом щекотливом вопросе: «Осчастливленный доверенностью Вашего Величества и зная истинные намерения Ваши, я лично и через другие находящиеся в моих руках средства старался быть оплотом против распространения подобного мнения. Я внушал и уверял всех и каждого, что Ваше Императорское Величество и не думает о внезапном перевороте, что различные указы и постановления, изданные в последнее время насчет крестьян, суть только предшественники таким мерам, которые улучшили бы быт их, не нарушая необходимой и умеренной власти помещиков, одним словом,

¹ РГИА. Ф. 1180. Оп. 1. Д. 148. Л. 40.

² Там же. Л. 40 об. – 41.

³ Там же. Л. 44.

⁴ Россия под надзором. С. 407.

что заботы Вашего Величества клонятся единственно к ненарушимо-
мому правосудию, к удержанию порядка и общественного спокой-
ствия»¹.

Судя по ремарке: «При всех неусыпных моих наблюдениях я был не в состоянии обнаружить истинных виновников распространения подобных слухов, не могу даже определить, есть ли это следствие неблагонамеренности или только необдуманного рассуждения о действиях правительства; но вижу, что разглашатели внушили и поддерживают тревогу общественную, которая, к сожалению, производит неумолкаемое в умах волнение», речь идет не о конкретной полицейской информации, а об общей проблеме, обсуждение которой в верхах хотел активизировать А. Ф. Орлов, чтобы вновь обозначить опасность и пресечь возможные радикальные шаги в решении крестьянского вопроса.

Не случайна его ссылка на «большую часть публики» и порочный опыт Западной Европы: «Большая часть публики рассуждает, что свобода крестьян во всех государствах Европы не привела их к тому счастливому быту, которого от свободы ожидать должно, что, напротив, где более свободы, там более беспорядков, что теперь, когда все умы в брожении, не время приступать к уменьшению власти помещиков и что со всяким нововведением должно приостановиться по крайней мере на некоторое время»².

Речь идет об указе 8 ноября 1847 г. «О предоставлении крестьянам имений, продающихся с публичных торгов за долги, права выкупать себя с землею», который произвел на помещиков «грустное впечатление». А. Ф. Орлов приводит мнение дворян: «Одни говорят, что крестьяне с намерением будут увеличивать недоимку оброков, чтобы поставить помещиков в затруднительное положение и, воспользовавшись их несостоятельностью, выкупаться на волю; другие – что правительство с некоторого времени употребляет излишнюю бдительность и настойчивость к освобождению крестьян»³.

Свое негативное отношение к этому указу А. Ф. Орлов озвучил в специально созданном комитете, обсуждавшем 23 июня 1848 г. записку тульского губернского предводителя дворянства. Соглашаясь с критикой этой правительственной меры, он отмечал, что «последствия указа 8 ноября 1847 года могут произвести еще столько запутанности и внутренних потрясений, что в строгом смысле всякая мера, клонящаяся к умалению их, оказывается более или менее по-

¹ Там же.

² Там же. С. 408.

³ Там же.

лезною, более или менее необходимою»¹. «Из зловредных последствий» указа А. Ф. Орлов акцентировал внимание на том, что данное крестьянам право «из ложно понимаемой крестьянами цели может только повести их к разрушению последней их связи помещиками, и склонных к мятежу и неповиновению заставить злонамеренно доводить дворянские имения до невольной несостоятельности, разрушая умышленно их благосостояние неплатежом податей, невзномом оброков, тайным расхищением имуществ, скота, лесов и т. п.»².

В ходе обсуждения последствий издания и сохранения указа в силе пять членов комитета (вел. кн. Александр Николаевич, принц П. Ольденбургский, А. И. Чернышев, А. Ф. Орлов и Л. А. Перовский) настаивали на необходимости полной отмены указа: «...сколь ни справедливы и благодетельны были виды правительства при издании указа 8 ноября 1847 г., но опыт показал, с одной стороны, что помещичьи крестьяне в весьма редких случаях могут иметь средства пользоваться предоставленным им правом выкупа», а с другой, что дух беспокойства, возбужденный этим указом среди низов, угрожает государству весьма вредными последствиями и что меры к их предупреждению делаются все более настоятельно необходимыми. Отмена указа, по мнению пяти членов комитета, едва ли может произвести какие-либо серьезные беспорядки, но если б они и возникли, то «лучше подавить их однажды, нежели беспрестанно возбуждать их объявлениями о выкупе»³. Столь решительный настрой охранителей устоев император не поддержал.

Итогом работы комитета стал указ 19 июля 1849 г., установивший обязательное согласие помещика на выкуп, тем самым упразднилась существовавшая прежде возможность свободного выкупа с публичных торгов.

Европейские потрясения 1848 г. отразились на внутривосточной жизни государства, это было время мрачной реакции. О реформах говорить и думать было уже неуместно. «В предшествовавшие годы и в начале 1848 волновали еще умы и меры правительства к улучшению крестьянского быта и всеобщая уверенность о постепенном их освобождении. Слышны были также рассуждения, что восставшие против нашего крепостного состояния, вероятно, не знают или не хотят знать отношений нашего помещика к крепостным людям; не хотят знать, что связь между ними столь крепка, что она, сливаясь в самодержавии Государя, служит твердым оплотом благоденствия и тишины в государстве и что лучшим и единственным

¹ РГИА. Ф. 1180. Оп. 1. Д. 14. Л. 72 об. – 73.

² Там же. Л. 73 об. См.: *Семевский В. И.* Указ. соч. С. 190–191.

³ *Семевский В. И.* Указ. соч. С. 205.

способом к благосостоянию крестьян есть строгое наблюдение, чтобы владельцы не позволяли себе выходить из пределов той власти, которая законами им предоставлена»¹, – писал императору шеф жандармов А. Ф. Орлов.

Идиллия «благоденствия и тишины» привела к катастрофе Крымской войны. Восшествие на престол Александра II, начавшаяся «оттепель» актуализировали крестьянский вопрос, связав его с поиском путей модернизации российской государственности.

После назначения А. Ф. Орлова председателем Государственного совета и Комитета министров III Отделение возглавил бывший военный министр князь В. А. Долгоруков. Если особых талантов государственного деятеля современники в нем не видели, то почти единодушно характеризовали его как «человека в высшей степени безвредного и благонамеренного»². Это назначение сделало В. А. Долгорукова очень влиятельной фигурой в правящих кругах. Он имел постоянный доступ к императору, сопровождал его в поездках по стране, регулярно представлял ему сведения о «состоянии умов» в государстве. Подбор и трактовка городских слухов, данные перлюстрации и агентурных наблюдений – манипулируя этой информацией, руководство тайной полиции имело возможность оказывать влияние на политические настроения Александра II. Шеф жандармов, казалось, располагал всесторонней системой сбора сведений о настроениях, страхах и ожиданиях, поэтому его суждения, замечания, указания, сделанные в комитетах, в которые он был включен, имели особый вес, мотивированный целями сохранения государственной безопасности и общественного спокойствия. Закрытость правительственных сфер открывала простор для циркуляции слухов, распространения имиджевых оценок, которые если и не вполне соответствовали действительности, то отражали настроения и накал политической борьбы в верхах. Непосредственно участвовавший в разработке реформы П. Семенов-Тянь-Шанский, отмечал, что свои надежды на защиту интересов собственного сословия помещики связывали с высшими сановниками (в числе их назван и В. А. Долгоруков)³. А. В. Никитенко относил шефа жандармов к одним из глав партии, которая «враждебная так называемому прогрессу, не желающая ни освобождения крестьян, ни развития науки, ни гласности – словом, никаких улучшений»⁴.

¹ Россия под надзором. С. 419.

² Тютчева А. Ф. Воспоминания. М., 2004. С. 392.

³ Семенов-Тянь-Шанский П. Начало Эпохи освобождения крестьян // Вестник Европы, 1911. № 2. С. 46.

⁴ Никитенко А. В. Дневник. Т. 2. М., 1955. С. 19–20.

Д. А. Милютин, перечисляя тех, кто «были положительными противниками всяких либеральных реформ, а в особенности крестьянской»¹, не забыл упомянуть и В. А. Долгорукова.

Категоричность суждений современников шефа жандармов разделяли исследователи. «Оппозиция крестьянской реформе большинства дворянства, бюрократии и *высших сановников государства* [курсив мой. – О. А.] делали борьбу либерального правительственного меньшинства весьма трудной»², – писал И. Иванюков. Нынешние исследователи продолжают эту традицию. П. А. Зайончковский хотя и писал, что «почти все члены комитета были настроены довольно реакционно», тем не менее отделял В. А. Долгорукова от А. Ф. Орлова, М. Н. Муравьева, К. В. Чевкина и П. П. Гагарина, которые «являлись ярыми крепостниками»³. Л. Г. Захарова видит В. А. Долгорукова «среди влиятельных крепостников Секретного комитета»⁴; отказывает в реформаторском потенциале шефу жандармов, вышедшему «из николаевского инкубатора»⁵ и Б. Г. Литвак. Более осторожную и выверенную позицию занимает И. А. Христофоров. Он справедливо отмечает, что «энтузиазма по поводу готовившейся реформы» В. А. Долгоруков, скорее всего, не испытывал, однако анализ отношений петербургских аристократических кругов и сановников дает основание исследователю полагать, что «картина была гораздо более сложной»⁶. Был ли руководитель политической полиции очередным крепостником-ретроградом, бросившим весь контролируемый им административный ресурс на противодействие преобразованиям, или же шеф жандармов был сподвижником императора, оберегавшим власть от скоропалительных решений? Какие факторы определяли практические шаги руководителя III Отделения в грядущих реформах? Все это и предстоит выяснить.

Начало крестьянской реформы было достаточно традиционным для правительственной политики. 3 января 1857 г. состоялось первое заседание Секретного комитета, составленного из высших сановников. В его состав входил и шеф жандармов князь В. А. Долгоруков.

Открывая заседание комитета, Александр II потребовал от приглашенных по его выбору сановников, чтобы «все рассуждения, какие будут происходить в настоящем собрании, были сохранены

¹ Милютин Д. А. Воспоминания. 1860–1862. М., 1999. С. 46.

² Иванюков И. Падение крепостного права в России. СПб., 1903. С. 375–376.

³ Зайончковский П. А. Отмена крепостного права в России. М., 1968. С. 68.

⁴ Захарова Л. Г. Самодержавие и отмена крепостного права. М., 1984. С. 57.

⁵ Литвак Б. Г. Переворот 1861 г. в России. М., 1991. С. 27.

⁶ Христофоров И. А. «Аристократическая» оппозиция Великим реформам (конец 1850 – середина 1870-х гг.). М., 2002. С. 51.

в строгой тайне». Далее император говорил о том, что вопрос о крепостном праве давно занимает правительство», и «крепостное у нас состояние почти отжило свой век»¹. Затем предложил обсудить: «Следует ли приступить теперь к каким-либо мерам для освобождения крепостных людей?» Сухие строки протокола заседания («Собрание признало единогласно...») не передают эмоционального накала дискуссии. Любопытно зафиксированное в Журнале комитета понимание его членами, что «волнение умов» «все-таки существует и при дальнейшем развитии может иметь последствия более или менее вредные, даже опасные». Важен и весьма радикально звучащий тезис, что «само по себе крепостное состояние есть зло, требующее исправления»². В присутствии императора все приглашенные высказали свою убежденность в том, что «в настоящее время и для успокоения умов, и для упрочения будущего благосостояния государства необходимо приступить безотлагательно к подробному пересмотру» всех действующих постановлений и имеющихся проектов о крепостных крестьянах с целью определения исходных начал, которые позволили бы приступить к будущему освобождению. Принципиальный характер носило уточнение: «впрочем, к освобождению постепенному, без крутых и резких переверотов, по плану, тщательно и зрело во всех подробностях обдуманному». При этом в Журнале четко сказано: «Государь император, выслушав сии рассуждения и заключение, изволил вполне оные одобрить»³. Эта фраза – свидетельство успешно достигнутого компромисса: комитет приступил к немедленному рассмотрению предложенного императором вопроса, не связав себя обязательствами скорого разрешения дела.

Наряду с рассмотрением доклада и записки министра внутренних дел С. С. Ланского, обобщившего правительственные меры прошлых лет по крестьянскому вопросу, на заседании был прочитан и проект освобождения крестьян, представленный императору полтавским помещиком М. П. Позеном. Этой записке (на нее Александр II обратил «особое внимание») отводилась роль отправного момента, исходного начала в разрешении крестьянского вопроса.

Не случайно на том же заседании после прочтения записки М. П. Позена Александр II еще раз, как бы закрепляя достигнутое, повторил, «что, одобряя мысль о приступе *теперь же* к пересмотру постановлений и к указанию начал, на которых может и должно быть

¹ Журналы Секретного и Главного комитетов по крестьянскому делу: В 2 т. Пг., 1915. Т. 1. С. 1.

² Там же. С. 2.

³ Там же. С. 3.

совершено *постепенное* (курсив мой. – О. А.) освобождение в России крепостных крестьян», создает комитет в «непосредственном своем ведении» под председательством Председателя Государственного Совета князя А. Ф. Орлова¹.

Через несколько дней после аудиенции у императора М. П. Позена посетил В. А. Долгоруков и «пригласил остаться в Петербурге несколько времени, пока записке не дано будет направление»².

17 января на заседании, посвященном определению программы работ комитета, идеи, высказанные М. П. Позеном в его записке, были отражены в виде намерения приступить лишь к «подробному пересмотру и соглашению двух законоположений: 1. О обязанных поселянах и 2. О свободных хлебопашцах» и ввести освобождение «постепенно, без крутых и резких поворотов и без мер насильственных»³.

На этом же заседании возник вопрос о гласности. Точнее, речь шла о необходимости успокоить «брожение умов» именным указом Сенату о пересмотре прежних указов о крестьянах. Это предложение Я. И. Ростовцева было поддержано большинством комитета как мера, направленная на успокоение помещиков, подтверждавшая незаблемость прав собственности и умеренность плана реформ. И если возражения оппонентов – П. П. Гагарина и Д. Н. Блудова – касались сути указа, декларируемых начинаний, то В. А. Долгоруков говорил о мотивах его издания. Признавая, что «брожение умов» действительно существует, шеф жандармов отмечал, что «оно преувеличено и поддерживается более страхом самих помещиков, которые с ужасом воображают, что они должны лишиться своей собственности и сделаться жертвою переворота в битве крестьян». Говоря о барщинных крестьянах, он признавал, что «они действительно состоянием своим недовольны». Подчеркивая, что «Правительство непременно должно заняться без замедления изысканием средств к улучшению крепостного состояния», В. А. Долгоруков высказал мнение, что обнародование предлагаемого указа «не только не нужно, но может иметь последствия более вредные, нежели полезные». Более того, он считал, что «в подобных делах необходимо действовать со всевозможной осторожностью и давать всем обсуживаемым мерам как можно менее гласности». Отстаивая свою точку зрения, шеф жандармов исходил из опыта прошлых лет: «(...) почти всякий указ и всякое распоряжение Правительства перетолковываются неблагонамеренными людьми».

¹ Журналы Секретного и Главного комитетов по крестьянскому делу. Т. 1. С. 3.

² Позен М. П. Бумаги по крестьянскому делу. Дрезден, 1864. С. 28.

³ Журналы Секретного и Главного комитетов... Т. 1. С. 1–3.

ми несогласно с видами Правительства», и потому полагал, что этот указ «даст новый повод и случай людям злонамеренным объяснять его иначе и чрез то возбудить крестьян к новым, может быть еще сильнейшим волнениям». Более «удобным» он находил решительное применение полицейских мер и с этой целью полагал необходимым расширить власть местных властей и «искоренить в них страх ответственности за несоблюдение в чрезвычайных случаях формального делопроизводства» (т. е. законности!). Эти меры должны были гарантировать порядок и обеспечить комитету «полную возможность совершить возложенный на него труд без излишней, с несомненным вредом сопряженной поспешности»¹.

Как видим, глава тайной полиции высказал довольно важную мысль, что правительство должно заняться «улучшением» крепостного состояния «непременно», «без замедления». Гласность в этом вопросе воспринималась им как угроза безопасности и стабильности, которые надлежало защищать самыми решительными мерами.

Шеф жандармов хорошо знал, о чем говорил. В отчете III Отделения за 1857 г. встречается упоминание о событиях, подтвердивших тревогу В. А. Долгорукова. Он информировал императора: «В январе 1857 года напечатан был указ о порядке совершения записей по увольнению помещиками крестьян в звание государственных водворенных на собственных землях. Крепостные люди приняли этот указ за объявление всем крестьянам свободы, тогда как в нем определен только порядок совершения в гражданских палатах записей в случае увольнения самими помещиками крестьян своих в государственные. В С.-Петербурге требования на экземпляры помянутого указа из сенатской типографии были весьма значительны, и потом перепродавались даже по довольно возвышенным ценам». В это же время в одной из кондитерских отставной артиллерийский офицер Важинский «вел с служителями неуместный разговор в подтверждение означенных толков». Важинскому в III Отделении было сделано «надлежащее внушение». Столичная новость быстро получила распространение. Как отмечалось в отчете: «Ложное истолкование вышеупомянутого указа проникло и в губернии, но нигде не имело важных последствий»².

Затем в Москве появились подложные копии с каких-то постановлений правительства «о разных изменениях в государственном управлении, в том числе и об уничтожении крепостного права». Московские власти быстро добрались до источника распростране-

¹ Журналы Секретного и Главного комитетов... Т. 1. С. 11–12.

² Крестьянское движение 1827–1869 гг. М.; Л., 1931. Вып. 1. С. 107.

ния недостоверных сведений. Задержанный сочинитель, отставной коллежский регистратор Березов пояснил, «что цель его дела только та, дабы от раздачи копий получать деньги и тем поддерживать свое существование». Все выявленные участники этой акции были преданы военному суду, копии подложных документов изъяли, «но тем не менее в Москве учреждено наблюдение, не окажется ли у кого-либо подобных бумаг, и приняты меры к предупреждению распространения самых сведений, заключававшихся в этих бумагах»¹. Как видим, шеф жандармов довольно прозорливо предвидел опасность подстрекательских действий людей «злонамеренных».

Л. Г. Захарова считает, что «секретность существования комитета строго соблюдалась»². Если канцелярское движение бумаг и осуществлялось в закрытом режиме, то в остальном создание комитета оказалось секретом Полишинеля. Уже 10 января А. В. Никитенко, пообедав с М. П. Позеном, записал в своем дневнике: «комитет об эмансипации ничего не решил»³. Автор публикации «На заре крестьянской свободы», проанализировав письма помещиков, отмечал, что о существовании комитета в январе знали уже в Москве, а в феврале – в провинции. Князю Д. А. Оболенскому показался подозрительным проявленный в обычном разговоре интерес шефа жандармов к крестьянскому вопросу: «Но я заметил, что Долгоруков повел речь об этом предмете даром и что что-нибудь под этим кроется»⁴. И уже совсем скоро князь узнал о существовании Секретного комитета: «Все это делается под величайшим секретом, и Долгоруков ничего этого прямо мне не объявлял, но я узнал частью догадкой, частью от других»⁵.

Итак, факт существования и деятельности комитета скрыть не удалось. Если первое заседание проходило в кабинете императора в Зимнем дворце, то последующие встречи членов комитета особо не маскировались. Во время отсутствия шефа жандармов, замещавшего его управляющего III Отделением и начальника штаба корпуса жандармов А. Е. Тимашева приглашали в зал, «где бываю заседания Общего собрания Государственного Совета и комитета Министров»⁶.

Информируя находившегося в отъезде В. А. Долгорукова о столичных новостях, А. Е. Тимашев вынужден был признать, что «суще-

¹ Крестьянское движение 1827–1869 гг. Вып. 1. С. 107.

² Захарова Л. Г. Указ. соч. С. 109.

³ Никитенко А. В. Дневник: В 3-х т. М., 1955. Т. 1. С. 454.

⁴ Оболенский Д. А. Записки. 1855–1879. СПб., 2005. С. 154.

⁵ Там же. С. 155.

⁶ ГА РФ. Ф. 945. Оп. 1. Д. 84. Л. 2, 3.

ствование Секретного комитета в настоящее время [сентябрь 1857 г.] сделалось совершенно «le secret de la comédie»». Анализируя городские слухи, он признавал, что наряду с разными выдумками о ходе заседаний комитета, есть и «рассказ довольно близкий к истине и почерпнутый, как видно, из лучших источников». Далее А. Е. Тимашев сообщал: «По неизвестности личного состава комитета называют в нем таких членов, которых никогда в нем не было, и обвиняют и осуждают выбор, говоря, что большинство членов состоит из людей, не имеющих, как говорится, ни кола, ни двора или никогда не видевших вблизи ни помещиков, ни крестьян. В первой категории называют Ростовцева, Чевкина, Корфа, гр. Адлерберга и Брока, а во второй – кн. Орлова, Ваше Сиятельство и вел. кн. Константина Николаевича, которому главным двигателем дают желание приобрести популярность»¹.

Считается, что помимо отсутствия практических навыков ведения хозяйства и знания вопроса (экономических, социальных аспектов проблемы отмены крепостного права) В. А. Долгоруков, как и большинство его коллег по комитету, не был склонен к основательному постижению предмета своих занятий. Л. Г. Захарова приводит в своей монографии запись из дневника Д. А. Оболенского (от 16 января 1857 г.), который, переговорив с В. А. Долгоруковым о проекте Ю. Ф. Самарина, убедился, что князь «не смыслит в этом деле ровно ничего и что ему хочется хотя бы схватить какие-нибудь верхушки, чтобы уметь что-нибудь сказать в комитете, хотя сам он не партизан освобождения». На рекомендацию Д. А. Оболенского серьезно заняться изучением этого вопроса шеф жандармов ему отвечал, что ему некогда, так как «сегодня там бал, завтра обед и прочее»².

Этими уничижительными оценками не заканчиваются высказывания мемуариста о главе тайной полиции. Из записок Д. А. Оболенского видно, что В. А. Долгоруков не только ознакомился с его детальным разбором проекта М. П. Позена, но и выслушал (Д. А. Оболенский читал ему и комментировал наиболее важные места) записку Ю. Ф. Самарина. То, что Д. А. Оболенский пытался внушить шефу жандармов («Я старался объяснить ему, как важно изучить этот вопрос во всех отношениях и как невозможно ожидать, чтобы люди непрактические и несведущие могли бы что-нибудь придумать дельное к его разрешению»), он вполне воспринял («Долгоруков уверял меня, что совершенно со мною согласен, но что призыв в Петербург Самарина и других лиц возбудит говор и набат в гостиных»)³.

¹ РГИА. Ф. 1687. Оп. 1. Д. 45. Л. 27–27 об.

² Захарова Л. Г. Указ. соч. С. 60.

³ Оболенский Д. А. Записки. С. 155–156.

Как следует из тех же записей, в конечном счете ни разговоры, ни «набат» не испугали главу политической полиции: «Сюда приезжали почти все представители лучших проектов, как то: Самарин, Киселев, Тарновский и др., все они имели свидание с Ланским, Долгоруковым и др. и все они уехали, махнув рукой, с полным убеждением, что проповедуют в пустыне». Конечно, разочарование визитеров понятно – несмотря на обещания шефа жандармов, «к действительному участию в разработке вопроса они не приглашены»¹, но их мнение было выслушано, оценено и, как видно, оспорено.

Действительно, переход крестьянского вопроса из абстрактной проблемы в режим поиска конкретной программы его разрешения застал врасплох правительственные верхи. По признанию Ф. П. Еленева: «В это время из верховных правительственных лиц не было решительно никого, кто по своим познаниям и опытности был бы подготовлен к руководительству крестьянским делом или хотя бы мог давать полезные советы Государю»².

Неопределенность замыслов, отсутствие собственной конструктивной программы у шефа жандармов видны из содержания его беседы с профессором К. Д. Кавелиным летом 1857 г. в Дармштадте. Любопытен сам характер вопросов В. А. Долгорукова относительно разрабатываемого профессором плана освобождения крестьян в принадлежащем вел. кнг. Елене Павловне имении Карловка Полтавской губернии. Их диалог записал в своем дневнике К. Д. Кавелин: «Полную свободу она полагает дать мужикам или только улучшить их положение? – Полную. И с землею? – С землею. Как же они будут выплачивать? – Банку и работами. Не будет ли сложно? – Едва ли». Из этого разговора К. Д. Кавелин вынес впечатление о негативном отношении В. А. Долгорукова к своему плану: «...мне показалось, что кн. Долгоруков заранее не расположен к проекту великой княгини, а может быть, и к ней самой»³.

Наряду с выяснением конкретных деталей проекта шеф жандармов выпытывал у К. Д. Кавелина и его отношение к общим вопросам эмансипации, бывшим в центре дискуссий Секретного комитета («что я думаю о необходимости скорого решения этого вопроса, об опасности затянуть его, о возможности разрешить об нем печатать и не лучше ли будет предложить вопрос на обсуждение дворянства по губерниям, определив главные начала, которым правительство

¹ *Оболенский Д. А.* Записки. С. 162.

² *Еленев Ф. П.* Первые шаги освобождения помещичьих крестьян в России. СПб., 1886. С. 23.

³ *Кавелин К. Д.* Из дневника // Собр. соч.: В 4 т. СПб., 1898. Т. 2. Ст. 1157–1158.

желает следовать в разрешении вопроса»). Продемонстрировал В. А. Долгоруков свое знание проектов Ю. Ф. Самарина и А. И. Кошелева, хотя и неодобрительно отозвался об этих записках. «Судя по его словам, они высказывают большую нетерпимость тотчас же все сделать», – отметил профессор. Оценивая высказанные шефом жандармов взгляды, К. Д. Кавелин отмечал, что «воззрения его на разные вопросы и предметы крепостного права я не мог разделить и спорил с ним (...) хотя без заносчивости, почтительно и скромно». Тем не менее В. А. Долгоруков не показался ему дремучим ретроградом. «Сображая все его рассуждения, – писал К. Д. Кавелин, – я готов назвать его благонамеренным в этом деле». Далее в дневнике следует весьма образная характеристика интеллектуальных способностей главы тайной полиции: «Но обидно, что голова его, как дурной желудок, варит худо, вяло и даже не переваривает; какая-то упрямая тупость мешает этому человеку до конца посмотреть на дело как следует»¹. «Как следует» – это, видимо, в духе идей самого К. Д. Кавелина.

Обдумывая состоявшуюся беседу («разговор, чуть-чуть не требование совета»), К. Д. Кавелин объяснял действия этого сановника, сделанные с «заметным неудовольствием», позицией Александра II. Он писал в дневнике: «Очевидно, государь настоятельно требует эмансипации, и окружающие его видят, что делать нечего, почему и стараются как-нибудь отклонить решительные действия»². Образ мыслей шефа жандармов смущал и Д. А. Оболенского. Приведем несколько иную, чем у Л. Г. Захаровой, транскрипцию фразы о Долгорукове – «не партизане» из отдельного издания записок князя Д. А. Оболенского: «Он, видимо, не партизан этого вопроса, но вынужден иметь мнение в пользу его»³. «Либеральные бюрократы» видели в нем вынужденного сторонника освобождения.

Действительно, Александр II настойчиво подталкивал комитет к действиям. В резолюции на присланном в Киссинген докладе кн. А. Ф. Орлова о ходе работ Секретного комитета император требовал вполне определенного заключения: «...как к сему приступить, не откладывая оно под разными предложениями в долгий ящик. Гакстгаузен отгадал мое главное опасение, чтобы дело не началось само собой снизу»⁴.

Август 1857 г. у членов Секретного комитета оказался очень горячим. 30 июля после очередных дебатов его участники получили

¹ Там же. Ст. 1164–1165.

² Там же. Ст. 1166.

³ *Оболенский Д. А. Записки*. С. 155.

⁴ *Мироненко С. В. Указ. соч.* С. 209.

новые вопросы, на которые в двухнедельный срок надо было дать концептуальные ответы.

О происходящем в С.-Петербурге А. Е. Тимашев сообщал шефу жандармов: «Государю императору угодно было повелеть мне в отсутствие Вашего Сиятельства быть членом секретного комитета о крепостном состоянии в России. Комитет собирался 30 июля в этом заседании ограничились прочтением мнений гг. Гагарина, Ланского, Корфа, Ростовцева, Гакстгаузена и составлением вопросов, которые должны быть предложены на обсуждение каждому из членов.

К 14 числу ответы должны быть написаны и представлены в следующем заседании. Из того, что я видел и слышал, сумлеваюсь, чтобы скоро пришли к какому-нибудь заключению, не только об отношениях, на которых этот важный вопрос должен быть разрешен, но даже о том, как приступить к делу»¹.

К новому этапу работы Секретного комитета В. А. Долгоруков отнесся весьма серьезно. Сохранилась карандашная записка, отосланная им с документами 20 августа в С.-Петербург: «Препровождаю при сем несколько бумаг по делу о крепостном состоянии. В записке литер А выражены мои мысли по этому предмету, но ее надо сжать и более сократить общее изложение. Хотя у меня здесь времени свободного должно быть довольно; но я не успел ее обработать и поэтому предоставляю взять из нее то, что признается полезным или удобоприменимым»². Заметим, что у шефа жандармов даже на отдыхе не хватило времени на подготовку основательного документа, но все же какие-то ключевые идеи он сформулировал. Таким образом, можно предположить, что сохранившаяся в фонде Главного комитета по крестьянскому делу записка А. Е. Тимашева выражает общую, согласованную позицию руководителей политической полиции. Эта записка цитировалась А. З. Попельницкий в весьма сокращенном виде, и поэтому некоторые ключевые моменты жандармской концепции освобождения не были отмечены³.

В первую очередь следует обратить внимание, что текст, представленный в Секретный комитет, отражает весьма решительный антикрепостнический настрой авторов. Оказывается, «в России давно уже чувствуется необходимость уничтожения крепостного состояния. Ныне необходимость такой меры увеличилась до такой степени, что требуется поспешность в исполнении». Руководство тайной полиции не только не против отмены крепостного права, но даже

¹ РГИА. Ф. 982. Оп. 1. Д. 49. Л. 103.

² Там же. Л. 104–104 об.

³ *Попельницкий А. З.* Секретный комитет в деле освобождения крестьян от крепостной зависимости // Вестник Европы, 1911. № 2. С. 66–70.

выступает за скорейшее решение этого вопроса. Мотивация А. Е. Тимашева основывалась на интересах безопасности: «Слухи об освобождении распространились по всем губерниям, помещики в недоумении; крестьяне во многих местах томятся в ожиданиях и близки к неповиновению. Недоразумения и взаимное недовольствие сословий неминуемо будут более и более усиливаться. Возвратить старый порядок вещей невозможно, а оставлять умы в настоящем волнении опасно. Поэтому правительству необходимо предупредить могущие возникнуть беспорядки и самому совершить то, что в случае его медлительности сделает народ»¹. Собственно, здесь мы видим перифраз всем памятной мысли Александра II о том, что «гораздо лучше, чтобы это произошло свыше, нежели снизу»². А. Е. Тимашев дополняет известный тезис рассуждениями о важности политической стабильности в реформируемом государстве: «Когда начнутся волнения, хотя бы не повсеместные, неудобно уже будет вводить преобразования: ибо в это время это будет казаться уступчивостью, а уступчивость правительства повлечет за собою несбыточные и безумные требования от народа»³.

Первый вопрос, на который должны были дать ответ члены Секретного комитета на восьмом месяце своей деятельности: «Должно ли теперь приступить к общим мерам освобождения крепостного сословия или следует ограничиться одними частными и переходными мерами?» По мнению А. Е. Тимашева, освобождение «не должно совершиться разом». Он в некоторой степени солидаризировался с идеей Я. И. Ростовцева о трехэтапном разрешении вопроса и с мнением министра внутренних дел С. С. Ланского о необходимости определить «коренные начала» для последующих переходных мер. На первом этапе должно провести «безотлагательное умягчение крепостного права» и начать составление положения о преобразованиях. На втором «следует ввести в исполнение новое Положение, не объявляя крестьян свободными, это будет переходным состоянием их, которое продолжится до исполнения ими всех условий (...). Третий период: когда означенные условия будут исполнены, крестьяне окончательно сделаются свободными»⁴.

Попутно А. Е. Тимашев высказался и по тем вопросам, которые сформулировал комитет после обсуждения 26 июля записки С. С. Ланского – А. И. Левшина, побуждавших «приступить к не-

¹ РГИА. Ф. 1180. Оп. 1. Д. 13. Л. 83–83 об.

² *Левшин А. И. Достопамятные минуты в моей жизни // Русский архив, 1885. Кн. 8. С. 476.*

³ РГИА. Ф. 1180. Оп. 1. Д. 13. Л. 83 об.

⁴ Там же. Л. 83 об. – 84.

медленному обсуждению начал, на которых это великое дело должно быть основано и двинуто вперед»¹. До составления какого-либо общего плана действий членам комитета надлежало определиться с разрешением целого ряда частных вопросов. Товарищ министра внутренних дел А. И. Левшин позже сетовал, что, «не определив главных оснований дела, излишне было заниматься такими мелочами»². Тем не менее рассмотрим ответы А. Е. Тимашева, показательные с точки зрения его отношения к «ценностям» крепостного права.

По мнению управляющего III Отделением, уже на первом, подготовительном, этапе можно было упразднить самые тягостные формы крепостнических отношений, вызывавших как злоупотребления помещиков, так и протестное сопротивление крестьян.

«Мелочи» – с точки зрения А. И. Левшина – вряд ли казались таковыми А. Е. Тимашеву. По целому ряду вопросов традиционной опеки помещичий произвол должен был быть прекращен: «воспретить вмешательство помещиков в браки крепостных людей и отправление ими рекрутской повинности», «лишить владельцев права телесно наказывать их, ссылая в Сибирь и отдавать в арестантские роты без судебного приговора, воспретить назначение крестьян в виде барщины к фабричным работам», не должны помещики ведать и судебными спорами крестьян («ограничить право помещиков в разборе и суде взаимных споров и исков крестьян»)»³. Все эти меры продолжали николаевскую традицию ограничения прав помещиков на распоряжение крестьянами.

Предоставить же крестьянам право подавать жалобы на помещиков А. Е. Тимашев был еще не готов, он полагал, что только на втором этапе, в период переходного состояния, можно будет отменить закон, которым воспрещалось принимать от крестьян жалобы на помещиков, но при этом следует оградить помещиков «от дерзости и ябедничества крестьян». Эти жалобы мог бы разбирать уездный предводитель дворянства на правах совестного судьи⁴. Очень незначительный, но все же шаг вперед в правовой защите интересов крестьян.

Относительно характера новых отношений помещиков с крестьянами А. Е. Тимашев отстаивал идею ограниченного попечительского внимания. Он полагал возможным «для сохранения порядка и подчиненности предоставить помещикам некоторую власть над крестьянами, дворовыми и др[угими] людьми, власть не господина

¹ Левшин А. И. Указ. соч. С. 519.

² Там же. С. 521.

³ РГИА. Ф. 1180. Оп. 1. Д. 13. Л. 84 об.

⁴ Там же. Л. 93 об.

самовластного, но как лица, принадлежащего к высшему сословию и доверенному от правительства»: «Не будет ли удобно власть его сблизить с властью сельского мира, так чтобы ни мир без него, ни он без мира не мог приступать к наказанию крестьян и ни к каким особенным распоряжением, до личности крестьянина относящимся, и с тем, чтобы в мирском суде он был первенствующим?» – спрашивал он, предлагая новую систему равновесия власти¹.

Более определенно управляющий III Отделением высказывался о необходимости предоставления освобождаемым крестьянам гражданских прав: «Для умягчения крепостного состояния можно было бы ныне же оградить крестьянам право собственности, движимой и недвижимой; дозволить им приобретать и отчуждать всякую собственность, без согласия помещика»².

Крестьяне должны были сохранить за собой право выкупаться на свободу по действующему законодательству (имеются в виду закон 1803 г. о вольных хлебопашцах и 1842 г. об обязанных крестьянах): «...можно было бы облегчить помещикам все средства к увольнению крестьян в обязанные и свободные хлебопашцы и совершенно освободить их, наложить нормальную цену, по которой дворовые имели бы право выкупаться, посредством взноса определенной суммы, без согласия на то помещиков и опекунских советов, но не иначе однако ж как целыми семействами». Допустимо, считал А. Е. Тимашев, было бы и разрешение «купцам, почетным гражданам и личным дворянам приобретать населенные имения с переводом крестьян в обязанные»³.

Предлагал он и меры к дальнейшему ограничению числа дворовых, помещичьих слуг: «...воспретить причисление к крепостному состоянию подкидышей и непомнящих родства, принять меры к уменьшению числа дворовых, воспретить перевод крестьян во двор и отдачу в услужение посторонним лицам и в работу без собственного их на то согласия; воспретить продажу людей с тем, чтобы крестьяне без земли иначе не отчуждались как в свободные»⁴.

В отношении масштабов грядущей работы А. Е. Тимашев полагал необходимым в корне пересмотреть действующее законодательство о крестьянах. По его мнению, «весьма малым пособием могут служить законы о свободных хлебопашцах, об обязанных крестьянах и о крестьянах прибалтийских губерний, ибо по первым – все земли отчуждаются из владений помещика, по вторым – она отдается кре-

¹ Там же. Л. 90.

² Там же. Л. 84.

³ Там же. Л. 85.

⁴ Там же. Л. 84–84 об.

стьянам в потомственное владение, а по третьим – вся она осталась во власти помещиков». В нынешней ситуации, полагал он, «новое Положение требует иных правил»¹.

На вопрос «следует ли (...) сохранить помещикам право полной собственности на землю или же отдать крестьянам те земли, коими они пользуются, или только земли усадебные и огородные, с вознаграждением или без вознаграждения помещика?» А. Е. Тимашев дал весьма обстоятельный ответ: «Земля есть самая законная и неоспоримая собственность помещиков. Если бы правительство имело средства выкупить ее, то это привело бы в бедность первое сословие в государстве. Деньги есть имущество легко проживаемое, и от дворянства в таком случае отделилось бы огромное число прожившихся, которые составят страшный класс пролетариата. Одна земля есть единственная прочная собственность дворян, одно управление населенными имениями есть занятие, приличное служащему и не служащему дворянину. Хотя крестьяне, по нашим законам, также составляют правильную собственность владельца, но тут встречается закон высший человеческого, закон природы и религии, по которому крепостным людям следует дать свободу, и пред которыми должны умолкнуть все другие права, причем необходимо наделить их землею»².

Итак, крестьяне должны быть освобождены с землей. Выше уже отмечалось, что недостатком закона о вольных хлебопашцах А. Е. Тимашев считал то обстоятельство, что крестьянам «все земли отчуждаются из владений помещика».

Далее управляющий III Отделением рассуждал: «...однако по законам нашим и по справедливости, никто даже в самых крайних случаях, не должен быть лишен собственности без вознаграждения, и настоящее дело надлежит устроить так, чтобы помещик при освобождении крестьян остался, сколь возможно, при нынешнем достатке», т. е. уступив землю за вознаграждение, помещик должен сохранить свой достаток. Осталось только определить, как именно «надлежит устроить (...) настоящее дело»³.

В противовес вполне определенно высказанной в Секретном комитете точке зрения кн. П. П. Гагарина, предлагавшего, по сути, остзейский вариант освобождения 1816–1819 гг.: «...помещикам следует даровать право отпускать целыми селениями без условий и без земли, с предоставлением каждому крестьянскому семейству усадеб и огородов»⁴, А. Е. Тимашев утверждал: «Равным образом и крестья-

¹ РГИА. Ф. 1180. Оп. 1. Д. 13. Л. 89.

² Там же. Л. 85 об. – 86.

³ Там же. Л. 86 об.

⁴ *Попельницкий А. З.* Указ. соч. С. 69.

нину не может быть дарована одна личная свобода без наделения его землею, и даже надобно, чтобы количество ее было достаточно для обеспечения его существования»¹.

В аргументации этого тезиса главными суждениями были мысли об обеспечении порядка и стабильности в государстве: «Крестьяне в Великобритании, освобожденные без земли, составили бесчисленный, тягостный для государства класс нищих, и там владельцы притесняют их безжалостно. Почти то же происходит в наших Прибалтийских губерниях, где положение освобожденных без земли крестьян тягостнее положения крепостных людей в прочих губерниях». Другая идея основывалась на личном, экономическом интересе крестьянина-собственника: «Одно владение собственною землею привязывает крестьянина к добровольной оседлости, заставляет его улучшать свой участок и работать: потому что труд в таком случае есть личная его выгода»².

Дискуссионным был и вопрос о порядке подготовки освобождения: «...предоставить ли это дворянству каждой губернии или оставить на обязанности самого правительства?» А. Е. Тимашев считал, правительство должно начать составление первоначального проекта: «основания устройства крестьян выработать в Петербурге, передать в частные комитеты по губерниям и даже по уездам этот проект»³.

Касаясь порядка введения и распространения действия нового Положения, А. Е. Тимашев солидаризировался с мнением министра внутренних дел С. С. Ланского, считая, что реформу надо начать «не разом повсеместно, но по губерниям». Это целесообразно потому, что «здесь вблизи высшего правительства и в средоточии значительных военных сил могут быть скоро и окончательно разрешены все затруднения и вопросы, равно как и утишено всякое могущее начаться волнение крестьян. По этому первому опыту можно будет многое исправить или поменить в дальнейших распоряжениях...»⁴

На втором этапе реформы, определяемом как переходное состояние, крестьяне, по мнению А. Е. Тимашева, «остаются крепкими земле, но будут возделывать поля владельца земли, исполнять на него разные работы, быть при фабриках и заводах, платить оброк или служить ему лично, но уже по правилам нового Положения. В это время должны выплачиваться деньги: земледельцы за дома, усадьбы и участки земли, и фабричные, ходящие по оброку, дворовые и дру-

¹ РГИА. Ф. 1180. Оп. 1. Д. 13. Л. 86 об. – 87.

² Там же. Л. 88.

³ *Попельницкий А. З.* Указ. соч. С. 70.

⁴ РГИА. Ф. 1180. Оп. 1. Д. 13. Л. 92.

гие крепостные люди за свое личное освобождение»¹. Возможны и другие варианты освобождения, не ущемляющие интересы помещиков: «...от помещика не отнимается воля заключать с крестьянами условия по обоюдному согласию, (...) не деньгами, но работою или услугою личною в продолжение известного числа лет, равным образом отпускать крестьян и без всякого возмездия»².

На последнем, третьем, этапе начнется «полное освобождение крестьян». Они тогда будут вступать «в добровольные условия» для работы на дворян, «приписываться к сельским или городским сословиям»³, т. е. наниматься для исполнения конкретных видов работ в селе или городе.

А. Е. Тимашев выступал сторонником сохранения общинного владения землей, исходя при этом из интересов нравственного контроля над крестьянским миром: «...земля, раздробившись на мелкие участки, будет принадлежать множеству отдельных владельцев (крестьян), и если они будут пользоваться всеми правами собственника, то иные из них, от лени или нетрезвости продав свои усадьбы и участки, сделаются нищими, впадут в воровство, грабежи и другие преступления. Дабы прикрепить крестьян к земле и предотвратить вредные последствия от продажи участков, нужно было бы ввести правило, чтобы все усадьбы и земли, откупленные крестьянами, находились в их общинном владении»⁴.

Завершая свою записку, А. Е. Тимашев обратился к теме гласной подготовки реформы, озвученной еще Я. И. Ростовцевым, предлагавшим издать специальный указ о грядущих правительственных мерах. Это предложение, по его мнению, «заслуживает уважения, но форма и важность смысла этого указа требуют строго обсуждения». Далее управляющий III Отделением пускается в пространные рассуждения о крестьянских настроениях и рисках неосторожных заявлений: «Крестьяне, по ошибочному суждению, убеждены, что вся земля, не исключая и помещичьей, принадлежит им, и свободу представляют себе, если не в виде вольницы, то прекращением над ними почти всякой власти. Со своей стороны нетерпеливо ждут разрешения полуобъявленного вопроса. “Скоро ли это кончится?” – спрашивают они. Неизвестная будущность тягостна и порождает несбыточные надежды в одних и преувеличенные опасения в других, по мере же дальнейших распоряжений правительства слухи и толки

¹ РГИА. Ф. 1180. Оп. 1. Д. 13. Л. 92 об. – 93.

² Там же. Л. 93.

³ Там же. Л. 95 об.

⁴ Там же. Л. 96.

будут усиливаться и обезображиваться. Все это приводит к убеждению, что правительство находится в необходимости выразить свое намерение, но сначала об одной той мере, которую оно считает нужным принять немедленно. Обнародование в подобных случаях видов, предположенных правительством на будущее время, крайне опасно. Как положиться на терпение крепостных людей и надеяться, что они, имея в виду совершенное освобождение, будут благоразумно выжидать осуществление этой мечты? При объявлении мер, принимаемых правительством, должно тщательно избегать обещаний: ибо надежды всегда превосходят возможность исполнения, а это повлечет к разочарованию и увеличит число недовольных. Правительство обязано пещись об улучшении быта всех сословий, определять отношения и права каждого, но связывать себя обещаниями оно не должно под опасением страшных последствий. Тем не менее успокоительное слово необходимо...»¹ Поэтому содержание предполагаемого указа должно заключаться «только в объяснении приводимого в действие мероприятия, без всяких обещаний и приуготовлений к последующему»².

Наиболее важным с точки зрения определения программы предстоящих преобразований были заседания 14, 17 и 18 августа. Сводный журнал этих заседаний бесстрастен и не передает всех перипетий борьбы, развернувшейся в Секретном комитете. О заседании 18 августа кн. П. П. Гагарин писал в дневнике как «о бурном и потрясающем»³.

Общий итог дебатов известен: «Комитет пришел к положительному убеждению, что ныне не возможно приступить к общему освобождению крепостных у нас крестьян, что они вовсе не приготовлены к получению внезапно и вдруг свободы; что общее объявление их свободными расстроит вековые отношения их к помещикам и может поколебать спокойствие и порядок в Государстве и что потому в сем важном государственном деле надо действовать не вдруг, но (...) осторожно и благоразумно». С этой целью предполагалось начать со «смягчения и облегчения» крепостного состояния (помещикам разрешалось освобождать крестьян по взаимному согласию), на втором, «переходном», этапе крестьяне получают личную свободу и лишь третий период даст полное освобождение⁴.

¹ Там же. Л. 97–98.

² Там же. Л. 98.

³ *Мироненко С. В.* Указ. соч. С. 212.

⁴ Журналы Секретного и Главного комитетов... Т. 1. С. 19–26.

П. А. Зайончковский, анализируя план подготовки отмены крепостного права, разработанный Секретным комитетом, обратил внимание «на полное совпадение» его с предложениями Я. И. Ростовцева¹. С. В. Мироненко полагает, что решение Секретного комитета о трех периодах было принято по предложению вел. кн. Константина Николаевича². Но такое предложение содержалось и в записке А. Е. Тимашева. Допускал он и возможность обсуждения практических мер реформы в губернских и уездных комитетах при условии выработки главных начал в Петербурге, как об этом говорил и вел. кн. Константин Николаевич. Во всяком случае, видно, что позиция руководителей III Отделения в Секретном комитете противостояла взглядам крайне правой группы комитета в лице П. П. Гагарина, В. П. Буткова и А. Ф. Орлова, стремившихся отказаться от решения крестьянского вопроса, не признавая его актуальным. Позиция А. Е. Тимашева была близка не только к центристской – Я. И. Ростовцева, но и к той, которую С. В. Мироненко определяет как направление «действительной подготовки отмены крепостного права, хотя и крепостническим путем», т. е. С. С. Ланского, А. И. Левшина и вел. кн. Константина Николаевича³.

В целом же абстрактно-компромиссное решение Секретного комитета вполне соответствовало настроениям руководства III Отделения. Такой же была и позиция Александра II; в помете на письме В. А. Долгорукова он назвал план комитета «очень разумным и единственно практическим»⁴.

Отзвуки бурных споров в верхах мы находим и в записке А. Е. Тимашева к шефу жандармов от 30 сентября 1857 г. Он писал: «Из препровожденного мной к Вашему сиятельству высочайше утвержденного журнала Секретного комитета вы изволили усмотреть, что дело об освобождении крестьян вовсе не отложено в длинный ящик, как предполагает граф Владимир Федорович [Адлерберг. – О. А.], по убеждению коего важный вопрос этот должен быть решен одним ударом топора. Я же с своей стороны считаю, что всякому русскому, знающему свое отечество и любящему его, позволительно с мнением этим не соглашаться и не взять подписать на себя смертный приговор всему существующему порядку во всей полноте смысла этого выражения.

¹ *Зайончковский П. А.* Отмена крепостного права в России. С. 80.

² *Мироненко С. В.* Указ. соч. С. 213.

³ Там же. С. 212.

⁴ Там же. С. 213.

Ко времени возвращения Его Величества комитет надеется подготовить на высочайшее утверждение, меры для умягчения крепостного права, которые в отдаленной будущности должны довести до предположенной цели...»¹

Много лет спустя, откликаясь на одну журнальную публикацию по истории реформ, А. Е. Тимашев указывал: «В то время господствовала мысль, что в случае успешного хода дела первоначально назначенные сроки сократить будет легко, исправление же ошибок, возможных при торопливости представит не только трудности, но и опасности»².

Однако дух времени заставлял считаться с новыми реалиями. Вопреки желанию сановников крестьянский вопрос обсуждался повсюду. В «политическом обозрении» III Отделения за 1857 г. дается характеристика общественных настроений того времени. По мнению В. А. Долгорукова, «с восторгом» прославляют мысль об уничтожении крепостного права «дворяне беспоместные, писатели и люди разных сословий, не имеющие в виду никаких потерь». «Так же в смысле правительства» рассуждают «дворяне, владеющие крепостными людьми, но образованные, понимающие дело в истинном виде и предпочитающие благо общее личным выгодам». Но даже среди них «многие считают, что теперь ни крестьяне, ни помещики, ни начальствующие в губерниях лица, ни законоположения, ни весь существующий порядок не приготовлены еще к такой перемене, а потому полагают, что освобождение крестьян рановременно»³. Здесь достаточно четко выражена мысль, что не экономическая целесообразность, а идеологические приоритеты являлись определяющим мотивом начатого процесса.

Последняя группа, к которой отнесены мелкопоместные помещики и «полуобразованные, постоянные жители деревень», по мнению В. А. Долгорукова, страшится «даже мысли об изменении крепостного права». «По мнению их, – продолжает шеф жандармов, – крестьяне, получив свободу, предадутся праздности и пьянству; тогда поля останутся без обработки, имения потеряют ценность и дворяне разорятся. Далее они утверждают, что преобразование не принесет пользы самим крестьянам: ибо последние лишатся покровительства и в случае голода, пожаров и других бедствий – помощи владельцев, подвергнутся стеснениям от земских полиций и не

¹ РГИА. Ф. 1687. Оп. 1. Д. 45. Л. 30–39 об.

² П. Б. [Бартенев П. И.] Из истории раскрепощения крестьян // Русский архив, 1887. Т. 2. С. 261.

³ Россия под надзором. С. 448–449.

только не улучшатся, но упадут в нравственном и физическом отношении. Кроме того, большинство дворян думает, что наш крестьянин слишком еще не образован, дабы понимать гражданские права, что он на полной свободе – лютее зверя, что волнения, грабежи и убийства будут почти неизбежны и что во многих губерниях, особенно Приволжских, памятно еще страшное время пугачевщины!»¹ Набор перечисленных рисков довольно традиционен. Как видим, опасения большинства помещиков питали не страхи перед днем сегодняшним, а возможные мрачные перспективы, прогнозируемые беды и расправы.

Реальная же обстановка была довольно спокойной. «По крайней мере с тех пор, как мысль о свободе занимает умы крестьян, беспорядки происходили довольно редко, самые незначительные, и прекращались весьма скоро», – отмечалось в отчете. Главная опасность, считал шеф жандармов, таится в действиях возможных внешних подстрекателей. Опасения другого рода вызывали сами помещики, точнее те из них, которые, боясь лишиться традиционных способов существования, могли бы предаться «отчаянию и враждебным против правительства действиям»². Главе III Отделения политическая ситуация виделась достаточно ясной, спокойной, прогнозируемой, позволяющей разрабатывать основы реформ основательно и неспешно.

Дальнейшие события вскоре приобрели стремительный ход. Воспользовавшись обращением дворян прибалтийских губерний, стремившихся к безземельному освобождению крестьян вместо пересмотра инвентарных правил, 20 ноября 1857 г. на имя генерал-губернатора Виленской, Ковенской и Гродненской губернии В. И. Назимова Александром II был дан рескрипт, содержащий новый подход к предстоящей реформе. Главным в этом документе было положение о том, что «помещикам сохраняется право собственности на всю землю, но крестьянам оставляется их усадебная оседлость, которую они в течение определенного времени приобретают в свою собственность посредством выкупа; сверх того представляется в пользование крестьян надлежащее по местным удобствам, для обеспечения их быта и для обеспечения их обязанностей перед правительством и помещиками, количество земли, за которое они платят оброк или отбывают работу помещику»³.

¹ Россия под надзором. С. 449–450.

² Там же. С. 450.

³ Сборник правительственных распоряжений по устройству быта крестьян, вышедших из крепостной зависимости. СПб., 1861. Т. 1. С. 1–4.

В то время как большинство членов Секретного комитета полагало, что рескриптом решается частный вопрос, Александр II видел в нем начало практического приступа к крестьянской реформе¹.

Даже близкий к императору шеф жандармов не был посвящен в эти замыслы и не предполагал общероссийского значения принятого документа. Это видно из разосланного В. А. Долгоруковым 26 ноября 1857 г. предписания губернским штаб-офицерам, в котором разъяснялось, что рассылаемые на места копии рескрипта «относятся только до трех губерний: Виленской, Гродненской, Ковенской – и посылаются к вам с тем, чтобы вы могли предупредить всякого рода вредные толки, если таковые возбуждены будут разбором или разъяснением содержания означенных бумаг». Причем особо оговаривалась секретность этих материалов. Жандармским штаб-офицерам не разрешалось ни передавать свой экземпляр «никому решительно», ни «тем более не позволять снимать с него копии даже в своем присутствии»². Правда, уже через неделю после издания рескрипт появился в «Le Nord», а 17 декабря был напечатан в официальном «Журнале министерства внутренних дел»³.

В отчете III Отделения за 1857 г., представленном Александру II в феврале 1858 г., зафиксирована и первая реакция (а точнее ее официальная транскрипция) на объявленные главные основания будущей реформы. «Оне [рескрипты. – О. А.] приняты с благоговейною покорностью, и в нескольких губерниях комитеты, по Всемилостивейшему соизволению учрежденные для развития сих оснований, приступили к делу». Сообщая об этом, шеф жандармов отмечал, что комитеты «при всем усердии своем и при полной готовности исполнить Высочайшую волю» испытывают затруднения. Эти затруднения касались главного положения рескриптов – усадебной оседлости, приобретаемой в собственность, а также неминуемых имущественных потерь в связи с прекращением оброчных платежей в малоземельных имениях⁴.

В тексте «Политического обозрения» за 1858 г. уже нет маскирующей деликатности. Шеф жандармов писал: «Первые Высочайшие рескрипты об изменении крестьянского быта произвели грустное и тревожное впечатление. Хотя, по предварительным слухам, все это-

¹ Мироненко С. В. Указ. соч. С. 217.

² Мухина Е. А. Отклики дворянства на первые рескрипты об учреждении Губернских дворянских комитетов по крестьянскому делу // Вестник МГУ. Сер. 8. История. 1983. № 4. С. 36.

³ Захарова Л. Г. Указ. соч. С. 80.

⁴ Россия под надзором. С. 450.

го распоряжения ожидали; но, выраженное официально, оно озаботило даже тех, которые прежде одобряли означенную меру. Большая часть помещиков смотрит на это дело как на несправедливое, по их мнению, отнятие у них собственности и как на будущее их разорение». Далее он весьма пессимистично описывал первые шаги начавшейся реформы. Адресная кампания у В. А. Долгорукова иллюзий не вызывала. Он хорошо знал ее внутренний механизм: «...не общее желание, как выражалось в адресах, но только настоящие местного начальства и содействие немногих избранных помещиков, побудили дворян литовских, а за ним с.-петербургских и нижегородских просить об учреждении губернских комитетов. После того, до возобновления подобных просьб, протек довольно значительный промежуток времени: даже Москва медлила подражать данному примеру; а прочие губернии ждали, что скажет древняя первопрестольная столица? У многих таилась и доселе еще таится мысль, что само правительство, увидев разные неудобства объявленной меры, может быть, ее отменит»¹.

В. А. Долгоруков хорошо знал, о чем писал. О неудовольствии дворян свидетельствовала перлюстрация, об этом же сообщали столичные агенты (в народе говорили, что помещики подписывали «добровольные» адреса «чуть-чуть не с арканом на шее») и жандармские штаб-офицеры (подполковник А. Н. Коптев сообщал о распоряжении нижегородского губернатора А. Н. Муравьева, чтобы губернский предводитель дворянства представил ему именной список лиц, которые не пожелают выразить согласие реформе»²). В самых мрачных тонах излагал «слухи и толки» московский генерал-губернатор А. А. Закревский в специально затребованной у него записке³.

Говоря о расстановке сил в губернских комитетах, В. А. Долгоруков в своем отчете показывал неприятие большинством дворянства правительственной политики в этом вопросе («видам правительства» содействует лишь малое число «современных людей», большинство же придерживается «прежних правил») и излагал суть разногласий: «Одни из дворян желали бы расширить, а другие сократить пределы преобразований, указанные в высочайших рескриптах: первые полагают необходимым предоставить крестьянам не только усадьбы, но и участки пахотной земли в их собственность с обязанностью выкупа или уступить им усадьбы без всякого вознаграждения и признают за лучшее ныне же даровать им все права свободных сословий, без переходного состояния; вторые же с трудом соглашались на уступку

¹ Россия под надзором. С. 475.

² Мухина Е. Н. Указ. соч. С. 42.

³ Попельницкий А. З. Указ. соч. С. 147–148.

крестьянам пахотных участков даже во временное пользование и на продажу им усадебной оседлости – считают необходимым оставить крестьян в полном подчинении владельцам и желали бы сохранить на них все или почти все нынешние свои права»¹.

После обнародования рескриптов, начала адресной кампании и создания губернских комитетов по крестьянскому делу уже не было необходимости в сохранении секретного статуса комитета, и 18 февраля 1858 г. сенатским указом он был переименован в Главный комитет по крестьянскому делу².

В Секретном комитете руководители тайной полиции выступали проводниками политического курса Александра II, поддерживая идею о необходимости отмены крепостного права, о постепенной разработке нового положения об освобождении крестьян, об отпуске крестьян на волю с землей, об учете материальных интересов помещиков и сохранении вотчинной власти дворян. Начало гласного этапа крестьянской реформы всколыхнуло в большинстве своем консервативно настроенное дворянство, противопоставлявшее себя образованному меньшинству, вдохновленному абстрактными идеями освобождения рабов. III Отделение, как ведомство, отвечающее за общественное спокойствие и государственную безопасность, информировало императора о потенциальных угрозах порядку и власти. Естественно, руководители тайной полиции тут же получили ярлыки запугивателей, препятствовавших ходу реформ. «Государя страшали и крестьянскими возмущениями, и серьезной оппозицией со стороны дворянства», – писал о созданной В. А. Долгоруковым целой «системе застрашивания государя» сенатор Я. А. Соловьев³.

Любопытно, что, прочитав очерк Ф. П. Еленева «Первые шаги освобождения помещичьих крестьян в России» (1886 г.), А. Е. Тимашев прокомментировал для издателя «Русского архива» П. И. Бартенева некоторые устойчивые нарративы. Он высказал свое сомнение в справедливости рассуждений автора о давних намерениях Александра II отменить крепостное право, заступился за правителя дел Секретного комитета В. П. Буткова, отметив, что он впоследствии «совершенно изменил свое мнение, поняв, на чьей стороне сила и будущность», но вот своего начальника – шефа жандармов В. А. Долгорукова – не защитил, фактически солидаризовавшись с отнесением его к числу «решительных противников освобождения крестьян» и с характеристикой III Отделения как структуры, которая «от всей души» работала против реформы. Единственно, что, по

¹ ГА РФ. Ф. 109. Оп. 223. Д. 23. Л. 125–125 об.

² Захарова Л. Г. Указ. соч. С. 92.

³ Записки сенатора Я. А. Соловьева // Русская старина, 1881. № 4. С. 756.

сути, было сказано в оправдание ведомственной охранительной политики, так это ремарка о тревожных настроениях, угрожавших спокойствию государства: «Тревога действительно существовала, но, к счастью, не имела тех последствий, которых многие опасались и не без оснований»¹. Эта констатация еще раз убеждает, что именно интересами обеспечения безопасности руководствовались деятели российской тайной полиции при разработке и проведении крестьянской реформы.

1858-й год был этапным, рубежным и с точки зрения радикализации правительственной программы по крестьянскому вопросу, и в том, что касалось утверждения гласности, признания весомости, значимости печатного слова. Правительственная политика не была ровной, она знала свои эмоционально-репрессивные всплески. В апреле 1858 г. с подачи шефа жандармов был оскорбительно отставлен от преподавания наследнику К. Д. Кавелин, поводом послужила публикация в «Современнике» его записки, в которой – в противовес рескриптам – отстаивалась идея освобождения крестьян с полевым наделом за выкуп. Далее последовали цензурные ограничения для статей, касавшихся вопросов освобождения крестьян. На постепенное изменение взглядов Александра II оказала «война в Махтре» – крестьянские волнения в Эстляндии, переросшие в кровавые столкновения с войсками. Причиной выступления было ухудшение положения земледельцев после введения новых правил о повинностях за пользование помещичьими землями. Возможность повторения аналогичных событий с особым великорусским колоритом «вольницы» явно внушала опасение.

Эта тревога наглядно проявилась во время поездки Александра II по ряду губерний. Помимо инспектирования войск (тоже немаловажное занятие в преддверии реформы) император и его окружение интересовались настроением поместного дворянства, ближе знакомились с мнениями членов губернских комитетов. Стремление не допустить явного ухудшения положения крестьян видно в трактовке понятия «усадебной оседлости». Рескрипты и программа занятий губернских комитетов позволяли свободное толкование этого термина, и московские дворяне-крепостники договорились до понимания под усадебной оседлостью лишь хозяйственных построек. Подобный подход беспокоил власть. Любопытный пример кулуарного зондирования привел в своих записках А. М. Унковский. Он вспоминал о приезде Александра II в Тверь. «Только стою у дебаркадера, помню,

¹ П. Б. [Бартевев П. И.] Из истории раскрепощения крестьян. С. 260–262.

вдруг кто-то хватает меня за рукав и тащит. Оглядываюсь: Долгоруков, Василий Андреевич. “Начали комитет?” – он ко мне. “Конопляники отдают? Царь сердится, что конопляники не отдают”. Я говорю: “(...) думали о большем, хотим усадьбой назвать больше чем то, что в программе стоит” (т. е. весь надел, за исключением дальних мест). Долгоруков взъерошился, ну как же, ведь это (...) того (...) как посмотрят (...) это неладно (...) ведь предписано по программе писать»¹. Радикализм В. А. Долгорукова и Александра II (который сердился лишь за конопляник) так далеко в августе 1858 г. еще не простирался. Хотя готовность идти на уступки приветствовалась демонстративно теплым отношением к тверскому дворянству. В то же время его речь в Москве скорее напоминала выговор. В своем выступлении Александр II скорректировал трактовку усадебной оседлости, заявив, что под ней он понимает «не одни строения, но и всю землю». По мнению Б. Г. Литвака, «трактовать (...) эту фразу можно в том плане, что речь идет об усадебной только земле, поскольку она произнесена в этом контексте, но можно ее понять и в буквальном смысле: “вся земля” означает весь крестьянский надел»². Думается, что последний вариант объяснения маловероятен. От этой «буквальной трактовки» у ближайшего сподвижника царя в Твери, т. е. несколько дней назад, дух захватывало. Сила этой фразы в ее неопределенности, меньше, чем земля с постройками, ее трактовать нельзя, а в ином направлении инициатива открыта.

Александр II еще не был готов к более серьезному давлению на дворянство. Император чутко прислушивался к настроениям, к известиям с мест. Об этом свидетельствует практика еженедельных докладов министра внутренних дел и управляющего III Отделением о ходе решения крестьянского вопроса. О панических настроениях дворян говорили и результаты перлюстрации. Пессимизм дворянства проявлялся в готовности спасти себя самим. При этом, по признанию В. А. Долгорукова, некоторые «выходили из пределов осторожности, требуемой нынешними обстоятельствами»³. Чтобы не спровоцировать крестьянские выступления, был предпринят ряд мер, ограничивавших помещичий произвол: объявлен запрет на перенесение усадеб и переселение крестьян, на отпуск крестьян без земли и др.

Наряду с примерами злоупотреблений помещиков и сведениями о случаях неповиновения крестьян в отчете за 1858 г. дается и обоб-

¹ Унковский А. М. Записки // Русская мысль, 1891. № 9. С. 195.

² Литвак Б. Г. Переворот 1861 г. С. 62.

³ Там же.

щающая характеристика крестьянских выступлений: «Беспорядки, наиболее теперь случающиеся, состоят в том, что крепостные люди или уклоняются от платежа оброка и от других повинностей, или оказывают неповиновение старостам и самим владельцам. Волнения целых деревень, требовавшие личного действия высших губернских властей или пособия воинских команд, происходили там, где помещики в распоряжениях своих не сообразовывались с настоящим духом времени, или где являлись подстрекатели»¹. По оценке шефа жандармов, случаи неповиновения носили локальный характер, хотя и отмечались в 25 губерниях.

Крестьяне отстаивали свои конкретные нужды, укладывавшиеся в понятие «смягчение крепостного права», и протестовали против произвола помещиков (т. е. выступления носили оборонительный характер). Причем власти зорко следили, чтобы начинающиеся волнения не стали «заразительны» для соседних имений.

В коллективной монографии «Революционная ситуация в России в середине XIX в.» при анализе активности народных масс в 1853–1858 гг. отмечается изменение качественной стороны нараставшего крестьянского движения: значительный территориальный охват и массовость, отступление на второй план интересов своей деревни и протеста против своего «барина» перед общей борьбой против всей системы крепостничества, наступательный характер протеста². Однако если массовое движение и виделось таким советским знатокам мельчайших подробностей крестьянских выступлений, то это отнюдь не значит, что так же оно воспринималось и современниками. Диаметрально противоположное заключение В. А. Долгорукова позволяет предположить, что вывод коллективной монографии – искусственная конструкция.

Модернизируются, подтягиваются к требованиям аграрного движения периода первой русской революции 1905–1907 гг. и лозунги крестьянских выступлений конца 50-х гг. XIX в. Вот что писал В. А. Федоров: «Разумеется, все крестьяне требовали сохранения за ними существующих (“неурезанных”) наделов, однако большая их часть шла значительно дальше этого требования – вплоть до раздела помещичьих земель»³. при этом выше он уточнял, что речь идет о барской запашке, помещичьих лесах и других угодьях. Точку зре-

¹ Литвак Б. Г. Переворот 1861 г. С. 477.

² Революционная ситуация в России в середине XIX в. М., 1978. С. 59.

³ Федоров В. А. Требования крестьянского движения в начале революционной ситуации (до 19 февраля 1861 г.) // Революционная ситуация в России в 1859–1861 гг. М., 1960. С. 139.

ния В. А. Федорова весьма обоснованно критиковал Б. Г. Литвак, считавший главным крестьянским требованием освобождение с наделной землей¹.

Думается, что именно так и надо понимать крестьянское видение освобождения. Так его воспринимали и охранители. В отчете III Отделения за 1858 г. читаем: «Многие [крестьяне] понимают свободу в смысле вольницы, некоторые думают, что земля столько же принадлежит им, сколько помещикам, еще же больше убеждены, что им принадлежат дома и усадьбы, (...) крестьяне не могут понять, почему они должны будут выкупать усадьбы, которые ими обстроены, и в которых жили отцы и деды их»². Здесь упоминается уровень градации крестьянских требований: низший – усадьба и высший – надел. О помещичьей запашке и угодьях речи нет. Приводимые же В. А. Федоровым требования передачи всей помещичьей земли если и звучали, то не доминировали в крестьянских настроениях. В том же отчете сообщается об отказе крепостных одного из помещиков Тульской губернии перенести усадьбы и отмечается, что ослушались они, имея «ложное убеждение, что вся земля составляет их неотъемлемую собственность»³. И здесь «вся земля» это то, что исконно они обрабатывали и не хотели терять при переселении.

Каждое известие о крестьянских волнениях заканчивалось сообщением о «приведении в повиновение». Способы применялись разнообразные. Иногда было достаточно убеждения со стороны губернских властей, жандармского штаб-офицера, в других случаях не обходилось без ввода воинских или жандармских команд. Б. Г. Литвак, анализируя крестьянские выступления, отмечал, что крестьяне легко поддавались воздействию, отсюда и широкая практика «увещательного умиротворения», без применения средств насилия. Чем ближе к 1861 г., тем меньше удельный вес выступлений, подавленных военной силой⁴. Это наблюдение подтверждается и строками отчета III Отделения: «Ни одна смута не принимала значительных размеров и долго не продолжалась. Хотя случаев неповиновения было в сложности довольно много, но в общей империи они почти незаметны»⁵. Любопытен и сам подход к применению силы. В его основе – стремление не допустить возникновения цепной реакции крестьянских

¹ Литвак Б. Г. Опыт статистического изучения крестьянского движения в России в XIX в. М., 1967. С. 18–22.

² ГА РФ. Ф. 109. Оп. 223. Д. 23. Л. 126–127 об.

³ Крестьянское движение в 1827–1869 гг. Вып. 1. С. 117.

⁴ Литвак Б. Г. Крестьянское движение... С. 188.

⁵ ГА РФ. Ф. 109. Оп. 223. Д. 23. Л. 128 об. – 129.

мятежей: «Прежде всего должен быть подавлен беспорядок, и тогда уже можно приступать к разбору виновных и невинных»¹.

Каким же образом воздействовало крестьянское движение на правительственную политику? Насколько опасным оно было для верхов, сколь серьезно с ним считались? Прежде всего, крестьянские волнения были аргументом в спорах политиков. Причем силу крестьянского движения преувеличивали именно либералы, обосновывая уступки необходимостью умиротворения крестьян.

К. Д. Кавелин рассуждал в августе 1857 г.: «Усиливавшиеся частые восстания крестьян, о которых говорила мне А. Ф. Тютчева и сам кн. Долгоруков, дают вес нашему мнению и дискредитируют камарилью»². Настроения того же лета весьма метко отразил и автор публикации «На заре крестьянской свободы»: «...страх из-за неповиновения крестьян царил тогда всюду – в столицах и в самых отдаленных, глухих закоулках империи. Крестьянские бунты чудились во сне и наяву: опасения шли далеко впереди колыхающейся действительности. Оценивая характер сообщений о крестьянских бунтах, автор отмечал: «Самое большое [состояло] в неисполнении некоторых приказаний старост и бургомистров, которые встревоженное возмущение помещиков подымало на ходули явного сопротивления и бунта»³. Там же приведено любопытное письмо Ю. Ф. Самарина к А. В. Головнину от 8 февраля 1858 г.: «Слухи о бунтах, восстаниях, беспорядках и резнях в Смоленске, Рязани и Тамбове и т. д., о том, что ссуды под залог имений прекращены, что все предводители, бывшие в Петербурге, требовали войск и т. д., возникают и лопаются как мыльные пузыри. По правде сказать, никто им не верит, но все наперерыв повторяют их, находя какое-то странное удовольствие пугать других»⁴.

Официальная статистика мало проясняет данный вопрос. Сравнение данных министерства внутренних дел и III Отделения дает неоднозначную картину (табл. 1)⁵.

¹ ГА РФ. Ф. 109. Оп. 223. Д. 24. Л. 195.

² Кавелин К. Д. Собр. соч. Ст. 1166.

³ На заре крестьянской свободы // Русская старина, 1897. № 11. С. 248.

⁴ На заре крестьянской свободы // Русская старина, 1898. № 1. С. 92.

⁵ Нифонтов А. С. Статистика крестьянского движения в России 50-х гг. XIX в. по материалам III Отделения // Вопросы истории сельского хозяйства, крестьянства и революционного движения. М., 1961. С. 185.

Таблица 1

Годы	III Отделение	МВД
1856	65	25
1857	–	40
1858	86	170
1859	90	75
1860	108	114

По мнению А. С. Нифонтова, расхождения объясняются не только разной методикой подсчета (например, учет только случаев ввода воинских команд), но и тенденциозностью статистики. Он полагал, что отбор фактов производился по особым распоряжениям руководителей III Отделения и Министерства внутренних дел, рисовавших в отчетах обстановку в соответствии с видами высшего начальства. Сомнения в достоверности официальной статистики высказывал и С. В. Токарев, он считал, что размеры крестьянского протеста уменьшались¹. По мнению же Б. Г. Литвака, отчеты и содержащиеся в них сведения предназначались для внутреннего употребления и не было никаких причин специально их фальсифицировать².

Думается, что сами статистические данные не искажались, а были основаны на тех сведениях, которые получали ведомства по своим каналам информации. Сообщения эти были весьма неполными. Да и включенные в отчеты III Отделения примеры крестьянских выступлений не исчерпывали всех материалов делопроизводства IV экспедиции III Отделения³. В своих отчетах руководители тайной полиции не стремились к скрупулезной точности, главным был анализ, аналитические оценки событий. Выводы же относительно масштабов крестьянского движения были достаточно спокойными: 1858 г. – «общее спокойствие сохранено», 1859 г. – «народное спокойствие хотя в некоторых губерниях и нарушалось, но было восстановлено скоро и без особых затруднений»⁴.

Интересны рассуждения А. В. Головнина, писавшего вел. кн. Константину Николаевичу 20 июня 1860 г. из Рязанской губернии: «Перед отъездом из Петербурга, я слышал о повсеместном во внутренних губерниях спокойствии, несмотря на все толки об освобождении крестьян.

¹ Токарев С. В. О численности крестьянских вступлений в России в годы первой революционной ситуации // Революционная ситуация в России в 1859–1861 гг. М., 1960. С. 132.

² Литвак Б. Г. Опыт... С. 23.

³ См.: Крестьянское движение в России в 1857 – мае 1861 г. М., 1963. С. 569–680.

⁴ ГА РФ. Ф. 109. Оп. 223. Д. 23. Л. 129; Д. 24. Л. 189 об.

Говорили даже, будто Тимашев подавал по этому предмету записку государю, доказывая этим фактом, что никак не следует торопиться с мерой освобождения, но, пользуясь спокойствием народа, медленно обрабатывать новый закон, который от этого много выиграет. Не знаю, справедливы ли рассказы об этой записке, но толки о спокойствии, конечно, преувеличены. Правда, благодаря богу, нет повсеместных вооруженных восстаний с убийствами, пожарами и грабежами и нет надобности употреблять войска для усмирения народа, но зато беспрестанно повторяются случаи, которые крайне вредят интересам помещиков, самим крестьянам и которые никак не доказывают спокойствия»¹.

Затянувшееся выжидание, пассивное экономическое сопротивление, не вписывавшееся в яркие формы протеста, – вот что беспокоило А. В. Головнина. Убытки помещичьих хозяйств в условиях общего экономического кризиса были весьма чувствительными, и затяжка в разрешении крестьянского вопроса могла обернуться политической и экономической катастрофой. Но в еще большей степени дворянство пугала перспектива освобождения. Содержание перлюстрированных писем, сохранившихся в фонде III Отделения, свидетельствует о панических настроениях, страхе и отчаянии. В письмах упоминались отдельные случаи расправ с извергами-помещиками, передавались слухи о звучащих угрозах, о замыслах дворовых и неповиновении слуг². Но главным образом вопли помещиков – результат воспаленного воображения, которое стимулировалось и звучащими в нелегальной печати, «Колоколе» революционными призывами³. Основываясь на примерах нерадивого исполнения повинностей, авторы писем – помещики – рисовали картины скорого бунта. «Что у вас эмансипация? – вопрошал С. Мосолов из Полтавской губернии в письме к П. И. Патону в Москву (23 сентября 1860 г.), – здешний край наполовину в бунте: послушания нет, работы едва идут, даже за деньги не хотят работать. Скоро совершится желаемое правительством восстание. Нам будет худо, но и ему будет нехорошо»⁴. В письме к Н. П. Поливановой в Москву из Владимира (22 августа 1860 г.) ее брат, сообщая о несговорчивости своих крестьян, заключал: «Народ явно не желает повиноваться дворянству. Одним словом, времеч-

¹ РГА ВМФ. Ф. 227. Оп. 1. Д. 334. Л. 39. Сообщ. В. С. Мирзеханов.

² ГА РФ. Ф. 109. СА. Оп. 3. Д. 1936. Л. 2; Д. 1905. Л. 1; Д. 1915. Л. 1–1 об.

³ Порох И. В. Отчеты III Отделения как исторический источник // Актуальные проблемы источниковедения и вспомогательных дисциплин. Днепропетровск, 1983. С. 114.

⁴ ГА РФ. Ф. 109. СА. Оп. 3. Д. 1931. Л. 3.

ко пришло! Все мы пойдем с кошельками, т. е. те у которых останутся целы головы. Советовал бы я тебе не выезжать из Москвы – там целее будешь: поставят пушки на перекрестках, так не зашумаркают; а мы здесь что без защиты!»¹ В письме П. Цертелева из Полтавской губернии к кн. Н. Л. Цертели в С.-Петербург (27 декабря 1860 г.) читаем: «Работы идут отвратительно, крестьяне даже себя не обеспечивают, видимо, рассчитывая только на то, что им отдадут землю. В будущем предстоит грабеж, наверное, не знаю будет ли он всеобщим, но в нескольких имениях у нас его ждут после нового года, вследствие громких соображений самих крестьян, ждать только до 1 января – а там грабить! Вот до чего довели нас так называемые государственные соображения об обеспечении крестьян вместо дарования народу гражданских прав»².

Но при всех опасениях в настроениях помещиков не чувствовалось желания умиротворить, ублажить крестьян даже ради самосохранения. Наоборот, например, как в приведенном выше письме, ясно звучит идея безземельного освобождения и необходимости силового сдерживания возможных выступлений. На силу делало ставку и руководство III Отделения. Как отмечалось в отчете департамента полиции исполнительной за 1858 г.: «...для обеспечения общественного спокойствия шефом жандармов признано было полезным иметь по возможности в губерниях войска кроме местных гарнизонов»³. Именно этого ожидали помещики от правительства. Повсеместно слышались негодования на власти, якобы потакающие крестьянам и не защищающие интересы помещиков. «Я подозреваю, что правительство само желает пустить дворянскую кровь»⁴, – писал один владимирский помещик. А. М. Унковский, полагая, что правительство больше всего боялось бунта, в то же время удивлялся, «как чутко правительство прислушивалось к дворянству, к малейшему признаку возбуждения и настроения его!»⁵

Дворянская фронда действительно приковывала к себе пристальное внимание тайной полиции. В. А. Долгоруков докладывал Александру II: «Равным образом, хотя почти все дворяне недовольны и хотя некоторые из них выражаются иногда даже с ожесточением, но подозревать их в злоумышленном противодействии правительству или в наклонности к каким-либо тайным замыслам нет еще оснований. Весь ропот их проистекает от опасений, что достаток их уменьшится,

¹ Там же. Д. 1914. Л. 2–2 об.

² Там же. Д. 1931. Л. 4.

³ Крестьянское движение в России 1857–1861 гг. С. 180–184.

⁴ ГА РФ. Ф. 109. СА. Оп. 3. Д. 1915. Л. 1.

⁵ Унковский А. М. Записки. С. 185.

а у многих даже уничтожится, и эти опасения столь близки к сердцу каждого, что ропот дворян есть явление весьма естественное»¹. Шеф жандармов указывал на обстоятельство, сопутствовавшее подобным настроениям: это недоверие к членам Главного комитета (преобразованного из Секретного комитета), не имевшим практических сведений о российском сельском быте и местных потребностях. Успокоить, расположить в пользу правительства мог, по его мнению, выбор «опытных дворян» в Редакционные комиссии.

О том, насколько серьезным было давление на власть со стороны помещиков, свидетельствовал и вывод В. А. Долгорукова: «При начале работ, возложенных на Главный комитет, я твердо надеялся, что в течение двух или трех лет ими можно будет заниматься без всяких затруднений и без успокоительных указов, о коих в то время так много говорили. Надежды мои с помощью Божьею оправдались, но ныне обстоятельства другие, терпению при ожиданиях есть предел; следовательно, окончанием означенных работ долго медлить невозможно»². Эта цитата из отчета III Отделения часто используется исследователями для подтверждения тезиса о влиянии крестьянских выступлений на правительственную политику³.

Несомненно, крестьянское «нетерпение» имело место, но, думается, в данной фразе имеется в виду главным образом дворянское оппозиционное движение. В том же отчете относительно случаев неповиновения крестьян шеф жандармов отмечал: «...можно сказать, что общее спокойствие сохранено и что беспорядков доселе происходило несравненно менее, чем ожидали и предсказывали». С этим тезисом согласился и Александр II: «Это так действительно и надобно благодарить Бога»⁴.

В буквальном смысле признание В. А. Долгорукова, что ныне «обстоятельства другие», подразумевало, что возможность работать над реформой «без затруднений и успокоительных указов» исчерпана. «Затруднения» правительству создавали, как видно из приведенных выше материалов, не крестьяне, а дворяне-помещики, не просто роптавшие, но и объединившиеся в губернских комитетах в устойчивое крепостническое большинство. И именно успокоительные цели преследовало привлечение экспертов-помещиков в Редакционные комиссии и последовавшее затем приглашение депутатов губернских комитетов в столицу.

¹ Унковский А. М. Записки. С. 478.

² Там же.

³ См., напр.: Зайончковский П. А. Отмена крепостного права в России. С. 108.

⁴ Россия под надзором. С. 477.

Не случайно раздел «О крестьянском вопросе» «Нравственно-политического обозрения» за 1859 г. посвящен главным образом отстаиванию интересов дворянства. Главный удар был обращен против результатов деятельности Редакционных комиссий (собранные статистические данные не точны, не учтены местные особенности, влиявшие на доходность поместий, и т. д.). Использование ошибочных расчетов привело бы к катастрофическим последствиям. По мнению помещиков (в изложении шефа жандармов), «утверждение того расчета, по которому раздел земли определен редакционными комиссиями для полосы черноземной, нечерноземной и степной, две трети их должны будут лишиться всей земли без остатка». Далее отмечалось, что «крестьяне, неумеренно наделенные землею, не будут иметь ни времени, ни надобности работать по найму, или несоразмерно возвысят цену за труд (...) от этого помещичьи земли останутся невозделанными, (...) за тем неизбежно последует многолетний недостаток хлеба, застой торговли, дороговизна, расстройство дворянства и самих крестьян, а быть может – и беспорядки в государстве»¹.

Конкретизируя опасения дворян, шеф жандармов подчеркивал, что так «помещики думают», что это их «замечания». Однако иной точки зрения в обозрении нет. В. А. Долгоруков еще раз обращал внимание Александра II на позицию, высказанную членами Губернских комитетов первого приглашения.

В самом описании конфликта депутатов и Редакционных комиссий определенно слышится порицание действий Министерства внутренних дел. Из-за того, что мнения, изложенные приглашенными депутатами, «приняты были без благосклонности (...) последовала неправильность и опрометчивость в их собственных действиях». А высказанное частью из них порицание привело лишь к тому, что «возвратясь в губернии оскорбленными, они усилили чувство озлобления, которое к сожалению распространено уже было между дворянством прежде»².

Что касается депутатов второго приглашения, прибывших в столицу в феврале 1860 г. и по своим взглядам еще более консервативных, то В. А. Долгоруков, опасаясь новой эскалации конфликта и провоцирования дворянских выступлений с последующими взысканиями, сразу взял под защиту членов губернских комитетов. Он отмечал, что «прием, сделанный им графом Паниным, произвел на них впечатление тем более неприятное, что скромным поведением своим они до того времени не заслужили никакого упрека». Хотя

¹ Там же. С. 495–496.

² Там же.

с личностью В. Н. Панина шеф жандармов связывал определенные надежды: «...под опытным его руководством труды комиссии получат направление, если не в полном соответствии всем желанием, то по крайней мере самое близкое к тому, которое дозволит сложность вопроса»¹.

Слова негодования, звучавшие в адрес Редакционных комиссий, Министерства внутренних дел и в столичных гостиных, и в письмах помещиков-провинциалов, позволили главе тайной полиции отметить: «Всеобщее раздражение целого сословия, всегда почти горестно отражается на будущности государства. К прискорбию, не все лица, стоящие во главе управления, верят этой истине и не довольно заботятся о том, чтобы устранять поводы к таковому разложению. Действия их в этом отношении были часто неосторожны, они не согласовывались с тем благорасположением, коего ясное выражение дворянство слышало из собственных уст Вашего Величества, и от того в нем невольно развилось чувство сословной защиты»².

Разъясняя настроения дворянства, В. А. Долгоруков обращался к весьма авторитетному для Александра II мнению Я. И. Ростовцева, недавно умершего: «Сам покойный генерал-адъютант Ростовцев не мог не сознавать в одном из своих всеподданнейших писем, что предпринятые в России преобразования по праву гражданскому есть несправедливость от начала до конца, но прибавил, что по праву государственному оно священо и необходимо»³. Исходя из этого, шеф жандармов указывал: «Последнее мнение понятно только для тех, которые близки к престолу и готовы к самоотвержениям, но первое мнение очевидно для всех без изъятия. Каким же образом можно было ожидать, чтобы 115 т[ысяч] помещиков, из коих половина (около 55 т[ысяч]) владеют самым ничтожным состоянием (от 1 до 21 души), а потому не могли получить высокого образования, сроднились с мыслью о государственном праве, или, лучше сказать, о государственной необходимости (*raison d'État*). Они видели в предположенных мерах одно только посягательство на их собственность, сопряженное с разорением. При таких убеждениях беспокойство их

¹ Россия под надзором. С. 496.

² Там же.

³ Я. И. Ростовцев в письме к Александру II от 23 октября 1859 г., в частности, писал: «Смотря с точки зрения гражданского права, вся зачатая реформа от начала до конца несправедлива, ибо она есть нарушение прав частной собственности; но как необходимость государственная и на основании государственного права реформа эта законна, священа и необходима» (*Семенов Н. П. Освобождение крестьян в царствование Александра II: Хроника деятельности комиссии по крестьянскому делу*. СПб., 1890. Т. 2. С. 928).

было неизбежно, и хотя многие из них за неуместные свои поступки достойны были взыскания, но общее нравственное волнение может быть успокоено одною только благосклонностью к человеческим слабостям, тем более заслуженною, что правительство не принимает на себя никакого пожертвования подобного тому, которое требуется от дворян»¹.

Звучавшая в отчетах рефреном мысль о материальном ущербе, которое понесет российское дворянство, подкреплялась результатами собственной практической деятельности В. А. Долгорукова-помещика. А. С. Меншиков записал в своем дневнике о состоявшемся у него 18 августа 1859 г. разговоре с главой III Отделения, в ходе которого тот «сознался, что он сделал опыт обработки 40 десятин запашки вольным трудом и находится в убытке». «Сознание драгоценное в члене эманципационного комитета»², – заключал А. С. Меншиков.

Последовательная защита дворянских интересов вполне объяснима. От частных суждений и кулуарного брюзжания помещики стали переходить к демонстративным акциям: подаче коллективных адресов и индивидуальных записок-проектов. Негодование на меры, предлагаемые Редакционными комиссиями, дополнялось вполне определенно звучащим требованием привлечения выборных от дворянства к участию в управлении государством. Подобное домогательство (независимо от его масштаба – местного или общероссийского уровня) встречено было Александром II резко негативно.

На представленной шефом жандармов выписке из перлюстрированного письма Ф. Офросимова из С.-Петербурга к С. М. Офросимову от 19 октября 1860 г. Александр II сделал две пометки. В письме: «Твой нареченный, cher ami, ужасно накутил: подал государю адрес, в котором ни более, ни менее как требует конституции [Александр II: «должно быть Шидловский!】. Это очень глупо [Александр II: «Справедливо»³].

Более определенно мысли императора по отношению к конституционным задумкам помещиков выражены были на полях записки М. А. Безобразова, представленной царю через посредство В. А. Долгорукова и А. Е. Тимашева. С замечаниями откровенно негативного характера записка поступила для обсуждения в Главный комитет. О замешательстве его «правой» оппозиции свидетельствовал директор департамента Министерства юстиции М. И. Топильский. При открытии заседания, посвященного этому вопросу, вынужден был

¹ ГА РФ. Ф. 109. Оп. 223. Д. 24. Л. 193 об. – 194.

² Там же. Ф. 728. Оп. 1. Д. 2538а. Л. 63 об.

³ Там же. Ф. 109. СА. Оп. 3. Д. 1959. Л. 2.

ретироваться председатель комитета кн. А. Ф. Орлов (М. А. Безобразов – его племянник), а В. А. Долгоруков чувствовал себя весьма неуютно. Он спрашивал: «Что это будет – суд или осуждение [видимо, обсуждение]? Кн. П. П. Гагарин отвечал ему: «И то и другое вместе...» Кн. В. А. Долгоруков стал виниться: «В таком случае я должен разделить ответственность. Я имел неосторожность представить письмо государю. Правда, что я только пролистал его, но не читал...» Кн. П. П. Гагарин: «Мы вас не судим, князь. Нам повелено произнести суд и приговор над поступком Безобразова»¹. При активном участии вел. кн. Константина Николаевича было принято решение об увольнении М. А. Безобразова от службы и высылке из столицы. Вскоре министр внутренних дел С. С. Ланской издал циркуляр, запрещающий обсуждать крестьянский вопрос на предстоящих дворянских собраниях.

10 октября 1860 г. Редакционные комиссии были закрыты, и выработанные проекты поступили в Главный комитет (обсуждение проходило с 10 октября 1860 г. по 14 января 1861 г.), где и подверглись массивной атаке консерваторов. Среди последних активную позицию занимал и В. А. Долгоруков, бывший, по словам П. П. Семенова-Тянь-Шанского, «принципиальным противником признания за крестьянами права на бессрочное пользование частью поместных земель с их выкупом и сторонником сохранения за помещиками в той или другой форме патримониальной власти над крестьянами»². Но, отстаивая свои взгляды, шеф жандармов, в отличие от М. Н. Муравьева, А. С. Меншикова и П. П. Гагарина, не вносил «ни вражды, ни злобы в свои отношения с лицами других партий»³.

Не будучи мастером закулисной интриги, В. А. Долгоруков решил на весьма нетрадиционный для сановного вельможи способ действия и заявил о своей возможной отставке. П. А. Валуев свидетельствовал (запись от 5 ноября 1860 г.): «Кн. Долгоруков говорит, что ввиду общего неудовольствия дворянства, ежедневно заявляемого получаемыми на высочайшее имя письмами, он, кн. Долгоруков, не отвечает за общественное спокойствие, если предположения редакционных комиссий будут утверждены; что он решил не отступать от своего мнения и скорее сложит с себя свое звание; что он это заявил государю...»⁴

¹ Семенов Н. П. Указ. соч. Т. 2. С. 950. Текст записки М. А. Безобразова с замечаниями Александра II на с. 940–952.

² Семенов-Тянь-Шанский П. П. Эпоха освобождения крестьян в России. 1857–1861. Пг., 1916. Т. IV. С. 262–263.

³ Там же.

⁴ Валуев П. А. Дневник // Русская старина, 1891. № 11. С. 412.

Главные возражения В. А. Долгорукова касались недопустимости отстранения дворянства от подготовки реформы. Он считал (его мнение было передано П. А. Валуеву А. А. Зеленым), что размер надела должен превышать минимум, обозначенный Редакционными комиссиями, и определяться на местах, там же должны быть установлены повинности крестьян в соответствии с принятыми в столице инструкциями. П. А. Валуев отмечал: «Кн. Долгоруков требует, чтобы дело было обращено вспять к тому моменту, на котором оно находилось при издании Позенской программы, весной 1858 г.»¹. Фрондирование В. А. Долгорукова скоро получило организационное оформление. В союзе с М. Н. Муравьевым и при содействии «закабаленного служить» П. А. Валуева, в результате напряженной работы (порой до 1–2 часов ночи) и «благодаря маленьким записочкам кн. Долгорукова» к 11 ноября «дело начинает выясняться, и система контрпроекта становится довольно порядочною»². По признанию П. А. Валуева, «разрешение возникавших вопросов и установление главных начал окончательно принадлежали князю Долгорукову»³.

Массированному натиску пытался противостоять вел. кн. Константин Николаевич. Вот запись из его дневника (26 ноября 1860 г.): «Вечером часа 2 сидел спорил с Долгоруким об его системе уменьшения наделов и доказывал ему всю опасность ее, но тщетно. Его ослепление слишком велико»⁴.

Однако В. А. Долгоруков был не столь непоколебим. Гибкая натура царедворца брала верх. В день его беседы с вел. кн. Константином Николаевичем П. А. Валуев написал о В. А. Долгорукове и М. Н. Муравьеве: «...у них недостает духа завершить начатое дело». На следующий день (27 ноября 1860 г.), откликаясь на настрой М. Н. Муравьева несколько увеличить размеры наделов в черноземных губерниях, он подчеркивал: «...все это следствие нового визита кн. Долгорукова и желания подделаться под предполагаемые воззрения государя. Но кн. Долгоруков и ген[ерал] Муравьев вместо сознания выгод своего положения и памятования своих принципов робеют перед мыслью, что “могут сказать” государю, что они “дают мало земли крестьянам”»⁵. Терзания сановников-бюрократов весьма показательны.

¹ Там же.

² Там же. С. 415.

³ Валуев П. А. Дневник министра внутренних дел: В 2-х т. / ред. П. А. Зайончковский. М., 1961. Т. 1. С. 311–312.

⁴ Переписка императора Александра II с великим князем Константином Николаевичем. М., 1994. С. 282.

⁵ Валуев П. А. Дневник. С. 419.

Дозволяемое фрондирование, долгие переговоры и поиски компромисса питали иллюзии о возможном пересмотре проектов в Государственном совете. П. А. Валуев свидетельствовал: «Кн. Долгоруков объяснялся с великим князем Константином Николаевичем и, как видно, с государем. Его величество смотрит на дело благоприятно. Его высочество вследствие сего уступчив. Очевидно, это тот именно факт, что проект кн. Долгорукова и ген. Муравьева готов в параграфной форме и потому не только может быть внесен в Государственный совет, но и, по всей вероятности, им будет принят, испугал партию Редакционной комиссии». 19 декабря П. А. Валуев записал, что, по словам М. Н. Муравьева, после объяснения Александру II его и В. А. Долгорукова расхождений с Редакционными комиссиями и некоторыми членами Главного комитета, государь казался пораженным тем, что ему говорили¹.

Все это не означает, что контрпроект полностью удовлетворял консервативно настроенное дворянство. Сам П. А. Валуев отмечал, что с установлением указного надела и отказа от минимума Редакционных комиссий «не может быть повода и побуждения к добровольным соглашениям». Далее он иронизировал по поводу взглядов своих руководителей: «Они для исправления проекта “грабительствующих”, по их мнению, комиссий, готовы грабительствовать более их и обратить крайний предел эластичных норм комиссий в твердую обязательную норму. Все это во имя уважения к правам собственности и заботливости об интересах помещиков»².

В более определенном и систематизированном виде мысли В. А. Долгорукова и М. Н. Муравьева изложены в так называемом «проекте трех» членов Главного комитета (к ним примкнул А. М. Княжевич)³. Прежде всего, авторы подчеркивали несовершенство применявшихся статистических методов, поспешность в сборе сведений, которые открывали возможности «влиянию личных взглядов», «некоторой доли произвола при исправлении погрешностей»⁴. Ими была оспорена обоснованность деления России на 3 полосы и 33 местности. Указывая, что в одну полосу включены территории, не имеющие сходства, они подчеркивали, что в основу деления были положены не природные, экономические факторы и т. д., а существовавшие размеры наделов.

¹ Валуев П. А. Дневник. С. 426–427.

² Там же. С. 419–420.

³ История этого выступления достаточно полно изложена в исследованиях (Захарова Л. Г. Указ. соч. С. 221–226; Зайончковский П. А. Отмена крепостного права в России. С. 120–122).

⁴ Журналы Секретного и Главного комитетов... Т. 2. С. 132.

Само решение Редакционных комиссий о сохранении «по возможности в пользовании крестьян ныне существующих наделов», нашедшее свое выражение в определении крайних (минимального и максимального) размеров надела для I и II полос, по мнению трех членов Главного комитета, вообще «едва ли может быть признано безусловно правильным». Сохранение же существующих наделов было «желательно и в некоторой мере даже необходимо для избежания внезапного передвижения границ землевладения». Но «полезную временную меру нельзя обращать с одинаковою пользою в меру окончательную», ибо «закрепление за крестьянами всего пространства земель, ныне состоящих в их пользовании, могло бы во множестве случаев быть излишним, не оправданным никакою необходимостью и потому несправедливым стеснением права собственности помещиков»¹. По их мнению, при установлении повинностей за землю такое землепользование могло не соответствовать выгодам самих крестьян: «Не только в одной и той же местности, но даже в смежных имениях, были бы установлены постоянные наделы столь различных размеров, что нередко могли бы встречаться крайне меньшие рядом с крайне высшими, то есть второе [второе] против первых значительнейшими».

«Еще большая примесь произвола», по мнению В. А. Долгорукова, М. Н. Муравьева, А. М. Княжевича, существовала в установлении норм повинностей (9- и 8-рублевых для большинства губерний), так как не качество, а только количество земли определяло повинность. Причем высшая ее норма соответствовала только крупным наделам и значительно понижалась в имениях с меньшими наделами.

Расхожий тезис о добровольном соглашении помещиков и крестьян, по мнению авторов «проекта трех», на условиях, выработанных Редакционными комиссиями, едва ли мог быть реализован на деле. «При сохранении существующих наделов за уменьшенные в весьма значительном размере повинности крестьянам не дано никакого повода искать добровольных сделок, а помещикам не дано возможности предлагать подобные сделки, потому что более тех уступок, которые для них уже сделаны обязательными, они ничего уступить не могут. В тех редких случаях, когда заключающиеся в проекте постановления могут обеспечить какие-либо выгоды для помещиков, они, так сказать, вынуждены будут, не помышляя о дальнейших пожертвованиях, исключительно сохранять в виду возможность удержать за собою эти выгоды для пополнения претерпеваемых ими в других случаях несоразмерных потерь». Вместо постепенного примирения противоположных интересов помещиков и крестьян путем взаимных

¹ Там же. С. 133.

уступок «противоположность этих интересов облекается в прочные законодательные формы и может привести к столкновениям»¹.

Хорошо зная аргументы своих оппонентов, В. А. Долгоруков, М. Н. Муравьев и А. М. Княжевич немедленно опровергли выдвигавшиеся против них обвинения о стремлении затянуть решение вопроса и заявили, что речь идет лишь о дополнении материалов, ранее собранных под руководством губернских комитетов. Кроме того, они доказывали, что их предложения открывают больше простора для добровольных соглашений².

Последний аргумент наиболее любопытен, но не весомостью экономического обоснования, а как образчик политической демагогии. Авторы контрпроекта заключали: «...нельзя не упомянуть о другом, иногда выражаемом опасении, насчет волнений, которые могли бы возникнуть в случае неоставления в постоянном пользовании крестьян на определенных законом условиях всего пространства нынешних наделов. Быть может, что волнения обнаружатся точно так, как они могут обнаружиться и при том способе преобразования земельных отношений, который предложен Редакционными комиссиями, и при котором, равным образом, допускаются частные случаи сокращения наделов. Но эти волнения, во всяком случае, не будут иметь правильных оснований, потому что крестьяне не вправе требовать того, что им доселе не принадлежало. Если мысль о подобных притязаниях заронилась, или даже начала развиваться в некоторых местностях под влиянием неблагонамеренных внушений или превратного понимания дела, то, по мнению *трех* Членов, необходимо искоренить оную в самом начале ее развития, имея в виду, что для обеспечения дальнейшего спокойствия Государства каждый должен быть убежден в неприкосновенности права собственности. Это убеждение составляет одно из существенных условий первоначального воспитания народа. Под его влиянием сами крестьяне приобретут твердую уверенность в том, что они в последствии времени не будут лишены принадлежащего им достояния»³.

Как видим, для сохранения помещичьего феодального землевладения весьма энергично используется буржуазный принцип неприкосновенности частной собственности. Возможные волнения не очень-то пугали партию консерваторов, нашедших правовое обоснование и даже дидактическую цель в своей политике.

Исследователи по-разному оценивают этот документ. П. А. Зайончковский считал, что сформулированные в проекте положения

¹ Журналы Секретного и Главного комитетов... Т. 2. С. 134–135.

² Там же. С. 138.

³ Там же. С. 139.

«сводились к стремлению составить проект “Положений” соответственно с пожеланиями губернских комитетов»¹. Д. Филду альтернативный проект показался «нелепой пародией»². Л. Г. Захарова полагает, что отдельные положения проекта «фактически перечеркивали весь труд Редакционных комиссий»³. Соглашаясь с этим заключением, И. А. Христофоров тем не менее вполне обоснованно его корректирует, утверждая, что данный проект «имел явно компромиссный характер, поскольку программа РК открыто в нем не отвергалась»⁴.

Этот «последний бой» в Главном комитете был проигран, контрпроект не получил поддержки и в Государственный совет не вносился.

С 23 января по 17 февраля 1861 г. проект реформы обсуждался в Государственном совете. Несмотря на победу консервативной оппозиции по ряду принципиальных вопросов, Александр II поддержал мнение меньшинства Государственного совета. Уступки «крепостникам» были незначительными: снижена норма «высшего» надела, установлен «дарственный» надел и др. Активность В. А. Долгорукова на заседаниях заметно снизилась после того, как 1 февраля Александр II утвердил мнение меньшинства о способе определения наделов; таким образом, система В. А. Долгорукова – М. Н. Муравьева об установлении норм надела на местах была окончательно отвергнута⁵. На дальнейшие дискуссии шеф жандармов оказывал лишь косвенное влияние. От активной фронды не осталось и следа, теперь его беспокоили обстоятельства, связанные с реализацией реформы.

Однако консервативная оппозиция не была сломлена. Вскоре после обнародования «Манифеста» и «Положения» подал в отставку управляющий III Отделением А. Е. Тимашев. Эти действия были выражением его несогласия с курсом Александра II. Поддаваясь на отдельные уступки духу времени, А. Е. Тимашев был решительно не согласен с тем, как осуществлялось «завещанное» Николаем I освобождение крестьян, как действовали «верхи», раздираемые противоречиями между группировками. В своем дневнике П. А. Валуев привел слова этого высокопоставленного жандарма: «Чтобы в настоящее время остаться на службе (...) надо обладать безграничной личной преданностью. Она у меня была по отношению к императору Николаю. У меня ее нет к императору Александру. Что касается

¹ *Зайончковский П. А.* Отмена крепостного права в России. С. 121.

² См.: *Долбилов М. Д.* Александр II и отмена крепостного права // Вопросы истории, 1998. № 10. С. 48.

³ *Захарова Л. Г.* Указ. соч. С. 225.

⁴ *Христофоров И. А.* «Аристократическая» оппозиция Великим реформам. С. 128.

⁵ *Валуев П. А.* Дневник министра внутренних дел. Т. 1. С. 65.

принципов – да, в отношении же личности – нет»¹. Сам факт такой демонстративной отставки был явлением исключительным. К тому же А. Е. Тимашев не делал тайны из причин, побудивших его к этому. Своему брату, оренбургскому помещику Н. Е. Тимашеву, он объяснял оставление службы следующим доводом: «Продолжать действовать, не имея опоры ни в монаршей воле, ни в законе, я нашел для своей совести невозможным»².

Как видим, В. А. Долгоруков и А. Е. Тимашев не были противниками отмены крепостного права в России. Руководители политической полиции показали себя сторонниками осторожной, контролируемой консервативной модернизации. Опора на традиционные ценности (поддержка и защита интересов помещиков, сохранение попечительства над крестьянами, незыблемый авторитет верховной власти) и восприятие дворянского недовольства как потенциально опасной угрозы для стабильности государства были основой охранительного курса. Не случайно в следующее царствование, в период корректировки правительственной политики идеи консерваторов оказались услышанными и были востребованы властью³.

2. Земская реформа

Крестьянская реформа 1861 г. подтолкнула замедлившуюся в конце 1850-х гг. в Министерстве внутренних дел работу по определению начал преобразования губернских земско-хозяйственных учреждений. Отдельные вопросы организации уездной и городской полиции, деятельности уездных присутствий по земским делам были разработаны и даже внесены в Государственный совет комиссией при МВД во главе с Н. А. Милютиным, но их рассмотрение было отложено. После вступления 23 апреля 1861 г. в должность управляющего Министерством внутренних дел П. А. Валуева комиссии предстояло возобновить работу и в первую очередь определить и согласовать новую систему распределения земских повинностей, что невозможно было сделать без изменения всей податной системы и без создания земских учреждений. Новые реалии ставили более обширные задачи.

Наряду с конкретными вопросами совершенствования и новой организации «хозяйственного механизма для удовлетворения мест-

¹ Валуев П. А. Дневник министра внутренних дел. Т. 1. С. 89–90.

² РГИА. Ф. 1687. Оп. 1. Д. 64. Л. 31 об.

³ Еще П. А. Зайончковский обратил внимание на то, что идеи «проекта трех» о волостном попечителе, избираемом из среды местных землевладельцев по существу предвосхищали учреждение земских начальников, введенное по закону 12 июня 1889 г. (Зайончковский П. А. Отмена крепостного права в России. С. 122).

ных нужд и потребностей» земская реформа подспудно преследовала и политические цели. В подготовленной в 1889 г. «Исторической записке о ходе работ по составлению и применению Положения о земских учреждениях» признавалось: «...необходимо было положить предел возбужденным по поводу образования земских учреждений несбыточным ожиданиям и свободным стремлениям разных сословий»¹. Любая общественная инициатива, любые преобразования в государственном управлении не могли пройти мимо III Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии. Политическая полиция не только наблюдала за «направлением умов и общественной жизни в государстве, но и принимала «приемлемое (...) участие при разрешении всех почти современных вопросов»². Главноуправляющий III Отделением и шеф жандармов В. А. Долгоруков входил в ближайшее окружение императора и имел возможность влиять на восприятие Александром II процессов, происходящих в обществе, и на принятие важнейших политических решений. Механизм воздействия на государя, степень самостоятельности сановника, пределы «вольномыслия» можно рассмотреть на примере участия В. А. Долгорукова в подготовке земской реформы.

Современные исследователи полагают, что реформа «была для правительства в первую очередь средством консервации самодержавной формы правления, предоставления обществу самоуправления на низшем, провинциальном уровне, чтобы не допускать его в столицу»³. Однако следовало бы уточнить, что на этапе ее разработки предполагались и совершенно иные цели. По замыслу П. А. Валуева земская реформа была связана с планом реорганизации государственного управления и, в частности, с идеей преобразования Государственного совета – участие в его работе выборных от губерний, что позволило бы создать представительные учреждения на уездном, губернском и общероссийском уровне. Дневниковые записи П. А. Валуева передают напряженную атмосферу заседания Совета министров 13 апреля 1861 г., когда на осторожные суждения С. Г. Строганова и К. В. Чевкина (они «разными путями и по разным побуждениям близко подходили сегодня к этому коренному вопросу») Александр II дал понять, что «не имеет конституционных планов»⁴. Отталкиваясь от суждения С. Г. Строганова о том, что «для дальнейшего развития на

¹ Историческая записка о ходе работ по составлению и применению Положения о земских учреждениях. Б/м., б/г. С. 2–3.

² Россия под надзором. С. 461.

³ Власть и реформы. М., 2006. С. 302.

⁴ Валуев П. А. Дневник министра внутренних дел: В 2-х тт. М., 1961. Т. 1. 1861–1864 гг. С. 98.

исторической почве нужно твердое установление и последовательное соблюдение известных начал», П. А. Валуев сокрушался, что «эти улучшения и это развитие» могут ограничиться лишь «кабинетною деятельностью господ министров» и «прежними ниспосыланиями законодательных и административных благ»¹. «Неужели 30-летний опыт не обнаружил, что все это не приносит ожидаемой пользы и что вопрос о конституционных или, точнее, представительных, или совещательно-представительных учреждениях у нас не есть пока вопрос между самодержавием и сословиями, а между сословиями и министерствами?»² – рассуждал П. А. Валуев, подчеркивая порок бюрократической системы, разделяющий монарха и подданных. Управляющий делами Комитета министров полагал: «Консервативные начала нашли бы себе защитников, но для этого нужно, чтобы им дана была возможность стать на стороне правительства (...). Теперь они могут только молчать, чтобы не увеличивать собою число тех, которые порицают правительство»³. Именно представительные учреждения могли обеспечить поддержку власти со стороны консервативного дворянства.

На следующий день П. А. Валуев развил свои мысли в беседе с шэфом жандармов В. А. Долгоруковым. С главой политической полиции у П. А. Валуева были вполне доверительные отношения, сложившиеся еще в период подготовки проекта В. А. Долгорукова – М. Н. Муравьева при обсуждении крестьянского вопроса в Главном комитете по крестьянскому делу. Тогда, будучи директором департамента Министерства государственных имуществ, П. А. Валуев оказался вовлеченным в ежедневные консультации и споры. Чиновник сетовал (7 ноября 1860 г.): «Мое положение почти нестерпимо. Я связан по рукам и ногам. Я не могу вырваться на волю. Я закабален служить. А между тем быть по службе покорным редакторским орудием кн. Долгорукова и ген. Муравьева – ужасная доля»⁴. Теперь П. А. Валуев позволял себе формулировать и программные идеи. Он говорил о необходимости объединенного правительства, с общей программой действий, ибо ни один министр не может служить «без точки опоры в самой системе действий правительства, без нравственной силы, которою одно правительство может вооружить министра»⁵. П. А. Валуев записал в дневнике: «Я сказал кн. Долгорукову прямо, что уже теперь

¹ Валуев П. А. Дневник министра внутренних дел. Т. 1. С. 98.

² Там же.

³ Там же. С. 99.

⁴ Валуев П. А. Дневник. 1847–1860 гг. // Русская старина, 1891. Кн. 11. С. 414.

⁵ Валуев П. А. Дневник. Т. 1. С. 101.

в обиходе административных дел государь самодержавен только по имени, что есть только вспышки, проблески самовластия, но что при усложнившемся механизме управления важнейшие государственные вопросы ускользают и должны по необходимости ускользать от непосредственного направления государя. Я сказал, что наше правление – министерская олигархия, и привел тому примеры»¹. Другой тезис касался необходимости «занять умы образованных классов населения» привлечением к участию «в местных делах», обеспечив это «децентрализационным способом насчет министерств, а не насчет самодержавной власти»². Самоуправление представлялось как форма ограничения административного произвола и учета групповых интересов дворянства.

В шефе жандармов он нашел единомышленника. Во всяком случае В. А. Долгоруков говорил о конституции, «как о неизбежном последствии эмансипационного дела», прибавляя, «что государь не только не решится заявить согласие на постепенное развитие конституционных форм, но даже решительно высказался в противном смысле еще недавно и не изменил, по-видимому, своего взгляда на этот вопрос»³. Понимание безвыходности ситуации не означало осознания тупика. Наоборот, в итоговой фразе диалога, содержащей ответ на вопрос шефа жандармов «Что мы будем делать?», видно стремление продолжать подспудно действовать и влиять на императора, несмотря на четко высказанную позицию против конституционных начал. «Я отвечал: «Ждать с верноподданнической покорностью, пока мысль и воля государя изменятся»⁴, – записал 14 апреля 1861 г. П. А. Валуев.

Вступив в управление Министерством внутренних дел, П. А. Валуев – по долгу службы – и шеф жандармов вынуждены были, с одной стороны, преследовать участников дворянских собраний, требовавших введения представительного правления, а с другой – готовить предложения и настойчиво убеждать императора в необходимости созвать выборов.

9 февраля 1862 г. П. А. Валуев, по предварительному соглашению с В. А. Долгоруковым, говорил с императором о том, что «ввиду современных затруднений по делам дворянских собраний и общего раздражения умов, с одной стороны, и разноречивых толков между членами правительственного синклита, с другой», несколькими клю-

¹ Там же. С. 100.

² Там же.

³ Там же. С. 101.

⁴ Там же.

чевым министрам необходимо «собраться и обсудить вопрос о тех мерах, которые надлежит принимать, и той системе, которой следует держаться правительству»¹. Накануне обсуждения в Совете министров, 7 марта 1862 г., П. А. Валуев спорил с вел. кн. Константином Николаевичем и отмечал: «Он не соглашается с мыслью о преобразовании Государственного совета и предпочитает организацию провинциальных полупредставительных собраний. Направление по-прежнему антидворянское»².

По мнению В. Г. Чернухи, в канун очередного рассмотрения проекта разработывавшейся реформы, 26 июня 1862 г., П. А. Валуев вместо прямого обращения к императору подготавливал обстоятельную записку, адресуя ее своему единомышленнику, шефу жандармов, рассчитывая, что ее содержание станет известно монарху³. П. А. Валуев обращал внимание на «целый ряд тягостных факторов». На первом месте – тезис, что «правительство находится в состоянии изоляции», его «единства действий и намерений» не существует, далее признается, что «преданность монархии и личности государя подорвана»⁴. Серьезные проблемы, полагает он, связаны с финансовым положением страны, настроением учащейся молодежи, польским вопросом, положением печати и революционными устремлениями. Говоря о «состоянии умов», П. А. Валуев отметил: «...наиболее общая черта, почти универсальная – это стремление известной части общества иметь некоторое участие в управлении. До тех пор, пока эти стремления не будут в известной мере удовлетворены, не будет ни мира, ни перемирия»⁵.

Проект земско-хозяйственных учреждений, по его мнению, это только первый шаг, «но более чем сомнительно, что этот шаг достаточен». Аналогичную попытку необходимо сделать и в центральной администрации. Причем действовать надо решительно: «В эпоху общественного возбуждения важнее, чем когда-либо для правительства, овладеть социальным движением и стоять во главе социального движения (...). Для этого нужна известная смелость в действиях, которая удивляет массы и импонирует им»⁶. П. А. Валуев считал необходимым вернуться и «зрело обработать идею» реформы Государ-

¹ Валуев П. А. Дневник. Т. 1. С. 144.

² Там же. С. 151.

³ Чернуха В. Г. Внутренняя политика царизма с середины 50-х до начала 80-х гг. XIX в. Л., 1978. С. 29.

⁴ Предложения и проекты П. А. Валуева по вопросам внутренней политики (1862–1866 гг.) // Исторический архив, 1958. № 1. С. 141.

⁵ Там же. С. 143.

⁶ Там же.

ственного совета на основах, аналогичных австрийскому Рейхсрату и Государственному совету Царства Польского. Особо подчеркивал, что предлагаемая мера «не наносит никакого удара полновластною государя, сохраняет ему всю законодательную и административную силу, а между тем создает центральное учреждение, которое было бы чем-то вроде представительства страны»¹.

29 июня 1862 г., на следующий день после заседания Совета министров, одоббившего проект земской реформы, во время доклада П. А. Валуева император заговорил о текущем положении дел и о преобразовании Государственного совета. Александр II повторил, что противится введению конституции «не потому, что он дорожит своим авторитетом, но потому, что убежден, что это принесло бы несчастье России и привело бы к ее распаду»². Однако и в этот раз тема не закрывалась заявлением императора. П. А. Валуев записал в дневнике свой вывод из беседы: «Преобразование он теперь считает несвоевременным, но не прочь от него впоследствии»³. В. Г. Чернуха предполагает, что инициатором разговора был Александр II, ознакомившийся с запиской П. А. Валуева В. А. Долгорукову⁴.

Дискуссия в Петербургском губернском дворянском собрании и отклонение большинством голосов предложения Царскосельского уездного предводителя дворянства П. П. Платонова о допущении выборных от дворянства в Государственный совет, вновь подталкивала к действиям. 18 марта 1863 г. П. А. Валуев писал В. А. Долгорукову, что «признаки времени умножаются». Тот, в свою очередь, сообщил, что накануне говорил императору, «что нет ни одного голоса в защиту абсолютной монархии»⁵, но Александр II разговора не поддержал.

П. А. Валуев фиксировал и разговоры с представителями императорской фамилии. О московских дворянских адресах, подносимых императору, В. А. Долгоруков, «который разделяет мои мнения и надеется на успех», говорил с вел. кнг. Еленой Павловной⁶. Единомышленником оказалась и вел. кнг. Мария Николаевна. П. А. Валуев записал 13 апреля 1863 г., что она, по словам шефа жандармов, знает «о том, что мы оба стараемся убедить государя в необходимости заявления своей решимости по предмету предоставления выборным членам Совета участия в делах законодательных и государственно-

¹ Там же.

² *Валуев П. А. Дневник. Т. 1. С. 181.*

³ Там же.

⁴ *Чернуха В. Г. Внутренняя политика. С. 30.*

⁵ *Валуев П. А. Дневник. Т. 1. С. 213.*

⁶ Там же. С. 217.

хозяйственных, и что она весьма сему сочувствует»¹. Напротив, общение с императрицей (1 августа 1863 г.) огорчило министра: «Государь слышит императрицу часто, следовательно, нередко и слушает. Из того, что она сказала мне о земских учреждениях, видно, что она, как и многие, преимущественно видит в них средство откупиться от “конституции”. И здесь это слово как призрак пугает и толкает к ошибке»². Сообщив о слышанном шефу жандармов и прибавив, что эти суждения основаны на недостаточном знании фактов, он получил в ответ солидарное мнение В. А. Долгорукова, который также сожалел «об этом полужнании фактов и его последствиях»³.

15 апреля 1863 г. на совещании у императора в присутствии кн. В. А. Долгорукова, гр. Д. Н. Блудова, гр. В. Н. Панина, бар. М. А. Корфа, кн. А. М. Горчакова, Д. А. Милютина, М. Х. Рейтерна и кн. П. П. Гагарина П. А. Валуев получил возможность изложить идеи своего проекта. Накануне В. А. Долгоруков уведомил министра, что, несмотря на состав приглашенных участников, «государь согласен»⁴. Однако в поддержку предложений министра «решительно и твердо» высказался только шеф жандармов, что дает основание исследователям говорить о представленном проекте как проекте П. А. Валуева – В. А. Долгорукова⁵. Обсуждение было эмоциональным. А. М. Горчаков говорил, что это «конституция и две палаты», «всякие выборные не в русских нравах и обычаях». В. Н. Панин указывал на грозящие государю и его дому опасности, а кн. П. П. Гагарин «в патетическом порыве преданности идее самодержавия» остановился с поднятыми вверх руками, не находя более слов для выражения своих чувств⁶.

Тем не менее П. А. Валуев продолжал сражаться, представляя свои доводы как солидарное мнение министра внутренних дел и шефа жандармов: «Я довольно резко высказал мой взгляд и, между прочим, сказал, что если бы государь поручил гр. Панину или кн. Гагарину привести к нему тех, кто мыслит подобно им, то они не привели бы его величеству десяти человек, между тем как за кн. Долгоруковым и мною пришли бы сотни и тысячи, и что я не понимаю противоречия, заключающегося в том, что, когда нужны жертвы, преданность, умственный труд или кровь, то мы зрелы и самостоятельны, но когда речь о других проявлениях зрелости и самостоятельности, то мы об-

¹ Валуев П. А. Дневник. Т. 1. С. 218.

² Там же. С. 241.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 218.

⁵ Чернуха В. Г. Внутренняя политика. С. 32.

⁶ Валуев П. А. Дневник. Т. 1. С. 218.

ращаемся в несовершеннолетних и в людей, против которых принимаются дипломатические предосторожности»¹. На этом обсуждение и завершилось.

На следующий день Александр II сообщил П. А. Валуеву, что, «признавая вообще правильность (...) соображений»², он тем не менее не будет предпринимать каких-либо действий. Сослался император на мнение большинства, которое его, в общем-то, ни к чему не обязывало, и на незавершенность разработки проекта земской реформы, взаимосвязанной с инициативой П. А. Валуева – В. А. Долгорукова по реорганизации Государственного совета. В результате вопрос об общегосударственном совещательном представительстве вновь не снимался с повестки дня.

В начале июля 1863 г. проект реформы поступил в Государственный совет для рассмотрения на заседаниях соединенного присутствия департаментов законов и государственной экономии. По особому высочайшему повелению к обсуждению был приглашен ряд высших должностных лиц, в их числе был и В. А. Долгоруков.

О первом заседании П. А. Валуев высказался довольно критически: «Нельзя сказать, чтобы оно было блистательно. У большинства членов нет не только установившейся системы, но даже и приблизительного полного понятия о предмете суждений»³. Досталось и участникам обсуждения: «Милютин наиболее озабочен демократическою нивелировкой представительства. Даже Рейтерн видит только частности, а не целый строй дела, а кн. Долгорукову оно представляется в форме туманного пятна, которое в телескоп ему не удастся разглядеть»⁴. Тем не менее работа шла достаточно быстро. 14, 18, 19 декабря 1863 г. проект рассматривался в Общем собрании Государственного совета, а 1 января 1864 г. Положение о земских учреждениях было утверждено императором.

Остановимся на некоторых дискуссионных моментах выработки Положения.

Не случайно главным предметом спора стал вопрос о составе земских учреждений, поскольку, по словам постоянного оппонента П. А. Валуева и В. А. Долгорукова, Д. А. Милютина, круг деятельности земства обуславливался их составом. Считая конституционные проекты не применимыми в условиях российской действительности того времени, Д. А. Милютин вполне определенно противодействовал навязываемым идеям сословного представительства.

¹ Там же. С. 219.

² Там же.

³ Там же. С. 233.

⁴ Там же.

При обсуждении реформы Д. А. Милютин и его сторонники в Государственном совете надеялись в будущем растворить заявлявшую о себе в дворянских собраниях помещичью фронду в более демократичном составе земских собраний, а ее политическую активность направить на разнообразную хозяйственную деятельность. Хотя высочайшее одобрение получила позиция Д. А. Милютина, вполне определенно заявлявшего, что «земским учреждениям не дается значения ни политического, ни сословного; а лица, способные к занятию делами хозяйственными, каковыми должны быть дела земских учреждений, находятся во всех классах»¹, его политические оппоненты настойчиво продолжали отстаивать интересы высшего сословия дворянства.

Так, была сохранена (с некоторыми изменениями) трехкуральная система выборов (землевладельцы, городские обыватели, крестьяне). Причем доводам сторонников всесословного избирательного собрания, опасавшимся, что крестьяне в своих куриях будут предоставлены сами себе, противостояла солидарная позиция В. А. Долгорукова, М. Х. Рейтерна и А. А. Зеленого, утверждавших, что «крестьяне будут, без сомнения, преимущественно избирать гласных из местных, хорошо им известных землевладельцев», наличие же гласных, избранных непосредственно крестьянами, должно было, по их мнению, исключить возможность столкновения (в том случае, если гласные были избраны преобладающим в общем собрании сословием) при раскладке денежных сборов².

В. А. Долгоруков поддержал П. А. Валуева, считавшего необходимым «дать место участию арендаторов в земском представительстве», так как они «также близко заинтересованы в делах хозяйственных, земствуверяемых»³. В. В. Гармиза считал, что это предложение имело целью обеспечить более существенное преобладание крупной собственности⁴. В Государственном совете высказывалось мнение, что владельцы крупных имений будут делить их на участки для раздачи арендаторам и тем самым обеспечат себе дополнительную поддержку, однако П. А. Валуев полагал, что подобное «маловероятно»⁵. Из-за опасения дать преимущества арендаторам из числа польской шляхты в Западных губерниях это предложение было отклонено.

¹ Историческая записка... С. 63.

² Там же. С. 66–67.

³ Там же. С. 80.

⁴ *Гармиза В. В.* Подготовка земской реформы 1864 года. М., 1957. С. 236.

⁵ Историческая записка... С. 81.

Наиболее откровенно дворянские интересы поддерживала саванная аристократия при обсуждении порядка определения числа гласных. Отстаивая зафиксированный в проекте «перевес элемента землевладельцев», сторонники этой позиции (в том числе и В. А. Долгоруков) доказывали, что «для успеха (...) земских учреждений такой перевес желателен и даже на первое время необходим, потому что большинство землевладельцев принадлежит к классу, наиболее способному, образованному, привычному к делам управления и посему представляющему наиболее ручательства в принесении участием своим в земском деле истинной пользы»¹.

При этом сторонники тандема П. А. Валуев – В. А. Долгоруков всячески маскировали и одновременно опровергали обвинения в желании «дать дворянам-помещикам новое сословное преимущество и усилить влияние их на местные дела». Их аргументы несут на себе печать явной демагогии: «...землевладельцы принадлежат ко всем классам общества и предоставление им некоторого перевеса в земском представительстве не имеет ничего общего с привилегиями сословными»; «интересы [землевладельцев и крестьян. – О. А.] не так разъединены, чтобы каждый из них нуждался непременно в одинаково сильном представительстве», а потому численный перевес гласных от землевладельцев поведет «только к принятию ими большего участия в устройстве земского управления». И, наконец, показательное довольно откровенное пожелание, чтобы в земстве «при сведениях в одно целое различных элементов общества, передовая роль принадлежала элементу наиболее образованному, классу людей, опытность и способность которого в делах управления известна и изведена»².

При обсуждении этого вопроса в Общем собрании Государственного совета В. А. Долгоруков, П. А. Валуев и еще 24 члена Совета убеждали, что предложенное министром внутренних дел представительство соответствует «разрядам местных интересов». А преобладание в большей части уездов гласных от землевладельцев «вполне соответствует положению, которое занимают землевладельцы в ряду других классов населения по своему образованию, навыку в делах управления и материальным средствам»³. Признавая, что еще нет точных сведений о количестве и ценности имущества для составления совершенно правильной ведомости о числе гласных», они тем не менее полагали возможным согласиться с представленными цифрами «для определения на первый раз числа гласных»⁴.

¹ Там же. С. 139.

² Там же. С. 139–140.

³ Там же. С. 148.

⁴ Там же.

Утверждено императором было все же мнение меньшинства Государственного совета о сокращении числа гласных.

Немало споров возникло и при обсуждении вопросов, связанных, в той или иной степени, с курируемой III Отделением сферой обеспечения общественного спокойствия. К этой области относится вопрос о допущении духовенства к участию в избирательных съездах и земских собраниях. В. А. Долгоруков принадлежал к противникам этого положения. Аргументы приводились следующие: подобного не требуют имущественные интересы духовенства, а вред от отлучек священнослужителей в связи с делами земства будет значительным, кроме того, отстаивание интересов какой-либо одной части населения могут вызвать неприязненное отношение другой части прихожан, и «нравственное влияние духовенства на сельское население может поколебаться»¹. У шефа жандармов был еще один важный аргумент: сельские священники довольно часто выступали ходатаями по крестьянским делам, т. е. по ведомству III Отделения проходили как «подстрекатели» крестьян к неповиновению² и на выборах могли составить конкуренцию благонадежным помещикам. П. А. Валуев разделял подобные взгляды: «Духовенство содержит в самом себе элементы беспорядка; оно (...) обладает влиянием только в качестве оппозиции или когда имеет тенденцию принести вред»³.

С большой откровенностью обеспокоенность полицейского ведомства была изложена при рассмотрении вопроса о круге избирателей, из которых каждый избирательный съезд может выбирать гласных. При наличии трех избирательных съездов – землевладельцев, городских жителей и сельских выборщиков – большинство членов Общего собрания Государственного совета полагало правильным выбирать гласных каждым съездом из своей среды. Исключение возможно было сделать для крестьян, «потому что между ними мало грамотных и способных быть гласными в уездном земском собрании», но с оговоркой: разрешалось выбирать гласных крестьянскими избирательными съездами не только из своей среды, но и из числа землевладельцев, имеющих право быть гласными⁴. Другие избирательные съезды такого права не получали, «потому что те и другие никаких общих интересов не имеют и друг друга большей частью не знают», и «такая взаимность в выборах не оправдывается никакою существенною для дела пользою»⁵.

¹ Историческая записка... С. 118–120.

² Крестьянское движение в России в 1827–1869 гг. Вып. 1. С. 115.

³ Предложения и проекты П. А. Валуева. С. 141.

⁴ Историческая записка... С. 154.

⁵ Там же. С. 154–155.

Этакая сельская идиллия рисовалась членами Государственного совета: «Между землевладельцами много таких, которые с охотою примут на себя обязанность быть защитниками крестьянских интересов в земских собраниях, не говоря уже о мировых посредниках и их кандидатах, находящихся в столь частых и близких сношениях с крестьянами. В настоящее время нет уже резкого разъединения между помещиками и крестьянами, и сближение между теми и другими установится на прочных основаниях, когда землевладельцы по выбору самих крестьян явятся в земских собраниях представителями интересов сельского населения»¹.

Допущение горожан к отстаиванию интересов крестьянства было признано нежелательным. В журнале Государственного совета отмечалось: «Такая мера открыла бы путь многим неблагонадежным личностям, встречающимся между жителями городов, чиновникам, исключенным со службы, мещанам сомнительного поведения и другим, к приобретению вредного влияния на крестьянское население. Они разными способами, несбыточными обещаниями и другими приманками склоняли бы доверчивых крестьян к избранию их в гласные и, захватив таким образом в свои руки представительство крестьянских интересов в делах земства, могли бы приобрести губительное влияние на сельское население»². «Не устранял опасений относительно благонадежности лиц», баллотирующихся в гласные, и равный имущественный ценз для избираемых и выборщиков, который казался слишком низким³.

Исключительно с точки зрения благонадежности решался вопрос о председателях уездного и губернского земского собраний. В. А. Долгоруков в числе 23 членов Государственного совета отстаивал тезис о том, что «для правительства и для самого земства весьма важно, чтобы председатели уездных земских собраний были люди вполне благонадежные, на которых можно было бы вполне положиться»⁴. Этому условию в полной мере соответствовали уездные предводители дворянства как «лица, удостоенные доверием местных землевладельцев, наиболее заинтересованных в делах земства, и по своим занятиям соответствуют тем условиям, какие требуются от председателей земского собрания»⁵. Особо оговаривалось, что председательствовать в собрании они будут не как представители дворянства,

¹ Там же. С. 155.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 159.

⁵ Там же. С. 160.

а «как лица, наиболее для сего способные из тех, которые могли быть наперед указаны в законе»¹.

Еще более важным был вопрос о председателе губернских земских собраний. По мнению 29 членов Общего собрания Государственного совета (в их число входил и шеф жандармов) возглавлять эти собрания должны лица «благонадежные и способные», поэтому было признано, что «крайне неосторожно предоставить назначение председателей самим собраниям по выбору большинства голосов, так как при этом избрании того или другого лица много зависело бы от разных случайностей, оказывающих влияние на подачу голосов, минутного увлечения или происков партий»². Принятым решением предусматривалось, что возглавит уездное собрание местный предводитель дворянства, а на губернском уровне председательствовать будет губернский предводитель дворянства, если император не назначит для этого особое лицо³.

С позиций обеспечения лояльности власти рассматривался вопрос и о порядке формирования губернского земского собрания. По мнению В. А. Долгорукова (в числе мнения 40 членов Совета), считавшего, что, поскольку «важнейшие дела по управлению местным хозяйством» будут решаться в губернских собраниях, «выбор губернских гласных потребует гораздо большей разборчивости, которая достигается только при том условии, чтобы круг избирателей был не очень многолюден и чтобы он состоял из людей по возможности образованных и пользующихся в обществе некоторым доверием и весом»⁴. Ясно, что речь шла об обеспечении дворянского представительства за счет проведения выборов гласных уездными собраниями, а не уездными избирательными съездами.

Возражения противников этого предложения (Д. А. Милютина, М. А. Корфа, А. А. Суворова, Н. И. Бахтина), утверждавших, что таким образом выборы гласных будут проходить под влиянием дворянского большинства, и в губернские собрания не попадут представители горожан и крестьян, парировалось демагогическим заявлением, что губернские гласные, будучи избранными членами уездного собрания, которые в свою очередь избираются от различных частей населения, «будут точно так же представителями населения, как если бы они были выбраны непосредственно съездами уездных избирателей»⁵.

¹ Историческая записка... С. 161.

² Там же. С. 167.

³ Там же. С. 161, 168.

⁴ Там же. С. 162–163.

⁵ Там же. С. 163.

При рассмотрении вопроса об исполнительных органах земства было принято решение об утверждении правительственной властью председателей управ «как учреждений исполнительных и несущих на себе известные как перед обществом, так и пред правительством обязанности»¹. По логике большинства «этого требуют общие условия государственного строя, по коим всякое учреждение, действующее в той или иной сфере государственной жизни, должно носить на себе (...) печать правительственного полномочия»². Например, распоряжения земских управ «будут касаться частных интересов и во многих случаях приводиться в исполнение полицией, которая не может действовать во имя власти, правительством не утвержденной»³. Тем самым земские учреждения вписывались в исполнительную вертикаль и обеспечивался правительственный контроль над их деятельностью.

В Общем собрании Государственного совета при обсуждении раздела положения о существе и пределах власти земских учреждений возник вопрос, не следует ли предоставить министру внутренних дел право закрывать земские собрания. В. А. Долгоруков в числе большинства высказался в том плане, что данное право «было бы в прямом противоречии с основным началом предпринятого преобразования, началом доверия к новым учреждениям»⁴. Это, по его словам, «поставило бы их с самого начала в неприязненные отношения к административной власти, от произвола которой зависела бы деятельность собраний»⁵.

Однако из дальнейшей аргументации, изложенной в журнале, видно, что «доверие» подстраховывалось: начальники губерний, министр внутренних дел должны были осуществлять надзор за тем, чтобы собрания «не выходили из круга вверенных им дел, не превышали предоставленной им власти»; могли останавливать исполнение постановлений, противоречащих законам. Не исключалась возможность испрашивать в чрезвычайных ситуациях высочайшего повеления, которое «заменяет собою закон». Тем самым устранялась необходимость устанавливать в законе «ограничения и стеснения», которые при обычном положении не нужны⁶. Вспомнился и прокламированный хозяйственный профиль земства: «При том значении,

¹ Там же. С. 205.

² Там же. С. 207.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 334.

⁵ Там же. С. 335.

⁶ Там же. С. 336.

какое предполагается дать земским собраниям как учреждениям хозяйственным, едва ли могут быть опасения на счет направления, какое они примут»¹.

В спорах о земских учреждениях П. А. Валуев и В. А. Долгоруков не забыли и о планах реорганизации Государственного совета. В конце ноября 1863 г. П. А. Валуев подготовил законопроект нового «учреждения Государственного совета», нижней палатой которого становился «Съезд государственных гласных», избиравшийся земством и городскими думами². В качестве законосовещательной инстанции съезд участвовал в рассмотрении всех законопроектов, штатных расписаний, вопросов железнодорожного строительства с правительственными гарантиями, государственного бюджета, чрезвычайных финансовых мер и ходатайств сословий и земских учреждений. Два вице-председателя съезда и 14 избранных членов должны были отстаивать свои решения при обсуждении их в верхней палате – Общем собрании Государственного совета. В. Г. Чернуха ввела в научный оборот документ, озаглавленный «Заметка по прочтении проекта», авторство которого, по мнению исследовательницы, принадлежит В. А. Долгорукову³.

Изучив проект П. А. Валуева, шеф жандармов сделал весьма категоричный вывод: «Общий состав проекта я нахожу вполне соответствующим настоящим потребностям государства и возможным в исполнении». Показательны некоторые замечания: Съезд государственных гласных шеф жандармов предлагал назвать Государственной думой; установить, что налоги, изменение тарифов, сверхсметные расходы должны поступать на утверждение гласных. В то же время предлагалось установить верхний предел продолжительности заседаний – «для воспрепятствования излишнему разглаговствованию» и предусмотреть возможность «высочайшей власти закрыть и распустить их собрание, когда это признано будет нужным»⁴. Предложенный проект казался вполне применимым в комплексе с Положением о земских учреждениях.

7 декабря 1863 г. записка, разъясняющая содержание проекта, была представлена императору. 13 декабря во время доклада министра внутренних дел Александр II вернул записку. «Он возвратил ее с сердцем без пометы и хотя ничего не сказал мне неприятного, но видно было, что записка ему была неприятна», – писал в дневнике

¹ Историческая записка... С. 335.

² Чернуха В. Г. Внутренняя политика. С. 40–41.

³ Там же. С. 42.

⁴ Там же. С. 43.

П. А. Валуев, прибавив: «Бурбоны ничему не научились и ничего не забыли»¹.

Судя по всему, те уступки, которые власти казались возможными еще год назад, в новых условиях считались необязательными. Теперь уступить политическим притязаниям дворянства означало не обеспечить правительственному курсу поддержку консервативных слоев, а проявить слабость. Как и при обсуждении положений крестьянской реформы, шеф жандармов до последнего отстаивал свои взгляды, обосновывал необходимость принятия мер, учитывавших интересы дворянства и служивших политической стабильности государства. Однако влияние его на императора было незначительным. Александр II внимательно выслушивал мнения, знакомился с докладами с мест, но решения принимал самостоятельно. Изменения, внесенные Государственным советом в первоначальный проект Положения, ослабили явные сословные привилегии дворян, способствовали демократизации выборных начал. Принципиально важным было и расширение круга деятельности земских учреждений: предоставление им попечения о народном образовании, здравоохранении, о тюрьмах, но «преимущественно в хозяйственном отношении и в пределах, законом определенных»². Идея привлечь выборных к участию в государственном управлении вновь была отложена, а общественная инициатива перенаправлена на удовлетворение местных хозяйственных потребностей.

Однако создана была лишь только схема. Каким содержанием наполнится деятельность земских собраний, зависело от конкретной внутриполитической обстановки и общественных настроений.

Неопределенность положения зафиксирована в «Нравственно-политическом обозрении» III Отделения за 1863 г. (подписано 2 марта 1864 г.). Сообщая о земской реформе как правительственной мере, «возбудившей особенное внимание общества», В. А. Долгоуков отмечал: «Трудно определить вперед, какое она будет иметь влияние на общественное хозяйство, на народное развитие; но нельзя упустить из виду того впечатления, которое она произвела на образованные классы. Только немногие видели в ней меру чисто экономическую; большинство же объясняло ее или как уступку, вызванную современными обстоятельствами, или как первый шаг к представительному правлению. Она возбудила надежды в одних и опасения за будущее в других»³.

¹ Валуев П. А. Дневник. Т. 1. С. 261.

² Цит. по: Гармиза В. В. Подготовка земской реформы 1864 года. С. 240.

³ Россия под надзором. С. 644.

Вскоре политическая активность сменилась апатией. В отчете за 1865 г. шеф жандармов отмечал, что «введение земских учреждений во внутренних губерниях в самом начале встречено землевладельцами некоторых местностей равнодушно и с уклонением от съездов на выборы гласных; но потом, когда понятия о важности предмета были разъяснены, (...) постепенно открывались земские собрания, выборы проводились в надлежащем порядке, и в нескольких губерниях земские учреждения введены уже вполне»¹.

Однако желанного порядка и спокойствия не прибавилось. С одной стороны, В. А. Долгоруков заявлял о пользе земства, отмечая, что под воздействием реформы изменились настроения общества и публичной печати: «...большая часть наших публицистов оставили прежние утопические мечтания и революционную пропаганду, видимо склоняясь на сторону правительства», ибо находят в земских учреждениях, «названных некоторыми экономической конституцией, начало будущего самоуправления русского народа, соединенного с монаршею волею в одно политическое целое»². С другой – он весьма недвусмысленно порицал недостатки и беспорядки на земских выборах. В том же отчете приводились примеры таких действий. В Инсарском уезде Пензенской губернии «лица, забаллотированные вторично, допускались к баллотировке и были выбраны», а «некоторые дворяне являлись в нетрезвом виде и давали крестьянам деньги, с тем чтобы они избрали их в какие-либо должности», при этом уездный предводитель дворянства Литвинов этому потворствовал, а потом вместе с ними бесчинствовал в питейном заведении³. В Херсоне были отмечены «шумные споры и нарушение приличий»⁴. Выборы в Курском губернском собрании вообще проходили «при отсутствии всяких приличий». Партия дворян, враждебных бывшему губернатору Скарятину, с раздражением протестовала против некоторых его распоряжений, и прения, возникшие по этому предмету, доходили до совершенного ожесточения: зала собрания постоянно оглашалась сильными криками; нередко слышались угрозы, едва не доходило до побоев». По этому поводу шеф жандармов заключал: «Обнаружена полная несостоятельность тамошнего дворянского сословия в делах общественных и преобладание невежества, личных интересов и мелкой интриги. Курское дворянство, как замечают, ни в чем еще не проявляло гражданского сознания»⁵.

¹ ГА РФ. Ф. 109. Оп. 223. Д. 30. Л. 112.

² Там же. Л. 43–43 об.

³ Там же. Л. 98.

⁴ Там же. Л. 100.

⁵ Там же. Л. 99.

Начались и межсословные конфликты. «В Бобринском уезде дворяне по соглашению между собою отказались от избрания их в члены управы, и потому были выбраны одни только крестьяне». Так как последние заявили, что «не могут заниматься письмоводством по делам управы», то по распоряжению министра внутренних дел состоялись повторные выборы, и в члены управы избраны дворяне и городские обыватели¹. В Воронежской губернии в Новохоперском земском собрании, наоборот, крестьяне-раскольники молоканской и безпоповской секты «составили сильную партию против дворян с целью не допускать их в должности, успели по большинству голосов избрать в председатели и члены земской управы одних только крестьян; но как последние отказались от присяги на верность службы, то выборы эти губернатором не утверждены»².

Приводился пример манипуляций с голосами крестьян со стороны лиц «крайне либеральных мнений» в Самарском земском собрании. Указывались случаи избрания председателями ряда уездных управ Псковской губернии лиц, «известных либеральным направлением»³. Думается, что подобные сообщения с мест еще больше убеждали Александра II в несвоевременности и невозможности общероссийского народного представительства.

Столь хаотичная активность земских собраний, а также выступления на дворянских собраниях в отдельных губерниях весьма тревожили власть. «Оппозиция и недоверие проявляются везде, где есть способность их выказывать. Трехсотголовое земство поднимает свои головы, лепечет крики, скоро будет вести речь недружелюбную», – записал в своем дневнике П. А. Валуев⁴. Подобные настроения в стране противники В. А. Долгорукова – П. А. Валуева использовали как аргумент в продолжительном споре вокруг конституционных планов. П. А. Валуев из разговора с вел. кн. Константином Николаевичем вынес, что «Милютин и К выдают меня за радетеля и возбудителя земства и на эту тему разыгрывают вариации на известной струне неприкосновенности самодержавия»⁵.

30 декабря 1865 г. у Александра II состоялось совещание ряда высших сановников. «Предмет совещания – действия земских собраний, стремление к конституции, выражающееся в заявлениях насчет центрального земского собрания и меры, которые надлежало бы принять против всего этого», – записал П. А. Валуев. Ближайшим поводом

¹ Там же. Л. 100 об.

² Там же. Л. 102 об.

³ Там же. Л. 98–102.

⁴ Валуев П. А. Дневник. Т. 2. С. 74.

⁵ Там же. С. 91.

для такой встречи стали решения С.-Петербургского земского собрания. Общий тон выступлений выражал «убеждение в необходимости остановить поток». Позиция В. А. Долгорукова сводилась к предложению частных мер: объявить «внушение» возмутителю спокойствия – автору ходатайств о центральном земском собрании, царско-сельскому предводителю дворянства А. П. Платонову. Подытоживая свои впечатления от этого заседания, П. А. Валув рассуждал о позиции «чинодержателей и звездonosцев» и задавался вопросом: «Что проповедовали они? Ограничения, прошения, взыскания, безмолвие и боязнь... Конечно, нужно воздерживать, исправлять и указывать, но нужно также и ободрять, и направлять, и голубить»¹.

Как видим, даже при общем сочувствии домогательствам сторонников дворянской олигархии в случае выхода их действий за пределы, допускаемые властями, шеф жандармов выступал как сторонник жестких мер пресечения, а не диалога и поиска примирительного решения. Компромисс воспринимался как признак слабости, умаляющий авторитет власти. К тому же для обоснования необходимости правительственной опеки, государственного вмешательства в дела и решения земства малокультурная провинциальная дворянская среда давала достаточно поводов.

Первые шаги земского самоуправления, зачастую малоудачные опыты губернского и уездного представительства, видимо, повлияли на конституционные замыслы В. А. Долгорукова. И, хотя он не отказывался от идеи конституции в принципе, вопрос о ее практической применимости в ближайшее время для него уже не стоял. Не случайно П. А. Валув по поводу объяснения шефа жандармов с Н. А. Милютиным «насчет того, как он понимает устройство управления под фирмой: “царь и народ”», заметил, что князь В. А. Долгоруков «в переживаемую нами критическую эпоху невозмутимо продолжает изучение политических наук»².

3. Судебная система и судебная реформа

В соответствии с инструкцией А. Х. Бенкендорфа³ в обязанность жандармских штаб-офицеров, отправлявшихся на службу в губернии, входил надзор за соблюдением общественного спокойствия, за-

¹ Валув П. А. Дневник. Т. 2. С. 93.

² Там же. С. 22.

³ Инструкция графа Бенкендорфа чиновнику III отделения // Русский архив, 1889. № 7. С. 396–397.

конности и порядка, предотвращение преступлений и защита прав личности.

III Отделение было не единственным контролирующим органом государства. Надзор за деятельностью правительственных учреждений, местной администрации, органов самоуправления осуществлял Сенат, за деятельностью судебных органов – губернские прокуроры. С созданием III Отделения органы надзора получили очень сильного конкурента и собственного контролера, действовавшего негласно, имевшего своих не зависимых от местных властей представителей и возможность доведения информации непосредственно до высшей власти.

Уже в сентябре 1826 г. управляющий III Отделением М. Я. фон Фок писал А. Х. Бенкендорфу: «Существующие законы и постановления все определяют, все предусматривают, но судьи действуют совершенно противно целям правительства. Министр юстиции, имея дурных помощников, не может ничего сделать для пользы общества, несмотря на все свои добрые намерения». Особое внимание обращалось на состояние судопроизводства. Главное зло, которое должен был устранить надзор, это злоупотребление судебных чиновников: «не было бы никаких недостатков, если бы судьи и мелкие чиновники не были принуждены затягивать дел, чтобы вымогать деньги у тех, которые имеют несчастье вести тяжбу»¹.

Результаты наблюдения в губерниях и столицах обобщались, анализировались и представлялись императору в виде «всеподданнейших» докладов и отчетов. Интерес представляет оценка деятельности министров (в частности, министров юстиции) и состояния отрасли, содержащаяся в отчетах, когда тайную полицию возглавлял А. Х. Бенкендорф. При А. Ф. Орлове оценок деятельности министерств в отчетах нет. Традиция обзора министерской деятельности ненадолго была восстановлена в начале правления Александра II. По признанию авторов истории Сената, «главной задачей III Отделения была политическая полиция; фактически же она оказалась единственной, и III Отделение не сыграло сколько-нибудь существенной роли в деле надзора за управлением»². Тем не менее жандармские оценки судебной системы и путей ее совершенствования представляют несомненный интерес.

В отчете III Отделения за 1829 г. отмечалось непосредственное участие министра Д. В. Дашкова в исправлении пороков судебной

¹ Петербургское общество при восшествии на престол императора Николая // Русская старина, 1881. № 11. С. 527.

² История Правительствующего Сената за двести лет. 1711–1911. СПб., 1911. Т. 3. С. 546.

системы: «Он жалуется на невозможность сделать все, что хотел бы, за полным неимением сотрудников. Канцелярии министра и Сената полны взяточников и людей неспособных (...). Дашков жалуется на то, что он бессилён уничтожить все это лихоимство, не будучи в состоянии уследить за всем лично и не имея возможности положиться на прокуроров, которые все закрывают на это глаза»¹. При этом признавалось, что «лихоимство и применение ложных принципов» внесли такую путаницу и воздвигли столько препятствий, что необходимо ход дел «преобразовать на новых началах»².

Конкретные «проекты улучшений» подсказывало общественное мнение. Ссылаясь на «рассуждения» («много говорят», «думают многие»), шеф жандармов перечислял основные идеи, озвученные обществом. Сенат должен принимать «только апелляционные прошения и кассационные жалобы». Действующий порядок, «в силу которого по жалобе частных лиц на провинциальные суды дела посылались бы на пересмотр в Сенат и рассматривались бы предварительно последним», с правом отменять приговоры местных судебных инстанций, привел к тому, что «Сенат, обогащаясь взятками, завален процессами»³. Если шеф жандармов выделял в этой практике именно коррупционную составляющую, то позднейший исследователь полагал, что «постоянное расширение подсудности Сената объясняется очень просто: законодатель не доверял местным судебным учреждениям и стремился открыть путь в Сенат всем сколько-нибудь существенным гражданским и уголовным делам с тем, чтобы после рассмотрения их в Сенате важнейшие из этих дел направить в Государственный Совет»⁴.

Недовольные существующим положением дел, по словам шефа жандармов, полагали, что жалобы на приговоры низших судебных инстанций должны поступать непосредственно министру, который должен иметь право «приостанавливать дело после предварительного рассмотрения его специально учрежденным под его руководством комитетом»⁵. По сути, предлагалось вместо коррумпированной Консультации министерства, создать еще один орган из честных чиновников под непосредственным руководством министра. Другое предложение о том, что «в случае признания вынесенного одним из департаментов Сената приговора неправильным он может быть об-

¹ Россия под надзором. С. 54.

² Там же. С. 54–55.

³ Там же. С. 55.

⁴ История Правительствующего Сената за двести лет. Т. 3. С. 511.

⁵ Россия под надзором. С. 55.

жалован в заседании в полном составе, на котором разбиравшие дело сенаторы были бы лишены права присутствовать»¹, также предполагало отстранение скомпрометированных неправосудным решением лиц от рассмотрения дела в высшей инстанции. Для того, «чтобы доклады о процессах составлялись согласно установленного порядка», и «для сего были установлены сроки», требовалось просто регламентация и добросовестное исполнение обязанностей. Предложение изменить процедуру рассмотрения дел в суде так, чтобы «тяжущиеся могли печатать к своему делу объяснительные записки», можно рассматривать как желание ввести элемент состязательности, возможность представлять отличную от сенатского доклада точку зрения. «Было бы необходимо, думают многие, учредить последнюю инстанцию, решения которой не подлежали бы апелляции и являлись бы неотменимыми», – указывал шеф жандармов, подчеркивая, что «без этого никто не может быть спокоен за свою собственность, что причиняет массу неприятностей и семейных несчастий»².

Любопытно предложение, касавшееся восстановления совестных судов, фактически пришедших в упадок. По мнению А. Х. Бенкендорфа, они «имеют важное значение и очень полезны для процессов, в которых отсутствуют документы и которые не навлекают иного наказания, кроме стыда»³. И наконец, в отчете отмечалось, что в обществе «бесконечно жалеют об уничтожении *юнкерского института*, где молодые люди готовились к гражданской службе. Учреждение подобного заведения принесло бы существенную пользу»⁴.

Суммируя общественные настроения, шеф жандармов отмечал: «Много говорят о безответственности членов совета, сенаторов и министров в случаях противозаконных решений, потому что, как говорится в указе Петра Великого: *“На что писать законы, когда не исполнять их”*. Судьи наши присвоили себе права присяжных и решают дела по своему усмотрению, по совести, вопреки законам, чем приносится много зла»⁵. Важно отметить, что, оценивая деятельность судей, А. Х. Бенкендорф под правосудным понимает решение по закону.

В отчете за 1832 г. отмечается благотворное влияние упорядочения сенатского делопроизводства в результате утвержденного мнения Государственного совета и именного указа Сенату от 22 января:

¹ Там же. С. 56.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

«В Правительствующем Сенате последовало в сем году значительное улучшение. Назначение первоприсутствующих, учреждение нового общего собрания и постановление, дабы дела разрешались по вопросам, предварительно извлеченным из самого существа дела, произвели, по общему всех отзыву, то действие, что в департаментах Сената дела обсуживаются правильнее, несравненно реже происходят в оных разногласия, следовательно, менее дел поступает в общие собрания, а потому и скорее они оканчиваются»¹.

Действительно, назначение первоприсутствующих способствовало более слаженной и ответственной работе сенаторов, позволяло обеспечить организационный контроль над подготовкой дел к слушанию, соблюдать сроки и формы делопроизводства, оперативно реагировать на поставленные вопросы, выяснять мнения сенаторов и объявлять решение. Как отмечалось в «Истории» Сената, эта мера «внесла много системы и стройности в самый процесс рассмотрения дела в присутствии, и в этих пределах имеет большое значение»².

В отношении губернских и уездных судебных мест шеф жандармов в отчете за 1832 г. признавал, что «они представляют самую грустную картину. Решительно нет в них правосудия, и корыстолюбие существует в самой сильной степени»³. При этом губернские прокуроры и стряпчие, обязанные наблюдать за законностью судопроизводства «нередко сами причастны к злоупотреблениям». И только высшее наблюдение, т. е. III Отделение и корпус жандармов, внимательно следили и вскрывали злоупотребления судебной части: «Многие чиновники по указанию высшего наблюдения начальством устранены от должностей, но при всех стараниях лихоимство не уменьшается, ибо законная улика лихоимцев едва ли когда возможна, и они, избегая всякий раз заслуженного наказания, беспрепятственно продолжают вредные свои действия, угнетая истца неимущего, находящегося в невозможности удовлетворить их корыстолюбие. Не мудрено после сего, что везде слышен ропот, везде жалуются на судебные места»⁴.

Собственный опыт участия в борьбе с лихоимством, видимо, породил невольную законодательную инициативу шефа жандармов. В записке, адресованной императору, А. Х. Бенкендорф указывал, что большинство канцелярских служителей губернских присутственных мест «были весьма предосудительного поведения, крайне нерадивы», но избавиться от них было крайне затруднительно. По словам

¹ Россия под надзором. С. 92–93.

² История Правительствующего Сената за двести лет. Т. 3. С. 680–682.

³ Россия под надзором. С. 93.

⁴ Там же.

С. М. Середонина, «зло, указанное гр. Бенкендорфом, действительно существовало: нерадивого и даже нечестного канцелярского служащего губернатор мог уволить, но найти на место уволенных людей лучшей нравственности не мог; после увольнения приходилось определять лиц столь же грубых и нерадивых и только менее привычных делу, чем уволенные. Страх быть отданным под суд на них не действовал»¹. «По суду, – писал А. Х. Бенкендорф, – их почти всегда оправдывают, если не в уголовных палатах, то в Сенате, в канцелярии которого они находят себе сильных покровителей в лице своих товарищей, тем более что формы судопроизводства у нас весьма продолжительны и самые суждения не достигают цели»². Шеф жандармов предлагал виновных в таких упущениях по службе из числа не дворян отдавать в солдаты и для беспристрастного разбора создать специальные присутствия. Николай I передал предложение на рассмотрение Комитета министров, но Комитет это предложение отклонил, как «содержащее предложение нового закона», и направил его министру юстиции для рассмотрения согласно действующим правилам³.

Другая проблема, упомянутая в отчете за 1832 г., это низкие оклады: «Полагая, что скудное содержание губернских чиновников составляет одну из главнейших причин описанного зла, с нетерпением ожидают издания новых губернских штатов, давно уже обещанных, но доселе еще не последовавших»⁴. Здесь шеф жандармов, видимо, деликатно напоминал императору о том, что еще в 1831 г. на одном из заседаний Комитета министров было принято решение: «...так как все вообще присутственные места ведомства министерства юстиции по крайней ограниченности штатов и незначительности жалованья, назначенного служащим в них, не могут приискивать способных чиновников, то Комитет поручает министру представить общие сообщения по делу»⁵.

Эта ситуация не находила разрешения многие годы. В официальной истории Министерства юстиции отмечалось, что «председатели судебной палаты получали всего 1143 р. 65 к. в год, тогда как содержание председателя казенной палаты равнялось 4406 р. Что касается второстепенных и низших чинов судебных мест, то присвоенные им оклады представлялись совершенно ничтожными и далеко не обеспечивали даже самого скромного существования. (...) Не удивительно

¹ Середонин С. М. Исторический обзор деятельности Комитета министров. СПб., 1902. Т. 2. Ч. 1. С. 71.

² Там же.

³ Там же. С. 72.

⁴ Россия под надзором. С. 93.

⁵ Середонин С. М. Указ. соч. Т. 2. Ч. 2. С. 92.

поэтому, что при таких нищенских окладах на службу по судебному ведомству поступали по большей части лишь такие лица, которые вследствие полного своего невежества и неспособности к труду лишены были всякой возможности найти себе какие-либо иные занятия в других ведомствах»¹. Как видим, низкий уровень оплаты негативно сказывался на престиже судебной службы, препятствовал притоку квалифицированных кадров, не способствовал авторитету и значимости судебной системы.

1833-й год стал этапным в развитии правовой системы государства. Государственным советом был утвержден Свод законов Российской империи – кодекс действующего законодательства по всем отраслям права. Принявший участие в заседании Совета император Николай I сказал: «Главным занявшим меня делом было естественно правосудие. Я еще смолоду слышал о лихоимстве, о несуществовании полных на все законов или о смешении их от чрезвычайного множества указов, нередко между собой противоречивых...»²

А. Х. Бенкендорф так писал об участии в этом заседании императора: «Он произнес подробную и поразившую всех своей ясностью речь, в которой говорил о необходимости, подтвержденной всеми событиями последних лет, кодификации законодательства, включающей все законы и установления России. Он сообщил о завершении этой работы и пригласил всех присутствующих на заседании высказать свое мнение за или против и особо определить срок, начиная с которого это кодифицированное законодательство после его обсуждения и окончательного формулирования должно стать действующим»³. В отличие от некоторых членов Государственного совета, критиковавших отдельные изъяны свода законов, шеф жандармов понимал значение проделанной кодификаторами работы для будущего правового устройства государства, для торжества закона над произволом. «Для нынешнего великого царствования это был памятник значительно более прочный, чем сражения, которые зачастую не приносят для народа ничего, кроме несчастья»⁴, – подчеркнул он.

О реакции в обществе говорилось в отчете шефа жандармов за 1833 г.: «Изданный в начале года Свод Российских Узаконений был принят с особенным одобрением. Общее мнение дало надлежащую цену сему произведению огромного труда, совершенного под непо-

¹ Министерство юстиции за сто лет. 1802–1902. Исторический очерк. СПб., 1902. С. 75.

² Корф М. А. Жизнь графа М. М. Сперанского. СПб., 1861. Т. II. С. 300.

³ Бенкендорф А. Х. Воспоминания. С. 527.

⁴ Там же.

средственным наблюдением Его Величества. Появление Свода составляет важную эпоху в летописях российского законодательства. Так мыслит класс людей просвещенных, но стряпчим и приказным он не нравится; они его чуждаются, как некоего враждебного для них произведения. Не предчувствие ли это? Дай Бог, чтоб было так!»¹

Как видим, А. Х. Бенкендорф связывал принятие Свода законов с возможностью эффективной борьбы с взяточничеством-лихоимством. Эта тема постоянно звучала в отчетах III Отделения².

Традиционно ссылаясь на общественные настроения, шеф жандармов писал: «Решительно отзываются, что посредством денег всякая неправда делается правдою»³ (1831 г.) или: «Под прикрытием законных форм совершаются в них дела самые беззаконные, и деньги составляют главную пружину их действий» (1833 г.)⁴. Признавая, что предпринятые правительством меры по искоренению лихоимства результата не дали («лихоимцы сделались лишь осторожнее, но число их не уменьшилось»), А. Х. Бенкендорф тем не менее снова и снова обращался к поиску способов противодействия этому злу: «Согласно общему мнению, нет другого средства бороться со взяточничеством, как уменьшить число чиновников, лучше их оплачивать и ввести с той же целью существующее во всех европейских государствах право субсидий»⁵, т. е. выплат по установленной таксе за каждое дело (1829 г.). В то же время он понимал, что «одно лишь постепенное распространение просвещения в средних классах людей, коими наполняются судейские места, может со временем оное зло уничтожить»⁶ (1831 г.).

В отчете за 1835 г. предпринята попытка выяснить причины бессилия правовых методов борьбы со взяточничеством: «Лихоимство не прекращается и, ограждаясь формами закона, укрывается от должного наказания. При существовании нашего законоположения, подвергающего лиходателя одинаковому наказанию с лихоимцем, нередко случается, что давший деньги для получения себе надлежащего удовлетворения подвергается наказанию, тогда как взявший или, лучше сказать, исторгнувший оные остается свободным от всякого взыскания за недостатком улик»⁷. Проблема состояла в сугубо фор-

¹ Россия под надзором. С. 106.

² См. подробнее: Абакумов О. Ю. III Отделение на страже нравственности и благочиния. М., 2017. С. 69–98.

³ Россия под надзором. С. 82.

⁴ Там же. С. 105.

⁵ Там же. С. 55.

⁶ Там же. С. 83.

⁷ Там же. С. 134–135.

мальном порядке ведения следствия, когда в качестве «бесспорных» доказательств принималось личное признание обвиняемого, не менее двух свидетельских показаний и ряд других доказательств. Косвенные улики судом отводились. Поэтому заявитель, признавая факт дачи взятки, подал под ответственность, а получатель, отрицая ее, оставался под подозрением.

В отчете также признавалось: «...до сведения нашего доходило неоднократно, что таким образом бедные крестьяне подвергались тяжчайшему наказанию, когда приносили жалобы, что с них взяты были деньги»¹. Как вопиющий факт в отчете описан случай жандармского штаб-офицера, который изобличил взяточника, но не смог добиться его наказания: «Бывший в Новгороде штаб-офицер корпуса жандармов Кованько, обнаружив некоторое злоупотребление винного откупщика, представил о том губернскому начальству. Началось следствие. Откупщик, желая остановить дальнейшее действие по сему делу Кованьки, принес ему 2000 р. Кованько в то же время представил деньги сии местному начальству. Дело о сем подкупе было рассматриваемо в губернском правлении, которое определило за неимением достаточных доказательств в даче Кованьке денег откупщика от всякого изыскания освободить; деньги же отдать в пользу Приказа Общественного Призрения»².

Еще раз обратившись к этой теме в 1837 г., шеф жандармов афористически заключает: «Судебное же преследование и обнаружение лихоимства представляется, как мы уже неоднократно замечали, совершенно невозможным; оно всегда прикрывается формами закона и всегда остается ненаказанным. Оно видимо, но недосыгаемо»³.

Строки раздела отчета 1836 г., посвященного ведомствам Министерства юстиции, звучат не просто пессимистично, а прямо-таки фатально: «Прибавление окладов жалованья не послужило, кажется, к уменьшению лихоимства. Зло сие существует, как и прежде, и продолжает ограждать себя формами закона, за которыми преследование оно едва ли возможно. Таким образом, нельзя и ожидать правильных решений, и дела большею частью оканчиваются в пользу того, кто более может заплатить за успех»⁴.

Субъективность жандармской оценки положения дел хорошо видна при сравнении отчетов. Материалы отчета за следующий, 1837, год содержат довольно оптимистичную ретроспективную оцен-

¹ Россия под надзором. С. 135.

² Там же.

³ Там же. С. 169–170.

⁴ Там же. С. 152.

ку работы Министерства: «В течение последних четырех лет многое сделано для улучшения нашего судопроизводства. Законы приведены в известность и в должный порядок и сделались доступными для всех. Положение судей значительно улучшено увеличением их окладов; но за всем тем часть судебная представляется в весьма неудовлетворительном положении»¹. Всех судей шеф жандармов предлагал разделить на два разряда: «...одни честны, но не знающие своего дела; другие сведущие, так называемые дельцы, но зараженные корыстолюбием»². По мнению начальника III Отделения, исключения редки, «весьма немного, – пишет он, – встречаешь судей опытных и сведущих в своем деле, самостоятельных и твердых в своих действиях и с тем имеете совершенно бескорыстных»³. Суждения А. Х. Бенкендорфа подтверждает статистика: уголовное правосудие шло из рук вон плохо, и Сенату приходилось ежегодно изменять и отменять больше половины восходивших на его рассмотрение приговоров уголовных палат⁴.

Еще одна проблема, на которую обращал внимание шеф жандармов, это срок судебного производства. В отчете за 1834 г. сообщалось: «Дела в губернских и уездных судебных местах производятся непомерно медленно. По особому вниманию, обращаемому государем на дела, по коим содержатся арестанты, судебные места сими делами преимущественно занимают для окончания оных в поставленный срок; прочие же за тем остаются в забвении и извлекаются из оно-го только особенным искательством участвующих. На сих днях еще высшее наблюдение получило сведение, что в курском губернском правлении имеется до 80 тысяч нерешенных дел»⁵.

III Отделение не только информировало императора, но и само пыталось способствовать наведению порядка в судопроизводстве. По свидетельству М. Н. Колмакова: «В одной из палат замечена была вообще медленность в ходе дел. В видах понуждения и неотлагательного решения оных послан был жандармский офицер, коему вменено было в обязанность не выезжать из города, где была палата, до тех пор, пока не будут решены все дела. Явился жандарм в палату и настойчиво требовал исполнения объявленного им поручения. Председатель задумался, как быть и что делать? Засим велел принести из канцелярии все дела. Потом, взяв одно дело и поднеся его к своим

¹ Россия под надзором. С. 169.

² Там же.

³ Там же.

⁴ История Правительствующего Сената за двести лет. Т. 3. С. 514.

⁵ Россия под надзором. С. 121.

глазам или, лучше сказать, к носу, объявил: решение суда утвердить, и положил его на правую сторону. Потом взял другое дело и, делая те же движения, заявил: решение суда отменить. За тем, при тех же приемах, начал быстро откладывать дела то направо, то налево, вскрикивая: утвердить, отменить и т. д. по окончании сего жандарм уехал с донесением, что все дела в палате решены»¹. Подобная практика, отмечал мемуарист, «делала власть смешною в глазах благомыслящих людей»².

В материалах жандармских отчетов, особое внимание уделяется деятельности Сената. Хотя и признавалось, что с началом деятельности министра Д. В. Дашкова «ход дел в Правительствующем Сенате, по общему отзыву, приметно улучшился»³ (1835 г.), тем не менее императору сообщалось: «В Правительствующем Сенате дела равномерно производятся и решаются не даром. Несправедливо было бы упрекнуть сенаторов в корыстолюбии; мы по самой истине скажем, что ни одного сведения не доходило до высшего наблюдения, которое могло бы подать в сем отношении и тень подозрения на них; но здесь сильно влияние канцелярий, обер-секретарей, попытчиков» (1837 г.)⁴. По словам И. В. Гессена: «...весь суд, все правосудие сосредоточивалось в канцеляриях, и все многочисленные узлы его сплетались в лице все сильного секретаря»⁵.

Касаясь качественного состава сенаторов, шеф жандармов указывал на непрофессионализм как фактор, способствующий коррупции: «Конечно, между сенаторами есть люди отлично дельные и рачительные, но число их невелико. Большая часть, достигшие сего звания в преклонных летах, утомленные от долговременной службы, смотрит на Сенат как на место отдохновения и равнодушно взирают на дела; другие же имеют о делах весьма слабое понятие или вовсе никакого. Таким образом, канцеляриям сенатским представляется обширное поле действия, которым они особенно пользуются в летние вакантные месяцы, улавливая для исполнения беззаконных видов своих время отсутствия тех сенаторов, которые бы им могли помешать» (1837 г.)⁶.

Суждения шефа жандармов подтверждают исследователи: «К середине сороковых годов довольно определенно сложился руково-

¹ Колмаков М. Н. Старый суд // Русская старина, 1886. № 12. С. 533.

² Там же. С. 534.

³ Россия под надзором. С. 134.

⁴ Там же. С. 170.

⁵ Гессен И. В. Судебная реформа. СПб., 1905. С. 15.

⁶ Россия под надзором. С. 170.

дящей взгляд на Сенат как на собрание престарелых чиновников среднего ранга, не успевших, несмотря на продолжительную службу, выдвинуться в первые ряды гражданской или военной бюрократии и в большинстве случаев мало пригодных к самостоятельной и ответственной деятельности, для руководства которыми приставлен министр юстиции со своими помощниками, обер-прокурорами»¹.

«Сенат наполнен людьми, мало сведущими в юриспруденции, а что всего важнее, весьма мало дельных обер-прокуроров и обер-секретарей. По губерниям способных людей еще менее»², – писал шеф жандармов в 1839 г. Кадровая проблема была серьезным тормозом для развития правовой системы российского государства. Обучение гражданских юристов одно время проводилось в школе «юнкеров» при Сенате и в его канцелярии³. С учреждением кафедр российского законодательства в университетах и с открытием Училища правоведения (1835 г.) началась подготовка профессиональных юристов. Исследователи констатировали: «Дело несколько изменилось к лучшему в самые последние годы дореформенного режима, когда на должности губернских прокуроров стали назначать молодых и образованных юристов, которые к тому же нередко имели поддержку в министерстве юстиции вследствие семейных или школьных отношений»⁴.

Надо сказать, что политическая полиция давала оценку и личным качествам министров, опосредованно влиявшим на проводимую ими политику. Этот взгляд был в еще большей степени субъективен. Д. В. Дашкова хвалили за трудолюбие: «министр вынужден сам рассматривать всякое сколько-нибудь значительное дело»⁵ (1829 г.), а чуть позже порицали за леность: «он ничем не занимается», «скучает своей должностью»⁶ (1833 г.), «общим голосом находили в нем один только порок – непреодолимую леность» (1839 г.)⁷, низкопоклонство⁸ и надменность: «горд и неприступен»⁹ (1831, 1832 гг.), выражали недовольство его закрытостью: «никакого доступа к нему

¹ История Правительствующего Сената за двести лет. Т. 3. С. 597.

² Россия под надзором. С. 209.

³ История Правительствующего Сената за двести лет. Т. 3. С. 453.

⁴ Там же. Т. 3. С. 513.

⁵ Россия под надзором. С. 54.

⁶ Там же. С. 105.

⁷ Там же. С. 209.

⁸ Там же. С. 54.

⁹ Там же. С. 82, 92.

нет»¹ (1833 г.), «он неприступен»² (1837 г.). Д. Н. Блудова ценили за остроумие и порицали за отсутствие «твердости и терпения»³. В сравнении с предшественником Д. Н. Блудов проигрывал в том, за что порицали прошлого министра – в его открытости: «На него имеет влияние и высшее общество, и дамы, чего не бывало при Д. В. Дашкове, которого называли каменным министром» (1839 г.)⁴. В. Н. Панина считали равным Д. В. Дашкову в «честности и желании добра» (1841 г.)⁵. По отзыву шефа жандармов: «Лучшим доказательством его деятельности и распорядительности служит то, что мелкие чиновники и стряпчие вопиют против него» (1840)⁶.

В жандармских отчетах личности В. Н. Панина уделено много внимания. В 1841 г. подчеркивались неопытность и незнание российских реалий молодым министром юстиции: «Нельзя умолчать, что граф Панин, еще не совсем ознакомившийся с своею новою обязанностью и в чистоте души своей не воображающий, до какой степени люди неблагонамеренные, облакающие свои вредные действия в формы законные, могут обижать людей тихих и добрых, взирает на свою святую обязанность не совсем с правильной точки зрения»⁷. Рекомендации политической полиции для профессионального становления министра весьма показательны: «Если бы граф Панин убедился, что правосудие заключается не столько в соблюдении форм, сколько в справедливом решении дел и если бы он, так сказать, сливал законы с нравственными убеждениями, то лучшего министра юстиции нельзя и желать»⁸.

Жандармские советы вряд ли были известны В. Н. Панину. Официальные историографы Сената признавали: «Канцелярское многописание в Сенате и местных судебных учреждениях достигло полного расцвета во время управления министерством юстиции гр. В. Н. Панина, сухого педанта и большого формалиста. Подчиненные быстро заметили слабую сторону своего министра и старались угодить ему многочисленными и подробными донесениями о мельчайших деталях канцелярского обихода вверенных им учреждений; они испрашивали указаний и наставлений, предлагали различные меры к улучшению существующего порядка, одним словом, увеличи-

¹ Россия под надзором. С. 105.

² Там же. С. 170.

³ Там же. С. 209.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 264.

⁶ Там же. С. 239.

⁷ Там же. С. 264.

⁸ Там же. С. 265.

вали и осложняли переписку, отвлекаясь от прямого своего дела – по отправлению правосудия»¹.

В отчете III Отделения за 1842 г. шеф жандармов вновь обращается к принципам деятельности ведомства: «...министру юстиции более надлежало бы пеших об устранении препятствий, заслоняющих правду, нежели о том, чтобы стоять на страже ведущего к ней пути. Граф Панин слишком стесняет круг своих обязанностей, полагая, что они заключаются в одном наблюдении форм и буквальном исполнении существующих законоположений»². Суть претензий сводилась к следующим замечаниям: «...если доводят до его сведения о неправильных действиях какой-либо судебной инстанции, он, не прекращая сих действий, отвечает, что рассмотрит дело, когда оно дойдет до него “установленным порядком”; приносят ли жалобу, что такой-то процесс решен вопреки всякой справедливости, он отвечает (особенно в тех случаях, когда тяжба окончена Сенатом), что ничего не может сделать “за силою последовавшего решения”; сообщают ли ему, что под таким-то актом скрывается явный обман, он пишет, что акт “облечен в законную форму”». «Словом, сколь бы ни очевидным было злоупотребление производивших дело или прикосновенных к оному лиц, министр юстиции не внемлет нравственным убеждениям»³, – заключал А. Х. Бенкендорф.

По мнению общества, если министр в своей деятельности ограничен законом, это не мешает ему «предоставлять на усмотрение Государя те дела, по которым закон не допускает изменений, но по которым справедливость и совесть обязывают его быть защитником истины, тем более что преимущество власти самодержавной заключается именно в том, что самодержавный Государь имеет возможность действовать по совести и в некоторых случаях даже обязан, отстраняя закон, вершить дело, как отец решает дела между детьми: ибо законы – создание ума человеческого, не могли и не могут предвидеть всех случаев и всех ухищрений сердца человеческого»⁴. «Буквальным же применением существующих законов ко всем без исключения случаям часто подавляется истина и совершается самое очевидное неправосудие, тогда как намерение правительства и цель мудрого законодательства состоит не в том, чтобы только соблюдались его уставы, но в том, чтобы при действии законов охраняема была строжайшая справедливость»⁵, – рассуждал шеф жандармов.

¹ История Правительствующего Сената за двести лет. Т. 3. С. 516.

² Россия под надзором. С. 299.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

Усилить обозначенные подходы к «неформальному» судопроизводству, видимо, должна была констатация, что реальные перемены в судебной системе незаметны: «Судебные места вообще находятся в таком же положении, как они были в конце минувшего столетия. Новое поколение приказнослужителей не изменяет обычаям предков: та же продажность в судах; те же обветшалые формы делопроизводства многосложного, запутанного и темного, которое, утомляя внимание присутствующих, представляет удобство и простор ябеде и злоупотреблению. В низших инстанциях тяжёлые дела длятся целые годы; просители напрасно теряют время и деньги и не всегда доживают до окончания своих процессов, оставляя детям заботы вместо достояния. (...) Дела, по коим нет *ходатайства*, остаются во все без производства или в бесполезной переписке длятся несколько лет, а при окончании решаются в пользу той стороны, которая *ходатайствовала*»¹.

Однако перемены все-таки были, и одна из них невольно обозначена шефом жандармов. Если в 1829 г. А. Х Бенкендорф возмущался тем, что судьи «решают дела по своему усмотрению, по совести, вопреки законам»², то в начале 1840-х гг. пенял В. Н. Панину на «буквальное применение законов», порицал его за то, что он не «сливал законы с нравственными убеждениями»³. За прошедшее десятилетие, а точнее с 1835 г. (время введения Свода законов Российской империи), в правовое сознание вошли кодифицированные нормы, ставшие основой судебных решений и порядка рассмотрения судебных дел и жалоб. Ностальгия же по «отеческому» решению тяжб особенно заметна в практике III Отделения. М. Н. Колмаков отмечал, что, преследуя по своим понятиям зло и стремясь к добру, III Отделение часто выполняло функции судебных мест: «Так, оно определяло вины лиц по делам неполитического свойства, брало имущество их под свою охрану, принимало по отношению к кредиторам на себя обязанности администрации и входило нередко в рассмотрение вопросов о том, кто и как нажил себе состояние и какой кому и в каком виде он сделал ущерб. Одним словом, круг деятельности III Отделения в области суда был весьма обширен»⁴.

Мемуарист в качестве примера приводит случай М. Потоцкого, чье имение в Подольской губернии было взято в управление III Отделением, а также обремененного долгами кн. Потемкина, поместья

¹ Россия под надзором. С 300.

² Там же. С. 56.

³ Там же. С. 265.

⁴ Колмаков М. Н. Старый суд. С. 530–531.

которого с ведома тайной полиции перешли по купчей в ведение других лиц прежде удовлетворения кредиторов. III Отделение проявило интерес и к источнику состояния купца Гуткова. Объяснения предпринимателя показались неубедительными, и полиция обратилась с ходатайством об изъятии его капиталов, имущества и высылке из столицы. Император передал дело на рассмотрение Министерства юстиции. Далее, по словам М. Н. Колмакова, «министерство, разобрав дело, доложило государю Николаю Павловичу, что нельзя без опасения поколебать основы государства, а равно без жалобы с чьей-либо стороны и помимо суда доискиваться: кто и как приобрел себе состояние, что всякое, даже незаконное владение охраняется законом, доколе, доколе судом не будет доказано противное»¹. Репрессивные меры в отношении Гуткова осуществлены не были.

Шеф жандармов А. Х. Бенкендорф был решительным противником гласности в судебных делах. В 1841 г. во всеподданнейшем докладе он демонстрировал своеобразную охранительную логику, обосновывая необходимость рассмотрения материалов административным путем в Отделении. Речь в документе шла о дворянине Хаборовском, обвинявшемся в хранении бумаг «преступного содержания», за что он «несомненно подлежал бы военному суду». Но глава тайной полиции полагал, что «по делам подобного рода всякая гласность и формальность есть помощь преступным целям (...), ибо распространение оных или дальнейшая известность каким бы то образом ни было, даже через процедуру суда, есть уже исполнение желаний и намерений гнусных обвинителей»². Об опасности гласности по делам о государственных преступлениях власти вспомнили в 1870-х гг., в эпоху процессов по делам народников³.

Публицист Г. А. Джаншиев считал, что «благодаря всемогуществу агентов III Отделения» закон и судебные решения потеряли всякий авторитет, значение суда и судебного звания упало: «Администрация свободно хозяйничала в судах (...) не только в патриархальные времена генерала Дубельта, не стеснявшегося в восстановлении, по указаниям сердцеведения, “нарушенных судом прав”, но даже и в либеральное время, предшествовавшее судебной реформе 1864 г.»⁴. Думается, что здесь не обошлось без некоторого преувеличения.

¹ Там же. С. 531.

² *Деревина Т. Г.* III Отделение и его место в системе государственного строя абсолютной монархии в России (1826–1855): Дис. ... канд. ист. наук. М., 1973. С. 109.

³ *Троицкий Н. А.* Царские суды против революционной России. Политические процессы 1871–1880 гг. Саратов, 1976 (Гл. 2, 3).

⁴ *Джаншиев Г. А.* Основы судебной реформы (к 25-летию нового суда). Историко-юридические этюды. М., 1891. С. 6.

М. Н. Колмаков, характеризуя внесудебные методы действий III Отделения, писал: «Стремление сего отделения, с первого взгляда, казались по-тогдашнему, для некоторых ограниченных людей, похвальны, ибо они имели целью оградить граждан от всякого могущего и содеянного зла, но способы и порядки сих действий, не сдерживаемых формами установленного суда, для многих благонамеренных людей, для коих законы были не пустой звук, а святое правило, как и следовало ожидать, были отяготительны, дышали иногда личным произволом и навлекали на себя справедливый ропот»¹. С подобными суждениями нельзя не согласиться. В отношении же состоявшихся судебных решений действовал иной порядок. О нем писал С. М. Середонин, отмечая, что «через III Отделение очень многие старались восстановить свою честь, служебное положение, отменить последствия приговора, как бы высоко ни стояло учреждение, постановившее приговор»².

Поступившие ходатайства шеф жандармов представлял на «высочайшее воззрение», император передавал дела на рассмотрение в Комитет министров, а полученное заключение утверждал³. Например, штаб-лекарь Р-в был заподозрен в лихоимстве при освидетельствовании рекрутов и по утвержденному императором мнению Государственного совета назначен на службу в одну из сибирских губерний. Еще до отбытия к новому месту службы, во время эпидемии холеры 1831 г. в Одессе, он, по словам официального донесения, самоотверженно спас многих людей, сам дважды заболел холерой и в результате по состоянию здоровья не мог ехать в Сибирь. К тому же у него на иждивении находилось четверо детей. Просьба лекаря после доклада шефа жандармов была передана императором на рассмотрение министрам. Комитет пришел к заключению, что лекаря можно оставить на месте его теперешнего жительства, под ближайшим надзором полиции, без права выезда и не назначая его для освидетельствования рекрут⁴.

Как видим, вынесенные судебные решения пересматривались не жандармскими чинами «по указаниям сердцеведения» – производство начиналось по их «всепопданнейшим» докладам, если император считал нужным передать представленное дело на заключение Министерства юстиции или Комитета министров, а получив решение, утверждал его.

¹ Колмаков М. Н. Старый суд. С. 532.

² Середонин С. М. Указ. соч. Т. 2. Ч. 1. С. 75.

³ Там же. С. 75–79.

⁴ Там же. С. 75–76.

Как признавал шеф жандармов, некоторые позитивные перемены в организации и функционировании судебной системы государства происходили: «Теперь [1842 г.] Сенат совершенно в другом виде, нежели был за двадцать пять лет пред сим, – и ежели секретари могут взять деньги, то редко, тайно и по крайней мере с некоторою благопристойностью. Правда, что для правосудия в провинциях еще не много сделано, но по крайней мере есть надежда, что если правое дело дойдет до министра, то в его канцелярии, (...) и на консультации можно найти справедливость»¹. Удивительна адаптация ценностей к традиционной среде. Шеф жандармов видит положительный сдвиг в борьбе с коррупцией в том, что взятки берутся «с некоторою благопристойностью»².

Необходимы были более серьезные перемены. В отчете за 1842 г. А. Х. Бенкендорф писал: «...первый шаг к юридической реформе уже сделан. Теперь при соединении в стройный Свод отечественных законов обновление судебных мест или, точнее сказать, общее коренное их преобразование становится возможным. По мнению людей благомыслящих, составление особого комитета, который бы начертал проект нового и сообразного с нынешним состоянием просвещения порядка производства дел, есть необходимость и ожидание целой России. Но это важное предприятие, как и все, что в широких размерах совершается для вековых пользы нашего Отечества, не будет иметь успеха без личного настояния и неослабного действия державной воли Государя Императора»³. В 1843 г. главноуправляющий II Отделением Собственной Его Императорского Величества канцелярии Д. Н. Блудов по поручению императора запросил от разных лиц судебного ведомства сведения о главных недостатках действовавшего процессуального законодательства. Осторожные предложения Д. Н. Блудова вызвали решительное неприятие В. Н. Панина, и вопрос об изменениях утонул в межведомственной переписке. Желая сдвинуть вопрос с мертвой точки, Д. Н. Блудов испросил «высочайшее повеление» на учреждение особого комитета для обсуждения положения об изменении гражданского процесса⁴.

В 1845 г. серьезные изменения произошли и в уголовном праве. Новый шеф жандармов А. Ф. Орлов писал о вводимом с мая 1846 г. «Уложении о наказаниях уголовных и исправительных»: «Главная перемена состоит в том, что в новом Уложении исчислены все, сколь-

¹ Россия под надзором. С. 264.

² Там же.

³ Там же. С. 300.

⁴ Министерство юстиции за сто лет. С. 80.

ко можно было предвидеть, преступления, оттенены все степени каждого преступления, умышленное и неумышленное, пагубное по последствиям и не произведшее никакого зла и проч.; высшее наказание полагается только за вредное для других или закоренелое преступление, а чем менее в проступке было умысла и зла и чем больше убеждений, что действие совершено от невежества, неосторожности или стечения обстоятельств, тем слабее полагаются наказания; кроме того, из числа орудий наказания уничтожен кнут»¹. «Таким образом, – отмечал шеф жандармов, – правила нового Уложения, согласные с правосудием, с понятиями нашего времени и, карая истинное зло, допускают милосердие везде, где только представляется к тому возможность»². Однако уже в следующем году в отчете указывалось, что Уложение – этот «памятник мудрой заботливости Государя Императора о своем народе» – порицается в обществе за то, что «оно не соответствует ни нравам, ни духу русского народа»³.

Прояснить мысль А. Ф. Орлова позволяют записки сенатора К. Н. Лебедева, который считал, что система наказаний, предложенная Уложением 1845 г., «новая, строго соображенная, остроумно придуманная, но не практичная». В числе недостатков он называл те из них, которые вполне можно отнести к «чужеродным», например, то, что «в нем придают значение правам, которыми не пользуется самое многочисленное сословие государства», а также «особенное распространение “заключения” – вида наказания, вовсе нам не свойственного ни по натуре, ни по недостатку даже плохих мест заключения, ни по влиянию этого наказания на нравственность и привычки заключаемых, при отсутствии религиозного внушения и работы в наших тюрьмах»⁴.

В последующие годы правления императора Николая I политическая полиция в своих ежегодных отчетах специально не акцентировала его внимание на недостатках и проблемах судебной системы.

С началом царствования Александра II ситуация стала меняться. Разработка в правительственных верхах крестьянской реформы не могла не затронуть и другие стороны общественного и государственного устройства России. Это хорошо понимали руководители III Отделения. В «Нравственно-политическом обозрении» за 1859 г. отмечалось, что преимущественное внимание сословий было обращено на крестьянское дело и «некоторые другие предположения

¹ Россия под надзором. С. 376.

² Там же.

³ Там же. С. 391.

⁴ Из записок сенатора К. Н. Лебедева // Русский архив, 1888. № 5. С. 135.

особенной важности», которые «не могли не возникнуть с наступающим освобождением крестьян». В сфере экономики насущной задачей была реорганизация кредитных учреждений, а также устройство земских банков, стабилизация денежного обращения. «Непомерное усиление литературной деятельности потребовало новых цензурных правил», «давние жалобы на лицеприятие в судах и злоупотребления в судах убедили, что упрощение судопроизводства необходимо без отлагательства»¹, – отмечал шеф жандармов.

О состоянии российского судопроизводства – «эта важная часть находится в неподвижном застое, с прежними вековыми формами и порядками»² – III Отделение знало не понаслышке.

Выше отмечалось, что, не чувствуя себя стесненным законами, установленным порядком ведения дел, действуя на основе высочайших повелений, III Отделение весьма решительно критиковало «правовые» подходы (т. е. строгое соблюдение законов) в деятельности Министерства юстиции и самого министра В. Н. Панина, с которым, судя по приведенному ниже отзыву, не раз конфликтовало. В. А. Долгоруков, характеризуя в «Политическом обозрении» за 1857 г. министров и главноуправляющих, о министре юстиции писал так: «Граф Панин при всех достоинствах столбового дворянина имеет вид твердого, опытного и деятельного министра; но опытность его ограничивается теоретическими сведениями в законах и знанием течения дел собственно в министерстве, деятельность его обращена исключительно на общие административные распоряжения по ведомству и рассмотрение дел, поступающих установленным порядком на его разрешение; независимость же его мнения заключается в принятом им правиле, что министр юстиции есть только блюститель буквального исполнения законов и обрядов и не должен увлекаться никакими нравственными убеждениями, как ни велика была их сила»³. «Словом, – заключал шеф жандармов, – в лице графа Панина является не столько министр, сколько обыкновенный бюрократ, который не смеет переступить обведенного произвольно им же самим около себя круга, и судебная часть находится у нас в положении не лучшем, в каком была при генерал-прокурорах»⁴. Однако ни столь резкая оценка деятельности министра юстиции, ни массированная атака на

¹ Россия под надзором. С. 494.

² Там же. С. 458. В том же отчете читаем: «...суды не славятся бескорыстием. По общему мнению, иметь в них дело есть величайшее несчастье. Ропот против них всеместный и громкий» (Там же. С. 459).

³ Там же. С. 458–459.

⁴ Там же. С. 459.

него вольной русской печати не поколебали положение В. Н. Панина, остававшегося на этом посту до 1862 г. (с 1841 г.).

Идеи о необходимости судебной реформы (гласного, не зависимо от администрации суда, разделения полицейской и судебной власти) высказывались как в вольной, так и подцензурной печати, на дворянских собраниях, во «всеподданнейших» адресах. Непременным следствием роста правосознания являлось требование уважения личности, защиты и обеспечения ее прав. Б. Н. Чичерин в анонимно напечатанной в Лондоне записке провозглашал: «Надобно, чтобы каждый человек мог осознавать себя гражданином – признанным содействовать общему делу, а не рабом, могущим служить только орудием чужой воли, надобно, чтобы он не трепетал за каждое смелое сказанное слово, а мог бы свободно высказать мнение, которое считает полезным для отечества, не боясь быть за то призванным в III Отделение или сосланным в отдаленные губернии»¹.

Сам принцип закрепления в законах гражданских прав личности был несовместим с практикой внесудебной, надзаконной деятельности тайной полиции. Поэтому пафос обличительной публицистики был направлен против всемогущего III Отделения. Уже в первой книжке «Голосов из России» отмечалось: «Когда закон дозволит дельное и умеренное выражение мысли, тогда всякий поймет, что возмутительные выходки преследуются и наказываются справедливо. Это будет не делом тайной полиции, а законным приговором суда»². «Таинственность, которою облакаются действия высшей полиции, нас только давит, совращая окончательно и судей, и подсудимых», – отмечал Н. А. Мельгунов и утверждал, что лишь гласное судопроизводство, а не самые строгие «потаенные меры», «ни жандармы и доносчики», искоренит зло³.

О распространенности подобных суждений III Отделение могло судить и по данным перлюстрации. В письме А. С. Кузнецова к Д. В. Стасову от 14 ноября 1861 г. говорилось: «Правильное устройство суда я ставлю наравне со свободой печати, свободой совести, и потому несколько не ниже крестьянского вопроса». При этом главным в реформе суда, по его мнению, должно быть «полное признание свободы личности, свободы индивидуальной, ограждение этой свободы гарантиями». Но принятие этих принципов «верхами» было сомнительно, и потому автор с сожалением заметил: «Мы еще можем ожидать и в настоящее время сносного уголовного и гражданского

¹ Голоса из России. Вып. 1. Кн. 3. Лондон, 1856. С. 112.

² Там же. Кн. 1. С. 57.

³ Там же. С. 104.

судопроизводства, суда равного для всех сословий, но разве можно надеяться на уничтожение всяких специальных судов (например, III Отделения), на признание habeas corpus, на уничтожение всяких административных распоряжений, по которым человек без доказательств, без улик “за опасный образ мыслей” может быть сослан в глушь»¹.

Показателен тот факт, что подобные мысли высказывали не только либеральные юристы, но и управляющий III Отделением П. А. Шувалов. При своем вступлении в должность он представил В. А. Долгорукову записку, в которой указывал на существующее в обществе нерасположение к тайной полиции. «При имени III Отделения всякий чувствует невольный трепет и смущение (...), – писал П. А. Шувалов. – Страшно в нем не то, что оно делает, а то, что может сделать. А может оно во всякую минуту вторгнуться в каждый дом и семейство, схватить оттуда какую угодно жертву и заключить в каземат, извлечь из этой жертвы какое угодно признание, не прибегая к пытке, а потом может представить государю все дело в таком виде, в каком пожелает...» По мнению П. А. Шувалова, опасным было соединение в одном ведомстве права ареста, следствия и суда: «Люди, обязанные охранять спокойствие государства, всегда склонны видеть во всем опасность и преувеличивать значение каждого факта. Такова уже человеческая натура, и если подобная склонность ничем не будет умеряема и отрезвляема, если люди, обязанные подозревать всех и каждого, не только не обязаны подкреплять свои подозрения судебными доказательствами, но, напротив, имея право при первом подозрении подвергнуть каждого аресту, то весьма естественно, что они легче других людей могут впадать в ошибки и несправедливость. Если же от этих самых людей будет зависеть допрос подозреваемых и представление заключения по допросам, то уже нет никакой надежды к исправлению их ошибок и увлечений, и для невинного заключенного исчезает всякая возможность правильной защиты». Предлагал же П. А. Шувалов отделить от тайной полиции судебную власть и право производства следствия, передав их в руки обыкновенных судов и судебных следователей, а также объединить политическую и исполнительную полиции под властью министра внутренних дел².

Каких-либо ближайших последствий данная записка не имела. П. А. Шувалов, видимо, как-то примирился со своим положением и «тайнственной властью», хотя через некоторое время оставил

¹ ГА РФ. Ф. 109. С.А. Оп. 3. Д. 2089. Л. 6.

² С. С. Громека – А. И. Герцену // Литературное наследство. Т. 62. С. 115–116. Автором записки был С. С. Громека.

службу в тайной полиции под предлогом необходимости лечения за границей. Тем не менее декларативная часть его проекта реорганизации III Отделения была в какой-то мере созвучна настроениям В. А. Долгорукова. Во всяком случае шефа жандармов нельзя причислить к противникам судебной реформы. В то время, когда еще только определялись контуры будущих преобразований, его позиция вообще была довольно демократичной. Так, 14 октября 1861 г. В. П. Бутков сообщал В. А. Долгорукову о представлении Д. Н. Блудову записки о преобразовании судебной части. На что тот заявил: «Я [В. П. Бутков] начинаю заражаться либеральными идеями, толкуя о необходимости изустного и гласного судопроизводства, с чем он никогда не согласится». И далее добавил: «...так дела идти не могут, и я положительно могу сказать, что при теперешнем порядке вообще судебная часть решительно никогда не получит желаемого государем и всеми нами устройства»¹. В данном случае В. П. Бутков делился своими опасениями с шефом жандармов, видя в нем единомышленника.

Анализируя ход разработки и утверждения основных начал судебной реформы в правительственных верхах, В. Набоков отмечал, что «по таким кардинальным вопросам, как вопрос о введении суда присяжных или о несменяемости судей, или о гласном и устном производстве, или об учреждении суда кассационного, все были согласны между собою, и представители новых взглядов, убежденные сторонники либеральных начал судебной реформы не встречали противодействия (по крайней мере, явного) со стороны таких людей, как граф Панин, свободных от каких-либо заподозрений в склонности к либерализму»².

Многие положения готовящейся реформы проходили тщательную экспертизу, многократно обсуждались в комиссиях, прежде чем нормы права получали окончательную формулировку. Сохранилось несколько записок, отражающих позицию В. А. Долгорукова по отдельным вопросам судопроизводства. Так, он высказался относительно порядка разрешения вопроса о взыскании вознаграждения за вред и убытки, причиненные распоряжениями или действиями должностных лиц. В проекте Устава гражданского судопроизводства в разделе «Об особых родах судопроизводства» была прописана процедура испрашивания предварительного разрешения на инициацию иска против должностных лиц с согласия высших судебных инстанций. Этот

¹ ГА РФ. Ф. 945. Оп. 1. Д. 36. Л. 27 об.

² Набоков В. Работы по составлению Судебных уставов. Общая характеристика судебной реформы // Судебная реформа. М., 1915. Т. 1. С. 329.

порядок шеф жандармов подверг критике, указав, что если таким образом предполагалось освободить низшие судебные инстанции от подобных дел, а должностных лиц – от обязанности отвечать по ним, отвлекаясь от своих прямых занятий, то теперь стало очевидным, что введение этого порядка перегрузит высшие инстанции: «Если истец после домогательства в двух судебных инстанциях получит разрешение начать иск, но по рассчитанной заранее осторожности оставит свое намерение в то самое время, когда следовало бы привести оное в исполнение. Не будет ли тогда напрасно потерянным трудом предварительное рассмотрение дела в двух судебных инстанциях со всею его многосложною обстановкою?»¹

Указывал он и на возможность злоупотребления правом: «При таком порядке частный человек не получит ли возможность причинять администрации беспокойство затейливыми домогательствами, не рискуя подвергнуться невыгодным последствиям, какие влечет за собою для истца вчинение бездоказательного иска, лишь бы только он умел вовремя остановиться на полпути?»²

Еще один аргумент, вполне полицейско-попечительского свойства, цель процедуры – предотвратить возможное недовольство: «Может случиться и так, что истец, получив разрешение начать дело против должностного лица, действительно начнет оное, но проиграет процесс по шаткости своих доказательств. Однако же не будет ли тогда этот истец иметь повод сетовать, что высшие судебные места, признав его право на иск, тем самым как бы поощрили его к процессу»³.

Далее В. А. Долгоруков обращал внимание на несоответствие предлагаемого порядка «коренными постановлениями нашего законодательства» и принципам «Основных положений о преобразовании судебной части в России». Он предлагал рассматривать указанные выше дела в порядке, аналогичном возбуждению дел о преступлениях и проступках по службе, из которых возникают иски к должностным лицам об убытках, т. е. судебное производство может быть начато «не иначе, как вследствие постановления надлежащего начальства о придании суду обвиняемого в преступлении по должности». «Ежели закон предоставляет начальству привлекать должностных лиц к личной ответственности, то какое основание не доверить тому же начальству давать разрешение на вчинение против его подчиненных денежных исков?» – задавался вопросом шеф жандармов и подвергал сомнению логику составителей проекта, ос-

¹ Материалы по судебной реформе в России. Т. 58. С. 14–15.

² Там же. С. 15.

³ Там же.

нованную на тезисе, что этот порядок «не допускается по причине некоторой солидарности между низшими и высшими чинами и на том основании, что восстановление всякого нарушенного права, от кого бы ни последовало это нарушение, составляет назначение судебной власти»¹.

Его аргументация состояла в оспаривании основательности приведенного тезиса: «...назначение административной власти состоит не в том, чтобы нарушать права граждан, а солидарность между высшими и нижними чинами есть скорее воображаемая, нежели действительная». Шеф жандармов предлагал: «Почему бы не предоставить всем административным ведомствам такого же права в отношении подчиненных им должностных лиц? При этом не должно упускать из виду, что административные власти не пользовались бы подобным правом бесконтрольно: в случае отказа ближайшего начальства в дозволении начать иск с подчиненного ему должностного лица, на такой отказ может быть приносима жалоба высшему начальству, окончательно же 1-му департаменту Правительствующего Сената. Таким образом, в самом этом порядке заключались бы, без многосложной регламентации, естественные гарантии против неосновательных отказов в начатии исков с должностных лиц»².

Предложение В. А. Долгорукова дальнейшего развития не получило. Собственно, отклонено было и начальное, критикуемое шефом жандармов предложение. В Уставе было определено, что «вознаграждение за вред и убытки, причиненные нерадением, неосмотрительностью или медленностью должностного лица административного ведомства, отыскиваются по общим правилам гражданского судопроизводства...» В разъяснениях специально отмечалось, что «ни правила об испрошении разрешения на начало иска против должностного лица от судебной палаты или от кассационного суда, ни правило об испрошении означенного разрешения от начальства обвиняемого, не должны иметь места в уставе...»³.

В какой-то степени учтено было предложение В. А. Долгорукова о сокращении годового срока подачи иска (в Уставе срок ограничивался 3 месяцами – со дня объявления просителю распоряжения,

¹ Материалы по судебной реформе в России. Т. 58. С. 15.

² Там же. С. 16.

³ Устав гражданского судопроизводства с позднейшими узаконениями, законодательными мотивами и разъяснениями Гражд. Кассац. Департамента, Общего Собрания и Соединенного присутствия I-го и Кассац. Департаментов Правительствующего Сената и циркулярам Министерства Юстиции. Сост. В. Гордон. СПб., 1911. С. 676 (Ст. 1316).

признаваемого им нарушающим его права, или 6 месяцами, если оно введено без предварительного объявления)¹.

И в этом случае логика шефа жандармов была вполне профессиональной, т. е. охранительной: «...такое сокращение составило бы новую гарантию против безосновательных исков на должностных лиц, так как в продолжительнейший срок скорее может представиться постороннее подстрекательство ко вчинению затейливого иска»².

При обсуждении проектов Уставов в Государственном совете возникли разногласия по целому ряду частных вопросов, развивавших идеи «Основных положений преобразования судебной части в России». Дискуссию вызвал вопрос, где должны рассматриваться апелляционные жалобы на постановления мировых судов. Большинство в заседании соединенных департаментов считало, что такой инстанцией должен стать окружной суд. Меньшинство (В. Н. Панин, П. Ольденбургский, П. П. Гагарин) полагало, что принятие окружного суда в качестве апелляционной инстанции суда мирового приведет к смешению мирового разбирательства с общим судебным: мировое разбирательство производится по совести, а общее судебное – по закону, и потому решение, принятое по совести, может быть «отменено в большинстве случаев судебным приговором, *стесненным формальностью положительных законов*». В Общем собрании Государственного совета соотношение голосов оказалось равным. В «Мнении» четырнадцати членов совета (в числе них В. А. Долгооруков), поддержавших меньшинство, последний тезис уточнялся: «Т. е. при мировом разборе судья не стесняется никакими обрядами и не связан узаконениями о формальности письменных доказательств, редко соблюдаемой в сделках между сельскими обывателями, а при решении дел в окружном суде должны быть наблюдаемы предписанные законом формы и правила»³. В. Набоков отмечал, что мнение трех членов соединенных департаментов прямо предусматривало тот случай, когда при несогласии обычая с гражданским законом судья в своем решении, действуя по совести, а не по материальному закону, отдает предпочтение обычаю. Это мнение и было утверждено.

Шеф жандармов выступал за гласное судопроизводство во всех судебных местах без изъятия, в то время как В. Н. Панин настаивал на том, что в Сенате, высшем судебном учреждении, открытое судопроизводство было бы не удобно⁴. В журнале заседания было отме-

¹ Там же. С. 679 (Ст. 1318).

² Материалы по судебной реформе в России. Т. 58. С. 17.

³ Там же. С. 326.

⁴ Там же. С. 327.

чено, что если гласность вводится в низших судебных инстанциях, то «чем выше поставлено судебное место, тем необходимее, (...) чтобы действия его были всем открыты и могли служить лучшим средством к развитию понятия о важности закона и о последствиях его нарушения»¹. Не получил поддержку В. Н. Панин и при обсуждении вопроса о гласности заседаний Сената в качестве кассационного суда при обсуждении основных положений уголовного судопроизводства².

Поддержал В. А. Долгоруков позицию В. Н. Панина, Н. И. Бахтина, А. Л. Гофмана в вопросе о компетенции судебных учреждений. Они считали необходимым установить, что в окружных судах принимаются к производству иски до 2 тыс. руб. с окончательным рассмотрением в судебной палате, а в судебных палатах – свыше 2 тыс. руб. с рассмотрением по апелляции в Сенате. Большинство же полагало, что окружные суды должны принимать к рассмотрению все иски, превышающие подсудность мирового суда, и апелляция допускается в судебную палату, которая окончательно решает дела, которые могут отменяться только по кассации. Мнение меньшинства аргументировалось тем, что «дела по цене более высшие» должны рассматриваться судами «из судей и более сведущих и более благонадежных», а «дела менее ценные, вытекающая из самых простых и обыкновенных отношений местных обывателей, не только не представляют никаких затруднений в разрешении, но и не заключают в себе каких-либо искушений для честности судей», должны быть предоставлены местам, которые ближе к жителям и которые многочисленнее³. В итоге император поддержал позицию большинства.

Введение особого порядка ведения политических дел было попыткой вписать в новую судебную систему III Отделение. Так, еще при рассмотрении названного проекта на заседании соединенных департаментов Государственного совета было решено изъять из компетенции присяжных заседателей рассмотрение дел о государственных преступлениях, учредив судебные палаты с участием сословных представителей.

В данном случае соединенные департаменты довольно далеко ушли от первоначальных предложений Государственной канцелярии. В подготовленном проекте отмечалось, что рассмотрение судом присяжных дел о государственных преступлениях имеет особо

¹ Материалы по судебной реформе. Т. 20. Государственный совет в Общем собрании 1 сентября 1862 г. С. 19.

² Набоков В. Работы по составлению Судебных уставов. Общая характеристика судебной реформы. С. 330.

³ Там же. С. 327–328.

важное значение: «По делам этого рода, рассматриваемым без присяжных, всегда будут нарекания в пристрастии, преувеличении вины и притеснении подсудимых, отчего самые важные преступники нередко представляются в глазах общества *несчастливыми жертвами и разыгрывают роль мучеников и страдальцев за истину*». «Лишить государственного преступника сочувствия общества можно только тогда, когда он будет осужден самим обществом в лице его представителей». Избранные для этих целей присяжные должны отвечать особым условиям, быть «зрелых лет», иметь «обеспеченные средства к жизни» и быть способными «к обсуждению как важности сих преступлений, так и точной силы письменных доказательств, на которых обыкновенно основывается обвинение в этих преступлениях»¹.

В проекте отмечалось, что политические преступления «не всегда и не во всех членах общества возбуждают такое отвращение, какое возбуждают другие преступления, особенно если прикрываются ложною наружностью мнимого желания общественного блага. Наружность эта иногда так обманчива, что для многих людей, имеющих неправильные понятия о долге гражданина и отношениях его к правительству, самые преступные дела представляются совсем в ином виде, получают совсем другое значение и вместо строгого заслуженного осуждения встречают сочувствие». Обыватели могут не оценить, не понять опасности иных взглядов: «политические и социальные теории направленные против существующего порядка вещей в государстве и обществе, имеют столько оттенков, что от пустых, почти невинных мечтаний и утопий доходят до самых вредных учений, подрывающих даже возможность общественной жизни; но иногда и те и другие людьми неопытными считаются равно ничтожными и безвредными»².

Передать на суд присяжных «разрешение вопроса о преступности или непроступности учений и действий, превратно толкуемых и неверно принимаемых многими, иногда даже добросовестными членами общества, значило оставить государство, общество и власть без всякой защиты». Другое опасение состояло в «народной мстительности», когда «вследствие случайного стечения совершенно посторонних обстоятельств» может «придумать такие казни, от которых давно уже отказалось уголовное правосудие, а еще чаще вследствие болезненной подозрительности способно даже действия, вовсе ничего не значащие, признать за важные преступления» Комментируя этот тезис, В. Набоков отмечал абсурдность суждений о суде присяжных,

¹ Там же. С. 321.

² Там же. С. 334.

который «наказаний не назначает и потому никаких “казней” придумать не может и не может также самостоятельно давать квалификацию преступным действиям»¹.

При этом Государственный совет подчеркивал: важно помнить, что общество всегда смотрит с недоверчивостью на преследование преступлений государственных судом негласным и состоящим из судей, определяемых от правительства, от чего нередко случается, что осуждаемые встречают сочувствие в общественном мнении и наказание их не достигает своей цели»².

В коллекции документов по судебной реформе сохранились замечания В. А. Долгорукова на статьи проекта Устава уголовного судопроизводства (раздел «Об особых родах судопроизводства»). Шеф жандармов настаивал на сохранении за III Отделением участия в производстве дел о государственных преступлениях, особенно при обсуждении вопросов о прекращении этих дел. Суждения шефа жандармов основывались на опыте практической деятельности по обеспечению государственной безопасности. Он писал: «Для правильной оценки наибольшей части дел по государственным преступлениям необходимо иметь точные сведения о направлении умов и о политических стремлениях, зарождающихся в обществе и угрожающих опасностью государству; вредные политические замыслы на первых порах своего развития обыкновенно прикрываются благовидными формами, ускользающими от преследования; сокровенный смысл таких проявлений не всегда может быть разгадан с первого раза, и часто добытые с трудом результаты исследования, полные значения, могут представляться малозначащими тем, кому чужда сфера политических дел»³.

Он считал необходимым дополнить предложения Комиссии по составлению судебных уставов о приглашении в Сенат при рассмотрении представлений о прекращении дел, возникших по обвинениям в государственных преступлениях, министров внутренних дел и иностранных дел «для приведения в ясность и правильного определения подлежащих рассмотрению случаев» положением о необходимости привлечения к участию в суждениях главного начальника

¹ Набоков В. Указ. соч. С. 330.

² Гессен И. В. Судебная реформа. СПб., 1905. С. 67–68.

³ Материалы по судебной реформе. Т. 58. С. 96. Выделенные слова включены в текст разъяснений к ст. 1047. См.: Устав уголовного судопроизводства // Судебные уставы 20 ноября 1864 года. С изложением рассуждений, на коих они основаны. Ч. 2. СПб., 1866.

III Отделения «как представителя учреждения, в коем сосредоточиваются необходимые для решения таких вопросов сведения»¹.

Особенно он настаивал на необходимости оставить за III Отделением право направлять дела о произнесении дерзких и оскорбительных слов против Особ Императорской Фамилии, к административному разрешению «в тех случаях, когда есть основания, не доводя до судебного рассмотрения, повергать участь обвиняемых Монаршему милосердию»².

Другой аргумент касался необходимости учитывать специфику ведомства: «Собственно, для III Отделения, ближайшее участие его в ходе дел, возникающих по обвинению в государственных преступлениях, было бы полезно в том отношении, что могло бы способствовать точнейшему исполнению лежащих на Отделении обязанностей. В подробностях следственных производств по этим делам Отделение, без сомнения, встречало бы иногда такого рода данные, которые служили бы ему указаниями для направления производимого им политического наблюдения на те или другие предметы, на те или иные местности»³.

Предложение шефа жандармов было некоторым образом учтено в окончательной редакции Устава уголовного судопроизводства. Было предписано участие главного начальника III Отделения в сенатских заседаниях при решении вопроса о прекращении дел по обвинению в государственных преступлениях с целью определения, «относится ли обвинение к преступлению против верховной власти в России или к государственной измене и преступлению против народного права»⁴. Однако дела об оскорблении императора были переданы в ведение судебных палат.

Еще один политический аспект реформы касался участия сословных представителей в особых присутствиях судебных палат при рассмотрении дел о государственных преступлениях.

К изложению своих мыслей шефа жандармов подтолкнуло, видимо, поступившее в Государственный совет предложение некоторых членов комиссии о включении в состав этих присутствий не представителей отдельных сословий, а членов местной губернской земской управы. Напоминая, что «цель призвания сословных представителей в состав судебной палаты заключается в том, чтобы они вместе с судьями участвовали в охранении государственных учреждений

¹ Материалы по судебной реформе. Т. 58. С. 96.

² Там же. С. 97.

³ Там же.

⁴ Устав уголовного судопроизводства. Ст. 1047. С. 391.

и общего спокойствия и в ограждении подсудимых», шеф жандармов полагал, что «первая из этих обязанностей может быть выполнена совершенно удовлетворительно одними судьями, долженствующими занимать столь высокое общественное положение, признаваемое наилучшим ручательством за строгое, но справедливое преследование ими всякого злоумышления против верховной власти и установленного государственными законами образа правления», а для решения второй задачи «назначаются защитники, которые приступают к исполнению этой обязанности со времени производства предварительного следствия над обвиняемыми»¹.

По его логике, видеть в них особую гарантию для подсудимых, вряд ли было возможно: «...гарантия эта недостаточна, ибо сословные представители, уже по одной малочисленности своей в сравнении с непременными членами палаты, не в состоянии образовать достаточного противовеса правительственному элементу в палате». В то же время «их присутствие здесь, не принося существенной пользы для дела, может привести к затруднениям и неудобствам»: «могут встретиться случаи, когда сословные представители разойдутся с судьями во взгляде на дело, и таким образом произойдет между ними разномыслие, которого в подобных делах всего желательнее избежать», – писал В. А. Долгоруков.

Крайние идеи о всеобщем земском представительстве и об исключении представителей сословий были отклонены в ходе дискуссий в Государственном совете, и в окончательный текст вошло положение о том, что дела о государственных преступлениях решаются судебными палатами без участия присяжных заседателей, но с присоединением к присутствию палаты губернского и уездного предводителей дворянства, городского головы и волостного головы или старшины². В разъяснениях указывалось: «Сии сословные представители должны участвовать наравне с членами палаты, как в определении по большинству голосов, вины или невинности подсудимого, так и в постановлении приговора о наказании признанного виновным»³.

Не менее важный и болезненный для общества вопрос – о наказании за преступления и проступки только по суду – был решен с оговоркой, фактически сохранявшей возможности для участия тайной полиции. При рассмотрении I статьи Основных начал уголовного судопроизводства (эта статья фиксировала принцип отделения власти судебной от административной и содержала гарантии неприкосно-

¹ Материалы по судебной реформе. Т. 58. С. 98–99.

² Устав уголовного судопроизводства. С. 384. Ст. 1032.

³ Там же. С. 385.

венности личности) в Государственном совете возникло разногласие: принц П. Г. Ольденбургский и В. Н. Панин считали, что следует предоставить администрации право для охраны общественного порядка и безопасности, виновных подвергать аресту, заключению в тюрьме, смирительном доме или крепости, не передавая дела в суд)¹.

Санкционирование нарушения прав личности объяснялось заботой об охране общественного порядка и безопасности. «Это особенно необходимо в тех случаях, – отмечалось на заседании Государственного совета, – когда, несмотря на убеждение административных властей в том, что оставление подозреваемого на свободе может быть опасно для общества, сии власти не имеют возможности представить юридических доказательств вины подозреваемого, или, когда собрание сих доказательств требует многочисленных розысканий, кои по свойству дела не могут быть предметом формального исследования прежде обнаружения достаточных улик. Принятие подобных мер во многих случаях представляется необходимым для охранения общественного спокойствия, ибо те преступники, кои стремятся к нарушению оною, действуют обыкновенно с особенною осторожностью, дабы избегнуть изобличения перед судом»².

Противники такого порядка высказывали опасение, что нет гарантий, что каждая из двух властей (административная и судебная) будут держаться в «естественных пределах», а кроме того, утверждали, что «решения административных властей по делам судебным всегда внушают к себе недоверие, и всякое наказание, назначенное без суда, представляется произволом власти, возбуждающим ропот»³. Хотя в Общем собрании они не настаивали на своем мнении, тем не менее следы компромисса можно видеть в формулировке примечания к I статье Положения об уголовном судопроизводстве: «Административная власть принимает в установленном законом порядке меры предупреждения и пресечения преступлений и проступков»⁴.

В. А. Долгоруков и еще шесть членов Государственного совета поддержали в Общем собрании В. Н. Панина, выступив за сохране-

¹ *Набоков В.* Указ. соч. С. 329. Из дневниковой записи Д. А. Ровинского о заседании департаментов Государственного совета видно, что 3 сентября 1862 г. министр юстиции потребовал предоставления права министерству внутренних дел и III Отделению «забирать в тюрьму и подвергать надзору в виде предупреждения преступления». Это относилось к тем политическим преступлениям, когда «доказать нельзя, что он опасное делает». Его нельзя «судить, а достав[ить] (...) в тюрьму целесообразно...» (*Коротких М. Г.* Самодержавие и судебная реформа 1864 г. Воронеж, 1989. С. 125).

² *Набоков В.* Указ. соч. С. 330.

³ Там же.

⁴ *Гессен И. В.* Указ. соч. С. 60.

ние права императора утверждать приговоры судов по делам о лишении дворянства, чинов, орденов и т. п. и, несмотря на то что большинство членов совета выступали за равенство дворян перед судом и доказывали, что сохранение этой меры в новом порядке судопроизводства означало бы перенесение «нравственной ответственности за осуждение невинного или за потворство виновному с совести присяжных или постоянных судей на совесть государя» и носило бы только формальный характер, «поддерживая мысль о привилегии на суде, мысль о лицепрятии». В этот раз император поддержал мнение меньшинства, видимо, не желая «без особой нужды трогать то, что составлялось как некая сословная привилегия»¹.

В то же время безуспешным оказалось отстаивание В. Н. Паниным и В. А. Долгоруковым меры о предании во всех случаях гражданских лиц военному суду по обвинениям в восстании, сопротивлении с насилием распоряжениям правительства и подстрекательстве военнослужащих к нарушению их обязанностей. Это положение было принято только для местностей, объявленных на военном положении².

После высочайшего утверждения (29 сентября 1862 г.) и обнародования «Основных положений» вопрос о соотношении деятельности III Отделения и системы нового судоустройства не был еще окончательно прояснен.

6 ноября 1862 г. для шефа жандармов в III Отделении была подготовлена специальная записка, в которой отмечалось, что грядущая судебная реформа «не останется без огромного влияния на деятельность как государственной администрации вообще, так и органов высшей наблюдательной полиции в особенности». В документе прежде всего отмечалось расширение компетенции судебных органов за счет деятельности административных властей: как путем прямой передачи из ведения администрации в судебное ведомство, так и за счет сокращения определенных законом случаев возможного административного вмешательства. «Одно то правило, по которому в приговоре уголовных судов не допускается оставление подсудимого в подозрении, устранил применение административных мер, какие имели место в отношении лиц, оставлявшихся судом в подозрении. Равным образом, с отменой теории доказательств, основанной единственно на их формальности, не представляется надобности употреблять административные меры над теми лицами, предосудительные поступки которых не могут уже оставаться безнаказанными в суде, как скоро

¹ Набоков В. Указ. соч. С. 332.

² Там же. С. 335.

он будет решать дело по внутреннему убеждению судей, основанному на совокупности обстоятельств данного случая»¹.

Далее автор записки касался практики рассмотрения политических дел: «Точно так же правительство может без опасения предоставить преобразованным судам обсуждение политических преступлений и проступков, не прибегая, как прежде, ни к военному суду, ни к учреждению чрезвычайных комиссий. Здесь нельзя не заметить, что последние годы III Отделение С. Е. И. В. к., применяясь к потребностям времени, само усвоило постепенно образ действия, отличный от прежнего и заключающийся в том, чтобы возникающие дела по важным политическим преступлениям направлять к судебному рассмотрению»². Подобное заключение любопытно не только как признание факта некоторого отступления тайной полиции перед напором общественного мнения, но и как свидетельство возрастающего доверия правительственных сфер к обществу, убеждения в том, что гласное рассмотрение дела и наказание по суду будут поняты и поддержаны.

Должна была сократиться и сфера деятельности жандармских штаб-офицеров: «...учреждение мировых судей сделает ненужным примирительное разбирательство в жандармских управлениях дел гражданских, а со введением *гласности* в судах *секретный* надзор в губерниях чрез жандармских офицеров утратит часть своего прежнего значения, так как об отправлении правосудия правительство получит возможность иметь сведения иными путями и самая ответственность должностных лиц судебной части будет возбуждаться другими способами, соответствующими их новому положению, как чиновников, не сменяемых без суда».

Главная идея записки заключалась в обосновании возможности сохранения в неизменном виде жандармской организации, так как проекты судебных уставов еще только «составляются и окончательное суждение о судебной реформе в полном ее объеме было бы преждевременно». Кроме того, «еще не известно, когда составляемые проекты воспримут силу закона, и тем более не известно, скоро ли они осуществляются на самом деле, войдут в жизнь народа в той степени, чтобы реформу можно было считать прочно установившеюся и достигающею своей цели»³. При этом наряду с надеждами на то, что дело преобразования суда попадет в «долгий ящик», а затем выхолостится бюрократическим произволом, главным аргументом в защиту

¹ ГА РФ. Ф. 945. Оп. 1. Д. 51. Л. 1.

² Там же.

³ Там же. Л. 2.

тайной полиции был следующий тезис: «...помимо судебной части, останется много предметов, за которыми в интересах правительства иметь через особые органы постоянное бдительное наблюдение на местах, особенно с развитием общественных отношений»¹.

Как видим, грядущая судебная реформа внушала оптимизм не только образованному обществу, лелеявшему мысль об избавлении от административного произвола, но и руководителям самого одиозного института российского абсолютизма – III Отделения, они уверенно смотрели в будущее, вполне резонно полагая, что спрос на тайные услуги не уменьшится.

Шаги в направлении правового государства были все же временным отступлением, а не последовательной правительственной политикой. После принятия в 1864 г. Судебных уставов продолжала существовать следственная комиссия, работа которой противоречила Уставу уголовного судопроизводства.

Из общего порядка судопроизводства были изъяты дела об оскорблении императора, что и предлагал шеф жандармов В. А. Долгоруков. В 1866 г. было испрошено высочайшее повеление, согласно которому «прокуроры судебных палат, получив сведение о произнесении кем-либо подобных слов и произведя о сем негласное дознание, представляют оное через Министра Юстиции, Главному Начальнику III Отделения для испрошения повеления, дать ли делу ход судебный или кончить его административным порядком»².

В начале 1870-х гг. руководители III Отделения признавали, что оно «при новых судебных уставах поставлено в совершенную невозможность действовать самостоятельно в делах политического свойства»³. Это положение «поправил» закон 19 мая 1871 г., установивший производство дознаний по политическим делам жандармами и начавший законодательное наступление на судебную реформу⁴.

4. Цензурная политика

Интерес III Отделения к организации цензуры был закономерен. Первый Цензурный устав, утвержденный императором 10 июня 1826 г., определял цель деятельности цензурных учреждений:

¹ ГА РФ. Ф. 945. Оп. 1. Д. 51. Л. 1–3 об.

² Там же. Ф. 109. Оп. 221. Д. 16. Л. 34–34 об.

³ Общественное движение 60-х годов под пером его казенных исследователей // Голос минувшего, 1915. № 4. С. 217.

⁴ *Троицкий Н. А.* Царские суды против революционной России. С. 99–114; *Виленский Б. В.* Судебная реформа и контрреформа в России. Саратов, 1969.

«...произведениям словесности, наук и искусств при издании их в свет посредством книгопечатания, гравирования и литографии дать полезное или по крайней мере безвредное для блага отечества направление»¹. Устав предусматривал детальный контроль цензоров не только над печатным словом, но и над неуловимым смыслом изложенных мыслей, требуя заботиться «о направлении общественного мнения согласно с настоящими политическими обстоятельствами и видами правительства»². Такое ужесточение политики в области словесности вызвало сильный ропот литераторов, о чем М. Я. фон Фок сообщал А. Х. Бенкендорфу 14 сентября 1826 г.: «Литераторы в отчаянии. Писатели и журналисты носятся с своим негодованием по всем кружкам, которые они посещают, а у них связи и знакомства огромные»³.

В своем следующем донесении М. Я. фон Фок (15 сентября 1826 г.) начинал обоснование тезиса, что «опять появляются на сцену строгие порицания действий правительства», с недовольства литераторов новым цензурным уставом: «Литераторы, эти провозвестники мнений, люди, пользующиеся в настоящее время влиянием больше, чем когда либо, говорят, что новый цензурный устав закрывает им рот»⁴. Общее порицание сводилось к тому, что положение авторов становится «очень незавидным», они теперь беззащитны и подлежат ответственности даже после прохождения цензуры. Цензоры, таким образом, больше не нужны. Общий ропот и голос «провозвестников мнений» услышали.

В правительственных верхах был поставлен вопрос о необходимости пересмотра «чугунного» устава. Приступить к подготовке нового устава для цензуры иностранных книг поручили управляющему Министерством внутренних дел В. С. Ланскому. Эта работа потребовала пересмотра и действующего устава. В ноябре 1826 г. проект устава был передан на рассмотрение в особый комитет в составе князя И. В. Васильчикова, графа К. В. Нессельроде, А. Х. Бенкендорфа, графа С. С. Уварова, Д. В. Дашкова и В. С. Ланского. Обсуждение этого документа продолжалось до конца 1827 г.; в частности, было определено, что цензура отечественных и зарубежных изданий будет находиться в ведении Министерства народного просвещения. Меня-

¹ *Рождественский С. В.* Исторический обзор деятельности министерства народного просвещения. 1802–1902. СПб., 1902. С. 216.

² Там же.

³ Петербургское общество при восшествии на престол императора Николая по донесениям М. М. Фока – А. Х. Бенкендорфу // *Русская старина*, 1881. № 11. С. 537.

⁴ Там же. С. 538.

лось и концептуальное понимание роли цензуры в государстве: «Ей не поставляется уже в обязанность давать какое-либо направление словесности и общему мнению: она долженствует только запрещать издание или продажу тех произведений словесности, наук и искусств, кои в целом составе или в частях своих вредны в отношении к вере, престолу, добрым нравам и личной чести граждан»¹. В Государственном совете полагали, что принятие нового устава будет способствовать «успехам истинного просвещения», ограничит «собственный произвол цензоров» и позволит «запрещать всякую вредную книгу на основании положительного закона и не входя в предосудительные прения с писателем»². Таким образом, на первое место ставился правовой порядок регулирования споров вокруг цензуры.

Цензурный устав, подписанный Николаем I 22 апреля 1828 г., предписывал цензорам «принимать всегда за основание явный смысл речи» и не заниматься его толкованием в «дурную сторону», не судить о справедливости и основательности мнений авторов, о пользе представленных в цензуру сочинений, не исправлять слог и стиль автора³.

Новый курс в политике цензурного контроля был одобрен и литераторами. В отчете III Отделения за 1827 г. отмечалось: «Известие о новом цензурном уставе произвело на ученых и литераторов в высшей степени благоприятное впечатление. Этот класс общества вообще имеет заметное влияние на общественное мнение»⁴. Суть этого влияния раскрывалась там же: «Литераторы настроены превосходно. Несколько главных вдохновителей общественного мнения в литературных кругах, будучи преданы монарху, воздействуют на остальных»⁵. Эти принципы существенно изменяли прежнюю цензурную политику.

В уже упоминавшейся переписке управляющего III Отделением М. Я. фон Фока с шефом жандармов А. Х. Бенкендорфом встречаются любопытные суждения о значении общественного мнения для надзора. М. Я. фон Фок писал 25 сентября 1826 г.: «(...) сила общественного мнения составляет не абсолютное, а относительное благо. Оно может называться благом, когда оно просвещено и в то же время прочно и умеренно. Но общественное мнение составляет зло, когда оно заблуждается в выборе цели и средств, становясь таким образом

¹ *Щебальский П. К.* Исторические сведения о цензуре в России. СПб., 1862. С. 36.

² Там же.

³ *Рождественский С. В.* Указ. соч. С. 218.

⁴ Россия под надзором. Отчеты III отделения 1827–1869. М., 2006. С. 22.

⁵ Там же.

силою, которая противится правительству»¹. Все, что противостоит законному порядку, попадает в сферу внимания властей. Вот еще одно образное суждение управляющего III Отделении о правительстве: «(...) спит чутко, как лев, не смыкая глаз, чтобы не упустить из виду малейшего обстоятельства, которое могло бы нарушить существующий порядок»².

Целенаправленное воздействие на общественное мнение в интересах государства теперь не ставилось – формально – целью регулирования посредством цензуры, тем не менее фактически воплощалось в жизнь в меру возможностей и понимания способов такого влияния.

Традиционная полицейская политика кнута и пряника казалась панацеей и в общении с литераторами. В отчете за 1829 г. упоминались, с одной стороны, молодые литераторы, «метившие в политические реформаторы и желавшие издать с этой целью газеты». С ними не церемонились: «Среди газетных писак Москвы есть еще много дряни, но некоторые репрессии, будучи своевременно применены, принесли значительную пользу»³. С другой стороны, шеф жандармов напоминал о временах Екатерины II и Александра I, как эпохе, «когда к писателям относились с уважением, ухаживали за ними и награждали их», полагая, что «что Государю Императору следовало бы время от времени проявлять свое благоволение к тому или другому из наиболее выдающихся писателей»⁴. Возможность не презренного подкупа, а деликатного поощрения благонадежных авторов рассматривалась как форма влияния на общественные настроения в проправительственном духе.

Постепенно политическая полиция все более втягивалась в идейный контроль над печатным словом. Цензурный устав 1828 г. передавал в ведение III Отделения цензуру драматических сочинений.

В 1829 году было объявлено, что на политическую полицию возложена обязанность наблюдать за «необращением вредных сочинений», и в связи с этим шеф жандармов потребовал, чтобы из типографий в III Отделение передавалось по экземпляру всех напечатанных журналов и альманахов, газет, афиш и пр. Надо сказать, что эта мера носила характер превентивного запугивания и требовала лишь формального соблюдения. О ее неэффективности для текущего надзора свидетельствует тот факт, что это грозное предписание не выпол-

¹ Петербургское общество при восшествии на престол императора Николая... С. 558.

² Там же. С. 556.

³ Россия под надзором. С. 57.

⁴ Там же.

нялось. 1 января 1841 г. А. Х. Бенкендорф¹ обращался к министру народного просвещения С. С. Уварову, напоминая о Высочайшем повелении 1829 г.: «Я немедленно сообщил сию Высочайшую волю всем высшим начальствам, под ведением коих находятся различные типографии, для надлежащего с их стороны распоряжения, но так как, несмотря ни на сие, ни на многократные требования 3 отделения, Высочайшая воля исполняется не в точности, и журналы и периодические издания почти вовсе не доставляются в 3 отделение»². Шеф жандармов просил «предписать всем в России существующим цензурным комитетам удерживать при выдаче свидетельств на выпуск периодических сочинений по одному экземпляру с оных для доставления в 3 отделение»³. Как видим, за десятилетие механизм контроля над выпуском печатной продукции так и не сложился.

6 января 1831 г. А. Х. Бенкендорф сообщил министру народного просвещения высочайшую волю о том, чтобы тот подготовил на утверждение дополнение к цензурному уставу, предусматривающее требования к издателю, которого обязали сообщать цензору имя автора, даже если статья печатается под псевдонимом или без подписи. На цензоров должна была быть возложена обязанность «извещать высшее начальство» в тех случаях, «когда представлены будут на рассмотрение цензуры книга или художественное произведение, клонящееся к распространению безбожия, или обнаруживающие в сочинителе или художнике нарушителей обязанности верноподданного»⁴.

Князь К. А. Ливен выступил в защиту литераторов, сославшись на 47 п. устава, который предполагает ответственность цензора, разрешившего издание. Правда, он тут же продемонстрировал сыскной талант, предложив сделать эту меру секретной, чтобы цель («обратить особенное внимание на образ мыслей и на намерения лиц», печатающихся в журналах) была «удобнее достигнута». Комитет подготовил заключение, в котором оспаривал ссылку К. А. Ливена: «Пропуск к напечатанию вредной книги есть, собственно, вина цензора: но что было преступлением до издания оной, то не перестает быть преступлением и после, и автор безбожного или возмутительного сочинения, представивший оное в цензуру и, следовательно, изблеченный в намерении обнародовать оное, должен быть предан

¹ В архивной копии автором документа ошибочно назван А. Ф. Орлов, который возглавил III Отделение в 1844 г.

² ОР РГБ. Ф. 831. Оп. 1. Д. 5. Л. 328 об.

³ Там же. Л. 329.

⁴ *Щебальский П. К.* Указ. соч. С. 44.

суду на основании общих законов, несмотря на данное ему от цензора одобрение»¹.

Кроме того, Комитет посчитал, что некоторые «недоразумения и противоречия в исполнении устава» вызваны тем, что в Главном управлении цензуры нет достаточных сведений «о настоящем расположении умов и о соотношениях между обстоятельствами времени и стремлением людей неблагонамеренных»². Для исправления положения комитет полагал необходимым включить в Главное управление цензуры представителя от III Отделения. В 1832 г. управляющего III Отделением А. Н. Мордвинова назначили членом Главного управления цензуры, с этого времени жандармский контроль был институционализирован.

Видимо, погружение в дела цензурного ведомства предопределило то обстоятельство, что в отчете III Отделения за 1832 г. появились суждения о неэффективности цензуры, плохом подборе кадров, неумении Министерства народного просвещения организовать цензурный контроль: «Цензура в нынешнем году неоднократно обнаруживала неразумие своего дела или нерадение к возложенным на нее обязанностям. Справедливость требует сказать, что недостаток в хорошей, т. е. осторожной, но в то же время не стеснительной цензуре весьма ощутителен, и потому должно желать, чтобы ускорено было окончательное рассмотрение и утверждение «Наказа цензорам», который уже года три как в проекте составлен, но до сих пор еще не состоялся»³. Более детальная регламентация цензорских обязанностей и подбор «более трудолюбивых» кадров считались панацеей.

Назначение нового министра народного просвещения С. С. Уварова воспринималось III Отделением с оптимизмом и его первые шаги на цензурном поприще поддерживались высшей полицией (1833 г.): «Обращено внимание на цензуру, и цензоры ненадежные заменены другими, достойнейшими. Издатели журналов также имели уже случай удостовериться, что произведения их не остаются без должного надзора»⁴.

Компетенция Министерства народного просвещения как главного и самостоятельного руководителя цензуры, все более стеснялась, вследствие умножения специальных цензур: многим министерствам и учреждениям было предоставлено право предварительно рассма-

¹ Цит. по: *Лемке М. К.* Николаевские жандармы и литература 1826–1855 гг. По подлинным делам Третьего отделения Собственной Е. И. Величества канцелярии. СПб., 1909. С. 61.

² Там же. С. 62.

³ Россия под надзором. С. 94.

⁴ Там же. С. 107.

тривать рукописи, касавшиеся этих ведомств¹. В 1834 г. А. Х. Бенкендорф объявил о повелении Николая I чиновникам представлять свои литературные произведения и переводы в периодические издания только после предварительного разрешения своего начальства.

Обилие контролирующих инстанций ужесточало надзор и фактически превращало его в запретительный механизм, пресекающий любые суждения, не совпадающие с официальной позицией властей. По сути, в ведении цензурных комитетов осталась «одна только чистая поэзия и беллетристика»². Хаос от бесчисленных предписаний отмечен в жандармском отчете (1839 г.): «Цензурный устав вовсе изменен предписаниями, и теперь ни литераторы, ни цензура не знают, чего держаться и чему следовать»³.

В этих условиях III Отделение нашло для себя идеологическую, охранительную нишу. По мнению А. И. Рейтблата, «оно стремилось действовать не репрессиями и запретами, а путем заключения своего рода негласного и неформального соглашения с руководителями периодических изданий, благодаря чему возникала возможность без особого нажима направлять их деятельность, заказывать нужные публикации или просто посылать статьи в газеты для напечатания»⁴.

Еще более категоричен в оценке деятельности А. Х. Бенкендорфа Г. Н. Бибииков, считающий, что шеф жандармов «сделался сторонником активной политики правительства по использованию ресурсов периодической печати, художественной и научной литературы для разъяснения правительственного курса»⁵. Думается, что подобная практика действительно имела место, но носила она эпизодический характер и была точечной.

Можно привести множество примеров «репрессий и запретов» со стороны тайной полиции, которые касались резонансных публикаций, обративших на себя внимание высших государственных чинов и даже императора, тем не менее заступничество А. Х. Бенкендорфа, публично не вмешивавшегося в сферу деятельности С. С. Уварова, но защищавшего от мелочного рвения цензуры, заставляло издателей искать покровительства столь близкого к государю сановника⁶.

¹ *Рождественский С. В.* Указ. соч. С. 335.

² Там же.

³ Россия под надзором. С. 211.

⁴ *Рейтблат А. И.* Как Пушкин вышел в гении. Историко-социологические очерки о книжной культуре Пушкинской эпохи. М., 2001. С. 133.

⁵ *Бибииков Г. Н.* А. Х. Бенкендорф и политика императора Николая I. М., 2009. С. 262.

⁶ *Вацуро В. Э., Гиллельсон М. И.* Сквозь «умственные плотины» Очерки о книгах и прессе пушкинской поры. М., 1986. С. 15, 162, 200–201.

Естественно, подобная деятельность не афишировалась. Слухи о возможной протекции, надежды на благосклонность или какие-либо награды и пожалования за верноподданность побуждали литераторов заваливать III Отделение своими опусами. А. Х. Бенкендорфу приходилось демонстрировать свою непричастность к цензуре. Указав автору стихов Б. Федорову (1827 г.), что некоторые места его произведения «могут иногда не согласиться с правилами цензуры», шеф жандармов отметил, что «суждение о сем до меня не касается»¹. Издателю «Иллюстрации» А. П. Башуцкому (1848 г.) было сообщено, что его ходатайство о публикации материалов, составляющих «нашу славу и честь», до III Отделения не относится². Доверие нужно было заслужить.

Европейские революционные события 1848 г. прямо указали жандармским чинам, откуда ждать опасности. 25 февраля шеф жандармов А. Ф. Орлов представил императору записку, в которой шла речь о двух журналах «сомнительного направления» – «Современнике» и «Отечественных записках». III Отделение беспокоило, что под влиянием их публикаций могут «усилиться дурные привычки и даже дурные мысли», а это приведет «молодых людей к неуважению всего, к чему народ питает благоговение», поселит «мысли о политических вопросах Запада и коммунизме». Причина развития столь опасных тенденций, по мнению шефа жандармов, цензурные послабления: «...ибо если слаб присмотр, то всегда найдутся люди с попытками печатать худое и даже злоумышленное». Механизм исправления касался исключительно сферы цензуры: надлежало «усилить строгость цензуры и надзор за самими цензорами», чтобы те не пропускали «не только прямо преступных мыслей, но даже коммунистических и политических намеков, сомнительных выражений о стремлении к вопросам Запада...»³

Следствием подобных настроений стало создание особого комитета под председательством А. С. Меншикова, в число членов которого вошел и управляющий III Отделением Л. В. Дубельт. Созданный для «выявления упущений цензуры и ее начальства», комитет не отличался активностью. Предложение сделать «внушение» редакторам журналов и цензорам было поддержано, но не ясно было, кто именно должен строго указать. По словам члена комитета М. А. Корфа, сначала предполагалось, что с редакторами будет говорить шеф жандар-

¹ *Рейтблат А. И.* Как Пушкин вышел в гении. С. 150–151.

² Там же. С. 152.

³ *Шевченко М. М.* Конец одного Величия: Власть, образование и печатное слово в Императорской России на пороге Освободительных реформ. М., 2003. С. 122–127.

мов, но «гр. Орлов (...) не хотел принять на свою часть этого поручения и с таким сердцем, что Государь уступил»¹. В результате о строгой ответственности «за всякое дурное направление статей», даже если оно выражено косвенными намеками, редакторов предупреждали в Комитете; с цензоров-издателей А. В. Никитенко и А. А. Краевско-го в III Отделении взяли подписку о лояльности.

2 апреля 1848 г. был учрежден Секретный комитет по надзору за цензурой и печатью под председательством директора Императорской Публичной библиотеки Д. П. Бутурлина². Таким образом, Министерство народного просвещения получило верховного надзирателя за цензурой. Терявший какую-либо самостоятельность в этом направлении С. С. Уваров даже обратился к императору с предложением вовсе отделить цензуру от Министерства народного просвещения, подчинив ее исключительно Секретному комитету или же Комитету совместно с III Отделением собственной канцелярии³. Не получив в этом поддержки, С. С. Уваров продолжал попытки переложить ответственность за состояние печати на политическую полицию. Он предлагал направлять замечания Комитета за подписью шефа жандармов: «...когда бы появились исправления и улучшения, они были бы открыто переданы, тогда как указание, исходящее от Его Величества, делает невозможным всякие переговоры»⁴. Его логика была следующей: поскольку заключения Комитета приводились в исполнение от имени императора, то и всякое возможное недовольство неминуемо должно было обращаться на фигуру правителя и тем самым раскалывать единение монарха и народа. Предложение не получило развития в дальнейшей организации деятельности Комитета. Шефа жандармов вполне устраивало положение стороннего наблюдателя за недостатками цензурного контроля и верховного ментора по отношению к министру и цензурным комитетам, как и исключение какой-либо полемики и объяснений относительно решений, объявленных по высочайшему повелению. Ведь именно недостаточная твердость цензуры, по мнению политической полиции, вела к ослаблению правительственного контроля над состоянием умов.

С. В. Рождественский приводит неполный перечень запретов, введенных высочайшими повелениями и цензурными циркулярами с 1848 по 1854 г. Было запрещено пропускать в печать:

¹ Цит. по: *Шевченко М. М.* Указ. соч. С. 129.

² См.: *Жирков Г. В.* История цензуры в России XIX–XX вв. М., 2001. Глава «Эпоха цензурного террора» (1848–1855).

³ *Щебальский П. К.* Указ. соч. С. 58.

⁴ *Шевченко М. М.* Указ. соч. С. 136.

- «всякие, хотя бы косвенные, порицания действий или распоряжений правительства и установленных властей»;
- «беллетристические произведения, могущие дать повод к ослаблению понятий о подчиненности или могущие возбуждать неприязнь и завистливое чувство одних сословий против других»;
- «статьи, которые своею таинственностью могут наводить лишь на одни ложные или произвольные предположения»;
- «похвалы изобретениям, прежде нежели они будут исследованы по правилам науки и признаны вполне основательными»;
- статьи и исследования по истории смут и народных восстаний;
- «разбор и порицание существующего законодательства»;
- «статьи за университеты и против них»;
- «критики, как бы благомерены они ни были, на иностранные книги и сочинения, запрещенные и потому не должны быть известными»;
- «рассуждения, могущие поколебать верования читателей в непреложность церковных преданий»;
- «произведения народной словесности безнравственного содержания»;
- «статьи о представительных собраниях второстепенных европейских государств, об их конституциях, выборах, утвержденных законах, о депутатах, о народной воле, о требованиях и нуждах рабочих классов, о беспорядках, производимых иногда своеволием студентов, о подании голосов солдатами» и др.¹

Под запретом оказалось все, что могло провоцировать споры, дискуссии, разномыслие не только по свято оберегаемым теологическим вопросам и проблемам государственного управления, но даже научные дискуссии на опасные, с точки зрения властей, сюжеты, устранялось все, что могло навести на мысль о политических параллелях или вызвать предположения об использовании практического опыта государственного управления других государств; все, что власть считала опасным для нравственного развития и повседневного поведения.

14 мая 1848 г. шеф жандармов А. Ф. Орлов объявил о Высочайшем повелении: «...те из воспрещаемых цензурой сочинений, которые обнаруживают в писателе особо вредное в политическом или нравственном отношении направление, должны быть представляемы от цензоров негласным образом в III Отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии, чтобы последнее, смотря по обстоятельствам, или принимало меры к предупреждению вреда, могущего происходить от такого писателя, или учреждало за ним

¹ *Рождественский С. В.* Указ. соч. С. 337–338.

наблюдение»¹. В тексте письма А. Ф. Орлова к С. С. Уварову отмечалось: «Цензоры объясняют, что если бы правительству известны были все сочинения или места в статьях, которые ими воспрещены к напечатанию, то оно, усмотрев, сколько вредных книг и мыслей остановлено, отдало бы еще похвалу усердию и предусмотрительности цензоров». Приняв к сведению логику цензоров, шеф жандармов обратил внимание на то, что их действие «ограничивается единственно тем, что они возвращают писателям преступные сочинения или уничтожают в них некоторые места, а сами писатели остаются не только без взыскания, но даже в неизвестности правительству, тогда как многие из них в сочинениях своих обнаруживают самый вредный образ мыслей»².

Таким образом, появлялась возможность расширить арсенал методов выявления неблагонадежных, да и ответственность теперь возлагалась бы не только на цензоров, пропустивших опасный текст, но и на тех, кто создал произведение, в котором была усмотрена политическая опасность. М. А. Корф приводил в своем дневнике слова А. Ф. Орлова о неблагодарном цензорском труде, когда приходится «...возиться в навозной куче не для того, чтобы отыскать бриллиант, а для того, чтобы выудить, что больше всего в ней воняет»³.

То обстоятельство, что цензоров вновь, как и в 1831 г., пытались сделать доносителями, сообщающими о политической неблагонадежности авторов, говорило о том, что эта практика не прижилась и носила скорее превентивный, устрашающий характер. Опасность потенциального доноса цензора активизировала внутреннюю самоцензуру автора, вынужденно избегавшего опасных сюжетов, нежелательных параллелей и неосторожных выводов. В связи с этим представляется вполне логичным предложенное И. Г. Горбачевым и В. Н. Печниковым определение «мрачного семилетия» 1848–1855 гг., казавшегося современникам «эпохой цензурного террора»⁴, как «режима устрашения печати»⁵.

Начало правления Александра II ознаменовалось отменой ряда стеснительных норм прошлого царствования (смягчение цензуры, разрешение новых изданий, облегчение выезда за границу и др.), амнистией политическим преступникам (декабристы, петрашевцы), общим оживлением общественно-политической жизни в стране.

¹ *Рождественский С. В.* Указ. соч. С. 338.

² РГИА. Ф. 772. Оп. 1. Д. 2108. Л. 1.

³ *Шевченко М. М.* Указ. соч. С. 79.

⁴ *Щебальский П. К.* Указ. соч. С. 77.

⁵ *Горбачев И. Г., Печников В. Н.* Институт цензуры в Российском законодательстве XVI–XIX вв.: историко-правовое исследование. Казань, 2004. С. 128.

В. Г. Чернуха справедливо заметила: «Каждый раз, когда российское правительство находилось на перепутье и размышляло о преобразованиях, оно отпуская цензурные поводы, нуждаясь и в представлении об общественных настроениях, и в советах, хотя публично никогда в этом не признавалось»¹. По сведениям Министерства народного просвещения, число периодических изданий в России год от года увеличивалось. Если в 1857 г. выходило 122 издания, то в 1858 г. – 165, в 1859 г. – 199, а в 1860 г. – уже 230². Такой объем периодики в новых условиях качественно менял привычную с николаевского времени для правительственных верхов ситуацию полного контроля над печатным словом и монополии на истину, выражаемую посредством официозных изданий. Тем не менее III Отделение настойчиво проводило мысль о необходимости усилить «строгий надзор за выполнением цензурой изданных для нее правил»³. По-прежнему главным средством правительственного контроля считалось следование четкому регламенту – Цензурному уставу, который ограничит «злоупотребления» печати.

В отчете политической полиции за 1857 г. зафиксированы сетования на то, что Министерство народного просвещения не в состоянии подготовить сбалансированный документ, необходимый в новых условиях общественного развития. «Тому уже около двух лет последовало Высочайшее разрешение на пересмотр цензурного устава, но по этому предмету ничего еще не исполнено, тогда как пересмотр устава и применение правил цензуры к современным обстоятельствам становится более и более необходимым»⁴, – писал шеф жандармов В. А. Долгоруков.

В то же время в правительственных кругах витала идея неформального воздействия на общественные настроения посредством создания официального органа с целью «руководить мнениями»⁵. В новых условиях давние опыты А. Х. Бенкендорфа стали приобретать актуальность. Обоснованность подобного воздействия на общество не вызывала сомнения, только не был ясен механизм такого влияния. В 1831 г. с настороженностью отнеслись к идее А. С. Пушкина взять-

¹ Чернуха В. Г. Великие реформы. Попытка преодоления кризиса // Власть и реформы. От самодержавной к Советской России. М., 2006. С. 273.

² Герасимова Ю. И. Из истории русской печати в период революционной ситуации конца 1850-х – начала 1860-х гг. М., 1974. С. 49.

³ Россия под надзором. С. 455.

⁴ Там же.

⁵ Порох И. В. Из истории борьбы царизма против Герцена (попытка создания анти-«Колокола» в 1857–1859 гг.) // Из истории общественной мысли и общественного движения в России. Саратов, 1964. С. 126–128.

ся самому за редактирование политического и литературного журнала («общее мнение имеет нужду быть управляемо»). Поэт убеждал шефа жандармов, что он смог бы собрать в нем «писателей с дарованиями и таким образом приблизил бы к правительству людей полезных, которые все еще дичатся, напрасно полагая его неприязненным к просвещению»¹. По прошествии лет пропасть между властью и обществом только углубилась.

Активным сторонником подобной меры показал себя управляющий III Отделением А. Е. Тимашев. В записке от 9 ноября 1857 г., подготовленной для А. М. Горчакова, инициатора постановки данного вопроса, управляющий III Отделением отмечал, что существующее в обществе «естественное нетерпение видеть улучшения и в особенности неизвестность предпринимаемых мер для достижения их» ведет к общему убеждению, что правительство «несет на себе (...) печать застарелой неспособности, умственного застоя и совершенного незнания нужд России». Такому «опасному заблуждению» необходимо противодействовать «всеми силами». Свою главную надежду он возлагал на официальную правительственную газету, «в которой не развлечений искал бы каждый читающий, а указаний, разъяснений недоумений своих и успокоения». Не вступая «в борьбу с мнениями», публикуя официальные распоряжения и статьи, написанные под влиянием правительства, газета должна достигнуть главной цели – «поселения доверия к правительству»². А. Е. Тимашев полагал, что издателем правительственного органа должно быть лицо, имеющее «по положению и занимаемому месту в своих руках концы нитей распоряжений по государству». Поэтому без внимания остался целый ряд проектов «благонамеренных» литераторов Е. А. Вердеревского, П. Н. Мельникова (Печерского), Н. И. Греча и др., готовых сделать свои издания правительственным рупором³.

Вскоре внимание правительства привлек проект русского посланника в Берлине А. Ф. Будберга, который наряду с антигерценовским журналом предлагал «учредить бюро прессы в Петербурге по примеру Парижа и Вены»⁴. Идея А. Ф. Будберга получила развитие в записке А. Е. Тимашева, черновик которой находится в РГИА. Сравнивая настоящую литературу и литературу прошлого, А. Е. Тимашев пришел к выводу, что «образование и умственное развитие, надви-

¹ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Л., 1941. Т. 14. С. 256.

² РГИА. Ф. 1687. Оп. 1. Д. 23. Л. 1–4 об.

³ Порох И. В. Из истории... С. 129.

⁴ Письма В. П. Балабина графу П. Д. Киселеву // Русская старина, 1902. № 11. С. 378.

гаясь быстрыми шагами, ставят цензоров в положение невозможное, а средства обуздания делаются недостаточными». Поэтому «цензуре необходима сильная помощь такого учреждения, которое давало бы ей, так сказать, тон, а вместе с тем руководило бы и самую литературу». Такой совет должен проникнуться «мыслью общей государственной системы и частным воззрением каждого из министров по своему ведомству». Для этого каждый из министров «обязан с возможной точностью изложить систему, которой намерен держаться в своем управлении, затем план каждого из них должен быть представлен на обсуждение Совета Министров и окончательно утвержден его Величеством». Далее А. Е. Тимашев развивал свои взгляды на «круг действий» Совета и... договорился до «необходимости дать литературе больше простора, расширив цензурные рамки»¹.

Вышеприведенные предложения не получили дальнейшего развития, но как попытка III Отделения навести порядок своими, полицейскими, средствами и добиться единства в действиях министров, подчинив их надзору «Литературного Совета», они, несомненно, представляют интерес.

Уже после обсуждения этого вопроса в Совете министров А. Е. Тимашев в декабре 1858 г. подготовил проект создания специального «установления» в составе V Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, чтобы «состоять вне всякой зависимости от министров (...) и испрашивать высочайшего указания непосредственно»². Кроме того, А. Е. Тимашев настаивал на обнародовании инициативы о создании Совета, иначе «негласность (...) неминуемо взволнует умы тревожные, недоверчивые и породит превратные толкования намерений правительства насчет печатного слова, подобно тому, как это было при учреждении Секретного комитета 2 апреля 1848 года, и установление лишится поддержки журналистов и литераторов»³. Он утверждал, что успех будет зависеть от доверия, которое новое ведомство постарается приобрести в литературном мире. А. Е. Тимашев полагал, что если будет «известна благая цель» этого учреждения, то «журналисты и литераторы, несомненно, будут ему содействовать, испрашивая разъяснений и указаний видов правительства по предметам, о коих суждение свое намереваются печатать в повременных изданиях»⁴.

¹ РГИА. Ф. 1687. Оп. 1. Д. 26. Л. 15–17.

² Там же. Д. 25. Л. 46 об.

³ Там же.

⁴ Там же. Л. 46.

Предложения А. Е. Тимашева были учтены лишь частично. Новый наблюдательный орган в области цензуры был создан 21 января 1859 г. в виде «Комитета по делам книгопечатания», в его состав вошли А. В. Адлерберг, Н. А. Муханов и А. Е. Тимашев. Вопреки предложению А. Е. Тимашева Комитет создавался негласно, но слухи о нем и его составе быстро распространились. Уже 24 декабря 1858 г. А. В. Никитенко после визита к Д. Н. Блудову записал в дневнике: «Если бы нарочно постарались отыскать самых неспособных для этой роли людей, то лучше не нашли бы. Они будут направлять литераторов, советовать им, рассуждать с ними о важнейших вопросах нравственных, политических, литературных, они, которые никогда ни о чем не рассуждали, ничего не читали и не читают! Смех и горе!»¹

Литераторы отнеслись к созданию Комитета с явным неудовольствием. Особенно решительно вел себя М. Н. Катков, который сначала поместил в «Русском вестнике» критический разбор деятельности Берлинского и Парижского комитетов прессы, а затем отказался дать подписку публиковать в своем журнале присылаемые ему Комитетом статьи, хотя в утвержденном положении о Комитете было определено, что «помещение в газетах и журналах статей, доставляемых с подписью одного из членов комитета, обязательно для редакций оных»². Средств приведения в повиновение «зарвавшихся» издателей у Комитета не было, регламент допускал, что «для необходимых объяснений и совещаний члены комитета в случае надобности требуют личной явки в оный ценсоров, а равно и журналистов и литераторов»³; это переводило административно-репрессивный механизм в режим дискуссии, но не пресекало вольнодумство.

Для ведения делопроизводства в комитет был приглашен А. В. Никитенко. Его дневниковые записи содержат ценнейшие сведения о деятельности комитета. Так, за публикацию стихотворения «На Невском проспекте» в № 9 «Искры» редактора вызывали в III Отделение к А. Е. Тимашеву, где ему сделан был выговор. Тревогу А. Е. Тимашева вызвало и опубликованное в одной из газет объявление об издании по дешевой цене произведений М. Вовчека, способных, как сочли в III Отделении, вооружить крестьян против помещиков. Препятствие встретило и задуманное А. А. Краевским издание «Энциклопедического лексикона», в котором Н. А. Муханов увидел «призыв воскресения Энциклопедии XVIII в.», а А. Е. Тимашев находил, что «Лексикон» послужит только усилению текущей

¹ Никитенко А. В. Дневник. Т. 2. С. 50–51.

² РГИА. Ф. 772. Оп. 1. Д. 4723. Л. 3 об.

³ Там же. Л. 4.

легкой литературы. А. В. Никитенко удалось убедить А. Е. Тимашева разрешить издание: «Тимашеву я представил, что это совсем не легкая литература, а напротив, серьезная и подлинное дело науки. Он туго поддавался, как вообще туго поддается этот сухой полицейский ум; но как все-таки это ум, а не мухановский призрак ума, то он, наконец, и убедился»¹.

Пожалуй, единственным журналом, пользующимся сочувствием у управляющего III Отделением, был издаваемый членом Редакционной комиссии А. Д. Желтухиным «Журнал землевладельцев», горячо отстаивавший интересы помещиков. Когда у издателя возникли финансовые затруднения, «Комитет, имея в виду услугу, какую могло оказать важному делу устройства крестьянского быта хорошо составленное в духе правительства периодическое издание, и, основываясь на известной добросовестности Желтухина и опытности его в делах, касающихся состояния помещиков и крестьян, полагал весьма полезным поддержать его предприятие»², выдал ему 8 тыс. руб. Этот факт вполне укладывался в определенный Положением принцип: «Членам комитета предоставляется право, в вящее поощрение благонамеренных писателей, представлять их в особенных случаях к наградам, смотря по достоинству их сочинений и трудов на пользу общую, а также выдавать по своему усмотрению денежные награды»³. Судя по дневниковым записям А. В. Никитенко, март 1859 г. был временем самой активной работы Комитета.

Негативная общественная реакция предопределила полную неспособность Комитета осуществить свои идеи. Н. А. Муханов отмечал: «Публика против них кричала и вопила, ожидая от них разных строгостей и стеснений; а они вместо всякого ответа решили ровно ничего не делать, и этим простым, но верным средством, не изнуряя своих сил, заставили всех крикунов молчать»⁴. Бравата товарища министра народного просвещения только подтверждала официальное признание, что Комитет по делам книгопечатания не смог выполнить возложенные на него задачи: «Поставленный неофициальным своим положением вне общей системы правительственных учреждений и в то же время обязанный участвовать в решении важнейших вопросов общественных, именно вопросов умственных и нравственных, он

¹ Никитенко А. В. Дневник Т. 2. С. 73, 76, 77, 79.

² ИРЛИ. Ф. 19 277. Л. 112 об.

³ РГИА. Ф. 772. Оп. 1. Д. 4723. Л. 4.

⁴ [Хрущев Д. П.] Материалы для истории упразднения крепостного состояния помещичьих крестьян в России в царствование императора Александра II: В 3-х т. Берлин. 1860–1862. Т. 3. С. 108.

должен был затрагивать самые щекотливые стороны администрации, общественного мнения и печати, что дало ему вид какого то чрезвычайного, контролирующего и, по его уединенности, вид устрашающего установления»¹.

Неуспех объяснялся тем, что литераторы уклонялись от контактов с комитетом: «Всеобщее нерасположение быстро устремилось навстречу первых шагов его, и как моральное влияние в делах, возложенных на комитет, составляло одно из первых условий успеха, то при этих непреодолимых препятствиях к приобретению такого влияния дальнейшая деятельность комитета сделалась не только затруднительною, но прямо невозможною»².

В качестве главной причины неуспеха было указано на то, что Комитет «как отдельное правительственное учреждение, призванное действовать на ход и направление печати, наподобие французского Bureau de presse, оказался несовместным с порядком вещей, где существует цензура предупредительная»³. В качестве панацеи предлагалось создать специальный печатный орган, план издания которого был в основных чертах уже определен членами Комитета.

5 ноября 1859 г. Совет министров принял решение создать особое учреждение «для исключительного заведования цензурой в Империи»⁴, объединив его с Комитетом по делам книгопечатания. На следующий день А. Е. Тимашев представил шефу жандармов записку по поводу решения вопроса о преобразовании высшего цензурного управления, в которой предлагал сделать его не зависимым от Министерства народного просвещения и освободить попечителей учебных округов от должности председателей цензурных комитетов, так как, «с одной стороны, они, будучи во главе сословия ученых и литераторов (...) являются как бы адвокатами их, а с другой, в качестве председателя цензурных комитетов принимают характер утеснителей и карателей свободного проявления мысли в печати». А. Е. Тимашев писал: «Я пришел к убеждению, что лучшими мерами к обузданию злоупотреблений печатного слова было бы:

1. Принять для руководства Цензурный устав 1828 года с самыми малыми изменениями, но с включением нескольких статей относительно ответственности редакторов.

2. Преобразовать Главное управление цензуры в отношении его личного состава и усилить его власть (...) даровать право делать опре-

¹ РГИА. Ф. 1687. Д. 25. Л. 17.

² Там же. Л. 18–18 об.

³ Там же. Л. 18 об. – 19.

⁴ Герасимова Ю. И. Указ. соч. С. 81.

деления (...) о сочинениях не только по явному их смыслу, но по духу и намерению, которые почти никогда не ускользают от читающих (...)»¹.

Предложения управляющего III Отделением не получили поддержки. Хотя и решено было создать «отдельное, гласное и самостоятельное государственное учреждение в виде особого Министерства»². Его возглавил М. А. Корф. Размышляя о том, как обеспечить «некоторую популярность, необходимую для успеха дела», М. А. Корф полагал, что новое ведомство можно образовать в виде V Отделения императорской канцелярии. Но от этой идеи он отказался, так как посчитал, что «существование уже там III-го отделения со страшною его репутациею повредит кредиту нового V-го»³. Не разобравшись с формой, он определился с концепцией: «...в видах пользы дела совсем не свойственно облекать новое учреждение одним характером карательным, что, напротив, необходимо, так сказать, кокетничая с литературою, знамением нового ведомства выкинуть покровительство и направление, а из взыскания или кары сделать уже только оборот медали...»⁴

М. А. Корф развернул кипучую деятельность по выбору особняка для цензурного министерства и по подбору штата. Первым делом он постарался избавиться от членов распущенного Комитета, так как «сохранение их в новом управлении тотчас отняло бы у него всякий кредит в публике, а следовательно, и средства приносить пользу»⁵. Причем вопрос об удалении А. Е. Тимашева и А. В. Адлерберга казался ему «самым жизненным»⁶. Но управляющий III Отделением не собирался упускать из своих рук надзор за литературой.

М. А. Корф писал: «Только один Тимашев заявил мне, косвенно, но довольно ясно, не столько желание перейти в новое Управление, сколько необходимость быть ему в нем, по примеру того, как он принадлежит к настоящему, будучи членом Главного Управления цензуры»⁷. Кандидатуру А. Е. Тимашева поддержал Александр II, решивший, что «приобщением его к этому управлению облегчаются

¹ РГИА. Ф. 1687. Оп. 1. Д. 25. Л. 7–8.

² Корф М. А. Шестинедельный эпизод моей жизни // Долгих Е. В. К проблеме менталитета российской административной элиты первой половины XIX века: М. А. Корф, Д. Н. Блудов. М., 2006. С. 242.

³ Там же. С. 244.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 254.

⁶ Там же. С. 253.

⁷ Там же. С. 254.

необходимые между последним и жандармскою частию сношения»¹. М. А. Корф продолжал проявлять настойчивость и, казалось, даже убедил шефа жандармов, который взялся переговорить об этом с императором. Видимо, в столь настойчивом стремлении доказать необходимость отстранения представителя политической полиции от контроля над печатью и состояла главная ошибка опытного чиновника. Если на первой аудиенции, посвященной грядущему назначению, император соглашался с призывом М. А. Корфа: «...не идите в деле литературы назад», то через месяц сурово говорил ему же: «Повторяю, теперь не время гладить наших журналистов по головке»².

А. Е. Тимашев воспринял назначение М. А. Корфа весьма критично. «Тимашев, – писал А. В. Никитенко, – пророчески говорит, что управление Корфа больше года не просуществует»³. И действительно, новое ведомство просуществовало всего 6 недель и запомнилось скандалом с несостоявшейся покупкой дома для своего министерства. Выйдя в отставку, М. А. Корф свалил всю вину на А. Е. Тимашева и Н. А. Муханова. Так, агент III Отделения 9 января 1860 г. доносил, что барон М. А. Корф выразился на днях в одном обществе о Тимашеве и Муханове, как «принесших вред делу цензуры»⁴. Думается, что не затратное приобретение особняка, а конфликт с политической полицией и намерение покровительствовать гласности печати стали причиной отставки М. А. Корфа.

Новым шагом правительства в области наблюдения за печатью была реорганизация Главного управления цензуры, куда снова вошел А. Е. Тимашев. Постоянные перестройки цензурных органов, смещения и назначения цензоров привели к новому усилению придирок и бдительности в отношении печати⁵. Завершился этот процесс принятием 6 апреля 1865 г. новых «Временных правил о цензуре и печати», изменивших принцип организации цензуры. Теперь Главное управление по делам печати было подчинено министру внутренних дел, и прежний дуализм репутации Министерства народного просвещения («светоч» – «гаситель») был устранен в пользу репрессивного начала в отношении нарушителей цензурных правил.

¹ Корф М. А. Шестинедельный эпизод моей жизни. С. 254.

² Там же. С. 243, 264.

³ Никитенко А. В. Дневник. Т. 2. С. 103.

⁴ Цит. по: Абакумов О. Ю. А. Е. Тимашев против литературы // Освободительное движение в России. Выпуск 14. Саратов, 1991. С. 120.

⁵ См. новейшее исследование цензурной политики России: Патрушева Н. Г. Цензурное ведомство в государственной системе Российской империи во второй половине XIX – начале XX века. СПб., 2013. С. 86–133.

5. Университетский вопрос

Интерес III Отделения к проблемам образования был сугубо охранительным. Уже в «Кратком обзоре общественного мнения в 1827 году» отмечалось: «Все единодушно жалуются на полную бездеятельность Министерства народного просвещения. Они говорят, что ни одно из провозглашенных при восшествии на престол предначертаний Государя Императора касательно воспитания не было выполнено»¹. В жандармских отчетах отмечалось, что в Московском университете «царит скверный дух, что дипломы там публично продаются, и что тот, кто не брал частных уроков по 15 рублей за час, не может получить такового диплома» (1829 г.), указывали на нехватку квалифицированных преподавателей («никто не желает служить в этом министерстве, где заставляют работать, как каторжников»)². О министре народного просвещения К. А. Ливене сообщалось, что он «вовсе неспособен к управлению вверенной ему части»: «Он человек отлично-добрый, честный, но стар, болезнен, не имеет достаточного просвещения, предан мистицизму и окружил себя мистиками. И потому-то подведомственные ему учебные заведения приходят в крайний упадок» (1831 г.)³. «Нет надлежащего учения, нет должно надзора»⁴, – заключал А. Х. Бенкендорф.

Надежды на изменение ситуации в образовании были связаны с назначением в 1833 г. министром народного просвещения С. С. Уварова. Первоначально деятельность министра высоко оценивалась: «...его признают хорошим помощником Государя в исполнении благодетельных намерений Его Величества к распространению истинного и прочного у нас просвещения»⁵. В заслугу ставились «успехи в отношении устройства и размножения учебных заведений»⁶ (1835 г.), в училищах – «в отношении наружного порядка и надзора за учащимися»⁷ (1836 г.); отмечалось, что «значительно умножено число учебных заведений и тем дарованы средства к распространению образования нашего юношества»⁸, «Московский университет (...) сделал значительные успехи и быстрыми шагами восстает от (...)

¹ Россия под надзором. С. 22.

² Там же. С. 57.

³ Там же. С. 84–85.

⁴ Там же. С. 85.

⁵ Там же. С. 136.

⁶ Там же.

⁷ Там же. С. 152.

⁸ Там же. С. 172.

упадка»¹ (1837 г.). Главная проблема – нехватка кадров – казалась объективной: «Недостаток в хороших учителях и наставниках весьма ощутителен, и можно со всею справедливостью сказать, что учебное наше просвещение еще в колыбели» (1836 г.)². Тем не менее вывод сделали достаточно серьезный: «...результаты как в отношении учения, так и в отношении надзора за учащимися весьма еще неудовлетворительны не только в отдаленных от столицы местах, но и в здешних гимназиях» (1837 г.)³.

В отчете III Отделения за 1839 г. проблемам образования уделено особое внимание. Шеф жандармов напомнил: «Это министерство было в прежнее время в величайшем упадке. Положение русских профессоров было самое жалкое как в отношении жалованья, так и выгод, доставляемых службою, и потому только и существовали они частными уроками по домам и пансионам. Но истрачивая время на уроки для приобретения пропитания, они не успевали следовать за ходом наук и оставались всегда позади, а потом совершенно отстали. Оттого в русских университетах и других заведениях науки преподавались по обветшалой методе и успехи в науках были слабы, а недостаток в хороших преподавателях становился беспрерывно ощутительнее»⁴.

Далее подчеркивалось, что именно министр К. А. Ливен предложил посылать лучших студентов в Дерпт и Берлин для завершения образования и подготовки диссертаций. И этой мерой «воспользовался» С. С. Уваров: «Он отставил устарелых профессоров и заместил их людьми молодыми и деятельными, питомцами Дерпта и Берлина. Это подняло университеты. Наконец, новые штаты дали ученому званию более средств, более охоты и надежд на будущее и водворили новую деятельность»⁵.

А. Х. Бенкендорф дает негативную характеристику личных качеств министра: «Нет никакого сомнения, что Уваров человек умный, способный, обладает энциклопедическими сведениями; но по характеру своему он не может никогда принести той пользы, которую можно было бы ожидать от его ума. Ненасытимое честолюбие, фанфаронство французское, отзывающееся XVIII веком, и непомерная гордость, основанная на эгоизме, вредят ему в общем мнении»⁶. Шеф

¹ Россия под надзором. С. 172.

² Там же. С. 153.

³ Там же. С. 172.

⁴ Там же. С. 210.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

жандармов подвергает сомнению результаты его деятельности: «Уваров старается единственно о том, чтобы наделать более шума и накрыть каждое дело блистательным лаком. Отчеты его превосходно написаны, но не пользуются ни малейшею доверенностью. Это то же, что бюллетени Наполеоновской армии»¹.

И главное, деспотизм в управлении народным просвещением бросает тень на личность монарха: «Ни один министр не действует так самовластно, как Уваров. У него беспрерывно в устах имя Государя, а между тем своими министерскими предписаниями он ослабил силу многих законов, утвержденных Высочайшею властью»². Помимо приукрашивания отчетов («предположение, сделанное на бумаге, уже почитается исполнением меры»), Уварову ставилось в вину состояние особо им опекаемого Киевского университета, который с «самого начала не попал на истинный путь и теперь с трудом восстановится», низкий уровень преподавания («самое учение еще на весьма низкой степени в русских округах»), отсутствие учебной литературы («нет до сих пор порядочных учебных книг»)³.

В последующие годы эта же аргументация сохранялась в отчетах, причем без особой детализации. В отчете за 1843 г. А. Х. Бенкендорф оценил деятельность Министерства более пространно. В частности, он отметил: несмотря на то что в ежегодно публикуемых отчетах Министерства объявлялось, что «образование нашего юношества совершается в духе Православия, Самодержавия и Народности», на самом деле «результаты противоречат действительности», и «в некоторых университетах и высших заведениях ученое и нравственное направление не отвечает ожиданию правительства»⁴. Впрочем, упомянутые претензии касались использования русского языка в польских и немецких учебных заведениях России.

Шеф жандармов А. Ф. Орлов о деятельности Министерства упомянул в отчете за 1847 г., сообщив императору, что общественное мнение несколько вооружилось «против образа воспитания, которое дается юношеству в учебных заведениях Министерства Народного просвещения. Впрочем, по строгом размышлении об этом предмете, — заметил он, — нельзя винить министерство, ибо коренное университетское положение, как и везде, препятствует иметь за учащимися бдительный надзор»⁵. Лаконизм А. Ф. Орлова не позволяет понять

¹ Там же.

² Там же. С. 211.

³ Там же. С. 210–211.

⁴ Там же. С. 334.

⁵ Там же. С. 409.

смысл недовольства Министерством, но показательно, что общество волнуется «образ воспитания», а методом достижения желаемого воздействия мог быть нерегламентированный «бдительный надзор».

Оживление общественной жизни в России в начале правления императора Александра II актуализировало и обсуждение проблем образования. После снятия ограничений на число студентов университетские аудитории наполнились весьма разноликой по социальному и имущественному положению, уровню подготовки студенческой массой. Министерство народного просвещения прокламировало необходимость поддержать общее стремление к образованию и согласовать действующие уставы учебных заведений «с действительными потребностями государства и времени и с современным состоянием науки»¹.

Шеф жандармов В. А. Долгоруков отмечал: «По участию народного образования в деле современных вопросов это министерство составляет ныне особенно важное звено в государственном управлении»². Однако эта значимость понималась по-полицейски: «К главнейшим его обязанностям принадлежат наблюдение за нравственным воспитанием юношества, охранение порядка и тишины в учебных заведениях» (1857 г.)³. Руководитель ведомства – А. С. Норов – импонировал главе полиции «религиозно-нравственным образом мыслей, истинной любовью к просвещению, стремлением к выполнению своих обязанностей», смущало его в первую очередь «чрезмерное благодушие» министра⁴. Неспособность прекратить студенческое движение, вспыхнувшее повсеместно в 1858 г., предопределила и его скорую отставку.

О новом министре народного просвещения глава политической полиции отзывался доброжелательно: «Тайный советник Ковалевский одарен, по общему заключению, высоким благородством, хладнокровием и рассудительностью. Он исполняет свои обязанности, придерживаясь во всем середины (...). Качества эти при настоящих обстоятельствах весьма важны, ибо стремление к высшему просвещению и желание распространить образование на все сословия возбуждены в сильной степени...» (1858 г.)⁵. Деятельность нового министра была под постоянным контролем.

¹ Эймонтова Р. Г. Русские университеты на путях реформы: шестидесятые годы XIX века. М., 1993. С. 28.

² Россия под надзором. С. 454.

³ Там же. С. 455.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 479.

24 сентября 1858 г. В. А. Долгоруков запрашивал у него информацию: «Все ли в порядке в здешнем университете?», «Ведут ли себя студенты одобрительно?», не «собираются ли они произвольно для совещаний о разных предположениях?». На записке Е. П. Ковалевского, сообщившего, что «студенты (...) ведут себя хорошо, не составляют сборищ для совещания и сохраняют должное уважение и подчиненность к начальству», император скептически написал: «Желаю, чтобы было так»¹.

В отчете III Отделения за 1858 г. В. А. Долгоруков был более категоричен и не приукрашивал действительность. Он утверждал: «В последние годы между студентами наших университетов стало заметным некоторое своеволие. Кроме обыкновенных шалостей они начали предьявлять неудовольствие на существующий порядок, желать преобразований, обращаться к начальству с разными настоятельными просьбами и присваивать себе право суда как между собою, так и над своими преподавателями». По признанию шефа жандармов, «в 1858 г. не осталось ни одного университета, в котором не произошло беспорядков, более или менее важных». Далее приводились конкретные примеры студенческой активности и указывалось, что студенты «рассуждали о необходимости реформ, о свободе посещения лекций, о праве суда между собой и (...) доходили даже до мыслей возмутительных»². Как видим, охранителей беспокоило любое отступление от мелочной регламентации университетской жизни, любые корпоративные, массовые выступления по вопросам, касающимся преподавания, проблем самоуправления, любое вольномыслие. Столь трепетное внимание к данной социальной группе объяснялось тем, что студенчество было наиболее подвержено влиянию свободомыслия.

Говоря о воздействии заграничных русских изданий, толкующих «о гуманности, разумности и необходимости изменений в порядке общественной жизни», В. А. Долгоруков считал, что студенты «по восприимчивости своей скорее других усваивают мысли в сущности ложные, но молодым умам кажущиеся блестящими истинами»³. Кроме того, корпоративная организация облегчала возможность слаженного коллективного выступления, затрудняла поиск и наказание виновных. Массовые удаления студентов по распоряжению началь-

¹ *Сладкевич Н. Г.* Петербургский университет и общественное движение в России в начале 60-х годов XIX века // Труды юбилейной научной сессии. Секция исторических наук. Л., 1948. С. 110.

² ГА РФ. Ф. 109. Оп. 223. Д. 23. Л. 13 об. – 17.

³ Там же. Л. 19 об.

ства вызывали сочувствие в обществе, объявлявшем их жертвами неоправданного произвола. Отсюда и стремление к более тщательному надзору и опеке как форме превентивных действий.

В целях поддержания дисциплины в студенческой среде и исключения столкновений между студентами и полицией, случавшихся в 1857–1858 гг., император поручил министру народного просвещения подготовить совместно с шефом жандармов предложения по предупреждению беспорядков. Е. П. Ковалевский запросил мнения попечителей учебных округов. Помимо их предложений министру была передана записка С.-Петербургского обер-полицмейстера П. А. Шувалова, который считал нужным «закрыть в университетах курительные и буфетные комнаты, в которых также вывешиваются студентами разные объявления, отменить ношение форменной одежды, увеличить число профессоров, придать университетским занятиям характер публичных чтений, открытых для всех»¹. Результатом этих мер должно было стать уничтожение корпоративного духа университетов.

Сводная записка была представлена Е. П. Ковалевским в Совет министров и после обсуждения последовало Высочайшее повеление от 6 мая 1859 г., согласно которому за пределом университетских помещений студенты были подчинены надзору полиции на общих основаниях. 14 января 1860 г. в Совете министров обсуждалось взаимодействие общей полиции и университетского начальства, в результате чего была подтверждена обязанность студентов повиноваться университетскому начальству, находясь и вне учебных заведений². Как справедливо отметила Р. Г. Эймонтова, «не столько судьбы науки, сколько поведение студенчества беспокоило правящую верхушку»³.

Наведение порядка в университетах было предметом внимания двух специально созданных комиссий. Первая, во главе с П. Г. Ольденбургским, была сформирована для обсуждения отчета министра народного просвещения за 1859 г. Вторая, в составе С. Г. Строганова, В. Н. Панина и В. А. Долгорукова – для рассмотрения предложений министра о мерах, которые могут быть приняты для надзора за студентами по случаю повторяющихся беспорядков. На результатах ее работы остановимся подробнее. Цель этой комиссии была определена императором как исправление духа университетского вос-

¹ *Рождественский С. В.* Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802–1902. СПб., 1902. С. 363–364.

² Материалы по истории студенческого движения в России. Лондон; СПб., 1906. С. 3.

³ *Эймонтова Р. Г.* Русские университеты на путях реформы. С. 34.

питания¹. А. И. Герцен наименовал эту комиссию «*вторым третьим*» отделением, назначенным исключительно против университетов и просвещения².

Из материалов комиссии, проанализированных Н. Н. Родзевичем, виден нравственно-полицейский подход к проблеме. В. Н. Панин полагал, что университеты должны служить «распространению просвещения в направлении, полезном для молодого поколения и ответственном устройству государства»³.

Считая идеалом удушливое спокойствие университетов николаевской эпохи, комиссия считала возможным возвращение к инструкции ректорам и деканам университетов, утвержденной 23 января 1851 г., с исправлением тех пунктов, «которые были начертаны в пределах слишком тесных»: усиление надзора через назначение проректора, немедленное удаление «неблагонадежных или ошибающихся профессоров», ограничение доступа в университет лиц с недостаточной подготовкой⁴. Комиссия предлагала ввести правило об обязательном посещении лекций, запретить публичное одобрение или порицание преподавателей, установить надзор за внутренним порядком в университетах и увольнять после предупреждения тех, кто правила не исполняет.

Положение «восстановить полную подчиненность учащихся университетскому начальству в стенах университета» Александр II сопроводил ремаркой «подчиненность эта никогда не была уничтожена» на полях доклада, а тезис «воспретить всякие сходки без разрешения начальства и объяснения с ним через депутатов или сбирищем», прокомментировал: «Если таковые допускались, то вопреки установленного порядка и от слабости университетского начальства»⁵. Предлагалось не допускать в университет, вольнослушателей, восстановить переводные экзамены на 1 и 2 курсах и др.

Е. П. Ковалевский представил свои возражения в отношении доклада комиссии, отметив, что университет, «как высший храм науки, должен быть открыт всем без различия». Он доказывал, что строгий контроль посещения занятий ни к чему не приведет, ибо лекции можно посещать, но их не слушать; что вольнослушатели не участвуют

¹ Родзевич Н. Н. Отставка Е. П. Ковалевского // Исторический вестник, 1905. № 1–3. С. 116.

² Герцен А. И. Собр. соч.: В 30 т. Т. 15. С. 99.

³ Родзевич Н. Н. Указ. соч. С. 115.

⁴ Там же. С. 118.

⁵ Там же. С. 119.

в беспорядках, так как «единственная их цель чему-нибудь научиться» и проч. Министр был убежден, что предлагаемые меры лишь поколеблют систему и студенческая корпорация сохранится: «Это будет врачевание временное, а не радикальное»¹.

Значительная часть предложений комиссии после обсуждения в Совете министров была высочайше утверждена 18 мая 1861 г.

По предложению комиссии минимальный возраст для поступления в университет ограничивался 17 годами, отменялась форменная одежда, воспрещалось ношение каких-либо знаков, указывающих на народность или принадлежность к товариществу, предписывалось обязательное посещение занятий, запрещалось публичное одобрение или порицание преподавателей, оговаривалось использование сумм, оставшихся от сокращения числа бесплатных студентов, на увеличение окладов преподавателей, для окончивших университет сохранялись привилегии при поступлении на службу. Подтверждено было предписание о соблюдении правил подчинения студентов университетскому начальству и общей полиции. Вольнослушателей разрешалось допускать на лекции, если позволяла вместимость аудиторий. Вопрос о переводных экзаменах был отложен.

В отношении преподавателей В. Н. Панин и В. А. Долгоруков отстаивали необходимость обязать их «точно и неуклонно исполнять» требования, предписанные в 11 пункте инструкции 1851 г. Эту позицию поддержал император, предписав в новых документах сохранить «полный смысл 11 пункта»². Этой инструкцией устанавливался надзор за преподавателями посредством контроля ректором и деканами программ лекционных курсов профессоров. При этом внимание следовало обращать на изложение предметов «в полноте сообразно с потребностью университетского учения», их соответствие «ученой и нравственной цели», а также следить, «чтобы в содержании программы не укрывалось ничего, не согласного с учением православной церкви или с образом правления и духом государственных учреждений наших, и (...) чтобы, напротив, ясно и внушительно выражались везде, где только это правило может иметь рассудительное применение, благословение к святыне, преданность государю и любовь к отечеству»³. По мнению Н. Н. Родзевича, главной причиной издания этих правил была необходимость надзирать за студентами и наблюдать за преподавателями⁴.

¹ Родзевич Н. Н. Указ. соч. С. 121.

² Там же. С. 119, 127.

³ Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 2. Отд. 2. СПб., 1864. Стлб. 1044.

⁴ Родзевич Н. Н. Указ. соч. С. 128.

Новые правила вызвали негативную реакцию в самых различных слоях общества. Резко отрицательно отреагировала демократическая и либеральная печать. Все указывало на то, что избранный правительством способ умиротворения оказался неудачным. Массовые студенческие волнения в столице осенью 1861 г. сопровождались арестами и привели к закрытию в декабре С.-Петербургского университета.

В отчете III Отделения за 1861 г. как бы мимоходом отмечалось, что «возникшие в русских университетах со стороны учащегося юношества беспорядки, обратив внимание правительства на не соответствующее потребностям времени образование этих высших учреждений народного просвещения, вызвали труды для поспешных реформ по учебной части»¹. В безуспешно-поспешных трудах успел поучаствовать и сам шеф жандармов.

Болезненно переживал ошибки правительственной политики Б. Н. Чичерин. Он писал своему брату, В. Н. Чичерину: «В особенности же надобно избегать тех мелочных стеснений, которые раздражают людей и унижают начальство, ставя его в мелочное столкновение с гражданами. Правительство теряет через это свое высокое назначение и становится ответственным за всякую глупость самого последнего исполнителя (...). Пусть появляется множество бестолковых статей, пусть студенты не ходят на лекции и толкуют между собой обо всяком вздоре. Государственный человек обращает внимание не на эти пустяки, а на общее направление умов. Тут нужен широкий взгляд на вещи, а не взгляд III Отделения»².

Именно такой подход к проблеме преобразования университетов предлагали авторы многочисленных статей, появившихся в это время в печати. Отголоски начавшейся дискуссии заметны в специальной записке управляющего III Отделением А. Л. Потапова. Отмечая, что «в настоящее время университетское дело составляет один из самых жизненных вопросов, в сильной степени занимающий все умы», А. Л. Потапов признавал, что новые правила «оказались не применимы к делу». Выход из сложившейся ситуации виделся ему в коренном преобразовании университетов и разрешении дела «в духе примирительном».

Далее управляющий III Отделением излагал свое видение проблемы: «Нынешнее устройство наших университетов основано преимущественно на начале корпоративном. Студенты составляют особое сословие, пользующееся известными преимуществами и имеющее свои уставы. Через это, с одной стороны, стесняется круг

¹ Россия под надзором. С. 559–560.

² Чичерин Б. Н. Воспоминания. Московский университет. М., 1929. С. 29–30.

университетских слушателей, так как не всякий может или захочет поступить в студенческую корпорацию, с другой стороны, в состав этой корпорации вступают лица, которых влечет сюда не чистое призвание к науке, а почетное звание студента, свобода университетской жизни и иные побуждения, не имеющие ничего общего с образованием. Между тем достижение цели университета как образовательного заведения не обуславливается корпоративным устройством его. Эта цель не менее будет достигаться одними публичными чтениями профессоров перед слушателями всякого звания. Опасаются беспорядков при стечении большого числа слушателей. Но опасение это не подтверждается опытом, приобретенным мною во время служения в полицейских должностях. Не бывало примера, чтобы порядок на публичных лекциях самых многочисленных был чем-либо нарушен, между тем как в студентских аудиториях беспорядки случаются весьма часто, особенно в последнее время»¹.

Оригинальность этой позиции², пожалуй, лишь в том, что она противоположна взглядам В. А. Долгорукова, отраженным в упоминавшихся выше материалах комиссии. Пониманию А. Л. Потаповым университетов как «образовательно-учебных заведений» противостоит взгляд на них как на учреждения воспитательные, с неминуемыми атрибутами надзора и опеки студентов высшим начальством. Концепции «открытого университета» противостояли меры по ограничению доступа малообеспеченных и потому слабоподготовленных лиц в студенты, а идее самоуправления – мелочная регламентация и требование строгой дисциплинарной ответственности.

Поддерживаемая некоторыми профессорами, внешне привлекательная идея «открытого университета», обрамленная лозунгами просветительства широких масс, в изложении управляющего III Отделением имела утилитарно-полицейскую цель – разрушение корпоративных связей, разобщение студенчества.

Если подобные проекты и обсуждались в верхах, то после «думской истории» они явно утратили свое значение.

30 января 1862 г. в зале Городской думы и училища Св. Петра началось чтение лекций, вскоре получивших название «Вольного университета». Организаторы подали прошение министру А. В. Головнину (вопрос обсуждался в Совете министров и был одобрен императором) и согласовали программу и состав лекторов. Интерес к лекциям был довольно большой. Однако 2 марта 1862 г. на вечере

¹ ГА РФ. Ф. 109. СА. Оп. 1. Д. 570. Л. 29–32.

² Подобные идеи высказывались в то время на страницах периодической печати Н. И. Костомаровым, А. В. Никитенко, А. С. Вороновым и др. (*Эймонтова Р. Г.* Русские университеты на путях реформы. С. 84–85).

в пользу нуждающихся литераторов профессор П. В. Павлов, читавший лекции и в «Вольном университете», выступил со статьей «Тысячелетие России»; в ее эмоциональном прочтении власти усмотрели опасный политический подтекст. П. В. Павлов был отстранен от чтения лекций и выслан из столицы. Репрессии против профессора всколыхнули студенчество. Студенческая часть комитета курсов решила немедленно прекратить чтение лекций, но среди профессоров не было единства взглядов. Н. И. Костомаров заявил о своем намерении продолжить преподавание, чем вызвал возмущение части слушателей.

8 марта министр народного просвещения А. В. Головин информировал императора Александра II: «Я сейчас получил и послал кн. Долгорукову сведения о беспорядках, бывших сегодня на публичных лекциях, подписке в пользу проф. Павлова и решении толпы слушателей подать просьбу управляющему министерством или попечителю округа о г. Павлове. Я просил князя Василия Андреевича обратить внимание на похвальный образ действий проф. Костомарова (подчеркнуто Александром II, сделавшим здесь пометку: «делает ему честь»), который с жаром объявил слушателям, «что он не хочет, чтобы лекции его служили орудием для каких-то либеральных стремлений». Лекции не возобновились. Профессор М. И. Касторский представил А. В. Головнину доклад с анализом идей, звучавших в публичных лекциях. После знакомства с этой запиской Александр II написал: «Общее направление *страшное*, ибо оно *прямо ведет к революции*. После этого нечего удивляться, если вся молодежь у нас напиывается подобными мыслями. Самый бдительный надзор за этими профессорами необходим»¹.

Таким образом, петербургская практика «открытого университета» была неудачной, профессора оказались не наставниками, а подстрекателями. Именно эти мысли развивал шеф жандармов в докладе императору 27 апреля 1862 г.: «В самих чтениях профессора довольно часто проводили мысли, в которых явно высказывалось социальное направление их учения. Мысли эти направлены были преимущественно против исторического права, служащего основанием государственных учреждений; против святости государства и его представителей, с особенным же оживлением против абсолютизма или неограниченной власти как источника всего зла и бедствия народов. Подобные рассуждения при многочисленной публике более чем неуместны; они опасны и не могут быть названы иначе, как революционною пропагандою демагогов»².

¹ Вольфсон Г. С. «Вольный университет» 1862 г. // Вестник ЛГУ, 1947. № 7. С. 102.

² Дело Чернышевского. Саратов, 1968. С. 122.

По признанию А. В. Головнина, «работа по пересмотру университетского устава начались (...) еще в 1858 г.; с 1861 г., вследствие обнаружившихся в университетах беспорядков им было дано более быстрое движение». При составлении нового университетского устава Министерство руководствовалось следующей целью: «Временные меры строгости, очевидно, не могли устранить зла, причины которого коренились в несовершенстве университетского устройства. Нужно было принять более надежные меры, которые бы предотвратили на будущее время возможность подобных беспорядков и направили на надлежащий путь развития наше высшее университетское образование»¹.

Тем временем в российской печати шло широкое обсуждение принципов университетской реформы – с привлечением российской и зарубежной научной общественности к оценке деятельности комиссии Е. Ф. фон Брадке, а затем ученого комитета Главного правления училищ.

После того, как 16 декабря 1862 г. проект университетского устава от имени Министерства народного просвещения был представлен Александру II, по поручению императора для дополнительного рассмотрения документа была сформирована комиссия, в которую включили и авторов правил 18 мая 1861 г. – С. Г. Строганова и В. А. Долгокурова. Проект устава претерпел в комиссии значительные изменения. Р. Г. Эймонтов охарактеризовала новый вариант документа как «шаг назад к действующему уставу 1835 г.»². В частности, было восстановлено вмешательство попечителя в жизнь университета, за ним сохранялась роль непосредственного начальника университета; ректор осуществлял «непосредственное управление университетом», но при этом не устанавливалось его отношение к совету; правление было подчинено не совету, а попечителю; университетский совет лишился самостоятельности в решении ряда учебных и научных дел; из хозяйственных вопросов в его ведении оставили только рассмотрение ежегодной сметы расходов и доходов; был значительно сужен круг действий и права факультетских собраний. Критерии научной деятельности к преподавателям были заменены требованием исполнения служебных обязанностей. Усиливалась строгость правил, регламентирующих жизнь студентов: поступивших в университет обязывали дать подписку в соблюдении правил для студентов, был точно определен срок обучения, несколько повышалась плата за обучение

¹ Головнин А. В. Записки для немногих. СПб., 2004. С. 248–249.

² Эймонтова Р. Г. Русские университеты на путях реформы. С. 171.

в столичных университетах. Сокращались размеры ассигнований (на учебные пособия, научные командировки и др.).¹

Комиссия обязала министра одновременно с рассылкой устава направить попечителям требования к университетским правилам, предусматривавшие запрет на проведение всяких неразрешенных собраний, на составление адресов, выражение одобрения или порицания на лекциях, запрещение посещать лекции женщинам и др. Таким образом, строгановская комиссия во главу угла ставила традиции университетов николаевской эпохи, с надзором за студентами и преподавателями, регламентацией и бюрократической системой управления.

После незначительной доработки в высших инстанциях проект устава был рассмотрен на Общем собрании Государственного совета и 18 июня 1863 г. подписан Александром II.

¹ Там же. С. 171–173.

Глава 3 МЕТОДЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО НАДЗОРА И СЫСКА

1. Агентурный надзор

Создание III Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, реорганизация управления жандармскими частями если и не сразу были замечены современниками (по словам М. А. Дмитриева, чиновника, служившего в департаментах московского Сената, об учреждении тайной полиции «официально никогда (...) объявлено не было»¹), то скоро стали факторами непосредственного влияния на жизнь россиян.

Кратким указом от 3 июля 1826 г. «О присоединении Особенной Канцелярии Министерства Внутренних дел к Собственной Его Величества Канцелярии» устанавливалось, что к ведению нового учреждения относились «все распоряжения и известия по всем вообще случаям высшей полиции»². Лишь общих принципов организации и управления жандармскими частями касалось «Положение о корпусе жандармов» от 28 апреля 1827 г. Целям и методам жандармского надзора была посвящена специальная инструкция шефа жандармов графа А. Х. Бенкендорфа для офицеров корпуса³, но она была секретной и мало кому известной.

В последекабристской России создание охранительной структуры с неясными полномочиями и негласным образом действия было встречено настороженно-негативно. Во «всеподданнейшем» отчете III Отделения за 1829 г. отмечалось: «Институт этот при его учреждении внес всеобщее смятение в настроение общества»⁴. Ведомство, занятое обеспечением спокойствия и государственной безопасности, воспринималось как наследник прежних органов тайного сыска и не могло рассчитывать на общественную поддержку.

¹ Дмитриев М. А. Главы из воспоминаний моей жизни. М., 1998. С. 257.

² Полное собрание законов Российской империи. 2-е собр. Т. 1. № 449.

³ Инструкция графа Бенкендорфа чиновнику III Отделения // Русский архив, 1889. № 7. С. 396–397.

⁴ Россия под надзором. Отчеты III отделения. 1827–1869. М., 2006. С. 61.

М. А. Дмитриев, «с большим трудом» достав текст жандармской инструкции, полагал, что цели «тайно изыскивать виноватых и правых, порочных и добродетельных, дабы первых наказывать, а вторых награждать, особенно же преследовать взяточников», не могли вызвать одобрения, потому как жандармам позволялось «путаться во все дела, и судебные, и семейные». Мемуарист иронизировал над уподоблением жандармов духовным отцам и расчетом на то, что нравственный авторитет жандарма позволит приобрести ему многочисленных сотрудников и помощников.

Не идиллические ценности справедливости и всеобщего уважения, а деньги влекли к чином тайной полиции. М. А. Дмитриев писал: «Москва наполнилась шпионами. Все промотавшиеся купеческие сынки, вся бродячая дрянь, не способная к делам службы; весь обор человеческого общества подвинулись отыскивать добро и зло, загребая с двух сторон деньги: и от жандармов за шпионство, и от честных людей, угрожая доносом»¹.

«Вскоре никто не был спокоен из служащих; а в домах боялись собственных людей, потому что их подкупали, боялись даже некоторых лиц, принадлежащих к порядочному обществу и даже к высшему званию, потому что о некоторых проходил слух, что они принадлежат к тайной полиции»², – продолжал М. А. Дмитриев, описывая атмосферу страха и подозрительности, воцарившуюся в русском обществе.

Предложение явно превышало спрос. Управляющий III Отделением М. Я. фон Фок писал А. Х. Бенкендорфу 13 августа 1826 г. из северной столицы: «Деятельность надзора растет с каждым днем, и у меня едва хватает времени для принятия и записывания всех заявлений»³. В то же время профессионал политического сыска считал, что круг действий надзора «недостаточно обширен, потому что и средства его ограничены»⁴. Первой причиной, сковывающей деятельность сыска, он назвал противодействие со стороны обычной полиции, руководствующейся «служебной завистью». Для изменения ситуации и расширения системы надзора, по его мнению, необходимо использовать меры, которые «не имеют ничего позорного в нравственном отношении и вовсе не убыточны в денежном»⁵. М. Я. фон Фок предлагал «допустить, под покровительством надзора,

¹ Дмитриев М. А. Указ. соч. С. 258–260.

² Там же. С. 260.

³ Петербургское общество при восшествии на престол императора Николая. По донесениям М. Я. Фока – А. Х. Бенкендорфу // Николай Первый и его время. Т. 2. С. 75.

⁴ Петербургское общество при восшествии на престол императора Николая. С. 70.

⁵ Там же. С. 71.

какие-нибудь сборища, в которых можно было бы устроить наблюдательные кружки»¹. Идея не оригинальна, но использование внутренней агентуры в кружках, салонах, обществах со временем привело бы к появлению системы провокации, инспирирования и разоблачения подконтрольных надзору «оппозиционных» структур.

Вторая его идея – это своеобразный бизнес-план, позволявший перевести надзор при традиционной нехватке денежных средств на самофинансирование. Для реализации этого проекта предлагалось «предоставить в распоряжение надзора сумму в 50 000 рублей, для раздачи оной под залог недвижимых имений и ценных вещей – в виде займа и за умеренный процент; эта операция будет служить источником средств как для поддержки старых связей, так и для образования новых повсюду, во всех классах общества»². Ясно, что идея родилась не на пустом месте: многочисленные «сотрудники», рекрутируемые с социального дна, готовы были выполнять любые задания за минимальные средства, за ссуду, за средства от заклада имущества. Идея не была воплощена, но шефу жандармов очень понравилась.

Значительная часть осведомителей и не требовала денежных поощрений, рассчитывая на признательность полиции, довольствуясь осознанием особого характера доверительных отношений с секретной службой. Например, чиновник Нефедьев – «ходячая энциклопедия», имеет связи в высшем и среднем обществе, «честолюбив и жаждет почестей». «С этим господином не знаешь никаких затруднений: ни жалованья, ни расходов», – писал М. Я. фон Фок. Другая персона – граф Лев Соллогуб, «человек скромный и способный выполнять даваемые ему поручения». Использовать его очень выгодно, так как «никакого жалованья, никаких расходов», правда, оговаривается, что он надеется «быть покровительствуемым во всем, что касается ведения интересующего его дела», а дело, «от которого зависит определение его положения, будет решаться в Комитете министров»³. То есть Л. Соллогуб готов был служить за протекцию в решении его дела. 19 июля 1826 г. М. Я. фон Фок направил А. Х. Бенкендорфу целую тетрадь записок, которую прислал для него писатель С. И. Висковатов⁴. Он же сообщал, что «писательница и умная женщина» Пучкова и ее сестра Наталья «служат полиции под покровительством князя Алекс.

¹ Петербургское общество при восшествии на престол императора Николая. С. 71.

² Там же.

³ Петербургское общество при восшествии на престол императора Николая // Русская старина, 1881. № 9. С. 168–169.

⁴ Там же. С. 172.

Голицына»¹. Этот тип секретных сотрудников можно определить, как энтузиастов, служивших за идею, руководствовавшихся некими внутренними мотивами.

Другой тип – это оплачиваемые агенты, выполняющие разнообразные задания за жалованье. О том, как функционировала эта группа надзора, свидетельствовал П. А. Вяземский – со слов приятеля А. И. Тургенева, оказавшегося вовлеченным в надзор. Однажды к этому приятелю обратился знакомый мелкий чиновник, связанный с тайной полицией: «Вы всегда были так милостивы ко мне, окажите и ныне особую и великую милость. Вы хорошо знакомы с А. И. Тургеневым и в обществе встречаетесь с ним нередко. Мне по начальству поручено надсматривать и следить за ним и ежедневно доставлять репортничку о взглядах и действиях его. А как мне уследить за ним? Он с утра до поздней ночи колесит по городу из конца в конец. Да таким образом в три дня на одних извозчиков растрачу все свое месячное жалованье. Помогите мне: дайте мне материала для моих репортничек»². Две недели они составляли такие письма, мистифицируя тайную полицию. Конечно, это уникальный случай, но показательный.

Какую-то информацию получала полиция от домашних слуг. М. Я. фон Фок, правда, весьма в абстрактном виде сообщал 15 августа 1826 г., что «люди высокопоставленные и могущественные (...), судя по доносам их прислуги, часто выражают недовольство правительством...»³

Все это создавало общую атмосферу подозрительности. Когда А. И. Герцен отправлялся в конце 1839 г. в С.-Петербург, отец его предупреждал: «Бога ради, будь осторожен, бойся всех, от кондуктора в дилижансе до моих знакомых, к которым я даю тебе письма, не доверяйся никому. Петербург теперь не то, что был в наше время, там во всяком обществе, наверное, есть муха или две. *Tiens toi pour averti*»⁴. По прибытии в столицу он буквально в первом разговоре с родственником при истопнике затронул тему событий 14 декабря. «Родственник, не меняя нисколько лица, одними зрчками телеграфировал мне упрек, совет, предостережение», – писал А. И. Герцен. А когда истопник ушел, принялся его упрекать за то, что он коснулся «такого скабрезного предмета, да еще по-русски». Перед уходом, предупредив, что ходящий в отель цирюльник явно связан с полици-

¹ Петербургское общество при восшествии на престол императора Николая // Николай первый и его время. С. 75.

² Вяземский П. А. Старая записная книжка. М., 2003. С. 272–273.

³ Петербургское общество при восшествии на престол императора Николая // Николай первый и его время. С. 77.

⁴ Герцен А. И. Собр. соч. Т. 9. С. 48. Намотай это себе на ус (*франц.*)

ей, так как «болтает всякий вздор», т. е. провоцирует, вызывает на разговор по опасным сюжетам. Иронию А. И. Герцена: «Ну, а прачка тоже числится по корпусу жандармов?» петербуржец не оценил, прощески сказав: «Смейтесь, смейтесь, вы скорее другого попадетесь»¹.

Политические «заморозки» 1848 г. вновь спровоцировали рост тревожности. А. Я. Панаева вспоминала, как И. И. Панаева и Н. А. Некрасова приглашали в III Отделение к графу А. Ф. Орлову для предупреждения, что «им несдобровать», если «Современник» «будет держаться прежнего направления». Настороженность, предчувствие опасности побуждали к более внимательному отношению к окружающим, что позволило открыть «агента» в собственном доме. Прислуживавший у Панаевых мальчик Василий сознался в том, что «какие-то личности настращали его и обязали каждый день доносить обо всем, что делается у нас», он же сообщил, что «дворник нашего дома тоже доносит, кто бывает у нас». Панаевы решили подыграть охранителям: «Так как все мы были очень осторожны в разговорах и у нас не было никаких тайных обществ, то я разрешила ему передавать бюллетени о нашем поведении каждый вечер»². Надзор, конечно, был обманут, но своего добился: теперь в этом доме все были «очень осторожны в разговорах».

Заметила А. Я. Панаева и перемены в поведении остановившегося у них проездом В. П. Боткина, который после ареста петрашевцев постоянно сетовал, что «мы слишком неосторожно говорим при прислуге», требовал вернуть для уничтожения все его письма и записки. Он уехал из Москвы, где боялся оставаться после того, как в каком-то доме среди молодежи выступил в поддержку переворота во Франции и «вследствие чего прослыл демократом». Поэтому поздний звонок в дверь квартиры Панаевых привел его в ужас и пробудил намерение бежать через черный ход. В конце концов хозяева дома вместе с гостем нашли его «лежащим на своей постели закутанным с головой одеялом»³. Страх перед возможными репрессиями не оставил от былого вольномыслия и следа.

Неясность намерений тайной полиции, неопределенность в трактовке запретное/разрешенное, преувеличенное представление о силе полиции и ее осведомленности заставляло брать на себя такие социальные роли, которые не предполагали лидерства в обществе, обеспечивали конформизм, вполне лояльное, даже подчиненное поведение. Страх ответственности за ложно истолкованные действия, слова,

¹ Герцен А. И. Собр. соч. Т. 9. С. 49.

² Панаева (Головачева) А. Я. Воспоминания. М., 1986. С. 186.

³ Там же. С. 187.

мысли; беззащитность перед политической полицией заставляли вести себя так, чтобы не навлечь подозрения в неблагонадежности и даже в литературном творчестве обеспечивали самоцензуру более жесткую, чем цензура официальная.

Была ли реальной опасность для бытового вольномыслия? Об этом можно только догадываться. Управляющий III Отделением Л. В. Дубельт записал в дневнике состоявшийся в конце октября 1855 г. разговор с графом Ф. В. Ридигером, командующим гвардейскими и гренадерскими корпусами в С.-Петербурге. Ф. В. Ридигер считал, что, несмотря на затишье («никогда не было у нас такой тишины и спокойствия, как теперь!»), для предотвращения повторения ужасов французской революции в Петербурге «необходимо усугубить всеобщее наблюдение» и особенно иметь своих агентов в «знатных домах», ибо Россия находится «в преддверии французских ужасов XVIII столетия»¹.

Л. В. Дубельт с подобной оценкой состояния общества не согласился. «Я отвечал ему, – писал управляющий III Отделением, – что с признательностью принимаю совет об усугублении наблюдения, тем более что, без сомнения, и в С.-Петербурге, и в Москве, и в губерниях есть люди неблагонамеренные, но устроенной между собой связи они не имеют, и смею думать, что мы, благодаря бога, еще очень далеки от того, чтобы у нас была такая революция...»²

На предложение подтвердить свои опасения фактами Ф. В. Ридигер охотно откликнулся. «Ищите в высших слоях общества, – сказал он, – доколе Россию держала ежовая рука, они все были в страхе, вторую половину царствования императора Николая Павловича можно назвать терроризмом, и оттого никто не осмеливался говорить ему правды, и от этого он делал много ошибок. Теперь, когда после такого терроризма настало царствование кроткое, то все эти недоброжелатели в высшем обществе перестали бояться и готовы на все преступное»³. Указав, что необходимо обратить особое внимание на Москву, Ф. В. Ридигер принялся поучать Л. В. Дубельта: «Слава богу, что здесь все тихо, никогда не было столь продолжительной тишины и спокойствия; только жаль, что городская полиция ограничивает свои действия одним наблюдением за наружным порядком и мало обращает внимания на то, что делается в трактирах, харчевнях и кабаках, а высшая полиция должна бы иметь своих агентов, пре-

¹ Дубельт Л. В. Дневник // Российский архив. Т. 6. С. 293.

² Там же.

³ Там же.

имущественно женщин, в знатных домах, как то было мною устроено в Варшаве»¹.

Л. В. Дубельт весьма оригинально парировал тираду Ф. В. Редигера: «...между теми лицами, которые сообщают мне различные известия, есть одиннадцать женщин, даже и такие, которые бывают в высшем обществе, но устроить такое наблюдение, какое угодно ему, мы не имеем ни средств, ни возможности, что оно даже противно нашей инструкции и, как кажется, не настоит в том еще и надобности как потому, что высшее общество не заслужило такого подозрения и не дало повода прибегать к таким усиленным и для него унижительным мерам, так и по той причине, что подобное наблюдение в недрах знатных семейств неминуемо обнаружится, огорчит всех, и мы сами, так сказать, родим недовольных против правительства»².

Рассуждения Л. В. Дубельта убедительно свидетельствуют о зачаточном состоянии тайного надзора, скованного моральными ограничениями допустимого поведения в обществе. Предложения графа Ф. В. Редигера кажутся ему абсурдными, явно излишними («...граф Редигер или нас принимает за дураков, или сам, как Тартюф, желает такими предостережениями только высказать свою бескорыстную преданность правительству»³).

Для Л. В. Дубельта задачи изменения методов деятельности тайной полиции вообще не существовало. Для этого не только не имелось средств, но и не была осознана потребность возможной реорганизации. Ссылка на то, что предлагаемые меры усиленного надзора противоречат жандармской инструкции, – явная отговорка. III Отделение не дождалось, когда, согласно этому жандармскому катехизису, «всякий гражданин, любящий свое отечество», «потщится» содействовать полиции и воляется в число ее «многочисленных сотрудников и помощников», а весьма активно искало крамолу через своих осведомителей (ведь только женщин-агентов было, по словам Л. В. Дубельта, одиннадцать). Эта цифра, скорее всего, преувеличена. Управляющий III Отделением, как видно из сделанной им записи, не был настроен на откровенный, доверительный тон, а лишь стремился развеять опасения графа Ф. В. Редигера.

Но граф Ф. В. Редигер на этом не успокоился. «Конфиденциальная записка», составленная в августе 1855 г., в июле 1856 г. была дополнена примечаниями и, видимо, представлена высшему начальству. В этом документе Ф. В. Редигер особо касался проблем высшей

¹ Дубельт Л. В. Дневник // Российский архив. Т. 6. С. 294.

² Там же.

³ Там же.

полиции: «В обыкновенное время, наши учреждения тайного надзора, пожалуй, могли бы почитаться достаточными. В настоящее же время эти старые учреждения по многим причинам едва ли не окажутся на опыте недостаточными уже по одной гласности своей». Их действия он сравнивал с работой пожарной команды, которая стоит на страже государства: «...она должна смотреть, не развлекаясь ничем, чтобы при малейшем опасном признаке подать весть и двинуть меры правительства для потушения пожара». Но замечал, что «от пожарной команды (...) трудно требовать, чтобы она занималась раскрытием и предотвращением всех подобных случаев, в настоящее время подготовляющих пожары. Меры, употребляемые ею, слишком известны – к ним уже приобыкли»¹.

Главная идея записки – необходимость создать особую военную полицию, которая, «облегчая тайную полицию, уже существующую, будет давать ей верное направление, указывая, где ей должно особенно присматриваться и прислушиваться». Указывает он и на средства, которые должны обеспечить эффективность действий полиции. Это привлечение для надзора евреев («для хорошо устроенной тайной полиции это драгоценный источник к почерпанию сведений из разных мест; но так, чтобы они не знали, с кем имеют дело»), а также «женщин свободной жизни» (многие из них в разных случаях были употребляемы с незаменимою пользою») и «крикунов», т. е. лиц «с воспаленным воображением, напитанных утопиями за границей»².

Ф. В. Редигер замечал: «Хорошо устроенная тайная полиция очень легко наблюдает за ними, и в случае каких-либо пояснений, не только что может их заставлять выговариваться, но и ловким образом соделать их своими агентами, которые, не подозревая того, будут с успехом действовать по всем направлениям, которые им будет давать умный агент. Так действовали во Франции в разные эпохи и так отчасти здесь – в деле Петрашевского»³.

Сознавая неминуемое пробуждение общественной жизни, граф Ф. В. Редигер видел гарантию безопасности в создании более эффективной, изоциренной системы надзора и сыска. Отчитываясь об очередной беседе с графом, Л. В. Дубельт сообщил шефу жандармов А. Ф. Орлову 23 октября 1855 г.: «Граф Нессельроде говорил мне, что гр. Редигера подстрекает Липранди»⁴. Это суждение кажется весьма

¹ Конфиденциальная записка, составленная генерал-адъютантом графом Редигером в августе 1855 г. // Русская старина, 1905. № 6. С. 627.

² Там же. С. 611–614.

³ Там же. С. 614.

⁴ ГА РФ. Ф. 109. СА. Оп. 3. Д. 3211. Л. 36.

обоснованным. Влиятельный чиновник МВД И. П. Липранди после раскрытия в пику III Отделению дела М. В. Петрашевского был отправлен в отставку, оставшись фактически без средств к существованию. Свои знания, навыки, идеи он пытался неофициальным образом транслировать во власть, резонно полагая, что его фамилия под этими бумагами лишь погубит движение мысли, а потому на своем авторстве не настаивал.

Идеи Ф. В. Редигера, изложенные им в «Конфиденциальной записке», созвучны некоторым суждениям И. П. Липранди, сформулированным в более поздних документах. В июне 1861 г. последний писал старшему чиновнику III Отделения А. К. Гедерштерну, что готов «поделиться своею опытностью, но это лично только с Вами, ибо выше я не хочу иметь дела»¹. В одной из записок, рассуждая о возможности и целесообразности создания высшей тайной полиции в Царстве Польском, И. П. Липранди высказался об общих принципах надзора: «Политический отдел тайной полиции по программе своей имеет целью следить за всем, что имеет положительно вредное безопасности благосостоянию направление. Ее круг ограничивается только темною стороною народной и общественной жизни. Она должна предупреждать зло, и притом тогда, когда несколько еще не обозначилось, а только заготавливается обстоятельствами, по-видимому, не представляющими из себя никакой опасности, но не тогда, когда зло уже зародилось, и если не перешло еще в действия, то сомкнулось в какое-нибудь преступное злоупотребление или по меньшей мере носится в виде отдельных зловредных идей, толков, слухов, а пожалуй, и в проявлениях литературы»². Никаких особо оригинальных суждений текст И. П. Липранди не содержит, его идеи вполне укладывались в существовавшую концепцию превентивного надзора, интересна попытка теоретического осмысления практических действий высшей полиции.

Любопытно предлагаемое им структурирование содержания надзора: «Чтобы достигнуть своей цели, тайная полиция собирает самые верные и точные сведения о всех классах народа и общества, как они в настоящее время существуют, что составляет главные отличительные черты их современного положения, чем они занимаются и что их занимает, в чем состоят их действительные нужды, а также воображаемые мечтательные прихоти, и как сии последние в них возникли, о чем они думают, чего желают, к чему стремятся, сознательно или бессознательно, чем они довольны и чем недовольны. Словом, тай-

¹ РГИА. Ф. 673. Оп. 2. Д. 49. Л. 4.

² Там же. Л. 14.

ная полиция *изображает в настоящем виде* все сословия государства в их общественном положении и нравственном направлении»¹.

Насколько же реальная высшая полиция – III Отделение – была готова к реализации таких задач?

В исследовательской литературе деятельность секретной агентуры конца 1850-х – начала 1860-х гг. оценивается весьма сдержанно. Предваряя публикацию шпионских донесений, историк А. А. Шилов попытался составить портрет платного осведомителя 60-х гг. XIX в.: «Агент 60-х годов по большей части мелкий человек, зачастую неудачник, униженно выклянчивающий от своего начальства несколько рублей в счет будущего жалованья, часто авантюрист, заявляющий о своем желании послужить “царю и отечеству”. Кучер, лакей, дворник, мелкий служащий в типографии, где печатается оппозиционный журнал, мелкий сотрудник газеты, выгнанный за какие-нибудь провинности студент, выдающий себя за жертву политических репрессий...»² Некоторые выводы исследователя оспорил Н. Г. Розенблюм. Он считал, что А. А. Шилов исходил из неверного представления о том, что в 1860-х годах не существовало настоящих секретных сотрудников, и донесения агентов не выходили из пределов сообщений «о толках и слухах»³. Заключение Н. Г. Розенблюма справедливо, однако использование секретных сотрудников, под которыми понимаются лица, проникающие в ту или иную организацию, в кружок с целью надзора, в то время еще не стало системой.

Процесс реорганизации агентурного надзора напрямую связан с либерализацией и демократизацией общественной жизни. Деятельность различных организаций (комитетов, клубов, обществ), рост авторитета периодических изданий, отдельные сотрудники которых не внушали доверия правительству, – все это требовало бдительного надзора, выявления подлинных, с точки зрения властей, планов и действий. Естественное беспокойство тайной полицией вызывало распространение нелегальных изданий и антиправительственных прокламаций, студенческие волнения и другие проявления оппозиционной активности. Необходимо было не только фиксировать конкретные случаи, но и незамедлительно пресекать, выявлять «очаги» крамолы, инициаторов беспорядков. Наконец, общественное сочувствие к «инакомыслящим», порицание правительственных ре-

¹ Там же. Л. 14 об. – 15.

² Шилов А. А. П. Л. Лавров в донесениях «секретных сотрудников» III Отделения // Материалы для биографии П. Л. Лаврова. Вып. 1. Пг., 1921. С. 70.

³ Розенблюм Н. Г. Г. Г. Перетц – агент III Отделения // Литературное наследство. Т. 67. М., 1959. С. 697.

прессий – «произвола» – требовало от III Отделения обнаружения весомых улик для обеспечения судебной расправы. Все это было практически невозможно сделать без внутренней агентуры, без проникновения в наблюдаемую среду.

То, что рубеж 1850–1860-х гг. был периодом становления системы агентурной работы, подтверждали и сами жандармы. В записке управляющего III Отделением А. Ф. Шульца к исполнявшему должность шефа жандармов генерал-лейтенанту Н. Д. Селиверстову от 10 августа 1878 г. отмечалось: «...с первых времен учреждения III Отделения не выдвигалось потребности в учреждении секретной агентуры в обширных размерах. Лишь с конца пятидесятых и начала шестидесятых годов за появившимся брожением среди молодежи обращено внимание на эту отрасль деятельности, и тогда уже возникла агентура...»¹

О том, что эта задача была серьезной кадровой проблемой, явно свидетельствует переписка В. А. Долгорукова и А. Е. Тимашева. В конце июня 1857 г., получив анонимное письмо о существовании в Москве заговора, руководство III Отделения стало решать, кого можно послать для проведения дознания. Шеф жандармов предлагал направить агента Чулкова или агента, писавшего о городских слухах и толках, ибо тот «человек не глупый». А. Е. Тимашев возражал (из его записки видно, сколь мало вникал В. А. Долгоруков в конкретные дела полиции): «Чулкова я употреблял неоднократно, он не лишен смысла и некоторой ловкости для дознаний полицейских, но только полицейских. Поручение же, о котором идет речь, свыше его способностей, а главное – образования (...). Агента, пишущего о городских толках, признаюсь, не считаю ни довольно основательным, ни достаточно верным, а потому решился послать Гедерштерна, которого считаю ловким, вкрадчивым, светски образованным и, кроме того, сведущего по части тайных обществ». Отправлялся А. К. Гедерштерн под видом эстляндского помещика и брал с собой двух агентов «для трактиров и харчевен». Помимо проверки письма от поездки в Москву ожидали, что она принесет пользу, «ближе ознакомив (...) с толками и пересудами, которых там много в настоящее время, а известиями о них из Москвы мы не богаты»².

Из Москвы наблюдатель проследовал в Нижний Новгород, на ярмарку, где, по словам автора письма, должны были собраться заговорщики. О своей надзорной деятельности А. К. Гедерштерн постоянно информировал начальство: «Помещики вообще имеют привычку со-

¹ *Богучарский В.* В 1878 // *Голос минувшего*, 1917. № 9–10. С. 109.

² ГА РФ. Ф. 109. СА. Оп. 1. Д. 81. Л. 6, 8–9.

бираться на нижегородскую ярмарку попозже, около 10 августа, и по сему, вероятно, на днях их будет здесь побольше. Действительный надзор за ними при здешних расстояниях и здешнем рассеянном образе жизни, откровенно сказать, невозможен, хотя бы оным занимались и с гораздо большими средствами противу моих. По неимению в виду никаких указаний, ни на лиц, ни же на какие-либо обстоятельства, могущие руководить наблюдателей, один случай разве поведет к обнаружению замыслов, если допустить, что таковые существуют, а не суть химерою или злою мистификациею со стороны сочинителя письма»¹.

А. К. Федерштерн рассчитывал, что его «главный агент» – надворный советник Тиль – через своего друга детства, помещика Званцова сумеет «познакомиться с некоторыми помещиками и дворянами и попасть в их круг». Его же секретная миссия оказалась провалена: «Что касается до меня, то я должен воздержаться от сближения с обществом дворян, ибо за мной стала следить тут полиция, как заметил подполковник корпуса жандармов Коптев, с того вечера, когда фокусник Герман, узнав меня в цирке и поклонившись мне, удовлетворил вслед за тем любопытству на счет мой полицеймейстера Лапе, сидевшего с ним рядом. Лапа, будучи знаком здесь со всеми, легко может меня выдать, и последствия от того могли бы быть весьма неприятные для меня, и вместе с тем вредные для самой службы. Посему, сделал с моей стороны все, что только мог, и дав Тиллю подробные и строгие наставления, с поручением его покровительству подполковника Коптева, буде в том встретится надобность, я решился уехать отсюда в Москву»². Несколько скорее лирических, чем политических донесений из Москвы и Нижнего Новгорода – таков результат служебной командировки ответственного сотрудника III Отделения в российскую глубинку.

Как видим, руководство III Отделения было крайне ограничено не только в возможности использовать для сыска квалифицированных агентов, но не имело к тому же достаточных источников информации. Вот почему за неимением толковых агентов собирать московские толки и пересуды было поручено старшему чиновнику III Отделения.

Поправить положение дел руководство III Отделения стремились весьма оригинальным, но традиционным для любой тайной полиции способом. 23 октября 1857 г. кто-то из высших чиновников III Отделения подготовил свои предложения шефу жандармов. Ос-

¹ Там же. Д. 3214. Л. 50.

² Там же. Л. 50 об.

новой для них послужили указания управляющего III Отделением А. Е. Тимашева «о представляющейся при настоящих обстоятельствах необходимости приобрести содействие полиции [исполнительной] для пополнения наших собственных агентов сведениями, обращающимися в нашем кругу жителей, и для наблюдений и справок, более удобных членам исполнительной власти»¹. В записке речь шла о привлечении на сторону III Отделения чиновника с.-петербургского обер-полицмейстера П. А. Шувалова и титулярного советника Соколова.

Деликатно оговаривая необходимость «предварительного согласия» П. А. Шувалова, чиновник III Отделения тут же предлагал такие условия сотрудничества, которые исключали какой-либо факт огласки двойного служения: «Конечно, за Соколовым необходимо присматривать и вместе с тем поставить его так, чтобы он чувствовал свою зависимость от III Отделения, определив ему от нас непосредственно вознаграждение за его труды; это послужит лучшим средством для предпочтительного сообщения им нам дознаний, заслуживающих уважения». Такой сотрудник мог принести III Отделению значительную пользу: «...имея же по настоящей его службе как винный пристав и попечитель девок и, наконец, как приближенный обер-полицмейстеру чиновник, которому вся полиция обязана будет содействовать в его разведаниях, огромные средства к раскрытию всего, что могло бы таиться или готовиться к взрыву в низших и средних слоях столичного общества...»²

Реальность этого плана обосновывалась невысокими моральными качествами чиновника: «Соколов игрок и вообще человек довольно безнравственный, но он умен и рассудителен и имеет обширный круг знакомств», кроме того, сообщалось, что ранее за «нечистые действия» он потерял место столоначальника в канцелярии военного генерал-губернатора³. Таким образом, предлагалось решить сразу две задачи: получить прекрасный источник информации и установить контроль над действиями С.-Петербургской полиции, исключая тем самым повторения «открытий», подобных кружку Петрашевского, выявленного чинами МВД, а не тайной полицией. Скорее всего этот план реализован не был, и проблема недостатка информации была решена официально, после чего в материалах тайной полиции стали появляться подборки сообщений, начинавшиеся словами «в секретных сведениях С.-Петербургской полиции (...) заслуживают внима-

¹ ГА РФ. Ф. 109. СА. Оп. 3. Д. 782. Л. 2 об.

² Там же.

³ Там же. Л. 2.

ния III Отделения следующие статьи...»¹ или «сообщено агентами Наумовым и Карауловым (С.-Петербургская полиция)»².

После того как III Отделение стало получать информацию столичной полиции, обнаружались неожиданные обстоятельства. Тот же чиновник III Отделения 12 ноября 1857 г. сообщал шефу жандармов: «Многие и притом главнейшие сведения доставлены С.-Петербургскою полициею, слышал я от одного из моих агентов, а именно от мещанина Наумова, употребляемого мною для разведывания между простым классом людей (...). Я выразил ему мое подозрение, что он служит по двум частям, и заставил его сознаться, что он сделался агентом и исполнительный полиции. При сем Наумов говорил, что так как он не может существовать на 50 руб. в месяц, которые я ему плачу, то он принял предложение кол. секр. Соколова, занимающегося по секретной части у гр. Шувалова, ездить два и [ли] три раза в неделю по Николаевской [железной] дороге до станции Бологово [так в тексте. – О. А.] и обратно и бывать здесь в трактирах и игорных обществах для узнавания народных толков и вредных происков». Далее отмечалось, что Наумов «потерял последнее доверие», но «поелику мы *ныне действуем с полициею*, так сказать, заодно, то я не вижу достаточной причины, чтобы прогнать от себя Наумова, который при случае может быть полезен»³.

Помимо того, что полиция исполнительная опередила III Отделение на этот раз по части перевербовки агентуры, весьма важным является признание установившейся унии двух полиций.

Этот союз зафиксирован и в «Политическом обозрении» отчета III Отделения за 1857 г. Там же отмечались причины, побудившие усилить надзор за общественными настроениями. В. А. Долгоруков докладывал императору: «В 1857 г. внутреннее положение государства заслуживало особенного внимания. Важные преобразования в нем произведенные, как то уменьшение армии и флота, сокращение штатов, понижение банковских процентов, изменения в тарифах, в особенности же мероприятия к улучшению быта помещичьих крестьян, должны были неминуемо возбудить некоторое волнение в умах, и потому направление их требовало самого бдительного наблюдения. Для достижения этой цели независимо от средств, употребленных по всем губерниям со стороны корпуса жандармов, тайный надзор за сословиями здешней столицы усилен был совокупным единоклассным действием III Отделения с местною полициею и увеличе-

¹ Там же. Д. 2853. Л. 71.

² Там же. Д. 3216. Л. 125.

³ Там же. Д. 592. Л. 1–2.

нием способов сей последней (...). Соединенные таким образом меры послужили к обнаружению проявлявшихся иногда неудовольствий на разные нововведения, или опрометчивых суждений о распоряжениях высшего начальства; но неблагоприятные последствия, которые могли бы от того произойти, предупреждались вовремя, и отечество наше было бы вполне счастливо, если бы все лета его существования протекали так же благополучно, как 1857 год»¹.

Однако этот союз был мерой вынужденной. III Отделение продолжало пристально наблюдать за промахами, упущениями столичной полиции, которая в свою очередь должна была постоянно демонстрировать эффективность своей службы, поэтому конкурентное соперничество и свои маленькие тайны продолжали существовать. Подтверждением этому могут служить сведения, полученные III Отделением 9 сентября 1860 г. Сообщая о распространившихся по городу слухах о переводе С.-Петербургского обер-полицмейстера А. Л. Потапова в Москву, агент пересказывал слова, якобы сказанные Потаповым «находящемуся при нем на вакансии переводчика отставному поручику Мейверсу, тому самому, который недавно сообщил агенту нашему некоторые подробности о слухах на Варшавской железной дороге, что если он будет продолжать знакомство с агентом и сообщать ему разные сведения для передачи в 3 отделение, то он его не возьмет с собою в Москву»².

Наличие четкой коммуникационной цепочки позволяет допустить достоверность сведений о выявленном канале утечки полицейской информации. Разрешалось и поощрялось официальное сотрудничество, но не тайное осведомительство о делах столичной полиции. Причем видно, что политическая полиция не билась за сохранение за собой монополии на политические дела. 31 августа 1860 г. в сводке отмечалось о безрезультатных поисках агента Наумова, «которому поручено было гр. Шуваловым (курсив мой. – О. А.) разведать, кем списаны и распространены копии с проекта об уничтожении крепостного состояния, составленного г. Соловьевым и представленного покойным генерал-адъютантом Ростовцевым Государю Императору»³.

Особую изобретательность проявил пристав исполнительных дел Васильевской части С.-Петербурга, узнав о «сборищах у сестер Журавских», где собираются от 30 до 60 поляков, он разместился в соседней комнате и «отделил часть штукатурки от смежной стены, чтобы лучше расслышать происходящие у Журавских разговоры».

¹ Россия под надзором. С. 446.

² ГА РФ. Ф. 109. СА. Оп. 3. Д. 3231. Л. 17 об.

³ Там же. Д. 3230. Л. 93.

Наблюдение это могло принести какие-то результаты, но пока «до него доходили только нелепые слова о надежде на восстание в Царстве Польском»¹.

Каким же образом собирались интересующие полицию сведения?

Агентурные донесения часто начинаются словами: «В Новознаменской гостинице, в бильярдной толковали...»², «3 числа в 5 утра в черной харчевне у Самсоньевского моста до 40 чел. извошников, рассуждая о крестьянском деле, говорили...»³, «в кафе-ресторане Вольфа 4 гвардейских офицера и отставной поручик Степанов разговорились в бильярдной комнате о политике...»⁴, «в Гостином дворе приказчики и хозяйские сыновья, заведя между собой рассуждения...»⁵, «в Волковских банях велся крайне оживленный разговор...»⁶ и т. д.

Места скопления и времяпрепровождения народа находились под пристальным вниманием агентов полиции. Здесь были свои особенности в выборе объектов для наблюдения. Например, одна мелочная лавка привлекала к себе внимание надзора тем, что «в означенной лавке продается водка, почему туда собирается много народа»⁷, в другом заведении (у кухмистра Алексева) надзор признали неперспективным, поскольку там «разговоров не было решительно никаких, и как там вовсе нет газет, то все, отобедавши, расходятся»⁸, напротив, «в Новопалкинском трактире собираются вечером разные лица у буфета и ведут разговор о правительстве и о прочем. Тут разбираются ими разные сочинения, рассказываются новости, судят и рядят обо всем»⁹. Как сообщалось в одном из донесений, «видно, что разговоры о крестьянском деле постепенно принимают большие размеры, преимущественно в трактирных заведениях, где народ после употребления крепких напитков делается словоохотливее и откровеннее»¹⁰.

В канун крестьянской реформы агентам было четко указано, на что необходимо обратить внимание. Агенты должны были побывать в «главных кондитерских на Невском проспекте (где всегда встретить можно больших резонеров), в некоторых простых трактирах в разных частях города (посещаемых простыми купцами, приказчи-

¹ Там же. Д. 3234. Л. 89 об.

² Там же. Д. 3216. Л. 54.

³ Там же. Д. 3223. Л. 58.

⁴ Там же. Д. 3217. Л. 60 об.

⁵ Там же. Д. 3222. Л. 44 об.

⁶ Там же. Л. 45.

⁷ Там же. Д. 3229. Л. 23.

⁸ Там же. Л. 76.

⁹ Там же. Д. 3223. Л. 4 об.

¹⁰ Там же. Д. 3234. Л. 10.

ками и другими простолюдинами), в двух портерных; равно и кухмистра Алексеева (...где по дешевизне обеда собирается довольно разного звания небогатых людей, в том числе и скитающихся по городу поляков, живущих бог (...) знает какими средствами)»¹.

Неожиданный интерес к заведению Алексеева объяснялся полученной в начале февраля 1861 г. оперативной информацией. Подслушанная и переданная начальству фраза из разговора двух офицеров о том, что ему не надо запастись в дорогу пистолетами, так как у него дома есть три, послужила основанием для немедленного поручения: «...сделано распоряжение, чтобы у кухмистра Алексеева ежедневно обедали два агента, один от 1 до 3, а другой от 3 до 5 час.»².

Из имеющихся архивных материалов известно, как именно осуществлялось наблюдение. В первый день слежки, 3 февраля, докладывали, что у Алексеева «обедало всего 8 человек, между собой вовсе не знакомых, в том числе 5 офицеров и 3 в статском платье; обедал тот самый исключенный из николаевской инженерной академии, но без своего знакомого». «Разговоров не было никаких, и вообще ничего предосудительного там не замечено», – сообщал агент, добавляя, что, судя по расспросам, ранее, в конце января, собиралось немало офицеров инженерной академии, которые вели «много разговоров, довольно резких, так как никто не считал себя виноватыми», а потому репрессии в отношении слушателей считали необоснованными³.

Последующие сообщения типичны: «Вчера и сегодня ничего особенного не замечено». Ясно, что столь кратковременное наблюдение не могло гарантировать сколь-нибудь полный надзор за посетителями. И здесь вновь на помощь пришел добровольный помощник. Выяснилось, что рядом «занимает небольшую комнату, смежную со столовой, парикмахер Михайловского театра Иван Иванов, который может слышать все происходящие там разговоры»⁴. Теперь наблюдение можно было сделать более пристальным. Но полицейская активность вокруг кухмистерской Алексеева оказалась недолгой. 8 февраля 1861 г. полицейский чиновник докладывал шефу жандармов: «С самого начала учрежденного там наблюдения ничего особенного, заслуживающего какого-либо внимания не замечено, а потому испрашивается разрешение: следует ли продолжать посылать туда обедать назначенных для сего двух агентов, которые уже израсходовали взя-

¹ ГА РФ. Ф. 109. С.А. Оп. 3. Д. 1898. Л. 19.

² Там же. Д. 3234. Л. 71.

³ Там же. Л. 72.

⁴ Там же. Л. 81.

тые на 15 обедов билеты»¹. В. А. Долгоруков распорядился: «Можно прекратить, но время от времени наблюдать»². В данном случае служба оказалась не опасной, а сытной.

В то же время посещение этой кухмистерской убедило политическую полицию в необходимости надзора за подобными заведениями: «При учреждении более близкого наблюдения за студентами как университета, так и медико-хирургической академии представилось полезным посылать секретных агентов в трактиры и кондитерские заведения, где преимущественно обедают и собираются по вечерам студенты. Трактиры эти приводятся в известность, и из числа оных главным сборным местом на Васильевском острове есть «Золотой якорь». Что же касается до кухмистерских, то большая часть оных не имеет вывесок, и потому агентам очень трудно их отыскать, спрос же полиции с их стороны мог бы обратить внимание»³. Тут же выяснилось, что нет никакой необходимости в афишировании своего интереса перед полицией исполнительной, так как такие сведения были уже ранее получены от обер-полицмейстера.

Несколько сохранившихся итоговых полицейских рапортов показывают, чего именно опасались власти. 18 февраля 1861 г. внимание полиции преимущественно было обращено на простой народ и студентов, но оснований для беспокойства не выявили: «Судя по всем донесениям агентов, побывавших сегодня во всех частях города и следивших за расположением умов, в особенности, как приказано было, студентов и народа, нельзя предположить, чтобы завтра могли быть какие-нибудь беспорядки, если они не будут вызваны какою-либо случайностью. Народ, узнав, что ожидаемое освобождение им будет объявлено постом, успокоился, по-видимому, и везде воссылает к Всевышнему молитву за государя; в среднем классе хотя и носятся тревожные слухи, но постепенно рассеваются по прочтении довольно положительного объявления о крестьянском деле, помещенном сегодня в «Северной пчеле»»⁴.

Официальное разъяснение успокоило взволнованные долгим ожиданием массы. Но наблюдение продолжалось и в ночное время, в связи с чем агентам были даны дополнительные инструкции: «Согласно сегодняшнему приказанию сделано распоряжение, чтобы все агенты исключительно занялись в течение дня и части ночи разведыванием в местах, где собираются студенты, в особенности поля-

¹ Там же. Л. 90 об.

² Там же. Л. 90.

³ Там же. Л. 79–79 об.

⁴ ГА РФ. Ф. 109. С.А. Оп. 3. Д. 3234. Л. 121 об.

ки, и в некоторых кварталах, где могут быть народные сходбища, не обнаружатся ли какие-нибудь преступные замыслы на завтрашний день. Все, что агентами будет замечено, приказано им донести не позже завтрашнего утра до 8 часов, в случае же узнания чего-либо еще сегодня, то об этом сообщить немедленно. Независимо от сего, агентам приказано находиться завтра на тех пунктах, где можно предположить более значительное стечение народа»¹.

В более спокойное время агенты были ориентированы на фиксирование общественных настроений, сбор слухов и пересудов. В октябре 1857 г. полицейские наблюдатели утверждали, что «в черном народе» еще нет общих толков и настроений: «Конечно, проявляются иногда вопросы: скоро ли будет государь, не будет ли нам какая милость, дай-то господи, чтобы государь нас порадовал в чем-нибудь к новому году – но это только частные болтовни, ибо в народных скопищах, как, например, на Сенной, в Гостином дворе, на Толкучем рынке или в торговых банях, общих разговоров и рассуждений об этом не замечен, там по большей части народ говорит о своей торговле, мастерстве, выручке и убытке, о семейных обстоятельствах и проч. Не углубляясь в предметы, до правительства относящиеся, из боязни или из врожденного в русском народе ко всему равнодушию»².

Аналогичные суждения встречались в сводках в мае 1859 г.: «...в мыслях здешней черни вообще не заключается никаких вредных толков», «ничего не заметно и быть не может, ибо черный рабочий народ и вообще низшие классы людей оброчных сословий так тесно связаны обязанностями их перед старшими, или зависят от ежедневных забот существования трудами своими, что не имеют никакой возможности, надобности или охоты заниматься посторонними промыслениями из опасения лишиться верного куска хлеба, а потому идет все здесь и будет постоянно идти ежедневным своим порядком и благоустроенною тишиною и повиновением»³. Судя по лексике донесения, последнее суждение скорее основывается на стереотипных представлениях о народных настроениях, чем на результатах конкретных наблюдений.

Помимо общего надзора, агенты выполняли и конкретные поручения своего руководства. Слух о беспорядках в Константиновском кадетском корпусе побудил послать туда агента, «дабы он через слушателей узнал о справедливости этого слуха»⁴. В марте 1861 г. вы-

¹ ГА РФ. Ф. 109. С.А. Оп. 3. Д. 3234. Л. 122.

² Там же. Д. 3215. Л. 8 об.

³ Там же. Д. 3218. Л. 163.

⁴ Там же. Д. 3215. Л. 27.

шло распоряжение, чтобы один из агентов постарался «*пробратся вместе с прислугой*» (курсив мой. – О. А.) на обед, который дается (...) по поводу 50-летнего юбилея актера Сосницкого. Другим агентам поручено находиться сегодня вечером в общественных местах, где обыкновенно собираются актеры, дабы прислушаться к их разговорам о происходившем на означенном обеде». Полицейская бдительность явно превысила общественный резонанс события: «Довольно замечательно, что об этом обеде мало знают и говорят об оном только в самых тесных кружках...»¹

В начале 1858 г. у руководителей политической полиции еще вызвали интерес разные забавные случаи: «Противу рассказа нашего агента о покушении жандармской лошади во время последнего парада на соломенную шляпу одной слишком любознательной дамы Ваше Сиятельство изволили отметить “Правда ли?” Агент, быв спрошен, отвечал, что слышал помянутый рассказ в клубе от одного из членов, бывшего якобы свидетелем происшествия, но что, впрочем, не может ручаться за полную истину повествования, напоминающего сюжет известной французской комедии “Une charreau de paille d’Italie”»².

В канун объявления об отмене крепостного права полицейское начальство интересовала уже степень лояльности войск: «Агенты, которым поручено следить за образом мыслей и суждениями солдат, доносят, что в разговорах с нижними чинами разных полков о том, что они будут делать, если случится им усмирять бунт крестьян, солдаты полков Литовского, Волынского и Семеновского говорят, что сделают все, что прикажут им командиры их»³.

В зависимости от объекта наблюдения различалась и тематика зафиксированных разговоров. Как сообщалось в одной из сводок агентурных донесений, «видно, что разговоры о крестьянском деле постепенно принимают большие размеры, преимущественно в трактирных заведениях, где народ после употребления крепких напитков делается словоохотливее и откровеннее»⁴.

Соответственно существовала и специализация. Упомянувшийся выше агент Наумов работал «между простым классом людей». Так, получив сведения, что в одной из портерных лавок читаются с предосторожностью запрещенные сочинения, агент, увидев, что там

¹ Там же. Д. 3235. Л. 38 об.

² Там же. Д. 3217. Л. 144. «Соломенная шляпка из Италии» или иначе «Шляпка из итальянской соломки» (*Примеч. ред.*).

³ Там же. Д. 3234. Л. 68.

⁴ Там же. Л. 10.

в отдельную комнату ходят, «люди хорошо одетые, и офицеры», не решился продолжить наблюдение, и III Отделение послало другого агента¹. Об агенте Фрейде известно, что «круг его деятельности сосредоточивался на Выборгской [стороне], в студентском обществе»². Агент Новопашенный использовался для надзора за студентами университета, а Н. Путерницкий употреблялся «для исполнения некоторых поручений по розыскам»³.

Издававшийся в Лондоне А. И. Герценом и Н. П. Огаревым «Колокол» быстро приобрел популярность в русском обществе. Бесцензурное, вольное слово воспринималось властью как серьезная угроза политическому строю, поэтому чтение и распространение герценовских изданий строго преследовалось. Со всех сторон в полицию поступали сведения о повсеместном распространении «лондонских листков».

Агент, побывавший в Ярославле, Костроме, Ростове и окрестных городах, сообщал: «Сочинения Искандера читаются в тех местах повсеместно. Почти все помещики имеют Колокол и Полярную звезду и раздают для чтения всем лицам, принадлежащим к среднему классу»⁴. В то время, когда III Отделение безуспешно участвовало в «самых тщательных секретных розысканиях» о литографировании «Колокола» в столице, используя не агента, а скорее добровольного помощника – «преданного нам литографа Бенке, имеющего при большом круге знакомых необыкновенную любознательность»⁵, другой агент доносил о распространяемых по городу рукописных сочинениях Герцена, в числе которых упоминалось письмо к Александру II, «в котором есть мысли высокие», и выражал готовность приобрести его для шефа жандармов⁶. Интересно, что эта реплика не содержит негативной оценки преследуемого издания.

Правда, легко приобрести запрещенные книги далеко не всегда получалось. В июле 1860 г. докладывали, что «по строгому разведыванию у букинистов, находящихся в Красном селе, в настоящее время не оказалось сочинений Герцена, но к ним беспрестанно обращаются с требованием достать таковых, в особенности журнал “Колокол”. Букинисты охотно соглашаются, берут задаток, но приносят другие книги»⁷. Тогда же было дано задание «подстеречь продажу “Колоко-

¹ ГА РФ. Ф. 109. С.А. Оп. 1. Д. 85. Л. 16.

² Там же. Д. 1327. Л. 1 об.

³ Там же. Д. 1494. Л. 2; С.А. Оп. 3. Д. 601. Л. 1–3.

⁴ Там же. Д. 3224. Л. 13 об.

⁵ Там же. Д. 3218. Л. 1.

⁶ Там же. Д. 3213. Л. 37.

⁷ Там же. Д. 3229. Л. 21.

ла" ездовым главной конюшни Одноколковым»¹, однако агентам не удалось выяснить, через кого она осуществлялась. В декабре 1858 г. агенту было поручено «завести разговор с Иероглифовым о сочинениях Герцена и изъявить желание их приобрести за плату», далее агент побывал у него в гостях и приобрел искомое². Как видно из другой справки III Отделения, журналист Александр Степанович Иероглифов весной 1859 г. «сделался известным III Отделению тайной продажей здесь Герцена сочинений, за что, как тогда случайно узнаю, и содержался несколько времени в том отделении»³.

Гласные репрессивные акции, например высылка чиновника Мухина, публично читавшего герценовский «Колокол», имели большой общественный резонанс. В частности, докладывали, что печатная заметка о высылке Мухина вызвала разноречивые толки: «Многие полагают, что она напечатана с целью внушить молодежи, чтобы они были осторожнее и не читали бы публично запрещенных книг. Некоторые же думают, что статье этой придана печатная гласность, дабы огласить публично существование у нас тайной полиции и тем унижить правительство в мнении народа и показать всем, что оно не уверено в своих подданных»⁴.

Полиция стала применять более осторожные методы, не возбуждая протестных настроений и не привлекая дополнительного интереса к «запретному плоду». В феврале 1859 г. «находящийся у служителя трактира Пекин 3-й том Полярной звезды, издаваемой Искандером, который он продолжил читать посетителям, для прекращения распространения чтения одного куплен у него за 2 р. с., по словам этого служителя, он приобрел эту книгу не от лакеев гр. Воронцова-Дашкова, а от извозчика. Извозчик этот разыскивается»⁵.

Отношение к запрещенному изданию было своеобразным; в обществе поговаривали, что «Колокол» получают от А. И. Герцена великий князь Константин Николаевич и сам государь, что чиновники настолько боятся правдивых герценовских разоблачений, что исправляют его содержание. В марте 1859 г. агенты зафиксировали слух о том, что «Колокол» «подается государю не в том виде, в каком получается, а перепечатывается в III Отделении, которое все статьи, помещаемые в нем насчет наших сановников, заменяет другими»⁶.

¹ Там же. Л. 34.

² Там же. Д. 3222. Л. 123, 134.

³ Там же. Д. 3231. Л. 10 об.

⁴ Там же. Д. 3216. Л. 72 об.

⁵ Там же. Д. 3223. Л. 62.

⁶ Там же. Л. 85.

Летом 1860 г. у III Отделения появилась перспектива выявить канал поставки контрабандных товаров. «Вследствие дошедших слухов, что на пароходах, совершающих рейсы между С.-Петербургом и Ростокom, производится разная запрещенная продажа и что на одном из них замечены были в пассажирской каюте несколько номеров Колокола, поручено агенту иметь постоянное наблюдение за этими пароходами»¹. Агент быстро нашел общий язык с служащими: «На просьбу его продать какие-нибудь русские книги, ему ответили, что книгами не торгуют, но, что если он желает, то привезут таковых в следующий приход. Получив такой удовлетворительный ответ, агент поручил привезти несколько экземпляров Колокола и других сочинений Герцена, а также игральные карты, каковыми на означенных пароходах сильно промышляют (...). На другом пароходе буфетчик и шкипер также изъявили “не менее готовности привезти что угодно”»². Через несколько дней агент снова побывал «на ростокском пароходе, купил там разных контрабандных вещей, но ему не удалось до сих пор склонить кого-либо к привозу Колокола. Агенту приказано не настаивать более и ограничиться одним наблюдением»³. Благоразумие в этот раз остановило задуманную провокацию. Видимо, чиновники решили, что, начав с исполнения «заказов» для III Отделения, контрабандисты начнут возить книги и для любопытствующих обывателей.

Иногда же деятельность агентов носила откровенно провокационный характер. Выгодными денежными посулами они вводили в «искушение» и «грех» далеких от политики людей. В отчете III Отделения за 1860 г. сообщалось, что капельдинер Михайловского театра Мельников продал агенту несколько листов герценовских изданий, однако при следствии выяснилось, что «он купил означенные листки у неизвестного человека для упомянутого агента, но сам не читал их и для себя никогда не старался приобретать»⁴. А чиновник П. Е. Елисеев, имевший доступ к металлографическому станку, как видно из донесения, не только изъявил согласие на изготовление 150 экземпляров предложенной агентом записки, но и «обещал агенту поделиться с ним барышами»⁵. В полицейские сети частенько попадали не политические противники, а незадачливые коммерсанты.

В определенной мере агенты III Отделения участвовали и в обеспечении безопасности императора. Заведенный порядок предпола-

¹ ГА РФ. Ф. 109. СА. Оп. 3. Д. 3229. Л. 4.

² Там же.

³ Там же. Л. 33 об.

⁴ Там же. Оп. 223. Д. 25. Л. 10–10 об.

⁵ Там же. I эксп. 1858. Д. 123. Л. 3.

гал, что два агента «утром обходят дворец и обращают самое бдительное внимание на всех приближающихся к оному». Другой агент приходил в Летний сад за полчаса до приезда государя и оставался там до его отъезда. В театрах осуществлялось только общее наблюдение, так как не было известно заранее, в какой театр поедет император. В чрезвычайных обстоятельствах (угроза покушения) III Отделение мало что могло сделать.

Так, после получения в январе 1863 г. от наместника Царства Польского телеграммы о возможном покушении на Александра II руководство тайной полиции предприняло дополнительные меры. Они заключались в том, что два агента были отправлены для наблюдения на Варшавской железной дороге, а один в г. Лугу, чтобы сопровождать поезда из Вильно до Петербурга. Главная ставка делалась на бдительность, прозорливость постоянно наблюдавших агентов. При этом в записке о принятых мерах безопасности, адресованной шефу жандармов, в лучших традициях недавнего междоусобья поминались чины исполнительной полиции: «Переодетые полицейские, находящиеся в Летнем саду во время прогулок государя императора, по сделанным замечаниям, не только не соответствуют цели, они до того не расторопны, что даже хорошенько не знают, зачем их туда посылают. Это те самые, которые посылаются в театры, где, по их собственным словам, они только смотрят на представление»¹. Такое заключение ясно показывает, в каком ведомстве стали бы искать виновных в случае какого-либо инцидента.

Атмосфера общественной нервозности, всеобщей подозрительности начала 60-х гг. XIX в. затрудняла деятельность агентов. В одной из служебных записок (от 1 марта 1861 г.) чиновник III Отделения отмечал: «Студенты, зная, что за ними наблюдают, кидаются теперь во все стороны, чтобы остаться незамеченными, поэтому агентам велено усугубить бдительность при соблюдении должной осторожности». Вскоре наметился выход из этой ситуации, и чиновник оптимистично докладывал: «Сегодня один из агентов приобрел полный крестьянский наряд, а [так] как он носит усы и бороду, то и надеется, что под этим видом ему легче будет скрыть свою личность, имея надзор за студентами там, где они смешиваются с народом»².

Историк И. В. Оржеховский считает, что не существовало никаких «правил» и «руководств» по технике ведения наблюдения³. Но если типовых инструкций и не было, то инструктажи все же проводились. Так, в одной из записок руководству III Отделения докладывалось

¹ Там же. СА. Оп. 1. Д. 215. Л. 2–8.

² Там же. Д. 1045. Л. 16–16 об.

³ Оржеховский И. В. Указ. соч. С. 66.

о новом агенте из бывших студентов Казанского университета: «Ему даны были средства записаться в университет вольнослушателем, и он получил надлежащую инструкцию. С завтрашнего числа лицо это начнет посещать университет и сближаться с главными студентами либералами, ему указанными. Кроме того, этому агенту поручено ежедневно посещать студенческую кухмистерскую»¹.

Действия агентов были довольно примитивны и прямолинейны. Так в ноябре 1857 г., узнав из «Сведений С.-Петербургской полиции», что «экземпляр издания Искандера был куплен у книгопродавца Вульфа (Вольфа)», шеф жандармов распорядился попытаться купить у него еще какую-нибудь запрещенную книгу. Четвертого декабря ему доносили о выполнении задания: «Несмотря (...) на все уловки и обещания подосланного смышленного агента, назвавшегося помещиком дальней губернии, получен от самого Вольфа, а другой раз от старшего его приказчика решительный ответ, что в лавке их не торгуют запрещенными книгами (...) и что никогда у них не имелось ни одного листка сочинений Искандера»². Подобные ответы были получены и у книгопродавца Исакова, и в других лавках³.

В 1862 г. аналогичным образом пытались проверить информацию о приезде в Россию эмигранта В. И. Кельсиева. Для этого к М. Я. Свириденко – управляющему магазином Д. Е. Кожанчикова – подослали шпиона, переодетого французским кондуктором, который обратился к нему с вопросом о том, как найти Яни (под этой фамилией В. И. Кельсиев приезжал в страну)⁴. В данном случае воображения хватило лишь на переодевание. Расчет делался на случайность, на возможность застать врасплох, смутить неожиданной осведомленностью.

Однако наставления были формальными и потому не всегда разумными. Агенту, наблюдавшему за А. Григорьевым, которого считали «двигателем заговора» среди литераторов, было поручено «в случае затруднения узнать, кто у него бывает и куда он ходит, явиться к нему прямо в квартиру и предложить себя в переписчики его сочинений». Предложенный тактический ход явно не имел смысла, ибо

¹ ГА РФ. Ф. 109. С.А. Оп. 3. Д. 622.

² Там же. Оп. 1. Д. 84. Л. 5; Д. 85. Л. 21.

³ Видимо, собственная «покупательская» практика была положена в основу заключения нравственно-политического обозрения за 1858 г.: «Впрочем, сколь трудно приобретать у нас подобные книги, видно из того, что даже случайные люди, желающие из любопытства иметь о них понятие, иногда при всем старании своем не могут их достать» (Россия под надзором. С. 474).

⁴ Лемке М. К. Очерки освободительного движения «шестидесятых годов». СПб., 1908. С. 107.

А. Григорьев не располагал какими-либо денежными средствами для оплаты услуг переписчика. Агент же в предыдущем своем донесении указывал, что А. Григорьев скрывается от кредиторов¹. Через некоторое время появилось сообщение о заключении литератора в тюрьму, и агенту было дано новое поручение: «Чтобы познакомиться покороче с Григорьевым, один из агентов подослан к нему в долговое отделение под предлогом филантропического намерения выкупить его, каковое намерение обнаружено будто бы некоторыми поклонниками его сочинений»². Этот факт свидетельствует о том, что полиция использовала не только наружное наблюдение, но и практиковала внедрение внутренней агентуры.

Выше уже упоминалось, что задержание Гиероглифова было проведено после того, как агент с ним установил доверительные отношения. В харчевне писарь штаба корпуса путей сообщения Н. И. Трубников «шумно и дерзко говорил о правительстве, проклиная времена императора Николая и смеясь над прогрессом, которому хочет следовать нынешнее правительство, называя оный задним прогрессом, стремящимся с быстротою назад (...). Вызывался сделаться Мининим и Пожарским, чтобы освободить Россию не от поляков, а от самодержавной власти, стремящейся постоянно к порабощению и даже уничтожению в подданных всех человеческих прав. Говорил, хотят освободить мужиков, тогда как вся Россия нуждается в освобождении, и оно должно совершиться непременно, потому что правительству известно довольно много лиц, разделяющих мнение Герцена, читающих Колокол и боготворящих издателя оногo...»³. Всего этого было достаточно, чтобы попасть под полицейский надзор, в донесении сообщалось, что агент познакомился с Трубниковым и был у него в квартире.

По всей видимости, агентам поручали доискиваться до источников распространения слухов, выяснять имена, адреса лиц, обращавших на себя внимание полиции. Когда 23 июня 1860 г. было доложено о чиновнике Лукьянове, говорившем о возможном крестьянском бунте, шеф жандармов на записке сформулировал получение: «За этим болтуном надобно наблюдсти»⁴. После того как в кафе-ресторане Вольфа отставной поручик Степанов в биллиардной комнате разговаривал о политике и в том числе «отзывался с большим неуважением» о III Отделении, агент сообщил об этом своему руководству,

¹ ГА РФ. Ф. 109. С.А. Оп. 1. Д. 1971. Л. 8–9.

² Там же. Оп. 3. Д. 3234. Л. 89.

³ Там же. Д. 3223. Л. 2 об. – 3.

⁴ Там же. Д. 3228. Л. 112.

а управляющий отделением А. Е. Тимашев распорядился: «Не худо бы покороче с этим Степановым познакомиться». Следом на документе появляется чиновничья отметка: «Поручено вниманию агента» и упоминается, что «этот Степанов всем известен, он промышляет преимущественно игрою на бильярде, исполнением разных поручений». Но как только возник вопрос о том, как его разыскать, дело застопорилось, хотя скоро установили, что найти возможно, так как «в адресном столе из 70 Степановых значится только один отставной поручик сего имени».

Насколько тесным было такое знакомство? Возможно, потенциально неблагонадежных лиц приглашали на профилактическую беседу в III Отделение.

В материалах полиции сведений о распространенности таких превентивных форм борьбы с политическими преступлениями нет. Известно, что к шефу жандармов перед поездкой в Лондон приглашался цензор Н. Ф. Крузе, с П. А. Шуваловым встречался Е. Салиас, замешанный в студенческую историю. Практиковались ли такие собеседования с трактирными болтунами, ставшими жертвами агентурного надзора? В сводке донесений о городских слухах и толках встречаем сообщение о том, что в трактире «Пекин» дворецкий княгини Салтыковой предостерегал нескольких своих знакомых, чтоб не говорили громко, «ибо, как он сказал им, здесь есть такие уши, которые все слышат и передают в 3 отделение, куда и он был на днях призываем: конечно, бояться 3 отделения нечего, но все же неприятно быть знакомым с оным, по словам его, он в 3 отделении высказал много истин про русское правительство, и так как все сказанное им отличалось совершенною правдою, то им нечего было взять с него, при этом он присовокупил, что непременно узнает доносчика и вытянет ему жилы»¹. На этой записке есть любопытная заметка В. А. Долгорукова: «Это, я думаю, преувеличено»². Интересно, к какой части сообщения относится эта ремарка: к рассказу дворецкого о том, как тот правду-матку резал в полиции, или к обещанию обязательно вытянуть жилы из доносчика? Во всяком случае, факт беседы не отрицается.

Зачастую агенты наружного наблюдения были личностями сомнительными. С ними у III Отделения было немало хлопот. Так, «уволенный от занятий за нетрезвое поведение» агент Иванов в сентябре 1863 г., «будучи в нетрезвом виде, выдавал в публичных местах некоторых других агентов III Отделения, лично ему известных»³. Че-

¹ ГА РФ. Ф. 109. СА. Оп. 3. Д. 3216. Л. 28–28 об.

² Там же. Л. 28 об.

³ Там же. Оп. 3. Д. 608. Л. 1.

ловеком «в высшей степени неблагонадежным» оказался дворянин Н. Путерницкий, выдававший себя за секретного сотрудника полиции, хотя ему было «окончательно отказано от должности»¹. В одной из докладных записок сообщалось об аресте за пьянство командированных в Псков агентов III Отделения². Агент Новопашенный был уволен по неблагонадежности³. А агент Фрейд «вел жизнь до того беспорядочную, что не имел даже собственного платья, не говоря уже о падающем на него подозрении в двуличности»⁴.

Конечно, не все обстояло столь плачевно. Но даже в тех случаях, когда полиции помогали верноподданные граждане, когда агенты, сбиваясь с ног, носились по городу, добросовестно обрабатывая свои серебряники, все равно, в рамках традиционной системы сыска и надзора III Отделение было бессильно проникать в тайны революционного подполья и зачастую шло ложным путем.

Кризисное состояние тайной полиции явственно проявлялось в слежке за Н. Г. Чернышевским, которого «верхи» воспринимали как одного из главных политических противников.

Агентурные донесения о надзоре за Н. Г. Чернышевским хорошо известны в исторической литературе⁵. III Отделение установило за ним систематический надзор с 24 октября 1861 г., а с 15 ноября 1861 г. следуют почти ежедневные извещения о посетителях и действиях Н. Г. Чернышевского. С начала 1862 г. донесения становятся более эпизодичными и однообразными по содержанию.

Мотивы столь пристального внимания III Отделения (по количеству донесений это дело не имеет себе равных среди аналогичных материалов Секретного архива) пояснены в записке, представленной в Следственную комиссию 1 августа 1862 г.: «Внимание правительства обращено на Чернышевского после беспорядков, происшедших в С.-Петербургском университете осенью 1861 года, когда получено было сведение, что появившаяся между студентами прокламация, возбуждавшая молодежь к сопротивлению властям, была составлена Чернышевским»⁶. И хотя данные агентурного донесения

¹ Там же. Д. 601. Л. 1–3.

² Там же. Д. 600. Л. 1.

³ Там же. Оп. 1. Д. 1494. Л. 2.

⁴ Там же. Д. 1321. Л. 1 об.

⁵ *Шилов А. А.* Н. Г. Чернышевский в донесениях агентов III отделения // Красный архив, 1926. Т. 1. С. 87–122; *Козьмин Б. П.* Н. Г. Чернышевский и III отделение // Там же. 1928. Т. 4. С. 177–181; *Макашин С. А.* Два документа о Чернышевском из архива III Отделения // Литературное наследство. Т. 67. С. 130–131; Дело Чернышевского. Саратов, 1968. С. 71–110.

⁶ Дело Чернышевского. С. 150.

не соответствовали действительности, тем не менее они послужили исходным моментом для организации регулярной слежки.

Каким же образом было организовано наблюдение? Известно, что для этих целей сняли комнату напротив дома, где жил Н. Г. Чернышевский. Первоначально главная роль в надзоре принадлежала швейцару, отставному унтер-офицеру Волынского полка, которого постоянно опекал агент III Отделения. Именно от него узнали обычный распорядок дня: «Чернышевский бывает почти постоянно дома и спит не более 2–3 часов в сутки. Иногда он уходит со двора рано утром, чуть свет, но в 10 часов уже бывает дома; по вечерам же постоянно уходит в 10 час. и возвращается в 12»¹. Швейцар перехватил и передал агенту письмо, адресованное Н. Г. Чернышевскому; «употребив хитрость», выяснил фамилию посетителя – Захарин [В. А. Захарьин], подслушал разговор (точнее сказать, передал многозначительную фразу: «У нас все идет отлично, мы уже более половины для солдат сдали»²).

Внимание правительственных агентов к жильцу и особенно плата за сообщаемые сведения, безусловно, разжигали подозрительность и провоцировали новые – «швейцарские» – аргументы неблагонадежности Н. Г. Чернышевского. Вот, например: «часто приносит с собою бумаги»; письма иногда отправляет не по почте, а с рассыльным; постоянно запирает кабинет; прежде был «очень ласков с прислугою»; раньше дверь посетителям открывала гувернантка, а в последнее время жена Н. Г. Чернышевского и т. д. Тревожили и визитеры («не сказывая швейцару своего имени, приходят и уходят с заметной торопливостью, как будто не желают быть узванными»³), особенно их посещения в ночные часы. В донесениях часто мелькают фразы: «пробыл до 12 часов», «занимался в кабинете до 3-х часов ночи». Такого режима швейцар, видимо, не выдерживал, еле дотягивая до полуночи (запись об А. В. Захарьине: «в 12 ночи еще не возвращался домой»⁴).

В основе сообщаемых швейцаром сведений – традиционное неприятие простолудином «господского» образа жизни: смещение пика деловой активности с утренних и дневных часов на вечерние и ночные, необходимая в редакционно-издательском деле быстрота в передаче писем и пакетов, да и просто обычная подозрительность к интеллектуальному труду, характер и результаты которого мало-

¹ Дело Чернышевского. С. 72.

² Там же. С. 78–79, 100.

³ Там же. С. 72, 74, 77.

⁴ Там же. С. 78–79.

понятны необразованным слоям. Неадекватное собственному пониманию ситуации и собственному настроению поведение посетителей Н. Г. Чернышевского в день пожара на толкучем рынке («были чрезвычайно веселы и все время смеялись громко») вызвало следующее суждение чиновника III Отделения: «Откуда могло явиться у швейцара подозрение? Но он выразился: “А ведь они должны знать, кто поджигает”»¹.

Подобной информации было недостаточно. Особые надежды возлагались на жену швейцара, поступавшую кухаркой в семью Н. Г. Чернышевского: «...через нее быть может, удастся узнать более, чем наружным наблюдением». Ей было дано следующее наставление: «...главнейшее – не болтать, передавать все заслуживающее внимание своему мужу и стараться удержать кое-что из разговоров». Чуть позже было принято решение поручить агенту «сойтись осторожным образом с отпущенными людьми (повар и кучер. – О. А.) с целью узнать от них какие-нибудь еще не известные подробности о Чернышевском»². Все это увеличило объем информации, но характер ее остался прежним. Кухарка представила оказавшиеся черновиками статей бумаги, данные ей для сожжения, и еще она сообщила об уничтожении сестрой О. С. Чернышевской нескольких пачек бумаг. У кучера надо было выяснить «кое-что о ночных посещениях Чернышевского» и не развозил ли он по городу какие-либо письма. Более перспективными казались беседы с поваром, который рассказал о «больших сборищах» у своего нового хозяина А. Н. Пыпина. Поэтому агенту поручили постараться уговорить повара, прислуживающего и в комнатах, сообщать обо всем, что там происходит, обещая за это вознаграждение³.

После удаления кухарки в связи с переездом О. С. Чернышевской на дачу наблюдение «сделалось затруднительнее». III Отделение пыталось расширить сферу надзора. Предполагалось сделать «строжайший обыск» у Студентского, брата жены публициста, учредить надзор за Ольгой Сократовной в Павловске. Предпринимались безуспешные попытки «разговорить» новую прислугу. Наконец 5 июня 1862 г. сообщалось, что денщик проживавшего с Н. Г. Чернышевским офицера В. И. Рычкова проговорился о том, «что у Чернышевского всегда секреты со всеми входящими и что они постоянно говорят шепотом; двери все заперты; при приходе кого-либо разговор преры-

¹ Там же. С. 105.

² Там же. С. 84, 85, 92.

³ Там же. С. 87, 93–94.

вается. Люди теряются в догадках и подозревают у них что-то недоброе, но наверное ничего не знают»¹.

В предыдущем донесении говорилось, что этот денщик «чрезвычайно глуп», но то, что он сообщал, вполне укладывалось в представления III Отделения о Н. Г. Чернышевском-революционере. Не случайно в подготовленном 27 апреля 1862 г. «Списке лиц, у которых предполагается сделать одновременный строжайший обыск», «литератор» Н. Г. Чернышевский значился под номером один. Он подозревался в составлении воззвания «Великорус», «в участии в составлении прочих воззваний и в постоянном возбуждении враждебных чувств к правительству»². В то же время в другом документе признавалось, что «юридических фактов к обвинению (...) в III Отделении не имеется»³.

Вот почему тайная полиция усиленно старалась подобраться поближе, проникнуть в окружение Н. Г. Чернышевского. Но сделать это было очень сложно. Круг общения писателя был ограничен. Как завоевать его доверие? Где найти такую фигуру? Среди студентов? Но, «по полученным сведениям, студенты, которые бывают у Чернышевского, не посвящены в его тайны». Среди литераторов? Но «Чернышевский держит себя чрезвычайно осторожно, так что через большинство литераторов нельзя ничего узнать»⁴. Выбор III Отделения пал на Ивана Михайлова – метранпажа «Современника». По мнению осведомителя, тот «ворочает всей редакцией и хотя предан издателю, однако не упускает из виду своего интереса». Поэтому было решено попытаться установить контакт («С ним сойдутся, но надо действовать осторожно, и тогда его можно склонить к интересам правительства»⁵). Реализовать этот замысел не удалось: следующая запись о Михайлове (о его болезненном состоянии, приступах помешательства) появляется через 8 месяцев⁶. Могли возлагать надежды на агента Вильяшова, которому поручили записаться в члены Шахматного клуба⁷. Исходя из собственного опыта, III Отделение констатировало: «доступ к нему [Н. Г. Чернышевскому. – О. А.] посторонних лиц был чрезвычайно затруднителен»⁸.

¹ Дело Чернышевского. С. 105–106.

² Там же. С. 134.

³ Там же. С. 110.

⁴ Там же. С. 89, 90.

⁵ Там же. С. 90.

⁶ Там же. С. 109.

⁷ Там же. С. 95, 593–594.

⁸ Там же. С. 150.

Вероятно, эта тупиковая ситуация, многомесячная безрезультатная суэта вокруг Н. Г. Чернышевского, брюзжание консервативной оппозиции на бездействие правительства заставили А. Л. Потапова попытаться переосмыслить систему надзора тайной полиции. В дополнение к своей записке от 27 апреля 1862 г. «О полицейских мерах»¹ он писал 12 июня 1863 г.: «...со вступления моего в управление 3-м отделением, т. е. с 21 октября 1861 г., по наст[оящее] время ни одно злоумышленное противу правительства намерение не предупреждено секретными агентами или чинами корпуса жандармов: все важные открытия сделаны по заявлению частных лиц (далеко не вознагражденных за то правительством)², деятельность же секретных агентов растрачивается на собирание сведений по совершившимся фактам, на наблюдение за подозрительными личностями, не влекущее за собою никаких последствий, и на доставление сведений о городских сплетнях, подлежащих явно ведению наружной полиции. Несмотря на все старания агентов, они физически лишены возможности исполнять все возлагаемые на них поручения так, как следовало, ибо, с одной стороны, действия их парализуются самим их положением, принуждающим их скрывать свое звание, даже перед местною полицею, к содействию которой им нередко встречается надобность прибегать, а с другой, возлагаемые на них поручения так многочисленны, что они весьма часто, не окончивши одного дела, должны приниматься уже за исполнение другого (...).

Возможность достижения желаемого успеха от секретного наблюдения при рациональном учреждении полиции доказывается результатами, полученными от заграничных наблюдений как во время Лондонской выставки 1862 г., так и Ш[нейдером] в Берлине и П[отоцким] в Париже. Успешная деятельность сего последнего возможна, однако, только при примерном устройстве французской полиции, распоряжающейся самостоятельно и находящей беспрекословное содействие со стороны всех отраслей управления, в особенности же почтового и телеграфного...»³

¹ Там же. С. 128–131.

² Против этих слов шеф жандармов В. А. Долгоруков написал: «О ком здесь идет дело».

³ ГА РФ. Ф. 109. I эксп. 1862. Д. 230. Ч. 1. Л. 69–70. Положение III Отделения среди правительственных учреждений Российской империи было не менее внушительным. Однако акцент на французский опыт и особое содействие почтового ведомства любопытен. В материалах, представленных III Отделением в Следственную комиссию А. Ф. Голицына, нет данных перлюстрации «обширной» корреспонденции Н. Г. Чернышевского, имеются лишь ссылки на малозначительные письма, вскрытые собственными агентами (см.: Дело Чернышевского. С. 150–153).

Ссылка на опыт заграничного наблюдения – это как раз ориентация на внедрение внутренних агентов. Если год назад А. Л. Потапов скептически относился к весьма ощутимым тратам А. Ю. Балашевича-Потоцкого, утверждавшего себя в среде польской эмиграции в Париже на деньги III Отделения, то теперь это направление он считал наиболее перспективным. Интуитивно, полицейским чутьем он пришел к выводам, определившим вскоре лицо российской тайной полиции, указал средство, занявшее исключительное место в арсенале карательных мер охраны. Знаком темных сторон полицейских будней М. Е. Бакай писал: «Само по себе правительство со всеми громадными розыскными средствами, без внутреннего предательства, совершенно не в состоянии бороться с тайными революционными организациями. Девять десятых всех обысков и арестов в среде революционеров происходит исключительно по данным секретной (провокационной) агентуры, и потому почти каждый провал надо рассматривать как результат предательства»¹.

Однако реализовать подобную идею было непросто. III Отделение испытывало острую потребность как в кадрах, так и в средствах. В середине 1863 г. в столице тайная полиция располагала 17 агентами². Большинство из них были личностями весьма одиозными и не способными для столь тонкой работы. Зачастую и сами агенты не были готовы к такой перестройке. Так, наблюдавшая за коммуной В. А. Слепцова агент Степанова решительно отказалась от предложения поселиться у них («Я считаю лучшим действовать тоже через одну женщину и быть лицом неприкосновенным»³).

Предпринимались попытки завербовать и лиц, близких к демократическим кругам. Так, нелестный отзыв об А. Бенни в перехваченном полицией письме А. И. Герцена к Н. А. Серно-Соловьевичу был расценен А. Л. Потаповым как достаточное доказательство его непричастности к расследуемому делу о связях с лондонскими изгнанниками. Подозреваемый в шпионстве А. Бенни заинтересовал III Отделение, и А. Л. Потапов начал искать пути сближения с ним. В письме к А. И. Герцену от 3 (15) мая 1863 г. А. Бенни упоминал разговоры и предложения А. Л. Потапова, его указания на «возможность (...) войти с ним в более интимные отношения»⁴.

¹ Из воспоминаний М. Е. Бакай. Провокаторы и провокация // Былое, Париж, 1908. № 8. С. 99.

² ГА РФ. Ф. 109. I эксп. 1862. Д. 230. Ч. 1. Л. 69.

³ Там же. СА. Оп. 1. Д. 2009. Л. 8–8 об.; Литературное наследство. М., 1963. Т. 71. С. 454.

⁴ Литературное наследство. Т. 62. С. 31, 34.

Новым явлением в деятельности тайной полиции было и привлечение к политическим дознаниям корифея уголовного сыска И. Д. Путилина, в то время квартального надзирателя С.-Петербургской полиции.

Выходец из обер-офицерских детей, он начал свою карьеру канцелярским служителем в хозяйственном департаменте МВД (1850 г.). К началу 1860-х годов он снискал себе известность и заслужил несколько орденов за отличия, проявленные в поимке воров и убийц (1857 г.), беглых арестантов (1858 г.) и в выявлении шайки разбойников. К раскрытию преступлений И. Д. Путилин подходил творчески. В. Н. Никитин в воспоминаниях рассказывал, как тот работал: «Он, подсаживаясь в тюрьмах к преступникам как такой же заключенный, выпытывал от них все, что требовалось, уходил и открывал преступление»¹.

Среди безликих агентов III Отделения И. Д. Путилин, конечно, выделялся. Арестованный по делу «Великоруса» В. А. Обручев вспоминал неожиданные появления И. Д. Путилина «то в шубе, то в пальто и в разных головных уборах»².

Но одних переодеваний было недостаточно для проникновения в среду радикальной оппозиции. В этом случае от агента требовалась не только способность воспроизвести услышанное. Он должен был обладать определенным уровнем интеллектуального развития, позволившем бы ему войти в желанный круг общения, расположить к себе. Любопытны рассуждения на сей счет И. П. Липранди: «...недостаточно было ввести в собрание человека только благонамеренного, агент этот должен был сверх того стоять в уровень в познаниях с теми лицами, в круг которых он должен был вступить, иметь в этой новой роли путевода более опытного и, наконец, стать выше предрассудка, который в молве столь несправедливо и потому безнаказанно пятнает ненавистным именем *доносчиков* даже таких людей, которые, жертвуя собою в подобных делах, дают возможность правительству предупредить те беспорядки, которые могли бы последовать при большей зрелости подобных зловредных обществ. Такие агенты за деньги не отыскиваются...»³

¹ Никитин В. Н. Воспоминания // Русская старина, 1906. № 10. С. 69.

² Обручев В. А. Из пережитого // Вестник Европы, 1907. № 5. С. 138. Методы обмана и провокации И. Д. Путилин перенес из практики уголовного сыска в дела политические. Это особенно наглядно проявилось в его участии в подтасовке дела Н. Г. Чернышевского (Дело Чернышевского. С. 34–36).

³ Полярная звезда, 1862. Кн. 7. С. 35.

Агента достаточно легко было ввести в студенческую среду. Это облегчалось особенностями студенческой жизни. В одной из служебных записок признавалось, что «мы в последнее время [1865 г.] не имели особого агента в числе студентов университета, по неимению в виду надежного лица», когда же необходимая кандидатура была подобрана, то сразу созрело решение – записать его вольнослушателем¹. Появление нового человека в таком качестве не должно было вызвать подозрения.

Поиск подходящих кадров облегчался тяжелым материальным положением молодых людей, стремившихся к получению высшего образования. С.-Петербургский обер-полицмейстер И. В. Анненков так характеризовал одного из агентов, бывшего студента технологического института Н. Волгина: «Это очень способный и даровитый молодой человек, с хорошим пером, бойкий, самолюбивый и с сознанием своего достоинства, но не имеющий никакого состояния и снискивающий себе в полном смысле слова кусок хлеба газетными статьями»².

Но столь «близкое» наблюдение было чревато угрозой разоблачения, неминуемым бойкотом и всеобщим презрением. Публикация в заграничной вольной печати списка агентов раскрыла сотрудничество с полицией Н. Новопашенного, С. Волокитина, Варшавчика. «Курьезное объявление» со списком фамилий 35 шпионов было найдено в университете и передано в III Отделение. В сопроводительном письме 26 февраля 1863 г. министр народного просвещения А. В. Голловин писал: «Из него [объявления. – О. А.] видно, что студенты не доверяют многим из своих товарищей»³.

Провалом закончилась авантюра С. Волокитина, который несколько перестарался в своем служебном рвении. История эта началась с публикации в «С.-Петербургских ведомостях» статьи отставного ротмистра Вермана о кандидате естественных наук, просившем милостыню на Невском проспекте. Молодой человек рассказал автору Верману, что несколько дней не ел, был болен, распродал все для пропитания жены и ребенка и теперь за неуплату его выгоняют из квартиры. Публикация имела большой общественный резонанс, образовался даже специальный фонд помощи. Героем этой заметки был бывший студент университета, газетный сотрудник, переводчик журнала «Семейные вечера» С. Волокитин. Подрабатывал он и в III Отделении. Поднявшаяся газетная шумиха вызвала замешательство среди руководства тайной полиции. Старший чиновник III Отде-

¹ ГА РФ. Ф. 109. Оп. 3. СА. Д. 622. Л. 1.

² Герцен А. И. Полн. собр. соч.: В 22 т. Т. 16. С. 165.

³ ГА РФ. Ф. 109. СА. Оп. 1. Д. 1486. Л. 1–5.

ления А. Ф. Шульц писал: «Удивляюсь, что Волокитин прибегает к подобным хитростям, разве с той целью, чтобы оправдать себя некоторым образом в глазах публики, считающей его по милости “Колокола” и по неосторожным его поступкам агентом III Отделения».

Сам же С. Волокитин объяснял свои действия исключительно служебным рвением: «Эта история наделала шуму в редакциях, и все наперебой приглашают меня к участию, сегодня у меня был Борис Утин и, не застав дома, пригласил к нему [на] завтрашний день, разумеется, у меня на первом плане стоит при принятии этих предложений та польза, которую я могу извлечь для отделения, поддерживавшего меня в трудные минуты жизни».

Точку в этой истории поставила публикация письма владельца дома, где проживал предприимчивый агент. В заметке шла речь о принадлежности бывшего студента «к лицам, имеющим тонкий слух»: «Может быть, Волокитин и достойный человек, только *спи он*, как следует»¹.

Другой средой, обеспечивавшей надежное прикрытие агентам, облегчавшей необходимые многочисленные контакты и оправдывавшей любознательность, была журналистика. За деятельностью Комитета грамотности наблюдал агент, работавший в редакции журнала «Мирской вестник». Агент Г. Г. Перетц сотрудничал в «Северной почте» и «Голосе». К III Отделению был близок издатель газеты «Народный голос» П. А. Юркевич-Литвинов.

Через агентов-журналистов тайная полиция получала доступ к редакционной почте. Так, III Отделение имело «хорошего и надежного агента, приобретенного случайно» в редакции «Чтения для солдат». Агент представил несколько присланных в журнал сочинений одного унтер-офицера лейб-гвардии Царскосельского стрелкового батальона «как замечательный факт развивающихся между некоторыми нижними чинами либеральных идей». Его деятельность получила одобрение шефа жандармов: «Весьма замечательно. Наблюдение за этим батальоном было бы необходимо»², – распорядился В. А. Долгоруков.

Несомненно, имелись в III Отделении и серьезные, весьма ценные сотрудники. Например, в одной из служебных записок (февраль 1865 г.) шла речь об агенте Попове, который неоднократно использовался «по некоторым секретным поручениям и исполнял их добросовестно и с успехом; между прочим он очень ловко перехватил переписку содержащегося в Алексеевском рavelине политического

¹ Шилов А. А. П. Л. Лавров. С. 70–71; ГА РФ. Ф. 109. СА. Оп. 3. Л. 3, 5.

² ГА РФ. Ф. 109. СА. Оп. 1. Д. 2004. Л. 11–11 об.

преступника [Н. А.] Серно-Соловьевича и открыл переписку из-за границы жены известного полковника [Н. В.] Шелгунова»¹. Однако таких сотрудников было мало. В записке от 28 мая 1866 г. чиновника III Отделения П. Д. Горемыкина шефу жандармов П. А. Шувалову упоминаются размеры денежных выплат и отмечается, что самым большим «содержанием» (100 руб.) «пользуются только двое, да и то по причине особых издержек, сопряженных с возлагаемыми на них поручениями»². Оговорка ясно показывает, что речь идет о секретных сотрудниках, имевших необходимость вести определенные траты для поддержания своей репутации.

Как уже отмечалось выше, средства III Отделения на секретные расходы были невелики и их старались расходовать бережно. Вот и приходилось чиновникам III Отделения доводить до сведения шефа жандармов, что несколько рублей даны кухарке Н. Г. Чернышевского на кофе, что список членов Шахматного клуба приобретен за 10 руб.³ Экономность III Отделения зафиксирована и в сводке агентурных наблюдений по надзору за профессором П. В. Павловым. Когда человек из его окружения обратился к агенту с просьбой одолжить 10 руб. на устройство вечера, то «агент не дал ему этих денег, имея в виду приказание не слишком щедриться, а снабдил его сахаром, чаем и некоторыми другими припасами, отпущенными по его записке в овощной лавке на 6 руб. сер.»⁴.

Плата рядовых агентов колебалась. 25 руб. платили студенту С. Волокитину, а Наумову и Фрейду по 50 руб. в месяц. Много ли это? Агенты постоянно одолевали III Отделение просьбами о разовых пособиях, об авансировании выплат, указывая на свое бедственное положение. Так, в одном из писем агент Степанова заявляла: «Я решительно не имею (кроме мозга) ничего». Наумов сотрудничал с полицией исполнительной, получая и от нее вознаграждение. По мнению же чинов тайной полиции, денег платили достаточно. В служебной записке о Фрейде отмечалось, что он «не имел надобности тратить на извозчиков и рыскать по городу» и «мог при порядочной жизни быть совершенно довольным получаемым содержанием»⁵.

1860-е годы – период становления политического сыска. Руководство III Отделения осознавало недостаточность методов надзора, основанных на внешнем наблюдении и сборе слухов, а также расследовании по свершившимся фактам. Опыт деятельности французской

¹ ГА РФ. Ф. 109. СА. Оп. 3. Д. 619. Л. 1.

² Там же. Д. 633. Л. 1 об.

³ Дело Чернышевского. С. 85, 98.

⁴ ГА РФ. Ф. 109. СА. Оп. 1. Д. 1705. Л. 30 об.

⁵ Там же. Оп. 3. Д. 609. Л. 2; Оп. 1. Д. 2009. Л. 9; Д. 1321. Л. 1 об.

полицейской (а особенно плодотворное сотрудничество с ней А. Ю. Балашевича-Потоцкого) вполне определенно указывал на необходимость ориентироваться на использование внутренней агентуры, секретных сотрудников, непосредственно участвующих в деятельности антиправительственных кружков, «неблагоденствующих» обществ, комитетов. С имевшимися кадрами агентов добиться этого было невозможно. Поэтому III Отделение усиленно искало таких лиц, которые, не внушая подозрения могли активно участвовать в общественной деятельности, в нелегальных собраниях. В поле зрения тайной полиции попадали не только верноподданные сексоты, но и близкие к оппозиционным кругам люди. Довольно широкая волна репрессий начала 1860-х годов (аресты студентов, лиц, причастных к делу о связях с лондонскими изгнанниками) дала возможность III Отделению воздействовать на колеблющихся, случайных лиц из стана радикальной оппозиции не только презренными сребренниками, но и посулами смягчения участи арестованных, обещаниями заботы о близких.

Обозначившиеся тенденции нашли полное воплощение в деятельности профессиональной секретной агентуры, составившей основу политического розыска департамента полиции начиная с 80-х годов XIX в.

2. Жандармский надзор

Помимо указаний, содержащихся в Инструкции и Дополнении к ней, жандармский штаб-офицер должен был руководствоваться особыми предписаниями, приказами, циркулярами, определявшими его права и обязанности. Жандармам поручалось исполнять обязанности комендантов на крупнейших ярмарках, контролировать организацию и ход рекрутского набора¹. Так, например, им вменялось в обязанность «независимо от назначенных местным начальством исследований» проводить собственные «розыскания» при значительных пожарах или подозрении в поджоге; посещать тюрьмы для осмотра положения арестантов; находиться при производстве следствия по делам особой важности: о смертоубийстве, разбое, грабежах, насилии, подделке денег, похищении церковного или общественного имущества, о волнении и неповиновении крестьян, а также о жестоком обращении с крестьянами помещиков, арендаторов, управителей; инспектировать жандармские команды, участвовать в губернском сове-

¹ Бибиков Г. Н. А. Х. Бенкендорф и политика императора Николая I. М., 2009. С. 166–176.

щательном комитете по делам раскола и даже... «мирить ссорящихся, не вмешиваясь официально»¹.

Особый интерес представляют приказы, касающиеся организации и приоритетов политического надзора, ибо в жандармских инструкциях об этом не сказано.

Проживая в губернском городе, жандармский штаб-офицер был поставлен в непростое положение. Предписанием шефа жандармов от 22 июля 1833 г. был определен порядок осуществления надзора в губернии: «По прошествии некоторого времени по прибытию в губернию (...) наблюдению вверенную, ознакомясь с губернскими чиновниками и вообще в городе живущими, объезжать непременно один раз все уезды губернские, дабы (...) приобрести достаточное понятие как о чиновниках, в городах и уездах служащих, так и других лицах, и сделать нужные знакомства и связи с людьми, могущими быть полезными; впоследствии же дозволяется им отлучаться в уезды только в одних экстренных случаях». При этом спектр полицейских интересов был довольно широк.

Губернскому жандармскому штаб-офицеру предписывалось:

- «наблюдать, но только негласным образом, за общим ходом дел и расположением умов, обращать особенное внимание на то, какое влияние производят распоряжения правительства и не кроются ли злоумышленники в числе граждан, стараясь сколь возможно домашним образом дать хорошее направление делам, отступающим от прямого пути» (приказы по корпусу жандармов 1834 г. № 49, 1836 г. № 39, 1843 г. № 6);
- «наблюдать неослабно за действиями римско-католических священников, назначаемых к нижним чинам [корпуса] внутренней стражи относительно отправления ими духовных треб» (приказ по корпусу жандармов от 13 мая 1839 г);
- «обращать [внимание] на являющиеся в народе толки, стараясь открывать источник оных» (предписание по корпусу жандармов от 24 декабря 1839 г.). В 1854 г. в связи с массовым бегством крестьян центральных губерний для записи в сухопутное и морское ополчение, вызванное слухами об освобождении от крепостного состояния и казенных повинностей «охотников», штаб-офицерам предписывалось «содействовать губернским начальствам к опровержению слухов, удерживать бежавших и стараться обнаруживать подстрекателей»²;

¹ ГА РФ. Ф. 110. Оп. 3. Д. 988. Л. 24–27, 34 об. – 36.

² III Отделение собственной его императорского величества канцелярии о себе самом // Вестник Европы, 1917. № 3. С. 104.

- «наблюдать за губернскими ведомостями и о статьях, которые почему-либо обращают на себя внимание, доводить до сведения начальства» (предписания по корпусу жандармов от 22 апреля 1840 г. и от 21 марта 1843 г.);
- «наблюдать за действиями офицеров и чиновников ведомства путей сообщения и публичных зданий» (предписание по корпусу жандармов от 31 августа 1842 г.);
- «наблюдать имеет ли полицейское начальство бдительный надзор за частными сходбищами и собраниями» (предписание по корпусу жандармов в конце 1849 г.);
- «наблюдать за недопущением политических преступников в воспитательские должности не только в казенных заведениях, но и в семействах» (предписание шефа жандармов № 1800 1855 г.);
- «иметь самое бдительное и строгое наблюдение» за распространением изданий Вольной русской типографии А. И. Герцена, «стараясь всеми мерами к обнаружению этих сочинений» (циркуляры шефа жандармов № 1302 от 21 июня 1853 г., № 2054 1855 г. и др.)¹;
- «наблюдать за путешественниками, отправляющимися по России для собирания разных сведений, не возбуждают ли они в народе ложные и вредные толки под предлогом собирания сведений о быте крестьян и имеют ли они от ученых обществ, утвержденных правительством, надлежащие виды» (циркуляр МВД от 4 января 1860 г. № 3);
- «наблюдать за не дозволением нижним чинам давать публичные литературные вечера или участвовать в оных» (предписание шефа жандармов от 12 апреля 1862 г. № 1249)².

При такой широте обязанностей по надзору штаб-офицер находился в сложном положении. Усугублялось оно еще и ограниченностью источников информации. Так, жандармам «запрещалось требование письменных дел из присутственных мест для рассмотрения и извлечения из них выписок» (предписание шефа жандармов 1836 г. № 39). В то же время в Дополнении к Инструкции категорично предписывалось: «наблюдать в донесениях ваших ясность и точнейшую истину, не позволяя себе гадательных заключений, но основываясь на положительных убеждениях».

¹ Заславский Д. Царизм в борьбе с Герценом // Красный архив, 1937. № 2. С. 216–217.

² ГА РФ. Ф. 110. Оп. 3. Д. 988. Л. 24–29.

Но, видимо, осознав, что, исполняя все предписания в точности, жандармский офицер будет обречен на молчание, III Отделение допустило послабление. Управляющий III Отделением доводил до сведения офицеров (7 октября 1842 г.): «В донесениях, основанных не на фактах, составляющих законное доказательство того, о чем доводится до сведения, но только на собранных ими частных сведениях, – каковы донесения допускаются, излагать и собственные заключения о степени справедливости или правдоподобности описываемых обстоятельств»¹.

Губернскому жандармскому штаб-офицеру было предписано доставлять сведения:

- «о лицах, почему-либо обращающих на себя особенное внимание или имеющих по званию своему, богатству, связям, уму, просвещению и другим достоинствам влияние на окружающих и даже на чиновников высшего звания» (два раза в год, в январе и июле);
- об урожае хлебов и трав (15 июня, 1 августа, 15 октября);
- о занятиях штаб-офицеров и состоящих при них адъютантов (каждую треть года);
- «о состоянии умов и духе народном» (ежемесячно);
- о ярмарках (отчеты) и донесения о случайных происшествиях в губернии;
- доставлять списки мировых посредников и судебных следователей, «верно обозначая в оных, имеют ли они все данные к занятию столь важных должностей, а также где получили воспитание и какое занимали последнее место по службе» (3 раза в год)².

Сложившаяся в николаевское царствование система информирования III Отделения о положении на местах, видимо, не в полной мере устраивала новое руководство высшей полиции. Поэтому, продублировав (4 июля 1856 г.) неоднократно издававшееся ранее предписание шефа жандармов – «обо всем заслуживающем внимания, что дойдет до (...) сведения, без малейшего отлагательства донести шефу», еще дважды (директивами управляющего III Отделения от 28 сентября и 12 октября 1856 г.) конкретизировали требование к донесениям. В частности, необходимо было указывать, сообщено ли местному начальству о доносимых противозаконных поступках и если не сообщено, то по каким соображениям; надлежало также информировать о результатах начатых дознаний, «о замечательных событиях или распоряжениях по другим предметам, не ожидая по каж-

¹ ГА РФ. Ф. 110. Оп. 3. Д. 988. Л. 33.

² Там же; ГАСО. Ф. 53. Оп. 9. Д. 6. Л. 56–56 об.

дому особого на то предписания»¹. Такие особые предписания были нередки и касались выявления случаев нахождения в губерниях изданий А. И. Герцена, различных прокламаций и воззваний.

Если говорить о результатах деятельности губернских жандармских штаб-офицеров по предупреждению «злоумышлений против правительства», то о них весьма нехотливо отзывался управляющий III Отделением А. Л. Потапов. По его мнению, к середине 1863 г., за время его службы в тайной полиции (с октября 1861 г.) ни одно такое «злоумышление» не было открыто чинами корпуса жандармов. «Деятельность же офицеров корпуса жандармов ограничивается доставлением сведений о необыкновенных случаях и весьма часто бывает, что донесения их получают после сообщений гражданского начальства», – писал А. Л. Потапов 12 июня 1863 г.²

Зачастую сведения, сообщаемые жандармами о лицах, состоящих под секретным надзором, носили формальный характер. Все это имело объяснение. В черновике записки «О полицейских мерах» (1862 г.) А. Л. Потапов, сетуя на нехватку средств для должной организации надзора, особо отмечал плачевное состояние дел в губерниях. На местах наблюдение ограничивалось только деятельностью жандармских штаб-офицеров, «от которых по жительству их в губернском городе и по небольшому вообще составу корпуса жандармов может ускользать весьма многое и которые при всем усердии своем не только не имеют возможности и средств проникать в тайные действия жителей губернии, но встречают затруднения своевременно узнавать истину обыкновенных происшествий, основываясь иногда на одних слухах или тех сведениях, которые сообщаются им частным образом местными полицейскими чиновниками»³.

Понимая объективную невозможность получения обстоятельной информации без изменения системы надзора на местах, руководство тайной полиции продолжало «выжимать» всевозможные сведения от своих местных представителей. Это видно из предписания начальника 7 округа корпуса жандармов саратовскому жандармскому штаб-офицеру от 8 февраля 1865 г. Циркуляр гласил: «Некоторые гг. штаб-офицеры, ограничиваясь представлением начальникам губерний в III Отделение С. Е. И. В. к. списков о всех лицах, отданных под надзор полиции, и, доставляя только мне копии с таковых

¹ ГА РФ. Ф. 110. Оп. 3. Д. 988. Л. 32.

² Там же. Ф. 109. 1 эксп. 1862. Д. 230. Ч. 1. Л. 69 об.

³ Там же. Л. 19–19 об. Прочитированные слова исключены В. А. Долгоруковым из окончательного текста записки, опубликованной в сборнике «Дело Чернышевского» (Саратов, 1968. С. 128–131).

списков, заканчивают свои наблюдения над лицами, порученными их секретному надзору». Исходя из этого окружной начальник предписывал предоставлять «сведения собственно Вашего секретного наблюдения и о выполнении полицейского надзора»¹.

Может быть, контроль за соблюдением законности был организован лучше? Обратимся к «всеподданнейшим» отчетам III Отделения. В них существовала специальная рубрика «О злоупотреблениях и неприличных действиях служащих лиц» (1856 г.), «О неприличных поступках и злоупотреблениях служащих лиц» (1857 г.), «О злоупотреблениях по службе» (1858 г.) и т. д.

Так, в отчете за 1856 г. указывалось, что по инициативе жандармского штаб-офицера в Симферополе возбуждено и передано военному министру дело о злоупотреблениях интендантов Южной и Крымской армий, а в донесении пензенского штаб-офицера начальнику губернии сообщалось о злоупотреблениях полицмейстера во время одной из ярмарок.

В то же время о недовольстве жителей Астрахани военным губернатором Васильевым и злоупотреблением покровительствуемых им чиновников информация поступила из «частных сведений» (в данном случае из перлюстрированного письма). Аналогичным образом узнали в III Отделении и о том, что начальник Минской губернии «теряет уважение от незнания светской жизни» и, находясь под влиянием своей жены и чиновников, закрывает глаза на многочисленные нарушения законов. По запросу из III Отделения штаб-офицер «подтвердил подробности» (следовательно, либо знал о них, либо легко выявил). Астраханскому штаб-офицеру было предписано оказать содействие специально направленному чиновнику Министерства внутренних дел².

В отчете за 1857 г. все сведения указанного раздела были получены главным образом от частных лиц, а жандармские офицеры лишь вели следствие³.

В последующих отчетах зафиксировано подобное состояние дел.

В чем же причины столь слабого надзора за соблюдением законности? Помимо названных выше можно отметить и некомпетентность жандармских штаб-офицеров в гражданских делах. Об этом прямо свидетельствовал в своих «Записках жандарма» А. И. Ломачевский: «как мог я (...) ходатайствовать за то или другое лицо, спорить о деле в том или другом присутственном месте, когда наравне с большин-

¹ ГАСО. Ф. 53. Оп. 9. Д. 6. Л. 91–92.

² ГА РФ. Ф. 109. Оп. 223. Д. 21. Л. 24–29.

³ Там же. Д. 22. Л. 12.

ством военных я не имел еще точного понятия о цели учреждений, границах власти, размере обязанностей и степени ответственности каких-то земских, совестных, сиротских и уездных судов, консисторий, магистратов, кагалов, ратуш, дум, приказов, откупов, опеки, правлений и палат?»¹

На другую причину указывал Н. П. Огарев: «Жандармский полковник редко является врагом губернатору, и грабит, где может, заодно с губернскими властями, и пишет доносы с согласия губернатора, если кому из них нужно утопить человека»².

Сложность положения жандармского штаб-офицера по отношению к губернатору и местному «обществу» признавали и авторы ряда записок, представленных в 1864–1866 гг. в созданную при штабе корпуса жандармов комиссию по пересмотру жандармской инструкции.

Так, в подготовленной для А. Л. Потапова записке бывший начальник IV округа корпуса жандармов генерал-майор Гильдебрант весьма обстоятельно изложил трудности, с которыми сталкиваются жандармы.

Для того чтобы они могли добросовестно выполнять свои обязанности, необходимо было обеспечить для жандармских штаб-офицеров независимое положение в губернии и защитить их от произвола и наговора местных властей. Генерал-майор Гильдебрант писал: «Вообще губернатор или генерал-губернатор не должны воображать, что по первой их жалобе штаб-офицер без всякой дальнейшей расправы будет удален из губернии; тогда они будут осторожнее и внимательнее к нему и не станут, превозносясь своими связями (чему бывали примеры) [заявлять], что прогонят его, когда вздумается». Иначе же «вместо беспристрастного и благородного исполнения трудной своей службы, станет изворачиваться и хитрить, угождая и прислуживаясь на обе стороны, т. е. станет обманывать и свое, и местное начальство». И, заключая мысль, добавил: «...так, к сожалению, действуют многие штаб-офицеры»³.

Однако это противостояние имело и свои плюсы. По словам Г. Д. Щербачева, «такое двоевластие имело для населения ту хорошую сторону, что, сдерживая порывы начальнического произвола, она заставляла обе власти осмотрительнее и добросовестнее относиться к исполнению возложенных на них обязанностей»⁴.

¹ Ломачевский А. И. Указ. соч. С. 256.

² Колокол. Л. 12. 1 апреля 1858. С. 92.

³ ГА РФ. Ф. 110. Оп. 3. Д. 988. Л. 65–69.

⁴ Щербачев Г. Д. Идеалы моей жизни. М., 1895. С. 185. Сведения о конфликтах сохранились и в мемуарной литературе: Шомпулев В. А. Из дневника жандарма 30-х гг. // Шомпулев В. А. Записки старого помещика. М., 2012; Ломачевский А. И. Записки жан-

В сохранившейся в делах штаба корпуса жандармов записке (без подписи) «Об учреждении корпуса жандармов и о наблюдательной инструкции» (датирована 5 марта 1864 г.) специально рассматривался вопрос о взаимоотношениях жандармов и общества.

В частности, касаясь содержания «Инструкции» и «Дополнения», автор записки отмечал, что эти документы «имели еще более парализующее действие на службу чинов корпуса жандармов, тем, что, уменьшив значение их пред местною властью, *поставили их в необходимость* заискивать благорасположение гражданских и военных начальников и тем самым лишили их доверия общества, которое, не зная обязанностей, возложенных на них первоначальной инструкцией, видело в них вовсе не сдерживателей личного произвола и устранителей нарушения закона, а только сильных своим жандармским начальством помощников местных властей, не имеющих право открыто принять никого под свою защиту». Таким образом изменился и сам характер учреждения. Чины корпуса жандармов были поставлены в «самое фальшивое положение, и поэтому служба в означенном корпусе *до того упала* в общественном мнении, что, к сожалению, жандармский мундир не всякий одевал охотно, и прибегал к нему только в крайности». Следствием этого было то, что «упадок общественного доверия препятствовал приобретению людей, особенно способных к службе жандармской»¹.

Аналогичные настроения отмечал и П. В. Бачманов, писавший в 1871 г.: «Большинство чуждалось жандарма и избегало его из опасения быть заподозренным в сношениях с III Отделением, в шпионстве, и если от жандарма не отворачивались слишком явно, то только из страха»².

Отношение общества к жандармам было весьма осторожным и зависело во многом от личных качеств штаб-офицера.

По словам Э. И. Стогова, прибыв в Симбирск на смену полковнику Маслову, он «застал озлобление всего общества против него [Маслова], а вместе с тем недоверие и нерасположение к голубому мундиру»³. «Маслов хотел быть страшным и – достиг общего презрения»⁴, – заключил он.

дарма // Вестник Европы, 1872. № 3–5; С. 246; Воспоминания В. В. Берви // Голос минувшего, 1915. № 6. С. 165; *Зотов Л.* Саратовская охранка. Москва; Саратов, 1924. С. 12–13.

¹ ГА РФ. Ф. 110. Оп. 3. Д. 988. Л. 151–157 об.

² Там же. Ф. 109. СА. Оп. 3. Д. 746. Л. 11.

³ Стогов Э. И. Записки жандармского штаб-офицера эпохи Николая I. М., 2003. С. 108.

⁴ Там же. С. 109.

Однако новым временам соответствовали и новые нравы. В Астрахани жандармскому штаб-офицеру, поддерживавшему контакты со ссыльными, по словам В. В. Берви, «все общество рукоплескало»¹. А. М. Унковский вспоминал позже, что «Колокол» получал иногда от жандармского полковника И. М. Симановского: «Бывало, когда я получу раньше от кого другого, он берет у меня, тихонько, конечно»². А подполковник Н. Е. Зорин – «жандарм по призванию и по профессии», открывший в Вологде «свой домашний заговор чисто местного характера» в семинарии, – был, по мнению Н. Ф. Бунакова, «очень тонкого ума и характера, притом несомненно умный, начитанный и даже симпатичный человек»³. Оказался возможным и такой, казалось бы, невероятный факт: находившийся под полицейским надзором артиллерийский капитан и издатель журнала «Московское обозрение» А. И. Лакс стал жандармским офицером⁴.

Но были примеры и другого характера. Так, в 1857 г. капитан корпуса жандармов Скосырев, исправлявший должность астраханского губернского штаб-офицера, был зарезан в своей квартире находившимися в услужении дворовыми людьми его матери. Как явствовало из поступившего в III Отделение донесения, «поводом к сему преступлению было жестокое обращение Скосырева с людьми, в чем он и прежде был замечен»⁵.

Но это, конечно, случай исключительный. Если жандармы и не отличались жестокостью, то и нравственными авторитетами не слыли. Князь А. Ф. Орлов рассказывал А. В. Головнину, «что при первоначальном учреждении жандармов весьма основательно было замечено, что если возможно найти 50 человек с теми достоинствами, которые требуются от губернского жандарма, то следовало этих лиц назначить прямо губернаторами...»⁶ М. А. Дмитриев, в своих, уже цитировавшихся воспоминаниях, иронизировал относительно того, что право жандармов «путаться во все дела» было основано «на их собственной добродетели и на чистоте их сердца в том, вероятно, предположении, что всякий, надевающий голубой мундир небесного цвета, тотчас делается ангелом во плоти»⁷.

¹ Берви В. В. Указ. соч. С. 165.

² Унковский А. М. Записки // Русская мысль, 1906. № 6. С. 192.

³ Бунаков Н. Ф. Записки. СПб., 1909. С. 53.

⁴ Таборовский А. А. И. Лакс // Русская старина, 1890. № 2. С. 584–585.

⁵ Крестьянское движение в России в 1857–1861 гг. М., 1963. С. 116.

⁶ Письма А. В. Головнина к Н. В. Ханькову // Исторический архив, 1950. Т. 5. С. 363.

⁷ Дмитриев М. А. Указ. соч. С. 258.

Это понимало и руководство корпуса жандармов. Генерал-майор Гильдебрант в приведенной выше записке отмечал: «...странно было бы воображать жандармского штаб-офицера, между коими встречаются весьма посредственные личности [против этих слов А. Л. Потапов отметил: «И даже хуже»], – какими-то фениксами, соединяющими в себе все возможные совершенства и добродетели, которых в сущности требует от них инструкция»¹.

Однако подобный критический настрой шеф жандармов В. А. Долгоруков не разделял. На записке А. Л. Потапова от 12 июля 1863 г. против строк, в которых порицалась деятельность жандармов, он написал: «По моему мнению, она большей частью заслуживает похвалы»². Долгоруков отличался идеалистическим взглядом на жизнь и не очень-то присматривался к реалиям.

Нравственный авторитет жандармов, о котором так пеклось руководство тайной полиции, был необходим, дабы, как говорилось в Инструкции, приобрести «себе многочисленных сотрудников и помощников, ибо всякий гражданин, любящий свое отечество, любящий правду и желающий зреть повсюду царствующую тишину и спокойствие, потщится на каждом шагу все охранять и вам содействовать полезными своими советами и тем быть сотрудником благих намерений своего государя»³.

Вот почему жандармскому офицеру необходимо было иметь широкий круг общения. Н. В. Шелгунов в своих воспоминаниях привел слова жандармского офицера, заявившего, что ему совсем незачем держать агентов: «Сидя дома, я знаю все, что делается в городе, каждый, кто приезжает ко мне с визитом или в гости, рассказывает все, что он видел или слышал»⁴. Не случайно угроза пострадать за «длинный язык» заставляла осторожничать в присутствии жандарма. Полковник Рындин в своем донесении от 13 июня 1858 г. признавал, что если кто «при личной доверенности» и сознается в чтении запрещенных изданий, то выяснять, откуда они получены, бесполезно и вредно. «Бесполезно потому, что едва ли кто решится об этом объявить агенту высшей полиции, а вредно, потому что такую попытку можно внушить к себе совершенную недоверчивость, с которой и без того так трудно бороться»⁵.

¹ ГА РФ. Ф. 110. Оп. 3. Д. 988. Л. 69 об.

² Там же. Ф. 109. 1 эксп. 1862. Д. 230 Ч. I. Л. 69 об.

³ Русский архив, 1889. № 7. С. 396–397.

⁴ Шелгунов Н. В. Воспоминания // Шелгунов Н. В., Шелгунова Л. П., Михайлов М. Л. Воспоминания: В 2-х тт. Т. I. М., 1967. С. 176; Ср.: Ломачевский А. И. Указ. соч. С. 263.

⁵ Заславский Д. Царизм в борьбе с Герценом. С. 220.

Руководителям тайной полиции казалось, что изменить положение возможно, сделав деятельность жандармов гласной. «Это гласное положение поставит жандармских штаб-офицеров на ту точку морального влияния, на которой начальство желает видеть их; и дух времени требует, чтобы в общественном мнении действия жандармских штаб-офицеров не считались какою-то контрабандою, когда все ищут опоры в принципах Законности и Гласности», – писал автор одной записки. Против этих слов В. А. Долгоруков пометил: «Совершенно согласен»¹.

Высказанные идеи нашли отражение в новой инструкции, которую составила упоминавшаяся выше комиссия. Эта инструкция, созвучная мыслям А. Х. Бенкендорфа, подлежала оглашению в основных чертах. Однако приведение ее в действие было отложено «до более благоприятного времени»², которое так и не наступило. После покушения Д. В. Каракозова в одобренный В. А. Долгоруковым проект новый шеф жандармов П. А. Шувалов внес существенные коррективы, сокращавшие филантропическое славословие и приспособившие инструкцию к реалиям второй половины 60-х годов.

Помимо общих наставлений реорганизации требовала и сложившаяся система надзора. В записке «О пересмотре инструкции и расширении прав губернских жандармских штаб-офицеров» разбирались затруднения, с которыми сталкивались офицеры корпуса жандармов. «В некоторых частных случайностях в самом губернском городе сношения и связи штаб-офицера положим, могут быть иногда достаточны, но если дело касается каких-либо правительственных ведомств, то всегда ли штаб-офицер может иметь в них таких *знакомых*, которые были бы расположены к нему до степени полной откровенности и самоотвержения. Своим же лицом не всегда бывает ему возможно навести справку, не возбудив подозрение начальствующего лица, в том особенно случае, когда справка касается уяснения незаконных его действий.

Вне губернского города жандармскому штаб-офицеру исполнять инструкцию нет никакой возможности, и он должен ограничиваться только теми сведениями, которые сообщит ему начальник губернии, не имея средств выезжать в уезды по своему усмотрению»³.

В. А. Долгоруков согласился с этими доводами: «Средства для наблюдения действительно необходимы, поэтому учреждение уездных

¹ ГА РФ. Ф. 110. Оп. 3. Д. 988. Л. 11 об.

² Там же. Л. 141 об.

³ Там же. Л. 8 об. – 9.

жандармских команд¹ предоставляет штаб-офицеру иметь надежных агентов в различных сословиях, разрешение им объезжать иногда губернию, дабы знакомиться с ходом дел и личностями, все это упростило бы их значение...» Далее шеф жандармов отмечал, что он поручил составить «соображения» о необходимых улучшениях. В данном случае В. А. Долгоруков думал о перспективе: «Подобные улучшения будут неминуемо сопряжены с новыми расходами – расходы сии необходимо исчислить сколь возможно сокращенные². Но останавливать соображения единственно потому, что, вероятно, предполагаемые расходы не будут разрешены, никак не следует, если какое-либо изменение действительно нужно, то прежде всего надлежит ясно его определить, а затем оно может быть введено, если не сегодня, то завтра. Важно отдать себе верный отчет в том, что представляется полезным, – изложить это в логическом порядке, – не увлекаясь умозрениями, – держаться практики и стараться ограничиваться источниками существующими»³.

Как видим, недостаток денежных средств ограничивал преобразовательскую инициативу. Однако тревожная политическая обстановка облегчала получение денег из государственного казначейства на полицейские нужды. Так, в середине 1863 г. отпускалось на секретные расходы начальнику II округа корпуса жандармов 5000 руб., а начальнику IV округа – 2000 руб. Кроме того, дополнительно, «по случаю настоящих обстоятельств» было направлено финляндскому штаб-офицеру 200 руб., а казанскому и нижегородскому – 600 руб.⁴

Подобные выплаты постепенно входили в систему. Так, в связи с распространившимися в Поволжье пожарами, специальным секрет-

¹ О том, как шло формирование уездных жандармских команд, говорится в записке, автором которой, видимо, был А. Л. Потапов. В ней отмечалось: «Учреждение в Северо-Западных губерниях России уездных жандармских управлений уже принесло ожидаемые плоды для умиротворения того края, что вполне подтверждается генералом от инфантерии [М. Н.] Муравьевым, который ныне просит о формировании уже 50-й уездной жандармской команды». В это же время рассматривался вопрос о создании 7 таких команд на Юго-Западе России и двух усиленных команд в С.-Петербургском и Московском уездах (Там же. Ф. 109. СА. Оп. 3. Д. 739. Л. 5 об., 17).

² Сколь бережно руководство корпуса жандармов считало казенные копейки, свидетельствует циркуляр управляющего III Отделением П. А. Шувалова от 1 апреля 1861 г., разрешавший о сведениях особой важности доносить телеграфом без запятых «для сокращения издержек на переписку». А ранее, 15 апреля 1859 г. был издан приказ, предписывавший «во избежание излишних расходов» учить нижних чинов «письму на черных досках мелом» и «только впоследствии грамотных уже заставлять писать на бумаге чернилами» (Там же. Ф. 110. Оп. 3. Д. 988. Л. 33 об; Приказы. 1859. № 36).

³ ГА РФ. Ф. 110. Оп. 3. Д. 988. Л. 9–9 об.

⁴ Там же. Ф. 109. 1 эксп. 1862. Д. 230. Ч. I. Л. 69.

ным предписанием III Отделения (от 31 мая 1865 г.) саратовскому жандармскому офицеру вменялось в обязанность «обращать зоркое внимание на подозрительные личности и на возникающие в народе слухи, особенно во время пожаров». Наиболее важным в циркуляре было уведомление о разрешении штаб-офицеру приискать одного-двух агентов «для наблюдения в местах, где стекается наиболее народа, преимущественно на волжских пристанях, с которых вышеупомянутые личности могут свободно направляться во внутренность края»¹. При этом письме направлялась и сумма в 300 руб. сер. на текущий год. Аналогичные указания были даны жандармским офицерам в Казанской, Симбирской, Самарской, Нижегородской губерниях. Это позволило подобрать на время навигации по два агента с оплатой по 50 руб. сер. для развоза на судах и наблюдения за пассажирами.

Принципиальные изменения в системе надзора предлагались и ранее. В 1864 г. по инициативе генерал-адъютанта Н. А. Огарева был поднят вопрос об учреждении в Поволжском крае жандармских наблюдательных пунктов, как это уже было сделано в Северо-Западном крае и Царстве Польском, однако необходимость значительных издержек и разногласия между шефом жандармов и министром внутренних дел о ведомственной подчиненности чинов этих управлений, оставили вопрос нерешенным.

Руководство III Отделения отстаивало принцип непосредственного и исключительного подчинения всех жандармских управлений «одной главной наблюдательной власти». Но, учитывая различные исключительные обстоятельства, оговорки о временном характере подчинения, необходимость всевозможных дополнительных согласований, оно в общем-то мирилось с тем, что III округ корпуса жандармов находится в полном ведении наместника Царства Польского, уездные жандармские управления в Северо-Западном крае подчиняются местной администрации, полицейские управления на железных дорогах зависят от ведомства путей сообщения².

И только при новом начальнике III Отделения – П. А. Шувалове – все жандармские части и управления вошли в состав корпуса жандармов и были подчинены его шефу³. С мая 1867 г. в губерниях началось создание жандармских наблюдательных пунктов. Тогда же была принята «Временная инструкция чинам наблюдательного состава корпуса жандармов», а в сентябре утверждено новое «Положение о корпусе жандармов».

¹ ГАСО. Ф. 53. Оп. I. 1865. Д. 10. Л. 14–18, 21.

² ГА РФ. Ф. 110. Оп. 3. Д. 988. Л. 137.

³ Оржиховский И. В. Указ. соч. С. 150.

В новых условиях, после покушения Д. В. Каракозова, беспокоившие В. А. Долгорукова проблемы повышения нравственного авторитета жандармов, изменения характера их взаимоотношений с обществом потеряли свою актуальность. Содействия благомыслящих граждан, поверхностного жандармского надзора было явно недостаточно для обеспечения государственной безопасности, ставка делалась на собственные силы: на явных и тайных сотрудников, на ужесточение режима ссылки и административного надзора.

3. Перлюстрация

Среди памятников русского законодательства можно обнаружить довольно ранние акты, провозглашавшие и гарантировавшие тайну переписки. Так, в 1698 г. при учреждении Сибирской почты было предписано: «...отнодь ничьей грамотки не распечатывать и не смотреть»¹.

В более определенной форме этот принцип был подтвержден Высочайшим повелением 1782 г.: «...дабы должное к почтам доверие не токмо сохраняемо, но и далее распространяемо было и вследствие того, чтобы никакая власть или начальство или кто бы то ни был не дерзали открывать писем на почтах, пересылаемых внутри империи или же их удерживать»².

Своеобразным стремлением отмежеваться от деспотизма периода правления Павла I стало Высочайшее повеление от 12 апреля 1801 г., в котором было дано секретное предписание местным почтовым начальствам, повторявшее, «чтобы корреспонденция, производившаяся между частными лицами была неприкосновенна и вообще изъята от всякого осмотра и открытия»³.

3 июля 1827 г. Николай I подтвердил правило о неприкосновенности корреспонденции, указав, чтобы «казенные места и лица, управляющие разными частями, отнодь не делали требований об удержании чьей-либо корреспонденции или неприятии таковой от находящихся под присмотром или арестом». В случаях же особой важности на изъятие писем, посылок и денежных переводов надлежало испрашивать Высочайшее повеление⁴. А. Г. Чукарев приводит

¹ ПСЗРИ. № 1654.

² Письмо генерал-прокурора кн. Вяземского 10 января 1782 г. // Русский архив, 1889. № 3. С. 397.

³ С. О неприкосновенности почтовой корреспонденции по русскому законодательству // Журнал Юридического общества при Императорском С.-Петербургском университете. 1895. Кн. 3. С. 89.

⁴ Там же. С. 89–91.

примеры обращения по Высочайшему повелению шефа жандармов А. Х. Бенкендорфа к главному управляющему почтовым ведомством А. Н. Голицыну: в 1831 г. установлен надзор за перепиской курляндского гражданского губернатора Бреверна; 15 декабря 1832 г. велено просматривать все письма, приходившие из Парижа; 16 мая 1833 г. предписано всю корреспонденцию жителей западных губерний во Францию и из Франции доставлять к главному управляющему почт; в 1839 г. предложено было установить «бдительный надзор» за пограничной перепиской в районе Одессы и Бессарабской области и т. д.¹, то есть подобная практика не была явлением исключительным.

В начале царствования Александра II незамедлительно была подтверждена верность тому же принципу. Доклад главноначальствующего над почтовым департаментом Ф. И. Прянишникова «Об охране неприкосновенности письменных отношений» (30 июня 1859 г.) венчала резолюция Александра II: «...руководствоваться и впредь правилами о неприкосновенности частной корреспонденции». Соответственно, одобрение получила и декларированная в докладе практика не только отказа «в выдаче с почты частных писем в посторонние руки, но и доставление каких-либо относительно этой корреспонденции сведений», т. е. тайна переписки дополнялась обязательством сохранения и тайны почтовых связей. Исключения, как и раньше, допускались «только для корреспонденции банкротов, (...) и для корреспонденции политических преступников». И вновь верховная власть резервировала за собой право «законного» вторжения в частную переписку: «...обнаружение же письменных сношений других лиц, дозволялось единственно в случаях особенной важности и не иначе как с высочайшего разрешения»².

Уже в 1863 г. такое изъятие было сделано в отношении лиц, находящихся под надзором полиции. В августе 1863 г. министр внутренних дел П. А. Валуев разослал начальникам губерний, определенных для высылки политически неблагонадежных лиц под надзор полиции, циркуляр, уведомлявший о распоряжении главноначальствующего над почтовым департаментом местным почтовым конторам, чтобы они «доставляли по возможности полицейским начальствам, те сведения, в которых начальства сии могли нуждаться». Министр предписывал сообщить имена сосланных почтмейстерам, прибавив, что сведения могут быть затребованы только на определенные имена³.

¹ Чукарев А. Г. Тайная полиция России. 1825–1855 гг. С. 282–283.

² ГА РФ. Ф. 109. СА. Оп. 3. Д. 508. Л. 27–27 об.

³ ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1613. Л. 23.

После введения в действие Судебных уставов 20 ноября 1864 г. выемка корреспонденции лиц, против которых было начато уголовное преследование, допускалась с разрешения окружного суда¹.

Цитированные выше документы носили хотя и секретный, но все же законный (или подзаконный) характер. Наряду с этим существовала практика тайного вскрытия и просмотра корреспонденции.

Традиция перлюстрации уходит корнями в XVIII в. В своем исследовании, посвященном истории политического сыска, Е. В. Анисимов указывает, что переписка голландского резидента де Би в 1718 г. вскрывалась на петербургской почте и переводилась на русский язык для канцлера Г. И. Головкина². В исследовании Т. А. Соболевой подчеркивается активное участие в организации перлюстрации дипломатической корреспонденции А. П. Бестужева-Рюмина, назначенного в 1742 г. главным директором почт. В царствование Екатерины II так называемые «черные кабинеты» появились помимо С.-Петербурга в Москве и Одессе³. А. Брикнер, автор статьи «Вскрытие чужих писем и депеш при Екатерине II», отмечал значение этой практики для правительственных сфер: «...при тогдашних, мало развитых средствах сообщения, при отсутствии телеграфических депеш, при весьма скромном развитии журналистики перлюстрация могла считаться неизбежным злом, необходимым средством управления, особенно делами внешней политики»⁴.

Разнообразие общественной жизни, развитие путей сообщения, изменение форм делового и межличностного общения в первой половине XIX в., при которых особую роль играла личная переписка, способствовали распространению этого аморального способа надзора, несмотря на всю либеральную фразеологию начала царствования Александра I. В это время перлюстрации стала подвергаться переписка лиц, не только принадлежащих к сфере высшей политики. Уже в своих первых опытах по созданию политической полиции император Александр I непременно рассчитывал использовать перлюстрацию в качестве важного источника информации для правительственных верхов. «Комитет высшей полиции» (создан 5 сентября 1805 г.) должен был получать в числе прочих сведения от директора почт

¹ Ст. 368¹, 1042, 1035⁷ Устава уголовного судопроизводства. Подробно см.: С. О неприкосновенности почтовой корреспонденции. С. 93–103.

² Анисимов Е. В. Дыба и кнут. Политический сыск и русское общество в XVIII веке. М., 1999. С. 256.

³ Соболева Т. А. Тайнопись в истории России (История криптографической службы России XVIII – начала XX в.). М., 1994. С. 97–99.

⁴ Брикнер А. Вскрытие чужих писем и депеш при Екатерине II // Русская старина, 1873. Т. 7. № 1. С. 83.

о подозрительной переписке. «Комитет охранения общей безопасности» (учрежден 13 января 1807 г.) ведал, в частности, рассмотрением дел «о лицах, подозреваемых в переписке с неприятелем и в зловредных разглашениях»¹.

Думается, что именно в это время складывалась система перлюстрации массовой корреспонденции. Из опубликованной А. В. Предтеченским переписки министра внутренних дел О. П. Козодавлева с московским почт-директором видно, что в древней столице в 1813 г. чтением корреспонденции занимался сам почт-директор Д. П. Рунич и «секретный экспедитор» Рушковский. Письма просматривались поверхностно, «с величайшей поспешностью», чиновники торопились, так как из-за опозданий почты «публика по целому дню ожидает оных на дворе почтамта»².

Видимо, поэтому не лишними были рекомендации О. П. Козодавлева своему подчиненному. Министр писал московскому почт-директору об общей цели и о приоритетах надзора («полезно ведасть, что до политических рассуждений касается»), о государственной пользе тайной фиксации любопытных сведений («сею выпискою отвратится зло и сделается добро»), о строгой секретности действий («тайна и самая непроницаемая тайна долженствует быть наблюдаема») и даже о нравственности чтения чужих писем («надобно токмо все знать, а кроме добра, ничего из сего выйти не может»)³. В другом документе тот же О. П. Козодавлев подчеркивал необходимость поддерживать доверие к почте в обществе: «...надобно, чтобы никто не боялся сообщать через почту мысли свои откровенным образом, дабы в противном случае почта не лишилась доверия, а правительство сего верного средства к узнанию тайны»⁴. Как отмечал А. В. Предтеченский, к концу царствования Александра I в деле перлюстрации «правительственный шпионаж распространился чрезвычайно широко»⁵.

По мнению Ф. М. Лурье, «начало расцвета перлюстрации» относится к 30-м годам XIX в., когда во главе III Отделения находился граф А. Х. Бенкендорф⁶. В подтверждение своих слов автор цитирует

¹ Оржеховский И. В. Самодержавие против революционной России (1826–1880). М., 1982. С. 11–12.

² Предтеченский А. В. О перлюстрации писем в начале XIX в. (Секретная переписка О. П. Козодавлева с Д. П. Руничем) // Анатолий Васильевич Предтеченский. Из творческого наследия. СПб., 1999. С. 26.

³ Там же. С. 26–27.

⁴ ГА РФ. Ф. 109. СА. Оп. 3. Д. 508. Л. 1 об.

⁵ Предтеченский А. В. Указ. соч. С. 20.

⁶ Лурье Ф. М. Полицейские и провокаторы: политический сыск в России. 1649–1917. М., 1998. С. 88–94.

слова записки А. Х. Бенкендорфа (январь 1826 г.): «Вскрытие тайной корреспонденции составляет одно из средств тайной полиции и притом самое лучшее, так как действует постоянно и обнимает все пункты империи»¹. Но в этом документе речь идет о проекте, о теоретической модели, а не о реальной ситуации в стране. Даже в 1880-х годах, в период реорганизации политического сыска в стране действовало только 7 (!) перлюстрационных пунктов: в С.-Петербурге, Москве, Киеве, Харькове, Одессе, Тифлисе, Варшаве. Некоторое время существовали такие пункты в Вильно, Риге, Томске, Н. Новгороде, Казани².

Более обоснованным кажется мнение исследователей, специально занимавшихся деятельностью тайной полиции в первой половине позапрошлого века. Никто из них не фиксирует какого-либо качественного скачка в этой области с началом деятельности III Отделения. Напротив, И. М. Троицкий отмечал незначительную результативность перлюстрации. «Это видно, – писал он, – по тем совершенно безобидным письмам, которыми все же интересовались жандармские чины, в чаянии хоть какой-нибудь поживы»³. А. С. Нифонтов подчеркивал, что перлюстрация «всегда была заурядным явлением», проводилась она обычно небрежно и прежде всего касалась корреспонденции лишь отдельных лиц, обративших на себя внимание жандармов. Подавляющая часть поступивших в Россию по почте на имя частных лиц документов и писем, преследовавших прямую цель революционной пропаганды, доставлялась в III Отделение не почтовой цензурой, а самими адресатами или становилась известной совершенно случайно. По его мнению, лишь в 1848 г. контроль частной переписки был резко усилен и значительно расширен⁴.

Какие же цели преследовала перлюстрация? Они весьма удачно сформулированы руководителями ведомств, посвященных в эту самую сокровенную тайну. Шеф жандармов А. Х. Бенкендорф в 1840 г. докладывал императору: «Перлюстрация – это есть одно из главнейших средств к открытию истины; представляя, таким образом, способ к пресечению зла в самом его начале, она служит также указателем мнений и образа мыслей публики о современных происшествиях и о разных правительственных мерах и распоряжениях»⁵. Как видим, для А. Х. Бенкендорфа перлюстрация прежде всего метод борьбы с политическими преступлениями, но также средство сбора инфор-

¹ Проект г.-а Бенкендорфа об устройстве высшей полиции // Русская старина, 1900. Т. 104. С. 615–616.

² *Перегудова З. И.* Политический сыск России 1880–1917. М., 2000. С. 276.

³ *Троицкий И.* III-е отделение при Николае I. Л., 1990. С. 16.

⁴ *Нифонтов А. С.* Россия в 1848 г. М., 1949. С. 224–225.

⁵ *Оржеховский И. В.* Указ. соч. С. 72.

мации и канал негласной обратной связи «власть» – «общество». О первоначальном условии эффективного контроля, видимо, из-за недостижимости идеала уже не вспоминали.

Если подход шефа жандармов носил более прикладной, практический характер, то суждения главноначальствующего над почтовым департаментом А. Н. Голицына были, пожалуй, более эмоциональны. В докладе Николаю I в 1841 г. он отмечал: «[Перлюстрация] освещает императору предметы там, где формы законов потемняют, а страсти и пристрастия совершенно затмевают истину. Ни во что не вмешиваясь, она все открывает. Никем не видимая, на все смотрит, через нее государь узнает сокровенные чувства подданных и нужды их, слышит и вопль невинного и замыслы злодея...»¹ Таким образом, несмотря на выборочность, эпизодичность, поверхностность наблюдения, перлюстрация являлась важным источником информации правительственных сфер об общественных настроениях и слухах, о фактах злоупотреблений и преступлениях; средством, облегчающим попечительскую заботу государя о подданных, и способом, позволяющим проявлять монаршую милость и строгость.

Секретность перлюстрации изначально обеспечивалась почтовым ведомством. Еще в 1813 г. министр внутренних дел О. П. Козодавлев уверял московского почт-директора, что все сделанные выписки «у государя предаются огню, а также и у меня, а потому следов никаких не остается»².

С учреждением III Отделения направление этого секретного потока несколько изменилось. Видимо, беспокоясь о возможном раскрытии тайны (утрача выписок, разглашение сведений из писем), главноначальствующий над почтовым департаментом В. Ф. Адлерберг в конце 1844 г. уведомил III Отделение о необходимости обязательного возвращения копий с перлюстрированных писем. Как видно из ответа, незамедлительно было отправлено 365 выписок, другая часть находилась в делах, и их выемка требовала времени и, наконец, часть – отсутствовала. Как пояснил шеф жандармов А. Ф. Орлов, при его докладах императору «неоднократно случалось, что таковые выписки обратно не (...) поступали».

Требование почтового департамента встретило противодействие в стенах политической полиции. Старший чиновник этого ведомства А. К. Гедерштерн в служебной записке отмечал, что на выписках есть отметки императора, А. Х. Бенкендорфа, А. Ф. Орлова, самой канцелярии о принятых мерах. «Мы должны содержать в тайне наши

¹ ГА РФ. Ф. 109. С.А. Оп. 3. Д. 508. Л. 25–25 об.

² Предтеченский А. В. Указ. соч. С. 26.

по выпискам распоряжения»¹, – заключал он. Возникал вопрос: чья же тайна более тайная? Жандармскому ведомству все же пришлось уступить, Николай I приказал имевшиеся выписки возвратить. В царствование Александра II эта практика прекратилась, благодаря чему в архивном фонде III Отделения сохранилась богатейшая коллекция перлюстрированных писем.

Но насколько верно данные перлюстрации отражали общественные настроения и общественное мнение? Какую роль перлюстрация играла в деятельности тайной полиции? Какие проблемы имели приоритетное значение для императора и жандармского ведомства?

Судя по материалам III Отделения, под случаи «особенной важности» попадали западники и славянофилы, либералы и консерваторы, личности известные и никому не знакомые чиновники, помещики, студенты. Благодаря неосторожным суждениям в письмах с ними «знакомилось» III Отделение²: проводились разыскания (выяснялось место службы, адрес), иногда устанавливался негласный надзор.

На что же обращали внимание в III Отделении?

Буквально с первых дней существования III Отделения перлюстрация использовалась в его деятельности в борьбе с злоупотреблениями по службе. В письме Чекмарева к Подгоречани-Петри, перлюстрированном в апреле 1826 г., обратили внимание на фразу: «Это дело может иметь перевес и на ту и на другую сторону, а потому и нужно пожертвовать для обер-прокурора обер-секретаря и секретаря, а Сенаторам у меня готовятся записки, и я жду вашего ответа, согласны ли вы на сие, ибо время не терпит»³. Поскольку речь явно шла о намерении дать взятку, то выписка из письма была направлена министру юстиции с запиской о том, что «Государю Императору угодно, чтобы Ваше Превосходительство приказали узнать секретным образом о сем злоупотреблении» и сообщили о принятых мерах и выясненных подробностях⁴.

Другой пример, в апреле 1832 г. А. Х. Бенкендорф сообщил министру юстиции Д. В. Дашкову информацию, почерпнутую в письме из Петербурга в Москву на имя Афанасия Тютчева, о том, что по

¹ ГА РФ. Ф. 109. 1844. 1 эксп. Д. 212. Л. 1–2.

² Именно так III Отделение впервые узнало (1856 г.) о Н. Г. Чернышевском и его влиянии на молодежь. На выписке против восторженных слов письма студента Казанского университета о деятельности «нашего просветителя» Н. Г. Чернышевского Л. В. Дубельт пометил: «Неизвестен» (*Макашин С. А.* Два документа о Чернышевском из архива III Отделения // Литературное наследство. Т. 67. М., 1959. С. 130).

³ ГА РФ. Ф. 109. СА. Оп. 3. Д. 170. Л. 1–1 об.

⁴ Там же. Л. 3.

делу, производящемуся во 2-м Департаменте Правительствующего Сената предполагалось дать некоторую сумму денег обер-секретарю Фиалковскому. О проведенной проверке Д. В. Дашков сообщил: «...дав знать об этих сведениях обер-прокурору департамента (...), я предписал ему разведать под рукою о сем обстоятельстве, и если бы сведение то оправдалось, то сделать законное распоряжение и немедленно донести». Обер-прокурор, в свою очередь, сообщил, что по процедуре ведения этого дела обер-секретарь не может оказать никакого влияния на его исход, кроме того за семь лет службы в этом департаменте он не заметил, чтобы Фиалковский «навлекал на себя подозрения в корыстных по службе поступках». Поэтому министр уверил главу тайной полиции, что «будет обращать на означенное дело особенное внимание и не упустит никакого случая для открытия всякого преступного действия, с которой бы стороны оно ни последовало»¹.

А вот шеф жандармов А. Ф. Орлов в письме к министру юстиции В. Н. Панину от 25 августа 1846 г. не указывал, что источником информации была перлюстрация. Он ссылаясь на то, что сведение об имущественной тягбе в рязанской судебной палате «получено частным образом». В фразе о ходатае по делу, который уверял истца, «что указ Сената гражданской палатой не будет исполнен до тех пор, пока она, Анна Григорьевна, не примет мер, известных от чиновника палаты, и что Лош... негодует на означенную просительницу за табакерку»², есть весьма характерное сокращение фамилии, которое допускалось в тех случаях, когда перлюстратор не мог разобрать почерк автора. Почти год ушел на то, чтобы выяснить ситуацию с вымогательством золотой табакерки у помещицы А. Г. Ермоловой товарищем председателя рязанской гражданской палаты статским советником Лошаковым и получить высочайшее повеление об увольнении Лошакова от должности и неопределении его на службу в будущем³.

Общественная и частная жизнь подданных тоже интересовала перлюстраторов и политическую полицию. При этом блюстители порядка не особо заботились о сохранении тайны. Так, А. С. Пушкин узнал о чтении его писем к жене через служившего у А. Х. Бенкендорфа П. И. Миллера⁴. А. И. Кошелеву рассказал сам шеф жандармов, который «по просьбе Булгакова пригласил меня к себе и показал мне разные обо мне собранные сведения и в особенности перехваченное на почте письмо Киреевского ко мне, которое было совершенно лож-

¹ Там же. Д. 179. Л. 1–1 об.

² Там же. Д. 320. Л. 1.

³ Там же. Л. 56.

⁴ Чукарев А. Г. Указ. соч. С. 285.

но истолковано и даже вполне извращено». Автор письма и тайная полиция разошлись в коннотации слова «революция»: «Киреевский в своем письме говорил о необходимости революции в нашем умственном и нравственном быте, а тайная полиция вообразила или с умыслом представила, что тут речь идет о революции политической, к которой душевно расположен был писавший»¹.

Так, старший чиновник III Отделения Сагтынский осторожно спрашивал у А. И. Герцена, *слышал* ли он историю о том, что у Синего моста будочник убил и ограбил ночью человека, *повторял ли* этот слух *с рассуждениями*, демонстрировавшими «наклонность к порицанию правительства»?² А вот управляющий III Отделением Л. В. Дубельт, порицая молодого человека за то, что в то время, когда «мы выбиваемся из сил, чтоб все шло как можно тише и глаже, а тут люди, остающиеся в какой-то бесплодной оппозиции, несмотря на тяжелые испытания, страшат общественное мнение, рассказывая и сообщая письменно, что полицейские солдаты режут людей на улицах», спрашивал: «Не правда ли? Ведь вы писали об этом?»³ Признавая тем самым факт перлюстрации. Л. В. Дубельт демонстрировал разницу благонамеренного и оппозиционного отношения к слуху: «Я, повторяя эту нелепость, клялся, что этого никогда не было, а вы из этого слуха сделали повод обвинения всей полиции»⁴.

Перспектива немедленной высылки в Вятку побудила А. И. Герцена писать А. Х. Бенкендорфу 8 декабря 1840 г.: «Обдумывая с горькими слезами все случившееся, я клятвенно должен повторить, что совесть моя чиста, я пересказал в семейном кругу слышанную новость, и пересказал ее как слышал – я не могу верить, (...) вас господь избрал, чтоб быть посредником между монархом и всяким удрученным горестью, и я с полною доверенностью кладу судьбу мою под покровительство вашего сиятельства»⁵. История закончилась переводом на службу в Новгород.

Хорошо известно, как неосторожные суждения И. С. Аксакова в письме к родным привели его к пятидневному аресту 18–22 мар-

¹ Русское общество 40–50-х годов XIX в. Часть I. Записки А. И. Кошелева. М., 1991. С. 62. К. Я. Булгаков – С.-Петербургский почт-директор.

² Герцен А. И. Собр. соч.: В 30 т. М., 1955–1965. Т. 9. С. 55.

³ Там же. С. 58. Текст этого письма не сохранился. Но известно письмо А. И. Герцена к Ю. Ф. Куруте от 26 ноября 1840 г., в котором он наряду с новостями столичной музыкальной жизни упомянул, о чем «на прошлой неделе кричали», что «будочник у Синего моста зарезал и ограбил какого-то купца и, пойманный, повинился, что это уж шестое душегубство в этой будке» (Там же. Т. 22. С. 93).

⁴ Там же. Т. 9. С. 58.

⁵ Там же. Т. 22. С. 94.

та 1849 г. Арестанту пришлось ответить на вопросы III Отделения. Его искренние суждения были доложены Николаю I. Заинтересованный читатель оставил на полях свои ремарки, мудро заметив, что рассуждения молодого чиновника – «это тон, который делает музыку», и поручил А. Ф. Орлову: «Призови, прочти, вразуми и отпусти»¹. Сам И. С. Аксаков понимал, что император с ним поступил «великодушно»², но «его система преследовала меня до самой его кончины, т. е. созданные им жандармы тяготели на мне надзором, доносами и т. п.»³. Хотелось бы обратить внимание на два обстоятельства. В переписке с родными И. С. Аксаков буквально ходил по лезвию бритвы. 6 марта 1849 г. он сообщал: «Пишу вам с почтой, но ищу okazji, чтобы написать особо...»⁴, явно показывая, что ему есть что скрывать от посторонних глаз. Из письма от 10 марта видно, что отец ему указывал на то, что в одном из писем помещены выражения, «для почты неудобные», а потому ответ пересылается им с оказией. Рассказывая о заключении Ю. Ф. Самарина, И. С. Аксаков просил сообщить о реакции в Москве на его арест: «Этот интерес вытесняет слишком все другие, а об нем писать нельзя!»⁵ 14 марта 1849 г., информируя о реакции родителей Самарина на происшествие с их сыном, он, видимо, переборщил с иронией: «Я вам пишу все это по почте, хотя и не следовало бы тут, а если бы и прочли даже, так ведь надо вспомнить, что Адлерберг и Прянишников прекрасные люди»⁶. Главноуправляющий почтовым департаментом В. Ф. Адлерберг и С.-Петербургский почт-директор Ф. И. Прянишников вряд ли оценили этот язвительный комплимент. Во всяком случае терпение тайных читателей писем иссякло, и И. С. Аксаков оказался под арестом.

Другое любопытное обстоятельство – это характер некоторых вопросов, заданных Аксакову. В первую очередь полицию интересовали политические идеи и настроения. При этом жандармское ведомство не смущало вторжение в семейный мир. Не обнаружив в бумагах некоторых писем, чиновники потребовали: «...объяснить с полной откровенностью все содержание (...) письма, и, если сохранила Ваша память, изложите оное точными словами, особенно те места, за которые Вы получили замечание от Вашего родителя»⁷. Дальше необходимо

¹ Аксаков И. С. Письма к родным. 1844–1849. М., 1988. С. 497.

² Там же. С. 483.

³ Там же. С. 678.

⁴ Там же. С. 479.

⁵ Там же. С. 480.

⁶ Там же. С. 481.

⁷ Там же. С. 499.

было объяснить, что он имел в виду, когда сообщая о своих предположениях по службе написал, что «всего бы лучше вовсе не писать»¹, т. е. отвечать пришлось за то, что решил сообщать свои мысли не через почту, а с оказией. И наконец вопрос: «Почему вы позволили себе помещать в Ваших письмах известие о заключении камер-юнкера Самарина в крепость (...)»?», изумивший И. С. Аксакова: «Я не понимаю, почему я в письме не мог упомянуть о заключении камер-юнкера Самарина в крепость, когда это было известно всему городу и все об этом говорили...»² Видимо, чиновники III Отделения не понимали, как нелепо выглядит запрет упоминания о судьбе близкого человека в частном письме, неприкосновенность которого гарантировалась законами Российской империи.

Несмотря на некоторую либерализацию общественной жизни, отношение политической полиции к сведениям, получаемым из перлюстрированных писем, в начале царствования Александра II существенно не изменилось. Судя по делам I экспедиции III Отделения за 1856 г. постоянно заводились дела с заголовками «По письму...» с указанием (если было известно) адресата и корреспондента³. Основанием для таких действий служила имевшаяся на выписках типичная резолюция императора, предписывающая сообщить содержание тому или иному министру «как дошедшие сведения»⁴.

Среди обнаруженных в архиве дел преобладают материалы о злоупотреблениях: о взяточничестве инспектора горнозаводских госпиталей в Оренбурге; о сестрах сердобской общины, обиравших раненых; об интригах в «верхах» Симбирска; о продажности астраханских властей и т. д. Как видим, общественное пробуждение начиналось со вскрытия язв, люди заговорили о том зле, с коим уже не было сил мириться. И хотя в ходе расследования оглашенные факты подтверждались не всегда, ощущение всеобъемлющего надзора со стороны III Отделения создавалось.

Иногда случались курьезные ситуации. Так, по распоряжению Александра II министру народного просвещения А. С. Норову сообщили о высказывании общего характера из письма педагога Б. И. Ордынского из Казани к профессору Московского университета О. М. Бодянскому – «многие учителя в Казани ведут себя не соответственно своему званию». Письмо из III Отделения требовало

¹ Аксаков И. С. Письма к родным. С. 503.

² Там же. С. 504.

³ ГА РФ. Ф. 109. I эксп. 1856. Д. 142, 143, 150, 181–183, 238, 246, 247, 255, 257.

⁴ На упомянутом выше письме студента Казанского университета Александр II начертал: «Сообщить министру народного просвещения, не обнаруживая источника, как о слухах, дошедших до сведения» (Макашин С. А. Указ. соч. С. 130).

от А. С. Норова принять меры. Но какие? К кому? Ответ министра просвещения был составлен довольно резко. А. С. Норов указывал, что сообщенные сведения «по неопределенности своей поставляют меня в крайнее затруднение (...) [и] объяснения по неопределенности обвинения не могут быть положительными», кроме того, они бросают тень на многих добропорядочных лиц. Такая реакция министра была вполне резонна. Проявляя бдительность, тайная полиция явно перестаралась, что и была вынуждена признать в ответном письме, в котором говорилось, в частности: «III Отделение по ошибке сообщило министру народного просвещения, что многие учителя учебных заведений в Казани ведут себя не соответствующе своему званию»¹.

Постепенно в перлюстрации начинают преобладать политические мотивы, прибавляя работы III Отделению.

Перехваченное в 1857 г. письмо Г. Миклашевского к отцу, в котором он неосмотрительно рассказывал о своем пребывании за границей, о намерении издавать русские книги, а также привезти по возвращении различные «вольные» издания, побудило III Отделение обратиться к Саксонской полиции для помощи в противодействии его намерениям. При возвращении в Россию Г. Миклашевский был арестован, и у него удалось изъять большое количество запрещенной литературы².

Письмо чиновника П. Вершинского к книгопродавцам И. Зупанскому в Познань и Кроликовскому в Париж о способах пересылки запрещенных изданий, их маскировке и обмане таможни позволило III Отделению дать соответствующие распоряжения таможенному и почтовому ведомствам, а также установить негласный надзор за автором письма. Прусскому поданному И. Зупанскому было запрещено проживать в Царстве Польском³.

Получив из перлюстрации сведения о настроениях жителей Польши, царский наместник в Варшаве М. Д. Горчаков вынужден был объясняться с управляющим III Отделения А. Е. Тимашевым. Наместник защищал одного из авторов неосторожных суждений, видя в настороживших полицию словах лишь «теоретическое направление ума», в последнее время значительно распространившееся между лицами всех сословий⁴.

¹ ГА РФ. Ф. 109. I эксп. 1856. Д. 181. Л. 1, 4, 6.

² Рудницкая Е. Л. Из истории революционных русских изданий конца 1850-х гг. за границей // Революционная ситуация в России 1859–1861 гг. М., 1963. С. 357–363.

³ Заславский Д. Царизм в борьбе с Герценом // Красный архив, 1937. № 2. С. 221; ГА РФ. Ф. 109. СА. Оп. 1. Д. 101. Л. 6; Порох И. В. По всей России // Распространение печати в СССР, 1967. № 5. С. 36.

⁴ ГА РФ. Ф. 109. I эксп. 1857. Д. 244. Л. 1–6.

Иную позицию занимал обер-прокурор Синода А. П. Ахматов, просивший шефа жандармов В. А. Долгорукова сделать распоряжение по почтовому ведомству о скорейшем доставлении списка всех лиц духовного ведомства, к которым за последнее время были адресованы различные письма¹.

Указания от III Отделения почтовый департамент получал достаточно часто. Обычно речь шла об адресах и фамилиях лиц, на корреспонденцию которых необходимо было обратить внимание. Так, в 1859 г. предписывалось установить секретное наблюдение за письмами, адресуемыми на имя лондонского банкира Вильяма, ибо подозревали, что через него ведется переписка с А. И. Герценом².

Иногда полицейские предписания были трудноисполнимы. Однажды, получив по почте письмо с предложениями различных реформ, необходимых России, В. А. Долгоруков распорядился направить конверт Ф. И. Прянишникову, чтобы узнать, «откуда и кем оно подано». В ответе обстоятельно разъяснялось: «Пакет подан на городскую почту в вечеру 5 сего февраля в приемном месте городской почты № 2. Так как пакеты в штемпельных конвертах опускаются в ящики городской почты самими подавателями без оплаты денег, то содержатель вышеозначенной лавки, не видевший адреса этого пакета, совершенно не помнит, кто именно принес его в лавку»³. В другой раз, видимо, спохватившись, III Отделение просило сообщить адрес получателя некогда перлюстрированного письма. Здесь выручала только профессиональная память (следовательно, выписки не регистрировались и адреса не фиксировались): «Письмо, сколько помнится, было адресовано так, его высокоблагородию Никарду Ник. (не выписано) Рашевскому на Васильевском острове (линию и дом не помним) для передачи Ник. Петр. Zubову»⁴.

С начала 1860-х годов III Отделение и почтовый департамент активно сотрудничали в деле изъятия рассылаемых по почте прокламаций. Эффективность этой операции, видимо, удовлетворяла тайную полицию. В одной из служебных записок говорилось, что из 21 имеющегося у них пакета «только шесть писем прошли по почте незамеченными, что весьма легко могло случиться, потому что при ежедневном отправлении нескольких тысяч писем нет никакой возможности всех их без изъятия вскрывать». Как явствует из этого же документа, миновать перлюстрацию могли лишь письма, опущенные

¹ Герцен А. И. Полн. собр. соч. в 22-х тт. Т. 15. С. 68.

² ГА РФ. Ф. 109. 1 эксп. 1859. Д. 87. Л. 26.

³ Там же. 1858. Д. 52. Л. 6.

⁴ Там же. СА. Оп. 1. Д. 92. Л. 3.

«в наружные ящики при железной дороге, на которой перлюстрация производиться не может, и (...) адресованные г. управляющему III Отделением, корреспонденция, коего не подвергается осмотру»¹.

В середине XIX в. III Отделение выдерживало прежнюю линию, считая, что перлюстрация «должна быть сосредоточена в одном управлении» – почтовом департаменте, являвшемся как бы гарантом сохранения тайны и виртуозом вскрытия писем². Само же III Отделение контролировало переписку «государственных преступников» (например, декабристов и членов их семей)³.

Сколь ревностно почтовый департамент оберегал свою «монополию» и секретность перлюстрации показывает конфликт между московским генерал-губернатором П. А. Тучковым и главноначальствующим над почтовым департаментом И. М. Толстым. В феврале 1863 г. в Москве по распоряжению П. А. Тучкова был арестован поляк Павловский, до того опустивший два конверта в ящик городской почты. Ящик был вскрыт в присутствии чиновника почтамта, подозрительные пакеты были изъяты. Однако И. М. Толстой выразил неудовольствие по поводу этой акции, считая «необходимым предварительно сноситься с почт-директором, который от себя сделает распоряжение об удержании оных».

Свои действия П. А. Тучков объяснил в письме к В. А. Долгорукову от 25 февраля 1863 г. тем, что «могут быть иногда задержаны самые пакеты, но ни в коем случае лицо, опустившее оные в ящик», и, сдерживая чувство обиды, заявил, что надо содействовать, а «не парализовывать действия и распоряжения глав местной власти, к которым надо же иметь какое-нибудь доверие»⁴. Об этом конфликте

¹ Там же. 1 эксп. 1861. Д. 97. Ч. 2. Л. 112.

² ГА РФ. Ф. 109. СА. Оп. 3. Д. 508.

³ И. В. Оржеховский пишет, что «III Отделение само перлюстрировало корреспонденцию «государственных преступников» (*Оржеховский И. В. Указ. соч. С. 72*). Однако это не совсем верно. Точнее, следует говорить о цензуре переписки. Ибо сам факт вскрытия писем государственных преступников не был тайной ни для них самих (содержание писем регламентировалось), ни для их адресатов, к которым письма поступали с сопроводительной запиской шефа жандармов и с зачеркнутыми фрагментами текста недозволенного содержания. (*Ретунский В. Ф. Ссылные декабристы и царская цензура // Известия Сибирского отделения АН СССР. Новосибирск. 1975. № 11. Серия обществ. наук. Вып. 3. С. 98–103; Дамешек Л. М., Кодан С. В. Система контроля за перепиской ссыльных революционеров в Сибири (1826–1856) // Ссылные революционеры в Сибири. Иркутск, 1965. С. 177–187; Тальская О. С. Письма декабриста А. Ф. Бриггена в III Отделение // Политическая ссылка в Сибири в конце XIX – начале XX веков. Историография и источники: Сб. статей. Новосибирск: Наука, 1987. С. 99–111.*)

⁴ ГА РФ. Ф. 945. Оп. 1. Д. 47. Л. 4–5 об.

было сообщено императору и, как докладывал И. М. Толстой, генерал-губернатору было указано, «чтобы он в случаях особенной важной государственной необходимости принимал относительно подзрительной корреспонденции меры предосторожности не иначе как совместно с московским почт-директором, не привлекая к сему никаких подчиненных лиц»¹.

В сентябре 1863 г. П. А. Тучкову вновь было высказано неудовольствие его действиями, теперь уже со стороны непосредственного начальства – министра внутренних дел П. А. Валуева, раздраженного вмешательством в дела другого ведомства, минуя министра. Дело в том, что московский генерал-губернатор дважды обращался к почт-директору, используя право объявления высочайшего повеления, с предписанием о доставлении ему писем, адресованных лицам, находящимся под следствием. Отмечая совершенное «отступление от правил», П. А. Валуев просил в будущем делать такие распоряжения через него: «Из того, что вам высочайше разрешено было требовать сообщение известного рода сведений, можно было не выводить еще заключения, что вам предоставлено было требовать их непосредственно от низшей инстанции постороннего ведомства, вместо того чтобы обращаться для сего к инстанции высшей...»²

Когда же речь шла о фигурах не столь значительных, как московский генерал-губернатор, почтовый департамент не снисходил до объяснений и был категоричен. Так, И. М. Толстой 27 апреля 1863 г. сообщал шефу жандармов В. А. Долгорукову: «Получил вчера от вятского губернского почтмейстера телеграмму о требовании тамошнего жандармского штаб-офицера, по поручению губернатора, чтобы ему предъявлялись частные письма на разные имена, я немедленно приказал по телеграфу же отвечать, что вверяемая почте корреспонденция неприкосновенна и что требования жандармского штаб-офицера исполнить нельзя. Обязанностью считая о том уведомить ваше сиятельство, имею честь покорнейше просить о принятии зависящих мер, дабы ведомство III Отделения (...) во избежание опрометчивости подчиненных лиц, всякое требование секретных почтовых сведений заявляло мне известным вашему сиятельству порядком, ибо только непосредственные между нами сношения могут обеспечить тайну распоряжений, составляющих отступления, по особенно важным государственным причинам, от общеустановленных почтовых правил»³.

¹ ГА РФ. Ф. 945. Оп. 1. Д. 57. Л. 1–1 об.

² Там же. Л. 4–5.

³ Там же. Л. 2–2 об.

Таким образом, III Отделение и почтовый департамент не просто тщательно маскировали эту одиозную практику, а сознательно ограничивали круг ее использующих, видя в этом прерогативу только верховной власти.

Однако попадая к высшим должностным лицам, секретные сведения не оставались за «семью печатями». В начале 1860-х годов один из агентов III Отделения жаловался В. А. Долгорукову на министра финансов А. М. Княжевича, который говорил известному экономисту Е. И. Ламанскому, что шеф жандармов сообщил о нем «невыгодные сведения, и Ламанский догадывается, что какие-то письма его были распечатаны на почте». «Очень жаль, что наши министры столь вероломно поступают против III Отделения, когда оно предупреждает их конфиденциальным образом», – сетовал неизвестный осведомитель¹.

Однако и помимо утечек «сверху» тайна перлюстрации была прозрачной для современников. Весьма характерный эпизод запечатлен в изданной в Париже в 1854 г. книге Лакруа «Les Mystères de la Russie»². В этой книге была описана анекдотическая ситуация, якобы имевшая место в николаевской России. Автор доверительно сообщил: «Почтовая тайна есть чистейшая фикция. Никакая печать не священна для русской полиции. И это признается [полицией] громко, гласно, как самая простая вещь. Частные люди, даже знать иногда прямо боятся получать письма иначе как по почте именно оттого, что почта по крайней мере прочитывает и цензурирует письма, а если получишь через посыльного, то там вдруг окажется что-нибудь неблагонадежное! Даже слуги великой княгини Елены Павловны убоялись как-то принять письмо, посланное ей англичанином Рексом не по почте, а через лакея»³.

О перлюстрации смело могла писать лишь вольная русская печать. В «Правде о России» князь П. В. Долгоруков с присущей ему категоричностью суждений утверждал, что «в России одни дураки пишут истину по почте». Неоднократно этих сюжетов касался герценовский «Колокол»⁴. Стоустая молва, как водится, «знала все», но достоверно было известно немного. Поэтому таинственными легендами был окутан весь процесс перлюстрации. Естественно, обывателей интересовала технология вскрытия писем. А. М. Унковский в своих «Записках» приводил рассказ губернатора Батурина о его

¹ Там же. Ф. 109. СА. Оп. 1. Д. 106. Л. 3.

² «Тайны России» (франц.). – *Примеч. ред.*

³ *Тарле Е. В.* Запад и Россия. Пг., 1918. С. 71.

⁴ *Долгоруков П. В.* Правда о России. Париж, 1861. Т. 2. С. 154; См. напр.: «Колокол». Л. 7, 1 января 1858. С. 56; Л. 73–74. 15 июня 1860. С. 620.

службе в III Отделении вместе с чиновником Поповым. Сам Николай I якобы поручил им «найти средство заклеивать конверты так, чтобы не было узвано, что они были распечатаны. (...) Попов додумался, стал пробовать уриной распечатывать и пошел в гору»¹. Однако эта история маловероятна, ибо III Отделение занималось идейной, а не технической стороной этого процесса. Хотя, конечно, творческие опыты с мочой жандармам не были противопоказаны.

Заслуживает внимания и обмен опытом персонажей М. Е. Салтыкова-Щедрина: князя де ля Клюква и агента французской полиции Шенапана. Первый сообщал: «Прежде, когда письма запечатывались простым сургучом, конверты не заклеивались по швам, это [т. е. вскрытие. – О. А.] было, конечно, легко. Достаточно было тоненькой деревянной спички, чтоб наvertеть на нее письмо и вынуть его из конверта». Шенапан разъяснял, как незаметно открыть клеенные конверты: «Берем письмо, приближаем его к кипящей воде и держим над паром конверт тою его стороною, на которой имеются заклеенные швы до тех пор, пока клей не распустится»².

В мемуарах более позднего периода отмечалось: «Сам процесс вскрытия производился до недавнего времени с помощью небольшого костяного ножика, которым подрезывался удобный для вскрытия клапан письма; последнее же время вскрытие писем производилось паром (...). В случае если письмо было запечатано большой печатью так, что нельзя было подрезать края печати, не испортив ее самой, то до ее вскрытия приходилось подготовить печатку, чтобы ею после прочтения и заделки вновь запечатать письмо»³.

Занимались этим малопочтенным ремеслом профессионалы⁴. Фамилии некоторых из них были названы в «Колоколе»⁵. Но и без герценовских публикаций такая служба признавалась, безусловно, аморальной. Бывший министр народного просвещения А. В. Головнин рассуждал в одном из своих писем (январь 1867 г.): «Никакой

¹ Унковский А. М. Записки // Русская мысль, 1906. № 7. С. 92.

² Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч.: В 20 т. Т. 8. М., 1969. С. 247.

³ Майский С. «Черный кабинет». Из воспоминаний бывш[его] цензора // Былое, 1918. № 13. С. 185–197.

⁴ Специфика деятельности, несомненно, накладывала отпечаток на характер, образ жизни чиновников. Уже будучи министром внутренних дел А. Е. Тимашев во всеподданнейшем докладе писал о сотрудниках «черных кабинетов» как о людях, «приносящих в жертву его [государства. – О. А.] пользам всю жизнь свою, совершенным отчуждением себя от света, от всяких общественных связей и от той доли свободы, которая во всех других ведомствах более или менее предоставлена на отдохновение от служебных работ и трудов» (ГА РФ. Ф. 109. СА. Оп. 3. Д. 508. Л. 34–34 об.).

⁵ Герцен А. И. Собр. соч. в 30 тт. Т. 14. С. 284–285, 345.

честный благородный человек не согласится вскрывать чужие письма. (...) Если же это делает человек бесчестный, то можно ли верить верности извлечения или копии? Как знать, не выдумал ли он многого, не пропустил ли многое, не исказил ли смысл письма»¹.

Несмотря на тщательность маскировки, иногда встречались и промахи, досадные для почтовой цензуры. Так, в корреспонденции «Почтовая заметка», предназначенной для публикации в одной из газет, сообщалось о получении автором конверта с чужим письмом. Далее корреспондент сообщал, что при внимательном рассмотрении обнаружилось, что конверт был сбоку разрезан, а затем снова заклеен. «На последнее, я, так и быть, уже не жалуюсь, коли это так и быть должно; но зачем же письма менять», – ехидно заметил неизвестный автор. Вполне вероятно, что перлюстраторы здесь были ни при чем (техника вскрытия иная), но цензурное ведомство все же запретило печатать эту заметку².

О другом казусе читаем в письме эмигранта князя П. В. Долгорукова. О своей неудачной попытке послать письмо с историческими сведениями в «Русский архив» он сообщал М. П. Погодину (14/2 октября 1865 г.): «Письма в России всегда распечатывали втихомолку, но ныне прогресс достиг и до самих Шпекиных, письмо мое распечатали открыто и возвратили мне по почте же. А что распечатано оно в почтамте, то доказывает вид пакета, мною тщательно сохраненного. Вы видите, что граница Европы находится на Немане и дальше не простирается...»³

Естественно, отправляя свои письма, россияне рассчитывали на возможную их перлюстрацию и даже бравировали своей осведомленностью.

Сын шефа жандармов графа А. Ф. Орлова Н. А. Орлов, посылая 13/25 января 1856 г. из Парижа к великому князю Михаилу Николаевичу письмо с оказией, радовался, что благодаря этому он «не обязан рассчитывать каждое слово и постоянно иметь в виду перлюстрацию»⁴. Не менее близкий ко двору человек поэт А. К. Толстой в письме к И. С. Аксакову от 31 декабря 1856 г. рассуждал о том, что полученном от него письме: «Оно шло 16 дней из Москвы, всего 600 верст, уж не заезжало ли оно в Петербург? Нельзя рас-

¹ Письма А. В. Головкина к Н. В. Ханыкову // Исторический архив, 1950. Т. 5. С. 362.

² Сборник статей, недозволенных цензурой. СПб., 1862. С. 499.

³ Барсуков М. И. П. В. Долгоруков о царской России и о дуэли А. С. Пушкина с Дантесом // Звенья. Т. 1. М.; Л. 1932. С. 80.

⁴ ГА РФ. Ф. 649. Оп. 1. Д. 382. Л. 12 об.

честь, куда может занести письмо противный ветер»¹. Сам И. С. Аксаков в письме к В. А. Черкасскому от 26 ноября 1859 г. утверждал: «...теперь перлюстрация сильнее, чем когда-либо». Зачастую авторы, умышленно рассчитывая на перлюстрацию, надеялись довести до сведения императора факты административного произвола в высших сферах. Много претерпевший от произвола тайной полиции И. С. Аксаков в цитированном выше письме обличал деспотизм управляющего III Отделением: «А. Е. Тимашев – настоящий С.-Петербургский царь, т. е. олицетворение той системы, того порядка вещей, которые полновластнее и сильнее самого государя и его министров»².

Так что еще не известно, кто кого перехитрил: власть, тайно вскрывающая конверты, или «верноподданные», умышленно «подбрасывающие» ей ту или иную информацию.

По признанию А. М. Осипова, чиновника особых поручений при министре почт и телеграфа: «В обществе существует твердое убеждение, что почтовая администрация производит перепечатку частных писем не только в почтамтах, но и в почтовых конторах». «Упадок доверия к почте существует, несомненно, он доказывается, прежде всего, сокращением числа пересылаемой корреспонденции и уменьшением почтового сбора»³, – доказывал А. М. Осипов в записке, адресованной шефу жандармов П. А. Шувалову (16 января 1869 г.). Однако эти наблюдения особого интереса у руководителя политической полиции не вызвали.

Вероятно, это объясняется тем, что Александр II всегда с большим вниманием относился к перлюстрации и придавал ей важное значение как альтернативному (по отношению к министерским докладам) источнику информации. Это видно из переписки императора с великим князем Константином Николаевичем во время пребывания последнего должности наместника Царства Польского. Так, в письме от 2/14 августа 1862 г., рассуждая об устройстве высшей полиции, которая должна быть, по мнению царя, непременно в руках наместника, а не в ведении начальника гражданского управления А. Велепольского («иначе до тебя будет только доходить то, что он заблагорассудит, чтобы было доведено до твоего сведения»), Александр II отмечал: «Хорошим противоядием для этого может быть до некоторой степени перлюстрация, и я надеюсь, что ты ею пользуешься. Массон»⁴,

¹ Толстой А. К. Собр. соч.: В 4 т. Т. 4. М., 1980. С. 329.

² Порох В. И. И. С. Аксаков и царизм (конец 40 – начало 60-х годов) // Освободительное движение в России. Вып. 13. Саратов, 1969. С. 64.

³ ГА РФ. Ф. 109. С.А. Оп. 3. Д. 556. Л. 3–3 об.

⁴ Массон А. П. – начальник почтового округа Царства Польского и Варшавский почт-директор.

сколь мне известно, человек благородный, не принадлежавший ни к какой партии, и потому на беспристрастие его можно надеяться¹». Остерегаясь опеки одного чиновника, пусть даже преданного («трудно, когда слышишь только одну сторону»), Александр II предлагал Константину Николаевичу установить непосредственные контакты с почт-директором. Хотя сам император с почтовым департаментом, вероятно, прямых отношений не имел². Поэтому шеф жандармов имел большие возможности влиять на позицию и взгляды царя.

К примеру, проследим, сколь объективна была информация о деятельности А. И. Герцена. Анализ перлюстрированных писем, собранных в «Секретном архиве» III Отделения, позволяет определить некоторые общие тенденции.

Значительная часть писем содержала суждения и оценки, благожелательные по отношению к А. И. Герцену. Так, например, приветствовали обличительный характер его изданий («один только “Колокол” звучит правдою, невзирая ни на какое лицо»³, «Где только существуют искандеровские издания, там мало верят в святость и непогрешимость жителей Зимнего дворца»⁴), восхищались его озабоченностью судьбой России (в одном письме А. И. Герцен назван наряду с Гарибальди «поборником добра», действующим «словами от сердца, исполненным любовью к Родине»⁵). Отмечалось массовое распространение и свободное получение запрещенных изданий, факты пересылки материалов и посещения А. И. Герцена в Лондоне⁶.

Как сторонники, так и противники Искандера признавали его влияние на молодежь. Сообщая о неурядицах в Казанском университете, неизвестный автор подытоживал: «...приписывают многое влиянию Герцена»⁷; в другом письме читаем: «Яд Герцена вторгся в здешнюю

¹ Переписка императора Александра II с великим князем Константином Николаевичем за время пребывания его в должности наместника Царства Польского // Дела и дни. Кн. 2. Пг., 1921. С. 139.

² И. В. Оржеховский указывает, что почтовое ведомство осуществляло перлюстрацию частной корреспонденции и «предоставление выписок лично императору, который затем передавал их руководству III Отделения» (*Оржеховский И. В. Указ* соч. С. 72). Однако сохранившиеся в делах «Секретного архива» записки В. А. Долгокурова наподобие следующей: «6 выписок Д[оложено] Е[го] В[еличеству]» – определенно свидетельствуют о том, кто кого знакомил с перехваченной корреспонденцией (ГА РФ. Ф. 109. СА. Оп. 3. Д. 1916. Л. 2).

³ ГА РФ. Ф. 109. СА. Оп. 1. Д. 99. Л. 4.

⁴ *Порох И. В.* По всей России. С. 37.

⁵ *Заславский Д.* Царизм в борьбе с Герценом. С. 223.

⁶ ГА РФ. Ф. 109. СА. Оп. 1. Д. 92. Л. 1; Д. 97. Л. 1; Д. 101, 118, 121, 1150.

⁷ Там же. Д. 105. Л. 1.

семинарию»¹ и т. д. Как видим, все это лишь самые общие, эмоциональные отклики, но и они наверняка были мало приятны высокопоставленным читателям, показывая, как глубоко проникли семена крамолы в русское общество, и, демонстрируя бессилие остановить «колокольный звон».

Но есть в перлюстрации и более пространные размышления, содержащие весьма тенденциозную трактовку программных основ и тактики А. И. Герцена.

Основой для подобных рассуждений послужили явно неудачные публикации на страницах «Колокола» «Письма к редактору» (Л. 25. 1 октября 1858 г.) и «Письма из провинции» (Л. 64. 1 марта 1859 г.).

То, что А. И. Герцен неоднократно отмежевался от призывов к насилию, отстаивал идеи мирной революции, осталось не замеченным многими читателями. Призывы авторов статей отождествлялись с позицией редактора. Так, приводя слова из «Письма к редактору»: «На себя только надейтесь, на крепость рук своих: заострите топоры да за дело! Отменяйте крепостное право, по словам царя, снизу. За дело, ребята, будет ждаться да мыкать горя, давно уж ждете, а чего дождались?», «Д. С.», писавший из Парижа Ростопчиной в Москву, вопрошал: «Не правда ли, что это воззвание так же гнусно как французские журналы во время террора», и сетовал, что из-за границы невозможно опровергнуть «все клеветы “Колокола”». На этой выписке Александр II отметил: «Весьма благонамеренное письмо»².

Некто Швейковский из Парижа писал о А. И. Герцене Неелову в Смоленск: «Это какой-то пьяный террорист, Марат в пальто, в котором слепое озлобление на помещичью власть заглушило и разум, и совесть». О характере восприятия деятельности А. И. Герцена Александром II свидетельствует другое письмо, заслужившее одобрительную пометку царя: «Хорошо бы если бы побольше так думали!» Материнские наставления касались пагубного влияния А. И. Герцена на молодежь (октябрь 1860 г.): «Искандер набил им головы, что одна революция может спасти мир, а они распустили ослиные уши и поверили. Он кричит из-за морей в нашу благоустроенную Россию: крови! крови! и дурни бросают спокойный уголок (...) и становятся в ряды недовольных, потому только, что Искандеру так угодно было»³.

Письмо Левашёва из Казани – гневная филиппика, построенная на голословных обвинениях. Он клеймит: «...подлец Искандер, ру-

¹ ГА РФ. Ф. 109. С.А. Оп. 1. Д. 1150. Л. 4.

² *Порох И. В.* А. И. Герцен в письмах своих идейных противников (конец 50-х – начало 60-х гг. XIX в.) // *Историографический сборник*. Вып. 16. Саратов, 1994. С. 66–67; ГА РФ. Ф. 109. С.А. Оп. 1. Д. 100. Л. 1–1 об.

³ *Порох И. В.* А. И. Герцен в письмах. С. 69–70.

гает наше правительство, кричит, что все делается глупо, взывает к топору, потому что сам, черт бы его душу побрал, живет в безопасности за морем, а не скажет, а как же делать-то лучше. (...) всякий благомыслящий человек должен видеть в нем врага своего Отчества, может быть, даже низкого наемщика англичан, одним словом, человека, который по ненависти или по найму желает возмутить свою родину»¹. Фактически это пустые слова, не содержащие в себе ничего конкретного, только негативный эмоциональный заряд.

А. И. Герцен свою программу сформулировал еще в 1 листе «Колокола». Страницы вольных изданий он представлял всем сочувствующим делу реформ, много внимания уделял различным проектам преобразований, анализу правительственной политики. Не случайно эти публикации передавались в Редакционные комиссии по крестьянскому вопросу, изучались в министерствах и ведомствах. Однако его политическая программа отвергалась с порога. Звучавшие на страницах «Колокола» призывы «к топору», рассуждения о социализме сводили на нет суть герценовских апелляций к Александру II, заслоняли собой пропагандируемые идеи мирной революции, его поддержку программы преобразований «сверху» перед угрозой возмущения «снизу».

Приведенная в письмах искаженная трактовка целей А. И. Герцена была дополнительным аргументом в борьбе консерваторов за влияние на царя. Эту тенденцию явственно ощущал проницательный современник – К. Д. Кавелин. В письме к Б. Н. Чичерину по поводу публикации в 29 листе «Колокола» его «Обвинительного акта» он писал: «Вы особенно упираете на ту фразу в корреспонденции “Колокола”, где крестьяне приглашаются точить топоры. Фраза эта действительно не хороша. Но скажите, пожалуйста, какое право вы имели, выводя из этой фразы, что Герцен желает революции в России, не привести множества других фраз из других номеров “Колокола”, в которых не только корреспонденты, но и сам редактор, положительно выражают желание, чтобы предстоящие реформы совершились у нас мирно и спокойно, без крови и жертв. (...) все мы без исключения убеждены в том, что если правительство не проведет [крестьянской. – О. А.] реформы мерами административными, то она совершится путем революции, Герцен мог хотеть выразить именно эту мысль». И далее: правительство «давно предполагало, что цель Герцена произвести революцию в России, (...) что в обществе при помощи “Колокола” революционное настроение растет и усиливается». К. Д. Кавелин порицает Б. Н. Чичерина за то, что тот дал до-

¹ Там же. С. 68–69.

полнительное подтверждение опасениям реакции: «Как же вы могли доставить всей той безмозглой челяди, наполняющей наши дворцы и салоны высшего круга, радость оправдывать свои отупелые и злонамеренные инсинуации, авторитетом вашего благородного имени»¹.

Не случайно письмо Б. Н. Чичерина в «Колокол» заслужило одобрение «верхов». Единственно, в чем упрекал его В. А. Долгоруков, так это в том, что он предварительно не получил на него официального разрешения.

Аналогичным образом, возможно, было манипулировать выписками из писем по крестьянскому делу. Этот раздел документов «Секретного архива» III Отделения обширен и разнообразен (письма группировались и тематически, и по губерниям). В этом вопросе на позицию В. А. Долгорукова в огромной степени влияли как раз общественные настроения, голос консервативной оппозиции реформе.

Вот несколько примеров из вскрытых писем, в которых зафиксированы скорее не реальные беды, а миражи грядущих катастроф. М. Позен из Полтавской губернии писал к Л. М. Позен в С.-Петербург (8 августа 1858 г.): «Здесь пока нет еще важных беспорядков, но волнение весьма заметно (...). Сомнительно, чтобы порядок удержался, если не будут употреблены самые энергичные меры к обузданию своеволия крестьян». С. Мосолов из г. Борисполя в письме к П. И. Патову в Москву (23 сентября того же года) более категоричен: «Здесь край наполовину уже в бунте: послушания нет, работы едва идут (...) скоро свершится желаемое правительством восстание». Мрачные предвидения одолевали помещика Полтавской губернии П. Цертелева (27 декабря 1860 г.): «В будущем предстоит грабеж, наверное не знаю, будет ли он всеобщий, но в нескольких имениях у нас его ждут после нового года». Панические настроения отражает и письмо к Н. П. Поливановой в Москву от брата Дмитрия из Владимира-на-Клязьме (22 августа 1860 г.): «Народ явно не желает повиноваться дворянству! Одним словом, времечко пришло! Все мы пойдем с кошельками, т. е. те, у которых останутся целы головы». М. Нор[...] из Владимира прямо указывал на виновника смут и хаоса: «Я подозреваю, что правительство само желает выпустить дворянскую кровь»².

Помещичий ропот обращал на себя все более пристальное внимание правительства. Дневниковая запись П. А. Валуева об этом красноречиво свидетельствует. 5 ноября 1860 г. он записал: «Кн. Долгоруков говорит, что ввиду общего неудовольствия дворянства, ежедневно заявляемого получаемыми на высочайшее имя письмами,

¹ Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина. Т. 15. СПб., 1901. С. 262–268.

² ГА РФ. Ф. 109. СА. Оп. 3. Д. 1931. Л. 1, 3–4; Д. 1914. Л. 2–2 об.; Д. 1915. Л. 1.

он, кн. Долгоруков, не отвечает за общественное спокойствие, если предположения редакционных комиссий будут утверждены, то он решился не отступать от своего мнения и скорее сложит с себя свое звание»¹. Как видим, В. А. Долгоруков назвал П. А. Валуеву лишь легальный источник своей информации, хотя, несомненно, имелась в виду и перлюстрация, зафиксировавшая помещичьи стоны и гнев.

Таким образом, подводя итог можно заключить, что в 1850–1860-х гг. основанная на данных перлюстрации информация, которая доводилась до высших сфер, не являлась точным отражением общественного мнения. Необходимо учитывать всегда существовавшую в обществе уверенность в том, что письма на почте читаются, а потому писались они с расчетом на жандармского Шпекина. Действительно секретная информация, как правило, шифровалась, маскировалась, передавалась через посредника. Лишь поразительная беспечность авторов писем приводила к отдельным полицейским открытиям. Кроме того, подбор документов (выписка из писем) почтовым департаментом, III Отделением являлся в большей или меньшей степени тенденциозным, подтверждая правоту вполне определенной точки зрения, учитывая симпатии или антипатии руководителей этих ведомств, политическую конъюнктуру момента.

Письма, обращавшие на себя внимание, – это свидетельства общественной активности небольшого круга экзальтированных личностей среди громадной пассивной массы обывателей, погруженных в семейные и хозяйственные заботы. Поэтому допускаясь III Отделением переоценка выявленных тенденций, распространение их на широкие слои общества провоцировала зачастую неадекватную реакцию правительства на те или иные действия «поднадзорных», вызывая, в свою очередь, их неудовольствие, усиливая напряженность в отношениях «власти» и «общества».

По мнению практика политического сыска А. Е. Тимашева, перлюстрация как способ надзора, «разумно употребленный (...), приносит несомненную пользу не как повод для обвинения, но как средство для укрепления убеждения в виновности одних и невинности других»². То есть материалы перлюстрации могли служить основанием для установления негласного надзора, применения административных мер наказания, но не для законного судебного преследования.

Производимая по поручению III Отделения «фильтрация», изъятие писем и вложений с ростом массовости переписки становилась весьма трудоемким занятием. При этом ошибка в установлении фа-

¹ Валуев П. А. Дневник. 1847–1860 // Русская старина, 1891. № 11. С. 412.

² ГА РФ. Ф. 945. Оп. 1. Д. 61. Л. 9.

мии отправителя или адресата могли обернуться расправой с невиновным человеком¹.

Вновь процитирую А. В. Головнина: «Чрез перлюстрацию правители получают ложные сведения и действия свои на ложных данных основывают. Чем менее употребляют это орудие, тем менее зла; чем более к нему прибегают, тем зла более»².

4. Доносы

Довольно традиционным источником информации для тайной полиции были доносы³. Доносить добропорядочных граждан обязывал закон: «Всякий обязан доводить до сведения надлежащего начальства об известных ему признаках учиненного преступления», причем с оговоркой: «Таковое простое донесение не подвергает извещающего ни обязанности доказывать преступление, ни ответственности в случае, когда оно не будет доказано»⁴. За умолчание грозила строгая ответственность, зачастую такая же, как замыслившему или совершившему преступление⁵.

Была установлена и форма доноса: «В доношениях, кои будут от доносителей Его Императорского Величества, Титул писать против того, как и в прошениях.

А потом:

Доносит имярек на имярека, а в чем мое доношение, тому следуют пункты.

По окончании пунктов в доношении, писать против того же, как и в прошениях»⁶.

«Предписывая и поощряя донос, закон, видимо, усматривает в нем вернейшее средство обнаружения государственных престу-

¹ Генерал-майор М. Л. Дубельт, сын некогда всесильного управляющего III Отделением, вспоминал, как он защитил от несправедливого удаления со службы генерала С. Автором перлюстрированного письма оказался сын генерала, служивший в той же дивизии. Он то и был уволен в отставку. «Дело окончилось совершенно правильно», – заключает мемуарист. Но вряд ли можно умиляться торжеству справедливости: наказаны не действия, а слова. См.: Император Александр Николаевич. Черты из его жизни // Русская старина, 1891. № 6. С. 724–725.

² Письма А. В. Головнина к Н. В. Ханькову. С. 362.

³ *Анисимов Е. В.* Дыба и кнут. М., 1999. С. 147–221; *Кошелев В.* Как правильно писать доносы // Родина, 1992. № 8–9. С. 36–41; *Щебальский П. К.* Доносы и доносчики // Отечественные записки. 1861. № 10.

⁴ Свод законов Российской империи (СЗРИ). Т. XV. Кн. 2. Разд. 2. Ст. 36.

⁵ Там же. Ст. 598. Кн. 1. Ст. 272, 279, 281–286, 283.

⁶ Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). 2-е собр. Т. 1. № 11.

плений и главнейший повод вчинания новых дел», – отмечал автор публикации в «Юридическом вестнике», подчеркивая, что донос являлся краеугольным камнем дореформенного порядка судебного преследования»¹.

Управляющий III Отделением М. Я. фон Фок поддерживал стимулируемую властью активность граждан: «Усвоенное правительством правило принимать к сведению доносы, указывающие на злоупотребления, правило, проводимое до сих пор с твердостью и разборчивостью, имело необыкновенно хорошие результаты. Доносчики знают, что в случае ложного доноса их не помилуют, и потому никто ложно не доносит. Одни из них делают свои сообщения из желания принести пользу общественному благу, другие же ради собственных интересов; но как бы то ни было, выясняются разные ужасы, и правительство узнает вещи, которые никогда бы не дошли до него, если бы оно не задалось целью все видеть, все слышать, чтобы затем действовать сознательно повсюду и во всякое время»².

Поощряемое доносительство создавало проблемы и для самих охранителей. Нужно было успевать разбираться в вале тревожной информации. При общем равнодушии А. Х. Бенкендорфа к делам службы, «фон-Фоку, – по мнению Ф. Ф. Вигеля, – было весьма удобно большую часть ложных доносов, не доводя до его сведения, бросать в камин, тем более что беспрестанно увеличивающееся число их было не в соразмерности с числом трудящихся в канцелярии»³.

Позже местным властям было дано разъяснение: «...при принятии доносов, дабы не подавать повода к умножению пустых, от одной личности происходящих, необходимо наблюдать, дабы оные основаны были на ясных доказательствах». Но бдительность верноподданных, дополненная энергией бюрократического служения, буквально парализовала размеренную жизнь центральных и местных властных структур.

В Сенатском указе 20 июля 1845 г. признавалось, что бездоказательные жалобы, принимаемые к рассмотрению, «затрудняют присутственные и полицейские места напрасною перепискою и отвлекают от дел более важных», стесняют частных лиц «требованием ответов и оправданий» и в результате, «пройдя несколько инстанций, в продолжение значительного времени оканчиваются по большей ча-

¹ Н. [Зибер] Суд и государственные преступления // Юридический вестник, 1880. № 11. С. 352.

² Петербургское общество при восшествии на престол императора Николая // Николай первый и его время. С. 79.

³ Вигель Ф. Ф. Записки: В 2 кн. М., 2003. Кн. 2. С. 1210.

сти без всяких последствий». Выход виделся в том, чтобы всякий бездоказательный оговор «оставлялся без действия»¹.

Но если речь заходила о преступлениях государственных, то действовал иной порядок. Согласно Уложению о наказаниях, именно донос являлся важнейшим основанием для обнаружения и начала разбирательства. О такого рода случаях должны были доносить люди всякого состояния, не исключая духовников, жен, детей, родственников, причем при сокрытии они подвергались наказанию как за соучастие в преступлении. Не выслушивали лишь преступников, осужденных и сосланных на поселение или каторжные работы.

Особенность государственных преступлений состояла в том, что преследовались не только и не столько деяния, а чаще всего замыслы и намерения или то, что можно было истолковать таким образом. Поэтому доносить надлежало о «начинщиках умысла» и о тех, «которые им вспомогали, или совет дали, или волю и хотение к тому имели». Информировать надлежало «не токмо по известиям очевидным и достоверным», но и в тех случаях, когда известно было «по слуху от других» (ст. 597). Особо оговаривалось, что «по безымянному доносу, т. е. пасквилю или подметному письму, никакого действия не производить», так как «которые истину хотят доносить, сами явиться могут» (ст. 604). В таком случае для потенциального доносителя возникал вопрос об ответственности за сведения, о которых нельзя умолчать, но и доказать затруднительно. Видимо, поэтому формы доносов дифференцировались. В Уложении о наказаниях говорится о доносе, соединенном с явным обвинением в государственном преступлении и основанном на доказательстве. В этом случае «доносители должны показывать одну лишь истину, не прибавляя к тому от себя ничего лишнего, чего доказать не могут». В случае же извета «без положительного и явного обвинения» тот, кто «извещает только или объявляет по сведению к нему дошедшему, тот к доказательству не принуждается» (ст. 604, 605).

В отчете III Отделения за 1837 г. характеризовалась сложившаяся в тайной полиции система работы с доносами: «Много (...) было получено в сем году высшим наблюдением доносов о злоумышлениях, заговорах, существовании преступных скопищ и тому подобного. Большая часть сих доносов поступила от людей, за преступления в тюрьмах содержащихся, и хотя по сему уже одному не подлежали они доверию, но не менее того ни один из сих доносов не был оставлен без внимания и должного рассмотрения. Все те из доносителей, кои не согласились открывать мнимых тайн своим местным начальствам

¹ ПСЗРИ. 2-е собр. Т. XX. № 19 222.

и штаб-офицерам корпуса жандармов или изложить оные на бумаге, были доставлены в С.-Петербург, и здесь показания их рассмотрены с надлежащею осмотрительностью. Ни один, однако же, из сих доносов не оправдался; все они оказались или неосновательными, или намеренно вымышленными людьми, как сказано выше, содержащимися в тюрьмах, которые сим средством надеялись отдалить время ожидающего их наказания или получить возможность к побегу»¹.

В этом случае политическая полиция проверяла доносы, которые могла бы по закону оставлять без внимания, подчеркивая, что злоупотребляли этим лица, заключенные в тюрьмы. В отчете за 1844 г. дается характеристика действий уже простых обывателей, сообщавших властям о разного рода злоупотреблениях и антиправительственных замыслах, оказавшихся ложными: «Розысканиями обнаружено, что одни из доносителей если не были повреждены в уме, то не обладали благоразумием; другие простодушно поверили ложным рассказам и слухам; третьи объявлением государственной тайны надеялись обратить на себя внимание правительства или доносили по привычке к ябедам, или, наконец, доносили люди злостные с целью повредить тем, которые по долгу службы преследовали собственные их злоупотребления»².

За ложное доносительство была предусмотрена ответственность, но об этом практически никто не вспоминал, ибо инициатором начала следственных действий по политическим делам было III Отделение. Особый подход и пристальное внимание ко всем доносам, связанным с политикой, объяснялось в отчете за 1845 г.: «III Отделение обращало бдительное внимание на всякий политический донос, так как предмет этот столько важен, что здесь никакие меры осторожности не могут быть излишними». При этом в политической полиции хорошо понимали, с каким специфическим контингентом им приходится иметь дело, поэтому «обращалось строгое внимание и на качество доносителей, дабы по оговорам их не пострадали невинные: ибо доносители большею частью бывают сами люди безнравственные, нередко клеветают по личностям или по собственным видам, делая из доносов своих род промысла»³.

Подводя итоги 1846 г., шеф жандармов А. Ф. Орлов отметил сокращение числа ложных доносов о политических замыслах; большая часть донесений касались «или до злоупотреблений по службе, или до беспорядков в обществе и разных преступлений граждан»⁴. Вот

¹ Россия под надзором. С. 164–165.

² Там же. С. 358.

³ Там же. С. 373.

⁴ Там же. С. 389.

1847 г., напротив, «изобиловал доносами и предвещаниями о готовящихся возмущениях». И хотя «многолетние опыты доказали, как мало веры можно давать этим доносам», тем не менее «наистрожайшие меры предосторожности» были соблюдены¹. В частности, по доносу студента А. Петрова было раскрыто Кирилло-Мефодиевское общество. Репрессиям подверглись представители малороссийской интеллигенции Н. И. Костомаров, П. А. Кулиш, Н. И. Гулак; Т. Г. Шевченко отдали в солдаты.

По мнению шефа жандармов, авторами значительной части доносов были люди неблагонамеренные, желавшие «своими предвещаниями содержать правительство в тревожном положении». И им в какой-то мере удалось осуществить свой замысел: «...в ноябре месяце не только правительство, но вся столица была в такой тревоге, что даже в высших обществах при пушечных выстрелах во время возвышения воды полагали, что возмущение начинается!»²

Идиллия наступила с началом Крымской войны: «Одним из явных доказательств хорошего духа внутри государства служит то, что со времени объявления войны все недоброжелательные, безымянные доносы, так часто тревожившие правительство, внезапно прекратились, и повсюду водворилась совершенная тишина»³, – писал А. Ф. Орлов.

После смерти Николая I сначала вольная русская печать, а затем и либеральная российская журналистика заговорили о «непорядочности» доносительства. Но желание общества очиститься от скверны доносительства не слишком отразилось на деятельности III Отделения. Более того, руководство жандармского ведомства полагало, что «теперь [в 1857 году] при безнравственности, которая, к прискорбию, позорит род человеческий, самые лютые злодеяния совершаются с непостижимою неожиданностью», и потому «в настоящих обстоятельствах ничем не должно пренебрегать»⁴.

Так, в 1857 г. по доносу мещанина Савицкого было начато следствие против нескольких дворян Псковской губернии, обвиненных в составлении антиправительственного общества⁵. В 1858 г. по заявлению писаря был уволен со службы и выслан в свое тамбовское имение кн. Ю. Голицын, обвиненный в переписке с А. И. Герценом⁶.

¹ Россия под надзором. С. 408–409.

² Там же. С. 409.

³ Там же. С. 440.

⁴ Там же. С. 446–447.

⁵ ГА РФ. Ф. 109. Оп. 223. Д. 22. Л. 7.

⁶ Эйдельман Н. Я. Анонимные корреспонденты «Колокола» // Проблемы изучения Герцена. М., 1963. С. 256.

В лучших традициях тайных канцелярий действовало смоленское губернское начальство, арестовавшее не только лиц, обвиненных в чтении стихов, оскорбительных для государя, но и самого доносителя – подпоручика Сорокина, «который сделал донос не в один раз и о некоторых обстоятельствах объявил уже при следствии». Несколько позже Сенат признал его арест ошибочным и распорядился о невнесении в формулярный список сведений о причастности к этому делу¹.

В конце 1850-х годов более всего доносили о чтении и распространении произведений вольной русской печати. В Москве болгарин КалOVERов представил местному начальству несколько запрещенных рукописей (в том числе сочинения А. И. Герцена), взятые им в квартире чиновника Соколова². Унтер-офицер Морохов сообщил о виденной им у студентов медико-хирургической академии тетради с выписками из произведений А. И. Герцена³.

Принуждали к доносу в III Отделении воспитанников Константиновского кадетского корпуса Мишевского и Левченко (у одного из них была найдена тетрадь с выписками из лондонских изданий Герцена). Молодые люди упорно запирались, «под влиянием мысли, что честь запрещает выдавать товарищей, убедительно просили не заставлять их открывать имена виновных». И назвали их только тогда, когда на то была объявлена высочайшая воля. К доносу, и это стоит отметить особо, побудил их сам император Александр II, переданным высочайшим повелением. Правда, дальнейшее следствие по этому делу никаких результатов не дало⁴.

Несмотря на то что полагалось «по доносам в безымянных паквилях и подметных письмах не производить следствие»⁵, по анонимному доносу были арестованы обвиняемые в хранении и распространении сочинений А. И. Герцена книгопродавец Лаврецов, купец Демидов⁶.

Тем не менее власти не считали возможным стимулировать доносительство. В архиве III Отделения сохранилось дело «О мерах к предупреждению ввоза запрещенных книг и появления эмиссаров»; среди материалов имеется записка Виленского генерал-губернатора В. И. Назимова, в которой предлагалось для выявления распространи-

¹ ГА РФ. Ф. 109. Оп. 223. Д. 23. Л. 5–5 об.

² Там же. Д. 24. Л. 13.

³ Там же. Д. 25. Л. 9 об.

⁴ Там же. Д. 23. Л. 7 об. – 8; 1 эксп. 1858. Д. 15. Л. 1–30.

⁵ СЗРИ. Т. 15. Ст. 928.

⁶ ГА РФ. Ф. 109. Оп. 223. Д. 23. Л. 7; 1 эксп. 1860. Д. 136. Л. 13. См. также: Гинзбург Б. С. Распространение изданий Вольной русской типографии в конце 1850-х – начале 1860-х годов // Революционная ситуация в России в 1859–1861 гг. М., 1962. С. 347, 342, 351.

телей сочинений использовать не только полицию, но и приглашать «всех и каждого споспешествовать местным начальствам против этого зла под опасением подвергнуться за неисполнение сего взыскания, сопредельного для соучастников подобных злоумышленников». Целесообразность подобной меры оспаривал министр внутренних дел С. С. Ланской, считавший, что «обязательное наблюдение в сем случае частных лиц одним за другим может повести к неосновательным доносам, часто из личных неудовольствий». С ним было согласено и руководство III Отделения, полагавшее, что «ныне [май 1857 г.] не следует приступать к таким распоряжениям, тем более что до сих пор, в самые трудные времена, мер, которые предполагаются ген.-ад. Назимовым, принимаемо не было»¹.

Количество ложных доносов и без того было значительным, а III Отделению приходилось «реагировать» практически на каждый «сигнал». Не случайно во «всеподданнейших» отчетах этого ведомства постоянно присутствовала рубрика «О ложных доносителях» (1856, 1857), «О сомнительных и неосновательных доносах» (1861–1863).

Чтобы убедиться в ложности доноса, необходимо было проверить изложенные факты, присмотреться к личности доносителя. Кое-кого выпроваживали сразу. Например, заявление некоего В. Цыдзика русскому посланнику в Мюнхене о существовании в России обширного заговора против престола (до 13 тыс. заговорщиков) изначально не внушало доверия, как потому, что он не сообщал подробностей, так и по сомнительным мотивам его откровений («показания им даны, дабы избегнуть заключения за воровство»²).

Часто на веру принималась сущая нелепица. В 1857 году две пожилые дамы, проживавшие во «вдовьем доме», поссорились и задали работы III Отделению. Одна обвинила другую в произнесении бранных слов в адрес императора и в том, что той известно о каких-то готовящихся «злоумышлениях в войсках». И хотя было выяснено, что доносительница страдала помешательством ума, это не препятствовало поручить ей донести снова, если узнает что-либо «более положительное»³.

В 1859 г. на имя министра внутренних дел было прислано донесение о каких-то таинственных сборищах в Одессе в доме помещицы Кириангело с приложением шифрованного письма в Лондон о высылке вознаграждения за доставленные туда сведения о России.

¹ ГА РФ. Ф. 109. 1 эксп. 1857. Д. 150. Л. 1–3.

² Там же. Ф. 109. Оп. 223. Д. 24. Л. 8–8 об.

³ Там же. Д. 22. Л. 10 об. – 11.

Выяснилось, что полученные бумаги «писаны, видимо, зятем помещицы, который по семейным неудовольствиям питает вражду», но наблюдение все же учредили¹.

Из материалов другого дела видно, как один неизвестный осведомитель боролся с «содержательницей публичных женщин» А. Исаевой. После первого доноса с нее была взята подписка о прекращении подобной деятельности. Второй донос привел к тюремному заключению и дал работу тайной полиции. В итоге жандармы пришли к заключению (июль 1861 г.): «О том, что у нее каждый вечер бывает человек, который, по словам доносчика, кажется, агент Герцена, нет никаких данных»². Приплетя к бизнесу на публичных девках политический мотив, доноситель добился пристального внимания полиции к содержательнице притона.

Зачастую анонимные доносители вводили III Отделение в значительные издержки. Поездка старшего чиновника этого ведомства А. К. Гедерштерна в Москву и Нижний Новгород с двумя агентами обошлась в 1700 рублей³. Однако написавшая письмо воронежская помещица, пообещав явиться по условному знаку и указать заговорщиков, больше о себе не заявляла. И А. К. Гедерштерн, пребывая в несколько комичном положении, рапортовал из Москвы: «8-й уж день условленная желтая лампа без огня сияет на отверстом окне квартиры, занимаемой мною в условленной же гостинице “Лондон” (...), но никто еще ко мне не явился. Между тем я все жду и почти никуда из гостиницы не выезжаю до вечера, когда с захождением солнца помрачается блеск моей салатинской лампы, не творящей покуда никаких чудес»⁴.

В III Отделении решили, что «письмо, вероятно, было послано только с тем, чтобы тревожить правительство». Единственный утешительный результат заключался в том, что чиновник тайной полиции смог лично удостовериться: ни в Москве, ни в Нижнем на ярмарке не было «ни подозрительных сходбищ, ни признаков существования заговора»⁵.

К аналогичным выводам пришел и дежурный штаб-офицер корпуса жандармов полковник Майвалдов, командированный в 1861 г. по тому же маршруту для встречи с написавшим пространный донос

¹ Там же. Д. 24. Л. 9–10.

² Там же. СА. Оп. 3. Д. 2854. Л. 1–2.

³ Там же. СА. Оп. 1. Д. 84. Л. 4.

⁴ Там же. Д. 43. Л. 1.

⁵ Там же. Л. 73.

«старым артиллеристом». Правда, теперь на окне гостиницы красовался самовар¹.

Помимо финансовых издержек, потери времени и сил на проверку сведений доносители вводили руководителей жандармского ведомства в заблуждение, стимулировали подозрительность, недоверие к обществу. В итоге полицейское око видело общественную жизнь в России совсем иначе, чем большинство современников, даже не подозревавших о непрерывных «угрозах» государственной безопасности.

III Отделение было буквально завалено сведениями о самых разных тайных обществах и заговорах. В сводке агентурных донесений от 11 февраля 1861 года читаем: «О том, что к 19 числу будет бунт, говорят так положительно, что недоумеваешь...» Инициаторами предстоящего выступления должны были быть помещики и офицеры, недовольные грядущей реформой. Доносчик приводил железное доказательство: случившееся накануне повышение цен на водку – «это уже достаточно, чтобы возмутить отчаянных пьяниц». В октябре того же года один из агентов доносил об услышанном разговоре, якобы некоторые гвардейские офицеры составили заговор и намерены арестовать наследника и великих князей Михаила и Николая. Другой агент слышал разговор писарей питейной конторы, один из которых говорил: «Мы ждем государя на железной дороге, мы его удушим!» На существование тайной организации под названием «Невония» (по названию реки Невы) указывал в своей записке петербургский генерал-губернатор П. Н. Игнатьев: «Общество сие первую целию имеет перемену в России образа правления». 8 декабря новый столичный генерал-губернатор А. А. Суворов говорил с царем об анонимных письмах, полученных обер-полицмейстером А. В. Паткулем, «где говорят все мерзости, в том числе и то, что царя убьют, если не конституция»².

С начала 60-х годов заговоры, противоправительственные замыслы становятся приоритетной темой доносов. Не замечать их было невозможно. Появление прокламаций («Великорус», «К молодому поколению», «Молодая Россия») определенно указывало на реальное существование тайных обществ. Поэтому ко всем доносам и предложениям сотрудничества относились вполне серьезно.

Некий аноним сообщал, что студент Оханов, якобы друг Н. Г. Чернышевского, имеет связи с каким-то неведомым «ЦК». Далее автор

¹ ГА РФ. Ф. 109. 1 эксп. 1861. Д. 258. Л. 1–5.

² Там же. Ф. 945. Оп. 1. Д. 36. Л. 16 об.; Ф. 109. С.А. Оп. 1. Д. 1475. Л. 9; РГВИА. Ф. 43. Оп. 4. Д. 790. Тетр. 54. Л. 73; Дело Чернышевского. Саратов, 1968. С. 601–603.

доноса, демонстрируя особую предосторожность и исключительную осведомленность, просил шефа жандармов не показывать его письма чиновникам III Отделения, так как революционеры «имеют друзей между вашими приближенными, и потому обыски ваши ничего не значат». И тут же предлагал себя в постоянные сотрудники: «...когда будет нужно, если пожелаете иметь под рукой человека разумного, желающего служить делу, а не пошленького шпиона, то припечатайте в “Петербургских ведомостях”, что П. просит А. явиться к нему для переговоров в такое-то время». Это предложение заинтересовало тайную полицию, которой посетитель Н. Г. Чернышевского – Оханов – был известен. Но новоявленный претендент на шпионскую должность перемудрил по части конспирации. В деле сохранилась записка шефа жандармов В. А. Долгорукова: «Хорошо, если бы можно было пригласить доносчика, но такие публикации, какие он предлагает, не принимают. Если бы признано сделать так, чтобы г. обер-полициймейстер частным образом попросил редакцию “С.-Петербургских ведомостей”, через своих чиновников, наблюдающих за типографиями, то публикация была бы напечатана. Нам настаивать на этом очень неудобно...»¹

Вот еще любопытные примеры «сотрудничества». Направивший в середине апреля 1863 г. письмо шефу жандармов прапорщик Николаевской инженерной академии Киянский предлагал свои услуги по открытию общества «Земля и воля». Он был немедленно приглашен к старшему чиновнику III Отделения А. Ф. Шульцу, как и подобает для таких «темных» дел, после 11 часов вечера. И процесс пошел... Но скоро управляющий отделением А. Л. Потапов распорядился прекратить с ним все контакты. В подготовленной 29 апреля служебной записке сообщалось, что Киянский «неоднократно и настойчиво просил дать ему некоторые денежные средства для начатия своих розысков». Ему было выдано 25 рублей для поездки к агенту общества в Шлиссельбург. Он туда не ездил, а в гостинице познакомился с офицером, сообщившим, что члены – агенты общества должны внести 200–500 рублей, а действительные члены, выбираемые в члены комитета, от 500 до 1000 рублей. Видимо, прочитав всю эту чушь и поняв, к чему клонит осведомитель (величина вступительных взносов – явный отголосок толков о многотысячном бюджете III Отделения), руководство тайной полиции пришло к выводу: «Киянский не внушает к себе никакого доверия и на него, кажется, надо смотреть как на плута, желающего выманить побольше денег для поправления своих собственных дел...»²

¹ ГА РФ. Ф. 109. С.А. Оп. 1. Д. 249. Л. 1–3.

² Там же. Оп. 3. Д. 602. Л. 1–2, 15–18 об.

Другому авантюристу, агенту московской городской полиции Афендику, удалось провести своих хозяев. Привлеченный к розыскам по делу фальшивомонетчиков, он объявил о том, что случайно сблизился с членами общества, состоявшего из профессоров и студентов Московского университета, и даже был на заседании, где обсуждался вопрос о подаче адреса с конституционными требованиями. Он назвал нескольких лиц, у которых произвели обыск. Получив средства для продолжения наблюдения, Афендик скрылся¹.

Видимо, немало удивил чиновников III Отделения турецкий подданный Николаев, узнавший от воспитанника новочеркасской гимназии Попова о существовании тайного общества, имевшего своих членов в столицах и провинции. Целью общества, по словам Николаева, было ниспровержение правительства и учреждение в России республики, для чего «главный руководитель Герцен обещал будто бы прислать деньги и оружие». Сам доноситель заплатил 65 руб. и вступил в число членов общества (что подтверждалось соответствующим дипломом) и был отправлен в Москву для переговоров с сообщниками. В ходе следствия выяснилось, что Николаев оказался жертвой розыгрыша со стороны Попова, которому «сделано только строгое внушение»².

Следует отметить, что в числе доносителей были и люди, искренно верившие в совершаемое ими благое дело. Видимо руководствуясь верноподданническими убеждениями, бухгалтер Сергачского казначейства Нижегородской губернии Померанцев представил жандармскому штаб-офицеру письмо учителя Курбановского, предопределив тем самым его восьмимесячное заключение в Шлиссельбургской крепости «за преступное выражение о монаршей власти и хранение возмутительных сочинений»³.

В результате доноса предводителя дворянства Зарайского уезда Рязанской губернии Повалихина о существовании кружка «противодействующего правительству и распространяющего запрещенные сочинения» (на деле такого кружка не обнаружили), ряд лиц были административно наказаны: высланы из города, уволены со службы, отданы под надзор полиции⁴. С доносов поручика Пушкарева и унтер-офицера Пермского батальона внутренней стражи С. Кулышева началось следствие по делу о публичной библиотеке А. Иконникова в Перми и о распространении в губернии революционных воззваний⁵.

¹ ГА РФ. Ф. 109. С.А. Оп. 3. 1 эксп. 1864. Д. 92. Ч. 1. Л. 20–25.

² Там же. Оп. 223. Д. 29. Л. 64–65.

³ Там же. Д. 27. Л. 25; Д. 29. Л. 55.

⁴ Там же. Д. 27. Л. 26 об. – 27.

⁵ Там же. Л. 28 об. См.: Дело Чернышевского. С. 602–603.

Подобные примеры можно продолжить... Такое искреннее служение объяснимо, но нравственно ли оно?

Повестью о нравах XVIII века, П. К. Щербальский отмечал, что тогда «общественное мнение было никак не против закона о доносах»¹. В XIX веке аморальность доноса уже не вызывала сомнения. Сам император Николай I как-то изрек: «Доносы я люблю, а доносчиков презираю». Влиятельный чиновник III Отделения А. А. Сагтынский прямо именовал таких людей «мерзавцами», а управляющий отделением Л. В. Дубельт при расчетах за услуги устраивал церемониал, напомиравший вручение 30 сребреников, и не стеснялся вклеить пощечину клеветнику. Репутация доносчика была позорной.

«Доносчик и несносный придирала даже в частной жизни», – такими словами характеризовали частенько и обладателей голубого жандармского мундира. Известна острота на сей счет Н. С. Ржевской: «Скажите, какая разница между жандармом и беременной женщиной? Не знаете?.. Ну, я вам скажу. Беременная женщина при известных условиях может и “не доносить”, а жандарм непременно донесет»².

Однако обязанность доносить тяжелым бременем лежала на плечах граждан. И именно маленький человек стоял перед нелегким нравственным выбором. И очень часто всего лишь боязнь прослыть доносчиком удерживала от сотрудничества с тайной полицией.

Пример таких моральных терзаний – рассуждения Ф. М. Достоевского. На вопрос, обращенный к А. С. Суворину, сообщил ли бы тот властям, если бы узнал о готовящемся террористическом акте, он получил созвучный собственному отрицательный ответ. Достоевский вопрошал: «Почему? Ведь это ужас. Это – преступление»³. Видеть в позиции автора «Бесов» сочувствие к народникам-террористам вряд ли справедливо. Сам Федор Михайлович так объяснял свою позицию: «Я перебрал все причины, которые заставляли бы меня это сделать. Причины основательные, солидные, и затем обдумал причины, которые мне не позволяли бы это сделать. Эти причины – прямо ничтожные. Просто – боязнь прослыть доносчиком». Простолюдин XVIII века боялся не донести; интеллигент второй половины прошлого века тяготился страхом иного свойства – перед деспотической силой общественного мнения. Достоевский чувствовал это предельно остро: «Мне бы либералы не простили. Они измучили бы меня, довели бы до отчаяния. Разве это нормально?»⁴

¹ Отечественные записки, 1861. № 10. С. 441.

² Русская старина, 1890. № 8. С. 299; Исторический вестник, 1911. № 1. С. 104.

³ *Суворин А. С. Дневник*. М., 1992. С. 15–16.

⁴ Там же.

5. Административный надзор

К числу мер предупреждения политических преступлений относились полицейский (административный) надзор и высылка.

Специально созданная в марте 1872 г. межведомственная комиссия, изучавшая вопрос об административной высылке и полицейском надзоре, констатировала отсутствие до 1855 г. каких-либо определенных правил применения этих мер к лицам, неблагонадежным в политическом отношении. «Архивные дела того времени не дают никаких указаний на то, кому именно и при каких обстоятельствах предоставлено было право применять эту меру к лицам, обвиненным в политической неблагонадежности»¹, – отмечалось в материалах комиссии. Ввиду многочисленности административно высланных² (среди них преобладали участники польского национально-освободительного движения) и неопределенность их статуса правительство стремилось «уменьшить по возможности их число и установить более строгий порядок высылки», что и было определено высочайшим повелением от 2 декабря 1855 г.

Согласно этому документу, право высылки предоставлялось генерал-губернаторам, которые о своем решении должны были информировать министра внутренних дел. Последний сообщал о полученных материалах главноначальствующему над III Отделением, для того чтобы «не иначе как по взаимному с ним соглашению определяемо было окончательно, подлежит ли обвиняемое лицо к высылке из мест постоянного его жительства или ему может быть назначено другого рода наказание»³.

Для регламентации порядка реализации установленных мер в 1857 г. при II Отделении С. Е. И. В. к. был учрежден особый комитет, в который вошел и шеф жандармов. Пока шло обсуждение преобладающей практикой стало распространение прав административной высылки на представителей местной администрации (по согласованию с III Отделением). Высочайшими повелениями было предоставлено право высылки подозрительных людей с ярмарок нижегородскому губернатору (1860 г.), а затем курскому, пермскому, полтавскому, харьковскому. 3 июня 1861 г. начальники губернии получили право удалять из мест проживания лиц, подозреваемых в подстрекательстве крестьян к неповиновению (действие данного

¹ ГА РФ. Ф. 109. 1 эксп. 1853. Д. 3406. С. 12.

² Коган С. В. Политическая ссылка в системе карательных мер самодержавия первой половины XIX в. Иркутск, 1980. С. 23.

³ ГА РФ. Ф. 109. 1 эксп. 1853. Д. 3406. С. 9.

указа продлевалось в течение нескольких лет). С 1863 г. упрощался порядок высылки лиц, причастных к польскому восстанию.

Не было определенности и в порядке организации надзора. Статья 71 Свода законов уголовных гласила: «Когда кто-либо в месте его жительства поручается надзору полиции, тогда обязанность полиции наблюдать за его поступками и смотреть, чтобы он никуда не скрылся, и далее того места, где ему определено жить, не отлучался»¹. Аналогичные по своей неопределенности формулировки содержались и в издании 1857 г.

О полном произволе в данной сфере свидетельствовало и заключение упоминавшейся выше комиссии, отмечавшей, что за прошедшие 15 лет, к 1872 г., дополнения не внесли в данный вопрос ясности, ибо не уяснена сущность полицейского надзора, т. е. «над какими людьми и за что может быть учрежден надзор полиции, каким ограничениям должны быть подвергаемы лица, состоящие под оным, и, наконец, какой срок должен надзор продолжаться»².

Отсутствие законодательно закрепленных норм предавало особую значимость сложившейся практике реализации конкретных мер, осуществляемых «по высочайшим повелениям». Фактически установленный административным путем надзор разделялся на гласный и секретный. Поднадзорные могли оставаться в местах постоянного проживания либо удалялись в отдаленные губернии (в этом случае учреждение надзора было как бы последствием административной высылки). Характер надзора (гласный или секретный) до издания высочайшего повеления 2 декабря 1855 г. определялся особыми указаниями императора, а после, по мнению членов комиссии 1872 г., «совершенно зависел от личного взгляда на дело власти, учреждавшей надзор»³.

Определяя особенности осуществления секретного надзора, комиссия обратилась к практике III Отделения. Анализ архивных дел этого ведомства выявил следующие обстоятельства. В отношении главного начальника III Отделения А. Х. Бенкендорфа к министру внутренних дел от 30 января 1831 г. указывалось, что курскому губернатору были сообщены по высочайшему повелению правила, по которым надзор за лицами, причастными к польским тайным обществам, «должен производиться секретным, но пристойным образом».

В отношении А. Х. Бенкендорфа к одному из начальников губерний от 20 ноября 1836 г. отмечалось: «...когда лица, находящиеся под секретным надзором, живут в губернском городе, то местный губер-

¹ СЗРИ. Изд. 1842. Т. XV. Ст. 71.

² ГА РФ. Ф. 109. 1 эксп. 1853. Д. 3406. С. 47.

³ Там же.

натор должен поручить секретно полицмейстеру, чтобы тот за ними сам присматривал, а если живут в уезде, то возлагать это на исправника...» На особенность секретного надзора указывалось и в отношении министра внутренних дел к губернатору Восточной Сибири, в котором сообщалось о циркуляре 20 февраля 1857 г. № 26, касавшемся содержания под надзором полиции возвращавшихся из Сибири политических преступников. Министр уведомлял, что «упоминать о надзоре в манифесте 26 августа 1856 г. и в указе Сената, при котором манифест был обнародован, признано было неудобным, как и о новом распоряжении, которое должно исполняться секретно и не подлежит объявлению во всеобщее сведение, почему начальникам губерний не следует его делать гласным и объявлять его сказанным лицам, и что в случае каких-либо затруднений о будущем месте их жительства начальники сибирских губерний могут основывать эти сведения на подорожных или билетах с тем, чтобы они о каждом таком билете доносили министру и сообщали в то же время в III Отделение»¹.

Относительно практики организации гласного надзора по политическим делам Комиссия 1872 г. отмечала, что данный надзор в местах постоянного проживания этих лиц «не ограничивался, как то требовалось § 60 Наказа гражданским губернаторам, простым наблюдением за безотлучностью их пребывания, но кроме того, чины полиции обязаны были следить за их поведением, образом жизни и занятиями».

Более определенный характер имел надзор за высланными в административном порядке. Его основанием служило высочайшее повеление, объявленное начальником Главного штаба в январе 1827 г., по которому гражданские губернаторы обязаны были «доносить рапортами ежемесячно о поведении всех состоящих в гражданском ведомстве лиц, кои прикосновенны были к делу о злоумышленных обществах, но не были преданы Верховному уголовному суду, понесли исправительные наказания и коим назначено пребывание в одних известных местах». Кроме того, полиция была обязана наблюдать, чтобы высланные по политическим делам «соблюдали все ограничения в занятиях».

Об одном из таких ограничений говорилось в предписании шефа жандармов № 1800 (1855 г.) о наблюдении «за недопущением политических преступников в воспитательские должности не только в казенных заведениях, но и в семействах»². По-видимому, данное решение явилось реакцией на письмо, переправленное из Синода,

¹ ГА РФ. Ф. 109. 1 эксп. 1853. Д. 3406. С. 56–57.

² Там же. Ф. 110. Оп. 3. Д. 988. Л. 28.

куда оно первоначально поступило, в III Отделение. Некая девица Миллер сообщала о вредном влиянии находившихся в Сибири политических преступников на воспитание юношества. Для выяснения конкретных обстоятельств соответствующие распоряжения были даны по жандармскому и духовному ведомствам, и после выявления конкретных лиц, имевшихся в виду автором письма (ими оказались сосланные поляки), последовало данное распоряжение¹. Однако, несмотря на категоричность предписания, оно часто не исполнялось, так как в отдаленных губерниях не было иных образованных людей, готовых обучать детей местной элиты.

Директивно установленный порядок надзора отличался от реально существовавшего. Об этом писал В. А. Долгорукову новороссийский и бессарабский генерал-губернатор А. Г. Строганов. В письме от 23 октября 1857 г. он указывал, что распоряжение об установлении надзора, пройдя через несколько начальственных инстанций, останавливается для исполнения на чинах градской или земской полиции: «Градская полиция, получив предписание о подвергнутии полицейскому, какому бы то ни было, надзору известное лицо, тотчас же дает об этом строгое предписание приставу той части, где он проживает. Частный пристав возлагает сие на квартального надзирателя. Какие же представляются к тому средства? Никаких, и тем менее, чем надзор необходимее: ибо в отношении подвергаемых надзору по определениям судебных мест и по делам следственно-уголовным требуемое наблюдение удобоисполнительнее по большей определенности оно, но что касается до надзора секретного, по причинам политическим, где по важности обстоятельств, все самые малейшие подробности действий и отношений подозрительного лица должны быть известны правительству. Все это совершенно ускользает от наблюдения сколько по недостаточной, обыкновенно, ловкости чиновников, занимающих вышеозначенные должности, столько и по официальной усвоенных форм. Тем более затруднительным или лучше сказать, совершенно невозможным представляется таковой надзор в отношении лиц, проживающих в уездах, где все полицейское управление лежит на обязанности земского исправника и двух или трех станowych приставов»².

Из поля зрения полиции поднадзорные выпадают во время переезда на другое место жительства. Для устранения указанных неудобств А. Г. Строганов предлагал находящихся под гласным надзором отда-

¹ Там же. Ф. 109. 1 эксп. Д. 348. Л. 1–17.

² Там же. 1857. Д. 291. Л. 1–5.

вать под наблюдение поручителей, а при отсутствии «благонадежного ручательства» подвергать их заключению. Секретный же надзор, по его мнению, «должен остаться на обязанности полиции, но для сего им необходимо дать достаточные денежные средства, на кои они могли бы иметь особых надежных агентов»¹.

23 декабря того же года А. Г. Строганов вновь писал шефу жандармов и отстаивал свою точку зрения, доказывая, что в существовавших формах надзор является «бесполезной формальностью». При этом он приводил конкретный пример – объявление министром внутренних дел повеления об учреждении секретного надзора за прапорщиком Дебу, избравшим для жительства Одессу. А. Г. Строганов писал: «Исполнение (...) возложено мною на одесского градоначальника, им, разумеется предписано о сем полиции, которая, конечно, передала предписание это к исполнению частному приставу, а сей квартальному надзирателю по принадлежности. Не говоря уже о том, что распоряжение это, переходя чрез столько лиц, не может быть сохранено в совершенной тайне, составляющей главнейшее условие секретного надзора, но если и допустить неестественную скромность во всех сих чиновниках, то какая представится возможность тому из них, которому предлежать будет окончательное выполнение сего предписания – исполнить оное, не возбуждая в лице подвергшимся надзору подозрения, а следовательно, и осторожности? Все, о чем может осведомиться, – это о существовании г. Дебу и при деятельном наблюдении о переходе его с одной квартиры на другую»².

Возражения шефа жандармов нам не известны, так как он отвечал А. Г. Строганову «частным образом». Из черновика ответа на первое письмо видна общая позиция III Отделения. В. А. Долгоруков писал 25 ноября 1857 г.: «...увеличение сих способов [надзора] за теми средствами, которые представляются уже правительством, я нахожу в настоящее время невозможным»³. Для качественной перестройки системы надзора еще не созрели условия. Казалось, что и существующие формы годны, надо их только подновить, отыскать резервы, устранять несурзности.

В то время, когда А. Г. Строганов переживал за неэффективный контроль над высланными, в Одессе поселился и обустроивался, находившийся под надзором бывший «петрашевец» С. Ф. Дуров. 13 февраля 1858 г. он писал из Одессы своему другу И. И. Пущину: «...мой аттестат и присмотр полиции связывают меня не только по рукам, но

¹ ГА РФ. Ф. 109. 1 эксп. 1857. Д. 291. Л. 6.

² Там же. Л. 11–17.

³ Там же. Л. 8.

и по ногам (...) преподавать – нельзя, писать под каким-нибудь псевдонимом – того и смотри, что попадешь под новую опалу на старости лет»¹. Любой контакт с чинами полиции вызывал болезненную реакцию и обещал новые неприятности. С. Ф. Дуров, находясь под надзором, дважды посещал имение Марьино, что в 50 км от Москвы. Во второй приезд к нему пришел полицейский чин от исправника за его видом, а так как в первый визит паспорт у него никто не требовал, он насторожился: «Должно быть, бдительность полиции надо мной в настоящее время усилилась. Боже праведный! Из чего подумаешь, что люди бьются, видно, нечего делать (...) а между тем мне становится очевидно, что надо опять обратиться в Третье отделение – чего доброго этак и совсем задавят»². Понимая всю бессмысленность полицейского внимания к своей персоне, он тем не менее считал нелишним уладить все формальности.

6 февраля 1863 г. в письме к А. И. Пальму С. Ф. Дуров вновь сетовал на навязчивое внимание местной полиции: «Представь себе, что земская полиция задала мне такой вопрос: на каком основании, получа четырехмесячное свидетельство от одесской полиции, я до сих пор продолжаю свое пребывание в Марьино? Имея при себе указ об отставке, мне, само собой разумеется, не трудно отвечать на этот любезный вопрос; но досадно и больно то обстоятельство, что ведь они видели этот указ и даже прописали его, а между тем все-таки как банные листы липнут. (...) Хорошо еще, что я заперся в четырех стенах и почти или даже, вернее сказать, совсем отрешился от света, а то, чего доброго, здесь ни за что, ни про что, так, ради потехи, и под обух подведут». В конце письма он просил своего товарища без особой нужды не рассказывать никому о полицейских «каверзах»: «...кто знает, из какой тучи гром грянет!»³ Незнание реальных способов и форм контроля, угроза совершения какого-либо неосторожного действия, тенденциозно перетолкованного наблюдателями, незащищенность от властного произвола постоянно довели над поднадзорными.

В то же время если формальный характер надзора становился известным, высланные не ощущали ежедневных тягот. Переведенный из Вятки во Владимир А. И. Герцен пользовался покровительством местного губернатора И. Э. Куруты, в результате о службе в канцелярии «не было и помину». Указание об установлении надзора было

¹ *Смиренский Б. В.* Поэт-петрашевец С. Ф. Дуров под секретным надзором // Прометей. М., 1967. Т. 3. С. 412.

² Там же. С. 413.

³ Там же. С. 415.

дано городской полиции через месяц после его прибытия. А. И. Герцен трижды отлучался в Москву для свиданий с невестой Н. А. Захарьиной без каких-либо формальностей. 3 мая 1838 г. в составлявшихся каждую треть года «Ведомостях о состоящих под надзором...» об А. И. Герцене сообщалось: «Ведет себя хорошо и прилично благородной чести»¹. В свою очередь, губернатор готовил для МВД и III Отделения сводную ведомость, в разделе которой «Что по надзору открылось» об А. И. Герцене значилось: «Ведет себя весьма прилично и по надзору ничего предосудительного не открылось»². Регулярно сообщая, что поднадзорный ведет себя то «очень хорошо», «то весьма хорошо», губернатор 26 декабря 1838 г. обратился к министру внутренних дел с ходатайством об освобождении А. И. Герцена от надзора полиции. 20 июля 1839 г. министр сообщил о высочайшем повелении о снятии надзора³. В другой раз, находясь в ссылке в Новгороде, А. И. Герцен «свидетельствовал каждые три месяца рапорт полицмейстера о самом себе как о человеке, находящимся под полицейским надзором»⁴.

Высланный в Саратов за участие в Кирилло-Мефодиевском обществе Н. И. Костомаров упомянул в «Автобиографии» забавный эпизод, связанный с активностью назначенного в начале 1855 г. нового полицмейстера. Чиновник распорядился созвать всех поднадзорных, в числе которых были и сосланные поляки, и содержательницы домов терпимости, и оставленные в подозрении по разным уголовным делам. Полицеймейстер «начал читать всем составленные им правила, заключавшие в себе разные наставления о добропорядочном поведении, например: не ходить по кабакам, по зазорным домам, не буянить, не пьянствовать до безобразия и т. п.; но вместе с тем навязывал на всех обязанность не выезжать за городскую черту, ни с кем не сноситься и не вести корреспонденции иначе как с его ведома и разрешения» и потребовал со всех расписки в соблюдении этих правил. Н. И. Костомаров отказался давать такую подписку, сославшись на то, что он находится на службе, и губернатор может послать его в любое время в разные места губернии по какому-либо секретному, и для полицмейстера в том числе, делу; по этой же причине он не будет открывать ему и своей переписки. Разъяренному и топающему ногами полицмейстеру Н. И. Костомаров сказал: «...я вижу, что вы не совсем понимаете вашу обязанность по отно-

¹ Богданов Л. Надзор полиции за А. И. Герценом во Владимире на Клязьме // Звенья, Т. 6. М.; Л., 1936. С. 334.

² Там же. С. 335.

³ Там же. С. 336.

⁴ Герцен А. И. Собр. соч. Т. 9. С. 79.

шению ко мне: я прислан сюда под особый надзор и в совершенном секрете, следовательно, вы можете секретно следить за мною, но не должны были призывать меня сюда в присутствии многих не знакомых мне лиц и таким образом публиковать о моем секретном нахождении под надзором; если вам угодно, спросите прежде губернатора, и когда мне он прикажет давать вам какую-нибудь подписку, тогда дело иное»¹. Полицейский чиновник вынужден был отступить.

Л. Ф. Пантелеев вспоминал: «Что такое значит – быть под надзором полиции, я, как и другие, не имел о том ни малейшего понятия; догадывался, однако, что это обязывает меня сообщать полиции, если куда вздумаю поехать, а может быть, и еще что-нибудь»². Каких-либо затруднений, ограничивающих свободу передвижения, он не встречал.

О тайном надзоре можно было догадаться по косвенным свидетельствам. В. А. Кокорев утверждал, что зимой 1857 г. его всюду преследовала «пегая лошадка в саночках» и разносчик спичек «из полицейских». Тогда он написал начальнику II округа корпуса жандармов С. В. Перфильеву, чтобы тот разрешил вместо спичек продавать сбитень, платя за месяц вперед»³. Писатель Е. Салиас вспоминал эпизод своего пребывания у шефа жандармов в октябре 1861 г.: «Когда князь Долгоруков собрался записать в огромную книгу мой московский адрес, то, узнав от меня, что я живу с матерью, отложил перо и сказал: “Тогда это излишне”. Однако с этого дня – как я узнал впоследствии – я попал в число лиц, находившихся под надзором полиции». Далее Е. Салиас отмечал, что освобожден от надзора он был через 19 лет. За это время он редактировал «С.-Петербургские ведомости», получил чин надворного советника, являлся членом Комитета цензуры иностранной, управлял конторой Императорских московских театров⁴.

Не все было так анекдотично и беззаботно, как запечатлелось в иных мемуарах. В «Московских ведомостях» (№ 176 1862 г.) была опубликована статья Кельсиева о ссылаемых на жительство, отклик на нее «Северной пчелы» – «К вопросу о ссылаемых на жительство» был не пропущен цензурой. Цензоров, видимо, смутило описание того положения, в которое попадали сосланные лица. Основываясь на сведениях, полученных из Верхотурья, автор заметки подчеркивал: «Уже удаление из столицы, невозможность продолжать образо-

¹ Костомаров Н. И. Исторические произведения. Автобиография. Киев, 1989. С. 496–497.

² Пантелеев Л. Ф. Воспоминания. М., 1958. С. 299.

³ Кокорев В. Воспоминания давнопрошедшего // Русский архив, 1885. № 9. С. 156.

⁴ Салиас Е. Семь арестов // Исторический вестник, 1898. № 1–3. С. 500–501.

вание, жизнь в незнакомом городишке, где не с кем, как говорится, отвести душу и где даже нет возможности достать порядочной книги, весьма тяжкое наказание; но если к этому присоединится, как часто случается, бедность, если при всем желании работать нет возможности заработать на кусок хлеба, то положение сосланного делается невыносимым»¹.

В начале 1860-х гг. рост демократического движения и усиление полицейско-репрессивной активности государства поставили в повестку дня задачу совершенствования административного надзора и высылки. 26 апреля 1863 г. этот вопрос обсуждался в Комитете министров. Затем высочайшим повелением, как видно из разосланного в губернии циркуляра МВД от 28 мая 1863 г., были определены местность и численность туда высылаемых, установлен порядок информирования и выделения средств начальникам губерний, предусмотрены меры к охране движимой и недвижимой собственности высылаемых, выделены дополнительные средства местной полиции (чиновникам, на которых был возложен надзор, выдавалось в безотчетное распоряжение 150 руб. в год, увеличивалась численность нижних полицейских чинов). При этом министр особо напоминал губернаторам, «чтобы о всяком лице, подвергаемом надзору, и о назначаемом для него месте жительства Вы сообщали и местному штаб-офицеру»².

Для сведения жандармских офицеров III Отделение в то же время распространило проект особой инструкции полиции, разработанный МВД. В этой инструкции³ впервые были конкретизированы требования надзора. В документе можно выделить несколько смысловых блоков. Первый касался приема и размещения высланных. Начальнику полиции вменялся в обязанность подбор «по возможности удобного помещения», дабы «облегчить первую потребность жизни» (§ 2). Затем он должен был «стараться постоянно облегчать по возможности те затруднения, которые встречаются для поселяющихся в чужой, незнакомой ему местности» и «внушить к себе не только его уважение, но и самое доверие» (§ 3). Полицейское государство проявляло трогательную заботу о детях своих заблудших, поучая своих надзирателей «стелить помягче».

Далее указывалось, на что должно быть обращено внимание: образ жизни, поведение, занятия высланного. «Начальник полиции должен знать: с кем он имеет знакомство, кого посещает, не образовались ли с кем-либо из местных жителей и с кем именно, особые у него связи и отношения», – гласил § 4 инструкции.

¹ Сборник статей недозволенных цензурой. СПб., 1862. Т. 2. С. 383–386.

² ГАСО. Ф. 53. Оп. 9. Д. 6. Л. 53–54.

³ Там же. Л. 46–46 об.

В правительственных верхах отдавали отчет в том, что удаление из столиц, университетских центров неблагонадежных лиц может способствовать распространению крамолы в провинцию. Поэтому местом высылки избирались удаленные, малонаселенные, чуждые кипения политических страстей местности, где каждый житель был на виду, особенно новый человек. Полиции вменялось наблюдать, «какое влияние имеет местное общество на порученного надзору и, наоборот, какое впечатление производит сей последний на местных жителей», а в случае обнаружения, что «он распространяет те идеи, за которые подвергнут надзору, или же какое другое вредное общественному порядку учение», немедленно уведомлять о том губернское начальство (§ 5).

Целям изоляции поднадзорных от преступной среды служили прописанные в инструкции меры, обеспечивающие особый контроль над сношениями высланных с приезжими или проезжающими людьми. Надзору подлежала и переписка. Она объявлялась неприкосновенной, но полицейским чинам надлежало знать, откуда и куда поступают и отправляются письма (§ 7).

Были определены инструкцией и меры для пресечения побегов и обеспечения безотлучного пребывания в установленных местах (§ 8–10). Видимо, для того чтобы несколько смягчить служебное рвение чинов, непосредственно занятых надзором, в инструкции отмечалось, что «наблюдение отнюдь не должно быть явным, и ни в каком случае стеснительным или оскорбительным».

Последние разделы документа касались отчетности. Отмечая недостаточность формальной аттестации («поведения хорошего»), начальников полиции обязывали указывать «и то влияние, которое принятая мера производит на порученного (...) надзору к его исправлению и тот образ мыслей, какой в нем замечается» (§ 11).

И хотя эта инструкция адресовалась полицейским чинам, а жандармам направлялась для сведения, тем не менее многие ее положения предусматривали и жандармский надзор.

Для усиления полиции городов, определенных как место высылки, местным властям было предоставлено право затребовать от военного ведомства необходимое количество нижних чинов из расчета один на пять высланных¹. Однако задуманная мера не принесла ожидаемых результатов. 30 ноября 1863 г. сердобский уездный исправник доносил саратовскому губернатору: «...из числа присланных в Сердобск нижних чинов в помощь полиции, для надзора за лицами, обнаружившими вредные политические стремления и высылаемы-

¹ ГА РФ. Ф. 109. С.А. Оп. 1. Д. 1756. Л. 66.

ми во внутренние города, оказался только один рядовой Дмитрий Трофимов, способный исполнять эту обязанность, остальные же решительно ни для чего не нужны полиции и служат ей в тягость, как люди пьяные и неблагонадежного поведения, а один больной падучей болезнью, не способный ни к какой службе...»¹ Аналогичная картина наблюдалась и в г. Петровске: из 10 назначенных к службе 8 были отправлены обратно².

Проза жизни заставила скорректировать и несколько идилический тон инструкции.

17 августа 1863 г. министр внутренних дел П. А. Валуев напомнил начальникам губерний: «...высылка лиц, вредных в политическом отношении, будет всегда весьма важным орудием для предупреждения преступлений³, ныне ввиду совершающихся на западе событий [речь идет о польском восстании. – О. А.], получила еще более важное значение». При этом особое внимание местных властей обращалось на предупреждение побегов и необходимость противодействия распространению «вредных понятий и стремлений».

Фактически дезавуируя изложенные ранее в инструкции рассуждения о необременительности надзора, министр предписывал: «Главное внимание вообще следует обратить на то, чтобы высланные были постоянно в виду полицейских чиновников, для чего смотря по местным соображениям или обязать их являться ежедневно к полицейскому начальству или же возложить на полицейских чинов обязанность часто посещать означенных лиц на квартирах...»

Для исключения возможности со стороны поднадзорных «изусно и письменно» распространять «вредные политические стремления» представителям властей поручалось пресекать «составленные ими в местах водворения новые связи переводом таких лиц в другие пункты губернии или удалением лиц, с которыми составлены эти связи, если удаление их возможно административным порядком, без нарушения законов, например перемещением служащих лиц в другие

¹ ГА РФ. Ф. 109. С.А. Оп. 1. Д. 1613. Д. 81.

² Там же. Л. 125.

³ Подобная точка зрения, считавшая надзор и ссылку мерой предупреждения преступления, а не наказанием, характерна и для Положения о полицейском надзоре (1882 г.). Однако официальная позиция оспаривалась в юридической литературе. Авторы резонно замечали, что устанавливаемые для поднадзорных ограничения прав и свобод, зачастую сопровождавшиеся нанесением материального ущерба данному лицу, являлись не чем иным, как наказанием. (*Л-дм-р. [Лудмер Я. И.] По поводу положения о полицейском надзоре // Юридический вестник. 1882. № 3. С. 557–590; Селиванов Н. Отдача под надзор полиции как уголовное наказание // Там же. 1883. № 10. С. 278–283).*

местности». Другой экивок в отношении законности касался конкретных случаев вредного влияния. Надлежало обнаруживать «смотря по надобности, законными способами (обыск и т. п.), в чем именно оно выразилось и в каких неблагонамеренных действиях проявилось».

Следующее ограничение касалось переписки. Наряду с констатацией официально поддерживаемого мифа, будто «почтовые узаконения ограждают частную переписку от безгласного нарушения её тайны», в циркуляре министра внутренних дел в то же время оговаривалась возможность «лишения права производить переписку иначе как с ведома полицейских начальств». Для этого необходимо было «получение более или менее достоверных сведений» о том, что этим путем распространяются антиправительственные идеи¹. Как видим, охранительные органы все решительнее становились на путь ужесточения характера надзора и, подыскивая способы деликатного обхождения закона, ограничивали сферу воздействия поднадзорных на общество. Ущемление прав и свобод личности, нравственный гнет, ограничения общественно-полезной деятельности вряд ли способствовали «примирению с действительностью».

Прогресс полицейских мер опеки шел столь рьяно, что с высоты 80-х годов XIX в. 1860-е и более ранние годы, когда административно высланным в отдаленные губернии еще разрешалось состоять на государственной службе, занимать места судебных следователей, членов уездных судов, правителей канцелярий, секретарей разных комитетов, жителями тех мест вспоминались как «золотая эра». А организация ссылки, не сопровождаемой бессмысленной во многом жестокостью 1880-х годов, казалось, достигала цели – отвлечение от антиправительственной деятельности².

Наряду с превентивными мерами III Отделение энергично разрабатывало и в силу своих возможностей осуществляло репрессивные акции.

Рост оппозиционных настроений, «почти всеобщее неудовольствие и недоверие к правительству», поощряемое «злонамеренными людьми», серьезно беспокоили политическую полицию. В представленной Александру II записке «О полицейских мерах» (27 апреля 1862 г.) прямо говорилось, что для предотвращения опасных последствий «необходимо самое внимательное везде наблюдение и безот-

¹ ГАСО. Ф. 53. Оп. 9. Д. 6. Л. 55–55 об. В январе 1864 г. были утверждены Правила о наблюдении за корреспонденцией лиц, обнаруживающих вредные политические стремления. Согласно им почтовая и телеграфная переписка лиц, высланных под надзор полиции, производилась не иначе, как с ведома главного местного полицейского начальства, наблюдению которого они поручены (Там же. Л. 74).

² Л-дм-р. [Людмер Я. И.] Указ. соч. С. 570–573.

лагательные действия против обнаруженной злоумышленности». Существующее наблюдение – как со стороны III Отделения, так и гражданского начальства – признавалось «при настоящих обстоятельствах недостаточным». При этом указывалось как на ведомственную разобщенность, так и на ограниченность прав всесильной тайной полиции... законом. Речь шла о жандармской инструкции, не допускавшей вмешательства в сферу деятельности гражданских властей. «Действия III Отделения и жандармских офицеров не могут быть удовлетворительны потому, что случаи, обнаруженные наблюдением, нередко требуют принятия самых поспешных полицейских мер, не предоставленных по закону сему учреждению, а одно указание фактов, видимых наблюдателю и не преследуемых в свое время законною полицейскою властью, может не только оставаться бесплодным, но часто подвергать правительство нареканиям»¹, – отмечалось в записке.

6. Театральная цензура

По Цензурному уставу 1828 г. на III Отделение была возложена цензура драматических сочинений, как на русском, так и на иностранных языках. Подобное обособление сценических произведений от общей цензуры и передача их на рассмотрение политической полиции, предполагавшее более пристальное внимание, можно объяснить особым эмоциональным воздействием театра на публику. В этом отношении показательны суждения Л. В. Дубельта, озвученные им вскоре после назначения его управляющим III Отделением (1839 г.): «Драматическое искусство, как и всякая отрасль литературы, должна иметь цель благотельную: наставляя людей, вместе забавлять их, а это достигнем несравненно скорее картинами высокого, нежели описаниями низости и разврата. Если скажут, что, представляя гнусные страсти на сцене, можно исправить людей, подверженных тем же самым порочным склонностям, то это будет только часть последствий, происходящих от таких представлений, и притом редко случается, чтобы порочный человек узнал себя в безобразном портрете». Далеко не всегда порицаемые пороки получали всеобщее осуждение, зачастую аморальные поведенческие практики, показанные на сцене, способствовали типизации, распространению девиантного поведения. Л. В. Дубельт отмечал: «Все доказывает, что люди нашего времени, наслушавшись вредных рассказов и насмотревшись на разврат во всех его видах, так свыклись с изображением адских позорищ, что

¹ Дело Чернышевского. С. 129.

не только не гнушаются повторять на деле все, поместившееся в их изображении, но еще оправдывают свои поступки и часто гордятся ими. Зачем литературе, дочери неба, вместо того чтобы вести людей к добродетели на помочах нравственности, уклоняться от своего блистательного назначения и делаться союзницею ада?»¹ Еще более четко выразил *сгедо* цензоров чиновник III Отделения Е. И. Ольдекол: «Театр должен быть школой нравов, он должен показать порок наказанным, а добродетель вознагражденной»². Эти взгляды – своеобразная «методологическая основа» цензурной деятельности III Отделения и прежде всего – его новой структуры, созданной в 1842 г. Пятой экспедиции.

Порядок рассмотрения драматических сочинений в экспедиции был следующей. Пьесы для императорских театров передавались через их дирекцию в III Отделение. Цензоры читали, отмечая «все предосудительные места», и составляли более или менее подробное описание содержания («рапорт») с указанием «цели и направления сочинения». Этот рапорт представлялся на утверждение управляющего, решавшего судьбу данного произведения. Таким образом, цензор лишь высказывал свое мнение о пьесе, и, как отмечал работавший с архивными фондами Н. В. Дризен, это уменьшало ответственность чиновников за возможный промах³.

Действительно, состав цензурной экспедиции был стабильным и не знал таких гонений как цензоры, подведомственные Министерству народного просвещения. Заглавие одобренной пьесы вносилось в соответствующий «алфавит», а все замеченные цензором «предосудительные места» записывались в особую книгу («протокол»). Затем пьеса отсылалась обратно в дирекцию театров, а не разрешенные к представлению пьесы «удерживались» в III Отделении⁴.

Что касается провинциальных театров, их репертуар представляли в III Отделение губернаторы. Там его сравнивали с «алфавитами», и чиновники решали, разрешена ли (полностью или с исключениями) та или иная пьеса. Намерение поставить пьесу, «дозволенную с некоторыми изменениями», предполагало присылку ее текста и проверку его по «протоколу» (если пьеса напечатана), либо требовало новой читки (если представлена рукопись)⁵.

При существовании множества провинциальных трупп, разнообразии репертуара императорских театров, очевидна большая на-

¹ Дризен Н. В. Драматическая цензура двух эпох. 1825–1881. Пг., 1917. С. 7–8.

² Там же. С. 9.

³ Там же. С. 140.

⁴ ГА РФ. Ф. 109. Оп. 213. Д. 28. Л. 15–15 об.

⁵ Там же. Л. 16–16 об.

грузка цензурной экспедиции, состоявшей из четырех чиновников¹. В конце 1850 – начале 1860-х годов драматической цензурой ведали люди хорошо образованные. Возглавлял экспедицию (с 1856 г.) старший чиновник III Отделения действительный статский советник Иван Андреевич Нордстрем, еще в середине 1830-х гг. окончивший Казанский университет со степенью кандидата и золотой медалью «за отличные успехи и поведение». Младший чиновник III Отделения (с 1862 г.) Карл Иванович Бернад был кандидатом Московского университета (1849 г.), а помощник старшего чиновника III Отделения (с 1859 г.) Егор Александр Иванович Кейзер-фон-Нилькгейм окончил со степенью кандидата С.-Петербургский университет (1849 г.), кандидатом этого же университета был и старший сын Ф. В. Булгарина Болеслав – младший чиновник III Отделения (с 1855 г.)².

Помимо чтения драматических сочинений на Пятой экспедиции лежала обязанность наблюдения за театральными представлениями. По установленному порядку губернаторы еженедельно присылали в III Отделение афиши поставленных спектаклей. Если цензоры обнаруживали не дозволенную к представлению пьесу, об этом сообщали местным властям с просьбой исключить ее из репертуара театра. В С.-Петербурге наблюдение осуществлялось через ежедневную доставку афиш и присутствие в театре цензора или его помощника³.

В 1843 г. издателям газет, в которых разрешалось помещать статьи об императорских театрах, было предписано представлять эти материалы через III Отделение на рассмотрение и утверждение в дирекцию театров. Таким образом, еще одна обязанность цензурной экспедиции состояла в рассмотрении театральных рецензий⁴.

В 1858 г. III Отделение было близко к тому, чтобы утратить свое право на драматическую цензуру. В январе этого года правительство было вынуждено пойти на некоторые уступки и разрешить обсуждение в печати важнейших вопросов общественно-политической жизни и деятельности правительства. Высочайшим повелением от 25 января 1858 г. было установлено, что в С.-Петербургский цензурный комитет назначаются из всех министерств и главных управлений

¹ В исследовании Ч. Рууда и С. А. Степанова численность цензурной экспедиции указана неверно (14 чел.) (*Рууд С., Степанов С. А.* Фонтанка, 16: Политический сыск при царях. М., 1993. С. 57).

² Цензоры Российской империи, конец XVIII – начало XX века: Биобиблиограф. справ. / [О. Ю. Абакумов и др.; редкол.: В. Р. Фирсов (пред.) и др.]; СПб., 2013. С. 96, 110, 197, 272–273.

³ ГА РФ. Ф. 109. Оп. 213. Д. 28. Л. 17, 35 об.

⁴ Там же. Л. 17–17 об.

специальные чиновники, которым вменялось в обязанность рассматривать сочинения, касающиеся деятельности их ведомств.

Как видно из записки, сохранившейся в делах Пятой экспедиции, накануне этого дня в Совете министров обсуждался вопрос о возможности предоставления общей цензуре права рассматривать статьи, посвященные театру. В этом же документе указывалось, что на отношении министра народного просвещения А. С. Норова от 12 февраля 1858 г., в котором тот напоминал, что решение о возможности представления драматических сочинений на сцене будет по-прежнему приниматься на основании заключения особого комитета при театральной дирекции и по усмотрению министра императорского двора, Александр II начертил резолюцию, в которой «изволил найти рассмотрение в III Отделении С. Е. И. В. к. статей о театрах и театральных сочинений, предназначенных для сцены *излишним*»¹. Таким образом, одним росчерком пера была отменена цензура целой сферы, поднадзорной Отделению.

Несомненно, такое решение было неожиданным, несогласованным, непродуманным и ввело III Отделение в замешательство. В подготовленной в жандармском ведомстве записке отмечалось, что в особом комитете при театральной дирекции «драматические сочинения рассматривались единственно в сценическом и хозяйственном отношении», а в «нравственно-политическом» в III Отделении². Приоритетная к объявленному высочайшему повелению об устройстве С.-Петербургского цензурного комитета, авторы записки предлагали возложить на этот комитет право рассматривать содержание пьес с точки зрения нравственной и политической, т. к. в нем будут состоять «сверх других членов одного доверенные чиновники от министерства императорского двора и III Отделения». За собой политическая полиция предлагала оставить наблюдение за театрами «на прежнем основании»³.

Скоропалительное решение императора привело в затруднение все три заинтересованные ведомства. На состоявшемся в феврале 1858 г. общем совещании министр императорского двора В. Ф. Адлерберг заявил, что в особом комитете «нет средств» для рассмотрения пьес. А. С. Норов ссылаясь на загруженность цензурного комитета (возросшие объемы текущей работы, составление нового цензурного устава, рассмотрение сочинений по военному и морскому ведомствам)⁴. После представления императору совместного докла-

¹ Там же. Л. 32–32 об.

² Там же.

³ Там же. Л. 36.

⁴ Там же. Л. 38, 44 об. – 45.

да В. Ф. Адлерберга, А. С. Норова, В. А. Долгорукова было объявлено высочайшее повеление¹, общий смысл которого выражен в одной из резолюций шефа жандармов: «Оставить по-прежнему в III Отделении впредь до того времени, когда можно будет возложить эту обязанность (цензуру драматических произведений. – О. А.) на С.-Петербургский (цензурный. – О. А.) комитет»².

Анализ архивных материалов Пятой (цензурной) экспедиции дает богатый материал для составления обширной палитры цензурских фобий и авторских прегрешений, выходявших за рамки сформулированного Л. В. Дубельтом постулата: театр должен веселить и поучать. За 1828–1864 гг. театральной цензурой было запрещено 466 пьес на русском, 234 на французском, 257 на немецком и 11 на итальянском языках³. Как правило, вспышки цензурского пристрастия к иностранным пьесам случались вслед за крупными политическими потрясениями в Европе. Показательна статистика запрещенных произведений французских авторов: предреволюционные годы: в 1846 г. – две, 1847–1848 гг. по шесть пьес, 1849 г. – 14, а в 1850 г. уже 21 пьеса, в 1851 и 1853 г. – по 18, в 1852 г. – 12. Пьес, переведенных с немецкого языка было запрещено в 1848–1849 гг. по девять, в 1850 г. – 30, в 1851 и 1853 г. – 23, а в 1852 г. – 17⁴.

На что же обращали внимание бдительные цензоры от полиции? В отчете III Отделения за 1860 г. указывалось: «Причины запрещения были как в русских, так и в иностранных пьесах, безнравственное или неблагопристойное направление, изображение в невыгодном свете целых сословий, не исключая и высшего, неуместное суждение о политических и других важных современных вопросах, и, наконец, избличение злоупотреблений крепостного права»⁵.

Последняя причина послужила основанием для запрещения пьесы А. Ф. Писемского «Горькая судьбина». Цензоры сочли неудобным в преддверии реформы разжигать народные страсти⁶. По аналогии с ней чуть не запретили пьесу А. Н. Островского «Грех да беда». Цензор И. А. Нордстрем писал: «Эта новейшая пьеса (...) есть отчасти картина того же темного царства, которая изображена им (А. Н. Островским) в прочих его пьесах, и вместе с тем она во многом

¹ Дризен Н. В. Указ. соч. С. 194

² ГА РФ. Ф. 109. Оп. 213. Д. 28. Л. 46.

³ Там же. Д. 32. Л. 17.

⁴ Там же. Л. 43.

⁵ Там же. Оп. 223. Д. 25. Л. 129.

⁶ Дризен Н. В. Указ. соч. С. 194.

напоминает и не одобренную к представлению драму Писемского «Горькую судьбину»¹.

Большое внимание цензорами обращалось на отношение драматургов к монархическому началу и особенно к выдающимся фигурам российской истории. Цензоры руководствовались высочайшим повелением Николая I, разрешившим изображать «особы царей до дома Романовых». Так, в 1857 г. оставалось в силе запрещение на сценическую постановку трагедии М. П. Погодина «Петр Великий». Иногда запреты распространялись и на исторические сочинения. Так, нежелательными были сюжеты, связанные с личностью Дмитрия Самозванца – Лжедмитрия².

Иностранные пьесы, избранные для постановки в российских театрах, как правило, внутрироссийских сюжетов не касались. В 1858 г. была запрещена популярная на берлинской сцене пьеса «Ein Werbebureau für Grimm» («Рекламное агентство Кримм» (нем.). – *Ред.*), содержащая насмешки над политикой России³. На следующий год – «Wie denken sie über Russland?» («Как вы относитесь к России?» (нем.). – *Ред.*), в которой по сюжету «Россия, будто бы для дипломатической цели, прибегает к содействию лиц, приближенных к мелким Германским владетельным князьям»⁴.

Обращение к острым международным проблемам в театральных постановках было запрещено. Не получила цензурного одобрения пьеса об одном эпизоде из жизни прусского военачальника Г. Блюхера «Marshal, Vorwärts» («Маршал, Вперед» (нем.). – *Ред.*): «Пьеса, как видно, написана под влиянием злобы и ненависти к Франции, которые питала к ней Германия в последнюю войну 1859 г.»⁵. В пьесе «Le Fils de la nuit» («Сын ночи» (франц.). – *Ред.*) цензура смущало не только то, что главное действующее лицо пьесы – незаконнорожденный ребенок («сын ночи»), родители которого принадлежат к высшей аристократии, но и то обстоятельство, что «основанием завязки драмы служили политические смуты в южной Италии, напоминавшие настоящее положение и интриги Франции»⁶.

Не пропустили на сцену написанную с сочувствием к переменам начала правления Александра II пьесу «La jeune Russie» («Молодая Россия. (франц.). – *Ред.*) (1859 г.), в которой в аллегорической фор-

¹ Там же. С. 307.

² Там же. С. 166–171.

³ Там же. Указ. соч. С. 180.

⁴ РГИА. Ф. 780. Оп. 1. Д. 36. Л. 225.

⁵ Там же. Л. 241. Речь идет об Австро-итало-французской войне 1859 г.

⁶ Там же. Д. 35. Л. 307.

ме изображалась борьба молодого и старого поколений – Прогресса и Рутины. Содержание пьесы, действие которой разворачивалось в Петербурге, в изложении цензора таково: «Рутина, представительница отсталого поколения и враг всяких полезных нововведений, преследует молодую Россию, жаждущую просвещения и стремящуюся к усовершенствованию. На помощь молодой России из-за границы является Прогресс и, заключив с ней тесный союз, открывает ей все богатства, которые до сих пор были оставлены Рутинной без внимания. Таким образом, при содействии Прогресса молодая Россия одерживает полную победу над Рутинной»¹.

Помимо главного обстоятельства – пьеса касалась современной внутривластной ситуации в России – цензуру, видимо, не устроила содержавшаяся в ней концепция реформирования страны. Тема – конфликтный характер отношения «отцов» и «детей» – еще не была мастерски прописана И. С. Тургеневым и осознана обществом. Акцент на европейском опыте для заимствования, на важности тесного союза с Европой также представлялся довольно спорным. А слово «прогресс» вообще было запрещено для официального употребления². Да и вообще, почему это в России Рутина должна была проиграть «молодой России»? Настоящая предугаданная борьба общественных сил только назревала в 1859 г., а европейские авторы уже видели зачатки этого противостояния.

Опасение вызывало изображение на сцене революционных событий, различных народных волнений. Здесь цензоры давали себе волю. В 1858 г. пьесу Э. Ожье «La jeunesse» («Молодежь» (*франц.*) – *Ред.*), отражавшую настроения французского общества в 1789 г., Александр II сопроводил пометкой: «По-моему можно», однако пьесу пропустили с большими купюрами³.

Против повторного рассмотрения в 1860 г. пьесы И. В. Гёте «Эгмонт» – по ходатайству дирекции императорских театров – восстал министр двора В. Ф. Адлерберг, считавший, что это произведение «по существу революционное, хотя основанное на исторических фактах»; управляющий III Отделением А. Е. Тимашев пьесу запретил.

Как отмечал Н. В. Дризен, «иногда цензура входила в рассмотрение причины, смуты и, когда она была направлена в пользу утверждения законной власти, разрешала пьесу»⁴. Цензор ходатайствовал о разре-

¹ Дризен Н. В. Указ. соч. С. 210.

² А. В. Никитенко записал в «Дневнике» 31 мая 1858 г.: «Запрещено употреблять в печати слово “прогресс”» (*Никитенко А. В. Дневник: В 3 томах. М., 1955. Т. 2. С. 27*).

³ Дризен Н. В. Указ. соч. С. 211–212.

⁴ Там же. С. 308.

шении пьесы «Andreas Hofer», в которой подвиг главного героя – Андреаса Гофера – был созвучен подвигу Минина и Пожарского¹.

Даже временная отдаленность событий не облегчала пьесам из придворной жизни доступа на сцену. Цензор И. А. Нордстрем в отзыве на одну немецкую пьесу писал: «Содержание этой неестественной и нелепой драмы составляют почти исключительно всевозможные ужасы, убийства, отравления ядом, появление при дворе беглых каторжников под личиною аристократов и другие несообразности»².

Величие образа монарха строго оберегалось. Основанием для запрещения пьесы «Die Sterne wollen es» («Звезды хотят этого» (нем.). – *Ред.*) (из истории Франции конца XVII в.) послужило то обстоятельство, что якобы «в этой пьесе, исполненной придворных интриг, Король выведен в неприличном его высокому сану виде»³.

Несмотря на то что драма «Graf Essex» немецкого писателя и драматурга Г. Лаубе была «превосходна в сценическом и литературном отношении», цензора III Отделения смущали как политические мотивы, так и обстоятельства личной жизни графа: «Эссекс представлен героем и государственным человеком, поднявшим знамя бунта за личное оскорбление королевы, с которой был когда-то в связи»⁴. Через год, в 1859 г., не пропустили другой вариант этой драмы Г. Лаубе уже в русском переводе «Елисавета и граф Эссекс»: «Содержание то же самое: открытое восстание непокорного вассала и месть подданного монархине»⁵.

В 1860 г. была запрещена пьеса «La Dame de Monsoreau» («Графиня де Монсоро»), так как ее завязка «основана на политических смутах, заговорах и открытом восстании против короля»⁶.

Видимо, несколько неуверенно почувствовал себя цензор, просматривавший «невинный фарс, основанный на каламбурах и немногих остротах» и посвященный приключениям приказчика Жано, перенесшего кораблекрушение и попавшего на остров к дикарям («*Janot chez les sauvages*» – «Жано у дикарей»). Его вопрос был обращен к руководству III Отделения: «Не может ли быть сочтено предосудительным, что короли, хотя совершенно диких и вымышленных островов

¹ Там же. С. 213. Андреас Гофер (1767–1810) – тирольский народный герой, организатор и руководитель партизанской войны против французских и баварских оккупантов в 1809–1810 гг. – *Примеч. ред.*

² РГИА. Ф. 780. Оп. 1. Д. 37. Л. 180.

³ Там же. Д. 38. Л. 318–318 об.

⁴ Там же. Д. 35. Л. 200.

⁵ Там же. Д. 36. Л. 49.

⁶ Там же. Д. 37. Л. 347.

Пиявок и Кокосов, представлены в несколько смешном виде?»¹ У руководства политической полиции сомнений на этот счет не было – пьеса не была разрешена для постановки.

«Ундина» («Undine») – романтическая история любви графа и русалки, их смерти и воскрешении в подводном мире – обратила на себя внимание цензора драматических сочинений. Хотя само по себе фантастическое содержание пьесы не заключало в себе ничего предосудительного, но автор «допустил неуместные суждения об императорах, политике, аристократии, улучшениях в правлении, конституции, недостатках правительства, которые ни в коем случае не могут быть допущены на сцене»².

Эпизоды из жизни городских низов тоже казались мало поучительными для российского зрителя. В отношении пьесы «Парижские рабочие» (по мотивам произведений Э. Золя) в отзыве было сказано: «...грубейшие нравы низшей среды» способны лишь «оскорбить чувство приличия и даже общественное благочиние»³. Можно привести и суждение о пьесе по роману В. Гюго «Отверженные», в которой «зритель невольным образом увлекается на скользкий путь коммунистического учения»⁴.

Талант автора только усиливал вредный эффект от таких постановок. Об этом предупреждал еще в 1830-х гг. цензор Е. И. Ольдекоп, вот как он рассуждал: «На каком основании приучать русскую публику к ощущениям сильным и в то же время пагубным и неестественным? Последствия сего будут у нас те же, что и во Франции, правда, не скоро, но они не замедлят прийти. История нас учит, что самые большие и ужасные события часто происходят от причин незначительных»⁵.

В то же время громкое имя автора, гарантировавшее хорошие сборы театральной дирекции, заставляло переводчиков, авторов русских версий делать «проходные» варианты кассовых пьес. Тот же Е. И. Ольдекоп рецензировал (1832 г.) драму А. Дюма-отца «Ричард Дарлингтон»: «Пьеса сия принадлежит к новейшим сочинениям французского искусства, следственно основана на ужасе, и сочинитель достиг своей цели, прибавляя к сему изображение на сцене спора при выборах депутатов для английского парламента. Не довольствуясь всем этим, французский сочинитель написал еще пролог, в котором дочь маркиза де Сильва родит младенца почти на сцене».

¹ РГИА. Ф. 780. Оп. 1. Д. 36. Л. 306.

² Там же. Д. 35. Л. 208.

³ *Дризен Н. В.* Указ. соч. С. 251.

⁴ Там же. С. 209.

⁵ Там же. С. 116–117.

Исключив отмеченные эпизоды, пьеса, имевшая «нравственную цель показать, что чрезмерное честолюбие ведет всегда к пороку»¹, была пропущена.

Особым пристрастием отличался подход к сценическому изображению чиновников и бюрократического произвола. В 1857 г. были запрещены пьесы М. Е. Салтыкова-Щедрина «Утро Хрептюгина» и «Просители». Причем относительно последней цензор И. А. Нордстрем представил благожелательное заключение: «На русской сцене не было еще примера, чтобы губернатор представлен был с невыгодной стороны в административном отношении; впрочем, автор, выставляя в нем плохого администратора, нисколько не унижает характера его как человека, и притом нет повода полагать, что автор имел при этом в виду какую-нибудь личность». Такая же участь постигла пьесу Р. М. Зотова «Последние философы», А. Н. Писарева «Забавы Калифа»².

Весьма обстоятельный отзыв подготовил Нордстрем на представленную в 1863 г. А. В. Сухово-Кобылиным пьесу «Дело». Это произведение он не допускал на сцену без предварительной переделки, так как «недальновидность и непонимание своих обязанностей в лицах высшего управления, подкупность чиновников, от которых затем зависит направление и решение дел; несовершенство наших законов, (сравнимых в пьесе с капканами), полная безответственность судей за мнения и решения, – все это представляет крайне грустную картину и должно произвести на зрителя самое тяжелое впечатление»³.

Анализируя цензурную политику, Н. В. Дризен отмечал совершенно особое отношение драматической цензуры к писателям-классикам: «При Николае Павловиче имя писателя, его удельный вес в литературе не принимались в соображение при разрешении пьесы, скорее оно имело обратное действие: авторитет Шекспира, Мольера, у нас – Пушкина могли еще усилить впечатление от пьесы и, следовательно, сделать ее более опасной. В царствование Александра II от такого подхода уже отказывались; все чаще в числе причин разрешить постановку пьесы звучали такие доводы как «в уважение к таланту автора»⁴. Однако отмеченная тенденция в большей степени относится ко второй половине царствования Александра II. Ибо в его начале отношение к творчеству драматургов не было столь уважительным. В 1857 г. были запрещены помимо названных еще одна пьеса

¹ Там же. С. 106–107.

² Там же. С. 197–199.

³ Там же. С. 198.

⁴ Там же. С. 273.

М. Е. Салтыкова-Щедрина («Смерть Пазухина»), пьеса И. С. Тургенева («Чужой хлеб») и три пьесы А. Н. Островского («Доходное место», «Воспитанница» (повторно в 1859 г.), «Свои люди – сочтемся» (вторично)). Цензура бесцеремонно вмешивалась в авторский замысел не только начинающих драматургов (П. Д. Боборыкин¹), но и известных мастеров. Островский отзывался об одной из своих пьес: «изуродованное, но все-таки дорогое сердцу детище»².

Критерии цензурного надзора были весьма расплывчаты, конъюнктурны и субъективны. В. П. Попов вспоминал, что его пьеса «Сознание долга» (на сюжет из осады Севастополя) была одобрена влиятельным чиновником III Отделения М. М. Поповым и одновременно вызвала порицания Л. В. Дубельта³. По прошествии некоторого времени само III Отделение не могло вспомнить причин запрещения иных произведений. Так получилось с пьесой А. Н. Островского «Доходное место». В 1863 г. И. А. Нордстрем выразил недоумение относительно ее изъятия из репертуара. Он писал, что из материалов дела «не видно основания, почему комедия эта подверглась запрещению после одобрения уже ее цензурою. Частным же образом известно, что не нравились встречающиеся в пьесе разговоры о взяточничестве». Ссылаясь на разрешенную в марте 1862 г. пьесу А. А. Потехина «Мишура» («совершенно одинакового содержания»), цензор спрашивал «в видах справедливости» о возможности допустить на сцену комедию Островского. Причин запрета не знал и управляющий III Отделением А. Л. Потапов. «По моему мнению, – писал он шефу жандармов, – пьеса положительно может быть дозволена, но в 1860 г.⁴ я отказал д. т. с. Гедеонову на основании только предшествовавшего запрещения, а не по собственному убеждению». Как видно из резолюции, В. А. Долгоруков не противился разрешению, но обращал внимание подчиненных на тот факт, что пересмотр единичного решения вызовет волну ходатайств о других пьесах⁵. Однако здравый смысл преодолел бюрократические препоны.

Аналогичное недоразумение разрешал в 1865 г. и цензор И. А. Гончаров, повторно рассматривавший запрещенную в 1861 г. «Псковитянку» Л. А. Мея. Он писал: «Мне не известно, что было поводом к запрещению (пьесы): появление ли на сцене царя, то ли что автор выставляет его отцом незаконной дочери, или, наконец, постановка

¹ Боборыкин П. Д. Воспоминания. За полвека. М., 1965. Т. 1. С. 214, 245.

² Островский А. Н. Полн. собр. соч. в 12 тт. Т. 11. М., 1979. С. 110.

³ Попов В. П. Л. В. Дубельт // Русская старина, 1880. Т. 29. С. 454.

⁴ Видимо, описка, так как тогда А. Л. Потапов еще не служил в III Отделении.

⁵ Дризен Н. В. Указ. соч. С. 160.

на сцену псковского веча; во всяком случае, в настоящее время ни одна из всех трех причин, по моему мнению, не может служить к запрещению на сцене этой замечательной в литературном отношении пьесы»¹. Это заключение весьма показательно. Оно демонстрирует процесс либерализации цензурных воззрений за довольно краткий период. Ведь в 1861 г. любой из трех названных сюжетов мог быть причиной запрещения.

Интересно отметить, что III Отделение ставило препоны не только перед так называемой обличительной литературой, но и охранительной. Отрицательный отзыв цензора получила пьеса Е. П. Ростопчиной «Возврат Чацкого в Москву», сюжетом для которой послужила современная литературно-общественная полемика. В письме к шефу жандармов поэтесса обосновывала злободневность своего сочинения: «...когда наша молодежь устами своих пророков поймет, какого рода кумиры стоят перед нею, она быстро в них разочаруется...»² Но в 1857 г. власть еще не задумывалась о консолидации охранительных сил для собственной поддержки и в услугах Ростопчиной не нуждалась.

Формально, руководствуясь требованиями цензурного устава 1828 г., цензоры вынуждены были учитывать нюансы государственной политики, замечать, когда «подмораживало» и когда начиналась «оттепель». Пьесы, безусловно запрещенные в одну эпоху, через пять–десять лет разрешались к постановке даже без переделки. Не только вычурные произведения отца и сына Дюма с трудом пробивались на сцену. Под запретом находились многие трагедии В. Шекспира, И. В. Гёте, Ф. Шиллера, сюжетные линии которых цензоры находили политически опасными для россиян. Забота о нравственном воздействии театра на зрителя определяла судьбу фарсов, водевилей, комедий, пробивавшихся к зрителю через сито цензурных ограничений. Охранительные начала, определявшие цензурную политику, зачастую достигали обратной цели – делали запретный плод особенно сладким.

Помимо драматической цензуры на Пятую экспедицию была возложена и функция надзора за литературой. По всеподданнейшему докладу А. Х. Бенкендорфа от 1 сентября 1829 г. «для предотвращения неблагоприятных впечатлений и толков» было повелено цензурной экспедиции «наблюдать за духом периодических изданий»³. Для этого содержатели типографий должны были доставлять в III Отделение

¹ Там же. С. 160.

² Там же. С. 270.

³ ГА РФ. Ф. 109. Оп. 213. Д. 28. Л. 17 об.

по одному экземпляру печатавшихся у них газет, журналов и альманахов. Это требование было включено в цензурный устав. Задержка в пересылке номеров каких-нибудь провинциальных «епархиальных ведомостей» вызывала немедленную переписку III Отделения с соответствующим начальством¹. Подобная кипучая деятельность весьма удачно создавала иллюзию бдительного контроля, как над издателями, так и над цензорами, писателями, журналистами. Между тем поступавшие издания мало кем читались. Они складировались, а потом, когда уже негде было их (а также афиши) хранить, уничтожались. Иногда исклечение делалось «для юмористических газет и иллюстраций»². Как отмечалось в подготовленной чиновниками записке «О занятиях цензурной экспедиции», «обязанность эту (т. е. наблюдение «за духом периодических изданий». – О. А.) цензурная экспедиция не могла исполнять как по многочисленности занятий по театральной цензуре, так и по крайней недостаточности средств личного своего состава»³.

Попытку изменить ситуацию предпринял вскоре после своего назначения в III Отделение А. Л. Потапов. В конце января 1862 г. он представил шефу жандармов записку следующего содержания: «В III Отделении получают все издаваемые в пределах России журналы и газеты и другие периодические издания, а равно некоторые газеты и журналы, выходящие за границы. При нынешнем развитии журналистики необходимо обращать внимание не на одни статьи, направленные против правительства, его органов и вообще против предметов, огражденных законодательством, но также на те статьи, в коих заявляются полезные мысли или содержатся дельные указания на общественные нужды и потребности. Смотри с этой точки зрения на значение периодических изданий, желательно, чтобы господа чиновники III Отделения тщательно и внимательно читали их согласно утвержденному расписанию и о результатах своего чтения сообщали бы мне словесно или же в самых кратких записках, оставляя необходимые подробности для личного объяснения»⁴.

Исследователи Ч. Рууд и С. А. Степанов рассматривают данный документ как пример особо пристального внимания к периодике со стороны жандармского ведомства в начале 60-х годов XIX в.⁵

¹ ГА РФ. Ф. 109. Оп. 213. Д. 31.

² Там же. Д. 19. Л. 17.

³ Там же. Д. 28. Л. 17 об.

⁴ Там же. Д. 30. Л. 1–1 об.

⁵ Рууд Ч., Степанов С. А. Указ. соч. С. 57.

Л. М. Макушин пишет о «широком всепроникающем надзоре»¹. Но вряд ли это справедливо. Инициатива А. Л. Потапова, одобренная В. А. Долгоруковым, видимо, не встретила поддержки среди чиновников, которым сверх обычных своих обязанностей предстояло еще следить за периодикой.

В первую очередь загрузили чиновников Пятой экспедиции, несмотря на их сетования, что «занятия драматической цензурой почти не оставляют свободного времени». Свидетельством скептического отношения к начинанию начальства может служить и подбор изданий для чтения. Так, за А. Ф. Шульцем, наряду с «Современником» и «Искрой», были закреплены «Звездочка» и «Журнал для детей». Чиновник К. Н. Мавроди искал «полезные мысли», в частности в журнале «Садовник и огородник», а господа офицеры штаба корпуса жандармов должны были почитать «Ветеринарные записки», «Журнал конезаводства», «Русский ремесленник» и др. В сферу внимания цензуры должны были попасть чуть более половины из 280 заявленных к изданию в 1862 г. газет и журналов². Вероятно, эта затея не принесла ожидаемых результатов. Во всяком случае в Отчете за 1863 г., отмечая предоставленную прессе возможность обсуждать проекты предпринимаемых правительством преобразований, шеф жандармов прямо указал, что «III Отделению не известно, насколько литература, пользуясь этим правом помогла правительству в его государственных трудах»³. Зато «полицейский» взгляд на литературу свое отражение в отчете нашел.

Какое же место занимало III Отделение в правительственной политике по отношению к литературе? И. В. Оржеховский, исходя из упомянутых выше прав высшей полиции, закрепленных цензурным уставом 1828 г., считает, что III Отделение «стало играть ведущую роль в цензуре»⁴. Но это утверждение неточно, ибо применимо лишь к цензуре драматических сочинений, которая сохранялась за этим ведомством до 1865 г., после чего была передана в ведение Главного управления по делам печати Министерства внутренних дел. На наш взгляд, более точен М. К. Лемке, полагавший, что III Отделение было «верховным надзирателем по *всем* цензурным делам»⁵.

¹ Макушин Л. М. Цензурный режим и журналистика: от «чугунного» устава 1826 г. до закона о печати 1865 г.: В двух книгах. Екатеринбург, 2009. С. 51.

² ГА РФ. Ф. 109. Оп. 213. Д. 28. Л. 17 об.

³ Литература 60-х годов по отчетам III Отделения // Красный архив, 1925. № 1. С. 221.

⁴ Оржеховский И. В. Самодержавие против революционной России. М., 1981. С. 53.

⁵ Лемке М. К. Указ. соч. С. 34.

Политическая полиция стремилась «направлять умы», воздействуя на литераторов и издателей, пытаясь создать организационные структуры идеологического воздействия на общество. Видя свою задачу в том, чтобы «следить за направлением общественного мнения и за его ненормальными отклонениями»¹, III Отделение не только вмешивалось в литературно-издательский процесс со своими мелочными придирками и запретами, но и через «всеподданнейшие» отчеты (тенденциозной трактовкой произведений, прозрачными намеками и акцентами на отдельных публикациях, со звучных жандармским взглядом) воздействовало на Александра II и на правительственную политику.

7. Надзор за печатью (1857–1862 гг.)

Непосредственно цензурными делами политическая полиция не занималась (за исключением цензуры драматических произведений), но, наблюдая «за общим мнением и духом народным»², постоянно обращала внимание на упущения цензурного ведомства, отмечала публикации, имевшие общественный резонанс, указывала на неблагонадежных авторов и редакторов. Ежегодно (с небольшими пропусками) III Отделение предоставляло императору «всеподданнейшие» отчеты о своей деятельности и происшествиях, случившихся в государстве.

Именно анализ литературных разделов «всеподданнейших» отчетов шефа жандармов за 1857–1862 гг. позволяет изучить, с одной стороны, реакцию жандармского ведомства на русскую периодику и пробуждающееся общественное мнение, а с другой – механизм влияния политической полиции на императора и цензурную политику в указанный период.

В «Политическом обозрении» за 1857 г. в фокусе внимания еще находилась правительственная политика как фактор, обеспечивающий контроль над допустимой степенью гласности. Шеф жандармов В. А. Долгоруков отметил, что Министерство народного просвещения «составляет ныне особо важное звено в государственном управлении». Покритиковав министра А. С. Норова за «чрезмерное благодушие», глава политической полиции напомнил, что «тому уже около двух лет последовало высочайшее разрешение на пересмотр цензурного устава, но по этому предмету ничего еще не исполнено, тогда как пересмотр устава и применение правил цензуры к современным об-

¹ Литература 60-х годов по отчетам III Отделения. С. 228.

² Оржеховский И. В. Самодержавие против революционной России. М., 1983. С. 27.

стоятельствам становится более и более необходимым»¹. Как видим, актуальность нового регламента в качестве сдерживающего фактора была совершенно очевидна.

Как в отчете, так и в «Политическом обозрении» за 1858 г. много внимания уделено русской заграничной печати и борьбе с распространением запрещенных изданий. Впервые признается влияние вольной печати на общественное мнение, которое «сильно раздражалось» этими сочинениями. Именно общественное мнение, наряду с крестьянским вопросом, названо в числе предметов, которые «вводили в соблазн и в проступки» и поэтому требовали постоянного наблюдения. Общественное мнение трактовалось как «общественные и журнальные возгласы». Их суммированные требования: публичного судопроизводства; уничтожения служебных злоупотреблений, свободы мысли и неограниченного книгопечатания – прямо не прицелились. Оспаривалось лишь нетерпение, стремление к изменениям «со стороны не причастных к этому делу людей, особенно из молодого поколения», в то время как правительство могло действовать только «тихо и постепенно»².

Явно не желая закрепления за печатью каких-либо общественно значимых функций, В. А. Долгоруков, характеризуя нового министра народного просвещения Е. П. Ковалевского, выделял черты его характера, необходимые для «чрезвычайных случаев»: «Он исполняет свои обязанности, придерживаясь во всем середины, и хотя с умеренностью, но останавливает порывы литературы». Эти качества считались особенно необходимыми в условиях, когда «писатели наши жаждут усвоить себе право общественного голоса и суда»³.

Как видно из приведенной цитаты, противодействуя становлению печати как одной из форм выражения общественного мнения, III Отделение ясно демонстрировало неприятие его основных функций, определяемых современными социологами⁴ как экспрессивную (оценочную), а в нашем случае – «суд»; а также консультативную, контрольную и директивную, соответствующие – в контексте нашей темы – понятию «голос».

Однако противодействие даже столь крупного сановника, каким был шеф жандармов, не могло остановить прогрессирующего влия-

¹ Россия под надзором. Отчеты III отделения. 1827–1869. М., 2006. С. 455.

² Там же. С. 472–473.

³ Там же. С. 479.

⁴ Грушин Б. А. Общественное мнение // Опыт словаря нового мышления. М., 1989. С. 215; Чернуха В. Г. Правительственная политика в отношении печати. 60–70-е гг. XIX века. Л., 1989. С. 20–21.

ния печати, сквозь препоны цензуры доводившей до общества «опасные» идеи и суждения по важнейшим современным проблемам.

С 1859 г. в отчетах III Отделения наряду с разделом о борьбе с распространением изданий А. И. Герцена и других сочинений «вредного содержания» появляется новая рубрика – «О русских периодических изданиях». Ее содержание как в отчете за 1859 г., так и за 1860 г. однотипно, вплоть до отдельных текстуальных совпадений. Главная идея – набат, гневная филиппика в адрес обличительной литературы: «В литературе нашей развился характер обличительный, до такой степени, что почти¹ нет журнала и газеты, в которых не помещались бы статьи о служебных злоупотреблениях и общественных недостатках. Этим направлением увлекаются даже правительственные и полуофициальные издания, а должностные лица или оправдываются или вступают в спор с писателями»². Кроме того, в статьях допускались «резкие и неуместные суждения»³.

В отчете за 1860 г. содержится любопытный вывод: «...обличительная литература получила у нас вид как бы законности»⁴. Таким образом, за общественным мнением фактически признавалась оценочная и контрольная функция. Закрепилась в практической деятельности правительственных «верхов» и его консультативная функция. Известно, что редакционные комиссии снабжались экземплярами «Колокола», «Голосов из России» со статьями по крестьянскому вопросу.

Сложившаяся ситуация тревожила многих⁵, и шеф жандармов, обосновывая ненормальность подобного положения, проводил своеобразную градацию общественных настроений: «Одни одобряют такое направление литературы, другие считают оное не заслуживающим внимания, третьи им оскорбляются, а *многие* видят в нем зло, мо-

¹ В аналогичном тексте отчета за 1860 г. слово «почти» опущено (Литература 60-х годов по отчетам III Отделения // Красный архив, 1925. № 1. С. 208). Видимо, это свидетельство осознания еще более широкого распространения обличительной литературы.

² ГА РФ. Ф. 109. Оп. 223. Д. 24. Л. 16.

³ Любопытна эволюция взглядов III Отделения на обличительство. В марте 1857 г. в ответ на неудовольствие министра юстиции гр. В. Н. Панина «против проявляющегося общественного мнения» старший чиновник III Отделения М. М. Попов убеждал его, «что журналы наши не нападают ни на что частное, а обличение зла и недостатков может быть полезно, потому что общественное мнение скорее прекратит их, нежели само правительство» (Голос минувшего. 1913. № 5. С. 237).

⁴ Красный архив, 1925. № 1. С. 208.

⁵ Так как сенатор К. Н. Лебедев в своих записках (1859 г.), говоря о переходе литературы «к явным изветам и клевете», указывал на «необходимость вмешательства полицейской защиты» (Из записок сенатора К. Н. Лебедева // Русский архив, 1897. № 8. С. 653).

гущее произвести со временем обширные и вредные последствия»¹. Именно на мнение «многих» и ориентировался глава политической полиции.

В отчетах III Отделения фиксировались факты, вызывавшие общественный резонанс или гнев какого-либо должностного лица. В отчете за 1859 г. упоминается закрытие «Паруса» И. С. Аксакова, арест по высочайшему повелению и заключение в крепость издателя «Слова» И. П. Огрызко, закрытие «Русской газеты» и наказание ее цензоров за статьи, в которых «содержатся преувеличенные толкования о правах дворянства»². Сообщалось, что публикация в «Московских ведомостях» подложного письма Орловского губернатора В. И. Сафоновича и клеветническая статья в «Иркутских губернских ведомостях» о командующем конно-казачьим полком С. Р. Дрентельне спровоцировали издание циркулярных предписаний Министра внутренних дел о недопущении публикации в губернских ведомостях статей, «для чьей-либо личности оскорбительных». Другое совместное решение министерств внутренних дел, юстиции, народного просвещения и шефа жандармов касалось регламентации порядка направления «путешественников» для изучения народного быта. Оно было принято в связи со случаями задержания в разных губерниях М. Я. Свириденко, П. Н. Рыбникова (послан «Промышленным вестником»), П. И. Якушкина (послан «Русским вестником»), обративших на себя внимание тем, что носили крестьянскую одежду и сближались с народом³.

В отчете за 1860 г. примеры обличений взяты из журнала «Искра». По поводу одной из статей (в № 1 за 1860 г.) по инициативе бывшего харьковского губернатора И. Д. Лужина проводилось расследование для выяснения автора статьи и обстоятельств ее передачи в редакцию. Личное вмешательство шефа жандармов прекратило цикл публикаций против астраханского губернатора Б. В. Струве и его жены⁴. При этом в искровских публикациях «значительные

¹ ГА РФ. Ф. 109. Оп. 223. Д. 24. Л. 16 об. – 17.

² Там же. Л. 17–18 об. На эту статью было обращено внимание на заседании Главного комитета по крестьянскому делу 17 декабря 1859 г. при рассмотрении прошений предводителя и депутатов Рязанской губернии, инспирированных этой газетой. Внимание шефа жандармов привлек тот факт, что указанный номер «Русской газеты» был доставлен с эстафетой к началу дворянских выборов. Газета же была закрыта по предложению Председателя Государственного совета и Комитета министров князя А. Ф. Орлова (*Макашин С. А.* Салтыков-Щедрин на рубеже 1850–1860 гг. М., 1972. С. 235).

³ ГА РФ. Ф. 109. Оп. 223. Д. 24. Л. 17, 19 об.

⁴ Литература 60-х годов по отчетам III Отделения. С. 208–209.

лица» выставлялись под столь «прозрачными» именами, что сразу узнавались публикой. Шеф жандармов в отчете за 1861 г. признал: «Такое направление до того укоренилось, что уже не действуют ни наказания цензорам, ни выговоры самим журналистам и писателям, ни повторяемые правительством предписания о строгом соблюдении правил цензуры»¹. Видя бессилие цензуры, должностные лица неоднократно обращались к В. А. Долгорукову с жалобами на это издание. Так, в 1862 г. черниговский губернатор князь С. П. Голицын требовал через III Отделение, чтобы ему сообщили имя автора одной из заметок и передали подлинную рукопись для дознания. Последнее требование В. А. Долгоруков признал неисполнимым, но считал, что необходимо внушить редакторам, «дабы они были осторожны в выборе статей»².

Новая черта, отличающая отчет 1860 г. от прошлогоднего, – это обращение к анализу содержания политических отделов периодических изданий. Такое внимание объяснялось фактическим освобождением в 1859 г. печати от обязанности выражать правительственные «виды и мнения» в вопросах международных, при перепечатке в политических отделах публикаций официальных органов³. «Нельзя не заметить, – писал шеф жандармов, – сочувствия к совершающимся в Западной Европе переворотам, одобрения конституционных начал, похвалы Гарибальди и другим лицам, действующим ныне на сцене политического мира». В III Отделении хорошо понимали, что обращение к европейскому материалу лишь публицистический прием: «Цензура, может быть, и старалась не допускать применения к России, но тем не менее проявлялись статьи такого содержания, что многие читатели находили в них намеки и на наше государство». III Отделение особо следило, дабы в печати «не развились мысли об отдельности племен, входящих в состав Российской империи»⁴.

В венчающем отчет 1860 г. «Нравственно-политическом обозрении» III Отделение обратилось к оценке общественных настроений («народного духа») и роли литературы. «Народный дух в России с каждым годом более стремится к обеспечению и расширению гражд-

¹ ГА РФ. Ф. 109. Оп. 223. Д. 26. Л. 64.

² Япольский И. Сатирическая журналистика 1860-х годов. Журнал революционной сатиры «Искра» (1859–1872). М., 1964. С. 154. О том, что подобные требования были не единичны, свидетельствовал и сотрудничавший в «Искре» Н. А. Лейкин: «Я помню, что корреспондентов и намеками не выдавали, хотя бывали попытки к их разоблачению. Курочкин издатель все принимал на себя» (Николай Александрович Лейкин в его воспоминаниях и переписке. СПб., 1907. С. 156).

³ Исторические сведения о цензуре в России. СПб., 1862. С. 90–91.

⁴ Литература 60-х годов по отчетам III Отделения. С. 207.

данских прав, к зависящему от одного развитию материальных сил народа и к распространению круга умственной его деятельности на современных либеральных основаниях», – утверждал В. А. Долгоруков и отмечал распространение в общественном сознании либеральных идей с помощью журналов, которые являлись «печатным выражением этих стремлений, или, скорее, возбуждением оных»¹. Цитированные строки о движении «народного духа» можно толковать как вполне умеренные требования законности, устранения остатков крепостничества², поощрение частного предпринимательства и развития крестьянских хозяйств, стремление расширить сферу применения общественной инициативы и возможностей активного служения государству.

Однако шеф жандармов считал, что высказываемые в печати «взгляды на правительственные предметы слишком свободные и даже опасные» и что перед «порывами либеральной журналистики» правительство делается «страждущим лицом». Либеральная журналистика обвинялась в том, что она «подстрекает свойственное и без того настоящей эпохе брожение умов и как бы дает руку водворяемому тайно из-за границы революционным русским изданиям, направленным против существующего в России порядка и самой монархии»³.

Полагаю, что последнее заключение несколько надуманно: к началу 1861 г. либералы не испытывали былых дружеских симпатий к деятелям и программным заявлениям русской эмиграции, и хотя до литературной войны 1862 г. дело еще не дошло, но пути их уже разошлись. Подобное преувеличение (его смягчает использование «как бы») в сочетании с идущим далее по тексту высказыванием: «...необузданность печати (...) есть величайшая опасность для сохранения существующего порядка» – должны были, видимо, обосновать следующее умозаключение: «(...) в руках правительства печать может быть и лучшим орудием достижения его целей»⁴. Не было ли включение в отчет этого тезиса очередной попыткой⁵ подтолкнуть императора к практическим действиям по созданию официозных изданий и переходу к активному идеологическому противодействию?

В отчете высшей полиции за 1861 г. сохранилась та же тональность сетований на литературу, на утверждавшуюся «в наших периодиче-

¹ Россия под надзором. С. 527–528.

² Отчет подписан шефом жандармов 22 марта 1861 года.

³ Россия под надзором. С. 528.

⁴ Там же. С. 528.

⁵ *Порох И. В.* Из истории борьбы царизма против Герцена // Из истории общественной мысли и общественного движения в России. Саратов, 1964. С. 119–146.

ских изданиях гласность и общественные мнения». Вновь звучали жалобы на обличительство с присовокуплением, что «иногда осуждению подвергаются начальники губерний и значительные лица»; на политические отделы газет и журналов, в которых «события последнего времени описываются с такой подробностью и откровенностью, как в иностранных газетах», и содержат «сочувствие к революционным действиям Италии и к стремлению разных народностей отстоять свою самобытность», а также «одобрение либеральных учреждений и конституций». Традиционны и жалобы на цензуру: «Периодические издания наши продолжают быть столь свободными в суждениях, что влияние цензуры почти не заметно»¹. Однако следом констатировалось ее бессилие, «частью по искусству авторов избегать применения к их изворотливым выражениям строгости правил, частью же по невольной уступке цензоров усиливающейся с каждым днем стихии либерализма»². Репрессивные меры, как отмечалось, успеха не приносили: «...не действуют ни наказания цензорам, ни выговоры самим журналистам и писателям, ни повторяемые правительством предписания о строгом соблюдении правил цензуры»³.

Вместе с тем можно отметить и новые положения, ранее в отчетах не отражавшиеся. В первую очередь это анализ оценки происходивших в стране преобразований. И здесь важно не только утверждение, что журналисты эти меры «описывали с похвалой», но и сам факт признания за печатью права оценки государственной политики. В то же время через несколько страниц читаем утверждение: «Вообще в нашей журналистике заметно как бы не благоприятствующее правительству направление». Здесь уже подразумевается отношение к курсу внутренней политики. Выделяемые в отчете «надежды» литераторов связываются с дальнейшим развитием либеральных учреждений и «введением в нашем государстве конституции», а также с «уравниванием прав и сближением сословий»⁴.

В «Нравственно-политическом обозрении» за 1861 г. дана более обобщенная характеристика литературных настроений. В частности, говорилось об «образовавшейся в России в последние годы партии прогресса, которая составлена преимущественно из молодых литераторов». К этой же «партии» относились «отдельные личности, первенствующие в разряде дворянских либералов». Они-то и беспокоили

¹ ГА РФ. Ф. 109. Оп. 223. Д. 26. Л. 63.

² Из отчета шефа жандармов В. А. Долгорукова Александру II за 1861 г. // Дело Чернышевского. Саратов, 1968. С. 119.

³ ГА РФ. Ф. 109. Оп. 223. Д. 26. Л. 64.

⁴ Там же. Л. 63 об., 64 об.

правительство, «распространяя печатным и изустным словом мысли свои о свободе, гораздо далее намерений самого правительства»¹.

Впервые отмечался и тот факт, что «укорам гласности подвергаются и исторические личности, к которым народ привык питать благоговение»². Тревожила III Отделение и растущая популярность трудов по политической экономии и философии («В этом заслуживающем уважения стремлении также скрывается своего рода зло»), а также что «в журналах наших появились статьи, проникнутые духом социализма и материализма»³.

Весьма показателен и довольно абстрактный, в отличие от прошлых лет, характер жандармских претензий к конкретным изданиям, не добавляющий никаких новых штрихов к их вполне сформировавшейся репутации⁴. «Мелкими обличительными статьями наполнены у нас преимущественно “Искра”, “Северная пчела” и другие газеты; статьи опасного философского содержания, в духе германского философа Бюхнера, писались литератором Чернышевским, который находился уже на замечании правительства, и помещались в “Современнике”. Статьи социальные печатались практически во всех наших толстых журналах»⁵. Вред подобных публикаций для шефа жандармов был очевиден: «Эти статьи легко приемлются молодым поколением и наиболее студентами. Беспорядки, происходившие в наших университетах, и нынешнее направление умов дворянства

¹ Из отчета шефа жандармов В. А. Долгорукова... С. 119. Кстати говоря, эти «намерения» даже для сановной олигархии были вещь весьма абстрактной, о чем свидетельствует существование в их среде планов подтолкнуть императора к проведению согласованной политики, к созданию объединенного правительства, «кабинета». (См.: *Чернуха В. Г.* Внутренняя политика царизма с середины 50-х – до начала 80-х гг. XIX в. Л., 1978. С. 136–182). Весьма критично оценивал правительственную политику и министр внутренних дел П. А. Валуев, считавший, что нужно убедить Александра II «в необходимой потребности иначе смотреть на дело, предпоставить себе новую цель и устроить иначе строй главных деятелей» (*Валуев П. А.* Дневник. Т. 1. М., 1961. С. 119).

² ГА РФ. Ф. 109. Оп. 223. Д. 26. Л. 64.

³ Там же. Л. 64 об.

⁴ Это можно объяснить тем, что место А. Е. Тимашева в главном управлении цензуры занял новый управляющий III Отделением – П. А. Шувалов, который, по словам П. Усова, «менее всего стал заниматься вопросами или делами, возбуждавшимися тем или другим произведением печати. Он, как в то время говорили, перестал даже ездить в здание главного управления цензуры и тем фактически устранился от наблюдения за ходом литературы...» (*Усов П.* Цензурная реформа в 1862 году // Вестник Европы, 1882. № 5. С. 142).

⁵ ГА РФ. Ф. 109. Оп. 223. Д. 26. Л. 65 об.

если не прямо истекают из нашей журналистики, то ею питаются и поддерживаются»¹.

Любопытна и приведенная в отчете реакция наиболее консервативных слоев общества, ожидавших от подобного направления литературы не только «порчи нравов», но и «политических беспорядков». В. А. Долгоруков писал: «На московского митрополита Филарета это направление нашей литературы произвело до того тревожное впечатление, что он разрешил священникам своей епархии читать в церквах при всяком богослужении молитву, которая по обыкновению произносится только при вечернем служении² и в которой испрашивается у бога: “отврати от нас всякий гнев на ны движумый и избавити нас от надлежащего и праведного своего крещения, и прости нам всякое согрешение, вольное и невольное, и помиловати, нас, недостойных рабов твоих”»³. Подобное свидетельство любопытно как пример организации своеобразной «контрпропаганды» через религию – самую массовую для того времени форму общественного сознания.

Новацией в отчете было и признание, что «частью литература на блюдет сама за собою и что некоторые писатели удерживают других от излишеств». Особенно подчеркивалось, что «благоразумными» статьями отличаются «Русский вестник», «Наше время» и другие московские журналы⁴. В. А. Долгорукову не приходилось объяснять, что «благоразумность» не всегда была бескорыстной. Так, «Наше время» получало субсидию Министерства внутренних дел. 20 ноября 1861 г. П. А. Валуев записал в своем дневнике (со слов А. Л. Потапова): «Издание “Северной почты”⁵ возбудило в разных “литераторах” и “публицистах” вождение пользоваться казенными деньгами. Двое из “либеральнейших” предлагают свои услуги III Отделению, предварительно обещав мне содействие по “Северной почте”»⁶. За пособие в 6 тыс. руб. «согласился подчиниться влиянию III Отделения» и Министерства внутренних дел издатель «С.-Петербургских ведомостей», а позже «Голоса» А. А. Краевский⁷.

¹ ГА РФ. Ф. 109. Оп. 223. Д. 26. Л. 64 об. – 65.

² Городские слухи утверждали, что подобные молитвы произносились лишь во времена общественных бедствий. В одном из писем Филарет опровергал домыслы, но одновременно объяснял свое указание: «Понеже умножились грехи наши, наипаче требуется покаяние и умиленная молитва», ибо «за умножением грехов мысленных следует умножение и грехов деятельных» (*Скабичевский А. М.* Очерки истории русской цензуры (1700–1863). С.-Пб., 1892. С. 469–470).

³ ГА РФ. Ф. 109. Оп. 223. Д. 26. Л. 65–65 об.

⁴ Там же. Л. 66.

⁵ «Северная почта» – официальный орган министерства внутренних дел.

⁶ *Валуев П. А.* Дневник. Т. 1. С. 128.

⁷ *Зайцева А. А.* Деятельность А. А. Краевского по созданию газеты «Голос» // Проблемы истории СССР. Вып. XIII. М., 1983. С. 226; *Герасимова Ю. И.* Указ. соч. С. 89.

Как видим, правительственные круги весьма активно включились в процесс воздействия на общественное мнение.

«Литературные» страницы отчета за 1862 г. следует рассматривать в контексте правительственной политики того периода. Этот год был насыщен событиями общественной жизни, вызвавшими крайне негативную реакцию власти. Пессимистические настроения, ожидания грядущих бедствий, разделявшееся Филаретом и, как писал В. А. Долгоруков в отчете за 1861 г., «людьми нравственными и приверженными к прежнему порядку вещей»¹, стали господствовать в правительственных верхах уже в начале 1862 г. То самое общественное мнение, воздействие которого на общество и сила давления на правительство все более увеличивались, дошло до рубежа, далее которого власть отступать не решалась, ибо дальнейшее попустительство угрожало незыблемости существовавшей политической системы.

Ярким свидетельством перелома, перехода реакции в наступление является подготовленный III Отделением в конце апреля 1862 г. и представленный государю комплекс документов о чрезвычайных мерах, вызванных «смелостью революционных происков, которая в особенности проявляется в сфере литераторов, ученых и учащейся молодежи»². В. А. Долгоруков в своем докладе указывал: «Наблюдая за свойством настоящего политического движения в России, даже не с точки полицейской предусмотрительности, но с полным желанием отдать справедливость выражаемой повсеместно любви к просвещению, нельзя, к сожалению, не заметить в двигателях на этом пути скрытых, опасных мыслей и целей, не согласных с основными законами империи, с возможностью сохранения спокойствия и с должным благоговением к самодержавной власти»³.

Особое внимание шеф жандармов обращал на «пагубное» воздействие на публику печатного слова, которое сделалось «сильным и опасным орудием» в руках «писателей-преобразователей». Цели их, по мнению В. А. Долгорукова, самые меркантильные и враждебные: они «ищут себе славы и выгод через наполнение периодических изданий статьями в духе ложного патриотизма и прогресса, противном правительству, престолу и законному порядку». В числе «наиболее либеральных журналов» (т. е. антиправительственных) в докладе были названы «Современник», «Русское слово», «Русский мир», «Век», «Морской сборник», «Экономист», «Искра», и далее утверждалось, что редакторы и сотрудники этих изданий создали «не-

¹ ГА РФ. Ф. 109. Оп. 223. Д. 26. Л. 65.

² Доклад шефа жандармов В. А. Долгорукова Александру II // Дело Чернышевского. С. 121.

³ Там же.

заметным образом русское литературное общество» (имелся в виду шахматный клуб. – О. А.), в котором «главный предмет рассуждений их (...) составляют необходимость введения в России конституционного правление и уничтожение цензуры»¹.

Обосновывая нужду в «твердой» программе действий власти, шеф жандармов указывал, что «правительство пыталось уже (...) действовать на нравственную сторону народных двигателей с тем, чтобы, уверив их в благонамеренности своих стремлений и в невозможности дать вдруг еще больший у нас простор либеральным идеям века, расположить их к системе постепенного развития, принятой законной властью». Но ни «снисходительность к виновным», ни неуклонное «усовершенствование государственных учреждений» не произвели, по его мнению, желанного впечатления «на противников законного порядка» и лишь усилили их деятельность².

Фактически в докладе обосновывался тезис, что правительство оказалось заложником собственного попустительства: когда оно прибегало к строгости, такие меры «возбуждали повсюду нарекания на несправедливость и произвол». Поэтому В. А. Долгоруков опасался, что «крутое введение строгих мер вдруг, после того как было допущено продолжительное развитие раздражительности умов, могло вызвать внезапный взрыв»³.

Любопытно, что пресса, общественное мнение сумели отстоять, утвердить в сознании «верхов» идею законности. Именно обвинения в произволе смущали шефа жандармов⁴.

Не случайно в числе важнейших государственных мер для предупреждения «политического зла» – в одном ряду с скорейшим решением крестьянского вопроса и переустройства учебных заведений – стояли пункты: «Ограничения свободы журналистики законом карательным и ответственностью редакторов» (т. е. отказ от дискредитировавшей себя предварительной цензуры) и «Устранение по возможности всякого повода к упрекам правительству в несправедливости и произволе и твердое действие по смыслу законов, но без

¹ Доклад шефа жандармов В. А. Долгорукова Александру II. С. 125.

² Там же. С. 127.

³ Там же.

⁴ В цитируемом докладе В. А. Долгоруков напоминал императору, что в 1861 г. литераторы ручались за невиновность арестованного М. И. Михайлова, сознавшегося в составлении антиправительственной прокламации. И особо оправдывался относительно наказания проф. П. В. Павлова: «Павлов выставлен перед обществом как невинный мученик за правду; ссылку его в Ветлугу признали мерою несправедливою и произвольною... Между тем ссылка Павлова последовала не без основания, а по высочайшему повелению и согласно с прибавлением к 62 статье Уложения о наказаниях» (Там же. С. 123–124).

излишнего снисхождения к виновным в нарушении оных»¹. Рассуждения III Отделения о законности симптоматичны, но, как показывает практическая деятельность этого ведомства, дальше деклараций дело не шло.

Репрессии не заставили себя долго ждать: по обвинению в связи с «лондонскими пропагандистами» были арестованы Н. Г. Чернышевский, Н. А. Серно-Соловьевич, Д. Н. Писарев, приостановлены «Современник» и «Русское слово», И. С. Аксакова отстранили от редактирования «Дня».

В 1862 г. произошли серьезные изменения в организации цензуры. Согласно сенатскому указу от 10 марта 1862 г., ознаменовавшему переход от старых форм предупредительной цензуры к новым нормам цензуры карательной, наблюдение за печатью и за деятельностью цензоров возлагалось на Министерство внутренних дел, а ведомственные цензуры упразднялись². III Отделение в этом документе не упоминалось, не означало ли это, что функции его в чем-то ограничивались?

В. Е. Рудаков считал, что министр внутренних дел П. А. Валуев «очень скоро присвоил все функции власти начальника штаба корпуса жандармов, воспользовавшись нежеланием последнего (...) заниматься делами печати»³. По мнению М. К. Лемке, В. А. Долгоруков, «почти совершенно не входивший в цензурно-литературную сторону административной и общественной жизни (...) с удовольствием уступил Валуеву свои права...»⁴

Точнее было бы сказать, что В. А. Долгоруков уступил не «права», а обязанности надзора за литературой, подобно тому, как в 1848 г. Л. В. Дубельт переложил это хлопотное занятие на специально созданный Бутурлинский комитет⁵. Всякий раз, когда возникала ситуация, требующая систематических, последовательных, крупномасштабных действий, к которым III Отделение по малочисленности своего чиновного состава и специализации на надзоре не было приспособлено, дела передавались другим ведомствам.

Ю. И. Герасимова считала, что III Отделение было «своеобразным барометром настроения и взглядов императора»⁶. Министр народ-

¹ Там же. С. 128.

² Сборник постановлений и распоряжений по цензуре с 1720 по 1862 год. СПб., 1862. С. 466–468.

³ Рудаков В. Е. Последние дни цензуры в министерстве народного просвещения. СПб., 1911. С. 19.

⁴ Лемке М. К. Эпоха цензурных реформ 1859–1865 годов. СПб., 1904. С. 55.

⁵ Он же. Очерки по истории русской цензуры и журналистики XIX столетия. СПб., 1904. С. 194.

⁶ Герасимова Ю. И. Указ. соч. С. 150.

ного просвещения А. В. Головнин писал 4 мая 1862 г. председателю С.-Петербургского цензурного комитета В. А. Цез: «Чтобы знать, в каком духе писать, надо раз в неделю видаться с Потаповым»¹. По этой же переписке можно судить о множестве необоснованных придинок шефа жандармов. Он указывал на неприличие статьи о Герцене в «Книжном вестнике», на публикации в № 11 «Искры» («какие-то стихи, мертвая рука и проч.») и в № 15 (карикатура на А. В. Паткуля), на отдельные статьи «Северной пчелы», «Века». А. В. Головнин, доводя эти претензии до В. А. Цез, замечал: «Я не нахожу ничего такого, что бы следовало запретить». Иногда шеф жандармов предостерегал министра народного просвещения о появлении нежелательных статей (например, в газете «Гудок» – политической карикатуры и юмористической повести А. А. Потехина «Магнаты новой колоды камелий» с описанием фавориток важных персон²). Сам В. А. Цез запрашивал управляющего III Отделением А. Л. Потапова о рукописи Ф. М. Достоевского «Записки из мертвого дома», предназначенной для журнала «Время». А. Л. Потапов отвечал, что недопустима публикация VIII главы («Ссылные дворяне»). «Согласитесь, – писал А. Л. Потапов, – что при настоящем направлении праздной молодежи ввиду сочувствия, обнаружившегося к Михайлову, и к готовящемуся на днях публичному наказанию Обручева подробности, изложенные в этой главе, никого не успокоят, а только раздражат»³.

Серьезные репрессивные меры, мелочный, «теневой» контроль, реорганизация цензуры служили задаче, сформулированной в отчете III Отделения за 1862 год. В. А. Долгоруков писал: «Положить окончательный предел журнальному волнению тем необходимее, что по мере распространения грамотности и развития общественной жизни между низшими сословиями это революционное орудие получает постоянно большую важность»⁴. Воспринимая либеральную журналистику как «могущественный рычаг нравственно-политического переворота»⁵, глава политической полиции считал, что «устранение или по крайней мере ограничение опасности, грозящей ей (России. – О. А.) со стороны прессы, избавит ее от главных бед, сопряженных обыкновенно с политическим пробуждением народов»⁶.

¹ Рудаков В. Е. Указ. соч. С. 38.

² Там же. С. 45.

³ Львова М. В. Как подготовлялось закрытие «Современника» в 1862 году // Исторические записки, 1954. Т. 46. С. 316.

⁴ Россия под надзором. С. 595.

⁵ Там же. С. 594.

⁶ Там же. С. 595.

Поэтому все содержание раздела «О политическом направлении литературы» составляло обоснование необходимости энергичных охранительных мер. Если Министерство народного просвещения ежемесячно с 1859 г. и ежедневно с конца 1861 г.¹ представляло императору обозрение периодических изданий с выписками из наиболее интересных статей, а к концу 1862 г. напечатало отдельной брошюрой (85 страниц) «Краткое обозрение направления периодических изданий и газет и отзывов их по важнейшим правительственным вопросам за 1862 год», то III Отделение действовало иначе, политическое направление литературы в тайной полиции определяли кратко и весьма резко: «...в нашей литературе господствует исключительно революционное направление, с знаменем отрицания всякого существовавшего до настоящего времени порядка»². Доказательствами III Отделение себя не обременяло. Характеристика литературных течений в отчете за 1862 г. созвучна с выводами М. И. Касторского в его записке, основанной на анализе «Сборника статей, недозволенных цензурой в 1862 г.». Эта записка была одобрена Александром II 17 декабря 1862 г., и один экземпляр был отправлен в III Отделение «для сведения»³.

Абстрактность нареканий в адрес периодической печати создавала иллюзию обоснованности претензий и репрессивных мер и одновременно исключала возможность постановки вопроса о конкретной ответственности как издателей, так и ответственных за допущение неугодных суждений. Так, например, в отчете утверждалось: «...литераторы наши незаметно проповедовали учение социализма и коммунизма». Конкретно назывались два журнала: «Основа» (как орган «малороссийской народности») и «Современник» (как издание, популяризовавшее «учение о материализме»). Рассуждения о смысле этих теорий венчал вывод: «Все вышеупомянутые идеи излагались весьма отрывочно, осторожно, а иногда иносказательно. Чтобы понять автора, проповедующего то или другое учение, необходимо читать все его сочинения в совокупности; иначе – отдельные мысли о таком учении легко ускользают от внимания цензуры»⁴.

О том, насколько явно литература использовалась в политической игре, свидетельствует сравнение положений отчета III Отделения с заключением «Краткого обозрения...», изданного Министерством народного просвещения.

¹ Чернуха В. Г. Правительственная политика... С. 26.

² ГА РФ. Ф. 109. Оп. 223. Д. 27. Л. 53–53 об.

³ Герасимова Ю. И. Указ. соч. С. 149–150.

⁴ Красный архив, 1925. № 1. С. 212–213.

Из отчета III Отделения	Из «Краткого обозрения...»
<p>«...писатели под видом содействия материальному и политическому... благосостоянию [простого народа], высказывали мысли не согласные с сущностью Высочайше утвержденных 19 февраля 1861 г. положений о крестьянах, и пристекающими из них правительственными распоряжениями».</p>	<p>Указывалось, что, расходясь в частностях относительно хода крестьянского дела, все издания сходятся между собой «в сочувствии к крестьянскому вопросу, ценя по достоинству меры правительства по этому предмету». Особенно выделены «Современник», «Московские ведомости», «Наше время», «Русский инвалид», «Современное слово».</p>
<p>«Было несколько статей, в которых говорилось, что помещичьи земли некогда принадлежали и должны бы принадлежать крестьянам и даже дворовым людям».</p>	<p>Названы в числе совершенно прекратившихся в 1862 г. «статьи, проповедующие коммунизм, и в особенности те, в которых доказывается право собственности крестьян на помещичьи земли».</p>
<p>«Критиковались или, лучше сказать, перетолковывались некоторые постановления губернских по крестьянским делам присутствий и вообще порицались многие действия административных и судебных мест по отношениям их к быту крестьян».</p>	<p>«Почти все газеты перепечатывали распоряжения и постановления губернских по крестьянским делам присутствий, а равно время от времени сообщали читателям свои взгляды на ход крестьянского дела и сведения (...) из провинции от корреспондентов. ...По большей части статьи эти говорят в пользу направления нашей журналистики в 1862 г.».</p>
<p>«...было помещено несколько рассказов из быта простого народа. Изображаемые в них отношения высших сословий к низшим по-своему оскорбительному для первых содержанию могли возмущать и усиливать не остывшую еще вражду крестьян против прежних владельцев».</p>	<p>Названа в числе прекратившихся в 1862 г. «раздражительная полемика по крестьянскому вопросу, оскорбительная для помещиков и бесполезная для крестьян».</p>

«В связи с направлением социальным проводилось у нас учение о материализме, к счастью, имевшее немногих представителей...» ¹	Названы в числе прекратившихся в 1862 г. «статьи, проповедующие материализм, безверие и вообще всякие нападки на православие и христианскую веру» ² .
---	--

Можно привести и другие различия. Но главное – любопытно заключение, не только противоположное убеждениям шефа жандармов, но и содержащее завуалированный упрек, а может быть, и робкую полемику со взглядами полицейских наблюдателей. «...И если убеждение, – читаем в “Кратком обозрении...”, – в том, что масса произведений здоровой и полезной литературной деятельности в 1862 году весьма значительно преобладает над количеством предосудительных литературных явлений, не всеми еще разделяется, то это почти исключительно происходит от того, что, к сожалению, даже самая образованная часть нашей публики гораздо более обращает внимание на статьи предосудительные, тогда как статьи серьезные благонамеренные и консервативные остаются незамеченными. Первые немедленно замечаются, о них говорят, передают друг другу, как бы ни были незначительны, а на статьи весьма благонадежные, дельные, составление коих требовало и учености, и большого труда, не обращается внимания»³.

Можно довольно точно установить источник сведений, столь различно трактуемых ведомствами. Это «Приложение 1» к «Высочайше утвержденным 12 мая 1862 г. *временным* правилам по цензуре». Ими предписывалось: «...не допускать никакого порицания в общем виде высочайше утвержденных положений 19 февраля 1861 года и вообще ничего противного основным началам этих положений, (...) не допускать ни под каким видом статей, в которых излагаются мнения о принадлежащем будто бы крестьянам праве собственности на землю (...). При сообщении в газетах постановлений местных Губернских по крестьянским вопросам присутствий не позволять осуждения этих постановлений или доказательства несправедливости, или неприменимости их на деле (...). Не допускать никаких резких и язвительных отзывов о настоящих отношениях между помещиками и их служителями, или бывшими крепостными, (...) никаких статей и рассуждений, которые могли бы возбуждать неудовольствие и раздражение одного сословия против другого»³.

¹ Литература 60-х годов по отчетам III Отделения. С. 212-213.

² Краткое обозрение... С. 12–13, 15, 9.

³ Там же. С. 10–11.

³ Сборник постановлений и распоряжений по цензуре... С. 472.

Этот исходный материал использовался в соответствии с политическими установками главы политической полиции и министра народного просвещения. В III Отделении вполне логично могли рассуждать: раз появился запрет, значит, были статьи, его вызвавшие, а в Министерстве народного просвещения, видимо, полагали, что недозволненные статьи не появлялись, поскольку существовал запрет.

Еще одно важное свидетельство целенаправленной «обработки», давления на Александра II в нужном для В. А. Долгорукова направлении также связано с литераторами. Шеф жандармов доказывал: «Выражая вообще горячее сочувствие к совершающимся в отечестве преобразованиям, литераторы, даже самые умеренные, не скрывали единодушного убеждения, что правительство, вступив на этот путь, не может уже остановиться на половине принятых им реформ; но для счастья страны должно, предоставляя более простора свободной общественной деятельности, развивать признанные им начала в формах самых обширных. В венце действий правительства они желали видеть ответственность министров, утверждение законов и бюджета выборными от всех сословий, одним словом, желали учреждения у нас представительного правления»¹. Весь этот пассаж с акцентами на «даже самых умеренных», «единодушие» должен был авторитетом общественного мнения поддержать планы ограниченного сословного представительства, в числе сторонников которого были В. А. Долгоруков, П. А. Валуев и ряд других сановников.

III Отделение не разделяло оптимизма Министерства народного просвещения относительно влияния проправительственных, «благонамеренных» изданий. По мнению В. А. Долгорукова, в периодической печати господствовали иные силы: «Ревностные глашатаи политической свободы и равенства, необузданные преследователи стеснений и ограничений всякого рода, поставили в литературе непреодолимые границы для автора, расходящегося в своих воззрениях с их утопическими мечтами; «они деспотствовали в области мышления»»². Поэтому ставка делалась на репрессии. Охранительные меры в правительственной политике инициировались именно III Отделением, видевшим даже в подцензурном печатном слове угрозу самодержавному порядку.

Однако именно по инициативе Министерства народного просвещения в печати начались нападки на А. И. Герцена³, было разрешено распространение напечатанных за границей антигерценовских брошюр. Говоря о результатах этой компании, В. А. Долгоруков отме-

¹ Литература 60-х годов по отчетам III Отделения. С. 212–213.

² Там же. С. 213.

³ С большой долей бахвальства описан разговор В. А. Цез с В. А. Долгоруковым в его заметке «А. В. Головин и его отношение к Герцену» (Русская старина, 1897. № 10–12. С. 274).

чал, что А. И. Герцен «даже в глазах людей, увлекающихся разрушительным его учением, не много утеряти значения, приобретенного им сколько исключительным его положением как изгнанника, столько и продолжительным молчанием критики о заграничных его сочинениях». Причиной того, что А. И. Герцена изображали «как озлобленного врага правительства, закона и общественного спокойствия»¹ и, главное, что действительно интерес и влияние «Колокола» пошли на убыль², было резкое изменение общественных настроений.

Майские пожары 1862 г. и совпавшее с ними по времени распространение прокламации «Молодая Россия» воспринимались в обществе как начало бедствий, которые несет заграничная революционная пропаганда, проводниками которой в России считались студенты, литераторы, нигилисты. Этим объясняется довольно спокойная реакция в стране на репрессии, поддержка правительственных мер по наведению порядка. Позднее И. С. Тургенев писал: «Общественное мнение, столь неопределенное еще у нас, хлынуло обратной волной»³. Именно в этом контексте следует понимать отзыв шефа жандармов «о благотворном влиянии на умы» романа И. С. Тургенева «Отцы и дети», которым он «заклеймил наших недорослей революционеров едким именем “нигилистов” и поколебал учение материализма и его представителей».

Появление этого романа, статей с критикой в адрес А. И. Герцена, сочувствие к ним в некоторых петербургских журналах, по мнению, выраженному в отчете III Отделения, «составляя эпоху, доказало отчасти и разномыслие в среде литераторов несмотря, однако, на то, большинство крикунов демагогов восстало по своему обыкновению против означенных сочинений»⁴.

М. Г. Седов отметил то обстоятельство, что в этом же отчете И. С. Тургенев фигурировал в качестве постоянного корреспондента А. И. Герцена, что считалось опасным преступлением. «Сопоставляя эти обстоятельства как некое противоречие, – писал исследователь, – можно сказать, что одобрительный отзыв III Отделения определялся не тем, что Тургенев был близок к властям и оказывал им помощь в борьбе с революционным движением, а тем, что роман “Отцы и дети” критиковался частью демократической прессы»⁵. Однако с этим заключением нельзя согласиться в полной мере. Конечно,

¹ ГА РФ. Ф. 109. Оп. 223. Д. 27. Л. 52–52 об.

² Черных В. А. К вопросу о тиражах лондонских изданий Герцена и Огарева // Археографический ежегодник за 1969 г. М., 1971. С. 123–131.

³ Тургенев И. С. Полн. собр. соч. в 30 тт. Соч. в 12 тт. Т. 11. М., 1983. С. 93.

⁴ И. С. Тургенев. Документы по истории литературы и общественности. Вып. 2. М.; Пг., 1923. С. 165–166.

⁵ Седов М. Г. Современники и историки о русском нигилизме // История СССР, 1984. № 5. С. 51.

тех целей, за достижение которых И. С. Тургенева хвалило III Отделение, писатель, работая над этим произведением, перед собой не ставил. Начавшаяся вслед за его публикацией в 1862 г. журнальная полемика из литературной переросла в общественную. П. С. Рейфман определил ее сущность как отношение к Базаровым в жизни¹. В одном из отчетов Министерства внутренних дел встречаем любопытную трактовку полемики между «Современником» и «Русским словом» по поводу романа: «Полемика эта имела полезное последствие в том отношении, что она в глазах близоруких почитателей “Современника” и “Русского слова” изобличала г. Антоновича, Писарева, Благосветова, Зайцева и tutti quanti (и всех прочих (*итал.*) – *Ред.*) как *публицистов дерзких*, не без некоторого таланта, но в то же время полуученых умников, всегда готовых площадными ругательствами, пустозвонными фразами прикрывать свою крайнюю несостоятельность. Притом же в этой полемике упомянутые публицисты наговорили сгоряча друг о друге столько различных дрязг, столько подвигов шарлатанства, что, конечно, личный авторитет их должен поколебаться в глазах каждого сколько-нибудь серьезного или развитого человека»².

События лета 1862 г., представленные как практические действия социалистов, весьма определенное направление правительственных репрессий, способствовали превращению термина «нигилист» в ярлык, синонимичный понятию «бунтовщик», т. е. поджигатель, смутьян.

Сам И. С. Тургенев в «Воспоминаниях» писал: «Выпущенным мною словом “нигилист” воспользовались тогда многие, которые ждали только случая, предлога, чтобы остановить движение, овладевшее русским обществом. Не в виде укоризны, не с целью оскорбления было употреблено мною это слово, но как точное и уместное выражение проявившегося исторического факта; оно было превращено в оружие доноса, бесповоротного осуждения, почти в клеймо позора»³. В тех же воспоминаниях приводит восклицание первого же встреченного по возвращении в столицу знакомого: «Посмотрите, что *ваши* нигилисты делают: жгут Петербург!» Но все это взгляд из 1869 г. В 1862–1863 гг. И. С. Тургенев пребывал в несколько ином настроении и иначе оценивал отношение к своему роману. Особенно после получения официального уведомления о необходимости немедленно вернуться в Россию. Реагируя на слухи о вызове в Пе-

¹ Рейфман П. С. Борьба в 1862–63 годах вокруг романа И. С. Тургенева «Отцы и дети» // Учен. зап. Тартуского ун-та. Вып. 139. 1963. С. 83.

² Собрание материалов о направлении различных отраслей русской словесности за последнее десятилетие и отечественной журналистики за 1863 и 1864 г. С.-Пб., 1865. С. 191–193.

³ Тургенев И. С. Соч. Т. 11. С. 93.

тербург, И. С. Тургенев писал П. В. Анненкову 7/19 января 1863 г. из Парижа: «Вызывать меня теперь [в Сенат] после “Отцов и детей”, после бранчливых статей молодого поколения, именно теперь, когда я окончательно – чуть не публично – разошелся с лондонскими изгнанниками, т. е. с их образом мыслей, – это совершенно непонятный факт»¹. В письме к Б. М. Маркевичу от 18 февраля 1863 г. писатель утверждал: «...это нечто чудовищное (...) обвинять меня в сговоре с Герценом в связи с изданием моего последнего романа и посреди оскорблений, которыми осыпает меня партия красных»².

Свои верноподданничество, «умеренность (...) убеждений» он доказывал и Александру II, и С.-Петербургскому генерал-губернатору А. А. Суворову, подразумевая именно антинигилистическую трактовку романа. Перспектива каземата за связь с государственными преступниками столь явно рисовалась художнику слова, что даже через год, 23/11 января 1864 г., он писал из Петербурга Полине Виардо: «Князь Долгорукий (вы послушайте только!), глава и начальник всей полиции в империи, один из влиятельнейших сановников, подошел ко мне и несколько минут беседовал со мной, князь Суворов был со мной в высшей степени любезен, все это доказывает, что во мне не видят заговорщика»³.

Таким образом, благожелательный отзыв «верхов» и отсутствие политических преследований за связь с А. И. Герценом были результатом покаяния и согласия с «охранительной» трактовкой романа. Популярность в молодых умах обменивалась на безопасность. Когда гроза миновала, авторская трактовка романа изменилась⁴.

Перелом настроений русского общества, начавшийся во второй половине 1862 г., упрочился в следующем году. Усилению провластных настроений способствовало польское восстание и воинственные демарши западных держав. Внешняя угроза всколыхнула патриотические, державные настроения самых широких слоев. Эти настроения были весьма удачно использованы правительством для демонстрации жесткости как в дипломатических документах, так и в решении внутренних проблем.

Шеф жандармов признавал в отчете за 1863 г.: «Никогда еще литература не имела такого политического характера, каким она ознаменовала себя с начала 1863 г.» Несомненно, этому способствовало и само правительство, делавшее достоянием гласности все свои рас-

¹ Там же. Письма. Т. V. С. 140.

² Там же. С. 340.

³ Там же. С. 302–303, 370.

⁴ См.: Чичерин Б. Н. Воспоминания. Москва 40-х годов. М., 1991. С. 101.

поряжения, а также «содержание найденных у мятежников преступных бумаг»¹. Все издания отмечали значение народного духа, его влияние на правительственную политику. В. А. Долгоруков, говоря о традиционной для журналистики теме – политическом значении народа, указывал, что в отличие от прошлых лет «доказательств не искали в исторических наших памятниках, но находили в современной жизни народа и в распоряжениях правительства». «Всепоподданнейшие адреса всех сословий, – продолжал он, – по мнению наших писателей, доказывали что в народе живо чувство самоуважения и ответственности перед Отечеством и что самая готовность жертвовать всем заключает в себе скрытое требование народа отомстить внешним врагам за оскорбление его чести»².

Подчеркивая, что польский вопрос «разобран нашими публицистами в видах правительства», и что они «оказали правительству услугу», В. А. Долгоруков отмечал, что «программа, которую при этом они себе начертали, выходит из пределов, когда-либо прежде заявленных нашею прессою при существовании цензуры». Ниже он конкретизировал присвоенные прессой права, «с одной стороны, критиковать правительство, а с другой – быть истолкователями совершившихся фактов и представителями общественного мнения в деле, имеющем государственное значение». В числе подтверждающих данный тезис примеров упоминалась продолжительная дискуссия в печати о преимуществах и недостатках системы управления, существующих в Царстве Польском и западных губерниях, некоторые результаты которой «могли быть бесполезны» правительству³.

Однако столь явная демонстрация силы нового, сформировавшегося института – общественного мнения, даже звучащего в унисон с правительственным голосом, беспокоила шефа жандармов, хорошо усвоившего переменчивый характер народных настроений. В нравственно-политическом обозрении за 1863 г. он рассуждал: «Открытое, торжественное выражение народного чувства неоспоримо доказывает, что общественное мнение, до сих пор не существовавшее в России, успело в последние годы образоваться, окрепнуть и теперь осознает свое значение. Пользуясь правом изъявлять сочувствие и одобрение действиям правительства, общество незаметно привыкает к мысли, что ему, однако, принадлежит право высказывать порицание; оно приучается считать свое мнение верховным приговором и вряд ли затруднится произнести его в решительную минуту». Не

¹ Литература 60-х годов по отчетам III Отделения. С. 215.

² Там же. С. 218.

³ Там же. С. 215–217.

менее традиционен и другой аргумент: «Даже в настоящее время похвала одним из государственных деятелей была бы как бы косвенным осуждением других, направление которых не совпадает с народным настроением». Исходя из этих соображений, шеф жандармов заключал: «Такую привычку нельзя считать безопасною, ибо общество, под влиянием, как собственных заблуждений, так еще более внешних подстрекательств, легко может не понимать цели и значения иных правительственных мер, вызываемых иногда государственной необходимостью и прямым благом народа. При таких обстоятельствах противодействие общественного мнения может привести к затруднениям и даже ослабить законный авторитет правительства. Поэтому необходимо не только подчинять выражение общественного мнения некоторым пределам, но внимательно следить за его развитием, отстраняя по возможности вредные внушения»¹.

Свидетельства подобных практических действий приводятся в отчете. Репрессивные меры коснулись двух изданий: газеты «Современное слово» и журнала «Время».

«Современное слово» обвинялось в том, что в газете были опубликованы статьи без купюр, т. е. без исключения фрагментов текста, не пропущенных цензурой. Кроме того, было обнаружено, что «находившиеся в рукописи выражения преданности высочайшей власти и сочувствия к правительству были редакцией зачеркнуты и не напечатаны с преступной целью»². Аргументация III Отделения, надо признать, весьма слабая. Перл «не напечатаны с преступной целью» сам по себе показателен. А что касается публикации статей с цензурными изъятиями, то по этому поводу издатель газеты Н. Г. Писаревский заявлял, что корректуры от цензора поступают прямо в типографию, и по закону именно она должна отвечать за напечатание вычеркнутого текста³. И хотя обвинение доказать не удалось, газета была закрыта. Власти не устраивало общее направление издания, и нужен был любой повод, пусть даже не самый удачный.

Административный произвол испытал на себе и журнал «Время». В его случае поводом для расправы послужила публикация статьи Н. Страхова «Роковой вопрос», в которой, по мнению III Отделения, автор «доказывал превосходство польской цивилизации перед русскою и выводил из этого справедливость требования поляками прежних их владений»⁴. Подобное толкование данной публикации не

¹ ГА РФ. Ф. 109. Оп. 223. Д. 28. Л. 399 об. – 400.

² Литература 60-х годов по отчетам III Отделения. С. 220.

³ Рейфман П. С. Демократическая газета «Современное слово» // Учен. зап. Тартуского университета. Вып. 121. Тарту, 1962. С. 5.

⁴ ГА РФ. Ф. 109. Оп. 223. Д. 28. Л. 403 об.

имело ничего общего с ее подлинным содержанием и направлением журнала. Но такое ее понимание предложил на страницах «Московских ведомостей» некий Петерсон. Печатно опровергнуть эту клевету редакции «Времени» запретили цензоры. Журнал был закрыт, как говорилось в правительственном постановлении, «за вредное направление»¹. Публикации, подобные статье Петерсона, приветствовались III Отделением. Глава тайной полиции писал о «выгодах гласности»: «...наша журналистика, имея повсюду усердных агентов, зорко следит сама за собою и не упускает из виду ни одного обстоятельства, выходящего из ряда обыкновенных, и тем самым предупреждает правительство в тех именно случаях, когда оно о подобных обстоятельствах не получило по каким-либо признакам официальных донесений и без указания литературы, быть может, и на будущее осталось бы в неведении»².

В самых общих словах в отчете говорится об изданиях «в духе самого правительства» и получаемом ими пособии³. Причем подчеркивается, что некоторые писатели «решились открыто принять сторону правительства (...) предвидя результаты, к которым революционно-литературная партия вела русское общество»⁴.

Услуги журналов «нравственного и правительственного направления» особенно пригодились в борьбе с распространением идей материализма и атеизма. С «замечательным самоотвержением» защищал «монархические начала и догматы православия» киевский «Вестник Западной и Юго-Западной России», а редактор «Домашней беседы» В. И. Аскоченский «печатно отдавал некоторых наших писателей за распространение ими идей атеизма уголовному и церковному суду»⁵. Однако, как признавалось в «нравственно-политическом обозрении», противостоять влиянию «Современника» и «Русского слова» они не могли. Весьма показателен отзыв об изданиях,

¹ *Нечаева В. С.* Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Время» 1861–1863. М., 1972. С. 305–308; *Кирпотин В.* Достоевский в шестидесятые годы. М., 1966. С. 141–143.

² Литература 60-х годов по отчетам III Отделения. С. 220–221.

³ В делах 1 экспедиции III Отделения за 1863 г. упоминается о положительном рассмотрении просьб Н. Ф. Павлова (об удешевлении рассылки предполагавшихся к изданию «Народных ведомостей»), издателей «Русского листка» Г. И. Кори, В. Д. Скарятин (о материальной поддержке газеты) (ГА РФ. Ф. 109. 1 эксп. 1863. Д. 220. Л. 101). Известна резолюция А. Л. Потапова на ходатайстве М. П. Розенгейма об издании «Занозы»: «Журнал этот предполагается, знаю, в правительственном духе в противодействие “Искре” и “Гудку”». (*Штакельберг Ю. И.* К истории журнал «Заноза» // Освободительное движение в России. Вып. 3. 1973. С. 101).

⁴ Литература 60-х годов по отчетам III Отделения. С. 218.

⁵ Там же. С. 220–221.

подобных «Домашней беседе»: «...неприличным тоном своей циничной полемики не могли заслужить ни сочувствия, ни уважения благомыслящих людей»¹.

В числе главных течений русской журналистики наряду с революционно-демократическим III Отделение выделяло «земледельческое» («Русский вестник», «Современная летопись», «Московские ведомости») и «конституционно-демократическое» («С.-Петербургские ведомости», «Голос», «Отечественные записки»). Говоря о политических позициях данных изданий, жандармское ведомство особо оговаривалось, что «начала самодержавия не подвергались ни нападкам, ни даже обсуждению наших публицистов», однако иногда «высказывались убеждения, не согласные с монархическим образом мыслей»².

И вновь литературный обзор послужил шефу жандармов предлогом для изложения мыслей о необходимости и возможности представительного правления. Уже само разделение на «партии» построено во многом на отношении их к этому вопросу. Политические притязания «конституционного-демократического» направления видны из названия, «земледельческое» – особо пояснялось – «охранительного свойства, но с указанием некоторого представительства»³. Их тактические установки и позиции демонстрировались Александру II на примере отзывов периодики о Прусском правительстве и прусской прогрессивной партии (это была своеобразная «расшифровка» весьма распространенного приема подцензурной журналистики): «Между тем как московские журналы порицают дерзость и отсутствие патриотизма в оппозиции прусской палаты депутатов, журналы конституционно-демократические осыпают насмешками министерство Бисмарка и даже не без иронии отзываются о короле Вильгельме, восхваляя главных прогрессистских вождей, а издания революционно-демократические с презрением отзываются о последних, как о людях отсталых, не практических, продолжающих парламентскую оппозицию, тогда как, по мнению публицистов этого оттенка, настала пора действовать иным оружием»⁴.

На практические преимущества предварительного рассмотрения и обсуждения законов указывал В. А. Долгоруков, обращая внимание императора на высказанное в печати мнение, «что новый закон, не зарекомендовавший себя практическим приложением на деле, не

¹ ГА РФ. Ф. 109. Оп. 223. Д. 28. Л. 404 об.

² Там же. Л. 402–402 об.

³ Там же.

⁴ Там же. Л. 403–404 об.

составляет абсолютной истины и не исключает критики его обществом. Если общество признает закон неудовлетворительным, то это служит предупреждением, что этот закон исполняем не будет, а потому необходимо такое учреждение, в котором закон подвергался бы предварительному гласному обсуждению избранных из народа представителей»¹.

Отмечая пристальное внимание к утвержденному 1 января 1864 г. «Положению о земских учреждениях», В. А. Долгоруков подчеркивал особое понимание этой правительственной меры: «Только немногие видели в ней меру чисто экономическую; большинство же объясняло ее или как уступку, вызванную современными обстоятельствами, или как первый шаг к представительному правлению»².

Но с чем шеф жандармов не мог согласиться, так это с нападками на тайную полицию. Он сетовал: «Ожидая с нетерпением введения гласного судопроизводства, хроникеры печатно говорили, что наконец не будут у нас арестовывать и заключать в крепость, ни производить следствие и суд тайно; что усиленные действия высшей полиции (разумея III Отделение) суть предсмертные судороги, доказывающие, что существование этой полиции скоро кончится»³.

Видимо, поэтому, подводя общий итог политическому обозрению литературы за 1863 г., В. А. Долгоруков считал необходимым заметить, что «периодическая литература часто с непростительной легкостью решая вопросы, едва ей известные, может иметь пагубное влияние, особенно в наше переходное время»⁴. В завершающих отчет выводах он вновь напоминал о «разрушительных началах», обуславливавших необходимость «неустанного наблюдения» и, следовательно, существование тайной полиции⁵.

Раздел «О вредном направлении литературы» отчета за 1864 г. не содержит развернутой характеристики литературных направлений и общественных настроений, позиция III Отделения видна из названия. Наряду с традиционными пространными нареканиями в адрес «Современника» и «Русского слова» (помещали статьи «с затаенной целью произвести в читателях охлаждение к вере и стремление к ниспровержению общественного порядка и семейных

¹ Литература 60-х годов по отчетам III Отделения. С. 221.

² Россия под надзором. С. 644.

³ Литература 60-х годов по отчетам III Отделения. С. 221. Основанием для подобных заключений послужила «Современная хроника России», помещенная в I кн. «Отечественных записок» за 1863 г. (Журналы 60-х годов в оценке III Отделения // Исторический архив, 1957. № 4. С. 158–159).

⁴ Россия под надзором. С. 646.

⁵ Там же.

отношений») упоминается возбудившая «неприятные впечатления» статья Н. И. Костомарова о Куликовской битве («Месяцеслов на 1864 год»)¹.

Но в целом в отчете преобладал узковедомственный подход, а именно вниманию Александра II были представлены лишь случаи, «по поводу которых производилась в III Отделении переписка». Выделенные статьи преимущественно касались польского вопроса, нападков на иноверческие церкви, разного рода злоупотреблений². Подробно описанный шефом жандармов общественный резонанс, связанный с публикацией брошюры Шедо-Ферроти о Польше, фактически выходил из рамок «польского вопроса» и касался сферы придворных интриг³.

Услугу III Отделению оказали катковские издания «Русский вестник» и «Современная летопись»; в опубликованных рецензиях на учебник уголовного права бывшего профессора права С.-Петербургского университета В. Д. Спасовича было указано на начала, «противные нашему законодательству, и основы материализма и коммунизма». Книга была изъята «из числа учебных руководств»⁴.

В отличие от отчета за 1864 г. интересующий нас раздел отчета за следующий, 1865, год озаглавлен более нейтрально: «О политическом направлении литературы» и впервые не содержит гневных порицаний журналистики. Напротив, по наблюдению шефа жандармов, «замечено, что открытие земских собраний, принятие мер к восстановлению в Западном крае Русского элемента, предположение реформ в Прибалтийском крае, наконец, освобождение печати от предварительной цензуры имели огромное и вообще благотворное влияние почти на все наши литературно-политические органы»⁵.

Конкретизируя эти положения, В. А. Долгоруков акцентировал внимание Александра II на поддержке правительственных мер прессой и ожиданий от царя «благотворного указания дальнейшего государственного развития». Положительное влияние земства, по мнению шефа жандармов, состояло в том, что, «видя в земских учреждениях – названных некоторыми экономической конституцией – начала будущего самоуправления русского народа, соединенного с монаршею волею, в одно политическое целое, большая часть наших

¹ Литература 60-х годов по отчетам III Отделения. С. 224.

² Там же. С. 224–226.

³ Рейфман П. С. «Московские ведомости» 1860-х годов и правительственные круги России // Учен. зап. Тартуского университета. Вып. 358. Тарту, 1975. С. 12–14; Чернуха В. Г. Правительственная... С. 154.

⁴ Красный архив, 1925. № 1. С. 227.

⁵ ГА РФ. Ф. 109. Оп. 223. Д. 30. Л. 43–43 об.

публицистов оставила прежние утопические мечтания и революционную пропаганду, видимо склоняясь на сторону правительства, о котором говорили, что прежде оно имело только материальное преобладание, а теперь ведя Россию по пути реформ, приобрело силу моральную...» Поддержка правительственной инициативы и признание его авангардной роли в преобразовательных начинаниях сказались и на настроениях публицистов («они не предлагали новых планов государственного здания, но откровенно высказывали свои убеждения относительно того только, что уже даровано, или помещали на своих страницах результаты, добытые практическим применением закона о земских учреждениях»). Описание благонамеренных и верноподданнических настроений прессы завершалось тезисом об ожидании «дарования России в лице земства политического представительства»¹.

Как видим, в очередной раз шеф жандармов исходя из материалов печати обосновывал закономерность и желательность перехода к представительному правлению.

Сближению печати и правительства способствовал и всплеск националистических настроений (антипольских и антинемецких). В отчете III Отделения отмечалось: «...ввиду угрожавшей опасности от злоумышленных поляков, а также в сознании морального оскорбления наши передовые писатели прониклись чувством истинного патриотизма и не только одобряли принятые правительством меры, но даже при малейшем их послаблении напоминали священную обязанность его в деле уничтожения польской мятежной партии»². Этим же целям (только с антинемецким акцентом) служило празднование юбилея М. В. Ломоносова, вызвавшее массу статей в столичной и провинциальной печати.

Позитивное влияние новых цензурных правил шеф жандармов видел в том, что многие «писатели, а в особенности редакторы и издатели наших газет и журналов, видя закон, карающий их благосостояние за нарушение правил печати, и осознавая свободу защищать свои убеждения перед судом общества, должны были умерить свои анархические стремления и, соединяясь в направлении с правительством, действовать в духе гражданского благоустройства. Те из них, которые иначе поняли настоящие обязанности печати, как, например, издатели “Русского слова” – понесли уже заслуженную кару за свои тенденции, и падение их другими почти не заметно»³.

¹ ГА РФ. Ф. 109. Оп. 223. Д. 30. Л. 43–44.

² Там же. Л. 44–44 об.

³ Там же. Л. 46.

Признавая, что «наша пресса изменила прежний образ действий в отношении к правительству», в отчете за 1865 г., как и ранее, указывалось на ее деление на «враждебные друг другу партии». Однако критерий «партийности» – новый: издания разделены «по различному пониманию его (правительства. – О. А.) действий и намерений»¹.

Прежде всего выделялись партия дворянская, или консервативная (газеты «Весть» и частично – «Московские ведомости»), и демократическая, или «реформативная» («Русский инвалид», «Биржевые ведомости», «Голос»). В отчете весьма подробно излагалась суть дискуссий в прессе, касавшихся главным образом вопроса о значении и роли дворянского сословия в истории России². О другой полемике говорилось, что, начавшись с выяснения причин массовых пожаров 1865 г. («дело польской революционной партии» – «Московские ведомости» или «национальная пиромания» – «Голос»), она дошла до обсуждения вопроса о государственных субсидиях и была приостановлена³.

Особое внимание в отчете обращалось на антиправительственное направление журналов «Современник» и «Русское слово», которые характеризовались «как органы коммунизма и нигилизма». Перечень их прегрешений весьма внушителен. «В них отрицались, – сообщал шеф жандармов, – начала семейной жизни и собственности; возбуждалась вражда к высшим и вообще к имущественным классам, заключались неприличные суждения о православии и насмешки над уважением религии вообще, сочувствие к ниспровержению алтарей и престолов; наконец, глумление над нашим государственным устройством, равно над отношениями народа к правительственной власти, результатом притеснений которой названо сооружение Николаевской железной дороги, имевшее тяжкие будто бы для народа последствия». При этом оговаривалась вредная позиция журнала «Русское слово», сотрудники которого «большой частью известны преступным образом их мыслей и были уже привлечены к политическим делам: Шапов, Шелгунов, Писарев, Потанин. Здесь же сообщалось о взысканиях, приостановке и, наконец, запрещении «Современника» и «Русского слова» по высочайшему повелению⁴.

Персональное внимание В. А. Долгорукова привлекла и газета И. С. Аксакова «День», которая «отличалась совершенно особенным против других направлением и своеобразным взглядом». Главные на-

¹ Там же. Л. 46 об.

² Там же. Л. 47–53.

³ Там же. Л. 53–53 об.

⁴ Там же. Л. 54 об. – 55.

рекания в адрес этой газеты со стороны III Отделения состояли в том, что, «прикрываясь консервативными началами, она выражала мысли, не согласные с настоящим порядком государственного управления и духовной иерархии, и вообще проводила идею коренного преобразования России»¹.

III Отделение зафиксировало появление у периодических изданий интереса к вопросам религии: «Православие и вообще религия составляли предмет обсуждения (...) наших светских журналов, которые прежде умалчивали о них или отзывались с пренебрежением, вследствие господствовавшего в печати либеральничанья атеизмом»². Но и здесь не обошлось без нареканий, хотя приведенный шефом жандармов пример довольно своеобразен. Речь шла об опубликованной в газете «Голос» статье, где отмечалось, что проживающие в России иностранцы пользуются привилегиями «в отношении догматов и обрядов религии, а русский человек если только крестится двумя пальцами, то уже подвергается преследованиям, вопреки высочайшей воле, даровавшей раскольникам свободу вероисповеданий...». Издатель газеты А. А. Краевский был наказан за эту статью, поскольку это было фактически обнародование «высочайшего повеления, о котором официально объявлено не было»³.

В числе обративших на себя внимание III Отделения в отчете были названы отдельные публикации следующих периодических изданий: «Одесский вестник» (№ 116) – статья о событиях политической жизни Америки; журнал «Торговый сборник» – критика существующей в России системы государственного конезаводства; «Чтения в императорском обществе истории и древностей Российских» – статья о движении латышей и эстов в 1841 г. и роли графа А. Х. Бенкендорфа в защите интересов местных помещиков; «Биржевые ведомости» (№ 106) – статья «Сила произвола», автором которой был высланный под надзор полиции в Архангельскую губернию студент Чубинский⁴.

Завершая литературный обзор, глава III Отделения вновь обращался к общей характеристике российской прессы («вследствие представления прессе обширных прав огромные листы наших ежедневных газет постоянно наполнялись критическим разбором пра-

¹ ГА РФ. Ф. 109. Оп. 223. Д. 30. Л. 55–55 об. Обстоятельства прекращения издания «Дня» см.: Цимбаев Н. И. И. С. Аксаков в общественной жизни пореформенной России. М., 1978. С. 113–126.

² ГА РФ. Ф. 109. Оп. 223. Д. 30. Л. 56 об.

³ Там же. Л. 57 об.

⁴ Там же. Л. 57 об. – 60.

вительственных узаконений и распоряжений административной власти») и отмечал новое явление, иллюстрировавшее изменение во взаимоотношениях органов печати и правительственных сфер: «...даже лица, принадлежавшие к служебной корпорации, открыто пользовались, подобно частным лицам, органами печати, для своих заявлений»¹. Частные примеры («попечитель казанского учебного округа посредством “Московских ведомостей” предавал суду общественного мнения историю своего конфликта с местным губернатором по вопросу о домашних учителях, не имеющих на это звание свидетельств...»), «разные корреспонденции относительно фальшивых русских денег, пожаров и др. событий по своему изложению и характеру явно обнаруживали официальный источник, из коего они исходили»². В то же время аналитики тайной полиции не акцентировали внимания на том, что крупные периодические издания – при декларируемой верноподданности – стали инструментами борьбы между внутривластными группировками, активно использовавшими прессу для дискредитации противников и привлечения на свою сторону общественного мнения. Особенно наглядно эту роль исполняли «органы» «дворянской партии» («Московские ведомости» и «Весть»). В. А. Долгоруков отмечал, что эта партия «в весьма резких выражениях порицала все распоряжения правительства к увеличению прав и преимуществ всего народа и, видя в своих противниках, в том числе и в некоторых правительственных лицах, стремление к сравнению дворян в правах с прочими сословиями, открыто обвинила их в социализме и коммунизме, даже заподозревала в намерении произвести у нас народную революцию»³. Обвиняя в полемическом задоре редакцию «Голоса» «в преступной и враждебной интересам России журнальной деятельности», «Московские ведомости», по мнению шефа жандармов, «этим приговором (...) обвиняли и тех правительственных лиц, которые за такое вредное направление “Голоса” назначают этой газете субсидии на счет казны»⁴.

Благосклонной оценки III Отделения заслужила и «контролирующая» функция печати: «Заявления прессы не только разоблачали канцелярские тайны, но иногда предупреждали правительственные сведения». По мнению В. А. Долгорукова, после освобождения от предварительной цензуры, когда печать «получила право высказываться определительно», «периодическая пресса более чем когда-

¹ Там же. Л. 60 об.

² Там же. Л. 60 об. – 61.

³ Там же. Л. 47 об.

⁴ Там же. Л. 53 об.

либо заключала в себе данные, облегчавшие правительству возможность судить о состоянии духа народа и направлении умов»¹.

Анализ содержания «литературных» разделов «всеподданнейших» отчетов III Отделения позволяет отметить случайность и эклектичность в подборе фактического материала. В делопроизводстве III Отделения нет следов сколько-нибудь последовательного наблюдения за периодическими изданиями. Поэтому выводы отчетов не содержат глубоких оценок, обстоятельных характеристик позиций журналов и газет, а отдельные тезисы заимствованы из цензурных циркуляров и иных официальных документов. Думается, что нет оснований считать авторами отчетов ни М. И. Касторского, ни И. А. Арсеньева². Скорее всего, это собственное творчество чиновников тайной полиции.

В жандармских материалах видна тенденциозность и субъективизм в трактовке настроений и симпатий периодических изданий, имевшие целью воздействовать на императора в направлении, выгодном для шефа жандармов и близких к нему сановников. В то же время опыт непосредственного взаимодействия с издателями, попытки направлять прессу и управлять печатным словом свидетельствовали об изменении отношения к печати, являвшейся в то время единственной массовой формой выражения общественного мнения: от полного неприятия ее социально-значимых функций до фактического признания силой, с которой считается власть.

На рубеже 1850-х – 1860-х годов в деятельности высшей полиции стало заметно смягчение «охранительных» установок, проявилась переориентация с всеобщей подозрительности и тотального обвинения прессы в неблагонадежности на путь сотрудничества с отдельными органами печати; одновременно шел поиск средств и способов «приручения» прессы, манипуляция общественным мнением.

Поддерживая практику создания официозных изданий, III Отделение весьма сдержанно оценивало их влияние и значение. Симпатии жандармов были скорее на стороне правой печати, весьма активно выполнявшей полицейские функции в литературе, но политические притязания «правой оппозиции» пресекались весьма решительно. Зачастую, как отмечала В. Г. Чернуха, «помощь правой печати оборачивалась и одновременным явным уроном»³.

¹ ГА РФ. Ф. 109. Оп. 223. Д. 30. Л. 61 об. – 62.

² *Стеклов Ю. М.* Н. Г. Чернышевский. Т. 2. М., 1928. С. 381–383, 435–437; Литература 60-х годов по отчетам III Отделения. С. 205–206.

³ *Чернуха В. Г.* Правительственная... С. 201.

8. Слухи как инструмент контроля и воздействия на общество

«В больших городах и большие толки»¹, – заметил составитель полицейской хроники «Городские слухи и толки», представляя для сведения шефа жандармов объемные столбцы столичных новостей и пересудов.

Сбор городских слухов и толков был результатом одного из важнейших направлений работы агентов III Отделения. Общее настроение в народе, рассуждения о каких-то фактах, толкование тех или иных событий, огласка чьих-то тайн – вся эта информация представляла интерес для чиновников, следивших за порядком и спокойствием в империи. Ненадежность слухов была известна: «У петербургских слухов ежедневно прирастает голова, как у гидры: вчера уже говорили, что теперь ведро водки стоит 6 руб. 50 коп., между тем как в штофных водка в посудах все остается в прежней цене...», но и пренебрегать ею не стоило: «не известно, откуда взялись эти слухи, но, вероятно, есть какие-нибудь основания, ибо разные агенты слышали разговоры о том в разных гостиницах, кондитерских и на общественных гуляниях»².

Почему же людская молва так интересовала полицию? Особая роль слухов как формы выражения общественных настроений признана в исследовательской литературе. Б. Г. Литвак применительно к крестьянской среде отмечал: «...слух – чрезвычайно важная, если не ведущая форма коммуникации, питавшая общественное сознание крестьян в феодальную эпоху неофициальной информацией о событиях в стране. Слух всегда нес в себе крестьянскую мечту или крестьянскую интерпретацию событий»³.

Несомненно, и тематически, и событийно слухи, циркулировавшие в образованном обществе, отличались от народных представлений о политике. Однако и те, и другие пересуды были важны для тайной полиции. Доносить об известных, по слухам, преступлениях принуждал граждан закон, а полиция должна была «примечать, не можно ли что-либо подобное правде усмотреть из таковых слухов»⁴. Разгребая шелуху наслоений, можно было добраться до источника крамолы и вовремя предотвратить вызревание нежелательных эксцессов, консолидацию опасных сил. Слухи представляли интерес

¹ ГА РФ. Ф. 109. С.А. Оп. 3. Д. 3213. Л. 102 об.

² Там же. Д. 3219. Л. 164 об.

³ Литвак Б. Г. Крестьянское движение в России в 1775–1904 гг. М., 1989. С. 221.

⁴ СЗРИ. Т. 15. Изд. 1857. Кн. 2. Раздел II. Ст. 39.

и потому, что являлись хорошим индикатором настроений, ибо несли в себе отклики на те события, которые по цензурным условиям были запрещены для печатных изданий.

Молва могла выполнять седативную функцию, успокаивая, опровергая тревожные ожидания, и прогностическую, моделируя ту или иную ситуацию и ее последствия (например, что произойдет после освобождения крестьян). Причем власть не только коллекционировала и опровергала слухи, но и распускала их, пытаясь неофициально воздействовать на подданных.

О том, как непросто работать со слухами хорошо знали и чиновники III Отделения. Один из них в сводке агентурных донесений откровенно писал: «Весьма справедливо называют С.-Петербург городом выдумок и недоразумений. Редко или почти никогда с первого раза узнаешь здесь чего-нибудь верного, а уж выдумать что-нибудь на это большие мастера»¹.

В литературе утвердилось довольно пренебрежительное отношение к полицейской практике сбора городских пересудов. Специалисты по связям с общественностью (Public Relations, PR) утверждают – на основании исследований, – что слухи являются одной из важнейших форм неформальной коммуникации, особенно в традиционном обществе с патерналистской опекой и не сформировавшимся до уровня институциональной силы общественным мнением. Современные теоретики отмечают в качестве имманентного качества слуха транслируемые им недостоверные сведения – в противовес точной информации, передаваемой как по неформальным, так и официальным каналам. Для ретроспективной оценки полученных материалов такой подход допустим, но современникам, как правило, не ясно, что в молве правда, а что выдумка.

Для заинтересованной аудитории слух важен именно неопределенностью сообщаемых сведений и тем, что суждения, транслируемые в общество, должны быть похожи на правду в том виде, как ее понимает источник или транслятор. Ясно, что слухи, циркулирующие в низах, и слухи, распространяющиеся в образованных классах, будут отличаться. Зафиксированные в сводках настроения различных социальных групп представляют очень интересный материал для понимания общественной атмосферы того времени.

Для появления слухов, необходима значимая проблема, основанная на личном или общественном интересе, а также дефицит достоверной информации по волнующему всех вопросу. В конце 1850-х годов таковым был вопрос об отмене крепостного права. Сохранивши-

¹ ГА РФ. Ф. 109. Сл. Оп. 3. Д. 3228. Л. 63.

еся в фондах III Отделения материалы позволяют проанализировать крестьянские настроения, зафиксированные столичными полицейскими агентами.

Выступление Александра II перед московским дворянством представляло собой, по сути, постановку проблемы, степень определенности решения которой определялась ситуацией отсутствия выбора, поэтому «лучше отменить крепостное право сверху, чем дожидаться, пока оно отменится снизу».

Создание Секретного комитета породило волну слухов и тревожных ожиданий. Несмотря на традиционную закрытость (это был уже 11-й секретный комитет в истории разрешения крестьянского вопроса) достоянием общественности стал и его состав, и настроения членов комитета. Министерство внутренних дел отмечало, что из некоторых губерний сообщали, что крестьяне ожидают объявления о свободе уже к Новому году. «Такое ожидание едва ли не было общее по всей России; церкви на Новый год были особенно полны крестьянами, которые ожидали чтения в этот день манифеста об уничтожении крепостного состояния»¹, – сообщал Д. П. Хрущев.

О народных чаяниях Александр II писал князю А. И. Бярятинскому 2 ноября 1857 г.: «...все умы заняты проблемой освобождения крестьян, что вполне естественно, так как затрагивает в большей или меньшей степени интересы всех слоев населения. Но, к сожалению, с нашей привычкой к болтовне и к выдумкам люди склонны разжигать страсти и сеять лихорадочное беспокойство, сейчас вовсе нежелательное»². Поэтому с кривотолками решили бороться гласностью, адресуясь одновременно к помещикам и крестьянам.

22 ноября 1857 г. Александр II информировал того же адресата о подписанном им рескрипте на имя В. И. Назимова: «Этот рескрипт, который будет опубликован, успокоит, надеюсь наше дворянство в целом и выбьет из головы крестьян разные химеры, выдуманные злонамеренными людьми»³.

После первых, весьма неопределенных известий о рескриптах, между крестьянами начал распространяться опасный слух, что помещики скрывают будто бы полученный указ о свободе⁴. Агент со-

¹ [Хрущев Д. П.] Материалы для истории упразднения крепостного состояния помещичьих крестьян в России в царствование императора Александра II: В 3-х т. Берлин, 1860. Т. 1. С. 173.

² Письма императора Александра II князю А. И. Бярятинскому (1857–1864) // Вопросы истории, 2006. № 11. С. 137.

³ Там же. С. 138.

⁴ [Хрущев Д. П.] Материалы для истории упразднения крепостного состояния. Т. 1. С. 173.

общал, что «простой народ ожидал совсем не предварительных мер и опытов к устройству вольности, а просто Высочайшего манифеста, объявляющего ему тотчас (...) безусловной свободы»¹. Тогда же появляется слух, объясняющий правительственную гласность отнюдь не заявленными целями успокоения. Подобная мера в арсенале власти была настолько неординарной, что не казалась логичной и целесообразной, объяснение ей находили в действии тайной внешней силой: «...некоторые думают: не следствие ли это, может быть, каких-нибудь особенных секретных пунктов Парижского трактата, кои положено скрывать от всеобщего сведения»².

В то же время точное и достоверное изложение правительственных мер оказывало благотворное влияние на общественный порядок. Чиновник Министерства внутренних дел Д. П. Хрущев отмечал: «Гласность эта рассеяла неосновательные ожидания манифеста о свободе, породила в крестьянах надежду на будущее улучшение своего быта, а вместе с тем и терпение»³.

В конце декабря 1857 г. агенты III Отделения доносили, что рескрипты – «общий и самый важный и любопытный предмет разговоров»⁴. Новая ситуация подтолкнула III Отделение к деятельному изучению – помимо столичных толков – крестьянских настроений; информацию о поведении и разговорах крестьян начали регулярно сообщать и жандармские штаб-офицеры в губерниях. Причем, как видно из сводки наблюдений, агенты не только слушали, но и сами вступали в беседу, задавая интересующие власть вопросы.

Представленная руководству тайной полиции сводка о толках между простолюдинами об освобождении в период с 26 декабря 1857 г. по 3 января 1858 г. фиксировала вполне оптимистичную картину: «Они заметно удерживаются от всяких суждений по сему предмету, опасаясь, что толки их подслушиваются и могут остановить или замедлить освобождение. Впрочем, ответы большей части крестьян на вопросы, предлагаемые им агентами, отличаются особенною краткостью и уверенностью, что Правительство заботится о них. Говорят в основном «дай-то Бог», «велика Царская к нам милость, на него одного только и надежда», «вестимо будет лучше», «какая бы ни была свобода, все лучше нынешнего»⁵ и т. д.; сам факт освобождения крестьяне ожидали «в скором времени». Мужичья природная осторож-

¹ ГА РФ. Ф. 109. СА. Оп. 3. Д. 3228. Л. 163.

² Там же. Л. 166.

³ [Хрущев Д. П.] Материалы для истории упразднения крепостного состояния. Т. 1. С. 174.

⁴ ГА РФ. Ф. 109. СА. Оп. 3. Д. 3215. Л. 162.

⁵ Там же. Л. 178.

ность и рациональность и здесь не подвела. Крестьяне не ошиблись в том, что «толки их подслушиваются», и отвечали коротко и правильно, т. е. так, как надо, что в конечном счете успокаивало правительство и придавало уверенности реформаторам.

Недовольство предстоящей реформой шло от помещиков, полагавших, по словам агента, что «Государь, отнимая у дворян крестьян, нарушает присягу, данную им при восшествии на престол, кою обязаны уважать права собственности подданных, присовокупляя: вот и благодарность за усердие дураков, выказанное в последнюю войну»¹. Патриотическо-правовые аргументы объясняли недовольство крепостников.

Тогда же в общественном сознании сформировалось представление о символических «защитниках» крестьян и «злодеях», не желавших для них воли. Сенатор Я. А. Соловьев признавал: «Как мысль [об освобождении крестьян. – О. А.] ни держалась в секрете, но смутные слухи о ней начали пугать представителей помещичьих интересов. К ним принадлежал, между прочим, председатель Государственного совета князь А. Ф. Орлов, который, сам не замечая того, стал во главе оппозиционного движения»².

В агентурной записке от 31 декабря 1857 г. шефу жандармов докладывали о настроениях дворян-землевладельцев. Для последних главной фигурой «сопротивления» стал А. Ф. Орлов, несмотря на то что говорили, «якобы кн. Орлов заложил в Опекунских советах всех своих крестьян еще до распубликования Высочайших рескриптов и что примеру его последовали многие другие значительные помещики». Может быть, как раз представление о том, что А. Ф. Орлов, сумев, говоря современным языком, использовать инсайдерскую информацию, обезопасить себя от имущественных потерь, наделило его в мнении помещиков качествами деятеля, способного защитить дворянские интересы.

По свидетельству Я. А. Соловьева, еще летом 1857 г. в Секретном комитете при обсуждении записки Министерства внутренних дел А. Ф. Орлов, «в пылу спора ударив по столу кулаком правой руки, сказал, что он скорее даст отрубить эту руку, чем подпишет освобождение крестьян с землей»³. Видимо, отголоски этого эмоционального заявления и жеста (или слуха о них) способствовали дальнейшей интерпретации его поведения как оппозиционного.

¹ Там же. Л. 180.

² Отрывок из записок сенатора, тайного советника Я. А. Соловьева. Крестьянское дело в 1856–1859 гг. // Русская старина, 1880. № 2. С. 320.

³ Записки сенатора Я. А. Соловьева // Русская старина, 1881. № 2. С. 241.

«Говорят еще, что князь Орлов и весь Государственный совет недовольны тем, что столь важная мера, каково есть освобождение крестьян, решается мимо онога в Секретном комитете», т. е. вновь намекали на насильственный, неправовой характер реформы. «К сему присовокупляют, якобы кн. Орлов после обнародования рескриптов спросил государя, какую милость может ожидать для себя дворянство русское после той, которая изливается на их крестьян, и что на сие будто бы Его Величество отвечал: “Если дворянство желает конституции, то я готов ее дать”»¹. Таким образом, агенты очень четко уловили основную идею дворянской фронды, позже формализовавшуюся в адресах дворянских комитетов: экономические потери должны быть компенсированы политическими правами.

Аналитики из III Отделения вполне резонно могли заключить: «...все подобные толки в кругу помещиков доказывают, что общей по крайней мере нет готовности с их стороны споспешествовать видам государя в важном и необходимом по духу времени деле освобождения крестьян»².

В январе 1858 г. вновь фиксировали мнение помещиков-ретроградов: «...зачем заботиться прежде о вольности крестьян, сперва надо даровать нам, дворянам, вольность»³ и сообщали о новом «подвиге» князя А. Ф. Орлова. 20 января 1858 г. докладывали: «В столице повторяют слух, что князь Орлов намерен удалиться от службы, потому что взгляд его на государственное управление не согласен с действиями правительства. Рассказывают, будто бы он представлял вел. кн. Константину Николаевичу о неудовольствии всего дворянского сословия на лишение их крестьян, на что якобы его Высочество отвечал: “Наплевать на дворян”. Присовокупляют, что князь Орлов, оскорбленный этими словами, сказал: “Не забудьте, Ваше Высочество, что Вы сами стоите во главе Дворянства”»⁴.

В этом агентурном донесении А. Ф. Орлов выступал как защитник всего дворянского сословия, олицетворением зла, символом опасности для которого являлся брат императора. Еще раз обратимся к свидетельству Я. А. Соловьева, объяснявшего особый характер оппозиционности А. Ф. Орлова: «Его заслуги, лета, занимаемое им высокое место в служебной иерархии, общественное положение, родственные связи и главное – сила при дворе делали его опасным главой начавшегося сейчас после выхода первого рескрипта оппозиционного дви-

¹ ГА РФ. Ф. 109. СА. Оп. 3. Д. 3215. Л. 176.

² Там же. Д. 3215. Л. 177.

³ Там же. Д. 3216. Л. 1.

⁴ Там же. Л. 33.

жения. Надо еще прибавить, что в главу этого движения князь Орлов попал не с умышленным намерением противодействовать государю, а по невольному увлечению своими убеждениями»¹.

В народе настроения были иными. Убедившись в неспешности правительственных действий, крестьяне терпеливо ожидали освобождения². Агенты доносили, что «не заметно в нем того воспламенения умов и нетерпения узнать участь свою на счет обещаемой свободы». Теперь заметно «постепенно увеличивающееся хладнокровие и как бы совершенное равнодушие к предпринимаемым правительством по сему предмету распоряжениям»³.

Традиционным объяснением затяжки в разрешении столь важной для крестьян меры становилась ссылка на дворянское противодействие реформе. Агент сообщал, что какой-то человек в гостинице «Москва» говорил, что «государь, опасаясь бунта в дворянском сословии, делал недавно опыты с артиллерией, чтобы узнать, во сколько времени в случае тревоги она может поспеть ко двору»⁴.

В восприятии крестьян А. Ф. Орлов являлся отрицательным персонажем их мифологической картины мира, поведение которого явно заслуживало порицания. 3 мая 1858 г. агент подслушал разговор в портерной о том, что желание Государя дать свободу крестьянам не осуществится из-за противодействия дворян: «...первый из них кн. Орлов идет в этом деле против Государя и даже позволил себе в одном из заседаний Главного комитета (...) сказать царю, что если последует освобождение крестьян, то он не останется на службе». Государь ему заметил, что «он лучше бы сделал, если бы такую энергию выказал на конференциях, бывших в Париже». Орлов отвечал, что действовал по инструкциям. Рассказ был прерван сидельцем портерной: «...воля государя есть закон, и если Его Величество настоятельно потребует исполнения оной, то никто не осмелится возражать, здесь

¹ Записки сенатора Я. А. Соловьева // Русская старина, 1882. № 1. С. 230–231.

² Позволю себе не согласиться с выводами В. А. Федорова, видевшего «заметный подъем» в крестьянском движении конца 1850-х годов. Он полагал: «Крестьянское движение в это время носило более сплоченный и преимущественно наступательный характер: многочисленные волнения возникали не столько от нажима на крестьян помещиков, сколько от слухов о воле под влиянием распоряжений правительства о подготовке к реформе, а главное потому, что в обстановке всеобщего брожения в деревне накануне реформы крестьяне все чаще стали выступать против тех условий крепостной зависимости, которые раньше не вызывали протеста» (Федоров В. А. Русский крестьянин накануне революционной ситуации 1859–1861 гг. (по материалам центрально-промышленных губерний России) // Революционная ситуация в России в 1859–1861 гг. М., 1974. С. 37).

³ ГА РФ. Ф. 109. СА. Оп. 3. Д. 3216. Л. 145.

⁴ Там же. Д. 3216. Л. 55.

ведь не Англия»¹. Ультимативный тон разговора, несогласие и спор с государем – пример недопустимого, неуважительного отношения к императору, реконструируемого собеседниками. Вполне «трезвый» взгляд служащего в портерной остановил дальнейшие политические фантазии.

Министерство внутренних дел в 1858 г. фиксировало еще несколько слухов-рассказов о героическом противостоянии царя лживым и корыстолюбивым дворянам. Так, было записано сообщение, «будто несколько человек дворян, переодевшись в крестьянское платье и навесив себе фальшивые бороды, явились в Зимний дворец и стали просить государя оставить их за помещиками, потому что им жить по-старому хорошо. Но государь догадался, сорвал с одного бороду и обличил обман»².

В крестьянском воображении бурная дворцовая жизнь в С.-Петербурге обрастала разными подробностями и очевидцами-участниками, придававшими особую правдивость царистским мифам. Так, было получено сообщение, якобы «около Твери на железную дорогу приходили толпы крестьян с требованием бесплатного их провоза в Петербург на помощь царю, на которого будто бы напали дворяне с намерением его убить, и стреляли в великого князя Константина Николаевича. Рассказывали это крестьянам прохожие морские солдаты, прибавляя, что их призывали на помощь и что они тех дворян прикололи»³. Опасность, по представлениям крестьян поджидала императора на каждом шагу, «уверяли, будто бы во время освящения Исакиевского собора свечи были набиты порохом старанием дворян, чтобы убить государя за освобождение крестьян»⁴.

Воздействовать на крестьян власть пыталась посредством благонамеренной публицистики, освещавшей крестьянский вопрос в соответствии с правительственными установками. Агент сообщал о реакции на статью Ф. В. Булгарина «Об улучшении быта помещичьих крестьян», опубликованной в «Северной пчеле» 16 декабря 1858 г.: «...по духу и смыслу, в коих она написана, полагают вообще, что она составлена (...) не иначе как по поручению правительства, нашедшего, вероятно, нужным в настоящее время посредством оной вразумить тех из крестьян, кои и поныне еще не понимают настоящей цены занятий губернских крестьянских комитетов и нетерпеливо ожидают преждевременного их от помещиков освобождения (...). Ожидают,

¹ ГА РФ. Ф. 109. С.А. Оп. 3. Д. 3218. Л. 16.

² [Хрущев Д. П.] Материалы для истории упразднения крепостного состояния. Т. 3. С. 197–198.

³ Там же. С. 198.

⁴ Там же.

что сия важная в нынешнее время статья непременно произведет некоторую пользу для правительства в крестьянском быту, по крайней мере на время обуздает их нетерпение к вольности!»¹

Д. П. Хрушев, присматривавшийся к крестьянским настроениям, полагал, что «надежды крестьян на свободу более возбуждались и проявлялись во время действий губернских комитетов, от коих распространялось много толков в народе. Когда же комитеты кончили свое дело и оно переходило в Петербург, то надежды крестьян слабели, потому что слухов до них доходило гораздо менее»².

Традиционным для крестьянских настроений стало назначение дня освобождения, связанного с какими-либо знаковыми событиями.

Первый день нового 1859 г. полицейские агенты встречали на службе: «В этот день агентами было посещено множество харчевен и питейных домов, во многих из них были слышны ими разговоры о крестьянском деле, выражающие некоторое уныние по случаю несбывшегося ожидания насчет объявления в этот день свободы...»³ За ожидаемой волей народ шел к государю. Агент докладывал, что 1 января простолудины толкались около дворца и, указывая на экипажи лиц, бывших во дворце говорили: «...вишь, сколько наших притеснителей собралось, где скоро царю с ними сладить, уговорить дать крестьянам свободу добровольно?» Народ, по сути, не сомневался, что и в этот день император занят крестьянским делом и ведет переговоры с дворянами.

Представление о прямом, непосредственном общении императора с помещиками по вопросу освобождения крестьян были живучи в народе. В сентябре 1859 г., сообщал агент, мальчик 12 лет, торгующий канцелярскими принадлежностями, рассказывал в харчевне, что слышал разговор, будто «с 6 числа разведут на реке Неве все мосты и будут возить во дворец дворян подписывать акт о том, что они отпускают своих крестьян на волю без всякого вознаграждения». Сообщение заканчивалось странной фразой: «Агент больших подробностей добиться не мог»⁴. Неужели агент рассчитывал получить от ребенка детали операции по перевозке дворян? Эти примеры свидетельствовали о преобладании сказочных представлений о царской жизни.

¹ Герасимова Ю. И. Отношение правительства к участию печати в обсуждении крестьянского вопроса в период революционной ситуации конца 50-х – начала 60-х годов XIX в. // Революционная ситуация в России в 1859–1861 гг. М., 1974. С. 84–85.

² [Хрушев Д. П.] Материалы для истории упразднения крепостного состояния. Т. 2. С. 179.

³ ГА РФ. Ф. 109. СА. Оп. 3. Д. 3223. Л. 4.

⁴ Там же. Д. 3225. Л. 56 об.

ни и доминировании мифологических трактовок реформационного процесса.

Есть в сводке донесений и рассказ о том, что 27 января в трактире «Лондон», крестьяне читали газету с отчетом о деятельности крестьянских комитетов и молили бога за государя: «Он, батюшка, день и ночь печется о нашем благе и приказывает печатать все, что относится до нас, дабы мы имели возможность знать, что сделано по этому делу»¹. Как видно, официальная информация проникала в крестьянскую среду, но зачастую трансформировалась в соответствии с крестьянским интересом.

Постоянно проявляли себя два слуха противоположного содержания. С одной стороны, людская молва отражала пессимистический настрой. Извозчик, высказываясь о крестьянском деле, уверял агента, что оно совсем погубило, об этом он «слышал от многих седоков». «Присовокупил в заключение, что стыдно царю так насмеяться над крестьянами, подразнили их волею, как собак костью, и думают, что все уже сделали»², – сообщил наблюдатель 1 января 1859 г.

Оптимистический настрой масс проявлялся в постоянном ожидании скорого обнародования манифеста. Не объявили свободу 1 января, так объявят в середине месяца. Агент пересказывал, услышанный разговор, мол, «завтра выйдет указ о свободе, и что поэтому государем назначено трехдневное молебствие с 15 по 18 число»³. Затем прошел слух о чтении манифеста в Казанском и Исакиевском соборах 21 февраля⁴, позже стали говорить, что государь сам отправляется в поездку по стране и лично будет объявлять о свободе⁵. 28 июня 1859 г. отмечено, что крестьяне говорили о том, что воля будет объявлена после открытия памятника Николаю I, «потому что первая мысль об освобождении крестьян принадлежит покойному государю»⁶. Такой аргумент казался вполне весомым обоснованием для великого дела освобождения.

¹ ГА РФ. Ф. 109. СА. Оп. 3. Д. 3225. Л. 40.

² Там же. Д. 3223. Л. 2.

³ Там же. Л. 24.

⁴ Там же. Л. 73.

⁵ Там же. Д. 3224. Л. 93.

⁶ Там же. Л. 111. Однако уже 19 февраля 1861 г. уже мало кто вспоминал о заслугах Николая I. Ф. В. Одоевский писал в дневнике о настроениях того времени: «Цветы вокруг монумента Николая I-го произвели вообще неблагоприятное впечатление. Народ говорит, что деньги по-пустому тратят – он только с этой точки зрения посмотрел на это дело. В среднем сословии насмешка, как всегда: на радости, что ли, что умер, – говорят в чиновническом кругу» (*Одоевский Ф. В.* Текущая хроника и особые происшествия. Дневник 1859–1869 гг. // Литературное наследство. Т. 22–24. М., 1935. С. 129).

И наконец была определена оптимальная дата – манифестом ознаменуется день рождения наследника, 8 сентября¹. Дата казалась столь реальной, что некоторые крестьяне в преддверии освобождения отправлялись домой². Одновременно агенты сообщали, что в трактире крестьяне говорили, что разговоры об этой дате – пустые слухи, прибавляя: «Правительству не сладить с господами»³.

Понимание того, что реформа – это сложный компромисс, постепенно упрочивается в сознании крестьян. Агент доносил: «15 августа в харчевне несколько человек рассказывали, что дело освобождения крестьян давно бы было уже окончено, если бы не кн. Орлов, который будто бы все отсоветовал государю императору приводить его к окончанию, говоря, что освобождение крестьян неминуемо повлечет за собою конституцию и что дело это двинулось вперед только с отъездом князя за границу»⁴. То, о чем год назад говорили в гостиных и салонах, теперь стало обсуждаться в харчевне. Молва признавала, что хоть медленно, но дело освобождения идет. Доказательством были упоминаемые детали, так рассказывали, что Главный комитет по крестьянскому делу уже более недели имеет экстренные заседания по ночам, так как поручено окончить дело к новому году⁵.

Общая агитация заставила руководство политической полиции дать задание агентам, выяснить реакцию на то, что в этот день произойдет, если не будет ожидаемого манифеста: «Надо посмотреть, как примет это известие народ, который обманется в своих надеждах на 8 сентября»⁶. Агенты усиленно взялись за дело, и уже скоро руководство информировалось, что, по донесению агента, «в простом народе замечается какое-то тоскливое ожидание манифеста»⁷.

Разговор о возможных обманутых ожиданиях дал широкую палитру вариантов реакций. Оптимистично-мечтательная версия не допускала иного исхода, кроме как освободительного манифеста. 1 сентября 1859 г. разговор о том, что будет к 9 сентября, вызвал жаркие споры в харчевне на Сенной площади. Большинство беседовавших на эту тему решило, что непременно будет манифест, а следом начнется гулянье: 8–9 сентября везде будет продаваться дешевая водка,

¹ ГА РФ. Ф. 109. С.А. Оп. 3. Д. 3224. Л. 113.

² Там же. Л. 25–25 об.

³ Там же. Д. 3225. Л. 43.

⁴ Там же. Л. 44.

⁵ Там же.

⁶ Там же. Л. 44 об.

⁷ Там же. Л. 46.

а на Царицыном лугу «будет отпускатся по требованию гуляющих даром»¹.

Мрачно-пессимистический прогноз отталкивался от недавнего происшествия на Литейной части, когда толпа, устав ждать, когда после обедни откроют кабаки, разгромила это заведение. «Что будет, когда обманутся 8, – рассуждали они, – то разве для этих людей будет невозможно перерезать помещиков за то, что долго приходится ждать свободы»².

Были и нейтральные ответы на агентский опрос: если 8 сентября ничего не будет, «то, наверно, назначат в Манифесте срок, к коему дело это будет приведено к окончанию»³. «Мастеровые одной фабрики», вызванные агентом на разговор, говорили, что «им нечего более делать, как ожидать оной (т. е. свободы, – О. А.) терпеливо и надеяться, что дело это когда-нибудь да окончится»⁴.

Изучавший настроения наблюдатель пришел к выводу, что значительная часть простого народа «не допускает никакого сомнения в этом, а потому на дальнейшее развитие противной мысли молчат», другие же говорят о Манифесте с указанием срока освобождения. «Предпринимать же они ничего не станут, ибо вполне уверены, что Государь сдержит свое слово и крестьяне будут свободны в нынешнем году»⁵.

Такой определенный настрой на скорое освобождение вызвал замешательство во властных сферах. С.-Петербургский генерал-губернатор П. Н. Игнатьев и шеф жандармов В. А. Долгоруков дали этим слухам «грозное значение». Они представили императору записку о необходимых мерах безопасности по «предупреждению ожидаемого к 8 сентября народного движения, между прочим, чтобы объявить через полицию по кабакам и трактирам, что к 8 сентября манифеста о вольности не будет»⁶. Александр II дал согласие, однако Я. И. Ростовцев выступил решительным противником подобной полицейской активности и переубедил императора. По его мнению, подобные меры «могут только компрометировать великое историческое дело»⁷. Вопрос был передан на рассмотрение Комитета министров, и этим обсуждением дело ограничилось.

¹ ГА РФ. Ф. 109. СА. Оп. 3. Д. 3225. Л. 49.

² Там же. Л. 49 об.

³ Там же.

⁴ Там же. Л. 50.

⁵ Там же. Л. 51.

⁶ [Хрущев Д. П.] Материалы для истории упразднения крепостного состояния. Т. 3. С. 127–128.

⁷ Там же.

Тем не менее агенты по поручению руководства III Отделения, разъясняли крестьянам, что освобождение обязательно будет, но не в ожидаемые сроки. В этом плане успехи пропагандистской кампании были не очевидны. «Агент старался внушить этим крестьянам, что освобождение последует непременно и в непродолжительном времени, но они толковали, что если 8 сентября Манифест не будет, то вряд ли выйдет таковой когда-нибудь»¹, – указывалось в сводке донесений. В другом рапорте пересказывался разговор мастеровых и крестьян в трактире, отмечались высказываемые надежды на 8 сентября. Агент сказал в ходе беседы, что, «может быть, дело по неокончанию работ в Главном комитете не кончится в этом году», но крестьяне ответили, что «работы, как они слышали, уже все кончены, но господ, составляющие Комитет, не представляют их государю и что государь знает об этом и потому, как бы в наказание господам, дает свободу крестьянам без согласия дворян. Все уверения агента в противном остались тщетными»². Крестьяне хотели слышать то, что им было желаемо, а не достоверные сведения.

Свое грядущее освобождение крестьяне связывали исключительно с личностью государя. Агенты доносили, что «во время шествия Александра II и царской семьи по Невскому проспекту в Александроневскую лавру «заметно преимущественно между простолюдинами сильное проявление любви народной к особе императора. Разговоры об этой церемонии, проникнутые сердечною похвалою государю за любовь к народу, были слышны во многих заведениях»³.

Толки о том, что «по настоянию господ дело это отсрочено»⁴, как и уверения солдата Преображенского полка о том, что свободы не будет, так как «помещики во время бала, долженствующего быть 9 сентября в Дворянском собрании, согласились подать прошение государю о том, чтобы крестьяне по прежнему остались их крепостными», опровергались суждениями самих крестьян, считавших, что, раз «государь обещал, он исполнит»⁵.

В то же время фиксировалось, что 4 сентября 1859 г. на Сенной площади, *во многих заведениях*, был ропот между крестьянами, что «Государь совсем забыл о них и что если 8 сентября ничего не будет объявлено о свободе, то ждать больше нечего»⁶.

¹ ГА РФ. Ф. 109. СА. Оп. 3. Д. 3225. Л. 57.

² Там же. Л. 60 об.

³ Там же. Л. 54 об.

⁴ Там же. Л. 51 об.

⁵ Там же. Л. 57 об.

⁶ Там же. Л. 60.

Естественно, стали появляться слухи-объяснения, почему не будет скорой свободы. Весомыми аргументом стали, как обычно, ссылки на надежный источник информации и деятельный «злой герой», социальная репутация которого была очевидна для мотивировки случившейся задержки. В трактире, ссылаясь на знакомого сенатского чиновника, какой-то человек рассказывал, что будто бы государь поручил кн. А. Ф. Орлову окончить работы в комитете по крестьянскому делу к совершеннолетию наследника, но работы не окончены и «Государь остался очень недоволен кн. Орловым»¹.

Другим объяснением была дворянская оппозиция. По сообщению агента, в одной гостинице крестьяне рассуждали о том, «что свободы им лучше не ждать, ибо дело это тянется два года, но окончания его не видно, и что оно не окончится до тех пор, пока сами господа не захотят дать свободы своим крепостным. Чего они, конечно, никогда не сделают и что хотя государь желал бы сделать для крестьян это благодеяние, но ему нельзя же идти против дворян»². Правда тут же была озвучена мысль, что освобождение состоится в первый день нового 1860 г.³

Определенный народом день освобождения чинами III Отделения ожидался с тревогой, поэтому была развернута массовая агентская акция по выявлению опасных настроений. Шефу жандармов докладывалось: «Вчерашний день, вновь обойдены агентами: фабрики и заводы, находящиеся не только в Петербурге, но и в ближайших к городу местах по Петергофской и Шлиссельбургской дорогам, все строения при коих состоят значительные артели рабочих, те пункты, где бывают обыкновенно большие сборища простолюдинов, как то: Апраксин и Мещанский дворы, Сенная, Конная и Рыночная площади, большая часть питейных домов, портерных, съестных лавок, харчевен и т. п. заведений, посещаемых преимущественно рабочими, мастеровыми и торговцами. Общий характер мнения простого народа весьма удовлетворителен»⁴.

Тем не менее работа по разъяснению была продолжена. 12 сентября полицейскому начальству рапортовалось, что с поездом по Вар-

¹ ГА РФ. Ф. 109. СА. Оп. 3. Д. 3225. Л. 60.

² Там же. Л. 61.

³ Интересно отметить, что на эту дату надеялся и Александр II (письмо к А. И. Барятинскому от 1 апреля 1859 г.): «Здесь заботы меня не оставляют, и важное дело подготовки освобождения крестьян идет полным ходом, так что к концу года я надеюсь, что с Божией помощью, мы сможем начать приводить реформу в исполнение» (Письма императора Александра II князю А. И. Барятинскому (1857–1864) // Вопросы истории, 2006. № 12. С. 131).

⁴ ГА РФ. Ф. 109. СА. Оп. 3. Д. 3225. Л. 62–62 об.

шавской железной дороге прибыло двадцать человек крестьян, до которых известие, что 8 сентября «не было объявлено свободы, дошло». Они рассказывали, что эта новость повергла всех крестьян их уездов в крайнее уныние, что после этого, думают там, вряд ли свобода когда-нибудь состоится. «Это сомнение было тотчас же рассеяно агентом»¹, – говорилось в рапорте. В другом сообщении отмечалось, что два чиновника разубеждали крестьян в скором освобождении, но «это грустное убеждение тотчас же было рассеяно агентом»². Как видим, агенты были готовы вести разъяснительную работу.

Крестьяне с надеждой ходили на церковные службы, рассчитывая услышать желанные слова манифеста. 14 сентября агент докладывал, что в церкви Иоанна Предтечи перед выходом священника на амвон собралась «густая толпа», ожидавшая, что он будет читать манифест об освобождении, «но, услышав из уст Пресвитера хвалебное слово Животворящему кресту, толпа начала редеть и расходиться»³.

В обнаруженном к этому дню царском манифесте искали если уж не свободы, то хотя бы срока ее объявления. На вопрос агента: «читал ли он манифест и что об нем скажет?», крестьянин отвечал: «Что калякать-то по-пустому, мы все знаем, что воля будет объявлена в нынешнем году непременно»⁴.

Отсутствие желаемой информации получило рациональное объяснение. Беседовавшие в гостинице 10 крестьян «почти единогласно высказали мнение, что воля непременно будет, а не упомянуто об ней в манифесте только потому, что в деле этом нельзя и сомневаться, ибо царь сам за ним наблюдает...» «Они довольны Батюшкой Царем и не сомневаются в его слове»⁵, – заключал агент.

Поскольку срок действия распространенных слухов с наступлением ожидаемой даты истек, появилась новая перспектива. В гостинице торговцы рассказывали, что император, проезжая по Царицыну лугу, объявил народу, чтобы крестьяне не беспокоились насчет воли и что таковая будет объявлена перед новым годом. Но, как утверждал агент, им никто не поверил, так как государь с народом в эти дни «ни о чем и нигде не говорил»⁶. Затем сообщали, что какой-то тульский купец уверял слушателей, что «Государь во время проезда через их город созывал членов губернского комитета и объявил им, чтобы

¹ Там же. Л. 63.

² Там же. Л. 70.

³ Там же. Л. 67.

⁴ Там же. Л. 64.

⁵ Там же. Л. 66.

⁶ Там же. Л. 66 об.

к Новому году непременно были окончены все собрания по крестьянскому делу»¹.

В разговорах крестьян все более заметными становились негативные суждения о помещиках: «...свобода крестьян по напрасно только взбунтовала помещиков, что они теперь как бешеные собаки рвут с крестьян последнее»², если воли не будет, тогда господа возьмут еще больше силы³. Более подробно агентом зафиксировано рассуждение крестьянина Савелия Васильева из Новгородской губернии. По его словам, правительство «должно бы было поторопиться поскорее его (крестьянское дело. – О. А.) окончить, что помещики не упускают ни одного дня, чтобы на последках не извлечь из владений своих выгод... пройдет год или два «из каковой медленности ничего доброго выйти не может», крестьяне будут разорены, «тогда все станут плакаться на государя, который вместо добра, какого можно бы было ожидать, если бы дело это было ведено спорее, сделает истинное зло для крестьян»⁴.

Агенты фиксировали раздраженную крестьянскую реакцию даже на публикацию вполне благонамеренных статей «Рабство» и «Крестьянский вопрос», о несправедливости, бесчеловечности крепостного права и преимуществах воли. В агентурной записке сообщалось: «Многие благомыслящие люди даже того мнения, что статьи сии (...) писаны как будто в духе, чтобы раскрыть глаза крепостным людям и, представив им помещиков какими-то бесчеловечными варварами, еще более растравить и без того уже в настоящее время заметное в них какое-то тайное раздражение противу законных своих господ!»⁵ 14 августа 1859 г. сообщалось: «Все здешние харчевни, рестораны, портерные лавки и прочие сборные места простого народа наполнены были слушателями из самого низкого класса, кои, как пчелы, целыми роями собирались вокруг чтецов сих статей и, не пророняя ни одного слова, после того пускались в весьма невыгодные о помещиках рассуждения... Предвидят, что развитые в них простому народу мысли и понятия о рабстве и нынешнем общем в России крестьянском деле должны непременно надолго пустить глубокие корни еще большей противу нынешней ненависти крестьян к их помещикам»⁶.

¹ ГА РФ. Ф. 109. СА. Оп. 3. Д. 3225. Л. 67.

² Там же. Л. 64.

³ Там же. Л. 65.

⁴ Там же. Л. 75.

⁵ Герасимова Ю. И. Отношение правительства к участию печати в обсуждении крестьянского вопроса. С. 97.

⁶ Там же.

Изучив донесения уличных агентов, чиновник III Отделения докладывал своему руководству: «Между торговым классом и крестьянами слышны неумолкаемые толки о притеснениях помещиков и о несбывшихся ожиданиях крестьян на 8 сентября»¹.

Все же вера в царя внушала оптимизм, основывавшийся на рациональном или хотя бы правдоподобном объяснении промедления в этом вопросе. 25 сентября 1859 г. в харчевне человек 20 крестьян, по словам агента, показали «твердое убеждение», что освобождение крестьян «непременно произойдет в нынешнем году и что никакие господа, сколько бы они ни хлопотали, не помешают исполниться этому; потому что так угодно государю, который хоть сам себя и называет дворянином, но все таки дворянам бороться с ним трудно (...) удивляться тому не следует, что Комитет не успел окончить своих соображений к 8 сентября, потому что иногда в деревне и не такие дела тянутся долго, а целая Россия – деревня не маленькая². Другая версия исходила из понимания корпоративных отношений императора и дворян, ждавших царского примера: «Царь еще сам не освободил удельных крестьян, на что могут указать помещики и просить его подать им собою пример»³.

Естественно, III Отделение в первую очередь волновали вопросы безопасности и общественного спокойствия. Передавая рассказы о том, что в деревнях «жизнь не лучше каторги», агент отмечал, крестьяне, узнав, что воли не будет 8 сентября, «потеряли уверенность в освобождении» и «стали с горя делать такие дела, чтобы скорее попасть в солдаты, другие ходят как убитые, не зная, на что решиться, чтобы помочь своей горькой доле, и ропшут на государя, что лучше было бы, если бы, он не начинал этого дела, если не хочет его покончить как следует...»⁴

Крестьянин графа Шереметьева Игнат Степанов только размышлял: «...вряд ли свобода будет когда-либо объявлена, потому что государю никогда не сладить с господами. Он один, а их много...»⁵ Однако другие готовы были и силой подействовать власти. В начале 1859 г. агенты около трактира на Сенной фиксировали разговор крестьян-отходников: «Государь давно бы освободил, да они, проклятые [помещики], все мешают, а чего боится, сказал бы только нам, мы

¹ ГА РФ. Ф. 109. СА. Оп. 3. Д. 3225. Л. 75 об.

² Там же. Л. 69.

³ Там же. Л. 74 об.

⁴ Там же. Л. 74–74 об.

⁵ Там же. Л. 75.

бы помогли»¹. Тревожно прозвучало сообщение, что многие крестьяне думают, будто, «убивши помещика, они угодят этим государю»². Такая вот крестьянская помощь монарху в борьбе с дворянской оппозицией.

Неудивительно и появление разного рода пророчеств и знамений. В феврале 1859 г. заговорили о предсказании в Сергиевской лавре. Было возвещено, «что государь не дает свободы крестьянам, но что они сами освободят себя бунтом, что в Москве будет мор, а во всей России холера»³. Широкого распространения этот слух не получил.

Интересно, что если возникала в народе идея каких-либо, даже не протестных, а просто публичных действий, хотя бы для выяснения сроков своего освобождения, то она не воспринималась как реально осуществимая и немедленно отвергалась. Агент передавал разговор крестьян, которые сожалели, что во время прогулки государя по Царицыну лугу, никто из крестьян не спросил его, «когда дело это получит окончание». Один из собеседников сказал, «что если б кто попробовал хотя заикнуться в этот день о свободе и провести какой-либо беспорядок, то для восстановления его целый Павловский полк, кроме военных пикетов, стоящих на Царицыном лугу, был наготове, с заряженными ружьями»⁴.

Никаких позывов к самоорганизации, к противопоставлению «мы» – «они» не наблюдалось. Определяющим в поведении крестьянской массы был не столько инстинкт самосохранения, сколько демонстрация сыновней лояльности. Мысль о насилии по отношению к власти не казалась актуальной, скорее наоборот, нетерпение, агрессивность, беспорядки воспринимались как факторы, которые могли расстроить государя и еще более затянуть дело. «Комитет почти ежедневно по ночам собирается в здании Главного штаба», воля будет объявлена по частям, «государю хочется видеть, не произойдет ли от этого беспорядка»⁵.

В начале 1860 г. поднялась волна традиционных слухов-ожиданий. 2 января агент докладывал своему начальству, что «вчера вечером» «в некоторых простонародных публичных местах» говорили о несбывшихся надеждах на счет объявления крестьянам воли. Несмотря на то что многие были «для нового года порядочно навеселе»,

¹ Федоров В. А. Требования крестьянского движения в начале революционной ситуации до 19 февраля 1861 г. // Революционная ситуация в России в 1859–1861 гг. М., 1960. С. 147.

² ГА РФ. Ф. 109. С.А. Оп. 3. Д. 3225. Л. 72.

³ Там же. Д. 3223. Л. 62.

⁴ Там же. Д. 3224. Л. 67 об. – 68.

⁵ Там же. Л. 72–72 об.

толки «происходили в весьма умеренных выражениях в сравнении с прежними противу правительства и помещиков»¹. Агенты зафиксировали три версии крестьянских настроений, различавшиеся по ожидаемым сроком объявления об освобождении: «Иные говорили, что вполне верят обещаниям государя и будут оставаться в ожидании; другие говорили, что после слов государя надо непременно ожидать в скором времени какой-нибудь от него для них публикации; а еще другие полагали (...) то наверно надо ожидать к 17 апреля в день рождения государя, ибо он, батюшка, напрасно медлить не будет»².

Другое донесение подтверждало какое-то обреченное ожидание и общее апатичное спокойствие в очередной день предполагаемого объявления воли: «Толков простолюдинов о крестьянском деле было весьма мало. Некоторые из простолюдинов ожидают, что дело это уже кончено и будет объявлено манифестом в новом году. Многие даже говорят, что, если в этот день не будет ничего о сем объявлено, так воли нечего и ожидать, ибо покойный государь в начале своего царствования показывал готовность дать помещичьим крестьянам свободу, но пообжился и позабыл о крестьянах»³, так верно поступит и Александр II.

Продолжительная подготовительная работа, с одной стороны, свидетельствовала о серьезности намерений правительства и основательности подходов, что отражалось в периодических официальных публикациях и заявлениях, но с другой – столь долгий процесс казался бесконечным, помещиков подозревали в намерении максимально затянуть сроки освобождения. Агент утверждал, что большая часть простого народа верит, что крестьяне получают свободу, но «что решение этого дела несколько позамедлится, хотя государь и торопит кончить оное скорее. Все эти толки (об освобождении) отличаются спокойствием и оживляются только тогда, когда речь заходит о помещиках, которых по-прежнему бранят»⁴.

Аналогичные слухи фиксировали и агенты С.-Петербургской полиции, сообщавшие 5 января 1860 г., что в день нового года разговоры о крестьянском деле «были почти повсеместные», и почти все они «выражали злобу на помещиков, останавливающих благополучное окончание дела и пользующихся настоящим положением, чтобы окончательно разорить крестьян»⁵.

¹ Там же. Д. 3226. Л. 1.

² Там же. Д. 3226. Л. 1 об.

³ Там же. Л. 7.

⁴ Там же. Л. 6 об.

⁵ Там же. Л. 8.

Все чаще полицейские наблюдатели фиксировали сомнения, «чтобы освобождение когда-либо осуществилось»¹. Среди факторов, затягивающих этот процесс, к традиционному суждению о дворянском противодействии стали называть и нерешительность государя: «Господа непременно осияют одного государя, что вот уже третий новый год, что обманывают мужиков с волей, что если Государь не примет более решительных мер против дворян, то будет много несчастных, ибо крестьянам остается один выход – поднять руку на своих помещиков или поднять руки на самих себя»². Такие разговоры внушали пессимизм, будили агрессию, но в обсуждаемой альтернативе все же на первом плане стояла идея расправы с угнетателями.

Довольно интересной кажется запись разговора агента с извозчиком с жестянкой № 8590. Беседа началась с вопроса мучившего возницу: «Правда ли, что свободы не будет совсем?» Агент поинтересовался: «Кто это говорит?» Тот пояснил, что «слышал от трех каких-то седоков господ», последний рассказывал ему, что «свободы не будет, потому что Наполеон теперь занят другими государствами, да притом находится в хороших отношениях к нашему государю, а так как дело это затеяно по его настоянию, то оно может ничем не кончиться»³. Этот тезис показателен, слухи, будто крепостное право будет отменено по инициативе французского императора, согласно секретным статьям Парижского мирного договора периодически возникали. Здесь нашло отражение признание европейского образца как стандарта социального развития, избранного привлекательной целью реформ. Отказ от традиционной официальной идеологии патернализма, нигде официально не озвучивался, но реально осуществлялся, потому и казался вынужденным.

Далее ямщик объяснял, что все «свободы желают очень», но, «несмотря на убеждения агента, что свобода скоро будет им дарована (...), извозчик остался при том убеждении, какое было ему внушено седоком (...), присовокупив, что, где государю заниматься этим делом, будет с него, что, почитай, каждый день ездит по охотам, а дело наше предоставил нашим же господам»⁴. Как видим, из двух видов информации возница выбрал ту, что была созвучна его пессимистическим настроениям. Полицейская же «контрпропаганда» не означала фиаско, она работала на перспективу и могла получить вес при

¹ ГА РФ. Ф. 109. СА. Оп. 3. Д. 3226. Л. 8.

² Там же.

³ Там же. Л. 5.

⁴ Там же. Л. 5 об.

подтверждении сходной информации еще несколькими седоками господского вида.

Рассказал ямщик и о своем барине, который не давал работать на себя, прибавив, что есть помещики и хуже, а потому вполне допускал кровавый исход: «всем бы им отрубить головы, и конец»¹. Мысль о том, что государь занят не крестьянским делом, а царской охотой, тоже не нова.

Еще 9 декабря 1858 г. агент сообщал, что в Гостином дворе приказчики и хозяйские сыновья, «заведя между собой рассуждения о частых поездках государя на охоту, осуждали его за то, что он предается ей в то время, когда, во-первых, больна его родительница, а во-вторых, все сословие дворян вооружено против него за предполагаемое освобождение на волю крестьян...»² Страсть к охоте воспринималась как равнодушие, бестактность, неуместная забава, с одной стороны, а с другой, как неоправданный риск.

В Волковских банях был зафиксирован «крайне оживленный разговор сначала о страстях государя к охоте и о том, что эта страсть так вкоренилась в нем, что он не может преодолеть ее даже в болезнь матери». По мнению собеседников, охота «может облегчить посягательство недовольных дворян на жизнь государя»³.

Государю и не отказывали в положительных чертах характера, тем не менее в них видели его слабость как государственного деятеля, говорили «о недостатке характера государя, отличающегося нерешительностью и излишнею добротою к окружающим его лицам»⁴. На этом фоне Николай I приобретал вполне привлекательные черты: «...говорили, что покойный государь хотя и не делал добра для своих подданных, но умел держать себя лучше и т. п. Ныне же царствующий император хотя и задумал сделать много, но остановился во всех своих действиях в самом начале их и таким образом расстроил старый порядок, не заводит нового, как бы чего-то опасаясь»⁵.

Но очень скоро беспокойство о безопасности императора и умиление его добротой, в разговорах сменилось порицанием бестактного и порочного поведения, которое реконструировалось по знакомым, типичным образцам повседневной жизни низов.

Агент III Отделения отнесся довольно серьезно к детской сказке и подробно пересказал наивные домыслы, звучавшие при покупке-

¹ Там же.

² Там же. Д. 3222. Л. 44 об.

³ Там же. Л. 45 об.

⁴ Там же. Л. 44 об.

⁵ Там же.

лях: «В мелочной лавке крестьянина Яковлева подручный мальчик Константин при бытности посторонних лиц рассказывал, что вдовствующая государыня умирает от поступков своего сына императора Александра II, который страшно кутит, пьянствует и играет в карты с графами, что он, Константин, будто бы слышал, как говорили, что императрица Мария Александровна, выведенная этими поступками из себя, сказала наконец государю, что она не в состоянии переносить более такой жизни и намерена, оставив на него детей, отправиться в свою сторону, что он своими неприличными поступками уморит даже мать, которая всегда поставляла ему в пример покойного императора и великого князя Константина, который ведет себя как настоящий царь и не протягивает руки, подобно императору Александру, всякому встречному офицеришке или полковничешке. Все хорошо делает только один Константин Николаевич, называющий государя за приятельское отношение с подданными – бабою»¹. Противопоставление Константина и Александра было настолько явным, что его понял (по-своему) даже ребенок, мимоходом слушавший разговоры взрослых.

Скоро таких разговоров стало заметно больше. Агенты фиксировали толки о страсти государя к охоте: «...поехал последних волков добывать, а медведей уже всех побили еще прежде»², сообщали, что в портерной лавке смеялись над портретом Александра II, где «государь написан растопыря руки, вероятно, приехал с охоты пьяный»³. Агенты С.-Петербургской полиции приводили слова торговца Лыкова, что «у царя нашего две охоты: за медведями да за нищими» и якобы он сам «ездил ловить отпускных солдат, просящих милостыню»⁴.

Отголоском представлений о том, что царь занят совсем не важными, а посторонними делами стал абсурдный слух, старательно зафиксированный полицейским агентом: «В трактире Пекин столяр Александр Логинов рассказывал, что Государь приказал гр. Шереметьеву распорядиться, чтоб по всем улицам вместо экипажей устроить паровозы; этак, пожалуй, присовокупил он, заставят носить на носилках государя, как носят в Турции султана, и будут употреблять крестьян вместо лошадей. Что не выдумает государь с своими приближенными сановниками! Если бы был жив Николай I, то он не позволил бы сделать из России турецину и отставил бы от службы тех лиц, кои окружают настоящего государя и делают из него, что хотят...»⁵

¹ ГА РФ. Ф. 109. СЛ. Оп. 3. Д. 3222. Л. 56.

² Там же. Л. 115 об. – 116.

³ Там же. Л. 129.

⁴ Там же. Л. 135.

⁵ Там же. Д. 3223. Л. 69 об.

Правдоподобная часть слуха, обеспечившая его циркулирование, заключалась в суждении о занятости правителя какими-то иными, не крестьянскими, делами, а потому даже при переменах («паровозы») крестьянам не стоит ждать облегчения своей участи.

Критический настрой по отношению к личности государя проявлялся все более очевидно. В ход пошли и анекдоты. В одном из донесений начала 1860 г. отмечалось: «В разных обществах повторяется слух, что для помещения в “Искре” было сочинено объявление, запрещенное потом ценсурой следующего содержания: “На Дворцовой набережной в доме под № требуется медик для излечения хозяина от пьянства, жены его от ханжества, а матери от мотовства”»¹. Государь, его супруга и тратившая значительные средства на поездки по Европе вдова Николая I легко узнавались слушателями. Не преминули агенты сообщить, что при посещении Пажеского корпуса кадеты, провожая Александра II, кричали «ура», а работающие рядом каменщики – не все².

В представленной руководству политической полиции записке 23 февраля 1860 г. был сделан очень серьезный вывод: «В простом народе, как отмечают агенты, замечается в последнее время значительное охлаждение к государю»³.

Разговоры о приостановке крестьянского дела вновь получили широкое распространение. Доносили, что извозчики в харчевне говорили, «что господа совсем замяли крестьянскую волю»⁴.

Новые слухи как бы подтверждали прежние суждения молвы. В портерной лавке коломенский купец Кареев рассказывал, что в Коломне какой-то господин распускал слухи, что воли не будет, что «хотя Государь император дал слово некоторым иностранным государям выпустить крестьян на волю, но не сдержал его, за что и заплатил 60 миллионов руб. сер[ебром] неустойки, и что дело это за смертью Ростовцева совершенно остановится»⁵.

Довольно редко делавший пометки на агентурных донесениях шеф жандармов В. А. Долгоруков сам принял участие в опровержении слухов, видимо машинально написав слово «Несправедливо»⁶ на полях заметки о прекращении работ по освобождению крестьян: «Еще рассказывают, что Государь получил от высших сановников империи

¹ Там же. Д. 3226. Л. 85 об.

² Там же. Л. 119.

³ Там же.

⁴ Там же. Л. 9 об.

⁵ Там же. Л. 9.

⁶ Там же. Л. 28.

представление об оставлении крестьянского вопроса неразрешенным еще на 10 лет, но что Его Величество изволил признать это невозможным». Поэтому вполне оптимистичными можно считать слухи о новых сроках вероятного освобождения – «надежда на 19 февраля, но больше на 17 апреля»¹.

Смерть Я. И. Ростовцева добавила поводов для слухов. Руководство III Отделения предвидело их появление: «...без сомнения будут в народе различные толки». А потому предлагалось для опровержения использовать и силы С.-Петербургской полиции: «Не мешало бы поручить и полицейским агентам следить за оными во время масленицы, в местах, где наиболее собираются простолюдины. Уже в продолжении болезни говорили, что его отравили»², – рассуждал чиновник.

Назначение на место Я. И. Ростовцева В. Н. Панина тревожило народ: «...опасаются, что граф Панин примет сторону дворян и будет направлять дело более в пользу дворян и к угнетению крестьян»³. Дворянство же смотрела на эту кадровую перемену с нескрываемым оптимизмом: «Смерть Ростовцева и назначение Панина (думают в публике) может послужить величайшею пользою для помещиков, по той причине, что Панин, как русский вельможа, патриот и истинный приверженец прежней системы, при которой и без вольности народа Россия была сильна верою и преданностью его к престолу, а при том же как Панин, один из значительных ея помещиков, и, как известно, человек весьма расчетливый, – то будет смотреть на это великое дело совершенно с другой точки, нежели Ростовцев [Ростовцев хотел угодить государю] (...) Панин будет хладнокровно взвешивать все обстоятельства...»⁴

Серьезным подспорьем для III Отделения в опровержении слухов была гласность. Официальные документы, заявления, выступления, особенно связанные с личностью императора, разрушали тревожные настроения и стабилизировали ситуацию. 29 февраля 1860 г. руководству политической полиции докладывали, что речь императора членам губернских комитетов второго приглашения «читается во всех трактирах, харчевнях и тому подобных общественных местах с жадностью. Простолюдины вообще весьма довольны ею и восхищаются государем»⁵.

¹ ГА РФ. Ф. 109. С.А. Оп. 3. Д. 3226. Л. 92 об.

² Там же. Л. 77 об.

³ Там же. Л. 137.

⁴ Там же. Л. 109–109 об.

⁵ Там же. Л. 137.

15 апреля агенты, курсировавшие по городу, отмечали характерные настроения: «Многие почтенные благомыслящие люди в обществах и домашних кругах» говорили с удивлением, что «после всех тех порывов и нетерпеливых ожиданий свободы, которые в последнее время обнаруживал простой народ крепостного сословия», он «окончательно утвердился в надежде, что в наступающее 17 апреля – день рождения императора – непременно будет объявлена свобода и кончатся все страдания крепостного его состояния», а перед этим днем заметна в народе «какая-то изумительная тишина, спокойствие и равнодушие к этому национальному его делу»¹.

У правительства постоянно вызывали беспокойство неосторожные публикации на крестьянскую тему в изданиях, доступных для «простонародья». Только в 1860 г. было издано шесть цензурных предписаний, направленных на регламентацию допустимого содержания статей. В донесениях агентов III Отделения часто встречались упоминания, что статьи о готовящейся реформе воскрешают у крестьян надежду на скорое ее завершение. Основанием для рассылки 6 декабря 1860 г. распоряжения не перепечатывать фельетон «Петербургская летопись» и не публиковать сведений о работе редакционных комиссии послужило сообщение агента, что эта газетная публикация породила «в простом народе много толков»². Цензору, пропустившему статью, был сделан выговор. 19 февраля 1860 г. по распоряжению Главного управления цензуры было сделано замечание цензору Драшусову за то, что он пропустил в печать сообщение в № 5 газеты «Оберточный листок» об окончании к осени работы по реформе: «Это известие в простонародном листке (...) может сильно возбудить внимание и ожидание крестьян, а в случае неисполнения обещания газеты (...) даже произвести волнения и беспорядки»³.

Эти суждения были небезосновательными, что и подтверждали агенты надзора, бывавшие в тех заведениях, куда благородные господа не захаживали: «В нескольких десятках таких сборных простонародных местах, посещенных в сии последние две недели в разное время дня, только в двух или трех (и то мимоходом), между разговаривающими за чаем или закускою слышны были слова мужиков или других простолюдинов: “Ну увидим, чем то в день своего рождения Царь нас порадует?” или “Однако и ныне еще ничего не будет, бу-

¹ ГА РФ. Ф. 109. СА. Оп. 3. Д. 3227. Л. 99.

² Герасимова Ю. И. Отношение правительства к участию печати в обсуждении крестьянского вопроса. С. 99.

³ Там же.

дет, так порадуемся, а не будет, так подождем” – или тому подобные, хладнокровные, равнодушные разговоры...»¹

Особых поводов для умиления сознательностью простого народа и осознанием им важности и сложности совершаемых работ в масштабах всей страны оснований не было. «Эта видимая в настоящее время тишина здесь в черни, конечно, может быть отнесена разве только к Петербургу, а отнюдь не к внутренности России, где как слышно, струна свободы, на беду помещиков, не только все еще остается натянутою по-прежнему, но от долгого ожидания крестьян все больше и больше напрягается, а иногда, как известно, с сопровождением весьма смелых, буйных их поступков!»² – заключал осведомленный чиновник III Отделения.

В конце июня 1860 г. агент политической полиции доносил, что чиновник Лукьянов говорил, «будто 27 июня выйдет манифест об освобождении крестьян С.-Петербургской и Московской губерний, но условиями крестьяне не будут довольны, почем туда пойдут гвардейские полки, ибо ожидают бунта»³.

Более надежной датой освобождения скоро было определено 30 августа – день тезоименитства государя⁴. «В народных кружках сильно развита надежда, что к 30 августа непременно последует манифест об освобождении крестьян. Подобные речи слышны были вчера в толпах (...). Характер разговора об этом мирный, ибо большею частью слышны только одни желания, чтобы скорее освободиться»⁵, – писал агент. 11 августа вновь сообщалось: «По случаю приближения тезоименитства Государя императора в народе и мелком купечестве много толков о свободе, ожидаемой непременно к сентябрю»⁶.

Убежденность крестьян была столь высока, что они строили планы своего будущего свободного житья, рассчитывая забрать из деревни свои семьи и отказаться от земли или наоборот дворовым отправиться в деревню за землей. 25 августа в питейном доме крепостные люди генерала Комарова, по словам агента, «вели почти весь вечер разговор об освобождении крестьян. Между прочим они сказали, что

¹ ГА РФ. Ф. 109. СА. Оп. 3. Д. 3227. Л. 99 об.

² Там же. Л. 100.

³ Там же. Д. 3228. Л. 112.

⁴ Примерно на это время рассчитывал окончание работ и император. Александр II писал князю А. И. Барятинскому 24 апреля 1860 г.: «Большое дело освобождения крестьян, несмотря на всю шумиху, движется вперед... Надеюсь, что, с Божией помощью, к октябрю уже можно будет обнародовать результаты» (Письма императора Александра II князю А. И. Барятинскому (1857–1864) // Вопросы истории, 2007. № 1. С. 132).

⁵ ГА РФ. Ф. 109. СА. Оп. 3. Д. 3230. Л. 9.

⁶ Там же. Л. 35.

если к 30 не будет воли, то они в половине сентября едут в деревню и сделают... (тут последовал жест сжатым кулаком)»¹. Терпение постепенно достигало предела.

Перед тем как пускать в ход кулаки, можно было бы выявить виновников и установить обстоятельства стопорения крестьянского дела. Агент выяснил важные намерения, зревшие в народной массе: «Сиделец в штофной лавке на Гороховой улице» рассказывал, «что многие крестьяне разных господ сговорились 30 числа остановить государя во время следования в лавру и просить о даровании свободы, если она не будет объявлена к тому дню. Сидельца зовут Прошка»². На это сообщение было обращено внимание С.-Петербургского обер-полицмейстера А. Л. Потапова, чтобы предотвратить самоуправство и несанкционированное общение с монархом.

Ожидания имели массовый характер. «Слухи о том, что завтрашнего числа будет обнародован манифест об освобождении крестьян, распространились не только между черным народом, но и в среднем классе народонаселения. Вчера и сегодня по Садовой, Сенной, Апраксину переулку и на других улицах, где проходит много простолюдинов, замечено местами кучки из 3, 4 и более человек, разговаривающих о помянутом предмете, но более всего касаются его в питейных и других заведениях»³, – писал агент, прибавляя: «В кругах более образованных говорят, что хотя и ждет народ воли, но она еще не скоро будет объявлена»⁴.

29 августа 1860 г. чиновник, ведавший агентурным надзором, докладывал руководителям III Отделения: «Сделано распоряжение, чтобы агенты находились завтра у Сенатской типографии, в соборе, у Московской железной дороги и в самой Лавре. Из всех поступающих сведений надо вывести заключение, что народ более прежнего надеется на окончательное решение крестьянского вопроса не позже завтрашнего дня и поэтому, кажется, было бы необходимо принять некоторые меры предосторожности».

Меры безопасности были осуществлены. Они свелись, по сути, к предупреждению возможного общения императора и народа. Агенты зафиксировали разочарование толпы, напрасно прождавшей государя: «Так как во вчерашней церемонии удалось видеть государя императора только той части публики и простого народа, которая собралась около самого Невского монастыря, то для всей несметной

¹ Там же. Л. 82–82 об.

² Там же. Л. 82 об.

³ Там же. Л. 83 об.

⁴ Там же. Л. 84.

толпы, теснившейся по обыкновению по обеим сторонам Невского проспекта в твердом ожидании и вчера видеть парадный по оному проезд Его Величества. Эта вчерашняя церемония (как многие называли) была для большей части петербургских жителей *incognito* – чем, как ясно заметно, был не очень доволен черный народ, прождавший государя на Невском с 9-ти до 4-х. Даже узнав, что государь приехал и уехал прямо по Царскосельской машине, и тогда еще он поджидал его с видимым нетерпением, а по расходе его с Невского слышно было между народом: “Эх батюшка, ты совсем начинаешь нас забывать, сегодня на себя и поглядеть не дал, а слышно, что опять надолго едешь в Аршаву”¹.

Конец 1860 г. принес новую вспышку ожиданий. Новогодний праздник, ассоциировавшийся с обновлением и переменами, внушал оптимизм. В сводке донесений читаем: «В народе с радостным, по-видимому, нетерпением ожидают приближение нового года в надежде, что к тому времени будет обнародован указ об освобождении крестьян. Во всех общественных местах и заведениях только и слышно, что мера эта должна осуществляться через несколько недель. Курьеры разных министерств, писари инспекторского департамента военного министерства, слуги разных господ распустили в трактирах и харчевнях слухи, что крестьянское дело уже прошло Государственный совет, что указ уже печатается, но никому не велено давать ни одного экземпляра и что даже уже назначено 12 фельдъегерей для развоза этого указа по всей России»².

Подобные надежды высказывал и император, он писал 29 сентября 1860 г.: «Большое дело освобождения крестьян близится к концу и будет направлено в главный комитет, а потом в Совет с тем, чтобы, с Божией помощью, можно было к 1 января объявить манифест»³.

Опытные агенты выяснили источники распространения слухов – мелкие чиновники и слуги, жадно слушавшие в своих ведомствах и в аристократических гостиных известия о движении крестьянского дела в Главном комитете и Государственном совете. Впечатление об осведомленности их носителей побудило шефа жандармов дать поручение: «Слухи эти необходимо опровергнуть»⁴.

Любое мало-мальски значимое публичное мероприятие, проходившее под эгидой властей, связывалось с грядущим освобождени-

¹ ГА РФ. Ф. 109. СА. Оп. 3. Д. 3230. Л. 91.

² Там же. Д. 3233. Л. 111.

³ Письма императора Александра II князю А. И. Барятинскому (1857–1864) // Вопросы истории, 2007. № 1. С. 135.

⁴ ГА РФ. Ф. 109. СА. Оп. 3. Д. 3233. Л. 111.

ем. «Многие простолюдины полагали, что последний парад назначен с целью обнародования означенного указа, и были крайне разочарованы, когда ничего не последовало»¹, – докладывал агент. Вскоре заговорили о том, что в конце декабря по церквам будут читать манифест. И вновь руководство политической полиции не остается равнодушным к этим разговорам: «Слухи эти, равно и все другие о скором освобождении крестьян, приказано агентам по возможности опровергать»².

С первых дней 1861 г. стала ощущаться какая-то нервозность и напряженность. «Простой народ замечается вообще в обнаруживании необыкновенной дерзости»³. Внимание шефа жандармов привлекла информация о том, что «сын оружейного мастера Вишневский, быв вчера в гостях у одного из агентов, рассказал о слухе, будто найден склад до 3 тыс. ружей, спрятанных в сгоревшем доме», и он поручил: «Постараться узнать достовернее»⁴.

Полное полемического накала заседание Государственного совета 28 января 1861 г. подало повод сразу к нескольким городским легендам. Агент сообщал: «Рассказывали будто при выходе государя из совета ждали его какие-то три графа с намерением его убить, но не решились потому, что в соседнем манеже стоял в готовности батальон Преображенского полка с заряженными ружьями»⁵.

Другая легенда: Сенат собрался ночью и послал просить к себе государя. По прибытии Его Величества, его пригласили сесть на председательское кресло, но государь, опасаясь западни, не сел, а толкнул в кресло первоприсутствующего в Сенате, у которого тотчас отлетела голова⁶. В этой истории Д. П. Хрущев видел «старую, возобновленную сказку о каком-то кресле, наполненном острыми ножами, которое будто бы прусский король прислал в подарок императору Николаю с намерением, неудавшимся, нанести ему жестокую смерть»⁷.

Обратили внимание и на то, что в городе рассказывали, будто «на днях на колоннах решетки Летнего сада прохожие читали написанное палкой по иному следующие слова: «19 числа будет бунт»⁸.

¹ Там же. Л. 111 об.

² Там же. Л. 117 об.

³ ГА РФ. Ф. 109. СА. Оп. 3. Д. 3234. Л. 25.

⁴ Там же. Л. 28 об.

⁵ [Хрущев Д. П.] Материалы для истории упразднения крепостного состояния. Т. 3. С. 165.

⁶ Там же. С. 166.

⁷ Там же.

⁸ ГА РФ. Ф. 109. СА. Оп. 3. Д. 3234. Л. 65 об. Д. П. Хрущев сообщал, что «в летнем саду, где государь и императрица иногда гуляют, на снегу начерчены были разные

Особое внимание уделялось расквартированным в столице воинским частям. Агенты, которым «поручено следить за образом мыслей и суждениями солдат», доносили, что «в разговорах с нижними чинами разных полков о том, что они будут делать, если случится им усмирять бунт крестьян солдаты полков Литовского, Волынского и Семеновского говорят, что сделают все, что прикажут им командиры их», и только двое сказали, что «не дай бог дожить до такого, стрелять в отцов и братьев у них руки не поднимутся»¹.

Важность момента, ожидание конфликтной развязки наполняло драматургию повседневных разговоров особым смыслом. Героические сказки одна за другой фиксировались агентами. У Измайловского моста в одной ресторации несколько солдат Измайловского полка в присутствии более 20 человек народа рассказывали, что 18 февраля по городу будут разъезжать герольды, которые будут читать на площадях и перекрестках указ об освобождении крестьян; что, по разговорам в городе, к тому времени ожидают чего-то особенного и что, у них (солдат) есть секретное приказание, чтоб они не слушались команды офицеров, а исполняли строго приказания своих фельдфебелей и великих князей»². Городская молва традиционно относила офицеров к разряду враждебных реформе дворян-помещиков. В августовской сводке донесений записан спор агента с сенатским чиновником, в ходе которого последний убеждал шпиона: «...да разве вы не знаете, что почти у всякого гвардейского офицера есть крестьяне, а Государь их отнимает у них без всякого вознаграждения»³.

1 февраля 1861 г. руководству III Отделения был доложен слух о якобы замеченных егерями во время охоты Александра II «нескольких переодетых лиц с подвязанными бородами, оказавшихся помещиками, недовольными распоряжениями правительства», будто бы Александр II велел их арестовать и «сказал, что больше на охоту не поедет». «Вообще об опасности, которой подвергается государь на охоте, слышно много толков в городе, особенно в кружках мелкого купечества»⁴, – предупреждал бдительный чиновник III Отделения.

Обсуждалась простым народом и полная драматизма история о том, как «императора недавно просили пожаловать ночью в Сенат для выслушивания какого-то решения по крестьянскому делу; что он

угрозы, как то: берегитесь, будет вам плохо, и т. п.» (*Хрущев Д. П.*) Материалы для истории упразднения крепостного состояния. Т. 3. С. 166).

¹ ГА РФ. Ф. 109. СА. Оп. 3. Д. 3234. Л. 68.

² Там же. Л. 68–68 об.

³ Там же. Д. 3230. Л. 95.

⁴ Там же. Д. 3234. Л. 69 об.

и исполнил, предварив о том великого князя Константина Николаевича и взяв с собою 8 человек нижних чинов». Что именно там произошло, рассказчикам было не известно, но великий князь «вернулся во дворец раненым». Занимавшийся сортировкой слухов чиновник вынужден был покаяться в том, что об этом слухе своевременно не было донесено «по поводу его нелепости», но «ныне начал распространяться во всем городе»¹. Судя по этой сказке, в ней нашло отражение как распространенное в народе ощущение конфликта между дворянством и властями, с одной стороны, и единения Александра и Константина – с другой, а также надежда низов на то, что государь с братом отстаивают именно их интересы.

Народ установил и новую точную дату падения крепостного права: «Все простолюдины в столице, можно сказать, убеждены, что 19 февраля последует объявление крестьянам освобождения от крепостной зависимости; то же самое убеждение преобладает и внутри империи»². При этом весьма серьезной была именно надежда на защиту государем крестьянских интересов. Агенты отмечали: «Слыша о мерах предосторожности, народ задается вопросом “против кого эти меры принимаются?”». И не может себе дать другого ответа, как, «вероятно, против господ, у которых государь отнимает крестьян и которые поэтому могут быть опасны»³.

Косвенным подтверждением ожидаемой даты был и слух, записанный 9 февраля 1861 г.: «Известие о закрытии кабаков, начиная с 19 числа, разнесшееся по городу с быстротою молнии, также весьма не нравится простолюдинам, которые, как они говорят, привыкли каждое торжественное событие отпраздновать за рюмкой водки. Известно, что многие копят ко дню объявления свободы деньги в надежде покутить хорошенько и вместе с тем выпить за здоровье батюшки царя»⁴.

Слух о последнем заседании Государственного совета прибавил нервозности в общественную жизнь столицы: «...Все умы находятся в каком-то судорожно напряженном состоянии, обнаруживая то надежду, то опасение»⁵. Следствием тревожно-неопределенных слухов стал покупательский ажиотаж. «Семейства запасаются продовольствием, а народ – водкой»⁶, – докладывал наблюдатель.

¹ Там же. Л. 80.

² Там же. Л. 83 об.

³ Там же. Л. 96.

⁴ Там же. Л. 98.

⁵ Там же. Л. 99.

⁶ Там же. Л. 111.

По мере приближения знаковой даты разрастались и слухи-страхи, противоположные по своей социальной адресности, но одинаково опасные по обещаемым последствиям. Безосновательность одних шефу жандармов доказывал 11 февраля 1861 г. С.-Петербургский обер-полицмейстер Паткуль: «Слухи и страх о каком-то необыкновенном съезде дворян в Петербурге, по-моему, не имеют основания, ибо с января по 10 февраля прибыло дворян служащих и не служащих 1256 ч. В то же время убыло их 945, затем осталось из приехавших 311»¹. Вроде бы никакого дворянского заговора не намечалось, статистика не фиксировала обещанного притока дворян-заговорщиков.

Затем взялись разыскивать таинственную женщину, которая «в нетрезвом виде являлась в питейное заведение и объявляла, ежели 19 февраля не будет объявлена вольная, то 20 числа будет бунт (...) одета она в ветхом, черном, суконном салопе, на голове капор из черной шелковой материи, высокого роста, большой нос, лицом черная, волосы на голове черные с проседью, на левой щеке большая царапина»².

Только разобрались со своими «мятежниками», как 18 февраля 1861 г. появился слух, что в Петербург едут 20 тыс. польских бунтовщиков. Говорили о чрезвычайных мерах, принимаемых властью, якобы «с сегодняшнего дня никого не будут пускать в город, что завтра всем обывателям столицы запрещено будет выходить со двора, что к воротам каждого дома, кроме дворников, приставлены будут два часовых, что сегодня вечером помещики намерены собраться в Зимнем дворце, чтобы упросить государя не объявлять еще народу свободы»³.

До последнего момента в настроениях простого народа сохранялась альтернатива непринятия, отсрочки реформы. Поговаривали уже о 1862-м годе и освобождении крестьян в ознаменование тысячелетия русского государства⁴ или: «...свобода крестьян начнется в 1862 году, ровно через сто лет после свободы дворянству»⁵.

Власти, рассчитывая обезопасить обывателей от чрезмерного ликования, перенесли дату объявления манифеста на 5 марта 1861 г. Об этом и поручено было говорить повсеместно. Тем не менее чиновник III Отделения докладывал о непростой обстановке в столице: «Хотя в городе уже начинают распространяться слухи о том, что Манифест

¹ ГА РФ. Ф. 109. С.А. Оп. 3. Д. 3234. Л. 106а

² Там же. Л. 110 об. – 111.

³ Там же. Л. 122 об.

⁴ Там же. Д. 3231. Л. 1–1 об.

⁵ [Хрущев Д. П.] Материалы для истории упразднения крепостного состояния. Т. 3. С. 174.

об освобождении крестьян не будет обнародован 19 февраля, а на второй неделе великого поста, но многие не хотят этому верить, потому что полагают подобную отсрочку опасною для общественного спокойствия, ибо народ не только в столице, но и внутри государства до того убежден, что участь его должна решиться 19 февраля, что если этот день пройдет без ожидаемого объявления свободы, то народ подумает, что Правительство его морочит и что крестьянское дело отложено в долгий ящик»¹.

По прочтении доклада шеф жандармов В. А. Долгоруков распорядился: «Усилить сведение, что обнародование манифеста будет Великим постом»².

Даже сама организация торжественного дня внушала беспокойство с точки зрения общественной безопасности: «...в день 19 февраля (...) простой народ легко может огромными массами броситься ко дворцу не с целью предпринять что-либо против государя и его августейшего дома, а единственно с целью оградить его от демонстраций дворянства и помещиков, угрожающих ему будто бы с этой стороны опасностей»³.

Агент записал высказывание «одного благомыслящего морского офицера», полагавшего, если в Сенатской типографии будет продаваться манифест, то на Петровской площади соберется до 100 тыс. человек, и «если недоброжелатель крикнет “жизнь царя в опасности”, вся толпа кинется ко Дворцу. Где ее, без сомнения, встретят картечью, и тогда сколько невинных жертв должны будут поплатиться жизнью»⁴. По содержанию столичных пересудов власти предполагали возможные варианты стихийного поведения масс, которые необходимо было учитывать. Обеспечение общественного порядка становилось важнейшей задачей структур, ведавших вопросами безопасности.

В канун ожидаемой даты было опубликовано объявление С.-Петербургского генерал-губернатора, что «19 февраля никаких правительственных распоряжений по крестьянскому делу обнародовано не будет». Ф. В. Одоевский записывал в дневнике: «Все спокойно. Никто и не думает шалить. Предосторожности всех удивляют – они беспричинны (...). В верхних слоях (...) жалуются, что суэта полиции, приказание дворникам не спать лишь наводят народ на мысль, что можно побунтовать, что все слухи происходят от глупых шпионов,

¹ ГА РФ. Ф. 109. СА. Оп. 3. Д. 3234. Л. 111.

² Там же.

³ Там же. Л. 94.

⁴ Там же.

которые несут всякий вздор, чтобы угодить начальству и удовлетворить его опасениям и проч. и проч.»¹.

В спокойной ситуации предпринятые меры предосторожности казались нелепыми и стали поводом для анекдотов: «Одного дворника, который, выпивши, сказал: “Ну, теперь выпьем за волю”, – высекли. Один дворник [на вопрос], зачем их призывали в полицию, отвечал, что говорили 19-го не бунтовать, а отложить до поста. Извозчик спрашивал, – что это, батюшка, значит – нам волю дают, так зачем же бунт заказан?»²

Общественным спокойствием был доволен и Александр II. Он писал 7 марта 1861 г.: «Несмотря на все панические страхи, все прошло спокойно и в совершенном порядке. Пусть так будет и в остальной Империи...»³

Слухи – как отражение общественного мнения, как трактовка значимых событий и частных эпизодов повседневной жизни влиятельных фигур российского государства – были сильным средством воздействия, дополнительным охранительным аргументом в соперничестве за влияние на императора.

Выше отмечалось, что в конце 1850-х – середине 1860-х гг. борьба за содержание реформ приобрела невиданную остроту. Политические оппоненты использовали не только традиционный путь – предоставление собственных проектов и записок, но и вступали в коалиции, готовили демарши, искали пути воздействия на императора через членов его семьи и ближайшее окружение. Главный начальник III Отделения имел право докладывать императору в любое время, общался с ним практически ежедневно, сопровождал государя в поездках по стране. Использовал ли ресурс особого доверия глава политической полиции в противостоянии со своими оппонентами? Информационная база для подобных действий была обширной: агентурные записки, информация, собранная на улицах и рынках, в кабаках и банях, салонах и гостиных, докладывалась императору, правда, угол зрения, акценты, да и набор фактов определялся докладчиком.

Вел. кн. Константин Николаевич был постоянным героем полицейских донесений, фиксировавших городские слухи и толки. Молва отслеживала и комментировала буквально каждый его шаг, каждое публичное действие. Преимущественно замечались мелкие детали, дававшие повод для негативной оценки и порицания. Сведения из

¹ *Одоевский Ф. В.* Текущая хроника и особые происшествия. С. 129.

² Там же.

³ Письма императора Александра II князю А. И. Барятинскому (1857–1864) // Вопросы истории, 2007. № 1. С. 137.

иностранный прессы обсуждались и перетолковывались в образованных слоях столичного общества с довольно критичным подтекстом. В период пребывания Константина Николаевича за границей распространялись слухи о необычайной дороговизне этого путешествия. Якобы поездка великого князя стоила до 4 млн руб., «не говоря об издержках сопровождающей его эскадры»¹. Тема нерациональных денежных трат на представительские расходы и бытовой роскоши в истощенной войной и экономическим кризисом стране была выигрышна для создания негативного образа. Отсутствие каких-либо достоверных фактов этому никак не мешало. Так, известие о приготовлениях к свадьбе вел. кнг. Марии Николаевны сопровождалось комментарием о намерении «блеском своим затмить бывшие в Париже праздники во время пребывания там Константина Николаевича»².

Пересуды о статье в одной из французских газет, посвященной затратам на пребывание коронованных особ в Париже, и то обстоятельство, что в ней не были упомянуты представители русского двора, интерпретировались следующим образом: об издержках на угощение вел. кн. Константина Николаевича не упоминается, «вероятно, из деликатности и чрезвычайной вежливости парижан к русским»³. Расточительность, по сути, ассоциировалась с фигурой царского брата.

Публикуемые французской печатью сообщения о деталях путешествия великого князя интерпретировались столичной молвой главным образом негативно. «В заграничных газетах пишут, что вел. кн. Константин Николаевич чуть не задавил старуху. Хорошо, говорят, что с ним не было русского кучера, как прежде наши цари брали за границу. Неловкость французского кучера ни один француз не отрицает, а будь это с русским кучером, так его закидали бы насмешками и упреками в незнании своего дела»⁴, – сообщал агент, фактически констатируя, что публику волновало не происшествие, а то, что могло произойти и негативно повлиять на репутацию представителя русского двора.

Порицалась и публикация в «*Illustration*»⁵ портрета Константина Николаевича, где «29-летний великий князь, полный здоровья и жизни, изображен 50-летним арапом или трубочистом»⁶. Из уст

¹ ГА РФ. Ф. 109. С.А. Оп. 3. Д. 3213. Л. 57.

² Там же. Л. 86.

³ Там же. Л. 90.

⁴ Там же. Л. 65.

⁵ *L'illustration* («Иллюстрация») – еженедельный журнал, издавался в Париже с 1843 по 1944 г. Журнал защищал христианские ценности и был русофильским во время франко-русского союза. – *Примеч. ред.*

⁶ Там же. Л. 58.

в уста передавались слухи о его неловком поведении, обратившем на себя внимание французской аристократии: «Многие находят не совсем приличным напечатанную на днях в газетах статью из Парижа, что будто бы великий князь Константин Николаевич при первом свидании с французской Императрицею с таким чувством и жаром поцеловал ее прекрасную Андалузскую ручку, что поцелуй раздался по всей зале и заставил французских царедворцев заметить, что это был поцелуй настоящего моряка»¹.

Не одобряли «уже через чур выдаваемую Константином Николаевичем за границу любознательность». Агент фиксировал довольно острое замечание: «Он человек умный, чрезвычайно сведущий в математических и других науках, входящих в его часть, а при посещении Арсеналов, Музеумов и прочих ученых заведений – он необыкновенно торопливо бегал, не выпуская из рук фута (метра) – измеряя и примеряя каждую штуку, каждую модель в зале. (...) Как будто никогда ничего подобного не видел у себя в России»².

Общий смысл суждения заключался в порицании демонстративного преклонения перед Западом и умаления российского опыта: «Право, прошли уже те времена, где Россия должна была удивляться иностранной премудрости, – теперь и иностранцы могут от нас кой-чему научиться. И после всего этого мы еще удивляемся, что за границею называют нас несцивилизованными вандалами и северными варварами, среди вечных своих снегов погруженными в глубочайшее невежество»³.

Подобное заискивание расположения европейской общественности преследовало вполне определенные политические цели: «Впрочем, этим обнаруженным великим князем за границею чрезмерным любознанием и жаждою к наукам приобрел он славу быть там сравненным с Петром Великим»⁴. Поведение «не по чину» выливается и в сравнение «не по чину»: мол, не Александр II, а царский брат своим поведением напоминал великого государя.

Такое противопоставление, по сути, стравливание императора и его брата станет излюбленным приемом политтехнологов того времени⁵. Но, как видно из дальнейшего рассказа агента, это было скорее пародийное, уничижительное сравнение: «Его Высочество, говорят,

¹ ГА РФ. Ф. 109. СА. Оп. 3. Д. 3213. Л. 74.

² Там же. Л. 60.

³ Там же. Л. 60 об.

⁴ Там же.

⁵ Чуть позже агенты сообщали, что в разговорах по городу, особливо здешние иностранцы называют его «регентом» (ГА РФ. Ф. 109. СА. Оп. 3. Д. 3213. Л. 115).

на весьма большие суммы приобретает там разные ученые предметы, подобно тем, кои и без того уже теперь наполняют без существенной пользы Музеумы и кладовки в Адмиралтействе и из коих многие с незапамятных времен остаются даже еще не вынутыми из ящиков и навсегда забытыми»¹. И с новыми экспонатами и инструментами будет, вероятно, то же самое, «а русские денежки за них ушли как ушли!»² Дорогостоящие покупки представлялись не только как пример бессмысленной расточительности, но и как признак внешней подражательности, свидетельствующий о властных амбициях брата императора.

Вероятно, чтобы не будоражить русскую публику новостями французских газет, пристально следивших за поведением, протокольной точностью и соблюдением церемониальных ритуалов высокопоставленным путешественником, было принято решение о запрете подобных публикаций. Но «помарки почтовой цензуры» вызвали еще больший интерес к содержанию иностранных газет: «...если статьи зачернены, то они должны чрез меру быть колки и обидны для чести Его Высочества или заключать в себе наглую, совершенно несправедливую ложь. Что после этого значат все громкие похвалы, возгласы и удивления, кои сопровождали великого князя за границей, за ученость, любезность, великодушие его. Неужели все это была утонченная заграничная маска, которая спала по возвращении его в отечество и обличила тех же иностранцев в криводушии и коварном лицемерии»³. Новая манера поведения – открытость вел. кн. Константина Николаевича, – разрушавшая традиционный стереотип поведения, принятый при русском дворе, его величия, небрежения обыденностью земных дел, недвусмысленно порицалась под видом разоблачения насмешек и коварства европейцев.

Аналитики III Отделения заметили особенность общественных настроений: столичной публике приятно видеть «возвращение в Отечество наших царских лиц, (...), столь долго рассеянных по всей Европе»⁴. Правда, в отношении вел. кн. Константина Николаевича это правило не действовало. Сообщалось, что чиновники Морского министерства со страхом ожидают возвращения, «предвидя множество проектов нововведений по всем частям вверенной ему морской части, как плоды его путешествий за границу»⁵. Беспокоило также,

¹ Там же. Л. 60 об.

² Там же. Л. 61.

³ Там же. Л. 128.

⁴ Там же. Д. 3214. Л. 136 об.

⁵ Там же. Д. 3213. Л. 78.

что необдуманные действия молодого государственного деятеля могут негативно повлиять на национальную безопасность. В этом плане показателен слух, что Константин Николаевич везет с собой в Россию «несколько человек французской прислуги». Это не одобряют не только потому, что «иностранные слуги, говорят, всегда вредны по высокомерному повелительному тону, который они позволяют себе против русских, и через то посевают между ними всегдашнюю вражду», но и в связи с тем, что в такой прислуге «почти всегда бывают тайные агенты их правительств, и если достигнут какого-либо влияния над нашими царскими лицами, то непременно употребляют в пользу себе, а русским во зло!»¹

Опасное влияние Запада, с точки зрения патриотично настроенных распространителей слухов, скоро стало себя проявлять в действиях великого князя. Говорили, что Константин Николаевич «необыкновенно весел и чрезвычайно доволен своей поездкой за границу», что «он с большим удовольствием говорит о чужих краях, особливо о Франции»². В числе первых его распоряжений упоминали приказ о прекращении работ в Кронштадте и Адмиралтействе по постройке 125-пушечного корабля «Император Николай I». Агенты доносили, что Константин Николаевич «будто бы между прочим заметил, что лучше вовсе у нас прекратить постройку военных кораблей, потому что все это во Франции гораздо лучше и дешевле»³.

Негатив усматривали даже в его внешности: «...похудел, как бы не совсем здоров», хотя «в нем заметна прежняя живость и суетность»⁴. Интересно, что для характеристики действий великого князя избрано не слово «деятельность», а приниженное по смыслу «суетность». «Обществом» порицались проявления всем «известной страсти великого князя к бесконечным проектам и нововведениям»⁵. В то же время слух о намерении направить 50 молодых офицеров на два года служить во французский флот, оценивался молвой как «благоразумный проект», который чрезвычайно сблизит существующие уже ныне между Россией и Францией дружеские отношения»⁶.

Возвращение вел. кн. Константина Николаевича в С.-Петербург, естественно, повлекло его в обсуждение крестьянского вопроса и активизировало недоброжелателей. Можно предположить, что именно

¹ ГА РФ. Ф. 109. С.А. Оп. 3. Д. 3213. Л. 59 об.

² Там же. Л. 110.

³ Там же. Л. 111.

⁴ Там же. Л. 110.

⁵ Там же. Л. 78 об.

⁶ Там же. Л. 138, 140.

для успокоения дворянства был распространен слух, принесенный полицейским агентом: «Говорят, что, кроме своего Морского министерства, решительно не мешается ни в какую другую часть государственного управления»¹.

В 1858 г. в связи с волнениями среди псковских крестьян-духоборов заговорили о поддержке великим князем отступников от православной церкви. В полицейской сводке сообщалось, что Константин Николаевич – по слухам – «почитается раскольниками покровителем и ходатаем перед государем о прекращении преследования их»².

20 января 1858 г. руководством III Отделения сообщили о распространении слуха о конфликте кн. А. Ф. Орлова и вел. кн. Константина Николаевича по вопросу защиты дворянских интересов в реформе»³. В агентурном донесении Председатель Государственного Совета, бывший шеф жандармов кн. А. Ф. Орлов выступал как защитник всего дворянского сословия, в то время как олицетворением зла, символом опасности и неуважения к «первенствующему сословию» («наплевать на дворян») представлял брат императора.

Этот слух оказался довольно «живучим». В несколько усеченной формулировке он зафиксирован в конце того же года. Агент докладывал, что «содержатель цирюльной лавки Николай Антонов утверждал, что высшие правительственные лица, особенно же кн. Орлов, явно противятся освобождению крестьян и что последний даже имел ссору за это дело с вел. кн. Константином Николаевичем»⁴.

Распространились и так называемые «слухи-страхи»⁵. В III Отделение поступили сведения «о ропоте помещиков» в Новгородской губернии на государя, сообщали также, что особенно бранят они Константина Николаевича, «который подстрекает Его Величество к приведению в исполнение этой меры не из любви к человечеству, а из своих личных видов, причем толкуют, что государю лучше отдалить от себя такого ужасного советника, которого давно уже следовало задушить»⁶. В этом сообщении важно не только прямое указание на способ расправы, но и попутное упоминание каких-то «личных видов», делавших из брата императора «ужасного советника».

¹ Там же. Л. 133.

² Там же. Д. 3216. Л. 165.

³ Там же. Л. 33.

⁴ Там же. Д. 3220. Л. 104.

⁵ Побережников И. Типы слухов в традиционном обществе (восточные регионы России в XVIII–XIX вв.) // Слухи в России XIX–XX веков. Неофициальная коммуникация и «крутые повороты» российской истории. Челябинск, 2011. С. 180–182.

⁶ ГА РФ. Ф. 109. СА. Оп. 3. Д. 3216. Л. 140.

О желательности для помещиков отстранения великого князя от дел, но более элегантно, «дворянским», способом, говорил и упомянутый выше Николай Антонов, утверждая, что вел. кн. Константин Николаевич «один только и поддерживает государя (...) за что все помещики негодуют», и «надо полагать, что они вызовут его на дуэль»¹.

В столице заговорили о конфликте между императором и его братом. С.-Петербургская полиция докладывала: «На днях слышны были три или четыре разговора о том, будто бы вел. кн. Константин Николаевич подвергся за некоторые из своих проектов гневу государя и что по тому случаю Его Высочество уезжает из России под предлогом посещения портов Средиземного моря»². Косвенно подтверждал разногласия в императорской семье и слух о письме молодого кн. Н. А. Орлова, в котором тот убеждал великого князя отложить поездку за границу, ибо «в отсутствие его могут быть самые важные вопросы решены не так, как следует, и не согласно с его видами и пользами России, что отъезд его лишит государя нравственной поддержки, совершенно для него необходимой...»³ Примечательно, что в так называемом письме Орлова понятие «пользы России» совпадает с взглядами («видами») Константина Николаевича, а не Александра II. В той или иной степени в приведенных выше слухах отмечался факт значительного влияния великого князя на государя, именно это обстоятельство, а точнее, предполагаемые претензии великого князя на доминирование, представлено причиной конфликта, и планируемый отъезд воспринимался как нечто вроде добровольной ссылки или отступление.

По словам близкого к вел. кн. Константину Николаевичу П. А. Кускова, «Государь способствовал отчасти сам порождению ложных слухов об его отношениях к великому князю. Он вел себя публично по отношению к нему очень сдержанно». И далее: «Надо думать, это происходило от того, что в то время постоянно кипела работа, душой которой был великий князь, постоянно шли бури по решению тех или этих вопросов, и показывать явно нежность и расположение к великому князю значило бы раскрывать свои карты»⁴.

Любопытным примером использования в 1858 г. «черных» PR-технологий является сохранившийся в делах III Отделения доку-

¹ ГА РФ. Ф. 109. С.А. Оп. 3. Д. 3220. Л. 104.

² Там же. Д. 3219. Л. 201.

³ Там же. Д. 3220. Л. 75 об.

⁴ Воспоминания П. А. Кускова о великом князе Константине Николаевиче. Вторая половина XIX в. // Исторический архив, 2008. № 4. С. 171.

мент, целиком посвященный великому князю Константину Николаевичу. В своем донесении агент последовательно перечисляет разнообразные конфликтные ситуации, связанные с личностью царского брата: «Великому князю случалось много раз горячо оспаривать членов Государственного Совета при обсуждении или решении дел – это послужило поводом к неудовольствию. По настоянию великого князя смягчена система действия против раскольников, что возбудило неудовольствие духовенства. Гласное удаление Мафета¹ вооружило большинство военных, которые в этом видели пример, могущий пасть и на них. В бытность великого князя в 1857 г. в Париже, он указал гр. Киселеву² на злоупотребления и беспорядки чинов нашего Посольства. Указание это было принято гр. Киселевым с благодарностью, но тем не менее оно возбудило неудовольствие многих чиновников Министерства иностранных дел»³. Естественно, не был забыт и крестьянский вопрос: «В деле освобождения крестьян настойчивость великого князя о наделе усадьбами и землей вооружило против него огромное сословие помещиков, которые по изданию рескрипта, не смея порицать особу Государя, осуждали действия великого князя. Многие недовольны, что великий князь не ездит к ним на балы и не приглашает к себе»⁴. Любопытно понимание того, как недовольство помещиков государем переносилось на персону Константина Николаевича. Последняя категория недовольных обнаруживалась в среде купцов и промышленников: «Кокорев подавал великому князю проект об отделении Министерства торговли и промышленности от Министерства финансов, где объяснял, что министр торговли должен быть избран непременно из высшего русского купечества. Просьба его оставлена без уважения. Это оскорбило его самолюбие, а также и большинство его приверженцев»⁵. Агент III Отделения старательно перечислял обстоятельства, вызывавшие недовольство действиями Константина Николаевича со стороны членов Государственного совета, духовенства, военных, чиновников МИДа, «огромного сословия помещиков», купечества и столичной знати, не только для того, чтобы убедить полицейское начальство в наличии у осведомителя «разнородных его связей», но и для доказательства, что «слух о привер-

¹ С. И. Мофет – капитан 2-го ранга. Командир кораблей, на которых совершал плавание вел. кн. Константин Николаевич. Впоследствии адмирал.

² П. Д. Киселев – российский посол во Франции в 1856–1862 гг.

³ ГА РФ. Ф. 109. СА. Оп. 3. Д. 1963. Л. 1.

⁴ Там же. Л. 1 об.

⁵ Там же.

женности всех сословий в России к великому князю был распускаем с целью навредить ему»¹.

Таким образом, доказав, что Константин Николаевич скорее ненавидим, чем любим высшими сословиями, агент III Отделения, видимо, выполнил порученное задание по опровержению нелепого, но опасного слуха. Навредить этот слух мог только расстройством личных отношений великого князя со старшим братом, следовательно, к этому могли стремиться лица, разжигавшие ревнивое соперничество и рассчитывавшие, что семейный конфликт приведет к удалению «конкурента», якобы пользовавшегося широкой поддержкой. Судя по названию документа, эта записка была адресована Александру II и вел. кн. Константину Николаевичу. В то время, когда печать не могла ни порицать, ни хвалить должностных лиц, высших сановников, особ императорского дома, III Отделение не только информировало государя, но и любезно передавало сводку критических оценок непосредственному адресату недовольства. Такая вот дозируемая и направляемая гласность...

Зафиксированный весной 1859 г. слух повторял традиционные пересуды прошлых лет: «Общее мнение, что вел. кн. Константин Николаевич должен был уехать за границу на три года по требованию Государственного совета, так как он, принадлежа будто бы к раскольникам, слишком стал защищать их, а также за то, что по поводу крестьянского дела грубо обращался с членами Главного комитета»².

В начале 1860 г. в сводке городских толков появилось разнообразие. Агент сообщал: «...случайно узнано на днях, что вел. кн. Константин Николаевич после возвращения своего с Востока будто бы чрезвычайно пристрастился к алхимии»³. Для придания правдоподобности столь странному известию нужны были конкретные детали, внушавшие доверие. Якобы один из адъютантов великого князя по его поручению посетил итальянца Жустиниани и закупил «самые редкие и древние алхимические сочинения». Кроме того, сам Жустиниани начал уже давать князю уроки латинского языка⁴. Следом появились более реалистичные слухи из Кронштадта, будто там великий князь «встретил неудовольствие со стороны морских офицеров на данном им бале и даже был ошикан». Причиной столь откровенной фронды молва называла «последовавшие недавно по флоту преобразования, по коим многие лица лишились службы». Говорили даже

¹ ГА РФ. Ф. 109. СА. Оп. 3. Д. 1963. Л. 1–1 об.

² Там же. Д. 3224. Л. 14 об.

³ Там же. Д. 3226. Л. 4.

⁴ Там же. Л. 4 об.

о проведенных арестах и начале следствия¹. Почти через двадцать дней агенты зафиксировали слух-опровержение: «...слух об ошикании Константина Николаевича оказался ложным, хотя говорили, что выбили даже стекла в его покоях». На полях записки шеф жандармов В. А. Долгоруков написал: «Это я уже давно знал». Видимо, проверку столь важного слуха провели по горячим следам.

На завершающем этапе обсуждения крестьянской реформы в Главном комитете по крестьянскому делу и Государственном совете шеф жандармов В. А. Долгоруков и министр государственных имуществ М. Н. Муравьев предприняли попытку отложить согласование итоговых документов для последующего уточнения и доработки и тем самым затянуть на неопределенный срок принятие Положений. Содержание этого обсуждения нашло отражение в слухах, зафиксированных С.-Петербургской полицией: «Теперь много разговоров в публике о нынешних весьма шумных будто заседаниях Государственного Совета по крестьянскому делу. (...) говорят, что благоразумные, основанные на неоспоримых истинах, представления и доводы некоторых членов поколебали и намерения Его Величества окончить дело с желаемую им быстротою». Оправдание действий В. А. Долгорукова – М. Н. Муравьева подтверждалось пересказом разговора, якобы состоявшегося между вел. кн. Константином Николаевичем и М. Н. Муравьевым. На слова великого князя, что он «удивлен нынешним его упорством в этом деле, тогда как он всегда его знал как либерального человека», Муравьев будто бы отвечал: «Я могу быть либералом в других отношениях, ни один истинно русский не должен быть либералом там, где идет дело о недопущении распада, может быть, России, от поспешного, незрело обдуманного предприятия»². Как видим, обвинение либералов в отсутствии патриотизма стало расхожим штампом уже в 60-х годах XIX в.

Приведенные суждения были характерны для консервативных чиновников, ожидавших неминуемых структурных реформ в управлении; помещиков, страшившихся переворота в поземельных отношениях; обывателей, порицавших отход от традиционных устоев николаевской России, т. е. для всех, кто опасался перемен и видел их первопричину в действиях брата императора.

Для крестьян великий князь Константин Николаевич был фигурой цельной, с определенной позицией (в защиту крестьянских интересов), не подверженный колебаниям и не боящийся дворянской фронды. В декабре 1858 г. агент пересказывал в своем донесении,

¹ Там же. Л. 20.

² Там же. Д. 3234. Л. 73.

что говорил «в мелочной лавке крестьянина Яковлева подручный мальчик Константин при бытности посторонних лиц»¹. Мальчик утверждал, что Александр II «страшно кутит, пьянствует и играет в карты с графами (...). Все хорошо делает только один Константин Николаевич, называющий государя за приятельское отношение с подданными – бабою»².

В воображении крестьян, с таким нетерпением жаждавших воли, рождалась иррациональная фантастическая конструкция, элементами которой стала мнимая семейная неустроенность государя, отказ от традиционных ролей; в основе этой конструкции лежали вполне рациональные представления крестьян о нормах поведения: мужик дело делает, баба языком мелет. Константину Николаевичу приписывалось истинно царское поведение: «все хорошо делает». В августе 1860 г. агент доносил, что «крестьяне, торгующие на Андреевском рынке, толкуют будто бы вел. кн. Константин Николаевич поедет по России для осмотра крестьянских комитетов. Это будто бы угодно государю, дабы присутствием великого князя, который за все принимается серьезно и строго, в скорейшем времени подвинуть дело к концу». Как видим, в народном представлении царский брат – верный соратник государя и гарант скорого окончания дела³. С обнаружением манифеста народная благодарность звучала повсеместно: «Вел. кн. Константина Николаевича простолюдины превозносят (...) до небес, в особенности после прочтения высочайших рескриптов»⁴. И следом сообщение, что в харчевнях близ Сенной «пили за здоровье великого князя при криках “Ура!”»⁵.

В то же время в серьезной и даже трагической ситуации великий князь – в сравнении с императором – проигрывал по популярности. В апреле 1865 г. при известии о смерти в Ницце наследника престола Николая Александровича по Москве моментально разнесся слух, что «будто цесаревича отравили вел. кн. Константин Николаевич или его супруга “Константиных”»⁶. Никакие былые заслуги, заступничество за народ, надежды и ожидания не защитили от мифического клейма «отравителя».

Сам великий князь, конечно, тяготился такими настроениями. Он признавался П. А. Кускову: «...я не знаю, почему мною занимались всегда в обществе, и занимались преимущественно недовольные его

¹ ГА РФ. Ф. 109. СА. Оп. 3. Д. 3222. Л. 56.

² Там же.

³ Там же. Д. 3230. Л. 77.

⁴ Там же. Д. 3235. Л. 11.

⁵ Там же. Л. 11 об.

⁶ *Валуев П. А. Дневник министра внутренних дел: В 2 т. М., 1961. Т. 2. С. 33.*

элементы. С моим именем связывались иногда самые нелепые, самые бессмысленные их упования. Очень, например, распространен был слух, что я заявляю претензии на престол как первый родившийся уже после того, как батюшка сделался императором. Глупее этой чепухи ничего быть не могло. И сунулся бы я при батюшке выразить что-нибудь подобное! К этому, впрочем, располагало мое особое какое-то положение в семье. Во мне всегда подозревали какое-то упорство, строптивость, и постоянно принимались меры к его обузданию»¹.

Новые преобразования породили новые разногласия в обществе, а как отголосок их – старые слухи. 29 ноября 1865 г. агент доносил услышанные разговоры о Константине Николаевиче, якобы «который по каким-то личным неприятностям с государем императором оставляет Россию и поселяется за границей»².

Были ли подобные слухи инспирированы тайной полицией? Вряд ли можно дать определенный ответ. Сам вел. кн. считал, что III Отделение, во всяком случае в период главнона начальствования в нем П. А. Шувалова, именно этим и занималось. Мнение Константина Николаевича изложил П. А. Кусков: «На шефе жандармов лежала обязанность докладывать постоянно государю о всех слухах, какие ходили по городу о членах царской фамилии. Граф Шувалов – личный враг Константина, пользовался этим, чтобы распускать через своих агентов по городу при всяком удобном случае всякие компрометирующие великого князя слухи, чтобы иметь случай всеподданнейше доложить об этих ходящих в городе нелестных, конечно, слухах Государю императору. Расчет был тот, что все-таки подготавливается почва, чтобы поссорить их»³. Слухи являлись мощным орудием в политической борьбе в условиях персонализации власти и возможности влиять на принятие решений через дискредитацию соратников даже из ближайшего окружения императора.

¹ Воспоминания П. А. Кускова. С. 203.

² ГА РФ. Ф. 109. СА. Оп. 3. Д. 3241. Л. 10.

³ Воспоминания П. А. Кускова. С. 170.

Глава 4

ОППОЗИЦИОННОСТЬ И ВОЛЬНОМЫСЛИЕ В КОНТЕКСТЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Ретроспективная оценка антиправительственных выступлений в «Обзоре деятельности III Отделения С. Е. И. В. к. и корпуса жандармов за 25 лет. 1826–1850» весьма лаконична¹. Начинаясь с констатации, что «первые действия III Отделения заключались в распоряжениях относящихся до преступников 14 декабря 1825 года: в размещении их в Сибири и других местах, в постановлении правил о том, как поступать с ними, в наблюдении за их поведением и за тем, не остались ли следы преступления их в России»². Согласно этим наблюдениям «число дерзких, намеревавшихся в превратном образе мыслей своих изменить государственный порядок было не более как горсть людей в обширном населении нашей империи; все прочие подданные его Величества с ужасом узнали о злоумышлении и извъяляли к преступникам презрение и сильнейшее негодование»³.

Далее бегло упоминалась деятельность Ипполита Завалишина, который «собирал в Оренбурге тайное общество с целью изменить в России монархическое правление»⁴. Этот кружок, возникший после казни декабристов и раскрытый властями в 1827 г., прошел достаточно традиционный путь от просветительства к революционности, оформившейся во многом благодаря провокационным действиям И. Завалишина», а также других участников антиправительственного движения: чиновника Н. Лушникова и братьев Критских (Петра, Михаила и Василия), Д. Тюрина; они, по данным полиции, «злоумышляя ввести в нашем отечестве конституционное правление и предполагали, по созрении плана их положить возмутительную

¹ Обзор протестных действий одиночек, антиправительственных прокламаций и надписей, сообщений о неблагонадежности преподавателей, священников, слуг, вольнодумстве студентов и т. п. предпринят в работах: *Федосов И. А.* Революционное движение в России во второй четверти XIX в. (революционные организации и кружки) М., 1958; *Чукарев А. Г.* Тайная полиция России. 1825–1855 гг. М., 2005.

² ГА РФ. Ф. 109. СА. Оп. 3. Д. 533. Л. 5 об. – 6.

³ Там же. Л. 6–6 об.

⁴ Там же. Л. 8 об. – 9.

прокламацию на памятник Минину и Пожарскому»¹. До практических шагов дело не дошло, хотя, по мнению историка И. А. Федосова, это был создан зачаток революционной организации, разгромленной в самом начале своего существования².

Энергичные действия различных охранительных структур, прекававших вольномыслие даже на уровне дебатов в кругу единомышленников, способствовали стабилизации политической ситуации в стране.

Составитель Обзора отмечал: «Эти злоумышления, равно как и другие, менее важные, были обнаруживаемы своевременно, и виновные подвергнуты заслуженным наказаниям. Строгость и быстрота розысканий, особенно тяжкая участь, справедливо постигшая преступников 14 декабря, навела такой страх на людей неблагонамеренных, что пример казни их остался надолго памятным, и после того, при неусыпной бдительности жандармов, собственно в России сделались невозможными ни продолжительное существование в тайне, ни обширное распространение какого бы ни было злоумышления»³. Инструменты стабилизации ситуации обозначены четко: устрашение и «неусыпная бдительность жандармов».

В период польского восстания 1830–1831 гг. в Москве была пресечена деятельность группы Н. П. Сунгурова, стремившегося к введению конституционного порядка в стране⁴.

Следующее, достойное внимания императора, «злоумышление» было обнаружено в 1832 г. в Грузии. Там «составлялся заговор с целью восстановить самобытность Грузии; но заговор этот, открытый своевременно, почти не обратил на себя внимание публики как по неисполнимости замыслов, так и потому, что потомки прежних Царей Грузии не имеют даже там никакого значения»⁵. Единой согласованной программы у заговорщиков не было, спектр политических устремлений был достаточно широк, не исключая восстановления государственной независимости и правления династии Багратионов⁶.

Другое происшествие, на которое обратили внимание жандармы, произошло в 1834 г.: «В Москве же несколько молодых людей и студентов: Соколовский, Уткин, Ибаев и другие собирались вместе, пели пасквильные песни и дерзко отзывались насчет правительства,

¹ Там же. Л. 9.

² Федосов И. А. Указ. соч. С. 99

³ ГА РФ. Ф. 109. С.А. Оп. 3. Д. 533. Л. 9–9 об.

⁴ Федосов И. А. Указ. соч. С. 93–102.

⁵ ГА РФ. Ф. 109. С.А. Оп. 3. Д. 533. Л. 45–45 об.

⁶ Дьяков В. А. Освободительное движение в России 1825–1861. М., 1979. С. 185–189.

не составляя между собою никакого общества»¹. В числе пострадавших по этому делу оказался и будущий оппонент правительства, основатель вольной русской типографии в Лондоне – А. И. Герцен. Он, правда, песен не распевал и даже не был на той вечеринке, но найденных у него бумаг оказалось достаточно для высылки в Вятку под надзор полиции.

Раскрытое в 1847 г. украинское тайное братство – «Славянское общество святых Кирилла и Мефодия» – в «Обзоре» не упомянуто, видимо, потому что представляло собой, по заключению шефа жандармов А. Ф. Орлова, «не более как ученый бред трех молодых людей». Интересно оно с точки зрения жандармского инструментария. Учредители общества Н. И. Гулак, В. М. Белозерский и Н. И. Костомаров, отмечалось в «Обзоре», «по самому положению ученых людей в свете, конечно, были не в состоянии ни вовлечь в свое общество военных или народ, ни сделаться скорою причиною восстания, но вред от них мог произойти медленный и тем более опасный». Об этой организации власти узнали из доноса студента киевского университета А. М. Петрова. Следствие по делу братства проводилось в III Отделении. Было отдано распоряжение об аресте десяти человек, изъятии бумаг и отправлении в С.-Петербург основных подозреваемых.

Первоначально полученные сведения «заставляли думать, что общество имело окончательное устройство тайного злоумышленного дела»². В этом убеждали обнаруженные документы: устав общества, литературные произведения «уже не с мирными предположениями, а исполненные революционных и коммунистических правил», стихи Т. Г. Шевченко «в высшей степени дерзкого и возмутительного содержания» и др. Вот почему на это дело III Отделение обратило «наивеличайшее внимание»³. «Необыкновенное упорство» в своем молчании продемонстрировал только Н. И. Гулак, остальные дали весьма откровенные показания, позволившие выявить все обстоятельства дела. «Сколь ни важна в разных отношениях вина прикосновенных лиц, но собственно политическое зло, к счастью, еще не успело развиться до такой степени, как представлялось по первоначальным сведениям, – сообщал шеф жандармов и прибавлял: Доносы и первые сведения, как всегда бывает, преувеличивали важность, и дело оказалось в виде менее опасном»⁴. Лидеры общества, получив разные сроки наказания в виде заключения в крепости, затем высылались под

¹ ГА РФ. Ф. 109. СА. Оп. 3. Д. 533. Л. 4–5 об.

² Кирило-Мефодіївське товариство: В 3-х тт. Київ, 1990. Т. 1. С. 63.

³ Там же. С. 64.

⁴ Там же.

надзор полиции. Т. Г. Шевченко отправили рядовым в Оренбургский отдельный корпус, а доносчик А. М. Петров был определен на службу в III Отделение с «приличным денежным вспомоществованием, смотря по степени его усердия и службе»¹.

Важно отметить, что, выясняя обстоятельства дела, политическая полиция не стремилась усугубить вину обвиняемых, представляя задуманное как содеянное. Жандармам важно было добиться раскаяния, признания собственных ошибок и заблуждений. На отказавшегося давать показания Н. И. Гулака пытались найти разные способы воздействия. Шеф жандармов просил Обер-прокурора Синода Н. А. Протасова «командировать в III Отделение способного и просвещенного священника для религиозных увещаний (...) арестанта, (...) который, несмотря на все убеждения открыть истину, упорствует в сознании»². О своих личных беседах с заключенным А. Ф. Орлов писал отцу Гулака: «Я лично делал сыну вашему самые кроткие и отеческие увещания, (...) объяснил ему все пагубные последствия его заpiresательства и то несчастье, в которое он ввергает и себя, и вас, и родительницу свою. Сын ваш был тронут до глубины души, плакал и, казалось, готов был последовать отеческим советам моим, но упорство в нем превозмогло, и он остался при прежних ответах: не знаю!»³ Это письмо, видимо, было формой психологического давления на арестанта, так как на нем была сделана приписка о прочтении текста, и что все в письме – «истинная правда». Пометка шефа жандармов «оставить впредь до приказа» позволяет предположить, что письмо не отправлялось адресату.

В отличие от Н. И. Гулака, Н. И. Костомаров заслуживал снисхождения: «Костомаров, кроме крайней бедности, заслуживает монаршего милосердия и по чувствам глубокого раскаяния: ибо он по возвращении из равелина поставил себе первым долгом письменно изъявить живейшую верноподданническую признательность вашему императорскому величеству за то, что ваше величество вместо строгого наказания, по чувствам благодати своей, даровали ему еще возможность заглядеть усердною службою прежнее его заблуждение»⁴. Учитывая слабое здоровье, ему заменили высылку в Вятку на службу в Саратове.

В. М. Белозерский, изложивший «откровенно исповедь своего заблуждения», обращался с просьбой о помиловании к А. Ф. Орло-

¹ Там же. С. 70.

² Там же. С. 133.

³ Там же. С. 148.

⁴ Там же. С. 325.

ву – «как к человеку в истинном смысле, рыцарские чувства и достоинства которого не могут не быть всем известны»¹. В результате было решено, что после четырехмесячного заключения в крепости он будет определен на службу в С.-Петербург или одну из губерний (не в Малороссии), но вне Министерства народного просвещения. А. Ф. Орлов не преминул добавить: «Не могу умолчать, что Белозерский обладает большими способностями, и потому следует иметь его в виду для употребления на службе там, где он может быть наиболее полезен, особенно когда будет в виду высшего начальства»².

Добившись раскаяния арестантов, III Отделение милостиво смягчало их участь: отбывшие наказание получали возможность доказать искренность своего раскаяния и благонадежность на губернской службе, а нахождение под негласным надзором должно было уберечь их от опрометчивых поступков.

В отчете III Отделения за 1849 г. сообщалось: «Вообще не происходило в Империи никаких замечательных происшествий, могущих иметь вредное влияние на общество, кроме, однако ж, обнаруженного правительством сборища молодых людей, которые, заразившись заграничным учением социализма и гражданского равенства, мечтали о распространении оных и в России для произведения политического переворота»³. Речь шла о деле чиновника Министерства иностранных дел М. В. Буташевича-Петрашевского, неоднократно привлекавшего внимание полиции своими неординарными действиями.

В этот раз властей обеспокоили «пятницы» М. В. Петрашевского – начавшиеся еще в 1845 г. регулярные собрания его знакомых, посвященные обсуждению европейских новостей, политических проблем, социальных теорий, литературных новинок. Слежку за кружком вел – через внедренного агента студента П. Д. Антонелли – чиновник по особым поручениям Министерства внутренних дел действительный статский советник И. П. Липранди. Традиционно считается, что на исход дела повлияло соперничество двух ведомств, занятых обеспечением безопасности⁴, – Министерства внутренних дел и III Отделения: в то время как первое раздувало опасность действий заговорщиков, второе сводило его к «заговору идей».

В «Обзоре» А. Ф. Орлов писал о М. В. Петрашевском: «Чтение новых иностранных книг совершенно лишило его здравого смысла,

¹ Кирило-Мефодіївське товариство. Т. 1. С. 415.

² Там же. С. 69.

³ Россия под надзором. С. 428.

⁴ *Возный А. Ф.* Полицейский сыск и кружок петрашевцев. Киев, 1976. С. 30–31.

и он, вовлекая в свое знакомство молодых людей, передавал им испорченность своих мыслей»¹.

Собственно, на III Отделение был возложен арест, выемка бумаг и помещение под стражу обвиняемых. Основные следственные действия вела специально созданная комиссия под председательством коменданта Петропавловской крепости Н. А. Набокова, а для суда распоряжением военного министра А. И. Чернышева была создана военно-судная комиссия. Уникальным стало и судебное рассмотрение дела. Н. К. Лебедев записывал городские слухи: «Говорят, Государь хочет дать делу ход строго по законам – суд. Это что-то невероятно»². Правда, дело было передано не в обычный суд, а в военный, что уже предвещало серьезный обвинительный приговор.

По заключению Следственной комиссии, «собрания, отличавшиеся вообще духом, противным правительству, не обнаруживающие, однако ж, ни единства действий, ни взаимного согласия, к разряду тайных организованных обществ не принадлежали». Тем не менее суд усмотрел в действиях обвиняемых «преступный замысел к ниспровержению существующего в России государственного устройства»³. Генерал-аудиторат (высший военный суд) вынес смертный приговор 21 участнику антиправительственных собраний, в последний момент смягченный императором до каторжных работ.

Интересно завуалированное порицание суровости репрессий в записках управляющего III Отделением Л. В. Дубельта: «Вот и у нас заговор! – Слава Богу, что вовремя открыли. – Надивиться нельзя, что есть такие безмозглые люди, которым нравятся заграничные беспорядки! На месте Государя я бы всех этих умников туда бы и послал, к их единомышленникам; пусть бы они полюбовались; чем с ними возиться и строгостью раздражать их семейства и друзей, притом тратиться на их содержание. Всего бы лучше и проще выслать их за границу. Пусть их там пируют с такими же дураками, как они сами. Право, такое наказание выгнало бы всякую дурь и у них, и у всех, кто похож на них»⁴.

Специалисты по задушевым беседам, принуждению к осознанию заблуждения и слезам раскаяния, видимо, не находили целесообразным суровое наказание, тяготы которого поддерживали ненависть

¹ ГА РФ. Ф 109. СА. Оп. 1. Д. 533. Л. 135.

² Из записок сенатора К. Н. Лебедева // Русский архив, 1910. № 11. С. 361.

³ *Возный А. Ф.* Полицейский сыск и кружок петрашевцев. С. 62.

⁴ *Дубельт Л. В.* Вера без добрых дел мертвая вещь // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. М., 1995. Т. VI. С. 135.

к власти и возбуждали сочувствие общества к осужденным. Именно об этом писал П. П. Каратыгин, рассказывая, как в свое время А. Х. Бенкендорф сдерживал порывы суровости самого Николая I, говоря ему: «Зачем ожесточать людей? Зачем возбуждать напрасный ропот? Ненавистников у вас, государь, и без того слишком много...»¹

В том же духе рассуждал и Л. В. Дубельт: «А то крепость и Сибирь, – сколько ни употребляют эти средства, все никого не исправляют; только станут на этих людей смотреть как на жертвы, станут сожалеть об них, а от сожаления до подражания недалеко. – Выслать бы их из России как людей, не достойных жить в своем Отечестве, как язву и чуму, к которой прикасаться опасно. Такие меры принесли бы чудесные плоды...»²

Тем не менее в юбилейном «Обзоре» было указано, что арест М. В. Петрашевского и его знакомых навел «такой страх, что после этого случая долго не будут составляться у нас сообщества, подобно тому, как они долго не являлись после казни преступников 14 декабря 1825 г.»³

Еще в ходе расследования дела о Кирило-Мефодиевском братстве жандармы обратили внимание на распространение в российском обществе интереса к славянским языкам и древностям. Московские профессора М. П. Погодин, С. П. Шевырев, а также многие молодые люди, интересовавшиеся историей славянства, по мнению III Отделения, «составляют как бы особую партию, называемую славянофилами»⁴. Поэтому сочли, что профессора О. М. Бодянский, С. П. Шевырев, М. П. Погодин, цензор С. С. Куторга хотя и «не питают вредных замыслов и трудятся для пользы науки», даже их научные труды могут быть потенциально опасными.

Чиновники III Отделения пусть и деликатно, но высказались о последствиях отдельных научных открытий и неосторожных суждений. Ученые «извлекают из старины все, что ни есть в ней, без всякой предусмотрительности, не догадываясь, что многие сведения старины применяются неблагонамеренными людьми к своим злоумышленным целям». Например, «выписки и мысли о прежней самостоятельности или вольности подвластных ныне России племен славянских» используются злоумышленниками для составления своих теорий и даже тайных обществ».

¹ Каратыгин П. П. Бенкендорф и Дубельт // Исторический вестник, 1887. № 10. С. 167.

² Дубельт Л. В. Вера без добрых дел мертвая вещь. С. 135.

³ ГА РФ. Ф. 109. СА. Оп. 3. Д. 533. Л. 141.

⁴ Кирило-Мефодіївське товариство: В 3-х т. Київ, 1990. Т. 3. С. 293.

В связи с этим в цитируемой записке III Отделения (март 1847 г.) предлагалось предупредить – через министра народного просвещения – профессоров, учителей и цензоров, занимавшихся вопросами славянства, чтобы «они в книгах своих и на лекциях непременно избегали тех напоминаний на счет Малороссии, Польши и других подвластных России земель, кои могут быть применяемы в смысле, опасном для целостности и спокойствия империи»¹. Далее следовала оговорка – указание, как именно должны ученые и преподаватели строить подконтрольные власти исследования и учебные курсы: «...все выводы науки и истории наклонять к верному подданству этих племен России»². Попутно III Отделение запросило у жандармского генерала С. В. Перфильева информацию о славянофилах, «об образе их мыслей, занятиях и обо всем, до них относящемся, а также не питают ли они каких-либо политических умыслов»³.

5 апреля 1847 г. С. В. Перфильев докладывал А. Ф. Орлову о московских славянофилах. Он сразу усомнился в обоснованности определения их как «партии», так как вряд ли оправданно называть так людей, «не имеющих одной ясной и положительной цели, а сходящихся только в каких-то туманных и мистических предчувствиях умственной победы Востока над Западом, в привязанности к старине, в любви к Москве и вследствие этого в каком-то недоброжелательстве к Петербургу»⁴.

Всех сторонников этого течения он разделил на три группы. Первая – «занимающиеся литературой и имеющие вес и значение по самобытности своих убеждений» Киреевский, М. П. Погодин, С. П. Шевырев, И. С. Аксаков, Ф. Н. Глинка, А. С. Хомяков – «все люди нравственности неукоризненной». Особого внимания заслужил И. С. Аксаков, хорошо известный III Отделению: «Аксаков моложе других и потому выдвигается вперед как по степени убеждения, так и по оригинальности костюма, которую он, впрочем, по совету близких и по оскорбительному равнодушию публики, не последовавшей его примеру, почти оставил. Он молодой человек очень хороший, с добрым сердцем, но, как энтузиаст, вдается в крайности»⁵. Вторая – те, кто объявлял себя славянофилами, «чтобы придать себе некоторого рода оригинальность». К третьей группе отнесены «люди, ограничивающиеся наружным подражанием и не входящие ни в какие умствования»: «Они славянофилы, потому что носят шапки, на-

¹ Там же.

² Там же.

³ Там же. С. 294.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 295.

зываемые мурмолками, рубашки с косым воротом и т. п.», – отмечал С. В. Перфильев, прибавляя: «Некоторые из дам следуют славянофилам: занимаются русским языком, историею, говорят по-русски и только в крайних случаях пишут французские записочки»¹. Главный вывод заключался в суждении: «цели политической никто не подозревает»².

Тем не менее наблюдение продолжалось. В мае 1847 г. для Николая I была подготовлена записка, в которой четко разводились понятия «украинофильство» и «славянофильство»: «Собственно славянофилы, большей частью московские писатели, доселе действуют в видах нашего отечества. Заботясь об утверждении языка и образа мыслей собственно русских, об очищении нашей народности от излишних примесей иноземного, они могут быть благодетельными двигателями в государстве, орудиями самостоятельности и могущества его, так что правительство должно поощрять их»³. Однако власть настораживали панславянские идеи: «...не кроется ли под их патриотическими возгласами и противных нашему правительству целей». В полиции опасались, что тиражируемая славянофилами идея о присоединении к России других славянских племен, может вызвать недовольствие соседних стран, в состав которых эти народы входят.

Предложения А. Ф. Орлова сводились к необходимости новых указаний министру народного просвещения с тем, «чтобы наставники и писатели действовали в духе и видах правительства, отнюдь не допуская ни на лекциях, ни в книгах и журналах никаких предположений о присоединении к России иноземных славян и вообще ни о чем, что принадлежит правительству, а не ученым»⁴. При этом особое внимание уделялось профилактике сепаратизма: «...не давая любви к родине перевеса над любовью к отечеству, империи, изгоняя все, что может вредить последней любви, особенно о мнимых настоящих бедствиях и о прежнем, будто бы необыкновенно счастливом положении подвластных племен, чтобы все выводы ученых и писателей клонились к возвышению не Малороссии, Польши и прочих стран отдельно, а Российской империи в совокупности народов, ее составляющих»⁵. Министерский контроль и цензурные строгости должны были остановить распространение опасных тенденций.

¹ Кирило-Мефодіївське товариство. Т. 3. С. 295.

² Там же.

³ Там же. С. 309.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 309–310.

Вновь славянофилы обратили на себя внимание III Отделения в 1852 г. Политической полиции мерещилась потенциальная опасность в литературной деятельности московского кружка: «...хотя цель их состоит только в том, чтобы произвести переворот в русской литературе, не подражать иностранным писателям, искать для сочинений своих предметов самобытных и народных, но это стремление под руководством людей неблагонамеренных легко может обратиться в противозаконное и вредное»¹. Поэтому над Константином и Иваном Аксаковыми, А. С. Хомяковым, И. В. Киреевским, профессором С. М. Соловьевым и другими было учреждено секретное наблюдение, а министру народного просвещения было указано, чтобы «на сочинения в духе славянофилов цензура обращала особенное и строжайшее внимание»². В «мрачное семилетие» изучение национальной истории и научные заслуги на этом поприще скорее вызывали подозрение, чем уважительное внимание со стороны властей.

Внимание цензуры привлек подготовленный к печати второй выпуск «Московского сборника». Политический контекст статей имел, по мнению III Отделения, опасный антигосударственный характер: «Сочинители статей, помещенных в этой рукописи, доказывали, что учреждения государств не согласны с духом христианства, что в древней России существовал общинный быт, что тогда в отношениях между государем и его приближенными было братство, а в народе воля и приволье, что и ныне в некоторых местах России замечается стремление к общинному управлению. Вообще в статьях этих замечалось какое-то недовольство настоящим нашим образованием, образом жизни и даже учреждениями правительства, а древний русский быт выставлен был в преувеличенно лучшем виде, как заслуживающий, безусловно, одобрения и подражания в наше время»³.

В понятии «древний русский быт» III Отделение усматривало завуалированную критику, порицание порядков николаевской России. Издание «Московского сборника» было запрещено, а И. С. Аксакова лишили права быть редактором какого-либо издания. Других славянофилов – К. С. Аксакова, А. С. Хомякова, И. В. Киреевского и кн. В. А. Черкасского – обязали представлять рукописи на рассмотрение непосредственно в Главное управление цензуры. Вердикт III Отделения гласил: «Славянофилы смешивают приверженность свою к русской старине с такими началами, которые не могут суще-

¹ Там же. С. 323.

² Там же.

³ Там же.

ствовать в монархическом государстве, и явно недоброжелательствуют нынешнему порядку вещей»¹.

С началом правления Александра II цензурные послабления далеко не сразу коснулись кружка славянофилов. Тем не менее появление в объявлении о программе и сотрудниках нового московского журнала «Русский вестник» фамилий С. Т. Аксакова, К. С. Аксакова, Ф. В. Чижова внушало оптимизм. Следуя путем «западников», славянофилы предприняли попытку издавать собственный журнал.

Ходатайство о журнале «Русская беседа» А. И. Кошелев представил в мае 1856 г. министру народного просвещения (и своему дальнему родственнику) А. С. Норову. Эту просьбу поддержал московский цензурный комитет в лице его председателя ген.-ад. В. И. Назимова. По бюрократическим коридорам дело двигалось неспешно.

О серьезной оппозиции этому начинанию свидетельствует дневниковая запись Л. В. Дубельта. 7 мая 1855 г. он писал: «Славянофилы: Аксаковы, Ханыков, Кошелев и их сочады опять выползают из полутьмы, в которой их так справедливо держат. Они просили министра народного просвещения дозволить им издавать журнал, но А. С. Норов отказал им, доколе не покинут своих несбыточных бредней»². 6 декабря 1855 г. министр просил А. Ф. Орлова «дать какое-либо решение по сему предмету» и напоминал о сообщенном Л. В. Дубельтом высочайшем повелении: чтоб «на представляемые к изданию в свет сочинения в духе славянофилов было обращено со стороны цензуры особенное и строжайшее внимание»³.

Для решения этого вопроса для шефа жандармов была подготовлена в III Отделении специальная записка, основанная на анализе сведений о настроении в среде славянофилов: «В выписке из письма Хомякова к Самарину, между прочим, выражается опасение, что предполагаемый Кошелевым журнал не будет дозволен к изданию, и также упоминается, что предлог, по которому этот журнал признается неблагонадежным, есть близость сношений Кошелева с людьми, подвергшимися замечанию правительства, хотя двое из них последних братья Аксаковы, допущены в объявление о журнале Каткова»⁴. Далее в документе объясняется порядок организации контроля над содержанием статей неблагонадежных авторов: «Что же касается помещения коллежским советником Катковым в объявлении о журнале его «Русский вестник» (...) имен двух Аксаковых в числе сотрудников

¹ Цимбаев Н. И. Славянофильство. М., 1986. С. 132.

² Дубельт Л. В. Дневник. С. 278.

³ ГА РФ. Ф. 109. 1 эксп. 1855. Д. 46. Ч. II. Л. 1–1 об.

⁴ Там же. Л. 2.

сего журнала, то к устранению этих имен из означенного объявления не было повода, ибо хотя Аксаковы обязаны сочинения свои представлять прямо в главное управление цензуры, но писать им не запрещено; следовательно, все статьи, которые они составят для “Русского вестника” поступят предварительно в Главное управление цензуры, от которого и будет зависеть разрешение печатания оных»¹.

Таким же образом было решено поступить и с теми сотрудниками «Русской беседы», «на коих уже обращено внимание правительства». Об этом А. Ф. Орлов и сообщил А. С. Норову 10 декабря 1855 г., предписав главному управлению цензуры, «дабы не задерживать таковых статей, подвергать оные рассмотрению без малейшего замедления»².

В этой директиве видна явная удаленность III Отделения (и прежде всего его главноуправляющего) от мелочной опеки литературы, незнание порядка и характера работы цензурных учреждений. Поэтому А. С. Норов в ответном письме весьма обстоятельно разъяснял, что Главное управление цензуры заседает один раз в месяц, ибо члены его служат по разным ведомствам и должны заниматься «рассмотрением иностранных книг, в большом количестве им представляемых», а обязанность «внимательно рассматривать срочные сочинения не может не повлечь за собой неминуемого замедления в деле периодического издания и подвергнуть его неудобствам, которые могут почти равняться запрещению». Далее он заметил, что сочинения Ивана и Константина Аксаковых, А. С. Хомякова, И. В. Киреевского, кн. В. А. Черкасского рассматриваются в Главном управлении цензуры «не окончательно, а только предварительно; законное же и подробное рассмотрение сих сочинений на основании цензурных установлений и одобрение их к печати во всяком случае предоставляются цензурным комитетам, и одно сие окончательное одобрение, основанное на общем порядке цензирования, служит благонадежным обеспечением правительству, что ничего предосудительного и противного существующим законам не может быть допущено в печать»³.

Предложение А. С. Норова сводилось к следующему: «...без малейшего опасения сохранить общий порядок цензурного рассмотрения сочинений всех вышеназванных писателей, как и прочих (...) лиц, подвергшихся замечанию правительства, и представить им вносить свои сочинения установленным порядком в цензурные комитеты, а сим последним предписать, чтобы на дух и направление сочинений означенных лиц обращемо было бдительное и усугубленное внима-

¹ Там же. Л. 3–4.

² Там же. Л. 5.

³ Там же. Л. 10–10 об.

ние и чтобы при малейшем сомнении в дозвоительности оных к печати, комитеты представляли о том на решение Главного управления цензуры, что, в прочем, делалось и делается ныне во всех сомнительных случаях и для всех вообще писателей»¹.

Как видим, механизм отслеживания «крамолы» уже работал в чрезвычайном режиме, и дальнейшее усиление надзора при имеющихся ресурсах было просто невозможно.

Материалы «Русской беседы» (часть из них – статьи некогда запрещенного «Московского сборника») поступили в Главное управление цензуры. Наибольшие споры вызвала статья И. С. Аксакова «Богатыри Великого князя Владимира по русским песням». Л. В. Дубельт в своем отзыве был категоричен: «...рукопись бесполезная, отчасти бессмысленная. А между тем общее ее направление состоит в том, чтобы показать прелесть бывшей вольности»². Однако с незначительными исправлениями статья была разрешена.

А. Е. Тимашев, занявший после отставки Л. В. Дубельта его место в Главном управлении цензуры, продолжил традицию тщательного надзора за московскими славянофилами. 21 января 1857 г. он представил шефу жандармов В. А. Долгорукову записку, где указывал: «По сведениям, полученным мною из Москвы, видно, что славянофилы более, нежели когда-нибудь, стараются распространить свои идеи и, считая дело освобождения крестьян своим, так сказать, делом, громогласно говорят, что оно не только решено, но может считаться отныне совершенным, ибо государь, по убеждению, уже не властен остановить течение его»³.

Особое внимание А. Е. Тимашев обращал на их журнал: «Объясняя значение органа своего, “Русской беседы”, говорят, что цель этого издания заключается в ознакомлении народа русского с прежним его бытом и значением, с тем временем, в котором правительство хотя и ошибалось подчас, но народ был уважаем, что доказывают они бывшими часто земскими соборами с участием в них духовенства (...) и проповедуют, что лишь при подобном порядке вещей дело может идти на лад»⁴.

Подобные воззрения и их распространение не могли не вызвать тревоги. В. А. Долгоруков немедленно запросил у московского генерал-губернатора А. А. Закревского список членов этого общества. В своем ответе (5 марта 1857 г.) А. А. Закревский назвал имена 11 че-

¹ ГА РФ. Ф. 109. 1 эксп. 1855. Д. 46. Ч. II. Л. 11–12 об.

² *Сухомлинов М.* Снятие опалы со славянофилов // *Сухомлинов М.* Исследования и статьи по русской литературе и просвещению. СПб., 1889. Т. 2. С. 479.

³ *Порох В. И.* Указ. соч. С. 57.

⁴ ГА РФ. Ф. 109. 1 эксп. 1849. Д. 471. Л. 121–121 об.

ловец и весьма сдержанно отозвался об их деятельности: «Убеждения (...) высказываются уже не с такой энергией, как прежде. Дней для съездов к кому-либо из членов этого общества, как было года три назад, не замечено»¹. Это сообщение, видимо, несколько успокоило тайную полицию.

В конце июня 1857 г. шеф жандармов благосклонно откликнулся на просьбу А. И. Кошелева издавать с 1858 г. журнал ежемесячно («лишь бы журнал был издаваем в хорошем духе»²). А. Е. Тимашев прибавлял: «Отказ придал бы упомянутому изданию слишком большое значение в мнении его подписчиков»³.

Новый виток напряженности связан с очередной запиской А. А. Закревского (от 28 августа 1858 г.), в которой московский кружок именовался «тайным политическим обществом»⁴, а также с резолюцией Александра II, предписывавшей «иметь за ними строгое наблюдение»⁵. Предметом такого усиленного внимания стала славянофильская печать.

Многочисленные придирки, замечания Главного управления цензуры заставили К. С. Аксакова прекратить издание «Молвы». Один из осведомителей III Отделения сообщал, что известие об этом «порождает ропот на правительство за то, что оно следует советам сановников, принадлежащих к отжившему уже поколению, начало опять увеличивать строгость (...) и (...) препятствовать развитию нашей литературы»⁶.

Летом 1858 г. И. С. Аксаков получил разрешение издавать газету «Парус» («возвратить себе гражданские права в литературе»⁷). Уже сама публикация объявления о выходе газеты вызвала недовольство III Отделения. И. С. Аксаков писал кн. В. А. Черкасскому: «Тимашев испугался в объявлении слова “знамя”⁸ и туда же в Главное управление цензуры с жалобой». Было велено осуществлять строгий надзор за «Парусом»⁹. Успело выйти всего два номера газеты, и она была запрещена, так как И. С. Аксаков «обнаружил предосудительное направление, издаваясь над цензурой, возбуждая скрытое ей сопротив-

¹ Порох В. И. Указ. соч. С. 58.

² ГА РФ. Ф. 109. 1 эксп. 1856. Д. 54. Л. 16.

³ Там же. Л. 18.

⁴ Любопытные показания о некоторых представителях московского образованного общества в начале прошлого царствования // Русский архив, 1885. № 7. С. 447–450.

⁵ Порох В. И. Указ. соч. С. 59.

⁶ Герасимова Ю. И. Указ. соч. С. 23.

⁷ И. С. Аксаков в его письмах. Ч. II. Т. 4. СПб., 1890. С. 2.

⁸ В объявлении И. С. Аксаков провозглашал: «Наше знамя – русская народность!»

⁹ Порох В. И. Указ. соч. С. 60.

ление и доказывая необходимость свободного обсуждения существующих у нас учреждений, не допускаемого нашими законами»¹.

Решающую роль в запрещении газеты современники приписывали А. Е. Тимашеву. «Беспрестанно были слышны разговоры о том, что газета “Парус” запрещена. Все почти недовольны этим воспрещением и обвиняют в нем одного г. Тимашева»², – доносил агент III Отделения. Ходили слухи о строгом наказании издателя. А. В. Никитенко записал в дневнике: «Говорят, Тимашев изо всех сил хлопочет, чтобы издатель “Паруса” И. С. Аксаков был спроважен в Вятку»³.

В своем письме к М. Ф. Раевскому от 13 апреля 1859 г. сам И. С. Аксаков так объяснял преследования: «Петербургу ненавистна и подозрительна Москва, какое опасение и страх там вызывает слово народность. Ни один западник, ни один русский социалист так не страшен правительству, как московский славянофил, никто не подвергается такому гонению, а между тем так как славянофилы все люди честные и пользующиеся невольным уважением самых враждебных партий, то их трудно преследовать лично, и потому правительство в особенности преследует нашу литературную деятельность. Как бы то ни было, но Тимашев, Долгорукий, Муханов, Панин и проч. – все вооружили государя против “Паруса” и против меня»⁴. Как видим, все свои издательские неудачи И. С. Аксаков объяснял деятельностью реакционных сановников, из которых особо выделял руководство III Отделения. Возможность вернуться к занятиям журналистикой он связывал с временами, когда «литература не будет в такой печальной зависимости от Тимашева»⁵.

Основанием для такого вывода было постоянное противодействие III Отделения, вынудившее И. С. Аксакова отказаться от издания «Пароходика», «Думы». Объектом цензурного преследования стала «Русская беседа», о прекращении которой он объявил в конце 1859 г. Личная встреча с управляющим III Отделением только упрочила его мнение, что А. Е. Тимашев «самый вредный человек администрации»⁶.

Пока И. С. Аксаков путешествовал по Европе, пребывая в вынужденном литературном бездействии и вынашивая планы нового издания, III Отделение продолжило сбор информации о славянофилах.

¹ Герасимова Ю. И. Указ. соч. С. 48.

² Там же.

³ Никитенко А. В. Дневник. Т. 2. С. 56.

⁴ Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1892. Т. 16. С. 339.

⁵ Там же.

⁶ Порох В. И. Указ. соч. С. 64.

Письмо штаб-офицера корпуса жандармов в Московской губернии А. В. Воейкова к А. Е. Тимашеву от 27 января 1861 г. весьма любопытно. Тон этого документа резко отличается от панических измышлений А. А. Закревского. В нем нет речи о политических притязаниях, о какой-то тайной деятельности, наоборот, показаны исключительно просветительские методы и задачи славянофилов.

А. В. Воейков писал: «Что же касается до настоящего направления, в духе которого стараются действовать славянофилы, то оно в главных началах состоит в том, что просвещение, которое Петр Великий старался усвоить России, признается ими вредным и что в этом именно состоит великая его ошибка, которую они надеются ныне поправить своими сочинениями и влиянием в частных беседах и обществах, кроме того, всегда и в настоящее время преимущественно славянофилы озабочены положением славян австрийских и турецких, об освобождении которых и еще более о соединении их с Россией чрезвычайно интересуются. Но политических связей с раскольниками, как здесь, так и за границею, они не имеют положительно (...). Ныне за смертью Хомякова и [К.] Аксакова, таких отношений ожидать нельзя, да и самые славянофилы понесли такую великую потерю от кончины этих двух лиц, что можно предположить близкое их распадение.

Из числа славянофилов Иван Аксаков, Юрий Самарин, кн. Владимир Черкасский, Александр Кошелев, князя Дмитрий и Андрей Оболенские, одни лишь только могут обращать на себя внимание, но сохранить на долго связь в обширном смысле, направления и единства действий они не в состоянии»¹.

Прилагаемый к письму список славянофилов, в отличие от списка А. А. Закревского, где против многих фамилий стояло «желает переверотов и на все готовый», отличается выдержанностью, отсутствием каких-либо эмоциональных оценок. А. В. Воейков подчеркивал интеллектуальные качества поименованных лиц, их служение государству (депутат от правительства, члены губернских комитетов, профессора университета)². Он явно старался развеять сложившееся у руководства предубеждение против них.

Напротив фамилии И. С. Аксакова А. В. Воейков лаконично написал: «хорошо известен III Отделению». Именно на это обстоятельство в апреле 1861 г. обращал внимание А. Е. Тимашев в Главном управлении цензуры при обсуждении вопроса о разрешении И. С. Аксакову издавать газету «День». 5 мая 1861 г. И. С. Аксаков писал М. Ф. Ра-

¹ ГА РФ. Ф. 109. 1 эксп. 1849. Д. 471. Л. 133–134 об.

² Там же. Л. 136–137 об.

евскому: «Новое заседание главного управления. Вопрос был уже не о программе, а об лице, о том исправился ли я после “Паруса” или нет. Тимашев доказывал, что я неисправим, что он меня знает лично и проч.»¹. Однако разрешение было все-таки получено.

Несмотря на пристальный контроль Московского цензурного комитета и Главного управления цензуры, «День» тем не менее продолжал оставаться и под надзором III Отделения. Именно по заключению тайной полиции передовая статья «Москва, 3 февраля» для № 17 за 1862 г. не была пропущена цензурой. Запрещение последовало вследствие того, что автор «осуждает действия административных властей, требует неограниченной свободы слова, а в приступе своем делает ироническое сравнение гражданской администрации с некоторыми приемами военной дисциплины»².

Исследуя противостояние правительственных структур и славянофилов, Н. И. Цымбаев отмечал, что «власти склонны были придавать действиям, сочинениям и высказываниям славянофилов смысл, который был принципиально неприемлем для самих членов славянофильского кружка» преувеличенная подозрительность объяснялась «отсутствием у самодержавной власти опыта в обращении с деятелями российского либерализма, ранними представителями которого были славянофилы»³.

Именно из тайной полиции раздавались призывы к самому бдительному контролю над славянофилами. Подозрительность питалась лживыми доносами, перлюстрацией, упорством московских литераторов в отстаивании гражданских свобод и обличении чиновничьего произвола.

Если обратиться к жандармским документам начала царствования Александра II – времени пробуждения, оживления общественной жизни в России, – мы увидим в отчетах достаточно традиционный взгляд на общественно-политическую ситуацию в стране и политические проступки.

Общий контекст событий тоже понятен: вся угроза, все беды приходят в Россию с Запада. В отчете за 1856 г. сообщалось: «...находящиеся за границей изгнанники наши оказывались малодетельны: они не только не высылали эmissаров, но и об этом не было даже получаемо сведений». То есть изначально предполагается, что смута возможна только как завезенная извне, спровоцированная, как отражение европейских беспорядков.

¹ Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. С. 53–54.

² Порох В. И. Указ. соч. С. 66.

³ Цымбаев Н. И. Указ. соч. С. 135.

Внутри империи политическое спокойствие не было ничем нарушено: «...в течение года нигде, даже в Западном крае, не открыто ни одного тайного общества, ни одного замысла или преступления, в котором участвовали бы многие». Те «проступки», которые удалось III Отделению выявить, состояли «единственно в выражении мечтательных надежд или дерзких мыслей и в хранении предосудительных сочинений»¹. Не остались без внимания письма к ряду должностных лиц вольнослушателя Московского университета М. Эссена с осуждением произнесенной учителем Амстердамским на публичном акте в Пензенской гимназии речи «О необходимости преподавания наук, в особенности истории, в духе христианства». И хотя, как признавалось в отчете, М. Эссен «не распространял своих предосудительных мыслей, не имел и не мог иметь ни на кого влияния», тем не менее он был отправлен нижним чином в отдельный Кавказский корпус².

За распространение стихотворения П. Л. Лаврова «Русскому народу» чиновник Государственного контроля Дмитриев был выслан в Пермскую губернию, а другие причастные к этому делу лица уволены со службы «без огласки причин наказания»³.

В 1857 г. секретное наблюдение было установлено за жительницей С.-Петербурга девицей Архангельской, которая, «имея у себя запрещенные книги прежнего времени (сочинения Вольтера, Руссо и проч.) и списывая стихи вольного содержания, усвоила себе превратное направление мыслей»⁴.

Однако есть основание полагать, что главной задачей тайной полиции оставался поиск тайных обществ.

По заявлению мещанина Савицкого о существовании тайного общества среди дворян Псковской губернии (он называл и его численность – 146 человек) было начато следствие. Жандармский штаб-офицер Д. М. Ходкевич докладывал, что названные в доносе лица были скорее людьми «легкомысленными, нежели злоумышленными». Хотя они, по его словам, «иногда рассуждают о вольности, социализме и подобных предметах, желая высказать себя людьми современными, постигающими идеи образованного мира», но «по слабости характера и ничтожности своей едва ли они могут помышлять о составлении какого-либо тайного общества». Несмотря на это, меры административного воздействия все же предполагалось при-

¹ ГА РФ. Ф. 109. Оп. 223. Д. 21. Л. 7 об.

² Там же. Л. 10–12.

³ Там же. См. Также: *Бушканец Е. Г.* Особенности изучения памятников нелегальной революционной поэзии XIX в. Казань, 1962. С. 34.

⁴ ГА РФ. Ф. 109. Оп. 223. Д. 22. Л. 8 об. – 9.

нять в отношении титулярного советника Карпинского как человека «вредного образа мыслей», подозревавшегося в привозе и распространении неблагонамеренных сочинений. По распоряжению шефа жандармов ограничились внушением: «...чтобы вел себя достойно русского дворянина»¹.

Внимание III Отделения было привлечено и к сообщению командира Астраханской казачьей батареи полковника Алымова об услышанном им разговоре, «будто в С.-Петербурге положительно готовится что-то подобное 14 декабря 1825 г.»². Анонимная доносительница сообщала, что «таятся злоумышления» в лейб-гвардии конном и других полках. В том же году неизвестная помещица писала о существующем в России «обширном заговоре», члены которого должны были собраться в Москве³. В С.-Петербурге было учреждено наблюдение за «собраниями, принявшими название фаланстера». И, хотя полиция убедилась, что эти собрания «не имеют решительно никакой политической цели», а их участники заняты музицированием и сочинением стихов, организаторам тем не менее были сделаны «внушения», заметно снизившие их активность. Опасения вызывало не только то, что «подобные сборища» не отличались строгой нравственностью, но и тот факт, что «члены сих собраний принадлежат к разным званиям и во взаимных своих сношениях придерживаются равенства»⁴.

Мнительность политической полиции резко контрастировала с общественными настроениями. На страницах «Голосов из России» Н. А. Мельгунов утверждал, что «время заговоров и тайных обществ прошло невозвратно; в них изверились даже юноши, и все убедились в их бесплодности»⁵. Автор другой статьи в этом же сборнике, говоря о повсеместном распространении рукописной литературы, убеждал, что это не дело рук тайного общества: «Заговорщиков здесь нет; заговорщики – все принимающие какое-нибудь участие в делах отечества, а это большинство образованного класса России». Указывая на бессмысленность полицейских репрессий, озлобляющих общество, автор выражал надежду, что «государь не захочет усилить в небывалых до селе размерах деятельность тайной полиции»⁶.

Подобные настроения оказывали влияние и на чиновников III Отделения. В одной из записок, адресованных шефу жандармов, не из-

¹ ГА РФ. Ф. 109. Оп. 223. Д. 22. Л. 7–8; Там же. 1 эксп. 1857. Д. 258. Л. 36, 41, 73.

² Там же. Оп. 223. Д. 22. Л. 11–11 об.

³ Там же. Л. 74.

⁴ Там же. Л. 73.

⁵ Голоса из России. Вып. 1. Ч. 1. Лондон, 1856. С. 100–101.

⁶ Там же. С. 39, 40, 50–51.

вестный нам чиновник фактически солидаризировался с мнением Н. А. Мельгунова, он отмечал: «В новейшее время заговоры вышли, так сказать, из моды; они могут составляться противу жизни верховного правительственного лица, если его считают препятствием желаемого переворота в государстве; но этого у нас ныне быть не может». Общественный подъем в стране пробуждал в чиновной душе чувства, далекие от либеральных иллюзий авторов «Голосов из России».

Весьма реалистично оценивая тенденцию развития общественных отношений, тот же неизвестный автор утверждал: «Гражданские вопросы решаются ныне общественным мнением, и потому двигатели народные вооружаются пером и словом противу усилий удержать прежний порядок, там, где эти усилия существуют, а там, где есть тенденция к умеренной реформе, они возбуждают умы к преобразованиям гораздо большим, угрожающим общественной безопасности». Соответственным был и вывод: «...следить за движением умов, прислушиваться к толкам, обнаруживать тайные козни, останавливать порывы сочинителей-демократов, суть трудных обязанностей III Отделения, усиливающих значение оногo в настоящее время»¹.

Подобные идеи нашли свое отражение и в «Политическом обозрении», завершавшем «всепоподданнейший» отчет за 1857 г. Отмечая, что начатые в стране преобразования «возбудили некоторое волнение в умах», шеф жандармов тут же подчеркивал, что «направление их [умов. – О. А.] требовало самого бдительного наблюдения»². В этих целях III Отделение пыталось координировать свои усилия с действиями полиции исполнительной. Каковы же были результаты? «Соединенные таким образом меры послужили к обнаружению проявлявшихся иногда неудовольствий на разные нововведения или опрометчивых суждений о распоряжениях высшего начальства»³. Как видим, и значимость, и спектр политических преступлений были весьма невелики. Потому шеф жандармов мечтательно полагал, что «...отечество наше было бы вполне счастливо, если бы все лета его существования протекли так же благополучно, как 1857 г.»⁴.

В отношении тайных обществ В. А. Долгоруков не разделял оптимизма неизвестного автора цитированной выше записки. Изменение тонаса общественной жизни внушало опасения: «За продолжение подобного спокойствия, конечно, ручаться нельзя, ибо теперь при безнравственности, которая, к прискорбию, позорит род

¹ ГА РФ. Ф. 109. СА. Оп. 3. Д. 782. Л. 2 об.

² Россия под надзором. С. 446.

³ Там же.

⁴ Там же.

человеческий, самые лютые злодеяния свершаются с непостижимой неожиданностью»¹.

В течение последующих нескольких лет начиная с 1858 г. в отчетах III Отделения содержание раздела «О политических преступлениях внутри империи» связано главным образом с фактами хранения и распространения изданий А. И. Герцена. Многочисленные случаи в той или иной степени освещены в литературе и не нуждаются в дополнительных комментариях².

Остановимся только на некоторых способах борьбы III Отделения с распространением изданий, «исполненных недоброжелательства к нашему правительству»³.

Первые меры борьбы с распространением вольной русской печати относятся к середине 1853 г. Тогдашний шеф жандармов А. Ф. Орлов обращал внимание министров народного просвещения и финансов, а также генерал-губернаторов пограничных губерний на необходимость воспрепятствовать ввозу таких изданий⁴. По дипломатическим каналам пыталось оказывать противодействие и Министерство иностранных дел. Неспособность противостоять свободной печати породила периодическое дублирование ведомственных циркуляров о «принятии надлежащих мер» против распространения «воззвания к русскому народу», «Голосов из России», воззвания к крепостным крестьянам» и т. п.⁵

Ощущение бесплодности борьбы с печатным словом, как и традиционное для бюрократических структур желание переложить ответственность на чужие плечи или возвысить собственную деятельность за счет умаления других, нашло отражение в министерских посланиях, поступавших в штаб антигерценовской кампании – III Отделение. Так, Министерство финансов в отношении от 14 ноября 1856 г. убеждало руководство III Отделения: «...если означенные сочинения будут вложены в другие брошюры, присланные по почте, то задер-

¹ Россия под надзором. С. 446–447.

² Помимо названных выше работ И. В. Пороха, Б. С. Гинзбурга, Е. Л. Рудницкой укажем также статьи: *Ильинский Л.* Герцен и III отделение // *Голос минувшего*, 1918. № 7–8. С. 94–98; *Смолин И. С.* Царизм в борьбе с вольной печатью Герцена // *Учен. зап. Ленингр. мед ин-та*. Т. 61. 1947; *Базылева З. П.* «Колокол» Герцена. М., 1949; *Федосеева Е. П.* Из истории борьбы самодержавия с изданиями Герцена // *Литературное наследство*. Т. 63. М., 1956; *Эйдельман Н. Я.* Случай ненадежен, но щедр // *Наука и жизнь*, 1965. № 1–2.

³ ГА РФ. Ф. 109. Оп. 223. Д. 22. Л. 4 об.

⁴ Красный архив, 1937. № 2. С. 212.

⁵ ГА РФ. Ф. 109. 1 эксп. 1856. Д. 298. Ч. 4; Л. 1. Голоса из России. Вып. 4. Вводная статья; ГА РФ. Ф. 109. 1 эксп. 1857. Д. 311; Колокол. Л. 10. 1 марта 1858 г. С. 81.

жание тех сочинений может последовать только в цензурных комитетах [они относились к ведомству Министерства народного просвещения. – О. А.], в которые по существующим правилам отсылаются таможенными местами все получаемые из-за границы печатные сочинения, без рассмотрения содержания оных»¹. Министерство внутренних дел, отвечавшее за надзорную активность местных властей, сочло необходимым указать (письмо от 18 декабря 1856 г.), что запрещенные книги «выпускаются из таможен без надлежащего просмотра и потому не поступают в цензурные комитеты», а те, что доставляются, «осматриваются весьма поверхностно»². В то же время в III Отделение поступали сведения о ввозе книг через Архангельск и другие пограничные города, где посылки поступали на рассмотрение к «главному местному начальству»³.

Как видно из «Политического обозрения» за 1858 г., III Отделение в это время рассчитывало главным образом на таможенное ведомство. Сообщая об обсуждавшихся с министром финансов мерах для предотвращения проникновения вольных русских изданий, В. А. Долгоруков отмечал, что «сначала полагалось предписать, чтобы таможи наши производили самый точный досмотр багажу всех без исключения проезжающих, а в случае подозрения осматривали бы и самих путешественников». Однако потом министр нашел в этом «важные неудобства» технического («большая остановка в пропуске проезжающих») и морального свойства («подало бы повод ко многим жалобам на несправедливое подозрение и оскорбление чести»). Кроме того, как резонно замечал А. М. Княжевич, «ни одному правительству не удавалось еще прекратить тайный ввоз и вывоз не только предметов столь малого объема, как книги и рукописи, но даже громоздких товаров, а у нас это по огромному протяжению наших границ еще менее возможно»⁴. Видимо, он же обратил внимание шефа жандармов на возможность ввоза книг дипломатами, курьерами посылками, не подлежащих таможенному досмотру.

Таким образом, министру финансов достаточно успешно удалось отразить попытку III Отделения возложить на таможенное ведомство всю полноту ответственности за проникновение герценовских изданий. В. А. Долгоруков вынужден был признать: «...необходимость заставляет ограничиться ныне принятыми мерами, т. е. общим таможенным досмотром, обыском тех лиц, которые заподозрены, и секретным наблюдением»⁵.

¹ ГА РФ. Ф. 109. 1 эксп. 1856. Д. 298. Ч. 4. Л. 4.

² Там же. Л. 24–24 об.

³ Там же. 1857. Д. 311. Л. 12.

⁴ Россия под надзором. С. 474.

⁵ Там же. С. 475.

Не более успешной оказалась и деятельность III Отделения по обнаружению корреспондентов А. И. Герцена. В отчете за 1858 г. упоминался единственный достоверно выявленный факт переписки с Лондоном кн. Ю. Н. Голицына, и потому шеф жандармов признавал, что «сношения эти производятся с такою осторожностью, что хотя имеется отдельное подозрение на нескольких лиц: Кошелева, Самарина, Селиванова, Павлова, Погодина, Пальчикова, Тетеру и других, – однако ж, доселе не было возможности их обличить»¹. Данная фраза, на мой взгляд, противоречит распространенной легенде о списке корреспондентов А. И. Герцена, брошенном Александром II в огонь². Как видно, III Отделение не знало корреспондентов вольной русской печати, а список подозреваемых не внушал доверия и шефу жандармов. К тому же единственный выявленный корреспондент был выслан в свое имение.

В 1859 г. III Отделение продолжало негласное дознание и следствие, дабы выявить лиц, через которых пересылаются в Лондон не только частные сведения, но и официальные бумаги (прошение М. В. Буташевича-Петрашевского в Сенат, переписка с военным Министерством о выделении средств на покупку розг, материалы по жалобе купца Малкова и др). «Положительного по этому предмету ничего не открыто»³, – признавал В. А. Долгоруков.

Он сожалел, что «таможенный досмотр за всеми мерами, принятыми начальством, не мог достигнуть обнаружения провозителей, так как сии последние употребляли самые тщательные средства, дабы скрыть запрещенные сочинения». Сетования шефа жандармов стали причиной весьма категоричной резолюции Александра II на полях отчета: «Для предупреждения этого вперед сообразить с министром финансов, какие бы можно было принять меры»⁴.

В отчет за 1860 г. был включен список лиц (книгопродавцы – Ключезель, Минлос, сенатор Кочубей, профессор Якубович и др.), к которым адресовались книги «вредного содержания», задержанные таможей и Комитетом цензуры иностранной. Сами издания были доставлены в III Отделение, но установить наличие каких-либо контактов адресатов с лондонскими издателями не удалось: «Книгопродавцы и другие спрошенные по этому предмету лица отозвались, что они никогда запрещенных книг не требовали и о причинах присылки ничего не знают»⁵.

¹ Россия под надзором. С. 474.

² Эйдельман Н. Я. Тайные корреспонденты «Полярной звезды». М., 1966. С. 99.

³ ГА РФ. Ф. 109. Оп. 223. Д. 24. Л. 11 об. – 12.

⁴ Там же. Л. 12 об.

⁵ Там же. Д. 25. Л. 11–11 об.

Помня о резолюции Александра II, В. А. Долгоруков писал в отчете о новом раунде своих контактов с министром финансов и его прежних аргументах. Из новых было указание министра на то, что проверке не подлежат багаж лиц, проезжающих при членах императорской фамилии, посылки с надписью «*expédition officielle*»¹ или адресованные высшим учебным заведениям. В качестве меры противодействия А. М. Княжевич предлагал подвергать «действительной и строгой ответственности» книгопродавцов, которым присылают книги, ибо они имеют «в чужих землях постоянных корреспондентов». Кроме того, следовало, по мнению министра, «обязать их не присылать к ним запрещенных книг, но при этом необходимо будет снабдить наших книгопродавцов реестрами запрещенных книг»². Это предложение было встречено без энтузиазма. В. А. Долгоруков отмечал, что такая мера ввоза «не оградит», но ее будут иметь в виду.

В практическую плоскость этот вопрос вновь перевела настойчивость Александра II, написавшего на полях отчета против слов о предложении министра финансов: «было ли исполнено?»³

Ответ на этот вопрос содержится в специально подготовленном «всеподданнейшем» докладе. Поясняя, что предложения министра финансов «не обнимают всех сторон настоящего дела», ибо книги проникают в Россию не через одних книгопродавцов, В. А. Долгоруков сообщил о рассмотрении III Отделением, министерствами внутренних дел и народного просвещения проекта, который предполагал бы «объявить запрещенными к привозу в наши пределы безусловно все книги, журналы и листки на русском языке, напечатанные за границей, без дозволения цензуры; ввозимые такого рода издания подвести под общий разряд контрабанды, конфисковать их в таможенных и взыскивать денежные штрафы», если же обнаружится «преступное намерение» или «тайный умысел» распространять их, то ввозителя подвергать суду⁴.

Это была лишь концепция. Интерес представляет и сама «творческая лаборатория» III Отделения. Явным веянием времени было то обстоятельство, что собственную позицию III Отделение основывало на внимательном анализе статей Уложения о наказаниях, пытаясь найти правовое решение поставленной задачи. Ситуация была непростой. Так, в одной из служебных записок указывалось: «В последнее время [речь идет о середине 1861 г. – О. А.] ввоз в Россию русских

¹ Официальное отправление (*фр.*) – *Примеч. ред.*

² ГА РФ. Ф. 109. Оп. 223. Д. 25. Л. 11–11 об.

³ Там же. Л. 12–12 об.

⁴ Там же. СА. Оп. 3. Д. 539. Л. 2 об. – 3.

книг, печатаемых за границу, заметно увеличивается, так это видно по нередким случаям задержания таких книг у пассажиров, возвращающихся в Россию. Случаи эти не имеют последствий, и виновные остаются безнаказанными, так как мера наказания слишком строга»¹.

Действительно, статья 1371 Уложения о наказаниях, на которую ссылался составитель записки, предусматривала два вида ответственности: первый за непредоставление в цензуру ввозимых книг установлены были штрафы в размере 7 руб. 50 коп. за каждый непредставленный том, и по 15 руб., ежели (...) открыто будет намерение скрыть от правительства недозволенные и вредные книги», а второй – в том случае, если книги относились «к роду тех, о коих упоминается в статьях 197, 207, 279, 282, 285, 286, 308, 317–319, 1356, 2098, 2182 Уложения», то ввозители подвергались наказаниям, определенным в этих статьях. Какие же это книги? Те, что: противны христианской вере (ст. 197, 207); имеют целью возбудить неуважение к верховной власти или к личным качествам государя или к управлению его государством (ст. 279); оскорбительные для членов императорского дома (ст. 282); заключающие в себе воззвание к бунту или к явному неповиновению верховной власти (ст. 285); оспаривающие права верховной власти или порицающие установленный образ правления или порядок наследования престола (ст. 286); имеющие намерение возбудить к противодействию или сопротивлению властям (ст. 308); оскорбительные для высших государственных мест и должностных лиц (ст. 317); заключающие в себе недозволенные суждения о постановлениях и действиях правительства (ст. 319); имеющие целью развращение нравов и оскорбление частных лиц (ст. 1356, 2098, 2102).

Так, виновные в «составлении и распространении письменных или печатных сочинений», попадающих под действие ст. 279 и 285, приговаривались «к лишению всех прав состояния и к ссылке в каторжную работу в крепостях» на срок от 10 до 12 лет, а по статье 226 – «в каторжную работу на заводах от 4 до 6 лет».

В III Отделении полагали, что эти законы должны применяться к тем, кто привозит сочинения А. И. Герцена и П. В. Долгоорукова, «большая часть коих более или менее» относится к разряду перечисленных книг. Помимо выделенной нами весьма обтекаемой квалификации, неуместной при толковании закона, сомнение вызывает и правомерность применения данных статей к «ввозителям» сочинений. В специально подготовленной для шефа жандармов справке отмечалось: «Наказание же, собственно, за ввоз запрещенных сочинений из-за границы не определено в законах»².

¹ ГА РФ. Ф. 109. 1 эксп. 1861. Д. 188. Л. 5.

² Там же. Л. 4.

Это понимал и автор цитированной выше записки: «...но как ввоз книг в небольшом количестве нельзя отнести прямо к желанию распространять оные с преступной целью, то, следовательно, наказание (...) по Уголовному уложению (...) превышало бы меру вины их. Между тем оставление их без наказания служит соблазном для других и способствует распространению означенных книг». Предлагаемая автором мера сводилась к тому, чтобы подвергать наказанию всех, у кого при въезде в Россию найдут запрещенные сочинения, согласно ст. 279, 285, 286, где сказано: «...имевшие у себя такие сочинения и не избобличенные в (...) распространении оных – если ими не будет доказано, что они имеют у себя эти сочинения по особому распоряжению или дозволению высшего начальства, – подвергаться за сие аресту на время от 7 дней до 3 месяцев, и потом могут быть отданы под надзор полиции от одного года до трех лет». Далее следовал тезис, подтверждавший формировавшуюся практику отказа от административных наказаний: «...такая мера наказания должна быть определена на законном основании по приговору уголовного суда, которому подвергают всех без исключения, какого бы звания, чина и пола ни был бы виновный». Затем определялся порядок предания суду: по месту проживания при получении местным начальством заключения Главного управления цензуры, реестра изъятых книг и после предварительного сношения с начальством того ведомства, где служит задержанный¹.

Предложения тайной полиции – тоже знамение времени! – были направлены на обсуждение в заинтересованные ведомства. Мнения министров сохранились в материалах дела III Отделения «о мерах к пресечению ввоза в пределы империи зловердных русских книг, печатаемых за границую, а равно и к предупреждению печатания таких книг в наших типографиях и литографиях»².

Наиболее содержательная критика проекта представлена в записке Министерства внутренних дел (июль 1861 г.), ее основные положения сводились к констатации: так как в цензурном уставе нет конкретного указания «на русские книги, печатанные за границей без цензурного одобрения», и не публикуются списки запрещенных книг, то «ввозители могут отговариваться незнанием». Затем указывалось, что процедура преследования ввозителей «слишком многосложна» и «при наших формах судопроизводства не может решить дела в короткое время» и, наконец, что «таможенные чиновники не привлекаются личным интересом к открытию запрещенных книг»³.

¹ Там же. Л. 5–7.

² Там же. 2 эксп. 1861. Д. 714.

³ Там же. Л. 20–20 об.

По мнению Министерства, информацию о запрещении всех книг, печатаемых за границей без цензурного одобрения, опубликовать в качестве дополнения к цензурному уставу и «в таможенном отношении подвести эти книги и листы под общий разряд контрабанды». Кроме того, предлагалось установить денежный штраф за ввоз книг, предоставив его определенную долю для поощрения таможенников.

Министерство народного просвещения в своем отзыве солидаризировалось в основном с позицией МВД, предложив увеличить денежные штрафы с 5–10 руб. за лист газеты до 25 руб. и с 10–25 руб. до 100 руб. – за книгу, а также указало на необходимость снабдить таможенников списком запрещенных книг и предложило предавать суду лишь задержанных в третий раз и провозящих более пяти экземпляров запрещенных книг¹.

III Отделение, рассмотрев замечания на свой проект, нашло их, в свою очередь, небезупречными. Так, предложение Министерства внутренних дел «легко может быть обойдено припечатанием подложного цензурского разрешения, которое между тем будет избавлять привозителя от штрафов. А меры, предложенные Е. В. Путятиным, «едва ли удобоисполнимы»: «Увеличение денежных штрафов усилит только тайный провоз книг, подобно тому как при возвышении пошлины на zahraniчные товары усиливается контрабандный провоз их». Рассылка же алфавитов запрещенных книг «до крайности размножит переписку»².

Категоричность суждений была обусловлена намерением ужесточить таможенный и полицейский надзор. На все привозимые из-за границы книги III Отделение предлагало «налагать в таможах особый штемпель со взиманием при этом 1/3 коп. с печатного листа» и отправлять их на рассмотрение цензуры, а в случае обнаружения антиправительственного содержания подвергать ответственности в соответствии с законом. Проставление штемпеля должно было служить основанием к законному преследованию тех лиц, у которых будут найдены тайно привезенные книги, и «лишит их возможности отговариваться неведением о запрещении книги». А сборы за штемпель могут стать источником средств для поощрения таможенников³. Этот план вызвал критику со стороны министерств, задействованных в его реализации. Министр финансов считал наложение штемпеля «ненужным и обременительным», министры внутренних дел и народного просвещения настаивали на своих прежних мерах⁴.

¹ ГА РФ. 2 эксп. 1861. Д. 714. Л. 34–34 об.

² Там же. Л. 45–46.

³ Там же. Л. 48–48 об.

⁴ Там же. Л. 74–77.

Из материалов данного архивного дела не видно, какое решение было принято окончательно, скорее всего вопрос так и остался на стадии бесконечного согласования. Так, дело купца Н. Демидова, арестованного в 1860 г. по подозрению в торговле сочинениями А. И. Герцена, в 1862 г. рассматривалось С.-Петербургским надворным уголовным судом. При этом С.-Петербургское губернское правление запрашивало Главное управление цензуры, «принадлежат ли означенные сочинения к числу тех, самое имя коих у себя, по 279, 285, 286, 304 ст. Уложения о наказаниях подвергает виновного в том взысканию». Цензурное ведомство оказалось застигнутым врасплох, ибо книги были изъяты III Отделением, а для законного преследования требовалось заключение Комитета цензуры иностранной.

В этой ситуации министр народного просвещения А. В. Головин обратился 17 марта 1862 г. в III Отделение, указывая на необходимость передачи в цензуру книг «для определения, по какому роду они могут относиться». Очевидно, системы во взаимодействии судебных органов, министерства и политической полиции не было, иначе не потребовалось бы искать герценовские издания для заключения об их опасном политическом характере. В то же время, как видно из отчета III Отделения за 1862 г., доставленных в тайную полицию студентов Мамонтова и Михеева, задержанных по возвращении из-за границы с сочинениями А. И. Герцена, Н. П. Огарева и В. И. Кельсиева, после кратковременного заключения в крепости отпустили. Владельцу книг Мамонтову было «сделано внушение с отобранием подписки подобных сочинений впредь не иметь»¹.

Вскоре вследствие изменения политической обстановки в стране поменялся и фокус полицейской бдительности.

В отчете III Отделения за 1861 г. В. А. Долгоруков с тревогой писал о том, что «из Западного края перешла к нам небывалая еще у нас зараза – рассылка и подбрасывание возмутительных воззваний, равно других рукописей и печатных листов преступного содержания»². Среди прокламаций, обнаруженных не только в столице, но и в провинции, акцентировалось внимание на двух: «Великорусс» и «К молодому поколению». Характеризуя содержание трех выпусков «Великорусса», шеф жандармов отмечал, что «в 1 № вообще возбуждалось неудовольствие против нынешнего нашего правительства, во 2 № предсказывались волнения со стороны бывших помещичьих крестьян, советовалось дать Царству Польскому и Западным губерниям самобытное существование и доказывалась необходимость конститу-

¹ ГА РФ. Ф. 109. Оп. 223. Д. 27. Л. 45–46.

² Там же. Д. 26. Л. 46 об.

ции для России; в № 3 говорилось исключительно о средствах ввести у нас конституционное правление»¹.

При этом он подчеркивал: «...хотя мысли о последнем распространены у нас в довольно сильной степени между дворянством, учеными и в молодом образованном поколении, но упомянутое воззвание особенного впечатления и беспорядка не произвели». Прокламацию «К молодому поколению», призывавшую «низшие сословия к уничтожению дворянства вообще и лиц высших сословий», он расценивал как «самое преступное и, можно сказать, безумное воззвание»².

Признавая содержание прокламаций в целом преступным, III Отделение, как видим из приведенных выше оценок, дифференцировало политические и тактические лозунги радикальной оппозиции (идеи, созвучные положениям «Великорусса», распространены «в довольно сильной степени», а призывы второй прокламации названы «безумными»).

В советской историографии, много внимания уделявшей изучению «эпохи 1861 года», утвердился тезис Н. Н. Новиковой, которая полагала, что власти рассматривали «Великорусс» и прокламацию «К молодому поколению», а также последующие воззвания как идейно близкие³. С этим утверждением согласиться нельзя. Р. Н. Блюм весьма обстоятельно проанализировал существенные различия между этими документами, отметив, что «Великорусс» был ориентирован на политический переворот, в то время как прокламация «К молодому поколению» – на переворот социальный. Он отмечал, что в этом воззвании «не всегда последовательно защищается социальная точка зрения, и в ней имеется довольно много традиционных политических требований, явно вступающих в противоречие с исходными позициями авторов». При единстве общедемократических требований «Великорусс» видел возможность осуществления политических преобразований без активного участия народных масс, силой образованных классов, в то время как «социальщики» апеллировали к народу, главной силе грядущих социальных преобразований⁴.

Власти судили об этих документах по внешним признакам, как «проявление в высшей степени преступных происков». Из материалов следственного делопроизводства видно, что тайную полицию особенно шокировало появление воззваний «в императорском двор-

¹ ГА РФ. Ф. 109. Оп. 223. Д. 26. Л. 46 об.

² Там же. Л. 48–48 об.

³ Новикова Н. Н. Революционеры 1861 года. М., 1968. С. 110–112.

⁴ Блюм Р. Н. Проблема революции в русской общественной мысли 60-х годов XIX в. // Учен. зап. Тартусск. ун-та. Вып. 465. Тарту, 1979. С. 115–120.

це, в ночь на светлое Христово воскресенье», а прокламаций «К офицерам» и «Земская дума» – в императорских театрах¹.

Политические последствия прокламационной активности интерпретировались в зависимости от конкретной ситуации. В «Нравственно-политическом обозрении» за 1861 г. отвечавшее за спокойствие империи III Отделение отмечало, что «воззвания не произвели никакого особенного дурного действия»², а в материалах «всеподданнейшего» доклада В. А. Долгорукова, обосновывавшего необходимость применения энергичных мер для наведения порядка, подчеркивалось, что первые прокламации «беспрерывно воспаляли воспламененное воображение молодежи»³. И тот, и другой вывод имели под собой определенные основания.

Несомненно, неспособность тайной полиции остановить распространение листовок, подрывала представление о всемогущести правительства и его охранителей, свидетельствовала о росте сил радикальной оппозиции. Это было замечено современниками. Автор «Ответа “Великоруссу”» отмечал: «Вольное печатное слово, сказанное в Петербурге, в главном центре тайных и явных полиций, под носом у Долгорукова и Шувалова, Игнатьева и Паткуля, открытый вызов самодержавию в самом пекле его, – это лучший признак, что рабство начинает нас тяготить, что самодержавие со всеми окружающими и охраняющими его учреждениями бессильно, что для энергической смелости у нас нет невозможного»⁴.

Если говорить об идейном восприятии программно-тактических установок авторов прокламаций, то оно было ничтожным. Даже наиболее реалистичная для того времени – «Великорусс» – осталась лишь любопытной запретной диковинкой. Это обусловлено не только весьма устойчивой традицией послушания власти (одним из проявлений которого были массовые сдачи полученных по почте листовок в полицию), но и довольно активным будированием в легальной печати тематики государственного устройства (например, политический контекст имела дискуссия об истории Земских соборов⁵), что создавало видимость поступательного реформизма «верхов» и делало неуместной какую-либо нелегальную деятельность.

Ориентированные на народ прокламации «социальщиков» («К молодому поколению», «Барским крестьянам...»), вопреки сво-

¹ Новикова Н. Н. Указ. соч. С. 161.

² Россия под надзором. С. 562.

³ Дело Чернышевского. С. 131.

⁴ Колокол. Л. 107. 15 сентября 1861 г. С. 895.

⁵ Эймонтова Р. Г. Русские университеты на грани двух эпох: от России крепостной к России капиталистической. М., 1985. С. 200–210.

ему предназначению, гораздо больше влияния оказывали на власть. И. В. Порох отмечал: «...представление “верхов” о реальности угрозы крестьянской революции шло не от конкретных сведений о массовом движении, а от общественного, антикрепостнического мнения и от революционных призывов, содержащихся в нелегальной литературе и особенно в “Колоколе”»¹. В то же время это не означает, что руководители III Отделения разделяли распространенное мнение, будто Россия находится накануне революции.

Власть беспокоило не массовое крестьянское движение, поднявшееся в 1861 г. после объявления Манифеста до максимального уровня (1861 г. – 1859, 1862 г. – 844 выступления)². Министр внутренних дел П. А. Валуев рассуждал: «Замечательная неизменность некоторых приемов бунтующего народа. Со времен стрелецких бунтов, сквозь Стеньку Разина и Пугачева по 1861 год одни и те же черты (...). ОпираНИЕ зачинщиков на царские имена, обвинение властей в подложных указах, систематическое заглушение каким-нибудь “сгу” увещаний начальников, быстрый упадок духа при энергичском употреблении силы и т. п.»³ Тревожило скорее общее неприятие крестьянами реформы, ее замедление, пробуксовка.

В отчете III Отделения за 1862 г., отмечая более спокойный, чем в минувшем году, ход крестьянского дела, В. А. Долгоруков признавал расхождение ожиданий крестьян с реалиями реформы: «...крестьяне, понимая еще превратно высочайше дарованные им права, надеялись на предоставление им безусловной свободы и полного владения дворянской землею. Ожидание нового об этом закона по окончании двухлетнего срока прежних отношений их к помещикам в такой степени крестьянами усвоено, что большей частью препятствовало согласию их на заключение с землевладельцами условий при составлении уставных грамот»⁴.

Шеф жандармов подчеркивал несколько обстоятельств: крестьяне не доверяли помещикам и поэтому отказывались подписывать какие-либо документы, «дабы чрез то не лишиться дарованных им прав и не сделаться ослушниками высочайшей воли»; различные условия освобождения (выкуп земель, дарственный надел) крестьяне приписывали «изобретению помещиков, рассуждая, что воля царская должна быть одинакова для всех»⁵. Восприятие крестьянами царя

¹ Порох И. В. Отчеты III отделения... С. 114.

² Крестьянское движение в России в 1861–1869 гг. М., 1964. С. 798–800.

³ Валуев П. А. Дневник. Т. 1. С. 118.

⁴ ГА РФ. Ф. 109. Оп. 223. Д. 27. Л. 84 об. – 85.

⁵ Там же. Л. 85 об.

как единственного своего заступника видно и в следующих строках отчета: «Во всех случаях недоумений и сопротивлений крестьян новому порядку они повсеместно желали только правильно исполнить монаршую волю, дабы не навлечь на себя царского гнева за действия, не согласные с законом»¹. И, хотя, думается, при характеристике настроений крестьян как верноподданических не обошлось без некоторого преувеличения, общая тенденция отмечена верно.

III Отделение тревожило то обстоятельство, что существовала потенциальная опасность использования «царистского» настроения крестьянства против «плохих» помещиков, их выступлений за ту «царскую волю», которая созвучна представлениям крестьян. Серьезность момента заключалась в том, что, спекулируя на крестьянских чаяниях, авторы революционных прокламаций могли спровоцировать народное выступление, чтобы использовать его в своих целях. О вероятности подобного развития событий говорил пример Бездненского и Кандеевских восстаний, вызванных слухами о «подлинной», «истинной», «совершенной» воле².

Не случайно в работу по разъяснению сути реформы, ее окончательного характера включился и сам Александр II. Сопровождавший императора в поездке по России В. А. Долгоруков, писал 8 августа 1861 г. из Орла П. А. Шувалову: «...ценя где придется всякий способ говорить с народом, ему была внушаема и самим государем и по его примеру мною, чтобы крестьяне не ожидали ни второй, ни третьей воли, не слушали нелепых расказиков и исполняли все свои обязанности исправно»³.

Об этом же говорил Александр II в 1862 г. в Москве перед волостными и сельскими старшинами, о чем было объявлено повсеместно. По заключению III Отделения, слова эти «прекратили ложные ожидания, ускорив введение уставных грамот»⁴. Вряд ли можно согласиться со столь категоричным утверждением, идея «слушного часа» продолжала жить в крестьянской массе, питая радикалов иллюзиями о возможном народном восстании в 1863 г.⁵

Распространение прокламаций явственно указывало на существование тайных обществ, и надо полагать, что к началу 1860-х годов от

¹ Там же. Л. 88 об.

² Революционная ситуация в России в середине XIX века. М., 1978. С. 224–227.

³ ГА РФ. Ф. 109. СА. Оп. 3. Д. 541. Л. 3–3 об.

⁴ См.: Крестьянское движение в России в 1827–1868 гг. Вып. 2. С. 27; *Татищев С. С.* Император Александр II. Его жизнь и царствование. СПб., 1903. Т. 2. С. 407; *Филд Д.* 1861: «год юбилея» // Великие реформы в России. С. 79–81.

⁵ *Миллер И. С.* «Слушный час» и тактика русской революционной партии в 1861–1863 гг. // Революционная ситуация в России в 1859–1861 гг. М., 1963.

былого скептицизма чиновников тайной полиции на сей счет не осталось и следа.

В отчете III Отделения за 1860 г. упоминалось о раскрытии харьковско-киевского тайного общества, имевшего целью «перемену образа правления на республиканский» через «распространение вольнодумных идей между народом»¹.

Как видно из материалов полицейского делопроизводства, III Отделение было завалено сведениями о самых различных тайных обществах и заговорах. В ноябре 1860 г. один из агентов тайной полиции уверял, что воскресные школы готовят своих многочисленных посетителей «к предполагаемому перевороту в России»². В январе 1861 г. III Отделение проверяло достоверность сведений о существовании заговора среди литераторов, собиравшихся в ресторане Еремеева³. По мере приближения крестьянской реформы слухи нарастали. В сводках агентурных донесений от 11 февраля 1861 г. читаем: «О том, что к 19 числу будет бунт, говорят так положительно, что недоумеваешь»⁴. Инициаторами бунта выступают якобы помещики и офицеры, недовольные грядущей реформой. Весомость суждений подкреплялась и косвенным доказательством – недавним повышением цен на водку: «...это уже достаточно, чтобы возмутить отчаянных пьяниц»⁵.

В конце апреля И. П. Липранди в беседе со старшим чиновником III Отделения А. К. Гедерштерном предрекал для России «смуты и потрясения и повторение Варфоломеевой ночи». Об этом разговоре последний докладывал шефу жандармов, подчеркнув: «Я не могу допустить, чтобы умный человек, как он, говорил таким образом, без каких-либо данных»⁶.

Летом 1861 г. государственный секретарь В. П. Бутков писал из Парижа В. А. Долгорукову о том, «какой вздор рассказывается здесь и в публике и газетах о России. Все убеждены, что у нас идет кровавая революция, открываются беспрестанно заговоры, везде беспокойство и всеобщее неудовольствие»⁷. В числе лиц, распространявших подобные слухи, он называл князя П. В. Долгорукова, уверявшего, «что он знает из верного источника о готовящихся в России заговорах и возмущениях»⁸.

¹ ГА РФ. Ф. 109. Оп. 223. Д. 25. Л. 2 об. – 4.

² Там же. СА. Оп. 1. Д. 1705. Л. 13 об. – 14.

³ Там же. Д. 1971. Л. 6.

⁴ Там же. Л. 11.

⁵ Там же. Л. 11 об.

⁶ Там же. Ф. 945. Оп. 1. Д. 33. Л. 1–2 об.

⁷ Там же. Д. 36. Л. 10.

⁸ Там же.

В это же время в Н. Новгород был командирован офицер корпуса жандармов, так как в III Отделение поступили сведения, что во время ярмарки там соберутся члены тайного общества «с намерением распространения воззваний» и чтобы «условиться о начале действий»¹. В октябре того же года французская подданная Ландрас сообщила, что какие-то офицеры вели предосудительные разговоры, и призы-вала обезопасить особу императора². 1 октября один из агентов доносил об услышанном разговоре, якобы некоторые гвардейские офицеры составили заговор и намерены арестовать наследника и великих князей Михаила и Николая³. Другой агент слышал разговор писарей питейной конторы, один из которых говорил: «Мы ждем государя на железной дороге, мы его душим!»⁴

В разгар студенческих волнений В. П. Бутков убеждал В. А. Долгорукова (в письме в Ливадию от 21 сентября): «Ясно, что студентами управляет и руководит составленное из них или из лиц посторонних тайное общество»⁵. На существование общества «Невония» (по названию реки Невы) указывал в своей записке С.-Петербургский генерал-губернатор П. Н. Игнатьев: «Общество сие первою целию имеет перемену в России образа правления»⁶. 8 декабря 1861 г. А. А. Суворов говорил с царем о полученных А. В. Паткулем анонимных письмах, где «говорят все мерзости, в том числе и то, что царя убьют, если не конституция»⁷. Затем поступили сведения от поручика Л. Л. Пушкарева о существовании тайного общества в Казани.

Приведенных примеров достаточно, чтобы осознать, в сколь нервном состоянии находилось ведомство тайной полиции к началу 1862 г.

В связи с этим интересны откровенные суждения в письме от 26 ноября 1864 г. министра народного просвещения А. В. Головнина к своему лицейскому товарищу барону А. П. Николаи. Министр вспоминал весну 1862 г., когда во время петербургских пожаров император «спрашивал наше мнение, не следует ли подумать, чтоб наказывать смертию», и далее напомнил: «...я один подал голос против смертной казни»⁸. Примечательно, писал министр, что в этой ситуа-

¹ Там же. Ф. 109. 1 эксп. 1861. Д. 258.

² Там же. 3 эксп. 1861. Д. 120.

³ Там же. СА. Оп. 1. Д. 1045. Л. 5 об.

⁴ Там же. Л. 7.

⁵ Там же. Ф. 945. Оп. 1. Д. 36. Л. 16 об.

⁶ Там же. Ф. 109. СА. Оп. 1. Д. 1475. Л. 9.

⁷ РГВИА. Ф. 43. Оп. 4. Д. 730. Тетр. 54. Л. 73. Сообщила М. И. Перлер.

⁸ РГИА. Ф. 851. Оп. 1. Д. 11. Л. 75–76.

ции шефа жандармов В. А. Долгорукова «всего более заботило, что у него не найдется палача и не сумеют построить виселицы, как следует, причем он упоминал, что в 1825 году декабристы срывались, и предлагал выписать из Финляндии стариков, которые в молодости служили помощниками палачей»¹.

Переход к политике открытых репрессий объяснялся в отчете III Отделения за 1862 г. тем, что «в мае начались опустошительные пожары, которые общественное мнение приписало поджигательству, убеждая в том еще более смыслом воззвания “Молодая Россия”, написанного в духе политического исступления. В июне из захваченных на границе писем главных русских возмутителей в Лондоне обнаружилось, сколь далеко распространилось уже во всей империи злоумышление и сколь необходимо было принять противу оногo решительные меры для отвращения великих несчастий»².

По распоряжению властей были закрыты воскресные школы и публичные читальни, Шахматный клуб, некоторые журналы, усилена цензура и полицейский надзор, проведены аресты.

16 мая 1862 г. «по поводу распространения в С.-Петербурге преступных воззваний, равно случаев возбуждения нижних чинов против правительства» была учреждена по высочайшему повелению Следственная комиссия под председательством А. Ф. Голицына³. Затем были учреждены еще две следственные комиссии: одна при С.-Петербургском генерал-губернаторе (председатель П. П. Ланской), другая при Министерстве внутренних дел (председатель С. Р. Жданов) – «по делу о вредном преподавании в воскресных школах». Позже их председатели вошли в состав голицынской комиссии «для согласования сведений и распоряжений о лицах, причастных к делам всех этих комиссий». В комиссию А. Ф. Голицына были переданы необходимые сведения из военного министерства и III Отделения, а также материалы по делу «о противозаконных сношениях русских подданных с заграничными злоумышленниками»⁴.

Статус комиссии А. Ф. Голицына И. В. Порох определил как «своеобразный филиал и исполнительный орган III Отделения»⁵. Если до ее создания первоначальное расследование дел о государственных преступлениях лежало на III Отделении и обвиняемые предавались суду на основании повелений царя, испрашиваемого шефом жандар-

¹ РГИА. Ф. 851. Оп. 1. Д. 11. Л. 76.

² Россия под надзором. С. 593.

³ ГА РФ. Ф. 95. Оп. 1. Д. 471. Л. 2.

⁴ Там же. Л. 2–3 об.

⁵ Порох И. В. Процесс Чернышевского и общественность России // Дело Чернышевского. Саратов, 1968. С. 20.

мов и сообщаемого министру юстиции, то с мая 1862 г. эта функции перешли, а точнее, были распространены на Следственную комиссию.

И хотя в официальном «Кратком отчете по делам Высочайше учрежденной в С.-Петербурге следственной комиссии» 1862–1871 гг. утверждалось, что «комиссия с самого начала ее открытия поставлена на степень самостоятельного учреждения» и находилась «в непосредственном и исключительном подчинении императора (представляла ему отчеты в своих занятиях и действиях и руководствовалась в них законами и особыми высочайшими указаниями)»¹, все же от опеки III Отделения она не была свободна.

Анализируя текст высочайшего повеления по отчету Следственной комиссии от 13 сентября 1862 г., в котором, в частности, декларировалось, чтобы «все министры и главноуправляющие исполняли все требования комиссии», В. Я. Богучарский указывал, что «этим был поставлен в известную зависимость от комиссии даже всемогущий начальник III Отделения – он же шеф жандармов, – принужденный, по крайней мере внешним образом, посторониться и принять на себя как бы вторую роль». Там же историк заметил: «...это не помешало ему фактически направлять все дела по своему усмотрению»².

Думается, что бесспорно лишь последнее утверждение. Высочайшее повеление, о котором идет речь, не касалось III Отделения, так как оно относилось не к министерствам и главным управлениям, а входило в систему С. Е. И. В. канцелярии. Кроме того, подобранный III Отделением и согласованный с ее председателем состав Комиссии был таким, что главную роль наряду с А. Ф. Голицыным играл представитель III Отделения – его управляющий А. Л. Потапов, в то время как от остальных ведомств (министерств юстиции, внутренних дел, военного) входили хотя и опытные, но далеко не столь влиятельные чиновники. И, наконец, как видно из служебной переписки, III Отделение обеспечивало материальную сторону деятельности Комиссии: любые, самые незначительные выплаты испрашивались через III Отделение³.

О степени взаимодействия и взаимозависимости двух ведомств дает представление записка «О деятельности III Отделения в деле учреждения следственной комиссии». В ней отмечалось, что с учреждением Комиссии было предписано «о доставлении сведений в эту комиссию о делах, производящихся в комиссиях о воскресных школах, о пожарах, о воззваниях, привезенных из-за границы на пароходе

¹ Общественное движение 60-х годов под пером его казенных исследователей // Голос минувшего, 1915. № 4. С. 200.

² Там же. С. 216.

³ ГА РФ. Ф. 95. Оп. 1. Д. 471. Л. 2.

“Олег” и по делам сего рода, производящимся ныне в военном ведомстве». Одновременно Комиссия была укомплектована чиновниками для разбора бумаг, которым назначили денежные выплаты из средств III Отделения. Далее сообщалось: «Через посредство III Отделения собираются Комиссиею сведения о многих лицах, оказывающихся принадлежащими или прикосновенными к делу, и учреждается за ними надзор; делаются распоряжения об обысках у них и их арестовании (за исключением некоторых из проживающих здесь, кои были арестованы полициею), о доставлении в С.-Петербург, о заключении в крепость (женщины же содержатся при III Отделении) и о задержании почтовой корреспонденции некоторых лиц, через посредство сего Отделения передается переписка арестованных и делаются в случае надобности сношения по их частным делам»¹.

Особо подчеркивалось участие III Отделения в «розысканиях» по делу Ю. Ю. Гюбнера, перечислялись фамилии лиц, арестованных в различных местах империи (49 человек), бумаги и акты обысков у которых переданы в комиссию; указывались фамилии лиц (3 человек), об аресте которых и препровождении в С.-Петербург сделаны распоряжения. И, наконец, «по рассмотрении в Комиссии дел о некоторых лицах предоставлено было III Отделению окончательное решение их участи или распоряжения к исполнению постановления, состоявшегося в Комиссии»; далее следовал перечень принятых административных мер (увольнение от службы, высылка, секретный надзор)².

Как видим, III Отделение «поставляло» Комиссии необходимый материал, полученный в результате обысков, агентурного наблюдения, перлюстрации, производило аресты. Комиссия в случае недостаточности улик и юридических доказательств вины для судебного рассмотрения передавала дела III Отделению для административного решения на основании высочайшего повеления или испрашивала их непосредственно.

В 1870 году, когда встал вопрос о несоответствии деятельности Следственной комиссии положениям Судебных уставов, в служебной записке III Отделения, адресованной П. А. Шувалову, отмечалось: «В случае закрытия Комиссии III Отделение лишится единственного соответствующего его назначению орудия к преследованию политических злоумышлений»³.

¹ ГА РФ. Ф. 95. Оп. 1. Д. 471. Л. 3–3 об.

² Там же. Л. 1–5 об.

³ Общественное движение 60-х годов под пером его казенных исследователей. С. 216.

Не случайно, анализируя дело Н. Г. Чернышевского, его первый исследователь М. К. Лемке предположил такое распределение функций: «Потапов взял на себя роль режиссера. Сценаристом была Комиссия, а в ней – прежде всего Голицын; кн. Долгоруков, по-видимому, ограничился ролью директора театра, иногда делавшего всем общие указания. Другим директором был двоедушный царь»¹.

Дело Н. Г. Чернышевского представляет собой наиболее яркий пример откровенного искажения фактов, подтасовки доказательств и изготовления улик для расправы с политическим противником.

На 1 марта 1864 г. через Следственную комиссию прошли 544 человека, из них были преданы суду 149, подвергнуты административным наказаниям 264, оставлены на свободе 47, переданы для следствия в другие ведомства 84 человека².

Как видим, в борьбе с политическими преступлениями преобладало внесудебное разбирательство. Это говорит не только о традиционности подходов к этому виду преступлений, но и о весьма некачественной работе как III Отделения, так и Следственной комиссии, не сумевших обеспечить необходимых юридических доказательств виновности подозреваемых лиц и довести дело до судебного разбирательства.

Однако вернемся к событиям 1862 года. После того как репрессивный механизм пришел в движение, шеф жандармов в годовом отчете с полным правом мог заявить: «...меры строгости имели успех; волнение умов видимо успокоилось»³, и сделать вывод: «Таким образом, удалось на этот раз рассеять скопившуюся над русской землею революционную тучу, которая грозила разразиться при первом удобном случае»⁴.

Свидетельством серьезной озабоченности властей состоянием общественных настроений стало командирование в некоторые губернии флигель-адъютантов со специальным секретным предписанием. В инструкции, данной 22 декабря 1862 г. полковнику графу Олсуфьеву, указывалось: «Все то, что заключает в себе признаки какой-либо опасности для общественного порядка, для внутреннего спокойствия государства, для его целостности и для неприкосновенности основ-

¹ Лемке М. К. Политические процессы. С. 268.

² Порох И. В. Процесс Чернышевского и общественность России. С. 31.

³ Россия под надзором. С. 593.

⁴ Там же. С. 594.

ных форм нашего государственного устройства, должно обращать на себя ваше внимание»¹.

На чем же конкретно предлагал сосредоточить внимание подписавший инструкцию шеф жандармов В. А. Долгоруков? «На злонамеренные действия лиц, враждебных правительству, наблюдая, проявляются ли оне в систематическом порядке и взаимной связи, или без признаков системы (...), на постепенное подготовление в обществе таких элементов, которые со временем могут быть враждебны правительству», – все это было следствием недавних столичных событий и реакцией на факт появления прокламаций в провинции. Далее предписывалось смотреть «на общее настроение умов в разных сословиях», причем любопытна дифференциация этих настроений, критерием для которой стало отношение к власти: «...благоприятствующие или неблагоприятствующие правительству или же колеблющиеся между чувством привязанности и неприязни, исполнением долга и сочувствием к стремлениям поколебать нынешнее государственное устройство».

По мнению шефа жандармов, следовало уделить особое внимание активности польской пропаганды, выявлению сепаратистских настроений и состоянию учебных заведений.

Наиболее важными, на наш взгляд, являются инструкции, имеющие четкую адресную направленность: это местная администрация и состояние воинских частей. Деятельность местного начальства рассматривалась с точки зрения его готовности пресечь любые антиправительственные проявления. Следовало выявлять «...недостаток бдительности, решимости и единства действий со стороны местных властей», так как это «способствует распространению и успеху вредных общественных учений и постепенному образованию взаимных связей между людьми, поддавшимися влиянию этих учений и враждебных или по крайней мере недостаточно преданных правительству». Как видим, спектр критериев неблагонадежности достаточно широк: от «враждебно» настроенных до «недостаточно преданных». Свою решимость провести политическую зачистку центральная власть распространяла и на провинцию, так как флигель-адъютантам поручалось не только наблюдать, но и непосредственно принимать необходимые меры.

Последний пункт инструкции требовал обратить внимание на расположенные в губернии войска: «на дух солдат и направление умов офицеров, в особенности же на действия и направления начальников отдельных частей». Политическое брожение в армии, ставшее одним

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 164. Оп. 1. Д. 46. Л. 134–135.

из факторов загруженности Следственной комиссии делами в том числе и по военному министерству, явно рождало аналогию с декабристским движением и требовало повышенного контроля ситуации в армейских частях¹.

Сфера наблюдения, определенная для флигель-адъютантов, во многом совпадала с предметом ведения жандармских штаб-офицеров, и факт присылки в губернии сторонних лиц с аналогичной секретной миссией (о целях поездки флигель-адъютантов жандармские офицеры и начальники губерний знали лишь «в общих формах») свидетельствовал о недоверии к их деятельности, неспособности предоставлять требуемую информацию и осуществлять действенный контроль над местной администрацией.

Но столичный гость должен был не наводить ужас на провинциальную власть и обывателей, скорее наоборот, ему предписывалось успокоить встревоженное местное общество. «Вы должны быть в соприкосновении со всеми слоями общества и пользоваться каждым удобным случаем для успокоения умов», – говорилось в инструкции. Насколько важно было решить эту задачу, говорит и то, что шеф жандармов не ограничился постановкой цели, а довольно детально обрисовал способ ее достижения.

Так, опровергать циркулирующие на местах слухи надлежало «краткими, но положительными отзывами о том, что правительство вполне уверено в спокойном и успешном довершении предпринятых (...) преобразований». Затем «постоянно, но без всякого вида настойчивости» следовало «обращать внимание благомыслящих людей на необходимость для ограждения их собственных интересов быть в тесном союзе с правительством и удаляться от тех приверженцев и распространителей вредных общественных учений, которые под видом противодействия правительству в пользу общества суть в сущности враги общества и замышляют не политические реформы, но социальный переворот». Подобная сентенция весьма показательна, она свидетельствует, что правительство беспокоили не столько революционеры, с которыми оно было готово расправляться путем административных репрессий, или крестьянские буны, усмиряемые вводом воинских команд, сколько отсутствие поддержки, опоры внутри разобщенного дворянства.

Вот почему направляемым в губернии флигель-адъютантам поручалось, исподволь, в частных беседах отвращать собеседников от со-

¹ По подсчетам В. А. Дьякова за 1856–1865 гг., общее число участников сознательных революционных действий из числа военнослужащих достигло 2 тыс. человек (Дьяков В. А. Деятели русского и польского освободительного движения царской армии 1856–1865 гг. М., 1967. С. 16).

циальной мечтательности (как консервативного, так и либерального толка), от огульного порицания властей («не давая торопливой веры всему тому, что рассказывается и печатается насчет разных правительственных мест и лиц»), убеждать их в необходимости единения с правительством («Вы должны стараться сблизиться с предводителями и членами дворянского сословия, высказывая с вашей стороны убеждения в неразрывности интересов этого сословия с интересами правительства»).

Консервативная дворянская фронда, питаемая сознанием ущемленности материальных интересов помещиков в ходе крестьянской реформы и заявлявшая о политических притязаниях первенствующего сословия, могла отступить лишь перед угрозой национальной безопасности. Именно за такую опасность власть и намеревалась выдать революционное движение.

«Вам надлежит, – разъяснял В. А. Долгоруков, – указывать на недобросовестность и неблагонамеренность, которою отличаются многие из наших журналов и газет, отзываться с пренебрежением о малочисленности того кружка, который вследствие случайных обстоятельств завладел большею частью этих газет и журналов; кратко, но утвердительно отзываться о связи революционных происков наших эмигрантов с распространяемыми в империи возмутительными сочинениями и прокламациями и со всеми возникавшими беспорядками, от университетских смут до пожаров»¹. Шеф жандармов, которого не слишком заботила логичность суждений (малочисленный кружок «завладел» большей частью газет и журналов), сводил воедино разные по политическому смыслу факты общественного движения, недоказанные слухи – лишь бы пострашнее представить ситуацию.

Удалась ли флигель-адъютантская миссия, судить трудно. Единению общества и правительства способствовало восстание в Царстве Польском 1863 г. и дипломатические демарши европейских государств, но как свидетельство интенсивного поиска путей упрочения социальной опоры власти эта мера показательна.

1863 год стал переломным в развитии непростых отношений власти и общества: противостояние, оппозиционность как фрондирующего дворянства, так и либеральной интеллигенции сменились единением в патриотическом порыве, вызванном польским восстанием и дипломатическими демаршами европейских государств.

Высшие интересы государства оправдывали и жесткий курс во внутренней политике. Внимание охранительных органов в то время

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 164. Оп. 1. Д. 46. Л. 135.

было сосредоточено на раскрытии «революционного общества “Земля и воля”, стремящегося к ниспровержению существующего порядка и употребляющего воззвание как способ для волнования умов». Однако собранные III Отделением для Александра II сведения были крайне скудны и неопределенны, ибо «ни один из виновных по незнанию ли или по упорству не указал ни членов общества, ни его местопребывания, ни его средств и деятельности»¹.

Самой большой удачей для тайной полиции было разоблачение так называемого «Казанского заговора». Конкретные события и замыслы участников неудавшейся акции поволжских радикалов обстоятельно изучены², но интерес представляет и система правительственных мер как карательного, так и идеологического свойства, успешно формировавших в общественном сознании образ врага и оправдывавших насилие власти.

В разгар польского восстания в III Отделение поступил донос от студента Казанского университета И. А. Глассона, который сообщал: «...для возмущения в губерниях Нижегородской, Казанской, Пермской, Вятской, Пензенской, Саратовской посланы злоумышленниками агенты, которые должны быть на местах между 5 и 10 числами [апреля] (...), с тем чтобы, распространив между крестьянами воззвание, начать бунт нападением на казармы и разграблением казначейства...»³ И. А. Глассон красочно рассказывал, как его согласились принять в общество и обязали «приобрести револьвер, крестьянскую одежду и сапоги с красными отворотами», что уже «собрано 12 000 рублей для раздачи крестьянам, поднявшим бунт, по 12 коп. серебра на человека в сутки» и прочие впечатляющие глупости. Но правительству было не шуток. Это было как раз то, чего оно ждало и боялось.

Первые сведения о тайных кружках в Казани и Перми, которые должны были «в 1863 году, когда будет объявлена свобода крестьянам или когда восстанет Царство Польское, (...) возмутить весь народ, и если нужно будет, то повторить ночь св. Варфоломея», были получены III Отделением еще в декабре 1861 г.⁴ Спешно командированный в эти города Н. В. Мезенцов вынужден был признать, что полученные сведения «не имеют той важности, которую им хотя

¹ Россия под надзором. С. 642.

² *Ершов А.* Казанский заговор // Голос минувшего. 1913. № 6–7; *Козьмин Б. П.* Казанский заговор 1863 г. М., 1929; *Лейкина-Свирская В. Р.* Казанский заговор // Революционная ситуация в России в 1859–1861 гг. М., 1963.

³ *Герцен А. И.* Полн. собр. соч.: В 22 т. Т. 16. С. 339; Крестьянское движение в России в 1827–1869 гг. М.; Л., 1931. Вып. 2. С. 47.

⁴ Дело Чернышевского. Саратов, 1968. С. 602.

придать». В апреле 1863 г. в тот же регион решено было послать флигель-адъютанта полковника М. К. Нарышкина. Настроение правящих кругов очень точно описывает П. А. Валуев в своем дневнике: «3 апреля. Известия из Польши неутешительны, с Запада еще хуже (...). 4 апреля. Перед обедом был у меня князь Долгоруков. Из Казани сведения о готовящихся будто бы около 10-го числа беспорядках. Одним из тамошних студентов, прибывшим сюда, сделан донос. Наименованы некоторые лица, действующие будто бы по указаниям Центрального революционного комитета (...). Дано знать по телеграфу о наблюдении (...). 8 апреля. Телеграф приносит недобрые вести из Приволжского края и из некоторых внутренних губерний. Революционная пропаганда деятельна»¹.

Судя по дневниковым записям от 9 апреля, П. А. Валуев добивался от государя «распространить высочайшее повеление о поджигателях 4 июля 1862 г. на виновных в разбрасывании и раздаче возмутительных воззваний» в Поволжье².

О принятых экстренных мерах сообщалось в отчете III Отделения за 1863 г.: «Со стороны III Отделения было предписано жандармским штаб-офицерам (...) предупредить местных губернаторов о готовившемся возмущении, а с прибытием (...) Нарышкина состоять в полном его распоряжении вместе с подведомственными им офицерами и жандармскими командами. Об оказании же содействия со стороны гражданских властей сообщено министру внутренних дел. Кроме того, по телеграфу дано знать надлежащим начальствам о принятии негласных мер от покушений на казначейства и склады оружия»³.

10 апреля М. К. Нарышкин телеграфировал о своем прибытии в Казань и подтверждении некоторых сведений, сообщенных И. А. Глассоном. Начались репрессии: были арестованы фигурировавшие в доносе Н. Иваницкий, С. Я. Жеманов; жандармскому штаб-офицеру Г. С. Ларионову дано предписание вести секретное наблюдение за рядом профессоров университета.

17–19 апреля английский, французский и австрийский послы вручили А. М. Горчакову ноты правительств своих стран в связи с событиями в Польше.

В конце апреля – начале мая 1863 г. тревога и растерянность в правительственных кругах достигли апогея. Распространение восстания в Царстве Польском на новые территории, рост волнений в Литве, демократическая пропаганда в самой России, а главное – приближение

¹ Валуев П. А. Дневник министра внутренних дел. М., 1961. Т. 1. С. 216–217.

² Там же. С. 217.

³ Крестьянское движение... С. 48.

войны с западными державами – все эти события породили в ближайшем окружении императора весьма тревожные настроения¹.

В такой серьезной обстановке бывший управляющий III Отделением А. Е. Тимашев решил, что настало время вернуться на службу. 30 апреля 1863 г. он писал шефу жандармов В. А. Долгорукову, что, судя по «газетной болтовне (...) тучи, собирающиеся на политическом горизонте, побуждают (...), отложив в сторону личные интересы, пожертвовать всем и встать в ряды защитников отечества». А. Е. Тимашев просил уведомить его о том, продолжать ли ему свои «мирские занятия» или же следует приехать в Петербург. «Одним словом, как поступили бы Вы сами, будучи на моем месте, зная положение дел, Вам сказать это не трудно»², – писал он.

Столь откровенное напоминание пришлось очень кстати. 1 мая 1863 г. император подписал указ о назначении М. Н. Муравьева генерал-губернатором Виленской, Гродненской, Ковенской и Минской губерний. 17 мая после всеподданнейшего доклада министра внутренних дел было «решено командировать на Волгу генерал-адъютанта Огарева, а в Казань, Пермь и Вятку на правах временного генерал-губернатора генерал-адъютанта Тимашева»³. Было также решено учредить в Казани Главную следственную комиссию по делам о распространении возмутительных воззваний под председательством С. Р. Жданова, прошедшего «хорошую» школу голицынской комиссии. Таким образом, в ролях усмирителей оказались влиятельные крепостники, оттесненные на задний план после начала крестьянской реформы.

24 мая В. А. Долгоруков писал своему бывшему коллеге по политическому сыску, что царь соизволил возложить на него обязанность осмотреть Пермскую, Вятскую, Казанскую губернии и временно управлять ими на правах губернатора. Сразу же информировал и о том, что «флигель-адъютант М. К. Нарышкин командирован в Казань и другие места приволжского края по особому политическому делу, представит вам разные данные, заслуживающие полного внимания. Постарайтесь воспользоваться ими, чтобы сколь возможно глубже войти в сеть разного рода преступных козней и предотвратить действия их не только во вверенном вам крае, но и на прочей части России. Комиссия, признанная полезной для сосредоточения политических дел в Казани и других окрестных губерниях, представит

¹ *Ревуенков В. Г.* Польское восстание 1863 г. и европейская дипломатия. Л., 1957. С. 263. Ср.: *Валуев П. А.* Дневник. Т. 1. С. 225. Запись от 20 мая.

² ОР РНБ. Ф. 257. Д. 7. Л. 1–2.

³ *Валуев П. А.* Дневник. Т. 1. С. 224.

официальное уведомление о своей деятельности»¹. Одновременно с письмом В. А. Долгорукова А. Е. Тимашеву были доставлены бумаги от военного министра и министра внутренних дел, а также 5 тыс. рублей на экстраординарные расходы.

Согласно полученным инструкциям А. Е. Тимашеву предоставлялось право объявлять в чрезвычайных случаях высочайшее повеление, располагать войсками, учреждать следственные комиссии и военно-полевые суды, заведовать делами высшей администрации и высшего полицейского управления вверенных губерний².

«По случаю появления возмутительных воззваний и манифестов, могущих произвести волнения», шеф жандармов В. А. Долгоруков специальным письмом с грифом «весьма секретно» предписал «обратить особое внимание на злонамеренные действия лиц, враждебных правительству, на влияние этих лиц и на постепенное приготовление в обществе таких элементов, которые со временем могут быть враждебны правительству; на общественное настроение умов в разных условиях; на действия польской пропаганды, направляемой к потрясению общественного порядка; на недостаток бдительности, решимости и единства действий со стороны местных властей; на состояние и направление учебных заведений; на состояние войск, на дух солдат и направление чувств офицеров, на отношение жителей к войскам и находящимся в них полякам; на раскольников; на состояние заводов, рабочего их класса и средств обеспечения рабочих; на ход крестьянского дела и т. д.»³ Столь широкий спектр полномочий, предоставленных Тимашеву, – свидетельство серьезности опасений правительства за состояние тыловых районов, результат ожидания самых страшных последствий от действий революционной пропаганды.

А. Е. Тимашев в ответном письме к В. А. Долгорукову подчеркивал непоколебимость своих прежних позиций и убеждений и одновременно уязвлял правящие круги в ошибочности их тактики: «...после добровольного моего удаления от дел тому назад два года и троекратных личных моих объяснений его величеству о внутреннем состоянии России, о страшных успехах революционной пропаганды, а также о недостатке единства в действиях нашего правительства ввиду все более и более возрастающей опасности для Верховного начала, столь необходимого у нас, я не ожидал такого рода поручения...» Далее Тимашев писал: «Буду работать и работать неусыпно на основании тех убеждений, которые, к сожалению, не имел причин изменить.

¹ РГИА. Ф. 1687. Оп. 1. Д. 45. Л. 19–19 об., 21 об., 22 об.

² Там же. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 139. Л. 1–2, 5–7.

³ Там же. Л. 11–12 об.

Факты оправдывают свою действительностью то, что в глазах многих казалось преувеличенными опасениями отсталого рассудка, не могущего встать на высоту новых идей»¹.

А. Е. Тимашев сразу взялся за дело и в первом же письме высказал свое мнение о распространяемых в Поволжье прокламациях. Судя по всему, речь шла о воззвании «Долго вас давили, братцы» и о подложном царском «Манифесте», которые, по замыслам их авторов, должны были вызвать крестьянские волнения². Если распространение первого документа особой тревоги у А. Е. Тимашева не вызывало («им [прокламациям] я особой важности не придаю и последствий не опасюсь, как по содержанию их, так и по языку, которым они изложены»), то подложный «Манифест» от имени царя, объявлявший о передаче крестьянам земли без выкупа, свободе вероисповедания, роспуске армии, введении выборных властей от уезда до Государственного совета и призывавший народ к сопротивлению всем властям и войскам, если они будут действовать не согласно с монаршей волей», беспокоил его сильнее. Тимашев писал: «Что же касается до подложного манифеста, то я уверен, что если много экземпляров его проникнет в народ, то последствий от того можно ожидать самых грустных. Годовое пребывание мое в деревне меня близко ознакомило с легковерием крестьян и готовностью, с которой они принимают всякое известие, которое хоть сколько-нибудь льстило их мечтам и ожиданиям»³.

Смутные предчувствия будоражили воображение. Обывателям Казань представлялась осужденной на гибель. Губернатор держал в своей квартире 12 казаков, а начальник дивизии генерал Скалон поставил у себя целый караул из 8 рядовых в полной боевой амуниции, при барабанщике и горнисте. Днем и ночью по городу ходили патрули⁴.

Тревожные вести приходили из Петербурга. «Брожение на Западе ужасное. И едва ли не придется отстаивать права наши грудью (...) приготовьте средства на борьбу»⁵, – писал 7 июня 1863 г. В. А. Долго-руков А. Е. Тимашеву.

В такой непростой обстановке начала свою деятельность Комиссия С. Р. Жданова. Тимашев добился сосредоточения в Казани «проводимых местными комиссиями следствий и одновременного

¹ Там же. Ф. 1687. Оп. 1. Д. 45. Л. 32–32 об.

² Русско-польские революционные связи. М.; Wrocław, 1963. Т. 1. С. 299–300.

³ РГИА. Ф. 1687. Оп. 1. Д. 45. Л. 33.

⁴ Козьмин Б. П. Указ. соч. С. 90.

⁵ РГИА. Ф. 1687. Оп. 1. Д. 51. Л. 18–18 об.

рассмотрения их»¹. Задержанные за распространение прокламаций в разных губерниях должны были направляться в Казань. Как вспоминал М. К. Элпидин, «Казань сделалась центральной тюрьмой по всему Поволжью. В ней не было властей выше высочайшей комиссии по политическим делам и Тимашева (...). Все тюрьмы в Казани были арестантами переполнены»².

А. Е. Тимашеву пришлось самому искать помещения, пригодные для содержания арестантов³. Внимательно изучив инструкции, он выступил с ходатайством об изменении порядка судопроизводства. Первоначально предполагалось всех обвиненных, против которых были собраны юридические доказательства и улики, предавать суду по полевым уголовным законам. Но когда выяснилось, что «число лиц значительно и мера их виновности неодинакова», Тимашев исходатайствовал высочайшее повеление, на основании которого лица, обвиняемые в государственных политических преступлениях, по окончании следствия должны быть распределены по категориям: «с отнесением к I – главных зачинщиков и двигателей, подлежащих суду по полевым уголовным законам, ко II – тех, которые по меньшей степени виновности должны будут подвергнуты суду в обыкновенном порядке, и к III – тех, в отношении которых признано будет ограничиться мерами административными»⁴.

Забота А. Е. Тимашева о справедливости приговора объяснялась отнюдь не гуманностью. Решение о дифференциации арестованных было обусловлено его восприятием причин беспорядков, о чем он писал П. А. Валуеву. По мнению генерал-губернатора, целью зачинщиков было стремление «оживить и ободрить восстание в Польше и, сделав произведенные смуты известными в Европе, поощрить вооруженное вмешательство иностранных держав, стараясь показать им, что внутреннее состояние России может служить для них верным ручательством в успехе». И далее: «Слух о значительном числе смертных казней здесь, внутри государства, в самом скором времени достигнет до Польши и перейдет за наши границы в искаженном виде, и неминуемым последствием того будет достижение цели польских агитаторов»⁵.

А. Е. Тимашеву грезилась и другие методы борьбы с польскими патриотами. В декабре 1863 г. он писал В. А. Долгорукову, что

¹ ГА РФ. Ф. 39. Оп. 2. Д. 8. Л. 10–11 об.

² Колокол. Л. 206. 1865. С. 1687.

³ ГА РФ. Ф. 39. Оп. 2. Д. 39. Л. 24, 37.

⁴ *Ершов А.* Указ. соч. С. 211.

⁵ ГА РФ. Ф. 39. Оп. 2. Д. 8. Л. 3–3 об.

главное зло – это поляки, допущенные на государственную службу. «Очищение России (...) [от них] следовало бы начать, не ожидая совершенного усмирения мятежа (...). Теперь оно было бы естественно и справедливо, и если уволенные по службе встали в ряды повстанцев, то это дело нескольких батальонов. С оружием в руках они никогда не сделают такого вреда, который происходит от их козней». Жалея о невозможности осуществить эти предложения, Тимашев с горечью восклицал: «Немало наделало нам вреда это заискивание благорасположения Запада!»¹

Для наблюдения за «народным духом» А. Е. Тимашев выезжал в середине июня в Пермь. По-видимому, специально для него пермский жандармский штаб-офицер подполковник А. В. Комаров подготовил донесение на имя губернатора Лошкарева о внутреннем состоянии Пермской губернии². Ознакомившись с обстановкой, Тимашев писал 28 июня 1863 г. шефу жандармов: «Отдельные проявления последнего времени с политическим характером не встречают здесь сочувствия. Большие заводчики и землевладельцы в губернии не проживают, а мелких весьма немного и те скромно занимаются своим хозяйством в имениях, не вмешиваясь в дела общественные. Главный, чтобы не сказать единственный элемент общества в Пермской губернии есть чиновничество, которое по безызвестности своей не заслуживает внимания в политическом отношении». На поляков он обратил особое внимание: «Число поляков, состоящих на службе государственной, находящихся под надзором полиции и проживающих добровольно, весьма значительно, личный состав губернского ведомства государственных имуществ особенно богат ими». По его распоряжению должны были быть высланы в уездные города ксёндз Сцегенный, капитан Корзунь – наиболее влиятельные лица. «Вообще, – добавлял А. Е. Тимашев, – поляки далеко не пользуются сочувствием ни между чиновниками, ни между народом»³.

Касаясь положения раскольников, он отмечал, что между ними «нет четкого политического настроения, которое бы выражалось неприязнью к государю или его правительству, но их глубокое и законное невежество делает их до невероятной степени легковыми, а потому нельзя ручаться за спокойствие в случае распространения между ними манифеста или других в этом роде сочинений». Оставившись на настроениях крестьян, он вновь утверждал, что «при настоящих его [простонародья] чувствах к “батюшке-царю”, как они

¹ Там же. Ф. 945. Оп. 1. Д. 61. Л. 4–4 об.

² Русско-польские революционные связи. Т. 2. С. 342–345.

³ РГИА. Ф. 1687. Оп. 1. Д. 45. Л. 34–34 об.

выражаются, никакие происки не в силах их поднять против священной в их глазах особы государя; но во имя его народ может быть доведен до самого яростного исступления, а потому распространение лживых манифестов, как наиболее способных волновать народ, будет преследоваться мною самыми энергичными мерами». В заключение А. Е. Тимашев отметил, что «в этой губернии не только верноподданные чувства не охладели, но не заметно даже неприязни или недовольства к правительству и его органам, несмотря на усилия нашей необузданной литературы, в продолжение нескольких лет стремившейся к подорванию кредита власти, на какой бы ступени он ни находился»¹.

По возвращении в Казань А. Е. Тимашев уделил особое внимание университету и другим учебным заведениям, находившимся в его подчинении. Он потребовал от университетского начальства представить сведения о состоянии университета и, в частности, ведомость о числе студентов, исключенных за 10 лет (с 1853 по 1863 г.). Статистика была тревожной. По годам число исключенных иногда превышало число окончивших, да и в итоге за эти годы окончено 456, а исключено было 515 человек. Главные причины – «дурное поведение», «малоуспеваемость»². Вскоре были приняты меры по усилению надзора за студентами и строгого контроля за выдачей отпускных билетов, которые могли быть использованы «с преступными намерениями»³. Кроме того, А. Е. Тимашев поручил передать профессорам: «Казанский университет на волоске. Если что-либо произойдет в нем, он будет закрыт, а профессора потеряют службу и нигде не будут приняты»⁴. В этих условиях ректор университета А. М. Бутлеров подал в совет университета прошение о своем увольнении от должности.

В сентябре 1863 г. А. Е. Тимашев писал управляющему III Отделением А. Л. Потапову: «У меня все смирно и тихо, как бывало в старину. Надеюсь, что университет в уверенности, что в случае нужды я церемониться не буду; не потребует чрезвычайных мер. Третьего дня я принимал всех профессоров и при этом случае высказал им мой взгляд на состояние Казанского университета. По всей вероятности, в скором времени прочтешь в “Колоколе” описание этого

¹ РГИА. Ф. 1687. Оп. 1. Д. 45. Л. 34–35.

² Вульфсон Г. Н. Новые сведения о числе студентов, исключенных из Казанского университета // Учен. зап. Казан ун-та. Т. 122. Кн. 2. С. 201.

³ Фирсов Н. А. Студенческие истории в Казанском университете 1855–1863 гг. // Русская старина, 1889. № 8. С. 432–433.

⁴ Шестаков Л. Д. Тяжелые дни Казанского университета // Там же. 1896. № 12. С. 523.

проявления, но мне к этого рода повествованиям не привыкать, так как и тебе, я полагаю»¹.

А. Е. Тимашеву очень хотелось перевоспитать некогда «буйный» университет, привить верноподданнические настроения. В разгар раздутого М. Н. Катковым шовинистического угара, когда царю направляли тысячи адресов, демонстрировавших верность народа престолу, в Казанском университете шла активная агитация в поддержку патриотического порыва. Однако, как признавался Тимашев, «мысль эта вскоре была оставлена из боязни раздражить неблагомыслящее большинство товарищей»². А вот преподаватели Тимашева порадовали. Получив в ноябре 1863 г. по почте номер «Колокола», университетский Совет постановил, «что, не имея ничего общего с лондонским редактором, не желает и знать содержания присланного №». Тимашев решил немедленно «факт этот сообщить Каткову»³.

В марте 1864 г., оценивая свои действия, А. Е. Тимашев считал, что они «имели самые благожелательные последствия. (...) Порядок в здешнем университете можно считать вполне восстановленным и даже упроченным». При этом он добавлял: «...под условием, разумеется, неусыпного продолжения наблюдения властей»⁴. Спокойствие, впрочем, было весьма непрочным.

Временный генерал-губернатор уделял большое внимание деятельности Казанской следственной комиссии. Ее председатель С. Р. Жданов регулярно информировал о ходе дел. Так, 7 июля А. Е. Тимашев писал ему: «С благодарностью возвращаю вам портфель. От доски до доски, как говорится, я прочитал находящиеся в нем дела и убедился в неусыпной деятельности комиссии, но остается желать, чтобы ее силы не утомились слишком продолжительными хождениями по тропинкам, из которых еще ни одна не подает положительной надежды вывести Вас на большую дорогу»⁵. Трудность состояла в том, что в руках Комиссии не было главных зачинщиков заговора.

Внимательно изучив ведение дел, А. Е. Тимашев сообщал 16 июля 1863 г. В. А. Долгорукову: «Главная следственная Комиссия работает очень усидчиво, и я ее не тороплю с обвинениями той презренной сволочи, которая до сей поры попадалась ей в руки, так по мне несравненно важнее добраться до главных двигателей всех проявле-

¹ ГА РФ. Ф. 109. 1 эксп. 1863. Д. 97. Ч. 42. Л. 41.

² Русско-польские революционные связи. Т. 2. С. 173.

³ Летопись жизни и творчества А. И. Герцена. М., 1983. Т. 3. С. 577.

⁴ РГИА. Ф. 908. Оп. 1. Д. 644. Л. 17.

⁵ ГА РФ. Ф. 39. Оп. 2. Д. 42. Л. 39.

ний последнего времени. Из всего, что я до настоящего времени мог видеть, я остался при убеждении, что Русского тайного общества не существует, что громкое название “Земля и воля” есть не что иное как ширмы, за которыми прячутся апостолы польского восстания и которые для привлечения деятелей одевают маски с русскими именами. Из показаний некоторых лиц, арестованных комиссией, видно, что они намеревались произвести общее волнение в здешнем крае; но средства, которыми они располагали, так смешны и ничтожны, что, конечно, те лица, которые составляли план волнения, в осуществление его верить не могли. Из дел ясно, они хотели отвлечь часть войска от западных границ и тем способствовать разъединению наших сил...»¹

Наблюдения А. Е. Тимашева интересны и близки к истине. По мнению исследователей, первая «Земля и воля» представляла собой «временный союз идейно разнохарактерных кружков и организаций, объединившихся на основе взаимного компромисса ввиду ожидавшейся крестьянской революции и для того, чтобы, став у руководства восстанием, направить его в русло политической борьбы с самодержавием»². Эта организация была очень слабой, а результативность ее деятельности крайне невелика – несколько прокламаций.

¹ РГИА. Ф. 908. Оп. 1. Д. 644. Л. 23–23 об.

² *Виленская Э. С.* Революционное подполье в России (60-е годы XIX века). М., 1965. С. 94. Если согласиться с утверждением В. Ф. Антонова, что ядро «Земли и воли» состояло из «типичных демократов-просветителей», то определять общую тактику организации как «джентльменскую революционность, грешившую изрядной долей наивности» (*Антонов В. Ф.* Народничество в России: утопия или отвергнутые возможности // Вопросы истории, 1991. № 1. С. 11), на мой взгляд, неверно, как и именовать «Землю и волю» «культурно-просветительским оппозиционным обществом» (*Чернышевский Д. В.* Александр II и его реформы. Саратов, 1993. С. 19). ЦК «Земли и воли» не только не воспротивился печатанию и распространению подложного «царского» манифеста поляками, но и настоял на одновременном распространении аналогичного по смыслу воззвания от имени несуществующего Временного революционного правления, избранного якобы в Москве представителями всех сословий. Сознательный обман, провоцирование народных выступлений для своих политических целей далеки и от «джентльменства», и от «просветительства». Е. Л. Рудницкая подчеркивала: «“Чистейшие сердцем”, как именовал их Достоевский, своим революционаризмом с элементами сакральности они несли в себе заряд нравственного нигилизма, разрушавшего личность и налагавшего печать аморализма на само революционное дело. В шестидесятниках, определивших тип последующих радикальных деятелей, парадоксальным образом сочетались чистейший альтуизм и прагматизм, жертвенность и беспощадность, утилитаризм и идеализм, нравственный релятивизм вплоть до принципиального отрицания приложимости морали к делу революции» (*Рудницкая Е. Л.* Русский радикализм // Революционный радикализм в России: век девятнадцатый. М., 1997. С. 14).

Но именно эти воззвания, деятельность агентов-распространителей и создали у правительства впечатление существования огромного тайного общества. Легко понять разочарование А. Е. Тимашева, которому не удалось раскрыть таковое. Как отмечал М. К. Лемке, после первых арестов большинство членов «Земли и воли» ловко избежали внимания со стороны властей и продолжали свою работу до конца 1863 г., но уже в направлении, близком к задачам особого отряда, – чтобы скрыть все следы организации от следственной комиссии и Тимашева, «в чем вполне преуспели»¹.

С выявлением сути заговора следствие пошло быстрее. Основное внимание было сосредоточено на выявлении главных зачинщиков. Имея за плечами хорошую школу III Отделения, А. Е. Тимашев постоянно вмешивался в дела Комиссии. Так, он распорядился уменьшить паек для арестованных, чтобы сделать их более стоворчивыми. Эта мера пришлась не по душе С. Р. Жданову, который стремился расположить заключенных к себе добрым отношением и предупредительностью, он даже жаловался А. Л. Потапову. Но в действия Тимашева никто не вмешивался, ему доверили довести дело до конца. Когда речь зашла о награждении И. А. Глассона за услуги 3000 рублями, сам Александр II по докладу шефа жандармов «изволил полагать осторожнее, выдачу эту поручить Тимашеву, предоставив ее передать И. А. Глассону полностью или частями в те сроки, которые он признает наиболее удобными»². В «верхах», по-видимому, хорошо знали его принципы: «...разгром слишком важен, чтобы стесняться [в расходах], хороших агентов дешево иметь нельзя, а плохих и иметь не стоит»³.

Будучи сторонником силовых методов, А. Е. Тимашев тем не менее весьма дорожил общественным мнением и старался использовать любую возможность на пользу собственной положительной репутации. Он стал ходатайствовать о смягчении участи К. В. Лавровского, даровитого восемнадцатилетнего юноши, давшего к тому же весьма откровенные показания. Как считал С. Р. Жданов, это решение «дельно», так как «всякое внимание к Лавровскому, которое могло бы его освободить (...), произвело бы огромное нравственное влияние и самое полезное на здешнюю университетскую молодежь»⁴.

О том, насколько авторитетно было мнение А. Е. Тимашева, свидетельствуют выдержки из записки шефа жандармов В. А. Долгору-

¹ Герцен А. И. Полн. собр. соч. Т. 16. С. 337.

² Там же. С. 346.

³ РГИА. Ф. 1787. Оп. 1. Д. 45. Л. 32 об.

⁴ Герцен А. И. Полн. собр. соч. Т. 16. С. 347.

кова к П. А. Валуеву: «Просьба относительно помилования Лавровского настолько сильна, что наш августейший учитель [Александр II] не воспротивится, вероятно, отдаче молодого человека на поруки, если Тимашев основательно обдумает положение дел на месте и найдет просимую милость возможной. Будьте, значит, добры спросить об этом его мнение и доложить его императору с вашим собственным замечанием».

Между тем Комиссия продолжала работу. «Что же она делала? По вечерам ходила поиграть в карты и в то же время утешить публику, что комиссия существует в их городе не с целью вешать граждан, а избавить их от революционной язвы. По дням же ходила по тюрьмам и своим участием каждому арестанту отравляла существование»¹, – писал М. К. Элпидин.

А. Е. Тимашев продолжал наблюдать и за Пермской губернией. По поручению А. Л. Потапова он рассмотрел дело о связи администрации города Чердынь с сосланными поляками и в официальном донесении на имя шефа жандармов от 12 декабря 1863 г. сообщал об удалении от дел уездного исправника Варганова, который своими отношениями с поляками «производит неприятное впечатление на обывателей города и возбуждает различные толки, тем более что Варганов, по глупости и как старик, выживший из ума, в кругу своих посетителей позволяет себе иногда напиваться до опьянения»².

В это же время в С.-Петербург был, по-видимому, направлен отчет о деятельности временного генерал-губернатора, в ответ на который 18 декабря В. А. Долгоруков писал: «То, что вы говорите о крае, вам вверенном, очень успокоительно. По слухам меня несколько тревожила Пермская губ., тамошние заводовладельцы хмурятся и опасаются вмешательства властей в их домашние обстоятельства; но вы лучше нас можете судить о действительном положении вещей»³.

К декабрю 1863 г. напряженность в стране разрядилась. Следственная комиссия свою работу закончила. Фактически были подготовлены и приговоры. А. Е. Тимашева начинало тяготить вынужденное безделье. Отвечая на новогодние поздравления В. А. Долгорукова, он писал, что «начал уже думать, что с той поры, как вверенный мне край совершенно успокоился и не напоминает о себе разными выходками, то все забыли и о моем существовании». Напоминая, что его «вызвали» [!] на службу «в край взволнованный, в котором готовилось восстание», и что он, «тотчас бросив все дела, непрекословно явился

¹ Колокол. Л. 206. 15 октября 1865. С. 1687.

² Русско-польские революционные связи. Т. 2. С. 173.

³ РГИА. Ф. 1687. Оп. 1. Д. 51. Л. 30–30 об.

на зов», А. Е. Тимашев считал, что теперь «главный начальник края с характером временным и кругом действия ограниченным делается совершенно лишним», и просил отпустить его со службы¹.

Шеф жандармов В. А. Долгоруков обещал удовлетворить его просьбу «немедленно по окончании политического дела поляков»². М. К. Элпидин вспоминал: «Комиссия передала дела Тимашеву и уехала. По отъезде комиссии легче стало дышать арестантам. Они избавились от ее сердечного участия. Тимашев скомплектовал военный суд³, начались снова допросы, но допросы более для формы. Узнавать было нечего, потому что высочайшая комиссия все подготовила. Даже разделила арестованных на категории, определив, кого убивать, кого на каторгу»⁴.

Нерешенным оставался вопрос с И. В. Кеневичем, в деле которого не было прямых улик. Ему долго не разрешали писать родным во Францию о присылке денег. Когда же он написал французскому консулу, чтобы тот опротестовал его неправомерный арест, А. Е. Тимашев разорвал эту петицию. Вопрос, является ли Кеневич французским подданным, обсуждался и в министерствах внутренних и иностранных дел, и в III Отделении, однако окончательно выяснен не был. Точку в этом деле поставил А. Е. Тимашев. Указывая, что поводом к «недоразумению о подданстве» Кеневича послужило то, что он родился за границей и не присягал царю, генерал-губернатор разъяснял: «По достижении совершеннолетия [Кеневич] ходатайствовал через посредство отца о записке в дворянскую родословную рода Кеневичей Минской губернии, очевидно, признавая себя русским подданным, сохранившим право на дворянское достоинство по рождению (...) и от него, как законного сына русского дворянина, вовсе не требовалось присяги». Было решено считать И. В. Кеневича русским подданным⁵.

М. К. Элпидин свидетельствовал о настроениях заключенных: «Как то Тимашев распорядится с нами? Задавали себе вопросы подзамочные жители. Они думали, что приговоренных к смерти сошлют на 20 лет в каторгу; что по женитьбе царского птенца сочинят милостивый манифест или просто дадут амнистию на символическое 19 февраля. Да и каким образом убивать после всех тех насилий и оскорблений, которые вынесли арестованные в побочных и глав-

¹ ГА РФ. Ф. 945. Оп. 1. Д. 61. Л. 5–6.

² РГИА. Ф. 1687. Оп. 1. Д. 51. Л. 32.

³ Военно-полевой суд начал работу 14 января 1864 г.

⁴ Колокол. Л. 206. 15 октября 1865. С. 1688.

⁵ ГА РФ. Ф. 39. Оп. 2. Д. 22. Л. 127.

ных комиссиях! Тринадцать с половиной месяцев одиночного заключения, без сообщения с родными и знакомыми, непременно все это примется как смягчающие обстоятельства. 14 декабря 1825 г. никак нельзя сравнить с нашим делом. Тогда выходили на площадь и дрались, – и то Николай их только пятерых убил, а у нас (...), у нас ничего подобного не было. Нет, Александр II посовестьется душить за одни разговоры»¹.

Но надежды оказались напрасными. 6 июня 1864 г. в 7 часов утра за городом были расстреляны Мрочек, Станкевич, Иваницкий и Кеневиц. Как доносил начальник казанского жандармского округа: «Казнь эта во всех слоях общества не оставила следов впечатления, глубоко потрясающего, и как бы давно ожидаемая, как справедливая кара за подобные преступления, видимо, принята массой зрителя с совершенным равнодушием»². Во время казни «Тимашев у себя во дворе делал свое дело. Он мучил пятого человека. За $\frac{1}{4}$ часа до процессии Тимашев захватил в квартире силой невесту Иваницкого и запер ее у себя в пустой комнате. Явясь к ней после убийства, он сказал ей: “Очень рад, что вы избавились от этого подлеца Иваницкого, дайте мне вашу ручку”. “У вас руки в крови”, – едва слышно произнесла девица. Тимашев, истинный художник, после кровавого пира, задал бал, и казанская аристократия плясала и наслаждалась музыкой»³.

Позже А. Е. Тимашев рассказывал Л. П. Шестакову о вечере накануне казни: «Ах, ужасно было тяжело, когда мне принесли к подписи смертный приговор. Целую ночь не спал – все ходил и волновался. Особенно участь одного из осужденных на смертную казнь, Кеневица, меня сильно тревожила. Суд приговорил его к смертной казни по уликам. Другие сознались, но этот ни разу не изменил себе: твердо, упорно и смело стоял на одном, что он не виноват. Прямых улик на лицо не было, но внутренний голос сильно говорил во мне, что Кеневиц виноват, что он главный вожак в этом деле. И после долгих колебаний я подписал смертный приговор всем осужденным на смерть (...). Но как тяжело, как невыразимо тяжело класть резолюцию на такую бумагу и подписывать ее, сознавая, что от твоей подписи зависит жизнь человека»⁴. Как видим, из уст Тимашева прозвучало весьма отчетливое признание незаконности, необоснованности смертного приговора.

Вскоре после казни жандармский штаб-офицер доносил из Казани в III Отделение: «К общему удовольствию жителей тишина цар-

¹ Колокол. Л. 206. 15 октября 1865. С. 1689.

² Герцен А. И. Полн. собр. соч. Т. 16. С. 366–367.

³ Колокол. Л. 206. 15 октября 1865. С. 1690.

⁴ Шестаков Л. П. Указ. соч. С. 521–522.

ствуется глубокая, невозмутимая, все присмирело, возражений и пересудов никаких не слышно даже от личностей передовых, еще недавно равнодушно смотревших на возникавшие вокруг них замыслы, чуждые здравого смысла и могшие произвести кровавые последствия; теперь все смирились, приняли другое направление и вполне довольны, пользуются возрожденным спокойствием после продолжительного тревожного времени. Это благотворное покойное состояние общественного духа, неоспоримо, суть результаты глубоко обдуманного управления генерал-адъютанта Тимашева, направленного верным путем к успокоению не только вверенного ему края, но и соседственных губерний, преимущественно приволжских. Откуда тоже исходит справедливая оценка всех разумных мер и служебной деятельности его превосходительства»¹.

Революционные призывы, так пугавшие «верхи», никакого воздействия на народ не оказывали. Виной тому не только иллюзорность теоретических представлений радикалов о возможности поднять народ против самодержавия, ради каких-то политических целей, но и неудачная для проведения такой антиправительственной акции внешнеполитическая ситуация, а также их тесные связи с поляками, позволявшие официальной пропаганде представлять отдельные действия и призывы как предательство и, соответственно, трактовать политические репрессии как защиту национальных интересов.

В «Обзоре деятельности III-го Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии за 50 лет 1826–1876» об этом периоде политического надзора сообщалось: «Хотя возникновение польского мятежа в 1863 г. пробудило в русском народе глубоко патриотическое настроение, но это чувство не нашло отклика в жалкой горсти людей, увлекшихся революционными теориями. Третье Отделение, раскрыв в 1862 г. пути сношений Лондонских революционеров с их главными соумышленниками в России, энергическими мерами преградило заграничной революционной печати доступ в пределы Империи. Тогда на место ея выступает печать подпольная, достигшая в год польского мятежа особенного развития. С февраля 1863 г. начинают появляться и распространяться печатные экземпляры возмутительных воззваний со штемпелем Русский Центральный Комитет “Земля и Воля”. Отделение открыло виновного, Николая Утина, но он успел скрыться за границу. Затем революционные прокламации появились в Казани, где было обнаружено преступное намерение произвести вооруженное возмущение; их разбрасывали также в губерниях Нижегородской, Пензенской, Тамбовской, Пермской и Вят-

¹ Герцен А. И. Полн. собр. соч. Т. 16. С. 366–367.

ской и почти по всему Поволжью. В Чернигове также были открыты составители и распространители революционных воззваний. На Волыни появились воззвания от имени русского священника к русскому духовенству об отделении Малороссии и учреждении в Киеве независимой митрополии. Наконец в Архангельской губернии найдено было воззвание «к русскому народу», литографированное славянскими буквами и названное местными жителями молитвою»¹.

А вот мнение шефа жандармов: «Все эти прокламации не находили никакого отзвука в народе, но производили опасное действие на учащуюся и особенно недоучившуюся молодежь. В ее среде все более и более развивался и укреплялся нигилизм, безусловное отрицание всех начал нравственности, семейного союза, религии»². На это новое идеологическое направление В. А. Долгоруков обратил внимание Александра II в отчете III Отделения за 1864 г.

В центре жандармского внимания оказался возникший в С.-Петербурге кружок молодых людей «безнравственного и вредного направления». Шефа жандармов беспокоило то, что «они отвергают все правила общественного устройства, не признавая ни родственных отношений, ни брака, заменяют его одинаковым правом обоих полов на близкие связи между собой и разделяют идеи об общности состояний и труда»³. Руководителем – «главным распорядителем» – общества считался В. А. Слепцов. Помимо нескольких названных фамилий членов кружка, упоминалось, что на его собраниях бывало свыше 20 человек. Единственно, что могло сделать III Отделение в этой ситуации, так это продолжить наблюдение и обратить внимание столичной полиции на собрания, так как «положительных доказательств для обвинения всех этих лиц не обнаружено». В пояснительной ремарке к этому сообщению отмечалось, что «кружок этот, названный «коммуной», составиля по теории, заявленной в литературе»⁴.

По мнению жандармов, эта теория из литературы вошла в общественный быт. Несомненный интерес представляет обнаруженная в делах III Отделения и опубликованная Н. Ф. Бельчиковым записка по данному вопросу, датированная 8 мая 1864 г.⁵

¹ ГА РФ. Ф. 109. Оп. 221. Д. 16. Л. 35 об. – 37.

² Там же. Л. 37.

³ ГА РФ. Ф. 109. Оп. 223. Д. 29. Л. 52 об. – 53. В отчете за 1865 г. также упоминалось «обнаруженное в 1864 г. в С.-Петербурге между молодыми людьми применение к практической жизни теории нигилизма или отрицания всех верований, всех нравственных условий семейного, родственного и общественного быта» (Там же. Д. 30. Л. 82).

⁴ ГА РФ. Ф. 109. Оп. 223. Д. 29. Л. 53.

⁵ Журналы 60-х годов XIX в. в оценке III Отделения // Исторический архив, 1957. С. 159–165.

В этой записке прежде всего разъясняется история самого термина «нигилист»: «Тургенев в повести своей “Отцы и дети” первый назвал нигилистами (от слова nihil) молодых ученых, которые проверяют свои познания практическими опытами и отвергают все, что не подтверждается этими опытами». Этим термином, писал автор записки, стали называть писателей и молодых людей, «которые все отвергают и выдаются вперед по беспорядочности своих мыслей и по растрепанной наружности». Основы этого учения, по мнению автора, заимствованы с запада, но «наши нигилисты (...) схватывают у иностранцев одни верхушки и проявляют материализм свой только тем, что подрывают в простодушных читателях веру в ветхозаветные сказания и в христианское учение».

Беспокоил автора и тот факт, что «нигилисты наши составили такую плотную и самовластную корпорацию, что действуют в литературном мире совершенно деспотически». Что же им инкриминировалось? В первую очередь, то, что «они не довольствуются монархическим устройством нашего государства» и «при этом явно высказывают предпочтение не только конституционному, но даже демократическому и анархическому правлению, восхваляют революции и революционных деятелей (...), говорят о слиянии сословий и равенстве всех граждан, об уничтожении частной собственности и разделе имущества поровну и т. д.». Смущает автора также, что Александра II «они еще прославляют за то только, что в преобразованиях его они видят либеральные направления», проходя молчанием все, чем восторгались их предшественники, воспевавшие русских царей и сочинявшие «целые трактаты о преимуществах монархического правления». Мысли о равенстве, говорится в записке, эти писатели проводили «под видом рассуждений о сближении с народом и о любви к меньшей братии». И далее: «Нигилисты наши (...) считают себя и все молодое поколение главными деятелями общественной и государственной жизни». Ссылаясь на роман Н. Г. Чернышевского «Что делать?», автор включил в число прегрешений распространение идей об эмансипации женщин и свободе брачных отношений. Произведения этих литераторов, по мнению автора, наполнены «двусмысленностями и неблагопристойностями». Однако сами они, продолжает он, это направление словесности называют «реальным, с гордостью утверждая, что только такая литература, извлекаемая из действительной жизни и приносящая практическую пользу, есть истинная литература». С точки зрения охранки, судя по этой записке, и атеизм, и порицание общественного строя, равно как и мораль, поведение, не соответствовавшее общепринятым нормам, воспринимались как опасные для общества.

III Отделение беспокоило возможность распространения этого «учения» из столиц в провинцию: «...в 1864 г. открыты были следы пропаганды между мастеровыми в Саратове»¹. Речь шла о деятельности рабочей артели, организованной бывшим студентом Казанского университета А. Х. Христофоровым. Поскольку никаких серьезных доказательств антиправительственной деятельности обнаружено не было, А. Х. Христофорова и его товарищей выпустили из-под ареста, но вскоре в административном порядке выслали в отдаленные губернии². Любопытно признание III Отделения о правовой подоплеке этого наказания: «По недостаточности открытых юридических улик судебное рассмотрение дела не могло иметь последствий; поэтому главные виновники были подвергнуты административным взысканиям»³.

Об этом же говорит и пристальное внимание руководства тайной полиции к сведениям, полученным из Орла в июне 1865 г.

Губернский жандармский штаб-офицер в своем рапорте сообщал, что «нигилизм весьма заметно проник в некоторые семейства». Однако представление о сути нигилизма у жандармского офицера было весьма одностороннее. Поэтому в числе приверженцев учения он называл не литераторов или недоучившихся студентов, а князя Солнцева, купца I гильдии Суслова, помещицу Савелову, жену председателя казенной палаты Озерскую, двух докторов. Зачинателем этого течения в губернии штаб-офицер считал бывшего члена губернского комитета от правительства умершего в 1864 г. помещика Карпова, ранее жившего долгое время за границей. Именно он «первый привел в Орле идею о нигилизме, и вследствие этого семейная жизнь в некоторых семействах представляет грустную картину, так как святость брака положительно отрицается».

Что же касается молодого поколения, то автор рапорта отделался общими словами: «От возмужалых нигилизм, несомненно, проникает в среду юных». Заметив, что, может быть, и найдется двое-трое гимназистов, которые «успели в частном быту ознакомиться с разными идеями и взглядами», но отмечал, что влияния они не имеют и в «кружках, хорошо знакомых с нигилизмом, гимназистов не бывает»⁴. Можно полагать, что в данном случае к нигилистами были причислены персоны, известные свободой отношений между

¹ ГА РФ. Ф. 109. Оп. 221. Д. 16. Л. 37.

² Очерки истории Саратовского Поволжья. 1855–1894. Т. 2. Ч. 1. Саратов, 1995. С. 92–99.

³ ГА РФ. Ф. 109. Оп. 221. Д. 16. Л. 37–37 об.

⁴ Там же. 1 эксп. 1865. Д. 253. Л. 2–3.

полами¹. Это был единственный признак нигилизма, усвоенный жандармом, невосприимчивым к сути социально-политических идей. Руководство III Отделения не обратило внимания на это обстоятельство и не только предписало продолжить негласное наблюдение, но и включило эти сведения в свой ежегодный отчет.

Другой случай, обративший на себя внимание высшей полиции, был связан с бывшим воспитанником Александровского лицея коллежским секретарем Ножиным, который увез из имения отчима свою 18-летнюю сестру². Сам Ножин, «сочувствуя распространению идей отступления от общепринятых правил жизни (...), желал видеть такое же направление в сестре своей и намеревался докончить ее образование». Дело это было передано в Следственную комиссию, для того чтобы «порождаемое зло для пресечения его было расследовано до основания».

В отношении Ножина было установлено, что, находясь за границей на казенный счет для продолжения образования, он некоторое время жил с родителями в Гейдельберге; общение со студентами, чтение сочинений Бокля, Фохта, Миля имело влияние и на его сестру³. Что же касалось нигилизма как такового, Следственная комиссия запросила дополнительные сведения у III Отделения, желая знать конкретных лиц – проповедников учения, а также в чем заключалась их «безнравственная и вредная для общества деятельность», что известно о существующих кружках и последователях учения⁴.

Ответ III Отделения был весьма уклончив. После указания на европейские корни нигилизма отмечалось: «Теория материализма, модифицированная учением Фейербаха, Бюхнера и других их последователей, должна была несомненно отразиться на русском обществе». Причину этого в тайной полиции усматривали «в несовершенной прочности усвоенных им [обществом] нравственно-общественных начал», в готовности к восприятию «новых идей всякого рода». Преобразования последнего десятилетия, констатировал автор записки, привели к тому, что всякое новое «видоизменение мысли» принималось с увлечением, характерным особенно для молодого поколения. И далее: «Прелесть отвержения всего священного и прочного в гражд-

¹ В этой связи показательным пониманием внутренней логики поступков нигилистов Н. А. Бердяевым: «Проповедь свободы любви означала не проповедь распушенности, которая сильна была у консервативных господствующих классов, у гвардейских офицеров и т. п., а не у нигилистов, людей идеи. Эта проповедь означала требование искренности в чувствах, освобождения от всяких условностей лжи и угнетения» (*Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма*. М., 1990. С. 43).

² Герцен А. И. Полн. собр. соч. Т. 17. С. 363–364.

³ ГА РФ. Ф. 109. Оп. 223. Д. 30. Л. 83–84.

⁴ Там же. 3 эксп. 1865. Д. 91. Л. 1–2.

данском обществе, а также замене идеи об обязанностях, мыслью о безусловной свободе неминуемо должно было найти в среде его горячих адептов». Как видно из этого текста, возникновение нигилизма считалось закономерным следствием динамизма общественной и государственной жизни страны¹.

Касаясь истоков, автор записки отмечал, что это течение развивалось изолированно, затем началось сближение на «фаланстерских началах», которое привело к составлению коммун. В III Отделении считали, что этому способствовали «явившиеся вдруг в значительном числе танцевальные вечера». Видимо, авторы полагали, что извольности поведения вытекает и преступная вольность ума.

В записке указывалось местонахождение выявленных кружков: на Выборгской стороне, у В. А. Слепцова, в 9 роте Измайловского полка. Цели их определялись как «распространение учения о безбрачном совместном жительстве». Сообщая о составе коммуны В. А. Слепцова, за которой полиция имела постоянное наблюдение, автор записки утверждал, что «проводимые нигилистами идеи туго прививаются к обществу, и самые их коммуны как бы разрушаются сами собой»².

Эти предоставленные III Отделением сведения не дали оснований для каких-либо практических действий. Следственная комиссия, «не находя в изложенных обстоятельствах ни политического характера, ни юридических данных для формального преследования лиц, предавшихся извращенному образу жизни», была вынуждена сделать заключение о необходимости продолжать наблюдение³.

Столь пристальное внимание тайной полиции к учению нигилистов при малочисленности их последователей⁴ и невинности проявлений можно объяснить не только тем, что после разгрома кружков радикалов в 1862–1863 гг. «простаивали мощности» политического

¹ Летом 1866 г., уже будучи в отставке, В. А. Долгоруков, заведя разговор о нигилизме, пенял бывшему министру народного просвещения А. С. Норову: «Я также виноват, но и вы не в меньшей степени виноваты, что дали укорениться нигилизму». На возражения удивленного А. С. Норова, что это течение появилось в последние 3–4 года, а он уже 10 лет как оставил министерство, В. А. Долгоруков отвечал: «Да у вас были такие профессора, как Белинский и Грановский» (Старина и новизна. 1914. № 17. С. 383–384). Фамусовский взгляд на образование («Ученье – вот чума, ученость – вот причина») бывшего шефа жандармов показателен, как и представление о том, что литературный критик В. Г. Белинский был профессором.

² ГА РФ. Ф. 109. 3 эксп. 1865. Д. 91. Л. 3–7.

³ Там же. Оп. 223. Д. 30. Л. 84 об.

⁴ В списке лиц, «которые обратили на себя внимание нигилистическим направлением», присланном в октябре 1865 г. из Следственной комиссии в III Отделение, значился 71 чел. (ГА РФ. Ф. 109. С.А. Оп. 1. Д. 257. Л. 2).

сыска и их необходимо было загрузить работой, а также поддерживать авторитет высшей полиции обнаружением новых внутренних врагов, но и тем, что само существование нигилизма было, по сути, отрицанием III Отделения.

С распространением нигилизма тайная полиция связывала раскрытый в 1865 г. заговор в Омске, имевший целью отделение Сибири от империи, но самым главным следствием «этой нравственной язвы» в III Отделении назвали «злодейское покушение Каракозова, возмутившее всю Россию»¹.

Хотя расследование этого преступления было поручено высочайше учрежденной в С.-Петербурге следственной комиссии, тем не менее «оно поглотило в течение нескольких месяцев всю деятельность Третьего Отделения». Как отмечалось впоследствии, выявленные факты никогда еще «не обнаруживали с такою ясностью, до какого глубокого нравственного падения, до какого страшного преступления могут быть доведены молодые неопытные умы, безнаказанно развращаемые революционными идеями»².

Можно понять реакцию учреждения, столько лет охранявшего Россию от западной заразы материализма и социализма и вынужденного наблюдать успех ее распространения.

Признавая, что «в числе преступников не оказалось ни одного сколько-нибудь известного имени ни в государственной, ни в ученой или литературной, ни в общественной деятельности», III Отделение фактически подтверждало ошибочность приоритетов политического сыска. Не лидеры литературно-общественного движения, за которыми пристально следила полиция, пошли на конфронтацию с властью, а представители неуловимой массы простого студенчества, впитавшего новые социальные теории и критическое отношение к российским реалиям.

В отчете III Отделения за 1869 г. видна уже иная оценка этого течения: «Нигилизм в последние годы видоизменился. Из гадкой шалости небольшого числа молодых людей обоего пола, видевших в непризнании наружных общепринятых приличий способ доказать свою самостоятельность, он перешел в положительное учение, преследующее определенные социальные и политические цели. Он уже не только отрицает, но и утверждает (...). Допущенный до такого развития нигилизм уже не может быть искоренен прямым гонением, нужно приискать для борьбы с ним другое оружие. Русский нигилист соединяет в себе западных атеиста, материалиста, революционера,

¹ ГА РФ. Ф. 109. Оп. 221. Д. 16. Л. 37 об.

² Там же. Л. 37 об. – 38.

социалиста и коммуниста. Он отъявленный враг государственного и общественного строя, он не признает правительства»¹.

«Другое оружие», примененное П. А. Шуваловым против нигилизма, ударило не только по безусым радикалам, его воздействие почувствовали на себе и либералы, и консерваторы.

* * *

В апреле 1862 г., реагируя на рост общественной активности, высшая полиция обосновывала вынужденный характер репрессивных действий отсутствием диалога с обществом. При этом В. А. Долгоруков видел в оппозиции «внутренних врагов» и убеждал императора в необходимости немедленных мер «для охранения государства»². Быть услышанной и сбить радикальные настроения власти не удалось: «Правительство пыталось уже (...) действовать на нравственную сторону народных двигателей с тем, чтобы, уверив их в благонамеренности своих стремлений и в невозможности дать вдруг еще больший у нас простор либеральным идеям века, расположить их к системе постепенного развития, принятой законной властью»³. Власти приходилось сочетать «снисходительность к виновным» и продолжение политики реформ. Считаясь с общественными настроениями, шеф жандармов полагал необходимым продолжать шаги по наведению порядка в стране в рамках, очерченных законом: «Устранение по возможности всякого повода к упрекам правительству в несправедливости и произволе и твердое действие по смыслу законов, но без излишнего снисхождения к виновным в нарушении оных»⁴, т. е. демонстрировать пример законности и правового разрешения конфликтов.

Шеф жандармов настолько был скован опасениями перед возможной негативной реакцией в обществе на репрессивные действия полиции, что предлагал, перед тем как произвести «одновременный строжайший обыск в квартирах сомнительных лиц», пригласить их к пользующемуся «общественным расположением» князю А. А. Суворову для предупреждения их о том, что они находятся под наблюдением полиции и любой предосудительный поступок «подвергнет их сильному наказанию»⁵. «После подобного предварения никакой

¹ Россия под надзором. С. 684–685; *Седов М. Г.* Современники и историки о русском нигилизме // История СССР, 1984. № 5. С. 51.

² Доклад шефа жандармов В. А. Долгорукова Александру II // Дело Чернышевского. Саратов, 1968. С. 127.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 128.

⁵ Там же. С. 132–133.

обыск не должен уже возбудить укора», – убеждал шеф жандармов императора. Однако Александр II с такой осторожно-примирительной тактикой не согласился. Он полагал, что такое предупреждение ни к чему не приведет и, напротив, «даст возможность главным коноводам уничтожить и скрыть все бумаги, могущие их уличить»¹. Государь лучше понимал специфику полицейского сыска, чем главный начальник высшей полиции.

В этой же записке, говоря о конкретных полицейских мерах, шеф жандармов указывал, что осуществляемое III Отделением «бдительное наблюдение» в современной ситуации оказывается недостаточным», так как «случаи, обнаруженные наблюдением, нередко требуют принятия самых поспешных мер, не представленных по закону сему учреждению»². Необходимо было реорганизовать полицейскую систему, соединив тайное наблюдение с «предоставленною полиции властью законно преследовать зло»³. Процесс, требовавший серьезных ассигнований на деятельность секретных отделений и агентуры, не был завершен.

Скорые методы усмирения были испробованы в Казани в 1863 г. Чрезвычайные полномочия временного генерал-губернатора и разыскной механизм следственной комиссии умиротворили взволнованный край. Выявленная аморальность революционных замыслов и продемонстрированная решительность власти в обеспечении порядка и спокойствия обывателей работали на авторитет правительства, подготавливали в общественном сознании необходимость появления «сильной руки», как панацеи от хаоса и анархии.

Выстрел Д. Каракозова 4 апреля 1866 г. изменил правительственный курс. Новый шеф жандармов П. А. Шувалов, лишенный сентиментальности и рефлексии на темы законности ушедшего в отставку В. А. Долгорукова, убеждал Александра II в необходимости немедленных действий: «восстановить власть, преобразовать полицию, изменить направление министерства народного просвещения и поддержать органы землевладения, а следовательно, дворянство»⁴.

Для того чтобы «вновь воспрять ускользнувшую власть», он требовал «прекратить резвившиеся последнее время нападки печати и враждебные выходы дворянских и земских собраний против правительства, его принципов и представителей»⁵. Если не остановить

¹ Там же. С. 133.

² О полицейских мерах // Дело Чернышевского. С. 129.

³ Там же. С. 130.

⁴ Незабвенные мысли незабвенных людей (Из истории реакции 60-х годов) // Былое, 1907. № 1. С. 237.

⁵ Там же.

этот процесс, если правительству пойти на уступки, то это «само повлечет к переменам формы правления»¹. Действия власти должны быть энергичными, без оглядки на общественное мнение: «Несколько закрытых журналов, несколько временных неудовольствий могут ли иметь значение в общем итоге?»²

Для того чтобы прекратить демонстрации неудовольствия, различные враждебные действия со стороны печатных органов, организаций и собраний и «приучить их к уважению и некоторой боязни правительства», полагали в III Отделении, необходимо сделать ответственными за происходящее руководителей, т. е. коллективная протестная солидарность заменялась персональной ответственностью лиц, председательствующих на оппозиционных мероприятиях; предлагалось удалять из цензурных учреждений чиновников, не исполняющих предписания и законы; в учебных заведениях изменить преподавательский состав – «лучше на некоторое время приостановиться на пути просвещения, чем выпускать (...) недоучившийся уродливый слой»³. П. А. Шувалов утверждал: «Необходимо, чтобы правительство выказало себя сильнее вожаков общественного мнения, потому что люди всегда льнут к силе и прислушиваются к ее голосу»⁴.

Недвусмысленная ставка на силу лишь обострила противостояние. Намечавшееся в «эпоху Великих реформ» сотрудничество власти и общества провалилось не без участия тайной полиции. Развитие государства полицейского, пекущегося об общем благосостоянии своих граждан, все более отчетливо шло не в направлении государства правового, четко определяющего и уважающего права человека, соблюдающего законность, оформлялась государственная система, олицетворением которой, ее наиболее характерными чертами были навязчивый правительственный контроль, административное насилие и произвол, поиск и наказание «внутренних врагов» во имя государственной безопасности.

¹ Незабвенные мысли незабвенных людей... С. 238.

² Там же.

³ Там же. С. 239.

⁴ Там же. С. 238–239.

Глава 5

III ОТДЕЛЕНИЕ И РУССКОЕ ОБЩЕСТВО

Как в общественном сознании россиян отражалась деятельность III Отделения? Из каких знаний, представлений, иллюзий, чувств, настроений, фактов, отражающих различные стороны взаимодействия, складывался его целостный образ?

Вначале обратимся к наиболее «фундаментальному» компоненту сознания – знанию. Официальные сведения о III Отделении были весьма скудны и маловразумительны. Единственная конкретная информация – пофамильный состав чиновников – публиковалась в «Адрес-календарях», что до остального, то даже в специальной юридической литературе лишь цитировались строки указа об образовании III Отделения¹.

Неофициальная информация была значительно шире. В числе ее источников можно выделить личный опыт общения с ведомством тайной полиции. Наибольшее число обращений и приглашений в это учреждение было связано не с политическими преследованиями, а с просьбами и жалобами граждан имущественного и бытового характера. Как отмечалось в юбилейном отчете III Отделения, за 50 лет своего существования (1876 г.) «эта часть делопроизводства отделения отличалась особенною обширностью, так как в сороковых годах ежегодно поступало от двух до пяти с половиной тысяч просьб, кроме всеподданнейших прошений, подаваемых во время высочайших путешествий, число коих колебалось между четырьмя и девятью тысячами»².

Поступавшие жалобы рассматривались в административном порядке, что, несомненно, было значительно оперативнее многолетних судебных разбирательств, но в то же время ставило истца и ответчика в зависимость от произвола чиновников. Проигравшая сторона всег-

¹ *Проскуряков Ф. Н.* Руководство к назначению действующих русских государственных, гражданских, уголовных и полицейских законов. СПб., 1856. С. 92–93. Автор этой книги был чиновником III Отделения.

² Третье отделение собственной е. и. в. канцелярии о себе самом // Вестник Европы, 1917. № 3. С. 99.

да могла роптать на тенденциозность решения или заявить о подкупе должностных лиц¹. Служивший в III Отделении А. М. Петров писал: «Несмотря на то что в III Отделении сосредоточивались все отрасли государственного управления и всевозможные дела, и вопросы от самых мелких и личных до обширных государственных могли быть взяты в III Отделение и в нем получить окончательное разрешение по личному усмотрению людей, стоящих во главе этого учреждения, дела этого отделения велись странно халатным образом, без всякой системы, по большей части по вдохновению, под настроением минуты, и злоупотреблений было множество»².

Репутацию III Отделению как «разбойничьему вертепу у Цепного моста»³, «светской инквизиции»⁴, «всероссийской помойной ямы»⁵ обеспечила тщательно скрываемая деятельность политического сыска и надзора, административных расправ. Американский исследователь Р. Пайпс писал о III Отделении: «Номинально задачей этого ведомства было призрение “вдов и сирот” (...). На самом деле, однако, Третье отделение представляло собой самую обыкновенную тайную полицию, запустившую щупальца во все слои общества, и в таком своем качестве бесспорно пролило больше слез, чем сумело высушить»⁶.

Побывавшие в III Отделении по политическим вопросам, как правило, допрашивались либо имели беседы с руководителями тайной полиции. В мемуарах можно найти любопытные портретные зарисовки, описание чиновных нравов, методов следствия.

После визита А. И. Герцена в III Отделение осталась любопытная портретная зарисовка А. Х. Бенкендорфа: «Наружность шефа жандармов не имела в себе ничего дурного; (...) Лицо его было измято, устало, он имел обманчиво добрый взгляд, который часто принадлежит людям уклончивым и апатическим». Визуальный образ сильно политизирован: «Может, Бенкендорф и не сделал всего зла, которое мог сделать, будучи начальником этой страшной полиции, стоящей вне закона и над законом, имевшей право мешаться во все, – я готов этому верить, особенно вспоминая пресное выражение его лица, –

¹ Из памятных записок П. М. Голенищева-Кутузова-Толстого // Русский архив, 1883. № 1. С. 212–213; Колмаков М. Н. Старый суд. Очерки и воспоминания // Русская старина, 1886. № 12. С. 528–532.

² Петров А. М. Из далекого прошлого // Звенья. Т. 5. М.; Л., 1936. С. 331.

³ Михайлов М. Л. Записки // Шелгунов Н. В., Шелгунова Л. П., Михайлов М. Л. Воспоминания. Т. 1–2. М., 1967. С. 285.

⁴ Герцен А. И. Собр. соч. в 30 тт. М., 1954–1965. Т. IX. С. 55.

⁵ Долгоруков П. В. Правда о России. Т. 1. Париж, 1861. С. 188.

⁶ Пайпс Р. Россия при старом режиме. М., 1993. С. 380.

но и добра он не сделал, на это у него не доставало энергии, воли, сердца»¹.

О его преемнике А. Ф. Орлове сенатор Я. А. Соловьев писал: «Бывши шефом жандармов, он не внушал к себе того страха и того общественного нерасположения, которые возбуждал к себе его предшественник граф Бенкендорф. В обществе он усвоил себе от Орловых времен Екатерины то полуевропейское и полуазиатское барство, которое так еще недавно производило у нас сильное обаяние»². Мелочная повседневная жизнь отделения шефа жандармов, по словам сенатора, не интересовала: «Он обладал здоровым умом, русской сметливостью и придворной ловкостью, но не был развит и был ленив. Он не был государственным человеком, но в состоянии был с тонкостью дипломата провести и с настойчивостью прямого человека поддерживать свои убеждения. Он не знал русского народа и не понимал его потребностей; но считал себя русским до мозга костей и патриотом до героизма». «Словом, он был человеком прошедшего, но не будущего»³, – заключал мемуарист. Текущей деятельностью в сфере политического сыска и надзора руководили управляющие, бывшие фактически основными организаторами работы чиновного аппарата и внутренней агентуры.

Близкий к политической полиции литератор Н. И. Греч в своих записках отмечал, что управляющий III Отделением Л. В. Дубельт «вел себя как честный и благородный человек, если не сделал много добра, то отвратил много зла и старался помочь и пособить всякому. Он был очень полезен при бестактном Бенкендорфе и при добром, умном, но беспечном Орлове»⁴. Яркую, неоднозначную характеристику управляющего III Отделением встречаем у А. И. Герцена: «Дубельт – лицо оригинальное, оно наверное, умнее всего Третьего и всех трех отделений собственной канцелярии»⁵. В свою очередь, П. П. Каратыгин, не отказывая Л. В. Дубельту в уме, прозорливости и даже в доброте, вместе с тем утверждал, что он «по должности, им занимаемой и отчасти по наружности был предметом ужаса для большинства жителей Петербурга»⁶.

Для подобной репутации имелись основания. И. В. Селиванов, описывая свой арест и пребывание в III Отделении, приводил раз-

¹ Герцен А. И. Собр. соч. Т. IX. С. 54.

² Записки сенатора Я. А. Соловьева // Русская старина, 1882. № 1. С. 230.

³ Там же.

⁴ Греч Н. И. Записки о моей жизни. М., 1991. С. 269.

⁵ Герцен А. И. Собр. соч. Т. IX. С. 57.

⁶ Каратыгин П. П. Бенкендорф и Дубельт // Исторический вестник, 1887. № 10. С. 174.

говор с этим человеком. При упоминании имени А. И. Герцена «мой Дубельт вспыхнул как порох, губы его затряслись. На них показалась даже пена.

– Герцен! – закричал он с неистовством. – У меня три тысячи десятин жалованного леса, и я не знаю такого гадкого дерева, на котором бы я его повесил!»¹

Другой мемуарист (Н. Н. Жеденев), описывая свои злоключения, приведшие его в 1848 г. в III Отделение, свидетельствовал о том, что произошло, когда на очной ставке обнаружился обман доносчика: «Вслед за этим клеветник-негодяй получил при мне приличное вознаграждение, подойдя к доносчику неожиданно, Дубельт залепил ему пощечину (...) “Ну, думаю про себя, может, и меня та же участь ожидает, все может быть...”»² О распространенности рукоприкладства свидетельствует и К. Скальковский: «Валентин Корш рассказывал мне, что Дудышкин, бывший соредактор “Отечественных записок”, на его жалобы на угнетение печати, как-то сказал ему: “Вот вы жалуетесь, а вот пожили бы при Дубельте, когда нельзя было быть приглашенным в III Отделение, чтобы не получить по зубам”»³.

Видимо, не случайно у злоязычного Н. Ф. Щербины Л. В. Дубельт вызывал вполне определенные ассоциации:

«Правой мысли цвет и сила!
Всем Россия сущий гроб:
В ней есть Дупельт, сей Аттила
Всероссийских наших...»⁴

С началом царствования Александра II нравы тайной полиции, по признанию современников, смягчились. Во главе III Отделения встал кн. В. А. Долгоруков, пользовавшийся репутацией человека недалекого. Если П. А. Валуев после встречи с шефом жандармов записал 29 марта 1859 г. в своем дневнике, что он «по-видимому, не совсем здоров головою»⁵, то его родственник, кн. П. В. Долгоруков, был категоричнее в оценке: «тройной экстракт балбеса»⁶. П. В. Долгоруков охарактеризовал князя: «Бездарность полная и совершенная; эгоизм, бездушие в высшей степени; ненависть ко всему, что умно и про-

¹ Записки И. В. Селиванова // Русская старина, 1880. № 6. С. 309.

² Жеденев Н. Н. Случай в Петербурге в 1848 г. // Русская старина, 1890. № 8. С. 299.

³ Скальковский К. Воспоминания молодости (По морю житейскому). 1843–1869. СПб., 1906. С. 126.

⁴ Щербина Н. Ф. Избранные произведения. Л., 1970. С. 226.

⁵ Валуев П. А. Дневник // Русская старина, 1891. № 10. С. 152.

⁶ Будущность. № 19–20. 30 сентября 1861. С. 160.

священно; боязнь ввиду всякой мысли, ввиду всего, что независимо и самостоятельно»¹.

По словам В. П. Мещерского, при В. А. Долгорукове «над домом шефа жандармов перестал мерещиться грозный образ Дубельта, с поднятым угрожающим кулаком, сменило его сладкое видение – доброго с милою улыбкою лица князя Василия Андреевича (...). Вера в честного человека и снисходительность к дурному стали девизом этого шефа жандармов, барометр его всегда стоял на ясной погоде, и не думаю, по крайней мере не могу себе представить, чтобы входившие в этот кабинет – будущие Караказовы – увидели когда-либо шефа жандармов выражавшим к кому-либо негодование или презрение»². Князь П. А. Вяземский, конечно, судил о В. А. Долгорукове по салонным встречам, но он отмечал, что «пассивная натура его не мешала ему действовать (...) с твердостью и решимостью». Среди личных черт и жизненных принципов В. А. Долгорукова он выделял «свойство примирительности», оно «было особенною принадлежностью убеждений его, правил и действий»³.

По общему признанию современников, князь В. А. Долгоруков, как и его предшественники – граф А. Х. Бенкендорф и князь А. Ф. Орлов, – в текущие дела полиции не вникал, передавая существенную долю своих властных обязанностей управляющему III Отделением А. Е. Тимашеву. Не случайно для современников это имя стало нарицательным. А. И. Герцен прямо называл III Отделение «тимашёвкой»⁴.

Много натерпевшийся от цензурно-жандармских запретов и поучений И. С. Аксаков писал, что А. Е. Тимашев «настоящий Санкт-Петербургский царь, т. е. олицетворение той системы, того порядка вещей, которые полновластнее и сильнее самого государя и его министров»⁵. Видя в нем своего политического врага, П. В. Долгоруков тем не менее отмечал, что это человек умный и «бескорыстный на деньги»⁶. Светская молва была к А. Е. Тимашеву более строга. «Эlegantный на паркете, но ровно ни на что не пригодный как высший администратор, – так охарактеризовала его А. И. Соколова. – Он был до крайности не находчив, совершенно терялся перед всякой

¹ Долгоруков П. В. Петербургские очерки. М., 1992. С. 192.

² Мещерский В. П. Мои воспоминания. Ч. 1. СПб., 1897. С. 329, 412.

³ Вяземский П. А. Собрание сочинений в 12 тт. Т. 7. СПб., 1882. С. 176.

⁴ Герцен А. И. Собр. соч. Т. XV. С. 245.

⁵ Порох В. И. И. А. Аксаков и царизм // Освободительное движение в России. Вып. 13. Саратов, 1989. С. 64.

⁶ Будущность. № 13. 1861. С. 101.

сколько-нибудь выдающейся силой и пасовал перед всяким смелым словом»¹.

Приемник А. Е. Тимашева П. А. Шувалов (1861 г.), по словам Д. А. Милютина, «человек более гибкий и менее желчный»², не только разговаривал с жандармами «по матери»³, но не сдерживал эмоций и в беседах с лицами «благородного» сословия. «Крик, грубые слова, угроза выслать в 24 часа, а то и сейчас, топанье ногами и угрожающие жесты продолжались очень долго», – так описал свою встречу с П. А. Шуваловым А. А. Плансон⁴.

Сменивший его вскоре А. Л. Потапов (1861–1864 гг.) («потапенок» звали его за малый рост), по определению П. В. Долгорукова, «жестокый инквизитор в лаковых сапогах и в лайковых перчатках: высоко ценит формы вежливости, но ни мало не дорожит человечеством»⁵. Характерны для А. Л. Потапова слова, сказанные им одному священнослужителю: «Никогда, никому, ни в чем в жизни моей я не верил и никогда не имел повода в том раскаиваться»⁶.

Побывавшие в III Отделении и в николаевскую эпоху, и в начале царствования Александра II, отмечали необычайную любезность жандармов⁷, диссонирующую с представлениями о застенке и произволе в нем царящем. А. И. Герцен писал, что Л. В. Дубельт «был всегда учтив»⁸. Цензор Н. И. Крылов, приглашенный за служебный промах к шефу жандармов А. Ф. Орлову, отметил, что «прием очень любезный». Однако при этом он пребывал в весьма нервном состоянии, а после приглашения сесть – «вся душа ушла в пятки»: «сядь у шефа жандармов, так, пожалуй, еще и высечен будешь»; «...потихоньку и осторожно сажусь себе на самый краешек кресла, – расска-

¹ Соколова А. И. Встречи и знакомства // Исторический вестник, 1911. № 2. С. 564.

² ОР РГБ. Ф. 169. К. 19. Д. 17. Л. 44 об.

³ Менделеев Д. И. Дневник // Научное наследство. Естественно-научная серия. Т. 2. М., 1951. С. 176.

⁴ Плансон А. А. Былое и настоящее. СПб., 1906. С. 174.

⁵ Долгоруков П. В. Петербургские очерки. С. 201.

⁶ Энциклопедический словарь. Изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. Т. XXIVa. СПб., 1898. С. 722.

⁷ А. И. Герцен писал с нескрываемой иронией: «Жандармы – цвет учтивости, если б не священная обязанность, не долг службы, они бы никогда не только не делали делов, но и не дрались бы с форейторами и кучерами при разъездах. Я это знаю с Крутицких казарм, где офицер *désolé* (расстроенный. – *фр.*) был так глубоко огорчен необходимостью шарить в моих карманах» (Герцен А. И. Собр. соч. Т. IX. С. 57).

⁸ Там же. С. 58.

зывает он позже своим друзьям, – ...Вот, вот, так и жду, что у меня под сиденьем подушка опустится и – известно, что...»¹

Но если до физических расправ и не доходило, то сам характер бесед, допросов оказывал неприятное психологическое воздействие. Е. Ф. Юнге описывала – со слов Н. И. Костомарова – его пребывание в III Отделении: «У Дуппелъта была привычка подтрунивать и говорить мягким голосом, называя всех “мой добрый друг”. На все мои оправдания он отвечал: “Нет, мой добрый друг, вы меня, старого воробья, не поймаете. Это все поэзия, мой добрый друг, а вы у меня в крепости все-таки посидите”»².

Эта полицейская любезность была лишь фоном нравственной пытки, которой подвергалось лицо, вырванное из привычной среды, поставленное в унижение положение оправдывающегося. Человеческая судьба зачастую зависела от носителя этой холодной, лживой любезности. В 1842 г. А. И. Герцен записал в своем дневнике, что вряд ли А. Х. Бенкендорф и Л. В. Дубельт «по охоте или по симпатии делали зло. Но боюсь всего от равнодушия; у нас почти нет инквизиции из убеждений (разве такой был Мордвинов, предместник Дубельта)»³. Унижение человека, вынужденного искать расположения высокопоставленных особ, просить их снисхождения, милости, не смея защищать себя перед лицом охранителей, не имея поддержки в законе, в судебном разбирательстве, являлось одной из разновидностей нравственного насилия над личностью. Тех, кто «не ломался», можно было припугнуть и «крепостью».

Дух Л. В. Дубельта не выветрился из-под сводов дома у Цепного моста и с началом нового царствования.

М. Л. Михайлов свидетельствовал, что в III Отделении ему внушили: «...упорство мое в показаниях только повредит мне, именно заставит перевести меня в крепость, где буду содержаться с величайшей строгостью»⁴. В. А. Обручев вспоминал: «Меня хорошо содержали и обращались со мною вежливо (хотя однажды не утерпели и погрозили-таки Алексеевским рavelином “со всеми ужасами”)»⁵. Сей метод воздействия на арестованных описал и А. К. Толстой в стихотворении «Сон Попова».

Но веяния эпохи проникали и в это ведомство: жандармов «поразил» вирус либерализма. Проведя вечер гостях у А. Е. Тимашева,

¹ Пирогов Н. И. Посмертные записки // Русская старина, 1885. № 5. С. 260–261.

² Юнге Е. Ф. Воспоминания. 1843–1860. Б/м., б/г. С. 232.

³ Герцен А. И. Собр. соч. Т. IX. С. 205.

⁴ Михайлов М. Л. Записки. С. 278.

⁵ Обручев В. А. Из пережитого // Вестник Европы, 1907. № 5. С. 141.

А. В. Никитенко записал в дневнике (4 апреля 1859 г.): «...он гораздо выше своей репутации (...) он оказывается либеральнее многих и многих из тех сановников, с которыми мне случалось рассуждать и иметь дело». Правда, эту запись А. В. Никитенко начинал с оговорки: «Если он не притворяется со мною»¹. П. А. Шувалов говорил М. Л. Михайлову лично: «Я сам человек либеральный». Как признавался последний, «слышать такое изречение, золотое изречение, от шпиона en chef и не засмеяться стоило мне некоторого усилия»². Под обаяние нового управляющего III Отделением П. А. Шувалова, выступившего с программой коренной реорганизации тайной полиции, попал и популярный публицист, корреспондент А. И. Герцена С. С. Громека, просивший лондонского издателя щадить начальника жандармов на страницах «Колокола»³.

Проявлением либерализма было и стремление «вылезти из собственной кожи», хотя бы условно отмежеваться от мрачного «имиджа» жандарма. Служивший в III Отделении Ф. И. Горянский расспрашивал М. Л. Михайлова о А. И. Герцене, интересуясь различными сюжетами «лично, как человек, а не как чиновник»⁴.

К Д. В. Стасову, арестованному за намерение подать адрес в защиту студентов, сам П. А. Шувалов обращался как к «частному лицу». Воспользовавшись этим же приемом и Д. В. Стасов адресовался к управляющему III Отделением как к «частному лицу», деликатно намекнув «либералу» П. А. Шувалову на противоречивость его слова и дела: «Вы мне сказали, что действительно никаких доказательств того, в чем меня обвиняют, – нет, и что, следовательно, я заключен несправедливо. (Хотя это перифраз ваших слов, но я смею думать, что смысл их не искажен.) (...) Вы улыбались, передавая мне мнение многоуважаемого начальства, которое находит мой образ мыслей вредным (не знаю, откуда оно знает мой образ мыслей! Он ему столь же известен, сколько его мне), и говорили, что Вы желаете освободить меня тогда же. Поэтому я никак не могу понять, на основании чего же продолжается до сих пор мой арест (...). Я никак не могу предполагать, припоминая некоторые Ваши слова, чтобы Вы лично могли согласиться на продолжение заключения, которое началось вследствие чьей-то ошибки»⁵.

¹ *Никитенко А. В.* Дневник в 3-х тт. Т. 2. М., 1956. С. 82.

² *Михайлов М. Л.* Записки. С. 264.

³ С. С. Громека – А. И. Герцену [Письма] // Литературное наследство. Т. 62. М., 1955. С. 115–120.

⁴ *Михайлов М. Л.* Записки. С. 304.

⁵ ГА РФ. Ф. 109. 1 эксп. 1861. Д. 289. Л. 12–13.

Через некоторое время Д. В. Стасов был на свободе (однако уволен со службы), но предварительно с него была взята подписка: «Обязуюсь на будущее время действовать так, что бы мои действия согласовывались с видами правительства»¹. Подобная гибкая формула допускала самое разнообразное толкование, но смысл ее, видимо, был близок «последнему предупреждению».

Подобные подписки, устные обещания использовались III Отделением довольно широко, но эффективность подобных «рыцарских» методов была невысокой. Имя того же Д. В. Стасова еще неоднократно будет появляться в делах тайной полиции. Н. Ф. Крузе, как следует из одной из служебных записок III Отделения (16 мая 1859 г.), перед отъездом за границу был приглашен к начальнику Отделения, которого уверял, что «не везет за границу никаких рукописей и вообще не имеет никаких дурных целей». В том же деле есть агентурное донесение (от 4 февраля 1861 г.), уведомляющее, что Н. Ф. Крузе состоит «в самых близких отношений с Герценом»².

Заграничной паспорт родственнице А. И. Герцена Т. П. Пассек был дан при условии ее письменного обязательства, «что ни она, ни сын ее не будут иметь ни свидания, ни переписки с Герценом или его сотрудниками»³. Опасаясь возможных неприятностей из-за встречи с А. И. Герценом, Т. П. Пассек получила разрешение дипломатического агента Я. Н. Толстого⁴, который, видимо, не знал об ее обязательстве, которое она была вынуждена взять на себя в С.-Петербурге. Надо полагать, что словом чести, данным столь бесчестному учреждению, не особо дорожили.

Опыт личного общения с «светской инквизицией» был уделом немногих. До основной же массы населения сведения о III Отделении доходили благодаря слухам – этому важнейшему источнику неофициальной информации. Наиболее распространенными были слухи о повсеместном, тотальном надзоре (через слуг, агентов-женщин и пр.)⁵, о телесных наказаниях⁶ и пытках, о специальных креслах для

¹ Там же Л. 14.

² Там же. 1858. Д. 422. Л. 20, 23. О возможных контактах с А. И. Герценом см.: Летопись жизни и творчества А. И. Герцена 1859–1864. М., 1983. С. 177.

³ ГА РФ. Ф. 109. Оп. 223. Д. 23. Л. 9.

⁴ Пассек Т. П. Из дальних лет. Т. 2. М., 1963. С. 355.

⁵ Молва «выделяла» на «шпионов» до 700 000 руб. в год (ГА РФ. Ф. 109. СА. Оп. 3. Д. 546. Л. 3–4), бюджетные же ассигнования равнялись в 1864–1865 гг. 58 376 руб. 71 коп. в год (Смета расходов III Отделения С. Е. И. К. на 1864, 1868 гг.).

⁶ Ореол жертвы полицейского произвола окружал гр. Е. П. Ростопчину, якобы высененную в III Отделении за стихотворение «Насильный брак» (Киселев В. Поэтесса и царь // Русская литература. 1965. № 1. С. 144–157). Ходили слухи о порке там кн. П. В. Долгорукова (Долгоруков П. В. Правда о России. Ч. 2. Париж, 1861. С. 21).

сечения и опускающихся полах¹, о глухонемых чиновниках² и публичных женщинах, используемых для уличения в преступлениях³. Говорили о «серых книгах», в которые вносятся имена лиц подозрительных и опасных⁴, об агентах, заводящих на улице разговоры, а потом отправляющих в тюрьму – «для большей численности» – тех, «кто жалуется и говорит»⁵. Запретность темы тайной полиции для печати не исключала ее гласного обсуждения стоустой молвой.

Современная исследовательница тоталитаризма Х. Арендт анализирует механизм формирования представлений общества о тех сферах деятельности деспотических режимов, само упоминание о которых было величайшим преступлением. Она пишет: «Чтобы что-то с достоверностью знать, человеку необходимо понимание и подтверждение других людей, поэтому этот “секрет”, о котором все знают и никто не говорит, теряет черты реальности и превращается просто в кошмар»⁶.

Во многом аналогичные процессы были характерны для России середины XIX века. Так, например, кн. М. Мещерский, изнемогая от семейных и имущественных неурядиц, заявил о своих связях с А. И. Герценом и признался в распространении его сочинений, полагая, что его «точас схватят, увезут и уничтожат»⁷. Но просчитался. В волнении пребывала и делегация московских студентов, передавшая свое прошение царю через шефа жандармов. Один из тех студентов (Е. Салиас) позже вспоминал об этом: «По собранным мною сведениям и мнениям, мы все трое должны были ожидать быть арестованными на утро в III Отделении, а затем препровождены в Петропавловскую крепость, где и водворены на жительство неведомо на какой срок»⁸. К удивлению вызванного в III Отделение И. Д. Зубарева, управляющий Н. В. Мезенцев предстал перед ним «джентльменом», «совсем не в образе великого инквизитора, не держимордой в генеральском мундире»⁹.

¹ Соколова А. И. Встречи и знакомства. С. 570; Зубарев И. Д. Третье отделение // Исторический вестник, 1917. № 5–6. С. 429 и др.

² Новое время, 1880. 8 августа. № 1596.

³ Шилов А. А. Арест М. И. Михайлова и суд над ним // Русское прошлое, 1923. № 2. С. 147.

⁴ ГА РФ. Ф. 109. СА. Оп. 1. Д. 1705. Л. 40.

⁵ Там же. Д. 1987. Л. 12 об. – 13.

⁶ Арендт Х. Истоки тоталитаризма. М., 1996. С. 565 (Более внятный перевод этого фрагмента см.: Арендт Х. Тайная полиция // Новое время, 1992. № 6. С. 59).

⁷ ГА РФ. Ф. 109. 1 эксп. 1861. Д. 19. Л. 6 об.

⁸ Салиас Е. Семь арестов // Исторический вестник, 1898. № 1–3. С. 499.

⁹ Зубарев И. Д. Третье отделение. С. 430.

Подобный настрой весьма типичен. Общение с III Отделением, с жандармами не предвещало ничего хорошего. А. И. Герцен писал в «Былом и думах», что «появление полицейского в России равняется черепахе, упавшей на голову»¹. Вот несколько примеров. Так, 24 января 1839 г. М. А. Корф после визита камердинера гр. А. Х. Бенкендорфа, передавшего просьбу графа захватить к нему, написал в своем дневнике о неприятных переживаниях, этим вызванных: «...это приглашение крайне меня встревожило. Чего хочет от меня так экстренно секретная полиция, с которой по роду дел Государственного совета мои отношения так редки? При все чистоте моей совести я крепко испугался, поверяя в душе моей, не сказал ли где-нибудь слова, которое могло навлечь на меня неудовольствие государя, и опасаясь еще более какого-нибудь безыменного клеветнического доноса на меня или моих чиновников»². Приглашение касалось обсуждения текущих служебных вопросов, но произвело очень неприятное впечатление.

Полковник Г. Д. Щербачев так описал встречу с М. П. Погодиным: «...увидев меня, в мундире с эполетами и аксельбантами, с громким восклицанием, выражавшим испуг, [он] от меня отскочил, (...) увидев перед собой совершенно незнакомого ему полковника с аксельбантом, он вообразил, что я жандармский штаб-офицер, “а к жандармам, – признался он, – я чувствую инстинктивный страх”»³. Закаленный в литературных «сражениях» А. В. Дружинин, получив приглашение к В. А. Долгорукову, сделал 15 марта 1858 г. записи в своем дневнике: «Можно представить, как оно на меня подействовало при расстроенных нервах и привычке видеть худую сторону», и на следующий день с облегчением: «По благополучном окончании дела вернулся домой»⁴. Об упоминавшейся уже встрече с шефом жандармов Н. Ф. Крузе писал М. П. Погодину: «Сегодня Долгоруков приглашал меня к себе вечером; я был. Мы долго беседовали по пустякам. Он был очень вежлив и любезен, расхваливал меня и выразил удовольствие моего с ним знакомства. Но из всего можно было ясно вывести, что за мною будут следить и наблюдать. Этот визит причинил жене испуг, от которого она заболела и теперь лежит (...). Как хорошо жить в России!»⁵

¹ Герцен А. И. Собр. соч. Т. С. 221.

² Корф М. А. Записки. М., 2003. С. 623–624.

³ Щербачев Г. Д. Идеалы моей жизни. М., 1895. С. 219.

⁴ Дружинин А. В. Повести, дневник. М., 1986. С. 408.

⁵ Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина. Т. XVI. СПб., 1902. С. 406.

Даже высокопоставленные особы были осторожны в отношении к тайной полиции. Начальник штаба Кавказской армии Д. А. Милютин во время своей поездки в Петербург в 1857 г., встретившись с В. А. Долгоруковым, счел своим долгом опровергнуть «нелепые слухи насчет самого кн. Барятинского и его образа жизни». И успокоился, получив заверения шефа жандармов в том, что он «сам признает эти толки за клевету, не заслуживающую внимания»¹.

Кн. Н. А. Орлов, сын председателя Государственного совета, получив сведения о том, что III Отделение подозревает его в связях с А. И. Герценом, не преминул сообщить об этом своему постоянному корреспонденту великому князю Михаилу Николаевичу и не только отмежевался от каких-либо контактов с лондонским изгнанником, но и просил проинформировать, убедить в этом руководителей III Отделения².

Для тех, кто был знаком с III Отделением не по слухам, новая встреча не предвещала ничего хорошего. А. Я. Панаева описывая пребывание у них на даче историка Н. И. Костомарова, испытавшего на себе и любезность Л. В. Дубельта и прелести ссылки, отмечала, как было заметно, «что ему дорого обошлась вся эта передрыга». Его постоянная подозрительность («Никто не подслушивает нас?»); страх перед возможной расправой (он потерял, взятый у Панаевых комплект «Колокол», и с ним «сделалась лихорадка», «всю ночь не спал») вызывали горестное недоумение гостеприимных хозяев. На что Н. И. Костомаров возражал: «Если бы вам пришлось испытать то, что я испытал, то вы бы теперь не смеялись. Я по опыту убедился, как, по-видимому, из пустяка может человек много выстрадать»; на следующий день он предложил И. И. Панаеву «сговориться, чтобы не было противоречия в показаниях»³.

Как ранее уже отмечалось, III Отделение было частью Собственной Его Императорского Величества канцелярии и поэтому свою деятельность основывало не на нормах права, а на «высочайших» повелениях или резолюциях; многие из них не обнародовались и, следовательно, не были известны. Исходя из этого, весьма распространенным было представление о том, что царь не знает о произволе, творимом его сановниками. Пример разрешения Николаем I запутанной ситуации М. А. Дмитриев приводил в своих воспоминаниях, он отмечал: «...Николай Павлович готов был всегда исправить

¹ ОР РГБ. Ф. 169. К. 9. Д. 6. Л. 48.

² *Абакумов О. Ю.* Н. А. Орлов и вольное русское слово // Освободительное движение в России. Вып. 15. Саратов, 1992. С. 86.

³ *Панаева А. Я. (Головачева)* Воспоминания. М., 1986. С. 248–251.

свою несправедливость, но его вводили в обман его любимцы, которые прикрывались его высочайшей волей, были самодержавнее его самого. Какой-нибудь Дупельт был пружиною, двигавшею графом Бенкендорфом, а Государь был стрелкой, показывавшей и ясную, и мрачную погоду...»¹

Первым ярким проявлением подобных иллюзий была реакция на арест Н. А. Мордвинова, которое III Отделение обвинило в составлении и распространении рукописи «Восточный вопрос с русской точки зрения». При первых известиях об этом К. Д. Кавелин писал М. П. Погодину: «Подробности домашних обысков в Тамбове отвратительны. Так и чувствуешь, что тайная полиция, имея крайнюю надобность заявить о своем существовании, алчет и жаждет добычи. Точно возвратились 1849 и следующие годы. Надолго ли?»² Надежды на то, что произвол николаевского деспотизма ушел в прошлое, питали молву, передававшую весьма желанные для общественного слуха высказывания и резолюции, якобы принадлежавшие Александру II. 16 декабря 1855 г. Я. П. Полонский записал в дневнике разговор, будто бы имевший место между императором и шефом жандармов А. Ф. Орловым при представлении последним доклада по делу Н. А. Мордвинова: «Говорят, государь накрыл его (доклад. – О. А.) рукою и спросил графа Орлова: «Что это, заговор или нет? Нет, ваше величество, не заговор, но мнения, которые ведут к заговорам».

«Итак, это не заговор? надеюсь, если будет заговор, вы постараетесь узнать, дадите мне знать об нем и поможете мне его расстроить, а мнение иметь всякий может, какое хочет. Думать и говорить запрещать я не могу – пусть всякий думает, что хочет. Выпустить Мордвинова и всех, кто замешан в его деле»³. Н. А. Мордвинов оказался на свободе только в начале января 1856 г. и главным образом благодаря отсутствию против него каких-либо веских доказательств⁴.

В начале 1858 г. К. Д. Кавелин под впечатлением некоторых цензурных послаблений написал А. И. Герцену: «Московского цензора Крузе III Отделение представило как умышленного нарушителя высочайшей воли. Резолюция: III Отделению не мешаться в дела цензуры»⁵. Конечно, вопреки надеждам К. Д. Кавелина полицейское вмешательство и бдительный надзор за литературой не прекратился. Цензор Н. Ф. Крузе к концу 1858 г. был уволен от должности.

¹ *Дмитриев М. А.* Главы из воспоминаний моей жизни. М., 1998. С. 419.

² *Барсуков Н. П.* Жизнь и труды М. П. Погодина. Т. XVI. С. 205–207.

³ Из дневника Я. П. Полонского // *Голос минувшего*, 1919. Кн. 1–4. С. 111–112.

⁴ *Порох И. В.* История в человеке. Саратов, 1971.

⁵ *Литературное наследство*. Т. 62. С. 367.

Тайным произволом полиции возмущалась А. Елагина в письме к О. Ф. Кошелевой в Москву: «Слышали ли вы события со Скуратовым, сына того Скуратова, у которого фабрика, увезли в 3 отделение, отец поскакал в Питерсбург, в первый раз отказали ему в свидании с сыном, через день он стал опять просить, тогда Тимашев сказал ему: “Ваш сын умер”». И это скроют от царя! И после этого эта жандармская полиция не уничтожится. Каких заговоров бояться? Просто стыд и горе!»¹ Факт смерти Скуратова не скрывали, но все обстояло несколько иначе. Во «всепопданнейшем» отчете за 1858 г. отмечалось, что Скуратов донес о якобы существующем в Москве тайном обществе, имевшем целью введение республиканского правления. «Сверх того, он сам изъявлял опасения за свою безопасность и потому признано было нужным оставить его при 3 отделении, а потом поместить в одну из арестантских комнат. Здесь с ним сделался припадок, и он умер»².

Во время петербургских студенческих волнений и столкновений с полицией (1861 г.) ходили разговоры, что «император присылал повеление ни под каким видом не трогать студентов, оставить их в покое и что он сам приедет рассмотреть дело и рассудить хорошенько»³. Однако, как видно из резолюции Александра II на объяснениях генерал-губернатора П. Н. Игнатъева (эта записка сохранилась в делах III Отделения), царь не был столь благодушен. Он писал: «Как г[енерал]-а[дъютант] Игнатъев себя ни оправдывает, не могу одобрить его действия при сходке 27 сентября, главных подстрекателей следовало арестовать на месте и не вызывать войска для бездействия и как бы на поругания»⁴.

Определенные сомнения в осведомленности государя о произволе «разбойников» А. Л. Потапова и В. А. Долгорукова испытывал Л. Н. Толстой. После оскорбительного обыска в Ясной поляне он, желая «гласного удовлетворения», писал 7 августа 1862 г. А. А. Толстой: «Одно – ежели это делается без ведома государя, то надобно воевать и из последних сил биться против такого порядка вещей», в противном же случае надо «стараться разуверить государя, что без

¹ ГА РФ. Ф. 109. СА. Оп. 3. Д. 2037. Л. 5. Об этом случае писал и «Колокол»: Л. 25. 1 окт. 1858. С. 201. Автор письма к редактору заключал: «Кровь стынет в жилах, когда подумаешь, что должен был перенести бедный мальчик для того, чтобы умереть скоропостижно!»

² ГА РФ. Ф. 109. Оп. 223. Д. 23. Л. 20.

³ *Эйдельман Н. Я.* Дневник гимназиста 1860-х гг. // Археография и источниковедение Сибири. Новосибирск, 1975. С. 54.

⁴ ГА РФ. Ф. 109. СА. Оп. 1. Д. 1475. Л. 6.

этого невозможно»¹. Однако вряд ли у писателя оставались сомнения после его личного обращения к Александру II. В ответе на имя тульского губернатора П. М. Драгана В. А. Долгоруков просил передать: «...его величеству благоугодно, чтобы помянутая мера (обыск. – О. А.) не имела собственно для графа Толстого никаких последствий...»² Итак, вместо извинений его милостиво оставляли в покое.

Оптимистическое начало царствования Александра II повлияло в некоторой степени и на изменение настроений, поведенческих реакций по отношению к III Отделению.

Первые либеральные записки, ходившие в рукописях, были напечатаны в Лондоне в 1856 г. в серии книжек карманного формата с характерным заголовком «Голоса из России». Либеральные публицисты доказывали, что правительственный путь внушения всеобщего страха и всеобщей подозрительности бесперспективен. Государственное насилие над личностью, вторжение в частную жизнь способно вызвать большее негодование, чем самые возмутительные рукописи. Обращаясь к услугам наушников и доносчиков, правительство лишь разрушает общество. По мнению авторов статей, тайная полиция оказалась бессильна там, где должна была проявлять себя прежде всего, – в борьбе со злоупотреблениями, с «тайным обществом взяточников». Ее методы, практика деятельности не совместимы с принципами законности. Каждый человек должен сознавать себя гражданином, свободно высказывать мнения, полезные для отечества, а не бояться быть призванным в III Отделение или сосланным в отдаленные губернии³. Эти и другие смелые суждения авторы формулировали в анонимных текстах, изданных за границей и тайно привезенных в страну.

Даже в конце 50-х годов XIX в. III Отделение воспринималось как орган тотального надзора с обширной сетью агентов, шпионов, доносчиков. К. Скальковскому, отправлявшемуся в июле 1856 г. на учебу в столицу, отец дал довольно образное наставление: «Тебе 13 лет, поэтому тебя учить нечего, помни только, что в Петербурге не нужно есть неспелых фруктов, потому что там холера, и дурно отзываться о правительстве, потому что там III Отделение»⁴.

По свидетельству писателя К. Ф. Головина: «В то время, вообще несмотря на весь либерализм правительства и на радикальные вы-

¹ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. Т. 60. М., 1949. С. 439.

² Дело III Отделения С. Е. И. В. К. о графе Л. Н. Толстом. СПб., 1906. С. 67–68.

³ Голоса из России. М., 1974. Вып. 1. Кн. 1. С. 33–57, 98–104; Кн. 3. С. 112, 146–147.

⁴ Скальковский К. Воспоминания молодости (по морю житейскому) 1843–1869. СПб., 1906. С. 144.

ходки некоторой части прессы, существовал еще упорный страх перед доносчиками и их официальным центром III Отделением. (...) Все были убеждены, что в каждом доме есть по крайней мере один из слуг, исполняющий роль шпиона, и вследствие того выражали свое мнение даже у себя дома не без осторожности»¹. Другой мемуарист, А. М. Скабичевский, приводит слова И. Д. Делянова (попечителя С.-Петербургского учебного округа), сказанные им студентам: «Мы (...) беседуем в моей собственной квартире, и я не могу вам поручиться, что эти самые стены не имеют ушей и не слушают вас»². Аналогичные опасения высказывал и попечитель Московского учебного округа Г. А. Щербатов в доверительной беседе со студентами: «Среди нас, наверное, не один, не два могут найтись, которым доверять небезопасно»³.

Сенатор барон А. И. Дельви́г вспоминал о существовании в то время в московском Английском клубе «вральской комнаты», которую не посещала большая часть членов, опасавшихся «чтобы правительство не потребовало их к ответу за то, что в ней говорили»⁴.

«Всюду привязываются полицейские пиявки. Даже к гимназиям подошли эти свиньи»⁵, – с негодованием писал в своем дневнике гимназист В. Чемизов.

Гончаров вспоминал: «Ни для кого из нас, не только литераторов, но и в публике не было тайною, что за ними, то есть за литераторами, правительство наблюдает особенно зорко. Говорят даже, что в III-м Отделении есть и своего рода “Книга живота”, где по алфавиту ведутся их кондуитные списки. За ними наблюдают, что они делают, где, у кого собираются, о чем говорят, кто какого образа мыслей, какого направления. Следили за личностями литераторов, потому что по журналам и книгам, благодаря ценсуре, наблюсти ничего было нельзя. Да и сами наблюдатели, вроде князей Орловых, Долгоруких, Дубельтов и прочих генералов, неглупых и, может быть, очень умных в своем роде, не были довольно литературно развиты и знакомы с развитием современной мысли в Европе и вообще с настроением умов у нас и т. п. – и судили о настроении умов больше по длинным волосам, по ношению усов и бород, по покрою платья – и поэтому старались узна-

¹ Головин К. Ф. Мои воспоминания. Т. 1. СПб.; М., [1909]. С. 47.

² Скабичевский А. М. Литературные воспоминания. М.; Л., 1928. С. 136.

³ Там же. С. 103.

⁴ Дельви́г А. И. Полвека русской жизни. М.; Л., 1930. Т. 2. С. 62.

⁵ Эйдельман Н. Я. Дневник гимназиста 1860-х гг. // Археография и источниковедение Сибири. Новосибирск, 1975. С. 54.

вать либералов. Поэтому и ловили, кто что говорит, и всего более, кто читает запрещенные книги. А таких книг была масса»¹.

Основанием для подобных суждений и настроений служили периодические «разоблачения» агентов. Поэт А. К. Толстой сообщал в своем письме от 10 (22) июня 1863 г. из Карлсбада: «Здесь очень много шпионов. Одного мы открыли, [и он], будучи здоров, был принужден пить Muhlbrunn». Выявление шпионов, видимо, скрашивало обыденность курортной жизни. И вскоре (письмо от 9 (21) июля) А. К. Толстой сообщал о новой удаче – поимке очередного агента: «Это был именно шпион, самый настоящий (...) и розан у него был – как у всех шпионов, и никакого повода не было ему красться именно за нашей спиной, поворотив для этого с дороги, откуда он должен был нас видеть. А того шпиона, которого мы заставили пить воду, уже больше не видать на водах, иногда только видим, как он идет по улице и нас избегает»².

Агентов искали и обнаруживали повсюду: в гостиницах, при разъездах с литературных вечеров, и даже... среди учеников 4 класса одной из гимназий. По словам чиновника-мемуариста А. А. Пеликана, директор гимназии Бардовский «поверил утверждению гимназистов, и мнимый агент полиции Г-р [четвероклассник. – О. А.] был исключен»³.

Заподозрив в студенте Шошине доносчика («по всей вероятности, это был не профессиональный доносчик, а просто болтун»⁴), студенты начали сбор подписей за его исключение из университета. Заявление вольнослушателя Карамышева о том, что студент Новопашенный шпион, рассматривал университетский суд⁵.

Л. Ф. Пантелеев свидетельствовал, что С.-Петербургский генерал-губернатор А. А. Суворов не только поддержал решение студенческого комитета вычеркнуть из списка нуждающихся фамилию Варшавчика, известного как агента III Отделения, но и, «узнав, кто был Варшавчик, даже пришел в сильнейшее негодование от его дерзости обратиться к нему за пособием»⁶.

¹ Гончаров И. А. Необыкновенная история (Истинные события) // Литературное наследство. Т. 102. М., 2000. С. 258.

² Толстой А. К. Собр. соч. в 4 тт. М., 1964. Т. 4. С. 364–365.

³ Пеликан А. А. Во второй половине XIX в. // Голос минувшего, 1914. № 3. С. 169.

⁴ Скабичевский А. М. Указ. соч. С. 100.

⁵ ГА РФ. Ф. 109. СА. Оп. 1. Д. 1494. Л. 1. Новопашенный использовался в качестве осведомителя III Отделения в 1861 г., его фамилия была в списке агентов, опубликованном в «Колоколе». Ко времени суда (1864 г.) он не привлекался к надзору из-за неблагонадежности.

⁶ Пантелеев Л. Ф. Воспоминания. Л., 1958. С. 259.

В одном из агентурных донесений сообщалось о случае в университете, когда долго отсутствовавшего на лекциях студента приняли за шпиона, «схватили и намеревались выбросить в окно»¹. Шпионство становилось опасным занятием. В воспоминаниях В. Н. Линда описан один из московских «скандалов»: «Поляки, напр[имер], сыскали какого-то шпиона. Притащили его насильно на сходку, кричали, что его надо повесить на суку»².

В мрачные годы николаевского царствования подобные действия невозможно было представить. Так, учитель Белецкий, который «укорял за донос и оскорбил обидным выражением» П. Антонелли, агента, выдавшего петрашевцев, был выслан в Вологду под строжайший надзор полиции³. Но тогда выступали одиночки, теперь же протест против тотального надзора и доносительства принимал массовый характер. То, что раньше было абсолютной тайной, о которой можно было говорить только шепотом, теперь стало прорываться на страницы подцензурных изданий. Смех, сатирические публикации служили действенным средством против страхов («— Что ж, посидим и поболтаем. — Неверно. Прежде болтают, а потом сидят». Искра. 1863. № 45). В открытой печати порицалось сотрудничество с политической полицией («Какой-то господин несет связку книг. Его встречает знакомый. — Донесете-ли вы это? — Помилуйте-с, и не это доносил». Искра. 1864. № 32)⁴.

Во то же время в либеральной печати завуалированно напоминали об опасности неосторожного поведения, причем явно намек на возможность репрессий («— Я всегда стоял за идею и буду стоять. — Стоять-то немудрено, а ты вот посиди»⁵).

Шпионы мерещились повсюду. По каким же критериям их вычисляли? А. К. Толстой считал неперменным атрибутом этой должности «розан». О распространенных представлениях сообщал один из агентов, давая рекомендации: «...при наборе новых агентов (...) выбирать по возможности лиц, имеющих служебное положение. Большая часть общества полагает, что лица служащие не могут быть агентами тайной полиции»⁶.

¹ ГА РФ. Ф. 109. СА. Оп. 1. Д. 1314. Л. 1–1 об. Об этом сообщал находившийся в той же аудитории настоящий агент, бывший вне подозрения.

² Рукопись В. Н. Линда «Очерк истории университетского движения в Москве» // Революционная ситуация в России в 1859–1961 гг. М., 1986. С. 206.

³ К истории полицейской агентуры в России // Былое, 1906. № 3. С. 205.

⁴ Лемке М. К. Очерки по истории русской цензуры и журналистики XIX столетия. СПб., 1904. С. 77–81.

⁵ Там же. С. 157. Любопытно, что этот анекдот актуализировался во время протестного движения 2011–2012 гг.

⁶ ГА РФ. Ф. 109. СА. Оп. 1. Д. 1990. Л. 1.

Любопытны и рассуждения гимназиста В. Чемизова: «В университете теперь (декабрь 1861 г. – О. А.) на каждом шагу шпионы. Студенты одного из них, с тремя фамилиями – Лескин, Беневоленский и еще какая-то, не помню, – чуть не поколотили, да ускользнул каналья, а стоило бы его. Лучше б еще было его опустили в прорубь на Неве. У этих людей нет ни сердца, ни чести, ни души. Для них все равно. Многие уверяют, что Лескин не шпион. На это есть доказательства, для чего ему три фамилии? Потом, когда спрашивали его фамилию, он не хотел говорить. Всюду совался. К профессорам, к студентам, везде расспрашивал. Для чего это? Когда ему один студент дал пощечину, так он стерпел ее, переносил ругательства, которые на него сыпались градом. Мог бы это стерпеть благородный человек? Явно, что Лескин подлец, шпион»¹.

Агентов выявляли не только среди любопытствующих незнакомцев, но и среди ярких фигур либерального лагеря. В одном из перлюстрированных писем из С.-Петербурга речь шла об имевшем место разговоре князя П. В. Долгорукова с профессором П. В. Павловым о революции в России; неизвестный автор писал: «Павлов не знает, как объяснить поступок Долгорукова – тем ли, что уж не он ли шпион, а не Громека? Долгоруков говорил так таинственно, тихим голосом. Не пытался ли он от Павлова»².

Еще более распространен синдром подозрительности был в демократических кругах. Репутацию шпионов имели Артур Бенни³, Леон Самарин («его имя было окружено некоторой атмосферой недоверия»⁴), студенты Бочкарев и Черкасов⁵.

Весьма характерны суждения студента Л. Самарина, о которых доносил агент: «Имеющийся у студентов список агентов составлен по догадкам, на что Альбертини еще до его отъезда за границу, говорил, что он однажды был вызван в III Отделение, и как это было в день раздачи жалованья, то он увидел массу людей всевозможных сословий, многих он знал по фамилии, и они занесены в список». В примечании агент сообщал: «В списке этом, по словам Самарина, между прочим, встречаются имена Писаревского, Краевского, Галагана»⁶. Тот же публицист Н. В. Альбертини сообщил агенту о намерении со-

¹ Эйдельман Н. Я. Указ. соч. С. 58.

² ГА РФ. Ф. 109. СА. Оп. 1. Д. 1802. Л. 9 об.

³ Рейсер С. Артур Бенни. Л. 1933. С. 37.

⁴ Пантелеев Л. Ф. Указ. соч. С. 437.

⁵ Голос минувшего, 1915. № 4. С. 212.

⁶ ГА РФ. Ф. 95. Оп. 1. Д. 2. Л. 45 об.

ставить и напечатать список агентов III Отделения для рассылки по городу и просил его помочь собрать необходимые сведения¹.

Шпиономания поддерживалась и вольной печатью. Любая разоблачительная информация об агентах политической полиции немедленно перепечатывалась русскими заграничными изданиями. Например, герценовский «Колокол» 22 октября 1862 г. со ссылкой на «Свободное слово» Л. П. Блюммера вопрошал: «Интересно знать – справедлив ли слух, что правительство слушает доносы пьющего и поджигающего учителя Викторова? Интересно бы знать: где служат и чем занимаются гг. Назаревский, Новицкий, Агафонов (гвар[дейский] оф[ицер]), Костомаров, Кюлевейн, Зотов (ст[удент]), Петров (ст[удент]), Должиков (ст[удент]), Забравский, Эверман, Волокитин, Вальденберг (куп[ец]), Брауман (куп[ец])? Про господина Давида Вальденберга мы знаем, что он служит в 3-м отделении шпионом, за что, между прочим, оттерпел разные невзгоды в Киеве, – но о других интересно получить какие-нибудь сведения»².

Создавалось впечатление, что студенты, офицеры, купцы – представители самых разных социальных групп – оказались вовлеченными в агентурную работу; шпионы тайной полиции, непрерывно доносившие властям о проступках сограждан, мерещились повсюду. Своеобразным отражением представлений о «всевидающей» и «всеслышащей» тайной полиции были отдельные стереотипы мошеннического поведения. Например, агенты доносили о появлении разного рода авантюристов, выдававших себя за близких к III Отделению лиц. Каким же было это подражание шпионам?

В одном из донесений сообщалось, что некий А. В. Семенов «под видом доверенного лица III Отделения (...) является на все публичные гуляния, намекая везде на значение, которое может иметь его влияние. И пользуясь этим, берет на пароходных пристанях и в касках увеселительных заведений бесплатные билеты для входа в них»³. Запросы «агентов» иногда были более глобальными, под стать воображаемому размаху полицейской деятельности: «На станции Варшавской железной дороги молодой человек предъявил кассиру какие-то бумаги, назвал себя агентом III Отделения и требовал билета на проезд за границу. Кассир, довольствуясь одним заявлением о себе означенного молодого человека, снабдил его даровою контрамаркою до Берлина»⁴.

¹ Шилов А. Н. Г. Чернышевский в донесениях агентов III Отделения // Красный архив, 1926. № 1. С. 114.

² Колокол, 1862. Л. 148. С. 1228.

³ ГА РФ. Ф. 109. СА. Оп. 3. Д. 614. Л. 2.

⁴ Там же. Д. 642. Л. 8.

Фиксировались и вполне прозаические случаи мошенничества: «...какой-то [человек], называющийся отставным поручиком штурманского корпуса (...), выдает себя открыто в разных общественных заведениях за агента тайной полиции; причем надувает легковезных лиц, приглашая их обедать или ужинать и скрываясь потом внезапно без уплаты счета (вчера один должен был платить 10 руб. сер.)»¹. Сын доктора Нарановича «выдавал себя за главного агента III Отделения, имеющего при себе открытый лист на право арестования всякого, кто в чем-либо провинился»². «Некое лицо в военной форме, – по словам агента, – потребовал себе в буфете водки и затем, нисколько не стесняясь публики, объявил, что он служит в тайной полиции, а потому разрешает все увеселения, лишь бы не было шуму»³.

Чины С.-Петербургской полиции докладывали своему начальству, что в разных заведениях появлялся какой-то человек, которого «никто не знает», «он постоянно заводил политические разговоры и старался выпытывать фамилии и места жительства посетителей. Его принимают все вообще за агента III Отделения и замечают, что правительство через подобных людей скорее проиграет, нежели выиграет в общем убеждении»⁴. Видимо, авторитет политической полиции был столь низок, что обыватели готовы были поверить мистификатору, увидев в его действия «реальную» порицаемую, порочную систему агентурного надзора.

Упоминала молва в числе агентов тайной полиции и фамилии журналистов. С начала 1860-х годов много разговоров ходило о подкупе изданий, о предоставлении им правительственных субсидий и различных льгот. Поэтому близкие к официальной точке зрения суждения прессы вызывали подозрение. Выступления И. С. Аксакова с осуждением студенческих волнений и по ряду других вопросов стали поводом для обвинения его в продажности. Н. П. Гиляров-Платонов писал А. Д. Блудовой, что журнал «Русское слово» даже печатно обвинял И. С. Аксакова в том, что его газета «День» – по III Отделению⁵. Эта тенденция была замечена и самой политической полицией, в одной из записок III Отделения (8 мая 1864 г.) отмечалось: «Журналисты наши не принимают статей и стихов, в которых прославляются русские государи и правительство. Писателей, которые хоть раз напечатали сочинения в подобном духе, они считают шпионами и предателями»⁶.

¹ Там же. Д. 3234. Л. 133.

² Там же. Д. 642. Л. 6.

³ Там же. Л. 1.

⁴ Там же. Д. 3223. Л. 98 об.

⁵ *Гиляров-Платонов Н. П. Сборник сочинений. Т. 1. М., 1899. С. XIII.*

⁶ Исторический архив, 1957. № 4. С. 160.

Особенно активно подобные сюжеты обсуждались в вольной печати. А. И. Герцен беспощадно бичевал представителей «III отделенствующей литературы», всю «полицейско-литературную шваль III Отделения, всех этих публичных мужчин, продающих красоту своего слога, всех этих камелий по тысяче р[ублей] с[еребра] в месяц с пера, и действит[ельных] статских репейников по триста р[ублей] с[еребра] с уха»¹.

Л. П. Блюммер прямо называл подкупленных редакторов – Н. Ф. Павлова, И. А. Арсеньева, А. В. Никитенко, немецкого литератора Вольфсона², указывал на субсидируемые правительством «Le Nord», «Independence Belge», «Die Kreuz-Zeitung»³. Правда, и самого Л. П. Блюммера считали агентом III Отделения⁴.

Подобная эволюция общественных настроений от страха к протесту была знаменем времени. Несомненно важную роль в нравственном пробуждении общества, в стремлении очиститься от скверны доносительства, от унижения произволом сыграла пресса. Новое «теоретическое знание» в значительной степени способствовало расставанию со стереотипами прошлого.

Первые, отличные от официальной точки зрения, публичные суждения о III Отделении появляются с воцарением Александра II. Сначала в записке М. П. Погодина («О влиянии внешней политики на внутреннюю»), адресованной царю, но имевшей хождение и в обществе, еще робко, с оговорками, смягчавшими критику, порицалось это учреждение: «Тайная наша полиция со времени своего основания вверялась людям большей частью добродушным, и в 30 лет найдутся не многие примеры страдальцев от ее действий, кроме нескольких молодых людей, более или менее виноватых по легкомыслию или невежеству, но вредна и пагубная идея ее существования, удушлив страх, хотя и не основательно ею внушаемый!»⁵

В периодических изданиях о наболевших проблемах удавалось говорить главным образом на иностранном материале. Но, например, в описанной А. И. Кошелевым австрийской действительности

¹ Колокол. Л. 172. 1 ноября 1863 г. С. 1416; Л. 163. 15 мая 1863 г. С. 1345.

² Свободное слово. 1862. Вып. 1. С. 45, 54, 55; Вып. 4. С. 246; Вып. 5–6. С. 340–347.

³ См.: *Абакумов О. Ю.* «...Чтоб нравственная зараза не проникла в наши пределы». Из истории борьбы III отделения с европейским влиянием в России (1830-е – начало 1860-х гг.). Саратов, 2008. С. 85–88.

⁴ *Гусман Л. Ю.* Л. П. Блюммер – редактор эмигрантского журнала «Свободное слово» (эпизод из истории русской общественной мысли 1860-х годов // Страницы Российской истории. М., 2001. С. 312).

⁵ *Погодин М. П.* Историко-политические письма и записки в продолжении Крымской войны. 1853–1856. М., 1874. С. 259.

без труда узнавалась Россия: «Мысль убита в Австрии, и не имеет возможности развиваться ни в разговорах, ни в печати. Шпионство в Австрии так сильно, что все сословия принимают в нем участие, а правительство слушает доносы. От полиции зависит выпуск книги или конфискация ее»¹.

Громкий общественный резонанс имел цикл статей С. С. Громеки о полиции на страницах «Русского вестника» (1857–1859 гг.), в которых автор остро ставил вопрос о необходимости ограничения полицейского произвола, создания независимого, гласного суда, уважения человеческой личности. От абстрактных рассуждений публицистика обращалась и к критике некогда неприкосновенного ведомства.

Живший в Вологде Н. Ф. Бунаков гордился тем, что в 1859 г. в «Московских ведомостях» ему удалось опубликовать «Рассказы из вседневной жизни», в которых досталось всем губернским чиновникам, в том числе и жандармскому штаб-офицеру².

Особую роль в активизации общественного мнения, в пробуждении политико-правовой мысли играла вольная русская печать. Не ограниченная цензурными препонами, она в полный голос заговорила на запретные темы. Весьма показательны мнения авторов «Голосов из России». Публицисты утверждали, что правительственный путь внушения всеобщего страха и всеобщей подозрительности бесперспективен.

В русских заграничных изданиях постоянно звучало требование ликвидировать III Отделение и всякое «тайное жандармство», «равно позорное и для правительства, которое в нем нуждается, и для общества, которое его выносит» (Н. П. Огарев)³. «Пора уже русскому правительству не возводить на степень государственного учреждения то, что есть подлейшего в мире, – шпионство!» – восклицал П. В. Долгоруков, полагая необходимым реорганизовать высшую полицию и подчинить Министерству внутренних дел⁴. В статьях А. И. Герцена неоднократно проводилась мысль, что тайная полиция – это удобное для царедворцев средство влиять на императора. Говоря о руководителях III Отделения, А. И. Герцен отмечал, что «Долгорукие и Тимашевы, его уши по ремеслу, имеют много тайн от него и скрывают все, кроме вредных сплетен»⁵. Указывая на очередное скрытое властями

¹ Русская беседа. 1857. Т. IV. С. 1–3.

² Бунаков Н. Ф. Записки. СПб., 1909. С. 47.

³ Колокол. Л. 89. 1 января 1861. С. 750.

⁴ Долгоруков П. В. Правда о России. Т. 2. С. 239.

⁵ Колокол. Л. 60. 1 января 1860. С. 492.

и высвеченное в «Колоколе» беззаконие, Н. П. Огарев спрашивал: «За чем вся эта тайная полиция, когда она не знает, что возле столицы совершаются злодейства (...). Или эти господа существуют только для того, чтобы открывать, кто читает Колокол и доносить на “либеральные” статьи»¹. Своими яркими разоблачениями вольная печать составляла конкуренцию тайной полиции. И. И. Головин прямо отмечал в «Стреле»: «Гласность заменяет тайную полицию, изобличая злоупотребление всех родов»².

Общественное осуждение III Отделения как ненавистного учреждения принимало самые неожиданные формы. А. И. Дельвиг рассказывал в своих воспоминаниях, что при назначении его начальником III (механического) отделения Московского сельскохозяйственного общества «Хомякову сильно не понравилось, что в обществе есть III отделение, которое сильно напоминало о III Отделении Собственной Его Величества канцелярии; он предлагал при учреждении четырех отделений общества придать им наименования I, II, IV и V, уверяя, что я много от этого выиграю, так как буду именоваться начальником уже IV, а не III отделения»³.

«Вообще если русское общество относилось к чему-нибудь с единоклубным и беспросветным порицанием, то это к Третьему отделению и всем частным лицам, так или иначе к нему причастным», – писала А. И. Соколова. Е. А. Штакеншнейдер записала пародию В. Курочкина на стихотворение А. А. Фета «Шепот, робкое дыханье...», в котором запечатлены некоторые из таких особ:

«Мрак, донос неуловимый...
Критик Полевой,
Гермион и Серафима,
Трель Ростопчиной...
Греч и Третье отделение
Все своя семья!
И природы омерзенье
Я. Я. Я. Я. Я!»⁴

Эволюция упоминаемой в стихах Е. П. Ростопчиной не укрывалась от глаз современников, и поэтесса была «продернута» в «С.-Петербургских ведомостях». Поводом послужило ее стихотво-

¹ Там же. Л. 26. 15 октября 1858. С. 212.

² Стрела. № 1. 15 декабря 1858. С. 209.

³ Дельвиг А. И. Полвека русской жизни. Воспоминания. М.; Л., 1930. С. 99–101.

⁴ Штакеншнейдер Е. А. Дневник и воспоминания. (1854–1886). М.; Л., 1934. С. 364.

рение «Моим критикам», в котором она заявляла о своем расхождении с новым поколением. Неизвестный публицист писал: «Поэтическая деятельность графини Ростопчиной делилась на два отделения: в первом преобладал горячий негодующий лиризм, во втором созревающая мысль искала содержания более глубоко (...). Приветствуем графиню Ростопчину, вступившую в третье отделение своей политической деятельности, в котором определилось ее дарование окончательно»¹. Аналогичный намек в адрес Вс. Костомарова был сделан в «Русском слове». Раскрывая псевдоним, под которым тот выпустил книгу «Избранные поэты Англии и Америки», Д. Минаев писал: «Что же это такое значит? Почему Всеволод Костомаров раздробил свое имя на три псевдонима, на III отделения?»²

Вспомнили и эпиграммы на А. Майкова за его панегирики Николаю I³, к которым их автор Н. Ф. Щербина добавила строки о «Теперьшнем Майкове»:

«В России странный век настал:
Смягчилось Третье отделение,
И вновь стал Майков либерал
С монаршего соизволения»⁴.

Да и само III Отделение, его доносчики и шпионы все чаще становились мишенью насмешек «Искры» и «Гудка»⁵. Еще одна некогда запретная тема городского фольклора закрепились печатно: анекдоты, что прежде рассказывали шепотом, теперь можно было прочитать в массовых изданиях. Смех помогал бороться со страхом.

В преддверии судебной реформы в «толстых» журналах стали появляться и серьезные публикации, предрекавшие скорое упразд-

¹ С.-Петербургские ведомости, 1857. № 30. 16 июля.

² Варустин Л. Э. Журнал «Русское слово» 1856–1866. Л., 1966. С. 245.

³ «Он Булгарин в “Арлекине”
А в “Коляске” Дупельт он, –
Так исподличался ныне
Петербургский Аполлон» (1854 г.)

«Он в “Арлекине” воспевал
Нам третье отделение;
Белье не часто он менял,
Но часто убежденье» (1854 г.)

⁴ Щербина Н. Ф. Избранные произведения. С. 267.

⁵ Лемке М. К. Очерки по истории русской цензуры и журналистики. СПб., 1904. С. 77–81, 157.

нение III Отделения. Внимание тайной полиции привлек опубликованный в «Современнике» (1863, № 3) очерк М. В. Салтыкова-Щедрина «После обеда в гостях», в котором иронично изображались жандармские чины¹. Относительно публикации «Современной хроники России» в «Отечественных записках» (1863, кн. 1) чиновник III Отделения отмечал, что автор порицал административную высылку, аресты, тайное следствие и суд и предрекал, что «нынешние усиленные действия высшей полиции (III Отделения) суть предсмертные судороги...»²

Процесс освобождения русского общества от страха тайного надзора не был безболезненным и прямым. Думается, что он находился в обратной зависимости от всплесков полицейской активности. Страх сохранялся и господствовал тогда, когда человек оставался один на один с властью, когда общество атомизировано, а любое объединение становилось подозрительным. Демократизация страны после Крымской войны, допустимость печатной и устной гласности, возможность солидарно заявлять о своих взглядах («банкетные кампании», студенческие «истории») вывели личность из изоляции, более весомым стало общественное мнение. Но жизненный опыт, выработанный за годы мрачной николаевской эпохи, заставлял быть «начеку», подспудный страх, недоверие к властям сохранялись, лишь затеняясь «духом времени».

Знарок полицейского сыска М. Е. Бакай отмечал в начале XX века: «Можно указать как общее правило, что слабость правительства вызывает отлив, а усиление его – прилив провокаторских сил»³. Рассматривая «провокачество» в более широком смысле как доносительство, сочувствие полицейским акциям, этот тезис можно распространить и на 60-е годы XIX в.

Полицейские репрессии, последовавшие за студенческими волнениями 1861 г., не вызвали всеобщего протеста, поднялась иная волна. 13 декабря 1861 г. Н. И. Костомаров писал А. И. Толстой об обстановке в университете: «Аресты повторяются, шпионы шныряют между студентами, и каждое неосторожное слово передается в III Отделение...»⁴ А вот другое свидетельство – из письма С. Максимова к Д. И. Завалишину от 21 декабря 1861 г.: «Петербург надоел и опротивел, так что не гляделось бы. Сплетня приняла возмутитель-

¹ Макашин С. А. Салтыков-Щедрин на рубеже 1850–60 гг. М., 1972. С. 476.

² Исторический архив, 1957. № 4. С. 158.

³ Бакай М. Е. Провокаторы и провокация // Былое, Париж, 1908. № 8. С. 100.

⁴ ГА РФ. Ф. 109. СА. Оп. 1. Д. 1482. Л. 3.

ную форму доноса, доносы эти какие-то озлобленные. Все делают так, того не замечая, что роняют себя, марают себя в истории и для истории»¹.

Сформировавшийся в общественном сознании образ III Отделения как «всевидающего ока и всеслышащих ушей» играл некую стабилизирующую, охранительную роль, формируя у большей части населения определенный стереотип поведения как в быту, так и в общественной и литературной деятельности².

В. А. Долгоруков, вероятно, испытывал чувство удовлетворения, прочитав в выписке из перлюстрированного письма П. Виноградова из С.-Петербурга к М. Журавлеву в Лондон (от 30 декабря 1859 г.) настоятельную просьбу прекратить опасную переписку: «Я очень боюсь шпионов, а их у нас весьма много»³. Союзником полиции были и слухи, значительно преувеличивавшие ее силы и пугавшие обывателей ее тайными деяниями. В 1861 г. вновь распространились слухи о том, что в полиции секут. Жертвой называли «студент-девицу» Богданову⁴. В воспоминаниях Е. Ф. Юнге приводила слова своей матери, ее реакцию на эти разговоры: «Вот и хорошо, что мы уехали за границу от этих студенческих историй (...), а то бы ты там, пожалуй, тоже какую-нибудь речь начала говорить и тебя тоже высекли в III Отделении»⁵.

Подобные настроения нашли свое стихотворное воплощение в «Посланиях»⁶: «Из Петербурга в Москву» и «Из Москвы в Петербург»:

У царя у нашего
Верных слуг довольно,
Вот хоть у Тимашева
Высекут пребольно.

¹ Шукинский сборник. М., 1912. Т. 10. С. 432.

² К. Д. Кавелин в письме к неизвестному адресату 2 декабря (1856 г. – ?) рассказывал о своем вызове к товарищу министра народного просвещения П. А. Вяземскому и о прочитанном тем нравоучении об осторожности и осмотрительности в печати. При этом ему было сделано весьма выразительное добавление: «...что если Дубельт не управляющий III Отделением, то из этого еще не следует, чтобы оно не имело своего управляющего...» (Шукинский сборник. Т. 10. С. 237).

³ ГА РФ. Ф. 109. СА. Оп. 1. Д. 108. Л. 1.

⁴ Эйдельман Н. Я. Дневник гимназиста. С. 57; Будущность. 1861. № 22. Л. 174; Колокол. 15 ноября 1861. Л. 12. Опровержение данных слухов. Л. 119–120. 15 января 1862. С. 996; Новые сведения: «Третье отделение сечет». Л. 153. 1 января 1863. С. 1276.

⁵ Юнге Е. Ф. Воспоминания. С. 456.

⁶ Полярная звезда. Кн. VI. 1861. С. 214.

Влепят в наказание,
Так ударов со сто,
Будешь помнить здание
У Цепного моста.
У царя у нашего
Все так политично,
Что и без Тимашева
Высекут отлично.
И к чему тут здание
У Цепного моста?
Выйдет приказание –
Отдерут и просто.

Но когда страх перерастал в протест, молва становилась опасной. Беспокойство III Отделения вызывали усиливавшиеся разговоры о пытках и смерти М. Л. Михайлова. Управляющий III Отделением П. А. Шувалов был вынужден телеграфировать (7 октября 1861 г.) В. А. Долгорукову в Ливадию о необходимости «немедленно предать Михайлова уголовному суду (...). Исход этот весьма желателен в опровержение слуха, что Михайлов у нас отравлен и похоронен без вскрытия»¹.

Зачастую образ III Отделения – «деспота» – сознательно использовали и либералы с политического Олимпа. На тайную полицию можно было «списать» любые непопулярные меры, не роняя себя при этом в общественном мнении. Так действовал имевший репутацию либерала, «красного» министр народного просвещения А. В. Головнин. В. Е. Рудаков в своем исследовании цитирует его письмо к председателю С.-Петербургского цензурного комитета В. А. Цеэ от 26 апреля 1862 г. Министр, в частности, сообщал, что «Валуев и кн. Долгоруков заметили неприличные статьи о Герцене в “Книжном вестнике”»². Однако несколькими днями ранее, 23 апреля, А. В. Головнин писал В. А. Долгорукову: «Вчера вечером я прочел в “Книжном вестнике” статью о Герцене и сегодня пишу председателю ценз[урного] комитета, что ее никак не следовало нигде пропускать...»³ Как видим, именно А. В. Головнин обратил внимание на эту статью и использовал «авторитет» шефа жандармов для замечания В. А. Цеэ.

¹ ГА РФ. Ф. 109. 1 эксп. 1861. Д. 24. Л. 68; Лемке М. К. Политические процессы 1860-х гг. М.; Пг., 1923. С. 284.

² Рудаков В. Е. Последние дни цензуры в министерстве народного просвещения. СПб., 1911. С. 45.

³ ГА РФ. Ф. 109. СА. Оп. 1. Д. 2114. Л. 3.

О том, что даже должностное сотрудничество с III Отделением осуждалось, говорит не только «конспирация» А. В. Головнина. Е. И. Елагина в письме к А. В. Елагиной (27 апреля 1862 г.), сообщая о неблагоприятных действиях М. П. Щербинина, переславшего статью И. С. Аксакова в III Отделение, описывала обстоятельства этого поступка: «Когда он успокоился, прочие цензоры убедили его, что делать доносы во всяком случае подло, он дал им честное слово, что не пошлет, и послал...»¹ Один из доносчиков жаловался на министра финансов А. М. Княжевича, сообщившего Е. И. Ламанскому, переданные ему «невыгодные сведения» об этом лице. Он писал: «Очень жаль, что наши министры столь вероломно поступают противу 3 отделения, когда оно предупреждает их конфиденциальным образом»².

Отношение к тайной полиции вполне явственно определялось групповыми (сословными, корпоративными, имущественными) интересами и настроениями.

Простому народу политическая борьба была не очень понятна и не находила в массах сочувственного отзвука (особенно после отмены крепостного права) и поэтому полицейские преследования трактовались в духе бульварных романов³.

Аресты студентов, слухи о наказаниях создавали почву для возникновения культа жертвенности, окружали пострадавших ореолом

¹ Бочкарев В. Е. Из истории общественных настроений в России середины XIX в. // Институт истории Москвы. Учен. зап. Т. 5. М., 1928. С. 456.

² ГА РФ. Ф. 109. СА. Оп. 1. Д. 106. Л. 3.

³ Шилов А. А. Арест М. И. Михайлова и суд над ним // Русское прошлое. 1923. № 2. С. 147–149. В начале октября 1861 г. управляющему III Отделением докладывали о «нелепом толке»: «...вечером в клубе купеческом и немецком много толковали об участии литератора Михайлова. Говорили, что он умер вследствие сильных приемов опиума, данных ему по приказанию гр. Шувалова, придумавшего этот новый образ пытки. Михайлову будто бы давали опиум в той надежде, что он, придя в беспамьятство, выскажет какие-нибудь тайны». Через несколько дней городская молва украсила историю М. Л. Михайлова новыми увлекательными деталями: «О сем Михайлове с самого дня его взятия ходят по городу (...) следующие рассказы, вероподобные и выдуманные: он будто бы бывший московский студент и всегда замечен был чрезвычайно скрытного и злостного противу всех характера. При взятии его он выстрелил в первого вошедшего к нему жандармского полковника, у которого пуля прошла между левым боком и рукой, пробила деревянную перегородку и в другой части комнаты [попала] в стоявший на комоду самовар. У него в сапоге найдена скляночка с ядом, под верхней одеждой была на нем кольчуга. Он сначала претворился глухонемым. На него донес родной его брат, гимназист, со зла, за отспариваемые от него сим братом законные по наследству деньги...» ГА РФ. Ф. 109. СА. Оп. 3. Д. 3238. Л. 5, 17 об. – 18.

мученичества. Так, агент сообщал, что автор сочинения «О взяточниках и доносчиках» Каблуков на слова, что за подобное произведения могут высечь в III Отделении, отвечал: «Я буду этим гордиться», так как «высекли за правое дело»¹. Чем больше становилось известно о злодеяниях полиции (истинных и мнимых), тем оправданнее, целесообразнее, логичнее казалось представителям радикальных слоев противодействие насилию не только словом, но и делом.

Консерваторы, испуганные ростом массового движения, роптали на тайную полицию за низкую эффективность действий. Автор одного из анонимных писем требовал: «Не жалейте денег на агентов. (...) Ведь у вас в III Отделении, говорят, совсем шпионов нет, деньги на них отпускаемые, говорят, Ваше Сиятельство, отдает на награду чиновникам, да в экономию поступает»². Другой доноситель просил В. А. Долгорукова не показывать его письма чиновникам отделения, ибо «они (студенты. – О. А.) имеют друзей между Вашими приближенными, и поэтому обыски ваши ничего не значат»³. Именно в решительных, насильственных действиях по искоренению заразы социализма, нигилизма и наведению порядка видели сторонники правительства назначение тайной полиции.

Яркие, образные размышления о роли тайной полиции в общественной жизни находим в выписке из перлюстрированного письма из Н. Новгорода от 21 декабря 1860 г., автор его скрыт за инициалами «А. З.». В письме речь шла о конфликте в нижегородском дворянском собрании. Дворяне потребовали удалить из зала жандармского офицера Перфильева, пришедшего понаблюдать за ходом выборов. Описывая всю эту историю, расколовшую дворянство на две партии – «за синих и против», автор рассуждал: «Хотелось было сказать, что вот первый шаг к независимости от III Отд[еления] сделан, и, пожалуй, придать этому большое значение (...). Да нет, не выходит что-то! Явись на место синего Перфильева синий из синейших Тимашев, ведь не вывели бы, а чего доброго, попросили бы, пожалуй, принять участие в совещаниях. Ведь всем известно, наприм[ер], как мы рьяно нападаем и казним мелкого подьячего-взяточника и как подло пресмыкаемся пред таким же, который этим путем произошел хоть бы до штаб-офицерства. Так что вместо пользы, глядишь, вред выйдет.

¹ ГА РФ. Ф. 109. СА. Оп. 1. Д. 1705. Л. 40.

² Там же. Д. 1987. Л. 8.

³ Там же. Д. 246. Л. 1.

Прежде на хоры синий мог пройти по билету, добытому из Канцелярии Собраниа, а теперь его, пожалуй, будут сажать в самой зале, да еще, пожалуй, на почетном месте. Извинение, сделанное теперь келейно, принесут тогда Дворяне всем собором, торжественным образом, да будет поздно. Охота трогать рожу – когда она воняет! При том ведь не этому гнилому Дворянству поднимать реакцию против III Отделения.

Много ль из них таких, которые с охотой или по крайней мере, без сожаления освобождают крестьян? Вероятно, несравненно более таких, которые с горем, со злобой оставляют мысль, что придется бросить палку, которая не одно столетие ходила по спинам его подданных, и отец его бил, и дед, и прадед, и т. д., вся сволочь по восходящей линии была ею спину мужика, и теперь только вследствие такого озлобления выражает свое презрение к синему, имеющему вид тоже палки, только принадлежащей к дворянским спинам. Понимает, небось, что палка синяя для него неприятна, а своей палки в руках не понимает. Каждый чувствует более или менее каким презрением проникается он к III Отд[елению], да не выражает же он его так мелочно! К[ак]будто между вами не найдется молодца, который и без синего имел бы способность донести так аккуратно обо всем, что у вас делается, что ему бы позавидовал бы Перфильев? Да и что у вас происходило такое серьезное совещание об испрошении Конституции что ли? Заговор о государственной реформе, вынужденной сознанием, что нет конца стону Русского народа?.. Что же? Аль, может, испугать хотели Тимашева? Ну так поплатитесь за это своими боками: он своего не выдаст и вам не уступит с помощью А[лександра] Н[иколаевича]; будьте уверены...» Свой скептицизм автор объясняет бессилием – «потому что забьет он меня, и знаю, что вы, господа, ведь не заступитесь». Дворяне, по его мнению, движутся не к прогрессу, а к гниению: «Ведь ни один из них не претендует об удалении из города синих. Уж в город пустили, так как же в залу то не пустить, – нет, реакция замечательная! Ну разве III Отд[еление], если бы, напр[имер], когда-нибудь наши Дворяне, всех Губерний, восстали против синего серьезно (так серьезно, как у нас на Руси называется серьезно), вместо синих мундиров дало бы своим агентам черные, и тем, конечно, успокоило совершенно мятежников, да с этим вместе и приналяжет не только на них, дворян, да и на остальную Русь, еще лет на тридцать.

О ядре, повторяю, Дворянство не заботится теперь же в особенности, а, напротив, они знают, что синие подчас могут оказать им услугу; Крестьянское дело их же заставляет звать к синим: на тебя,

мол, моя надежда. Оно и выходит, что не дворяне составляют опору государства, а “синие” – опора Дворянства!»¹

Итак, роптали и мирились, обличали и искали защиты, довольствуясь изгнанием ненавистного духа...

6 августа 1880 г. императорским указом была ликвидирована Верховная распорядительная комиссия, а вместе с ней упразднилось и III Отделение. Его функции переходили к Департаменту государственной полиции, создаваемому в составе Министерства внутренних дел.

Реакция российского общества на обнаруженный указ была восторженной. «Московские ведомости» писали о падении учреждения, «давно потерявшего смысл»: «...оно ничего не предупредило, ничего не пресекло, и зло, с которым оно призвано было бороться, не только не уменьшалось, но возрастало и усиливалось»². Петербургский «Голос» объявлял, что издан указ «огромной важности», который свидетельствует о «высоком доверии самодержавной власти к своему народу, о прекращении чрезвычайных мер к восстановлению порядка в государстве, об успокоении общества, взволнованного неслыханными доселе преступлениями»³.

По признанию «Нового времени», реорганизация полиции «является громадной государственной реформой, все последствия которой трудно объяснить в настоящее время»: «Исполняется заветное желание каждого русского гражданина, чтобы верховная власть стояла лицом к лицу с народом, без посредства тайных канцелярий»⁴.

Публицисты обратились к истокам, прямо указывая на организческую близость жандармского ведомства давно отжившей николаевской системе управления. «Московские ведомости» писали, что III Отделение «имело смысл, когда всякое проявление мысли было на Руси под строжайшим запретом, когда не требовалось разбирать и различать мнения, когда вся задача ограничивалась пресечением всякого умственного движения. Но оно стало аномалией с той минуты, как был признан принцип свободы в нашей народной и общественной жизни и когда мнению в делах политических было даровано право гражданства»⁵.

Касаясь истории преобразования тайных канцелярий начиная с екатерининских времен до эпохи Николая I, «Новое время» от-

¹ ГА РФ. Оп. 3. Д. 2165. Л. 1–4 об.

² Московские ведомости, 1880. № 222. 12 августа. С. 1.

³ Голос, 1880. № 218. 9 (21) августа. С. 1.

⁴ Новое время, 1880. № 1596. 8 августа. С. 1.

⁵ Московские ведомости, 1880. № 222. 12 августа. С. 1.

мечало, что «у правительства имелась, по-видимому, полезная цель: создать корректив административному произволу и заменить отсутствие правосудия, не существовавшую гласность и молчаливое общественное мнение наблюдением агентов более или менее независимых и поставленных в прямое соотношение с высшей администрацией». Полезные результаты были минимальными, «но смена нескольких негодных чиновников, укрощение слишком жестоких помещиков и заступничество за женщин, преследуемых с корыстными и другими целями мужьями и родными, не в состоянии были примирить население с учреждением, основанием которому служило недоверие к этому населению и действия которого, по их совершенной бесконтрольности, могли истолковываться в какую угодно сторону»¹.

А «Московские ведомости» особый вред III Отделения видели в следующем: «Принадлежа к той системе, которая отрицала всякую свободу жизни и уже потеряла свою силу, учреждение это вносило собою только смуту и ложь в жизнь при ее изменившихся условиях. Ему было подозрительно и противно всякое движение национального духа, всякое независимое мнение, всякая самостоятельная мысль; зато под его сенью привольно и успешно возникали и развивались всякие антипатриотические стремления». Тем самым оно, писала газета, «давало ход всему растлевающему, всякой апатии, всякому безверию, всякой политической безнравственности». Кроме того, «оставляя молодые умы на жертву злоумышленной пропаганде и иногда само, вызывая среди их волнения посредством своих agents provocateurs, оно разбрасывало раздраженных и озлобленных людей по всей стране и ими наполняло ее захолустья. Безсильное для борьбы со злом, оно было через чур сильно в подавлении благотворных движений жизни и вредило всего более тому, чему якобы служило»².

Надзаконный, внеправовой характер этого учреждения являлся политическим анахронизмом. «Голос» писал: «Ничто так не противоречит нормальным условиям гражданской жизни в современном государстве, как административный произвол, сосредоточенный в руках стоящего выше закона учреждения, когда права и честь самого благонамеренного гражданина могут быть нарушены по одному усмотрению. Даже в том случае, если это учреждение пользуется своею властью со строгою умеренностью, оно уже тяготеет над обществом одним своим существованием». Итог работы печален: «Оно не смогло предупредить ни одного из страшных преступлений, (...) и не

¹ Новое время, 1880. № 1596. 8 августа. С. 1.

² Московские ведомости, 1880. № 222. 12 августа. С. 1.

помешало развиваться на нашей почве революционной организации»¹. Затем редакция вновь обратилась к теме административного произвола – краеугольного камня политического сыска: «Это не была диктатура открытая, прямая, вызванная ясными, всеми понимаемыми обстоятельствами. Это была диктатура скрытая, делающая вид, что действует по закону, даже создающая для себя закон, вроде известного закона 19 мая 1871 года. Закон был на устах, завелся даже юрисконсульт при III Отделении, но каждый чувствовал, что законная почва все более и более выходит из-под ног. Каждый в то же время чувствовал ноту неискренности, проходившую через все действия этого “по закону действовавшего” незаконного учреждения»². Лицемерие, ложь не могли быть основанием правого дела.

По утверждению «Нового времени», сложилась система, которая «состояла в прискорбном смещении в разряд государственных преступлений не только преступных деяний анархической революционной партии (...), но и каждого проявления оппозиции правительству и даже простого выражения неудовольствия на действия администрации, столь естественного в стране обширной, молодой и далеко не устроенной»³. И теперь, когда «вредная бесполезность для государства» этого учреждения стала очевидна, тайная полиция «в смысле руководителя внутренней политики с лицом во главе, которое имеет ежедневный доступ к государю, и по своему положению первенствует перед всеми другими органами правительства, такая канцелярия похоронена теперь действительно навсегда»⁴.

Прежние слухи о тайном сечении розгами провинившихся, об опускающихся полах, о глухонемых чиновниках III Отделения теперь вызывали не страх, а иронию при воспоминании о временах ушедших. Новые реалии общественной жизни пришли в противоречие с прежними методами прямого и опосредованного полицейского принуждения, вызывая теперь не привычное смирение, а повсеместный протест. Формирующееся гражданское общество разрушило страх перед тайной полицией, но правовой порядок сформировать не успело.

¹ Голос, 1880. № 218. 9 (21) августа. С. 1.

² Голос, 1880. № 223. 14 (26) августа. С. 1.

³ Новое время, 1880. № 1596. 8 августа. С. 1.

⁴ Там же.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В указе от 3 июля 1826 г. о создании III Отделения декларировались цели наблюдательной полиции как учреждения, систематизирующего и доводящего до сведения императора информацию о происшествиях в стране. Непосредственно в сферу ведения новой структуры входило заведование тюрьмами для политических преступников и высылка подозрительных лиц. Реальной же целью III Отделения было обеспечение государственной безопасности через надзор за политической благонадежностью подданных. Включение высшей полиции в сферу императорской канцелярии выводило ее из структур исполнительной власти и позволяло действовать не по нормам права, а по высочайшим повелениям, объявляемым через главного начальника отделения и шефа жандармов.

Наблюдение во всей империи достигалось силами чинов корпуса жандармов, распределенных по жандармским округам. Обнародованные нормативные документы касались лишь общих принципов организации и управления жандармскими частями, а наблюдательная деятельность губернских жандармских штаб-офицеров была засекречена. Тайная инструкция жандармов провозглашала филантропическую цель – забота «о бедных и сирых» в духе попечительской заботы чиновников «полицейского государства». Практические вопросы оперативной деятельности жандармов ею не регламентировались, что создавало постоянные трудности во взаимоотношениях жандармских штаб-офицеров с губернскими властями и в конечном счете – в воплощении задуманной системы надзора.

Во главе политической полиции стояли люди, пользовавшиеся неограниченным доверием императоров (граф А. Х. Бенкендорф, граф А. Ф. Орлов, князь В. А. Долгоруков). Личностные и деловые качества главных начальников III Отделения определяли имидж политической полиции и отношение к ней населения. В общественном мнении безусловно положительными чертами начальников и управляющих III Отделением считались близость к императору и даже дружеские отношения, что обеспечивало возможность быстро и доверительно разрешить возникающие проблемы, опыт управленческой деятельности, боевые (дипломатические) заслуги, бескорыстие; отрицательными – равнодушие к текущим делам Отделения, влияние сомнительных личностей и очаровательных женщин, участие

в акционерных обществах и другой предпринимательской деятельности, растущий достаток, связывавшийся в массовом сознании с незаконным обогащением и злоупотреблениями по службе. Отсутствие достоверной информации о деятельности III Отделения порождало массу слухов, в том числе о самых невероятных событиях и действиях, игравших определяющую роль в оценке эффективности и значимости ведомства современниками.

Руководители политической полиции привлекались императорами к участию в разработке важнейших вопросов государственной политики, являясь членами различных секретных комитетов, формулируя свои мнения в записках для Комитета министров и Государственного Совета. При этом сановники зачастую следовали за «высочайшей» волей, отражая настроения императора и выступая проводниками его намерений. Если в 1830-е годы А. Х. Бенкендорф утверждал, что крепостное право есть «пороховой погреб» под государством, то его преемник А. Ф. Орлов в 1840-е признавал крепостничество оплотом стабильности и могущества государства. Подобные настроения соответствовали колебаниям настроений императора. При этом на рубеже 1850–1860-х годов шеф жандармов В. А. Долгоруков не только активно участвовал в выработке модели освобождения крестьян, учитывающей имущественные интересы дворян-помещиков, но и искренно старался убедить в своей правоте Александра II. Защитой интересов дворянства и потребностью обеспечить политическую стабильность государства обосновывалась поддержка идеи министра внутренних дел П. А. Валуева создать общероссийский совещательный представительный орган, стоящий над уездными и губернскими земствами. Шеф жандармов до последнего пытался убедить императора в реальности и целесообразности этого проекта, используя и «жандармские» аргументы (материалы перлюстрации и надзора, препарируя слухи, зафиксированные агентами), однако его влияние на императора не было определяющим. Александр II внимательно выслушивал мнения, знакомился с докладами, записками шефа жандармов, но решения принимал самостоятельно, исходя из собственных представлений о целесообразности.

Хорошая осведомленность о положении дел на местах (известия о многочисленных фактах беззакония, административного произвола, коррупции, регулярно поступали от губернских жандармских штаб-офицеров в III Отделение) и критическое отношение к состоянию судопроизводства в дореформенной России предопределили то обстоятельство, что шеф жандармов В. А. Долгоруков поддерживал все важнейшие принципы готовившейся судебной реформы (гласность, независимость суда, институт присяжных заседателей и др.), несмотря на то что их введение существенно сократило бы сферу де-

тельности политической полиции. Он понимал, что в неизменном виде жандармская организация не сохранится, предполагая, что за III Отделением останется политический надзор, а также внесудебное рассмотрение семейных тяжб и некоторых гражданских дел. Анализ позиции руководителей политической полиции по университетскому вопросу показывает, что это ведомство было обеспокоено исключительно вопросами поддержания общественного порядка и спокойствия, а не развитием университетского образования.

На протяжении 1830–1860-х годов менялся качественный состав агентуры, методы сбора оперативной информации, система работы с городскими «слухами и толками». По мере развития и усложнения общественной жизни в России становилось ясно, что предложенная III Отделением в конце 1820-х годов модель контроля над общественными настроениями и надзора за бюрократическим аппаратом в центре и на местах не является эффективной. На рубеже 1850–1860-х годов предметом внимания политической полиции становились уже не личные качества министров, чиновников, а практические шаги, политическая позиция, взгляды команд «реформаторов», «консерваторов», «западников», «литераторов» и др. Смена приоритетов надзора прослеживается даже по выпискам из перлюстрированных писем: интерес от выявления злоупотреблений по службе и фактов «лихоимства» переместился к политической слежке.

III Отделение не только следовало в фарватере общественных настроений, выявляя опасные отклонения от официального курса, но и само осуществляло идейное воздействие на российское общество посредством цензуры драматических произведений для театров, находившейся в 1828–1865 гг. в ведении политической полиции (не случайно в Пятой (цензурной) экспедиции служили чиновники с относительно высоким уровнем образования). В цензурной политике III Отделение руководствовалось тем, что предназначение театра – быть школой нравов, поэтому в театральных постановках порок непременно должен быть наказан, а добродетель вознаграждена. Формально руководствуясь требованиями Цензурного устава 1828 г., чиновники вынуждены были учитывать нюансы правительственной политики, замечать периоды, когда «подмораживало» и когда начиналась «оттепель». Сочинения, безусловно запрещенные в одну эпоху, через пять–десять лет разрешались к постановке даже без переделки. Было бы несправедливым считать цензоров гонителями передового и талантливого на русской сцене, они выполняли и полезную функцию, защищая театральные подмостки от представления слабых, бессодержательных, примитивных по содержанию, безнравственных пьес. В то же время охранительные начала, определявшие цензурную

политику, зачастую достигали обратной цели, делая запретный плод особенно сладким.

С первых месяцев своего существования III Отделение внимательно надзидало за состоянием российской словесности. Политическая полиция фиксировала недовольство литераторов Цензурным уставом 1826 г., шеф жандармов входил в Комитет по выработке нового устава (1828 г.), менявшего принципы надзора. Уже в 1829 г. шеф жандармов указывал императору на необходимость обращать внимание на поддержку преданных монарху литераторов, интуитивно признавая необходимость в подконтрольной печати.

В то же время предписание А. Х. Бенкендорфа предоставлять экземпляр всей печатной продукции, выходящей из типографий, носило характер запугивания, создавало иллюзию тотального контроля над печатным словом. Подобный характер носило и требование шефа жандармов к редакторам периодических изданий сообщать цензорам настоящие имена авторов, скрывающихся под псевдонимами, если представленные в цензуру произведения обратят на себя внимание по причине неблагонадежности содержания. В период европейских беспорядков надзор приобретал все более широкий характер, к нему был подключен ведомственный контроль и даже непосредственная администрация чиновников-литераторов. Шеф жандармов требовал от Министерства народного просвещения усилить строгость цензуры и даже надзор за самими цензорами. Цензурное ведомство фактически теряло какую-либо самостоятельность и превращалось в вечно виновника всех идеологических промахов и упущений.

Межведомственные наблюдательные комитеты (А. С. Меншикова, Д. П. Бутурлина) пытались привлечь III Отделение к конкретному взаимодействию с литераторами для установления границ гласности, обеспечения превентивного политического надзора, ибо кто как не политическая полиция знает пределы разрешенного и степень допустимого. Однако шефа жандармов вполне устраивало положение стороннего наблюдателя за недостатками цензурного контроля и верховного ментора по отношению к министру и цензурным комитетам, как и исключение какой-либо полемики, необходимости объяснений с литераторами и издателями относительно решений, объявляемых по высочайшему повелению. Ведь именно нетвердость цензуры, по мнению политической полиции, вела к ослаблению правительственного контроля над состоянием умов.

С началом правления Александра II и после кадровых перемен в III Отделении, в правительственных кругах вполне определенные черты стала приобретать идея неформального воздействия на общественные настроения посредством нового официального органа с целью «руководить мнениями». В условиях существования бесцен-

зурной Вольной русской печати создание проправительственного издания сочли бесполезным, так как оно было неспособно противостоять обличительной прессе. Новая идея, оформившаяся в недрах политической полиции, предусматривала не явное, а тайное влияние на общественное мнение посредством рассылки в самые разные издания специально подготовленных «в видах правительства» материалов для публикации, оплаты услуг журналистов, поддержку печатных органов, выступающих в защиту официального курса. Именно сплоченность литераторов и общественных сил позволила бойкотировать начинания Комитета по делам книгопечатания по созданию рептильной прессы.

Новый поворот в организации цензурного надзора предполагал создание специального министерства под руководством М. А. Корфа. Заявления потенциального министра о сохранении гласности, поддержке и покровительстве печати, одновременно с намерением исключить представителя III Отделения от участия в цензурном надзоре, предопределили крах новой структуры, просуществовавшей всего полтора месяца.

С принятием 6 апреля 1865 г. новых «Временных правил о цензуре и печати», изменивших принцип организации цензуры и ответственности печати, завершился этап нравственно-политического надзора III Отделения над прессой, театральными постановками и книгоизданием. Теперь идейный контроль политической полиции, граничивший с произволом, был заменен судебной ответственностью нарушителей цензурных правил. В новых условиях можно говорить о смягчении «охранительных» установок III Отделения, о переориентации с всеобщей подозрительности и тотального порицания неблагонадежности прессы на путь сотрудничества с отдельными органами печати и одновременно постоянный поиск средств и способов ее «приручения», манипуляция общественным мнением. Поддерживая практику создания официозных изданий, III Отделение весьма сдержанно оценивало их влияние и значение. Симпатии жандармов были скорее на стороне правой печати, весьма активно выполнявшей полицейские функции в литературе, но политические притязания «правой оппозиции» пресекались весьма решительно.

Поскольку официальная информация о деятельности III Отделения практически отсутствовала, информационный вакуум заполнялся апокрифичными известиями, толками и слухами, конструировавшими образ политического сыска так, как его «видели» россияне. Представления о пытках, телесных наказаниях, расправе без суда и следствия за разговоры о политике или чтение запрещенных изданий были весьма распространены. Их вероятность «подтверждалась» живописными деталями о специальных креслах для сечения, опуска-

ющихся полах, тайных ходах в кабинет шефа жандармов, глухонемых чиновниках, подписках о неразглашении содержания и характера бесед в политической полиции. Все это создавало III Отделению репутацию «разбойничьего вертепа у Цепного моста», «светской инквизиции», «всероссийской помойной ямы». Сами чиновники тяготились грузом общественного презрения, но ничего не делали для изменения скандального имиджа.

Легенды о многотысячном бюджете, огромном количестве агентов, кипах доносов, слугах, сообщающих содержание разговоров в семейном кругу, доносчиках из разных слоев общества, контроле над всеми печатными изданиями и, наконец, о немедленной и суровой расправе обеспечивали в атомизированном обществе самоограничение в поведении, самоцензуру в печатных текстах, осторожность в бытовых разговорах. Как только общество стало консолидироваться (западники, славянофилы, общества, клубы и др.), формировать согласованную гражданскую позицию по актуальным вопросам развития страны, страх стал иссякать. Гражданское общество разрушало архаические механизмы функционирования политической полиции. Вольная русская печать, нелегальная рукописная литература, анекдоты, эпиграммы, карикатуры выводили на суд общественности неправовые методы сыска; для оценки деятельности полиции применялись моральные критерии. Личные гарантии, нравственные достоинства фигуры шефа жандармов – ближайшего помощника и советника царя, – теряли свой вес, первостепенным критерием стало правовое ограничение оперативной и розыскной деятельности жандармских структур.

Благие намерения создателей III Отделения оказались неисполнимыми: полицейская патерналистская опека над обществом, тайные методы политического контроля, забота «о бедных и сирых» оказались неэффективными. Исключить гражданское общество из процесса гласного решения экономических, социальных, политических проблем без изменения политической системы оказалось невозможно. Крайне негативный имидж III Отделения во все периоды его существования способствовал провалу возложенных на него задач, наносил ущерб диалогу власти и общества, тайным посредником в котором выступала политическая полиция.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Обзор деятельности III Отделения Собственной Вашего Императорского Величества Канцелярии за 50 лет. 1826–1876 гг.¹

Государь император изволил читать в июле 1876 г.

Генерал-Адъютант Потапов

Третьяго Июля настоящего года исполняется пятьдесят лет со дня учреждения Третьего Отделения Собственной Вашего Императорского Величества Канцелярии. В Высочайшем указе по сему предмету, данном 3 июля 1826 года Управляющему Министерством внутренних дел, изображено:

«Признавая нужным устроить под начальством Генерал-Адъютанта Бенкендорфа Третье Отделение при Собственной Моей Канцелярии, Я повелеваю: Особенную Канцелярию Министерства Внутренних Дел уничтожить, обратя по выбору Генерал-Адъютанта Бенкендорфа часть чиновников оной под управлением Действительного Статского Советника фон-Фока в состав сего Отделения.

Предметами занятий сего Третьего Отделения Собственной Моей Канцелярии назначаю:

1) Все распоряжения и известия по всем вообще случаям высшей Полиции.

2) Сведения о числе существующих в Государстве разных сект и расколов.

3) Известия об открытиях по фальшивым ассигнациям, монетам, штемпелям, документам и проч., коих розыскания и дальнейшее производство остается в зависимости Министерств Финансов и Внутренних дел.

4) Сведения подробные о всех людях, под надзором полиции состоящих, равно и все по сему предмету распоряжения.

5) Высылка и размещение людей подозрительных и вредных.

¹ В сокращенном виде с некоторыми неточностями опубликовано В. Я. Богучарским: Третье отделение Собств. Е. В. Канцелярии о себе самом: неизданный документ / В. Богучарский // Вестник Европы, 1917, [кн. 3], март.

6) Заведывание наблюдательное и хозяйственное всех мест заточения, в кои заключаются государственные преступники.

7) Все постановления и распоряжения об иностранцах, в России проживающих, в предел государства прибывающих и из оного выезжающих.

8) Ведомости о всех без исключения происшествиях.

9) Статистические сведения, до Полиции относящиеся».

Круг деятельности III отделения, определенный при самом его учреждении, оставался в течение пятидесяти лет почти без изменения. Только высочайшее повеление от 22 апреля 1828 года поручило отделению театральную цензуру, остававшуюся в его ведении 37 лет, по 6 апреля 1865 г., когда она передана была вновь образованному при министерстве внутренних дел главному управлению по делам печати.

Но неизменная по предметам ведения деятельность III отделения по самому существу своему неизбежно изменялась соответственно изменениям в строе и направлении государственной и общественной жизни России. Не теряя из виду ни одного из предметов, подлежащих его ведению, Отделение тем не менее постоянно обращало преимущественное внимание на те вопросы, которые, вследствие каких-либо обстоятельств, получали преобладающее значение, и расширяло те стороны своей деятельности, которые в данное время получали особенную важность.

Тайные общества, образовавшиеся в последние годы царствования Императора Александра Павловича и подготовившие 14 Декабря 1825 года, привлекли в свою среду почти все революционные элементы, существовавшие в то время в России. Поэтому, когда следствие раскрыло всех участников преступного покушения и приговор суда выделил их из общества, то спокойствие было обеспечено надолго. Вот почему деятельность III Отделения по части собственно политической в первые годы по его учреждении ограничивалась почти исключительно распоряжениями, относящимися до осужденных декабристов: размещение их в Сибири и в других местностях, устройство для них необходимых помещений, установление надзора за ними и тому подобными мерами. Наблюдение вскоре убедило, что преступные замыслы не оставили в обществе почти никакого следа. Оренбургское дело и ничтожная попытка образовать тайное общество в Москве были единственными, можно сказать, исключительными случаями, обратившими на себя внимание Отделения в первые пять лет его существования. Тем с большею энергиею направлена была его деятельность на внимательное и всестороннее изучение современного положения России и на раскрытие тех сторон государственной и народной жизни, которые не соответствовали потребностям страны или могли, хотя бы в далеком будущем, угрожать ей спокойствию.

Наблюдение, поставившее своей целью такие задачи, получало, таким образом, значение истинно государственное и постепенно подготавливало материалы, послужившие впоследствии основанием для важнейших законодательных и административных мероприятий.

Польский мятеж, вспыхнувший 17 ноября 1830 г., вызвал новое расширение деятельности III Отделения. До 1831 года наблюдение не распространялось на Царство Польское, и поэтому замыслы поляков не могли быть известны Отделению. События 1831-го г. показали необходимость изменения существовавшего порядка и расширения круга действий наблюдения на часть империи, особенно в нем нуждающуюся.

Когда восстание было окончательно подавлено, тысячи беглецов, покинув умиротворенное отечество, рассеялись почти по всей Западной Европе, преимущественно во Франции, Англии и Бельгии. Правительства этих государств, приняв эмигрантов под свое покровительство, не только допускали частные сборы денег в их пользу и выдавали беднейшим из них пенсии и пособия, но и своими заявлениями возбуждали в них несбыточные надежды на защиту держав Западной Европы. Пользуясь полною свободой в своей деятельности, выходцы образовали во Франции, Англии и Бельгии политические общества и комитеты, в которых, по их мнению, заключалось истинное правительство Царства Польского. Эти комитеты собирали деньги для будущего восстания и, подготавливая для него почву, посылали в царство и в западные губернии тайных эмиссаров. Такая деятельность эмиграции вызывала распространение наблюдения и за пределы империи, и с 1832 г. начинается ряд командировок чинов III Отделения за границу, как для изучения на месте положения дел, так и для приискания надежных агентов и организации правильного наблюдения в важнейших пунктах.

Следя за деятельностью польских выходцев, поселившихся в Западной Европе, Третье Отделение вместе с тем получало точные сведения о внутреннем политическом положении европейских государств, о деятельности и направлении различных политических партий, о силе и настроении правительств и об отношении их к России. Таковые сведения, проверенные различными путями, Отделение представляло на Высочайшее воззрение. Время показало их основательность и оправдало многие из указаний Отделения. Так, еще в тридцатых годах оно усматривало неискренность расположения к России со стороны Австрии, разгадывало ее расчеты на сближение с Францией для уравновешения возрастающего могущества нашего отечества и не упускало из виду двухсмысленной ее политики относительно поляков. Еще в 1839 г. Отделение замечало недоверие Англии к азиатской политике России и опасения этой державы, воз-

буждаемые возрастанием нашего влияния в Азии и усилением нашей отпускной торговли на востоке. За восемь лет до Февральской революции оно видело в Луи Филиппе последний оплот монархизма во Франции и предсказывало, что после него в этой стране учредится республика, хотя бы на год, и возникнут серьезные замешательства, которые найдут отзыв во всей Западной Европе. В 1846 г. Отделение обращало внимание на распространение разрушительных теорий в Швейцарии и в Германии, где они достигли крайней необузданности, предвидело близкий взрыв революции и выражало опасения, чтобы по соседству к нам Германии нравственная зараза не проникла в наши пределы.

Впрочем, главное внимание наблюдения за границею постоянно обращено было на происки польских выходцев и на попытки их возбуждения восстания в Польше и западных губерниях. Отделение учредило наблюдение за всеми польскими комитетами за границею и, уверенное в крайней неблагонадежности польского населения Империи, зорко следило за посланными из-за границы эмиссарами. Дело Канарского¹ показало, что меры предосторожности были не напрасны, и вполне оправдало недоверие к полякам. Наконец, отправление Чайковского² эмиссаром в Турцию заставило усилить наблюдение на южной границе и учредить секретную полицию на Кавказе и в Новороссийском крае, особенно в Одессе и Бессарабии. Между тем как польские провинции вызывали усиленную деятельность III Отделения в политическом отношении, внутренние, чисто русские области Империи оставались по-прежнему спокойными и не возбуждали ни малейших опасений. Польский мятеж усилил общее патриотическое настроение населения и не только поколебал, но скорее укрепил общую преданность Царю и существующему государственному строю. Такое направление общества и всего народа, неизменно сохранявшееся до 1848 г., дозволило Отделению неуклонно продолжать изучение внутреннего состояния России, начатое в первые годы его существования. Исследуя все стороны народной жизни, отделение обращало особенное внимание на те вопросы, которые имели преобладающее значение, и результаты наблюдения повергло на Высочайшее благоволение.

¹ Конарский Шимон (Симон) (*польск.* Szymon Konarski) (1808–1839), польский революционер, в эмиграции после поражения восстания 1830–1831 гг., один из основателей организации «Молодая Польша» (*польск.* Młoda Polska).

² Чайковский Михаил Станиславович (*польск.* Michał Czajkowski) (Садык-паша) (1808–1886), польский общественный деятель, участник Польского восстания 1830–1831 гг., эмигрант, офицер турецкой армии. В 1872 г. вернулся в Россию.

Между этими вопросами в течение многих лет первенствующее место занимало положение крепостного населения. Третье отделение обстоятельно изучало его бытовые условия, внимательно следило за всеми ненормальными проявлениями крепостных отношений и пришло к убеждению в необходимости, даже в неизбежности отмены крепостного состояния. В нравственно-политическом отчете за 1839 год Отделение указывало, что «весь дух народа направлен к одной цели – к освобождению», что «крепостное состояние есть порочовой погреб под государством и тем опаснее, что войско составлено из крестьян же» и что «благоустройство удельных крестьян и оказываемая им защита сильно подействовали на возбуждение еще большего омерзения к крепостному состоянию».

Не решаясь высказаться за немедленное освобождение крестьян, которое в то время могло бы повести к беспорядкам, отчет тем не менее признает настоятельность мер переходных, подготовительных. Теперь, указывается в отчете, крепостные люди не почитаются даже членами государства и даже не присягают на верность Государю. Они стоят вне закона, ибо помещик может без суда сослать их в Сибирь. Можно было бы начать тем, чтобы утвердить законом все существующее уже на деле (*de facto*) в хорошо устроенных поместьях. Это не было бы новостью. Так, например, можно было бы учредить волостные правления, сдачу в рекруты по жеребью или по общему приговору старшин волости, а не по прихоти помещика. Можно было бы определить меру наказания за вины и подвергнуть крепостных людей покровительству общих законов; а что всего важнее, разделив Россию на полосы по качеству почвы, климату и промышленному положению края, определить, по мере занимаемой крестьянином земли число рабочих дней на господина и размер оброка...

Исходя из этой точки зрения, Третье Отделение признало своим долгом постоянно обращать внимание на все особенности крепостных отношений и доводить о них до Высочайшего сведения. О всех случаях неповиновения и буйства крестьян, убийства помещиков и управителей или посягательства на убийство, а также жестокого обращения со стороны помещиков немедленно было представляемо Государю Императору, и, независимо от сего, в ежегодных отчетах излагались результаты дознаний и меры, принятые к прекращению беспорядков и обличению или наказанию виновных. Таким образом, в делах Отделения сосредоточивались и сохранялись обширные материалы для изучения многих сторон крестьянского вопроса, которые, быть может, оказались бесполезными в то время, когда ваше величество соизволил признать необходимым окончательное его разрешение.

Озабочиваясь положением сельского населения, Отделение в то же время обращало внимание на нужды рабочего класса в столицах. В 1841 г. была учреждена, под председательством Генерал-Майора Корпуса Жандармов Графа Буксгевдена, особая комиссия для исследования быта рабочих людей и ремесленников в С.-Петербурге. Представленные ею сведения были сообщены подлежащим Министрам и вызвали некоторые административные меры, содействовавшие улучшению положения столичного рабочего населения. Между прочим, на основании предположенной комиссии, по инициативе Третьего Отделения была устроена в С.-Петербурге постоянная больница для чернорабочих, послужившая образцом подобному же учреждению и в Москве.

Высказывая опасения, внушаемые крепостным правом, Отделение указывало на возможность подстрекательства крестьян со стороны раскольников, которых преследование вооружило против Правительства, так что скиты их сделались центром этого зла. Собираение сведений о раскольниках постоянно входило в круг действий Третьего Отделения; назначение же управляющего отделением в 1836-м году членом Секретного Комитета о раскольниках доставило высшему наблюдению возможность ближе следить за ходом раскольничьих дел. Оставаясь на почве основных законов, дарующих каждому повсеместно право свободного отправления его веры и богослужения, Отделение не могло ни признавать, что последовавшее в сентябре 1826 года воспрещение раскольникам не только строить новые церкви и часовни, но и переделывать или возобновлять старые – не согласно с коренными нашими законоположениями и составляет сильнейшее преследование, ведущее прямо к уничтожению богослужения раскольников. Точно так же Отделение находило не согласным с установленною у нас веротерпимостью преграждение раскольникам возможности получать себе вновь священников, а тем более правило, по коему браки раскольников, по их обрядам совершенные, не признаются за браки, и дети, от тех браков рожденные, не считаются законными. В отчете за 1837 год указывается, в какой степени вредно и даже опасно для правительства иметь в различных краях государства значительные массы людей недовольных и стесненных в исполнении обрядов своего верования, людей, которые при каких-либо неблагоприятных для Правительства обстоятельствах могут сделаться орудием неблагонамеренных лиц и вызвать затруднения. Не высказываясь в пользу полной свободы раскольников в их противозаконных действиях, отчет полагает необходимым строго наблюдать, чтобы они не совращали кого-либо в раскол, не разводили скитов, не скрывали беглых и вообще не уклонялись от обязанностей своих к правительству и местным властям, но признает вредным

и противным духу нашего правительства стеснять их в отправлении богослужения и лишать церквей и священников, одним словом, не распространять на них тех правил, коими правительство наше руководствуется в отношении всех других исповеданий, не только Христианских, но и Магометанскаго и даже Еврейскаго.

В связи с положением народа стоял вопрос и о состоянии армии, выходявшей из его же среды. Высшее наблюдение следило за всеми, даже малейшими изменениями в духе и настроении войска и заботливо относилось не только к возвышению его нравственного достоинства, но и к его материальным интересам и удобствам. Не раз указывая на злоупотребления по снабжению солдат пищею и амунициею, оно в то же время (еще в 1843 году) настаивало на необходимости изменений в обмундировании и замены прежних мундиров казакинами и панталонами с гульфом, мера, которая «спасла бы треть рекрутов от госпиталей и смерти». Но еще настойчивее обращало Отделение внимание на упадок воинского духа в армии, замечая, напр.[имер], в 1841 г., что «дух войска вовсе не тот, как был за 25 и за 30ть лет пред сим; в массе офицеров заметно какое-то уныние, какая-то неохота к делу (...) теперь почти нет генералов ни в гвардии, ни в армии, о которых можно было бы сказать, что они обожаемы офицерами и солдатами (...) а между тем тишина и порядок в войсках примерные».

Как одно из средств к поднятию воинского духа и нравственного уровня в армии, Отделение указывало на отмену наказания шпицрутенами, унижительнаго не только для воинского, но и для человеческого достоинства.

В числе предметов наблюдения, указанных Третьему Отделению непосредственно Высочайшею волею, важное место занимали действия администрации. Отделение зорко следило за неизбежными во всех отраслях управления ошибками и злоупотреблениями и обо всех доходивших до него случаях немедленно сообщало подлежащим Министрам, а особенно важные представляло на Высочайшее усмотрение. В Бозе почивший Государь Император придавал особенное значение этой части деятельности отделения и требовал, чтобы подобные сообщения принимались к сведению и не проходили бесследно. В 1838 году Главный Начальник Третьего Отделения, доводя до Высочайшего сведения о злоупотреблениях по ведомству путей сообщения и о мерах, принятых им для их полного раскрытия, при совокупил, что он не сообщал о сем Главноуправляющему Путиами Сообщения по той причине, что Генерал-Лейтенант Граф Толь не удостоивает принимать его предупреждения и замечания с тою благосклонностью, как то делают другие министры. Вследствие сего Его Величество соизволил положить следующую собственноручную ре-

золюцию: «Все Министры о б я з а н ы¹ принимать сведения, от вас сообщаемые: поэтому их благосклонности вовсе не нужно».

Такая Монаршая воля значительно облегчила деятельность Отделения по раскрытию злоупотреблений административных учреждений и лиц, дозволяя действовать открыто и в случае необходимости настойчиво. Но независимо от наблюдения за действиями низших правительственных лиц и учреждений, Главный Начальник Третьего Отделения по Высочайшей воле, представлял Государю Императору при обозрении нравственно-политического состояния России обзор Главных Управлений, заключающий в себе характеристику Министров и их деятельности и оценку важнейших мер, принятых в истекшем году по каждому ведомству, причем с полною откровенностью излагались и слабые стороны Управлений и те улучшения, которые вызывались потребностями времени или общим движением к нравственному возвышению всех отраслей Государственного состава. В этих обзорах нередко встречались чисто практические замечания и доводились до Высочайшего сведения желания и ожидания общества. Так, напр.[имер], в 1838 г. указывалась польза проведения железной дороги между столицами, вопреки мнению Министра Финансов и Главноуправляющего Путиами Сообщения в 1841 году представлялось о необходимости большей заботливости со стороны правительства о народном здравии; в 1842 году приводятся всеобщие жалобы на высокие тарифы, служащие к обогащению немногих крупных заводчиков и фабрикантов и задерживающие развитие торговли, в 1838 и 1847 гг. обращается внимание на ропот народа против тягости постоянных рекрутских наборов, неоднократно приводятся общественные отзывы о стеснительности и вреде откупной системы как для народного благосостояния, так и для народной нравственности.

Из всех правительственных учреждений особенное внимание III-го Отделения обращало судебное ведомство, о котором постоянно получались самые безотрадныя сведения. Наблюдение неоднократно указывало, что не только низшия и средния судебныя места, но даже и Сенат, руководствуясь устарелыми формами, производят дела с неимоверною медленностью, что течение суда останавливается сверх сего, к стеснению тяжущихся, справками, часто произвольными, письменными сношениями о том, что можно узнать без всякой переписки, апелляционными сроками и переходами дела по инстанциям, число коих могло бы быть сокращено наполовину; что при таком многосложном и затруднительном производстве дела продолжают в каждом судебном месте по несколько лет, а иныя, проходя через все

¹ Подчеркнуто в подлиннике.

инстанции, оканчиваются через десятки годов; что злоупотребления и лихоимство безнаказанно господствуют не только в уездных судах и губернских палатах, но и в сенатских канцеляриях, так что и в сенате дела производятся и решаются не даром; что, по общему мнению, иметь в судебных местах дела есть величайшее несчастье и что ропот на них повсеместный и громкий.

В полной неудовлетворительности наших судебных мест Третье Отделение имело возможность убедиться и из многих просьб и жалоб частных лиц. Вообще эта часть делопроизводства Отделения отличалась особенною обширностью, так как в сороковых годах ежегодно поступало от двух до пяти с половиною тысяч просьб, кроме всеподданнейших прошений, подаваемых во время Высочайших путешествий, число коих колебалось между четырьмя и десятью тысячами. От лиц всех сословий, без изъятия, как русских подданных, так и иностранцев, проживающих в России и за границею, поступали просьбы и жалобы по частным делам самого разнообразного содержания.

Предметами просьб были в особенности:

а) содействие к получению удовлетворения по документам, не облеченным в законную форму;

б) освобождение от взысканий по безденежным заемным письмам и тому подобным актам;

в) пересмотр в высших судебных местах дел, решенных в низших инстанциях; остановление исполнения судебных постановлений, отмена распоряжений правительственных мест и лиц;

г) восстановление права апелляции на решение судебных мест;

д) домогательство о разборе тяжбных дел, вне порядка и правил, установленных законами;

е) помещение детей на казенный счет в учебные заведения;

ж) причисление незаконных детей к законным вследствие вступления родителей их в брак между собою;

з) назначение денежных пособий, пенсий, аренд и наград;

и) рассрочка и сложение казенных взысканий;

і) возвращение прав состояния; облегчение участи состоящих под наказанием освобождением содержащихся под стражею;

к) с представлением проектов по разным предприятиям и изобретениям...

Жалобы были двух родов:

1) на поступки частных лиц

и 2) на действия присутственных мест и должностных лиц.

Жалобы первого рода преимущественно подавались:

а) на личные оскорбления,

б) на нарушения супружеских обязанностей с просьбами жен о снабжении их видами для отдельного проживания и обеспечении их существования на счет мужей;

в) на обольщение девиц;

г) на неповиновение детей родителям и на злоупотребление родительской властью;

д) на неблагоприятные поступки родственников по делам о наследстве;

е) на злоупотребления опекунов;

ж) по делам о подлоге и несоблюдении форм в составлении духовных завещаний и

з) помещиков на крестьян и обратно.

Жалобы второго рода преимущественно обращены были:

а) на бездействие или медленность по денежным взысканиям;

б) на пристрастие, медленность и упущения при производстве следствий при рассмотрении дел гражданских и уголовных, при исполнении судебных решений и приговоров и

в) на оставление просьб и жалоб без разрешения со стороны начальствующих лиц.

В некоторых просьбах и жалобах заключались, кроме того, указания на злоупотребления частных лиц по взносам казенных пошлин, по порубке и поджогу казенных лесов, по питейным откупам, по подрядам и поставкам и т. п.

Каждой просьбе или жалобе, поданной в Третье Отделение, давалось направление не иначе как по убеждению в ее основательности. Смотри по свойству дел, она или представляемы были на Высочайшее благовоззрение с испрошением надлежащего разрешения, или оканчивались примирительным соглашением истца и ответчика, или же передавались на зависящее распоряжение подлежащих властей. По некоторым делам оказывалось необходимым настаивать на скорейшем и правильном их разрешении чрез начальствующих лиц, к ведомству которых они по роду своему относились. Просьбы и жалобы, оказавшиеся неосновательными, оставляемы были без движения. Число просьб и жалоб, оставленных без движения, составляло обыкновенно от десяти до пятнадцати процентов общего их количества.

Февральская революция во Франции и ряд политических беспорядков, почти одновременно взволновавших в 1848 году всю Западную Европу, не могли пройти совершенно бесследно и для нашего отечества, в особенности для западной его окраины. Еще в 1846 году смуты в Познани, Кракове и Галиции вызвали в населении Царства Польского и западных губерний сильное возбуждение умов и, если бы познанские и галицийские поляки успели произвести полное восстание, то нет сомнения, что и в Царстве многие, сбросив с себя

личину, последовали бы заграничному примеру. Такое настроение поляков поддерживалось прибывавшими из-за границы эмигрантами. В 1848 году поляки с живейшим участием следили за политическими событиями на Западе и возлагали свои надежды на успехи заграничных революционеров. Общее тревожное настроение умов выразилось разными слухами и толками, хранением оружия и возмутительных сочинений, появлением прокламаций, отдельными случаями злоумышления и беспорядков и, наконец, бегством за границу, принявшим столь значительные размеры, что только в 1848 и 1849 годах из одного Царства Польского бежало более 1500 человек. Если общественное спокойствие и не было нарушено, то единственно вследствие энергических мер, своевременно принятых, и сосредоточения в крае достаточного числа войск.

Собственно в России не было никакого повода опасаться волнений или беспорядков. Общее настроение русского общества отличалось не только полным спокойствием, но даже некоторою вялостью. Еще в 1843 г. наблюдение указывало, что «высшее общество, которое в прежнее время дозволяло себе рассуждать о действиях правительства, гласно хваля или порицая принимаемые им меры, уклоняется ныне от подобных суждений и ко всему хранит какое-то равнодушие; то же самое замечается и в других слоях общества – все как будто поражены какою-то апатиею». Но в этом апатическом обществе молодежь не могла остаться ко всему безучастною, и в среде ее начинали мало-помалу распространяться учения, увлекавшие юные умы новизною. Первые резкие признаки проникновения к нам западных социалистических и коммунистических теорий представило дело Петрашевского. Хотя здесь не было, собственно говоря, ни заговора, ни даже организованного тайного общества, но все-таки нельзя было не обратить особенного внимания на сборище молодых людей, которые, заразившись заграничным учением социализма и гражданского равенства, мечтали о распространении их в России для произведения политического переворота.

В видах охранения нашего отечества от наглых разрушительных теорий, волновавших Западную Европу, Высочайше повелено было принять решительные и энергические меры, большая часть коих была возложена на III Отделение: последовало распоряжение о строжайшем наблюдении за всеми иностранцами, в особенности же французами, проживающими в пределах Империи, запрещен был въезд в Россию первоначально французам, а в скорее и прочим европейцам, за весьма незначительными исключениями; русским подданным выезд за границу разрешался не иначе как по особо важным исключительным причинам; тем же, которые находились уже за границею, сделано было приглашение возвратиться в отечество; ввоз иностран-

ных книг был подвергнут новым правилам, лишившим книгопродавцов возможности с прежнею легкостью распространять запрещенные сочинения; произведены были обыски во многих книжных магазинах С.-Петербурга, Москвы, Риги и Дерпта, причем найденные в значительном числе недозволенные цензурою книги были конфискованы, а виновные книгопродавцы преданы суду; усилено наблюдение за ходом воспитания в России, за литературою и особенно за журналистикою, учреждены особые комитеты – один для рассмотрения всех русских журналов последних лет и другой для наблюдения за всеми журналами и книгами, выходящими в России; повелено дополнить цензурный устав, а цензорам подтверждено обращать бдительное внимание на журнальные статьи.

Особенно сильное развитие получила при этом одна отрасль деятельности III-го Отделения – наблюдение за иностранцами, которые обязаны были немедленно по прибытии их в столицу являться в отделение. Собрание о них подробных справок и сведений, расспрос являвшихся, разрешение прибыть в империю или остаться в России, высылка за границу, принятие их в подданство – входили в круг обязанностей отделения. Кроме того, ежегодно был командирован особый чиновник на время навигации в Кронштадт для проверки видов прибывавших иностранцев и для зависящих распоряжений о пропуске их в пределы Империи или о неразрешении им пребывания в ней.

Точно так же усилилось в это время наблюдение, устроенное за границею, как вследствие расширения революционной деятельности польской эмиграции, так и потому, что в это время начинает зарождаться и собственно русская эмиграция. Еще в 1843 г. III Отделение обратило внимание на деятельность первых русских выходцев: Князя Петра Долгорукова и Ивана Головина во Франции и Бакунина в Швейцарии. Последний затем прибыл также во Францию, где сблизился с поляками, и хотя перед Февральскою революциею был выслан оттуда вместе с Головиным, но при перемене обстоятельств немедленно возвратился в Париж. После этого он принимал участие в беспорядках во Франкфурте и Праге, был одним из главных руководителей мятежа в Дрездене и, наконец, взятый с оружием в руках, был выдан австрийскому правительству, которое препроводило его в 1850 г. в наши пределы.

В 1848 г. к числу русских выходцев присоединился и Герцен, поселившийся в начале пятидесятых годов в Лондоне. Здесь в 1852 г. он основал русскую типографию и напечатал в ней первые свои возмутительные листки «Юрьев день», «Воззвание к русскому народу» и «Крещеная собственность» с целью распространения их в России. Все это требовало особых усиленных мер, усиленного наблюдения как за границей, так и в России.

А между тем наступило тяжелое время для нашего отечества. Началась Турецкая война, наступала Крымская кампания. Обстоятельства требовали крайнего напряжения всех нравственных и материальных сил России. Правда, внешняя опасность вызвала общее патриотическое настроение и сплотила всех преданностью царю и отечеству: со времени объявления войны повсюду в России водворилось совершенное спокойствие и даже все недоброжелательные безыменные доносы, так часто тревожившие правительство, внезапно прекратились; но тем не менее многие еще обстоятельства требовали неусыпного наблюдения и вызвали усиленную деятельность Третьего Отделения.

Все польские провинции Империи находились в глухом брожении и рассчитывая на поражение русских войск, готовились восстать при помощи иноземцев и втайне мечтали об освобождении. Польская и русская эмиграция посылали в Россию эмиссаров и стремились наводнить ее возмутительными воззваниями и брошюрами, изготовлявшимися лондонскою польско-русскою типографиею. Даже в русских губерниях нередко распоряжения правительства, вызванные потребностями военного времени, вызывали недоумения, которые могли повести к прискорбным беспорядкам, в особенности между крепостным населением. Так, в 1854 г., после обнародования правил относительно приема крестьян, желающих поступить в военную службу и в морское ополчение, в некоторых помещичьих имениях первоначально Тамбовской губернии разнеслись превратные слухи, будто те семейства, из которых поступят на службу охотники, будут освобождены от крепостного состояния и казенных повинностей. Вслед за тем многие помещичьи крестьяне являлись в Тамбов, не имея на то дозволения. Их отправляли обратно к помещикам, но они начали тайно уходить в Москву, распространяя на пути те же слухи и увлекая за собою жителей других губерний. По получении первых о том известий предписано было местным жандармским штаб-офицерам содействовать губернским начальствам к опровержению слухов, удерживать бежавших и стараться обнаруживать подстрекателей, а затем командированы были флигель-адъютанты для производства дознаний. Между тем в Москве было задержано и выслано обратно под воинским конвоем до 1500 крестьян Тамбовской, Рязанской, Нижегородской и Владимирской губерний. Многие из скрывавшихся, узнав об этом, возвратились в дома свои добровольно, и, таким образом, волнение было прекращено.

Подобное же движение крестьян происходило и в нескольких имениях губерний Воронежской, Пензенской, Тверской и в одном поместье С.-Петербургской, но по принятым мерам бежавшие крестьяне были скоро возвращены на свои места и порядок везде восстановлен.

Высочайший манифест о сборе государственного ополчения во всех губерниях был принят с чувством глубокого патриотизма, но были и частные случаи неблагонамеренного характера как между дворянами, так и между сельским населением. В Киевской губернии, особенно в тех уездах, где еще памятно казачество, помещицы крестьяне православного исповедания просили дозволения ополчиться всем с зачислением их в казаки и с освобождением от работ на помещиков. Между ними явились и подстрекатели: один из них читал крестьянам воззвание будто бы англичан и французов о возмущении против правительства. Крестьяне силою отобрали у него воззвание, но он успел скрыться и потом пробраться за границу. Хотя это обстоятельство и показывает, что целью крестьян было не возмущение, но тем не менее беспорядки усиливались, так что в некоторых селениях пришлось ввести воинские команды, а в других действовать вооруженною силою. Подобное же движение обнаружилось и в Воронежской губернии, где тоже пришлось прибегнуть к мерам строгости, а также в Пермской и Нижегородской.

Продолжительная война оставила тяжелые следы на населении. Первоначальный энтузиазм остыл; жертвы и лишения становились ощутительнее; общая нужда возрастала. Третье Отделение видело все это и еще в начале 1855 года всеподданнейше представляло, что война чрезвычайно тягостна для России: «рекрутские наборы, ополчение, прекращение торговли и промыслов умножают нужды и бедность, и хотя русские готовы переносить и дальнейшие бедствия, но если бы Правительство, сохраняя твердость и свое достоинство, достигло мира на условиях честных, то это было бы общею радостью в Империи».

Восшествие на престол Вашего Императорского Величества возродило надежды России, возлагавшей свои упования на давно известную всем благодать Вашего сердца. Тяжки были первые месяцы Вашего царствования, но рука Всевышнего отвратила дальнейшие бедствия от нашего отечества. Мир, дарованный Вашим Величеством, был первым шагом к быстрому возрождению России. Тяжкие стеснительные меры, вызванные необходимостью в последние годы царствования Августейшего Вашего Родителя, были отменены; милости, дарованные государственным и политическим преступникам, освобождение ссыльных и снятие со многих лиц полицейского надзора оживили надеждою сердца всего населения; облегчение цензурных условий возродило литературу; расширение доступа к высшему образованию успокоило родителей за участь детей; общие льготы и меры экономические, как, например, указ о сооружении первой сети железных дорог в России, дали новую жизнь торговле и промышленности; наконец, обнародование первого Высочайшего рескрипта об улучшении

быта помещичьих крестьян положило краеугольный камень новому гражданскому устройству русского народа.

Польская эмиграция с беспокойством следила за всеми действиями нашего Правительства. Амнистия 15-го Мая 1856 г. была для ее вождей первым ударом: несмотря на их противодействие, в один год более тысячи польских выходцев воспользовались Царскою милостью. И в Польше, и в Западном крае все было спокойно, но, как кажется, это спокойствие было только наружным. По крайней мере в это же время распространялась рукопись «Pro publico bono», в котором студентам московского университета советовалось избегать сборищ, возбуждающих подозрения правительства, тайно поддерживать друг в друге любовь к родине, трудиться в самом центре России, Москве для приготовления людей, которые при первом удобном случае были бы готовы встать в ряды поборников польской независимости. В то же время на дворянских выборах в Каменец-Подольске и других губерниях, где в среде дворянства преобладал польский элемент, между дворянами замечалась какая-то небывалая прежде самонадеянность, больше, чем когда-либо отчуждение от чиновников правительства и явное к ним нерасположение.

Русские выходцы тоже употребляли все усилия, чтобы возбудить волнение умов в России. Издания князя Долгорукова и в особенности Герцена, основавшего в 1857 г. «Колокол», проникали всевозможными путями в наше отечество, где производили вредное влияние в особенности на молодежь высших учебных заведений, требовавшую себе все большей и большей свободы и самостоятельности. Нередко слабость начальства, искавшего популярности между молодыми людьми, давала повод к беспорядкам. Так, в университете Св.[ятого] Владимира было еще в 1857 г. несколько случаев неприличного поведения со стороны студентов вследствие потворства начальства, дозволившаго им утвердить свое судебное общество. В Казани и в Москве студенты предъявляли даже профессорам требования о выходе их в отставку, а в Петербурге заставили попечителя принять от них просьбу об утверждении за ними гражданских прав. Студенты Медико-Хирургической Академии, получив копию с этого прошения, прислали от себя депутатов в университет с объявлением, что президент Академии принял в их деле живое участие. Все эти волнения, происходившие от тлетворного влияния заграничных изданий, а также и наших журналов, наполнявшихся толками о необходимости изменений в порядке общественной жизни, не могли не обращать на себя внимание III-го Отделения, которое указывало на них подлежащим начальствам и постоянно настаивало на устранении таких ненормальных явлений в среде учащагося юношества.

Наша периодическая печать, нередко злоупотребляя дарованным ей облегчением цензурного положения, постепенно принимала исключительно обличительный характер, направленный если не против правительства, то против администрации. Журналистика подвергала обсуждению, иногда легкомысленному, самые основы государственного и общественного строя: религия, авторитет государства, семья – все подвергалось колебанию и отрицанию; обеспечение за всеми членами государства гражданской и политической полноправности становилось общим требованием. Такое направление нашей печати возбуждало и поддерживало общее брожение умов и как бы подавало руку тайно водворяемым из-за границы русским революционным изданиям, направленным против существующего в России порядка и против самой монархии. Число этих изданий с 1857 года начинает быстро возрастать: многие парижские, лейпцигские и берлинские книгопродавцы принимаются за издание русских запрещенных сочинений; русские типографии, кроме Лондона, открываются в Париже, Берлине, Карлсруэ, Гамбурге и особенно в Лейпциге. Все эти издания проникали в Россию, несмотря на неоднократные распоряжения к строжайшему наблюдению по границам, и распространялись в значительном числе сперва в столицах, а потом и внутри Империи. Мало того: в 1859 г. начали появляться литографированные копии с запрещенных сочинений, и III Отделение успело открыть несколько виновников в подобных попытках.

Даже в высшем сословии русского народа – дворянстве – замечалось особенное, ненормальное настроение. На дворянских выборах в Твери, Рязани, Владимире и Орле обнаружилась незаконная агитация; при выборах в Пскове дворяне выражали открытое противодействие губернатору и всему, что прежде имело влияние.

Между тем и сельское население не было совершенно спокойно. С одной стороны, ожидание освобождения, часто нетерпеливое, с другой – стеснительные меры некоторых помещиков для заблаговременного обезземеливания крепостных, все это вызывало нередкие волнения в среде помещичьих крестьян, не с прежним терпением сносивших свое крепостное положение. Число случаев неповиновения крестьян и беспорядков между ними постоянно возрастало. В 1858 г. случаев неповиновения крестьян было 86, причем замечено 22 подстрекателя; убито крестьянами 4 помещика и 10 управителей, безуспешных покушений было 14. В 1859 г. случаев неповиновения крестьян было 90, подстрекателей 36, убито 4 помещика и 9 управителей, безуспешных покушений 16. В 1860 г. случаев неповиновения 108, подстрекателей 55, убито 5 помещиков и 16 управителей, безуспешных покушений 33. Точно так же возрастает и с другой стороны число случаев жестокого обращения помещиков с крепостны-

ми. В 1858 году в жестоком обращении с крестьянами изобличено 48 помещиков и 11 управителей, случаев смертельного наказания 46, от жестоких наказаний было 16 мертворожденных младенцев. В 1859 г. в дурном обращении с крестьянами изобличено 56 помещиков и 23 управителя, случаев смертельного наказания 55, мертворожденных младенцев 17. В 1860 г. в жестоком обращении обличены 69 помещиков и 32 управителя случаев смертельного наказания 65, мертворожденных 25. Ввиду этих прискорбных фактов III Отделение энергически указывало на необходимость скорейшего разрешения крестьянского вопроса, указывало и в 1858, и в 1859, и в 1860 гг., обращая вместе с тем внимание Правительства и на те стороны этого вопроса, которые требовали особенно тщательного обсуждения, и на те из них, которые могли подать повод к недоумениям или раздражению. В то же время Отделение заботливо обсуждало и предпринимало меры, необходимые для сохранения общественного спокойствия в момент окончательного разрешения.

Когда этот благословенный для всей России день наступил, когда узы, связывавшие миллионы населения, пали по воле Монарха-Освободителя, Отделение обратило особенное внимание как на то впечатление, которое освобождение крестьян произвело на все классы народа, так и на образ действия лиц, на которых возложено было исполнение Монаршей воли. Отделение засвидетельствовало перед Вашим Императорским Величеством, что обнародование Высочайшего манифеста об освобождении крестьян сопровождалось везде тишиною и замечательным в некоторых частях империи проявлением трезвости. К сожалению, этот порядок был вскоре нарушен, но при тщательном изыскании причин крестьянских возмущений, постоянного злоумышленного подстрекательства нигде не обнаружено и намеренного неповиновения Высочайше утвержденным правилам не оказалось: одно опасение уклониться от Царской воли и вновь подвергнуться крепостной зависимости доводило крестьян до послушания, по сомнению вообще в помещиках и чиновниках, которых они во многих местах обвиняли в сокрытии настоящего манифеста.

Точно так же сочувственно относилось Отделение и к деятельности первых мировых посредников, большинство которых беспристрастным и дельным разбирательством недоумений и споров оказались весьма полезными в деле устройства крепостного состояния; но тем не менее обращало внимание Министерства Внутренних Дел на действия тех из них, которые выказали себя не соответствующими своему значению.

В то время, когда великое дело освобождения миллионов осуществлялось с таким спокойствием, на дворянских выборах все еще продолжалось, и даже усиливаясь, то движение, которое началось

еще в 1858 г. На выборах в Тульской губернии составлен был всеподданнейший адрес об образовании комиссии из выборных от каждой губернии собственников для обсуждения изготовляемых узаконений. В Твери дворянство составило всеподданнейшее прошение, в котором заявило: 1) несостоятельность закона 19 февраля 1861 г., 2) необходимость предоставления земли крестьянам в собственность, 3) несостоятельность сословных привилегий и 4) несостоятельность правительства удовлетворить потребностям общества, причем указывался и единственный, неизбежный к этому путь – собрание представителей всего народа, без различия сословий.

В том же 1861 году начали появляться и распространяться возмутительные воззвания «Великорос» и «К молодому поколению», подстрекавшие к изменению существующего образа правления и потрясению общественного порядка. Третье Отделение деятельно розыскивало составителей и распространителей преступных воззваний, и они были, по открытии их, преданы суду.

Но, преследуя и раскрывая виновных, Отделение не рассчитывало на одну грозу казни для успокоения взволнованного общества и главную силу Правительства видело в его передовой, преобразовательной деятельности. «Правительство, – замечает всеподданнейший отчет за 1861 год, – составляя стражу государства, должно употреблять все средства, дабы удержать в руках своих знамя начатаго им движения, неуклонно руководствуясь правилом подавлять преступные замыслы возмутителей систематическою последовательностью действий, беспристрастною справедливостью и силой закона».

Беспорядки в университетах продолжались и даже возрастали, принимая отчасти политический характер. Правительство увидело необходимость возвратить учащееся юношество к его истинному назначению – занятию наукой; учрежден был особый комитет для обсуждения мер о надзоре за студентами, и составленные им правила удостоились Высочайшего утверждения. Но новые правила показались университетской молодежи, успевшей уже привыкнуть к своеволию и распущенности, слишком стеснительными. К тому же явились подстрекатели, рассчитывавшие воспользоваться увлечением и доверчивостью юности для своих преступных целей. Возникли беспорядки, первоначально в С.-Петербургском Университете, потом в Москве, в Казани, в Харькове и в Киеве и даже в С.-Петербургской Духовной Академии. Беспорядки в С.-Петербургском Университете, вызвавшие сочувствие воспитанников других учебных заведений, молодых офицеров и лиц разных званий, приняли, благодаря подстрекательствам уличный характер, и для их усмирения потребовалось содействие войск. Виновные в числе 327 человек (в том числе 63 посторонних) были заключены в крепость, и дело о них поручено

было особой следственной комиссии. В Москве также из 29 зачинщиков оказалось 17 посторонних университету лиц.

III Отделение обратило особенное внимание на участие в университетских беспорядках посторонних подстрекателей и вскоре пришло к убеждению в тесной связи их с распространителями возмутительных воззваний и вообще с тем враждебным Правительству кружком, который следовал внушениям лондонских выходцев. К Герцену еще в 1857 году присоединился друг его детства и единомышленник Огарев, а в конце 1861 года прибыл туда же и Бакунин, успевший бежать из Сибири. Этот новый триумvirат заправлял из Лондона всю русскую революционную партию и поддерживал с нею постоянные тайные сношения. Наблюдение успело раскрыть эти отношения, и своевременный арест одного лица, прибывшего из Лондона с бумагами и письмами, повел к обнаружению главных виновников. Участники злонамеренных действий оказались не только в столицах, но почти во всех частях России, даже самых отдаленных: в Сибири, на Кавказе, в Оренбургской губернии. Дело о них передано было в секретную следственную Комиссию, учрежденную под председательством Статс-Секретаря Князя Голицына.

В эту же Комиссию было передано дело о распространителях возмутительных воззваний, появившихся в столице весной 1862 года. Распространение их, случайно или умышленно, совпало со страшными пожарами, почти одновременно вспыхнувшими в разных отдаленных одна от другой частях Петербурга. Пожары эти, которые и общественное мнение, и озлобление народа приписывало возмутителям, произвели отрезвляющее впечатление на большинство, и побудили многих осторожнее относиться к общим перед тем увлечениям.

Но особенно благотворное, можно сказать, действие произвел на весь русский народ польский мятеж, вспыхнувший в январе 1863 года. Третье Отделение непрерывно следило за кознями и происками поляков за границею и в России и давно уже указывало на тревожные симптомы пробуждения польского патриотизма. Так, еще в 1857 г. обращено было внимание на польских эмигрантов в Турции и в особенности в Добрудже и на деятельность Чайковского. В 1859 г. не прошло незамеченным определение дворянства Ковенской, Виленской, Минской и Волынской губерний – собрать в течение нескольких лет сумму для вспомоществования возвращенным из ссылки и из-за границы политическим преступникам из дворян. В том же году Отделение указывало на возможность вредного влияния и политического значения учрежденного в Царстве Польском агрономического общества под председательством графа Замоиско-

го¹, которое в короткое время привлекло до 4 тысяч членов; на мечты о восстановлении польской народности в юго-западном крае, мечты, выразившиеся в адресе, заготовленном польским дворянством; на политическое влияние католицизма на поляков и на двусмысленную роль польского духовенства, явно неприязненного России. В 1860 г., в Западном крае указывалось на возбуждение польского патриотизма, в особенности между молодежью, на роль политического сообщества, существующего между студентами всех областей прежней Польши, на съезд в Вильно, во время вакаций, до 180 студентов из поляков разных русских университетов и академий, на отчуждение Киевских студентов-поляков от русских, на появление между ними национальных польских костюмов и на всеподданнейшее прошение о введении в местных учебных заведениях преподавания польского языка. В Царстве Польском, особенно в Варшаве, польское движение сделалось вполне явным: начался ряд политических и религиозных демонстраций самого возмутительного характера, не оставлявший ни малейшего сомнения насчет их конечной цели. Упомянув о них, отчет за 1860 год присовокупляет: «Будущие события покрыты мраком, но могут быть крайне горестны, если меры к восстановлению порядка в Царстве будут приняты несвоевременно или и соответственно обстоятельствам. Каждый день для сего драгоценен...»

В 1862 г. наблюдение получило сведения об образовании уже складов оружия на границе Познани и Прусской Силезии и в Молдавии, и заказах оружия в Англии и Бельгии, о сформировании Мильковским² в Молдавии из беглых поляков отряда и о появлении в лесах Галиции шаек, составленных из выходцев не простого звания. Тайная организация, образовывавшаяся в Царстве Польском, также не была тайною для наблюдения.

Польское восстание и дипломатическое вмешательство западных держав вызвали единодушный взрыв патриотизма в России. Бесчисленные адреса, обращенные к Вашему Величеству от всех сословий и из всех местностей Империи, представляли непреложное доказательство неизменной преданности русского народа Царю и отечеству.

¹ Замойский Анджей Артур (*польск.* Andrzej Artur Zamoyski) (1800–1874), граф, польский государственный деятель, участник Польского восстания 1830–1831 г. Сельскохозяйственное общество в 1862 г. было закрыто. А. Замойский выслан из империи, проживал в Париже.

² Милковский Зыгмунт (*польск.* Zygmunt Miłkowski) (1824–1915), писатель-романист, публицист, деятель польского освободительного движения, лидер Польской Лиги (*Liga Polska*), в 1863 г. руководил повстанческим отрядом, действовавшим на территории Молдавии.

Энергические меры, принятые для подавления мятежа, делали для усмирения возмущившихся поляков только вопрос времени; когда же кончилось вооруженное восстание, наступила пора мер государственных, предназначенных не только успокоить потрясенный и разоренный возмущением край, но и предотвратить возможность новых потрясений.

Но ни внутренние смуты, ни Польский мятеж не задержали предначертанного Вашим Величеством хода обновления России. Освобождение крестьян быстро подвигалось вперед, и хотя, с одной стороны, естественная в таком сложном деле недоработка, а с другой – преступные происки подстрекателей вызывали во многих местностях беспорядки и неповиновение закону и властям, однако же здравый смысл народа вскоре взял верх, волнение постепенно стихало, и в 1864 г. дело приняло правильный ход. Так, в 1861 г. временно-обязанными крестьянами оказано было неповиновение в 1176 имениях, при чем обнаружены 422 подстрекателя; воинские команды введены в 337 имениях, предано суду 480 крестьян, наказано розгами 1807 человек. В 1862 г. неповиновение обнаружилось в 400 имениях при 401 подстрекателе, воинские команды введены в 193, предано суду 510 и наказано розгами 1546 человек. В 1863 г. число имений, где обнаружилось неповиновение, простиралось до 386 при 206 подстрекателях; предано суду 223 и подвергнуто исправительному наказанию 1280 крестьян. Наконец, в 1864 г. уклонения крестьян от исполнения повинностей и законных требований большею частью прекращались одними разъяснениями недоразумений, и число случаев неповиновения понизилось до 75, причем предано суду 126 человек и подвергнуто исправительному наказанию 230.

Принимая участие в предупреждении крестьянских волнений, Третье Отделение не ограничивало однако же только этим участием деятельности своей при введении в действие Положения 19 февраля 1861 г. Оно в то же время следило за беспристрастным и правильным ходом дела и постоянно обращало особенное внимание на те уклонения от закона, которые извращали Высочайшую волю. Еще в 1862 г. оно представляло о двусмысленном образе действия мировых посредников в Западных губерниях, которые, действуя постоянно в пользу помещиков, посеивали в среде сельского населения недоверие к Правительству. В 1864 году Отделение с особенным вниманием отнеслось к положению крестьян в Прибалтийских губерниях и указывало необходимость содействия им в приобретении земли. В 1865 году Отделение доводило до Высочайшего сведения об отягчении положения сельского населения владельческих имений Пермской губернии после введения уставных грамот, вследствие неправильного, исключительно в пользу помещиков, окончания этого дела. По сношении

по сему предмету с Министром Внутренних Дел в Главный Комитет об устройстве сельского состояния было внесено и затем Высочайше утверждено распоряжение об отмене неправильных действий и об облегчении крестьянам выкупа надела. В этом же году было также обращено внимание на вопрос о наделе землею царан¹ Бессарабской области.

Рядом с приведением в действие Положения 19 февраля 1861 г. разрабатывались и вводились иныя преобразования, имевшая важное значение в жизни русского народа. В 1864 г. обнародовано было положение о земских учреждениях и затем новые Судебные Уставы. Введение земских учреждений вызвало расширение наблюдения, так как земския собрания первое время нередко выходили из предназначенного им круга действия и вступали в неуместныя пререкания с администрацією, как было, напр.[имер], в Петербургской губернии, где Правительство даже вынуждено было прекратить на время действие Положения о земских учреждениях.

Еще большее значение для деятельности Третьего отделения имело введение Судебных Уставов 20-го ноября 1864 г., начавшееся с 1866 года. Отделение в течение сорока лет существования весьма часто вынуждено было вследствие крайней неудовлетворительности прежних судебных учреждений принимать к своему разбирательству дела спорные и тяжёбныя, подлежащие по закону разбирательству судебному. В иных же случаях со стороны Отделения принимались меры к устранению злоупотреблений или непомерной медленности, равномерной иногда совершенному отсутствию правосудия. Так, напр.[имер], в марте 1865 г. севастопольский купец Диковский подал в отделение жалобу на медленность действий присутственных мест Таврической губернии по делу, возникшему в 1844 г., о взыскании в его пользу с почетного гражданина Короткова 13 т. рублей. Оказалось, что дело Диковского в июне 1844 г. было передано из Таврического Губернского Правления в Бердянскую ратушу для рассмотрения предъявленного Коротковым спора; но ратуша, кроме медленности, обычной в низших учреждениях, допустила с умыслом или по беспечности утрату представленных Диковским документов. Начавшаяся после того переписка о разыскании утерянных бумаг продолжалась бесплодно 10 лет. В 1854 г. Губернское Правление назначило формальное о том следствие, которое, переходя от одного чиновника к другому, производилось еще 10 лет и, наконец, в 1865 г. вновь поступило в Бердянскую ратушу. Таким образом, по прошествии

¹ Царане (*рум.* țărani, цэрáнь; от țara, земля) – лично свободные, но феодально-зависимые крестьяне в Молдавии.

21 года истец не только не был удовлетворен, но и доказательства его претензии утрачены, а следствием никаких следов их существования не обнаружено. К сожалению, это был далеко не единственный факт в нашем прежнем гражданском судопроизводстве, и для устранения многих подобных явлений единственным средством представлялась, как неоднократно указывало III Отделение, коренная судебная реформа. Поэтому со времени введения в нашем судопроизводстве Судебных Уставов 20 ноября 1864 г. III Отделение, в видах укрепления авторитета новых судебных учреждений, приняло за правило невмешательство в дела, имеющие характер спорный и потому подлежащая судебному рассмотрению. Отступления от этого правила допускаются лишь в редких случаях и для тех местностей, где не введены еще в действие новые судебные уставы. Для тех же губерний, где уже действуют эти уставы, отделение не отказывало в своем содействии исключительно в таких случаях, где денежные сделки и договоры, по большей части заключенные между двумя сторонами еще до преобразования судебного производства и нотариальной части, совершены были на веру и на честное слово, без формальных, письменных обязательств между договаривавшимися сторонами и где, по отсутствию этих формальных доказательств, потерпевшей стороне не представлялось возможным получить законное удовлетворение путем судебного производства. По уважению к этому обстоятельству дела такого рода назначались к примирительному разбирательству, которое в большинстве случаев сопровождалось успехом при одних только нравственных мерах без распоряжений понудительных: но и по тем просьбам, по которым не достигалось совершенно удовлетворения, результатом соглашений происходило восстановление, для судебного иска, прав, потерянных какими-либо упущениями формальными. Когда же входить в разбирательство жалоб представлялось неудобным, то просителям разъяснялся порядок ведения таких дел, или же прошения их передавались в подлежащая управления.

Но, несмотря однако же на принятое Отделением правило невмешательства в дела, подлежащая судебному разбирательству, оно вынуждено прибегать к весьма частым исключениям из этого правила в делах, так называемых семейных, т. е. возникающих по разного рода несогласиям и взаимным неудовольствиям между лицами, находящимися в таких степенях родства, в которых закон допускает зависимость личную или имущественную одних лиц от других, в особенности же между супругами. Дела этой категории при разбирательстве даже в новых судебных учреждениях, не стесненных в своих приговорах неизбежно в прежнее время формальностью, тем не менее не всегда приводят спорящих супругов к такому судебному решению, которое вполне соответствовало бы самой строгой

справедливости и сколько-нибудь примиряло ссорящихся между собою. Причина этого заключается в несовершенстве наших законоположений, касающихся внутренней жизни супругов и вообще лиц, связанных узами родства, законоположений, не определяющих с достаточною точностью взаимныя их отношения в случае каких-либо между ними столкновений, личных или имущественных. Закон наш, по-видимому, предвидел только счастливые браки, и потому направлен лишь к тому, чтобы сделать эту жизнь неразрывною. Между тем при отсутствии у нас по закону всяких временных сепараций между мужем и женою и при крайних затруднениях и злоупотреблениях, с коими сопряжено самое производство дел бракоразводных, разбирающихся до сего времени судом духовным через консистории, нередко встречаются такие случаи, когда, при неимении достаточных по закону причин к формальному разводу, отношения между супругами тем не менее таковы, что делают совместное сожителство положительно невозможным и даже опасным. Даже при их разлучении снова являются вопросы, также не разрешаемые в наших законах с достаточною точностью, относительно определения прав на детей, назначения жене содержания и т. п. Неоднократно встречались случаи, что мировые судьи, видя неизбежность дозволить одному из супругов отдельное проживание от другого и затем определить права их на детей и не усматривая на этот предмет никаких указаний в нашем законодательстве, сами обращали спорящих для разбирательства их дел в III Отделение, которое, являясь в подобных случаях единственным прибежищем для терпящей стороны, принимает в ее защиту экстренные меры, а при обстоятельствах особой важности доводит о них до сведения Вашего Величества.

В последние годы число дел семейных, разбиравшихся в Третьем Отделении, постоянно возрастало, и что всего знаменательнее, к содействию его начали прибегать не только лица привилегированных сословий, как было прежде, но и простолюдины. В прежнее время число дел такого рода не всякий год достигало десяти и почти никогда не превышало двадцати; с 1860 по 1865 г. оно колебалось между 24 и 29, и только в 1864 г. достигло 41; в 1866 г. число это поднялось до 52, в 1867 г. слишком удвоилось (118 дел), и затем, постепенно возрастая в течение 7 лет в ужасающей прогрессии (167, 171, 236, 350, 485, 530, 552), достигло в 1875 г. 637.

Не менее замечательно изменение отношения между различными сословиями. В пятилетие от 1861 по 1865 год производилось дел:

дворян, офицеров чиновников 122
купцов 6
мещан и ремесленников 12
крестьян 4

нижних чинов 2

иностранцев 6

всего 152.

В пятилетие от 1866 по 1870 год:

дворян, офицеров и чиновников 388

купцов 53

мещан и ремесленников 125

крестьян 64

нижних чинов 83

иностранцев 28

духовного звания 3

всего 744

Наконец, в пятилетие с 1871 по 1875 год:

дворян, офицеров и чиновников 611

купцов 95

мещан и ремесленников 558

крестьян 548

нижних чинов 650

иностранцев 86

духовного звания 6

всего 2554.

Таким образом, в течение 10-ти лет, когда число семейных дел между лицами привилегированных сословий даже не утроилось, в среде мещан, крестьян и нижних чинов оно увеличилось почти в сто раз (с 18 на 1756). Такие цифры сами по себе настолько красноречивы, что не требуют никаких комментариев; но нельзя не заметить, что эти данные указывают настоятельную потребность в пересмотре наших законоположений об отношениях супружеских.

Имея в виду, что Судебные Уставы 20 ноября 1864 г. не исключили дел по государственным преступлениям из общего порядка судопроизводства, Третье Отделение полагало необходимым и на производство по ним дознаний, доселе входившее в круг его обязанностей, распространить общий следственный порядок. Составленные в сих видах правила удостоились, 19 мая 1871 года Высочайшего Вашего Величества утверждения.

На основании сих правил Третье Отделение не принимает уже прямого участия в производстве дознаний по государственным преступлениям и ограничивается наблюдением за его ходом и сообщением необходимых, имеющихся в делах Отделения сведений. Но так как затем самый порядок судопроизводства по делам о государственных преступлениях подвергся, по указаниям опыта, некоторым изме-

нениям, то, быть может, бесполезно было бы пересмотреть и правила 19 мая в видах взаимного их согласования¹.

Затем единственным изъятием из общего порядка судопроизводства остаются дела по обвинениям в произнесении дерзких выражений против священной Особы Вашего Императорского Величества, рассмотрение которых Высочайшим повелением 1850 года возложено на Третье Отделение. Со введением судебной реформы дела этого рода перешли в ведение судебных палат; но новый порядок производства этих дел, по самому существу их, оказался на практике весьма неудобным. Посему по внимательном обсуждении настоящего предмета и по предварительном сношении о сем с Министром Юстиции и с Главноуправляющим Вторым Отделением Собственной Вашего Величества Канцелярии, испрошено в 1866 г. Высочайшее повеление, в силу которого прокуроры судебных палат, получив сведение о произнесении кем-либо подобных слов и произведя о сем негласное дознание, представляют оное через Министра Юстиции, Главному Начальнику III Отделения для испрошения повеления, дать ли делу ход судебный или кончить его административным порядком.

Дела сего рода имеют большею частию источником современные события и законодательные меры, возбуждающие в народе такие разговоры, при которых упоминается имя Вашего Величества, и от степени значения этих событий зависит число подобных дел. Так, после 1860 года, когда таких дел поступило только 16, случаи обвинения в дерзких выражениях становились чаще, вследствие обнаружения Положения 19 февраля 1861 г. и польского мятежа; с 1864 г. дела этого рода начали уменьшаться, и в 1865 г. было их не более сорока, события 4 апреля 1866 г. и 25 мая 1867 г. по своей особенной важности послужили поводом к разговорам во всех слоях общества, и число таких дел перешло за 200, а в 1869 г. их было 214. Наконец, после довольно значительного сокращения таких дел в 1870 году (до 175) число их с 1871 г. начинает быстро и постоянно возрастать и доходит в 1875 г. до 444. Дела этого времени не имели какого-либо особенного характера: они возникали в разговорах, относившихся к указанным событиям, к новому быту крестьян, реформе духовенства, положению отставных солдат, и нередко возникали в спорах с нижними чинами, ссылавшимися на свою службу и указывавшими на пожалованные им знаки отличия.

Вообще можно заметить, что дела этого рода большею частию не представляют особенного значения и не свидетельствуют о преступном направлении обвиняемых, а тем менее еще о намерении оскор-

¹ Подчеркнуто со слова «пересмотреть». «Собственною Его Величества рукою отмечено “да” Ген.[ерал] Адъютант Потапов».

бить Особу Вашего Величества: дерзкия слова произносятся весьма часто в нетрезвом состоянии, в припадке запальчивости и среди ссоры, при отсутствии полного сознания, а нередко без всякой мысли, единственно по невежеству простолюдина и привычке к брани. Кроме того, некоторые обвинения оказываются неосновательными, взведенными по личному неудовольствию или по неправильному применению сказанных слов. Посему возрастание числа дел этого рода не является каким-либо опасным признаком нравственной порчи народа, тем более что оно отчасти объясняется и большим развитием полицейского наблюдения. Действительно, при отсутствии у нас правильно организованной уездной полиции, наблюдение в небольших городах и селениях получило сколько нибудь действительное значение только с 1867 года, с преобразованием Корпуса Жандармов и учреждения дополнительного штата.

Ряд коренных преобразований, предпринятых Вашим Императорским Величеством, был довершен в 1865 г. дарованием нового закона о печати, выразившего Монаршее к ней доверие освобождением ее от предварительной цензуры. Вместе с сим и театральная цензура, входившая с 1828 г. в круг обязанностей Третьего отделения, перешла в ведение вновь учрежденного при Министерстве Внутренних Дел Главного Управления по делам печати.

Отделение постоянно следило за русскою литературою и в особенности за журналистикою, всегда имеющею столь сильное влияние на общественное мнение, и неоднократно указывало случаи дозволения к печати цензурою таких книг и статей, которые должны были бы подвергнуться запрещению и даже были изъемлемы из продажи через месяцы после появления в свет. Продолжая и по появлении нового закона следить за печатью, Отделение хотя и указывало по прежнему на встречавшиеся увлечения и уклонения, но тем не менее сочло своим долгом засвидетельствовать, что, вообще говоря, отмена предварительной цензуры имела на нашу периодическую печать благотворное влияние, придав ей вместе с сознанием собственного достоинства и ответственности то чувство меры, которое прежде нередко ей не доставало.

Следя за всеми проявлениями народной жизни и общественного мнения, Третье Отделение тем не менее не теряло из вида главной своей задачи – наблюдения политического. Хотя возникновение польского мятежа в 1863 г. пробудило в русском народе глубоко патриотическое настроение, но это чувство не нашло отклика в жалкой горсти людей, увлекшихся революционными теориями. Третье Отделение, раскрыв в 1862 г. пути сношений Лондонских революционеров с их главными соумышленниками в России, энергическими мерами преградило заграничной революционной печати доступ в пределы

Империи. Тогда на место ея выступает печать подпольная, достигшая в год польского мятежа особенного развития. С Февраля 1863 г. начинают появляться и распространяться печатные экземпляры возмутительных воззваний со штемпелем Русский Центральный Комитет «Земля и Воля». Отделение открыло виновного, Николая Утина, но он успел скрыться за границу. Затем революционные прокламации появились в Казани, где было обнаружено преступное намерение произвести вооруженное возмущение; их разбрасывали также в губерниях Нижегородской, Пензенской, Тамбовской, Пермской и Вятской и почти по всему Поволжью. В Чернигове также были открыты составители и распространители революционных воззваний. На Волыни появились воззвания от имени русского священника к русскому духовенству об отделении Малороссии и учреждении в Киеве независимой митрополии. Наконец в Архангельской губернии найдено было воззвание «к русскому народу», литографированное славянскими буквами и названное местными жителями молитвою.

Все эти прокламации не находили никакого отзыва в народе, но производили опасное действие на учащуюся и особенно недоучившуюся молодежь. В ея среде все более и более развивался и укреплялся нигилизм, безусловное отрицание всех начал нравственности, семейного союза, религии. В Петербурге было даже устроено несколько коммун, бывших притонами самого беззастенчивого разврата. Вместе с этим в последователях учения отрицания поселялась их коноводами ненависть ко всякому правительству и стремление к полной анархии. Являлись даже попытки привить эти понятия к народу. Так в 1864 г. открыты были следы пропаганды между мастеровыми в Саратове. По недостаточности открытых юридических улик судебное рассмотрение дела не могло иметь последствий; поэтому главные виновники были подвергнуты административным взысканиям. Народ относился, впрочем, к проискам революционеров враждебно, видел в них орудие поляков и постоянно подозревал их во время сильных пожаров вместе с поляками в поджогах. Так было и во время пожаров 1863 года, так было и летом 1864 года, когда пожары опустошали все Поволжье и почти уничтожили Симбирск.

Как далеко распространилось тлетворное влияние революционных идей на молодежь, ясно показал раскрытый в 1865 г. заговор в Омске, имевший целью отделение Сибири от Империи. Но самым ужасным последствием этой нравственной язвы было злодейское покушение Каракозова, возмутившее всю Россию. Расследование этого преступления было поручено высочайше учрежденной в С.-Петербурге следственной комиссии, но тем не менее оно поглотило в течение нескольких месяцев всю деятельность Третьего Отделения.

Никогда еще факты, раскрытые дознанием, не обнаруживали с такою ясностью, до какого глубокого нравственного падения, до какого страшного преступления могут быть доведены молодые неопытные умы, безнаказанно развращаемые революционными идеями. Следствие показало, что в покушении на цареубийство участвовала горсть ничтожных личностей. В числе преступников не оказалось ни одного сколько-нибудь известного имени ни в государственной, ни в ученой или литературной, ни в общественной деятельности: участники преступных замыслов в числе 34-х лиц были большею частью студенты и вольнослушатели Московского Университета, Технологического Института и Петровской Земледельческой Академии. Лица эти образовали в Москве тайное общество под названием «организация», которое имело целью распространять социалистические учения, разрушать начала общественной нравственности, колебать веру в основы религии и путем революции ниспровергнуть существующий в Государстве порядок. Средствами для этого должны были служить:

а) пропаганда между сельским населением, с объявлением, что земля составляет собственность всего народа;

б) возбуждение крестьян против властей, дворянства и капиталистов;

в) устройство школ, артелей, мастерских и разных ассоциаций для сближения с народом и внушения ему социалистических учений, и

г) заведение в провинциях библиотек и разных обществ на началах коммунизма.

Денежные средства для достижения таких преступных целей положено было приобретать через пожертвования, под разными благовидными предложениями, которыми покрывались все по наружности благотворные и полезные для народа учреждения; в случае же необходимости допускалось воровство, убийство богатых людей и похищение денег на почтах и в казначействах.

Лица, составлявшие «организацию», имели два направления: одни желали достигнуть переворота постепенным распространением и торжеством своих идей; другие прямо стремились произвести революцию и признавали необходимым рано или поздно прибегнуть к крайней мере – цареубийству. Эти крайние мнения разделяли немногие из членов, образовавшие особый кружок под названием «Ад», к которому принадлежал Каракозов и главою которого был его двоюродный брат Ишутин.

Раз вступив на этот опасный путь и проникнувшись самыми крайними теориями интернационала, последователи нового учения порвали все связи с окружавшею их средою и даже с теми вожаками революционного движения, которые пользовались таким значением в предшествовавшую эпоху. Герцен, Огарев казались новыми

адептами революции отсталыми, ретроgrадами; образование, наука, литература для них не имели никакого значения; семейные связи не существовали. С такими началами не отступают ни перед каким преступлением, и после посягательства Каракозова новым подтверждением этой истины является дело Нечаева.

Третье Отделение напало на след этого дела еще в начале 1869 года и для всестороннего раскрытия его приняло самые энергические меры. Усугубив наблюдение за подозрительными личностями в столице, Отделение обстоятельным циркуляром указало чинам Корпуса Жандармов на те предметы, которые требуют с их стороны самого зоркого внимания. По соглашению с Министром Внутренних дел, губернаторам также были даны надлежащие инструкции. Кроме того, негласным образом собраны были подробные сведения об образе мыслей, занятиях и степени политической благонадежности более чем 700 лиц, которые почему-либо возбуждали какие-либо на свой счет сомнения, и за действиями их учреждено было секретное наблюдение. Наконец в течение всего лета 1869 года были рассылаемы агенты в местности, которые по характеру населения представляют наиболее удобную почву для агитации. Агенты, вращаясь среди различных классов населения, живя иногда подолгу в местах более интересных, знакомились с настроением умов вообще, прислушивались к народным толкам, старались подметить малейшие признаки противозаконной агитации и собирали сведения о лицах, выдающихся своим значением и влиянием на народ. Эта мера оказалась весьма полезною, и только недостаток в средствах и надежных агентах, достаточно развитых для такой задачи, не позволил распространить ее на большее число местностей.

Меры, принятые Отделением, раскрыли и дозволили пресечь в самом начале осуществление государственного злоумышления, поставившего себе задачу заразить преступною пропагандою всю Россию и ниспровергнуть существующий государственный и общественный порядок. Стремясь к тем же целям, как и «организация», тайное общество, образованное Нечаевым, в самом начале своего существования успело раскинуться шире и завести более обширныя сношения с самыми разнородными личностями. Дознание по этому делу, последнее, произведенное при непосредственном участии Третьего Отделения, раскрыло его до мельчайших подробностей и представило судебному следствию вполне разработанный материал. В то же время оно показало, что зло, первоначально гнездившееся только в больших центрах, преимущественно в столицах и отчасти в университетских городах, проникло повсюду, и грозит принять еще обширнейшие размеры. Почти одновременно с раскрытием Нечаевского дела русская эмиграция начала организоваться в Швейцарии, преимущественно

в Цюрихе и в Женеве. Главными деятелями в ней являются уже не Герцен и не Огарев, отодвинутые на второй план, а люди с более крайними убеждениями, Бакунин, Лавров и впоследствии Ткачев. Пользуясь приливом молодежи, преимущественно женщин, в Цюрихский университет и Политехникум, может быть, ими же и вызванным, заграничные вожаки революционной партии распространяли между ними свои противоположные учения и употребляли их орудием пропаганды, пересылая через них в Россию свои издания и прокламации. Эта пропаганда вскоре приняла значительные размеры, и в начале 1872 года стали появляться в среде учащейся молодежи, притом в довольно значительных размерах, издания заграничные чисто революционного характера, направленные к ниспровержению существующего в Империи порядка. Эти издания, предназначенные для людей неопытных, легко увлекающихся новизною, разносили по всем концам России яд преступных учений и демагогических стремлений.

Третье Отделение не могло не обратить внимания на эту опасную пропаганду, и по его инициативе приняты были меры, побудившие большинство учащихся русских обоего пола оставить Цюрих. Но зло уже успело пустить корни. Образовались кружки, вначале в Петербурге, которые вслед за Бакуниным проповедывали, что конечною целью всех честных и благомыслящих людей должно быть «разрушение всех государств, уничтожение буржуазной цивилизации, вольная организация снизу вверх, посредством вольных союзов, организация разнузданной чернорабочей черни всего освобожденного человечества, создание нового общечеловеческого мира». Для проведения этих начал в жизнь наши революционеры указывали пропаганду в народе, пропаганду «боевую, бунтовскую», выясняющую народу его отчаянное положение под государственным и экономическим гнетом и его силы, достаточные для открытого восстания. Это дикое учение имело страшное влияние на молодежь, и число кружков начало возрастать и развиваться не только в Петербурге, но и в Москве, а затем и в провинции. Наконец в начале 1874 г. кружки Петербургский и Московский пришли к убеждению, что пора начать действовать. Многие молодые люди, из коих некоторые для этого бросили ученье, оделись в крестьянский костюм, запаслись фальшивыми видами и в качестве простых чернорабочих двинулись, по их выражению, «в народ», чтобы путем печатных сочинений и устной пропаганды проводить в нем революционные идеи. Но движение это не прошло незамеченным, и уже в мае месяце того же года было возбуждено в Саратове дознание о распространении в народе книг революционного содержания. Дознание это, продолжавшееся более года, раскрыло распространение пропаганды в 37-ми губерниях и привлекло в качестве обвиняемых 770 человек, в том числе 612 мужчин

и 158 женщин. Кроме того, открыто было существование в Москве типографии, содержимой правительственным стенографом Мышкиным и управляемой чиновником Канцелярии Московского Генерал-Губернатора Уткиным, в которой печатались книги и брошюры преступного содержания, предназначенные к распространению в народе. Вместе с изданиями этой типографии распространялись и издания заграничные.

Между тем как дознания открывали виновных и собирали необходимые к обличению их улики, Третье Отделение обратило внимание на провоз революционных сочинений из-за границы и успело уже, открыв пути, которыми они провозились, захватить огромные количества всевозможных изданий. Ввиду этой меры революционеры прибегли к новой хитрости и стали переплетать свои преступные брошюры в такие же обложки, какие приняты для простонародных изданий популярных чтений; но и эта уловка была немедленно открыта.

Еще не приведено было к концу дознание, начавшееся в мае 1874 г., как почти повсеместно замечены были те же признаки противуправительственной пропаганды. Одно дознание начиналось за другим, так что в настоящее время производится 13-ть дознаний, распространенных более чем на двадцать губерний.

Все эти дознания обнаружили несомненное существование в пределах Империи тайного общества в виде разбросанных по более центральным пунктам общин, задававшего целью ниспровержения существующего порядка и водворения анархии. Это общество действует путем революционной пропаганды, для чего во многих городах, где по преимуществу имеются фабрики и заводы с значительным числом рабочих и мастеровых, образуются кружки, называемые по революционной программе общинами. Такие общины имеют двойное назначение: вести непосредственно дело пропаганды в массе рабочих и поддерживать общую революционную связь и сношения с другими революционными общинами. Исполнение первых обязанностей лежит на членах общины, именуемых рабочими, а текущие сношения и вообще хозяйственная и административная деятельность общины ведется так называемую администрацией, состоящей в каждой общине из трех членов.

Рабочие члены общины, как мужчины, так и женщины нанимаются под видом простолюдинов на фабрики, заводы, в мастерские, и, не отличаясь по наружности ничем от других рабочих – ни по образу жизни, костюму, ни даже по привычкам и обычаям фабричного люда, – входят в сношение с рабочими, заводят с ними знакомства, стараются узнать общее направление умов, а также образ мыслей, занятия и убеждения каждого отдельного лица. Затем уже, сообразно особенностям и индивидуальной восприимчивости того или другого

фабричного, начинают действовать в смысле революционном, заводя прежде всего речь о трудности жизни рабочего, о недостаточной оплате его труда, эксплуатации его фабрикантами и о возможности улучшения положения рабочих. Далее переходят к разъяснению тех путей, которыми это улучшение может быть достигнуто, объясняя при этом, что земля принадлежит крестьянам, что фабрикантов, помещиков не должно быть, что землю следует разделить всем поровну и что начальства и властей также не будет уже нужно никаких. Эти объяснения заканчиваются прямым воззванием к уничтожению существующего порядка путем восстания противу Царя и правительства всею массою народа, причем высказывается мысль и о том, что Царь должен быть выборный и зависеть от воли народа. Словесныя разъяснения такого рода, а следовательно, и распространение в народе революционных воззрений, поддерживаются книжками преступного содержания, которые в большом количестве раздаются рабочим и читаются пропагандистами с тенденциозными объяснениями.

Обязанности администрации – содействие рабочим по выписке книг, устройству квартир, передвижению рабочих из одного города в другой и по снабжению их фальшивыми видами.

Члены общины обязуются не иметь никакой частной собственности и отрекаются от всех личных чувств и привязанностей, во всем безусловно подчиняясь указаниям администрации.

К сожалению, до сих пор не выяснены еще достаточно отношения между общинами, и даже не известно, существует ли какая-либо центральная община, составляющая между ними общее связующее звено.

Такая тесно сплоченная организация тайного общества, повсеместно распространенного в Империи, представляет в будущем серьезную опасность если не собственными силами, то тем влиянием, которое может приобрести на рабочее население. Только обширное, правильно организованное, повсеместное наблюдение могло бы зорко следить за всеми действиями подобного общества и своевременно раскрывать малейшие попытки пропаганды. Между тем Отделение не располагает ничем подобным, и более или менее удовлетворительное наблюдение существует только в Петербурге.

Впрочем, какими бы средствами ни располагало Отделение, оно может только подметить и пресечь зло, уже возникающее; коренную же мерю, способною уничтожить самый зародыш злоумышления, представляется только распространение образования в массе народа и более соответственное потребностям времени направление высших и в особенности средних учебных заведений.

Представляя очерк деятельности III Отделения Собственной Вашего Величества Канцелярии в течение пятидесяти лет его существо-

вания, нельзя не остановиться на одной, особой части, первоначально не входившей в круг его действий, но вслед за тем возложенной на Отделение и всегда бывшей близкою к сердцу как в Бозе Почивающего Родителя Вашего, так и Вашего императорского Величества. Твердо помятуя завет августейшего своего Учредителя – отирать слезы несчастным, Третье Отделение постоянно ходатайствовало о помиловании или облегчении участи тех из государственных и политических преступников, которые оказывались достойными Монаршего милосердия, об обеспечении существования семейств виновных и о помещении детей их в казенные учебные заведения. Нередко даже случалось, что во время самага производства дел семействам прикосновенных лиц, терпевшим крайность, а также и сами виновным, по освобождении из заключения, оказываемы были значительные денежные пособия.

Забываясь об облегчении участи лиц, доведенных до крайности преступлением, Отделение тем менее могло не предстательствовать пред Монаршим милосердием за тех просителей, которые обращали на себя внимание заслугами, оказанными России и Правительству ими или их умершими родителями и мужьями, или были доведены до бедственного положения исключительными обстоятельствами. Определить количество всех выданных в течение пятидесяти лет денежных пособий, часто весьма значительных, положительно невозможно: они большею частию согласно Высочайшей воле, выдавались так, что левая рука не ведала, что творит правая, и самыя суммы на них требовались из Государственного казначейства без указания их назначения, на известное Его Величеству употребление. Кроме того, Главные начальники нередко оказывали денежные пособия прямо из сумм, предоставленных в их личное, безотчетное распоряжение. Во всяком случае можно указать годы, когда общая сумма пособий доходила до 50-ти, 60-ти и даже 86-ти тысяч. Иногда пособия обращались в пенсии и негласныя ежегодные выдачи, иногда выражались сложением долга казне, иногда назначались на воспитание детей. В числе воспользовавшихся пособиями встречаются лица высокопоставленные и семейства их, ученые, литераторы, журналисты, художники, нередко только благодаря вспомоществованиям успевшие окончить свои полезные труды.

Состав третьего Отделения Собственной Вашего Императорского Величества Канцелярии, в первые годы по его учреждении, постепенно сформировался соответственно развитию и расширению его деятельности, и только 13 ноября 1841 года последовало Высочайшее утверждение окончательнаго штата Отделения, с тех пор подвергавшегося только незначительным изменениям, вызывавшимся особенными обстоятельствами, как, например, учреждение Архива. По

последнему штату, высочайше утвержденному 23 января 1873 года, Третье отделение состоит из Главного Начальника, его Товарища, Управляющего, Секретарей Главного Начальника и Управляющего, 2-х чиновников для особых поручений, 3-х старших чиновников, 4-х помощников, казначея, экзекутора, начальника архива, заведующих газетною частью и письмоводством, 12-ти младших чиновников и 20-ти чиновников для письма; всего же с состоящими сверх штата и вольнонаемными писцами из 58 человек.

Делопроизводство Третьего Отделения в первые годы сравнительно незначительное, постепенно, по мере развития деятельности и расширения круга действий, возрастало и усиливалось. До 1838 г. ежегодное число входящих бумаг колебалось между 10 и 12 тысячами, исходящих было до 4-х тысяч, всеподданнейших докладов представлялось около двухсот с небольшим, Высочайших повелений объявлялось до двухсот, новых дел заводилось около тысячи. С 1839 по 1861 г. входящих бумаг было каждый год от 13-ти до 16-ти тысяч, исходящих – от 5 до 7-ми тысяч, всеподданнейших докладов – от 300 до 600, Высочайших повелений объявлялось от двухсот до четырехсот пятидесяти, новых дел заводилось от 1400 до 2-х тысяч. С 1862 по 1870 г. число входящих бумаг возросло до 19–21 тысячи в год, исходящих – до 7–8 тысяч, всеподданнейших докладов от 600 до 900, Высочайших повелений объявлялось от 400 до 800, новых дел заводилось от 1700 до 2100. Но особенно усилилось делопроизводство в последнее пятилетие с 1871 г., когда число входящих бумаг доходило ежегодно до 22–25 тысяч, исходящих – до 10–13 тысяч, всеподданнейших докладов – до 1200–1570, объявленных Высочайших повелений – до 900–1129 и новых дел – до 2200–2450.

Все это обширное делопроизводство велось и ныне ведется настоящим весьма незначительным составом чиновников, на которых, кроме того, часто возлагаются весьма важные поручения и командировки как в России, так и за границу, по делам не только Отделения, но и других ведомств, по личным просьбам Министров. Из этого же личного состава назначаются также члены во все те многочисленные Комитеты и Комиссии, в коих, по роду возложенных на них занятий, необходимо участие III Отделения.

Расходы, производимые Отделением, точно так же возрастали, как и его деятельность. В первые 16-ть лет его существования, они постепенно возвышались от 70 до 165 тысяч рублей ассигнациями и 8600 червонцев; затем до 1843 года держались между 62 и 77 тыс. рублей серебром и 3 и 6 тыс. червонцев; с 1844 по 1865 колебались от 100 до 150 тыс., иногда понижаясь до 90 и 85 тыс., и только в 1865 г. дошли до 328 тысяч; в 1866 г. составили около 250 тысяч, в 1867 – с лишком 320 тысяч, а в последние восемь лет постоянно держались

между 400 и 500 тыс. рублей и 2100 червонцев. В этой цифре расходов содержание личного состава Отделения постоянно составляло незначительный процент (в настоящее время около 12–15 %). С 13 ноября 1841 года штатная сумма в течение тридцати с лишком лет оставалась почти без изменения между 40 и 43 тысячами, и только с 1 января 1873 года Ваше Императорское Величество Всемиловнейше соизволили увеличить оклады служащих назначением им, кроме жалованья, и столовых; квартирных же денег чины Отделения не получают, и только четверо из них пользуются квартирами в натуре.

Повергая на благовоззрение Вашего Императорского Величества настоящий очерк деятельности своей со дня учреждения Третьего Отделения Собственной Вашего императорского Величества Канцелярии, считаю долгом, не дозволяя себе какого либо о ней суждения, ограничиться одним искренним изложением фактов, которые сами правдиво показывают, в какой степени Отделение успело при своем ограниченном составе и умеренных средствах выполнить задачу, возложенную на него в Бозе Почивающим Государем Императором Николаем Павловичем.

Генерал адъютант Потапов

ЛИТЕРАТУРА

Источники

Архивные документы

1. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ)
 - Ф. 95 Следственная комиссия 1862 г. по делам о распространении революционных воззваний и пропаганде.
 - Ф. 109 III Отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии.
 - Ф. 110 Штаб Отдельного корпуса жандармов.
 - Ф. 638 Л. В. Дубельт.
 - Ф. 728 Коллекция документов рукописного отделения библиотеки Зимнего дворца.
 - Ф. 945 В. А. Долгоруков.

2. Российский государственный исторический архив (РГИА)
 - Ф. 673 И. П. Липранди.
 - Ф. 772 Главное управление цензуры Министерства народного просвещения.
 - Ф. 780 Цензурная (пятая) экспедиция Третьего отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии.
 - Ф. 851 А. В. Головнин.
 - Ф. 908 П. А. Валуев.
 - Ф. 1180 Главный комитет по крестьянскому делу.
 - Ф. 1286 Департамент полиции исполнительной Министерства внутренних дел.
 - Ф. 1405 Министерство юстиции.
 - Ф. 1687 А. Е. Тимашев.

3. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ)
 - Ф. 37 А. И. Артемьев.
 - Ф. 731 М. М. Сперанский.
 - Ф. 831 Цензурные материалы.
 - Ф. 859 Н. К. Шильдер.
 - Ф. 1000 Собрание отдельных поступлений.

4. Отдел письменных источников Государственного исторического музея (ОПИ ГИМ)

Ф. 164 Олсуфьевых.

5. Государственный архив Саратовской области

Ф. 53 Саратовское губернское жандармское управление.

Официальные документы

Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. Т. 1–55. СПб., 1830–1884.

Свод законов Российской империи. Т. 1–15. СПб., 1857.

Третье отделение Собств. Е. В. Канцелярии о себе самом: неизданный документ / сост. В. Богучарский // Вестник Европы. Петроград, 1917, [кн. 3], март.

Дело III Отделения С. Е. И. В. К. о графе Л. Н. Толстом. СПб., 1906.

Дело петрашевцев: Сб. материалов. М.; Л., 1951. Т. 1–3.

Дело Чернышевского. Саратов, 1968.

Журналы 60-х годов в оценке III Отделения. Сообщ. Н. Ф. Бельчиков // Исторический архив, 1957. № 4.

Журналы и мемории Общего собрания Государственного совета по крестьянскому делу. Пг., 1915.

Журналы Секретного и Главного комитетов по крестьянскому делу: В 2-х т. Пг., 1915.

Заславский Д. Царизм в борьбе с Герценом // Красный архив, 1937. № 2.

Зотов Л. Саратовская охранка. Москва; Саратов, 1924.

Инструкция гр. А. Х. Бенкендорфа чиновнику III Отделения // Русский архив, 1989. № 7.

Историческая записка о ходе работ по составлению и применению Положения о земских учреждениях. Б/м., б/г.

Кирило-Мефодіївське товариство: В 3-х тт. Київ, 1990.

Конфиденциальная записка, составленная генерал-адъютантом графом Редигером в августе 1855 г. // Русская старина, 1905. № 6.

Корф М. А. Материалы и черты к биографии императора Николая I. Из истории его царствования // Сборник императорского Русского исторического общества. СПб., 1898. Т. 98.

Краткое обозрение направления периодических изданий и газет и отзывов их по важнейшим правительственным и другим вопросам за 1862 г. СПб., 1862.

Крестьянское движение 1827–1869 гг. Вып. 1–2: Сб. док. под ред. Е. А. Мороховца. М.; Л., 1931.

Крестьянское движение в России в 1826–1848 гг.: Сб. док. М., 1961.

Крестьянское движение в России в 1857 – мае 1861 гг.: Сб. док. М., 1963.

Литература 60-х годов по отчетам III Отделения / сообщ. Бельчиков Н. Ф. // Красный архив, 1925. № 1.

Материалы и черты к биографии императора Николая I и к истории его царствования // Сборник Императорского русского исторического общества. СПб., 1896. Т. 98.

Материалы по судебной реформе в России 1864 года: В 74-х т. Т. 58.

Материалы по судебной реформе в России 1864 года: В 74-х т. Т. 20. Государственный совет в Общем собрании 1 сентября 1862 г.

Мнение гр. А. Ф. Орлова о крестьянском вопросе // Чтения в Императорском Обществе Истории и Древностей Российских при Московском Университете. М., 1872. № 4.

Мнения разных лиц о преобразовании цензуры. Б. м., 1862.

Н. Г. Чернышевский и III Отделение / сообщ. Б. П. Козьмин // Красный архив, 1928. № 4.

О правительственных мерах для подавления народных волнений в период 1857–1861 гг. / введ. ст. П. А. Зайончковского // Исторический архив, 1957. № 1.

Общественное движение 60-х годов под пером его казенных исследователей / публ. В. Я. Богучарского // Голос минувшего, 1915. № 4.

Предложения и проекты П. А. Валуева по вопросам внутренней политики (1862–1866 гг.) / введ. ст. В. В. Гармизы // Исторический архив, 1958. № 1.

Проект гр. А. Х. Бенкендорфа об устройстве высшей полиции // Русская старина, 1900. Т. 104. С. 615–616.

Проскуряков Ф. Н. Руководство к назначению действующих русских государственных, гражданских, уголовных и полицейских законов. СПб., 1856.

Расписание корпуса жандармов. СПб., 1857.

Революционный радикализм в России: век девятнадцатый. М., 1997.

Россия под надзором. Отчеты III отделения. 1827–1869. М., 2006.

Россия. Штаб отдельного корпуса жандармов. Приказы за 1827–1866 гг. СПб., 1827–1867.

Русско-польские революционные связи. Москва; Wrocław, 1963.

Сборник постановлений и распоряжений по цензуре с 1720 по 1862 год. СПб., 1862.

Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 2. Отд. 2. СПб., 1864.

Сборник правительственных распоряжений по устройству быта крестьян, вышедших из крепостной зависимости. СПб., 1861. Т. 1.

Сборник статей, недозволённых цензурой. Т. 1–2. СПб., 1862.

Сборник циркуляров Министерства просвещения. СПб., 1856.

Собрание материалов о направлении различных отраслей русской словесности за последнее десятилетие и отечественной журналистики за 1863 и 1864 г. СПб., 1865.

Сборник постановлений и распоряжений по цензуре с 1720 по 1862 год. СПб., 1862.

Устав гражданского судопроизводства с позднейшими узаконениями, законодательными мотивами и разъяснениями Гражд. Кассац. Департамента, Общего Собрания и Соединенного присутствия I-го и Кассац. Департаментов Правительствующего Сената и циркулярам Министерства Юстиции / сост. В. Гордон. СПб., 1911.

Устав уголовного судопроизводства // Судебные уставы 20 ноября 1864 года. С изложением рассуждений, на коих они основаны. Ч. 2. СПб., 1866.

Воспоминания, записки, письма

Аксаков И. С. в его письмах. Т. 1. М., 1877.

Аксаков И. С. Письма к родным. 1844–1849. М., 1988.

Андреевский Э. С. Записки. Т. 1–3. Одесса, 1913.

Анненков П. В. Литературные воспоминания. М., 1960.

Бакай М. Е. О черных кабинетах в России // Былое, Париж, 1908. № 7.

Бакай М. Е. Провокаторы и провокация // Былое, Париж, 1908. № 8.

Бенкендорф А. Х. Воспоминания. 1802–1837. М., 2012.

Боборыкин П. Д. Воспоминания. За полвека. Т. 1–2. М., 1965.

Бунаков Н. Ф. Записки. СПб., 1909.

Валуев П. А. Дневник министра внутренних дел: В 2-х т. М., 1961.

Валуев П. А. Дневник. 1847–1860 гг. // Русская старина, 1891. Кн. 11.

Видок Фиглярин: Письма и агентурные записки Ф. В. Булгарина в III отделение. М., 1998.

Воспоминания В. В. Берви // Голос минувшего, 1915. № 6.

Воспоминания О. А. Пржецлавского // Русская старина, 1874. № 11.

Воспоминания П. А. Кускова о великом князе Константине Николаевиче. Вторая половина XIX в. // Исторический архив, 2008. № 4.

Воспоминания Ф. П. Лубяновского. М., 1872.

Вяземский П. А. Старая записная книжка. М., 2003.

Герцен А. И. Полн. собр. соч. и писем / под ред. М. К. Лемке. В 22 т. Пг., 1919–1925.

Герцен А. И. Собр. соч. в 30 т. М., 1954–1965.

Гиляров-Платонов Н. П. Сборник сочинений. Т. 1. М., 1899.

Голинищев-Кутузов-Толстой П. М. Из памятных записок // Русский архив, 1883. № 1.

Голицын Н. С. Два события из моей жизни // Русская старина, 1890, Т. 65–68.

Голицын Н. С. Записки // Русская старина, 1880. Т. 29; 1881. Т. 30.

Головин И. Записки. Лейпциг, 1859.

Головин К. Ф. Мои воспоминания. Т. 1. СПб.; М., [1909].

Головнин А. В. Записки для немногих. СПб., 2004.

Грановский Т. Н. и его переписка. Т. 1–2. М., 1897.

Греч Н. И. Записки о моей жизни. М., 1990.

Два письма кн. А. Ф. Орлова к гр. А. Х. Бенкендорфу // Русский архив, 1889. № 8.

Дельвиц А. И. Мои воспоминания. Т. 1–4. М., 1912.

Дельвиц А. И. Полвека русской жизни. Т. 1–2. М.; Л., 1930.

Джунковский В. Ф. Воспоминания. Т. 1–2. М., 1997.

Дивов П. Г. Из дневника (1831–1837) // Русская старина, 1899–1900. Т. 100–104.

Дмитриев М. А. Главы из воспоминаний моей жизни. М., 1998.

Долгоруков П. В. Петербургские очерки. М., 1992.

Долгоруков П. В. Правда о России. Ч. 1–2. Париж, 1861.

Донесение агента III отделения из Москвы. (1848) // Былое, 1906. № 11.

Донесения агентов о духе в Москве 1848 г. // Минувшие годы, 1905. № 5.

Донос на Н. С. Мордвинова, А. А. Закревского и др. // Русская старина, 1881. № 1.

Доносы на Леонтия Васильевича Дубельта (Из материалов секретного архива III Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии) // Российский Архив (История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.). Вып. XIV. М., 2005.

Дубельт Е. И. Леонтий Васильевич Дубельт. Биографический очерк и его письма // Русская старина, 1888. № 11.

Дубельт Л. В. Заметки // Голос минувшего, 1913. № 3.

Дубельт Л. В. Вера без добрых дел мертвая вещь // Российский Архив (История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.). М., 1995. Т. VI.

Дубельт Л. В. Дневник // Российский Архив (История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.). М., 1995. Т. VI.

Еленев Ф. П. Первые шаги освобождения помещичьих крестьян в России. СПб., 1886.

Жеденев Н. Н. Случай в Петербурге в 1848 г. // Русская старина, 1890. № 8.

Жихарев С. П. Записки современника. Т. 1–2. М., 1934.

Записки И. В. Селиванова // Русская старина, 1880. № 6.

Записки сенатора Я. А. Соловьева // Русская старина, 1881. № 4.

Зубарев И. Д. Третье отделение // Исторический вестник 1917. № 5–6.

И. С. Тургенев. Документы по истории литературы и общественности. Вып. 2. М.; Пг., 1923.

Из воспоминаний М. Е. Бакая. Провокаторы и провокация // Былое, Париж, 1908. № 8.

Из дневника Я. П. Полонского // Голос минувшего. 1919. Кн. 1–4.

Император Александр Николаевич. Черты из его жизни // Русская старина, 1891. № 6.

Император Николай I и его сподвижники. Воспоминания гр. Оттона де-Бре. 1849–1852 гг. // Русская старина, 1902. № 1–3.

К истории полицейской агентуры в России // Былое, 1906. № 3.

Кавелин К. Д. Из дневника // Собр. соч.: В 4 т. СПб., 1898. Т. 2.

Каратыгин П. П. Бенкендорф и Дубельт // Исторический вестник, 1887. № 10.

Кауфман А. Е. День в доме у Цепного моста // Исторический вестник, 1911. № 1.

Кокорев В. Воспоминания давнопрошедшего, вызванные показаниями гр. Закревского // Русский архив, 1885. № 9–10.

Колмаков М. Н. Очерки и воспоминания с 1816 г. // Русская старина, 1891. № 4–6.

Колмаков М. Н. Старый суд // Русская старина, 1896. № 12.

Корф М. А. Дневники 1838 и 1839 гг. М., 2010.

Корф М. А. Шестинедельный эпизод моей жизни // *Долгих Е. В.* К проблеме менталитета российской административной элиты первой половины XIX века: М. А. Корф, Д. Н. Блудов. М., 2006.

Костомаров Н. И. Исторические произведения. Автобиография. Киев, 1989.

Лебедев К. Н. Из записок сенатора // Русский архив, 1897. № 8–10; 1900. № 9–10; 1910. № 7.

Левшин А. И. Достопамятные минуты моей жизни // Русский архив, 1885. Кн. 8.

Литературный архив. Материалы по истории литературы и общественного движения. Т. 1. М.; Л., 1938.

Ломачевский А. И. Записки жандарма // Вестник Европы, 1872. № 3–5.

Майский С. «Чёрный кабинет». Из воспоминаний бывш[его] цензора // Былое, 1918. № 13.

Макашин С. А. Два документа о Чернышевском из архива III Отделения // Литературное наследство. Т. 67. М., 1959.

Мартьянов П. К. Дела и люди века. Т. 1–2. СПб., 1893.

Менделеев Д. И. Дневник // Научное наследство. Естественно-научная серия. Т. 2. М., 1951.

Мещерский В. П. Мои воспоминания. Ч. 1. СПб., 1897.

Милютин Д. А. Воспоминания. 1860–1862. М., 1999.

Михайлов М. Л. Записки // *Шелгунов Н. В., Шелгунова Л. П., Михайлов М. Л.* Воспоминания. Т. 1–2. М., 1967.

Н. Г. Леонтий Васильевич Дубельт. К истории III отделения // Русская старина, 1880. Т. XXIX.

На заре крестьянской свободы // Русская старина, 1897. № 10–12; 1898. № 1–4.

Незабвенные мысли незабвенных людей (Из истории реакции 60-х годов) // Былое, 1907. № 1.

Никитенко А. В. Дневник. Т. 1–3. Л., 1955–1956.

Никитин В. Н. Воспоминания // Русская старина, 1906. № 10.

Николай I и его эпоха. М., 2001.

Николай I: личность и эпоха: новые материалы. СПб., 2007.

Николай Первый и его время. Документы, письма, дневники, мемуары, свидетельства современников и труды историков. Т. 1–2. М., 2000.

Новицкий В. Д. Из воспоминаний жандарма. М., 1991.

Оболенский Д. А. Записки. 1855–1879. СПб., 2005.

Обручев В. А. Из пережитого // Вестник Европы, 1907. № 5.

Одоевский Ф. В. Текущая хроника и особые происшествия. Дневник 1859–1869 гг. // Литературное наследство. Т. 22–24. М., 1935.

П. Б. [Бартенев П. И.] Из истории раскрепощения крестьян // Русский архив, 1887. Т. 2.

Панаев И. И. Литературные воспоминания. М., 1950.

Панаева (Головачева) А. Я. Воспоминания. М., 1986.

Пантелеев Л. Ф. Воспоминания. Л., 1958.

Пассек Т. П. Из дальних лет. Воспоминания: В 2 т. М., 1963.

Пеликан А. А. Во второй половине XIX в. // Голос минувшего, 1914. № 3.

Переписка императора Александра II с великим князем Константином Николаевичем. М., 1994.

Переписка императора Александра II с великим князем Константином Николаевичем за время пребывания его в должности наместника Царства Польского // Дела и дни. Кн. 2. Пг., 1921.

Петербургское общество при восшествии на престол императора Николая // Русская старина, 1881. № 9–11.

Пирогов Н. И. Посмертные записки // Русская старина, 1885. № 5.

Письма А. В. Головнина к Н. В. Ханыкову // Исторический архив, 1950. Т. 5.

Письма А. Н. Мордвинова к шефу жандармов гр. А. Х. Бенкендорфу (1832–1837) // Русский архив, 1895. № 4.

Письма В. П. Балабина графу П. Д. Киселеву // Русская старина, 1902. № 11.

Письма вел. кн. Константина Павловича к гр. А. Х. Бенкендорфу // Русский архив, 1875. № 1.

Письма вел. кн. Константина Павловича к гр. А. Х. Бенкендорфу // Русский архив, 1884. № 6.

Письма императора Александра II князю А. И. Барятинскому (1857–1864) // Вопросы истории, 2006. № 11–12; 2007. № 1.

Письма императора Николая Павловича к гр. А. Х. Бенкендорфу // Русский архив, 1884. Кн. 1.

Письма Л. В. Дубельта к Н. И. Гречу // Голос минувшего, 1913. № 2.

Письмо гр. Бенкендорфа к московскому генерал-губернатору кн. Н. В. Голицыну о Чаадаеве // Русский архив, 1885. № 1.

Плансон А. А. Былое и настоящее. СПб., 1906.

По поводу инструкции гр. А. Х. Бенкендорфа // Русский архив, 1889. № 8.

Погодин М. П. Историко-политические письма и записки в продолжение Крымской войны. 1853–1856. М., 1874.

Позен М. П. Бумаги по крестьянскому делу. Дрезден, 1864.

Попов В. П. Л. В. Дубельт // Русская старина, 1880. Т. 29.

Попов М. Н. А. С. Пушкин // Русская старина, 1874. Т. 10.

Попова Е. И. Из московской жизни сороковых годов. (1847–1852). СПб., 1911.

Прошение М. Г. Дубельт // Российский Архив (История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.). Вып. XI. М., 2001.

Рукопись В. Н. Линда «Очерк истории университетского движения в Москве» // Революционная ситуация в России в 1859–1961 гг. М., 1986.

Русское общество 40–50-х годов XIX в. Часть I. Записки А. И. Кошелева. М., 1991.

Русское общество 40–50-х годов XIX в. Часть II. Воспоминания Б. Н. Чичерина. Москва сороковых годов. М., 1991.

С. С. Громека – А. И. Герцену // Литературное наследство. Т. 62.

Сазонов Н. И. Правда об императоре Николае // Литературное наследство. М., 1941. Т. 41–42.

- Салиас Е.* Семь арестов // Исторический вестник, 1898. № 1–3.
- Селиванов И. С.* Записки // Русская старина, 1880. № 6.
- Семенов Н. П.* Освобождение крестьян в царствование Александра II: Хроника деятельности комиссии по крестьянскому делу. СПб., 1890. Т. 2.
- Семенов-Тянь-Шанский П. П.* Эпоха освобождения крестьян в России. 1857–1861. Пг., 1916. Т. IV.
- Скабичевский А. М.* Литературные воспоминания. М.; Л., 1928.
- Скальковский К.* Воспоминания молодости (по морю житейскому) 1843–1869. СПб., 1906.
- Смирнова-Россет А. О.* Дневник. Воспоминания. М., 1989.
- Соколова А. И.* Встречи и знакомства // Исторический вестник, 1911. № 1–4.
- Соллогуб В. А.* Повести. Воспоминания. Д., 1988.
- Стогов Э. И.* Записки жандармского штаб-офицера эпохи Николая I. М., 2003.
- Суворин А. С.* Дневник. М., 1992.
- Таборовский А. А. И.* Лакс // Русская старина, 1890. № 2.
- Тимашев А. Е.* Из истории раскрепощения крестьян // Русский архив, 1887. № 2.
- Толстой А. К.* Собр. соч. в 4 тт. М., 1960. Т. 4.
- Тургенев Н. И.* Россия и русские, М., 2001.
- Тютчева А. Ф.* При дворе двух императоров. Воспоминания. М., 2004.
- Унковский А. М.* Записки // Русская мысль, 1891. № 9.
- Усов П.* Цензурная реформа в 1862 году // Вестник Европы. 1882. № 5.
- Феоктистов Е. М.* Воспоминания. За кулисами политики и литературы 1848–1896. М., 1991.
- Фирсов Н. А.* Студенческие истории в Казанском университете 1855–1863 гг. // Русская старина, 1889. № 8.
- Фишер К. И.* Записки сенатора. М., 2008.
- Хитрово Н. П.* Мои отношения к штабу корпуса жандармов в 1871 г. // Русская старина, 1914. Т. 158.
- [Хрущев Д. П.]* Материалы для истории упразднения крепостного состояния помещичьих крестьян в России в царствование императора Александра II: В 3-х т. Берлин, 1860–1862.
- Цез В. А. А. В.* Головнин и его отношение к Герцену // Русская старина, 1897. № 11.
- Чичерин Б. Н.* Воспоминания. Московский университет. М., 1929.
- Шелгунов Н. В.* Воспоминания // *Шелгунов Н. В., Шелгунова Л. П., Михайлов М. Л.* Воспоминания: В 2-х т. Т. I. М., 1967.
- Шестаков Л. Д.* Тяжелые дни Казанского университета // Русская старина, 1896. № 12.

Шилов А. А. Арест М. И. Михайлова и суд над ним // Русское прошлое, 1923. № 2. *Шомпулев В. А.* Записки старого помещика. М., 2012.

Штакеншнейдер Е. А. Дневник и воспоминания (1854–1886). М.; Л., 1934.

Щербачев Г. Д. Идеалы моей жизни. М., 1895.

Щербина Н. Ф. Избранные произведения. Л., 1970.

Щербинин М. П. Воспоминания. 1843–1860. Б/м., б/г.

Эйдельман Н. Я. Дневник гимназиста 1860-х гг. // Археография и источниковедение Сибири. Новосибирск, 1975.

Юнге Е. Ф. Воспоминания. 1843–1860. Б/м., б/г.

Литература

Абакумов О. Ю. Третье отделение на страже нравственности и благочиния. Жандармы в борьбе со взятками и пороком 1826–1866. М., 2017.

Абакумов О. Ю. «...Чтоб нравственная зараза не проникла в наши пределы». Из истории борьбы III Отделения с европейским влиянием в России (1830-е – начало 1860-х гг.). Саратов, 2008.

Абсолютизм в России (XVII–XVIII вв.). М., 1964.

Аврех А. Я. Русский абсолютизм и его роль в утверждении капитализма в России // История СССР, 1968. № 2.

Алексеевский равелин. Секретная государственная тюрьма России в XIX в. Т. 1–2. Л., 1990.

Анисимов Е. В. Дыба и кнут. Политический сыск и русское общество в XVIII веке. М., 1999.

Антонов В. Ф. Народничество в России: утопия или отвергнутые возможности // Вопросы истории, 1991. № 1.

Атишев А., Глотов Е., Могилюк В. Создание и деятельность III-го отделения и охранных отделений в России. Караганда, 1973.

Базылева З. П. «Колокол» Герцена. М., 1949.

Барсуков М. И. П. В. Долгоруков о царской России и о дуэли А. С. Пушкина с Дантесом // Звенья, Т. 1. М.; Л. 1932.

Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина: В 22-х т. СПб. 1888–1910.

Бибиков Г. Н. А. Х. Бенкендорф и политика императора Николая I. М., 2009.

Блюм Р. Н. Проблема революции в русской общественной мысли 60-х годов XIX в. // Учен. зап. Тартусск. ун-та. Вып. 465. Тарту, 1979.

Богданов Л. Надзор полиции за А. И. Герценом во Владимире на Клязьме // Звенья. Т. 6. М.; Л., 1936.

Богучарский В. В 1878 // Голос минувшего, 1917. № 9–10.

Богучарский В. Из прошлого русского общества. СПб., 1904.

Бочкарев В. Е. Из истории общественных настроений в России середины XIX в. // Институт истории Москвы. Учен. зап. Т. 5. М., 1928.

- Брикнер А.* Вскрытие чужих писем и депеш при Екатерине II // Русская старина, 1873. Т. 7. № 1.
- Бушканец Е. Г.* Особенности изучения памятников нелегальной революционной поэзии XIX в. Казань, 1962.
- Варадинов Н. В.* История Министерства внутренних дел. Ч. 1–3. СПб., 1858–1862.
- Вацуро В. Э., Гиллельсон М. И.* «Сквозь умственные плотины». Очерки о книгах и прессе пушкинской поры. М., 1986.
- Великие реформы в России. 1856–1874. М., 1992.
- Виленская Э. С.* Революционное подполье в России (60-е годы XIX в.). М., 1965.
- Виленский Б. В.* Судебная реформа и контрреформа в России. Саратов, 1969.
- Власть и реформы. От самодержавия к советской России. СПб., 1996.
- Возный А. Ф.* Полицейский сыск и кружок петрашевцев. Киев, 1976.
- Возный А. Ф.* Петрашевский и царская тайная полиция. Киев, 1985.
- Вольфсон Т. С.* «Вольный университет» 1862 г. // Вестник ЛГУ, 1947. № 7.
- Вульфсон Г. Н.* Новые сведения о числе студентов, исключенных из Казанского университета // Учен. зап. Казан ун-та. Т. 122. Кн. 2.
- Высочков Л. В.* Император Николай I: человек и государь. СПб., 2001.
- Гармиза В. В.* Подготовка земской реформы 1864 года. М., 1957.
- Герасимова Ю. И.* Из истории русской печати в период революционной ситуации конца 1850-х – начала 1860-х гг. М., 1974.
- Герасимова Ю. И.* Отношения правительства к участию печати в обсуждении крестьянского вопроса в период революционной ситуации конца 50-х – начала 60-х годов XIX в. // Революционная ситуация в России в 1859–1861 гг. М., 1974.
- Гернет М. Н.* История царской тюрьмы. Т. 1–2. М., 1961.
- Гессен И. В.* Судебная реформа. СПб., 1905.
- Гинзбург Б. С.* Распространение изданий Вольной русской типографии в конце 1850-х – начале 1860-х годов // Революционная ситуация в России в 1859–1861 гг. М., 1962.
- Горбачев И. Г., Печников В. Н.* Институт цензуры в Российском законодательстве XVI–XIX вв.: историко-правовое исследование. Казань, 2004.
- Гусман Л. Ю. Л. П.* Блюммер – редактор эмигрантского журнала «Свободное слово» (эпизод из истории русской общественной мысли 1860-х годов // Страницы Российской истории. М., 2001.
- Дамешек Л. М., Кодан С. В.* Система контроля за перепиской ссыльных революционеров в Сибири (1826–1856) // Ссыльные революционеры в Сибири. Иркутск, 1965. С. 177–187.

Деревнина Т. Г. III отделение и его место в системе государственного строя абсолютной монархии в России (1826–1855 гг.). Диссертация на соискание ученой степени канд. ист. наук. М., 1973.

Деревнина Т. Г. Записка о внутреннем положении дореформенной России (по материалам III-го отделения) // Вопросы истории, 1973. № 3.

Деревнина Т. Г. Из истории образования III отделения // Вестник МГУ. Сер. История. 1973. № 4.

Деревнина Т. Г. Политическая полиция при Николае I // Освободительное движение в России. Саратов, 1975. № 4.

Джаншиев Г. А. Основы судебной реформы (к 25-летию нового суда). Историко-юридические этюды. М., 1891.

Долбилов М. Д. Александр II и отмена крепостного права // Вопросы истории, 1998. № 10.

Дризен Н. В. Драматическая цензура двух эпох. 1825–1881. Пг., 1917.

Дьяков В. А. Деятели русского и польского освободительного движения царской армии 1856–1865 гг. М., 1967.

Дьяков В. А. Освободительное движение в России 1825–1861. М., 1979.

Егоров В. Ф. Петрашевцы. Л., 1988.

Ерошкин Н. П. История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1968.

Ерошкин Н. П. Российское самодержавие. М., 2006.

Ершов А. Казанский заговор // Голос минувшего. 1913. № 6–7.

Жандармы России / сост. В. С. Измозик. СПб., 2002.

Жирков Г. В. История цензуры в России XIX–XX вв. М., 2001.

Зайончковский П. А. Отмена крепостного права в России. М., 1968.

Зайончковский П. А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX веке. М., 1978.

Зайцева А. А. Деятельность А. А. Краевского по созданию газеты «Голос» // Проблемы истории СССР. Вып. XIII. М., 1983.

Захарова Л. Г. Александр II и отмена крепостного права в России. М., 2011.

Иванюков И. Падение крепостного права в России. СПб., 1903.

Измозик В. С. «Черные кабинеты»: история российской перлюстрации XVIII–XIX века. М., 2015.

Ильинский Л. Герцен и III отделение // Голос минувшего, 1918. № 7–8. С. 94–98.

История Правительствующего Сената за двести лет. 1711–1911. СПб., 1911. Т. 3.

Кирпотин В. Достоевский в шестидесятые годы. М., 1966.

Киселев В. Поэтесса и царь // Русская литература, 1965. № 1.

Китаев В. А. От фронды к охранительству. М., 1972.

Кодан С. В. Политическая ссылка в системе карательных мер самодержавия первой половины XIX в. Иркутск, 1980.

- Козьмин Б. П.* Казанский заговор. М., 1929.
- Коротких М. Г.* Самодержавие и судебная реформа 1864 года в России. Воронеж, 1989.
- Корф М. А.* Жизнь графа М. М. Сперанского. Т. 1–2. СПб., 1861.
- Кошелев В.* Как правильно писать доносы // Родина, 1992. № 8–9.
- Л-дм-р. [Лудмер Я. И.]* По поводу положения о полицейском надзоре // Юридический вестник, 1882. № 3. С. 557–590.
- Лейкина-Свирская В. Р.* Казанский заговор // Революционная ситуация в России в 1859–1861 гг. М., 1963.
- Лемке М. К.* Николаевские жандармы и литература 1826–1855 гг. По подлинным делам Третьего отделения Собственной Е. И. Величества канцелярии. СПб., 1909.
- Лемке М. К.* Очерки освободительного движения «шестидесятых годов». СПб., 1908.
- Лемке М. К.* Очерки по истории русской цензуры и журналистики XIX столетия. СПб., 1904.
- Лемке М. К.* Эпоха цензурных реформ 1859–1865 годов. СПб., 1904.
- Летопись жизни и творчества А. И. Герцена, 1812–1870: В 5 т.* М., 1974–1987.
- Ливен Д.* Российская империя и ее враги с XVI века до наших дней. М., 2007.
- Литвак Б. Г.* Крестьянское движение в России в 1775–1904 гг. М., 1989.
- Литвак Б. Г.* Опыт статистического изучения крестьянского движения в России в XIX в. М., 1967.
- Литвак Б. Г.* Переворот 1861 г. в России: почему не реализовалась реформаторская альтернатива. М., 1991.
- Лурье Ф. М.* Полицейские и провокаторы: политический сыск в России. 1649–1917. М., 1998.
- Львова М. В.* Как готовилось закрытие «Современника» в 1862 году // Исторические записки, 1954. Т. 46.
- Макаревич Э. Ф.* Секретная агентура. М., 2007.
- Макарова Н. В.* Российское общество в эпоху правления Николая I: общественная и частная жизнь (по материалам III Отделения): диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук: 07.00.02. М., 2013.
- Макашин С. А.* Два документа о Чернышевском из архива III отделения // Литературное наследство. Т. 67.
- Макашин С. А.* Салтыков-Щедрин на рубеже 1850–1860 гг. М., 1972.
- Макушин Л. М.* Цензурный режим и журналистика: от «чугунного» устава 1826 г. до закона о печати 1865 г.: В 2-х кн. Екатеринбург, 2009.
- Марголис А. Д.* Законодательство об административной политической ссылке в России конца XIX в. // Государственно-правовые институты самодержавия в Сибири. Иркутск, 1982.

Миллер И. С. «Слушный час» и тактика русской революционной партии в 1861–1863 гг. // Революционная ситуация в России в 1859–1861 гг. М., 1963.

Министерство внутренних дел 1802–1902. Исторический очерк: В 3-х кн. СПб., 1901.

Министерство юстиции за сто лет. 1802–1902. Исторический очерк. СПб., 1902.

Мироненко С. В. Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России в начале XIX в. М., 1989.

Мироненко С. В. Страницы тайной истории самодержавия. М., 1990.

Мионов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начала XX в.). Т. 1–2. СПб., 2000.

Мионова И. А. Судебно-следственные материалы первой половины XIX в. М., 1958.

Модзалевский Б. Л. Пушкин и его современники. Избранные труды (1898–1928). СПб., 1999.

Мулукаев Р. С. Политическая полиция дореволюционной России. М., 1976.

Мухина Е. А. Начало подготовки крестьянской реформы // Вестник МГУ. Сер. 8. История. 1977. № 4.

Мухина Е. А. Отклики дворянства на первые рескрипты об учреждении Губернских дворянских комитетов по крестьянскому делу // Вестник МГУ. Сер. 8. История. 1983. № 4.

Н. [Зибер] К истории жандармской полиции в России // Юридический вестник, 1882. № 11.

Н. [Зибер] Суд и государственные преступления // Юридический вестник, 1880. № 11.

Набоков В. Работы по составлению Судебных уставов. Общая характеристика судебной реформы // Судебная реформа. Т. 1–2. М., 1915.

Насонкина Л. И. Московский университет после восстания декабристов. М., 1972.

Невелев Г. А. Истина сильнее царя. М., 1985.

Нечаева В. С. Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Время» 1861–1863. М., 1972.

Нифонтов А. С. Россия в 1848 г. М., 1949.

Нифонтов А. С. Статистика крестьянского движения в России 50-х гг. XIX в. по материалам III Отделения // Вопросы истории сельского хозяйства, крестьянства и революционного движения. М., 1961.

Новикова Н. Н. Революционеры 1861 года. М., 1968.

Олейников Д. Бенкендорф. М., 2009.

Оржеховский И. В. Самодержавие против революционной России. (1826–1880 гг.). М., 1982.

Очерки истории Саратовского Поволжья. 1855–1894. Т. 2. Ч. 1. Саратов, 1995.

- Павленко Н. И.* Идеи абсолютизма в законодательстве XVIII в. // Абсолютизм в России (XVII–XVIII вв.). М., 1964.
- Пайтс Р.* Россия при старом режиме. М., 1993.
- Патрушева Н. Г.* Цензурное ведомство в государственной системе Российской империи во второй половине XIX – начале XX века. СПб., 2013.
- Перегудова З. И.* Политический сыск России 1880–1917. М., 2000.
- Познанский В. В.* Очерк формирования русской национальной культуры. Первая половина XIX века. М., 1975.
- Полиевктов М.* Николай I. Биография и обзор царствования. М., 1918.
- Попельницкий А. З.* Секретный комитет в деле освобождения крестьян от крепостной зависимости // Вестник Европы, 1911. № 2.
- Порох В. И. И. С.* Аксаков и царизм (конец 40-х начало 60-х гг.) // Освободительное движение в России: Межвузовский научный сборник. Вып. 13. Саратов, 1989.
- Порох И. В. А. И.* Герцен в письмах своих идейных противников (конец 50-х – начало 60-х гг. XIX в.) // Историографический сборник. Вып. 16. Саратов, 1994.
- Порох И. В.* Из истории борьбы царизма против Герцена (попытка создания анти-«Колокола» в 1857–1859 гг.) // Из истории общественной мысли и общественного движения в России. Саратов, 1964.
- Порох И. В.* История в человеке. Саратов, 1971.
- Порох И. В.* Первый пострадавший // Прометей. Т. 3. М., 1967.
- Порох И. В.* По всей России // Распространение печати в СССР. 1967. № 5.
- Порох И. В.* Процесс Чернышевского и общественность России // Дело Чернышевского. Саратов, 1968.
- Порох И. В.* Отчеты III Отделения как исторический источник // Актуальные проблемы источниковедения и вспомогательных дисциплин. Днепропетровск, 1983.
- Предтеченский А. В.* О перлюстрации писем в начале XIX в. (Секретная переписка О. П. Козадавлева с Д. П. Руничем) // Анатолий Васильевич Предтеченский. Из творческого наследия. СПб., 1999.
- Пресняков А. Е.* Российские самодержцы. М., 1990.
- Пытин А. Н.* Характеристика литературных мнений от 20-х до 50-х гг. СПб., 1909.
- Рахматуллин М. А.* Крестьянское движение в великорусских губерниях в 1826–1857 гг. М., 1990.
- Рац Д. В.* «Отрицательно-добрый человек» // Факел. 1990: Историко-революционный альманах. М., 1990.
- Революционная ситуация в России в середине XIX в. М., 1978.
- Ревуненков В. Г.* Польское восстание 1863 г. и европейская дипломатия. Л., 1957.
- Рейсер С.* Артур Бенни. Л., 1933.

- Рейтблат А. И.* Как Пушкин вышел в гении. Историко-социологические очерки о книжной культуре Пушкинской эпохи. М., 2001.
- Рейфман П. С.* «Московские ведомости» 1860-х годов и правительственные круги России // Учен. зап. Тартуского университета. Вып. 358. Тарту, 1975.
- Рейфман П. С.* Борьба в 1862–1863 годах вокруг романа И. С. Тургенева «Отцы и дети» // Учен. зап. Тартуского ун-та. Вып. 139. Тарту, 1963.
- Рейфман П. С.* Демократическая газета «Современное слово» // Учен. зап. Тартуского ун-та. Вып. 121. Тарту, 1962.
- Ретунский В. Ф.* Ссылные декабристы и царская цензура // Известия Сибирского отделения АН СССР. Новосибирск. 1975. № 11. Серия обществ. наук. Вып. 3. С. 98–103.
- Родзевич Н. Н.* Отставка Е. П. Ковалевского // Исторический вестник, 1905. № 1–3.
- Рождественский С. В.* Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802–1902. СПб., 1902.
- Розенблюм Н. Г. Г. Г. Перетц* – агент III Отделения // Литературное наследство. Т. 67. М., 1959.
- Романов В. В.* Трансформация органов политической полиции Российской империи в 1826–1860 гг.: историко-правовой анализ. Ульяновск, 2013.
- Рослякова О. Б. А. Х. Бенкендорф* – первый главноуправляющий III отделения // Политический сыск в России: история и современность СПб., 1997. С. 147–148.
- Российские консерваторы. М., 1997.
- Российские самодержцы. 1801–1917. М., 1994.
- Рудаков В. Е.* Последние дни цезуры в Министерстве народного просвещения. СПб., 1911.
- Рудницкая Е. Л.* Из истории революционных русских изданий конца 1850-х гг. за границей // Революционная ситуация в России 1859–1861 гг. М., 1963.
- Ружицкая И. В.* Законодательная деятельность в царствование императора Николая I. М., 2005.
- Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика. М., 2000.
- Рууд Ч., Степанов С. А.* Фонтанка, 16: Политический сыск при царях. М., 1993.
- С. О неприкосновенности почтовой корреспонденции по русскому законодательству // Журнал Юридического общества при Императорском С.-Петербургском университете, 1895. Кн. 3.
- Сватииков С. Г.* Общественное движение в России. (1700–1895). Ростов-на-Дону, 1905.
- Севастьянов Ф. Л.* «Высшая полиция» в России. СПб., 2001.
- Седов М. Г.* Современники и историки о русском нигилизме // История СССР, 1984. № 5.

Седунов А. В. Жандармские офицеры на Северо-Западе России в первой половине XIX века // Вестник С.-Петербургского университета МВД России, 2006. № 3. С. 63–67.

Селиванов Н. Отдача под надзор полиции как уголовное наказание // Юридический вестник, 1883. № 10. С. 278–283.

Семевский В. И. Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века. СПб., 1888. Т. 2.

Семенов-Тянь-Шанский П. П. Начало эпохи освобождения крестьян // Вестник Европы, 1911. № 2–3.

Середонин С. М. Исторический обзор деятельности Комитета министров. СПб., 1902. Т. 2–3.

Сидорова М. В. Из истории архива III отделения // Советские архивы, 1990. № 6.

Сидорова М. В. Немцы на службе в III Отделении С. Е. И. В. канцелярии (по данным формулярных списков) // Россия – Германия. Пространство общения: Материалы X Царскосельской научной конференции. СПб., 2004.

Сидорова М. В. Штаты III Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии // Из глубины времен. Выпуск 4. СПб., 1995.

Силантьева И. А. Политическая ссылка эпохи падения крепостного права // Гуманитарные науки и их закономерности. Ч. 1. Казань, 1977.

Скабичевский А. М. Очерки истории русской цензуры (1700–1863). СПб., 1892.

Сладкевич Н. Г. Очерки истории общественной мысли России в конце 50-х – начале 60-х гг. XIX в. М., 1962.

Сладкевич Н. Г. Петербургский университет и общественное движение в России в начале 60-х годов XIX века // Ленинградский университет. Труды юбилейной научной сессии. Секция исторических наук. Л., 1948.

Слухи в России XIX–XX веков. Неофициальная коммуникация и «крутые повороты» российской истории. Челябинск, 2011.

Смиренский Б. В. Поэт-петрашевец С. Ф. Дуров под секретным надзором // Прометей. М., 1967. Т. 3.

Смолин И. С. Царизм в борьбе с вольной печатью Герцена // Учен. зап. Ленингр. мед ин-та. Т. 61. 1947.

Соболева Т. А. Тайнопись в истории России (История криптографической службы России XVIII – начала XX в.). М., 1994.

Столетие военного министерства. 1802–1902. Т. 3. Отд. 4. СПб., 1911.

Стаферова Е. Л. А. В. Головин и либеральные реформы в просвещении (первая половина 1860 гг.). М., 2007.

Страхов Л. В., Перегудов А. В. Воронежские жандармы в эпоху модерна. Воронеж, 2019.

Сухомлинов М. Исследования и статьи по русской литературе и просвещению. СПб., 1889. Т. 2.

Тальская О. С. Письма декабриста А. Ф. Бриггена в III Отделение // Политическая ссылка в Сибири XIX – начала XX в. Новосибирск, 1987.

Тарасов И. Т. История русской полиции и отношение ее к юстиции // Юридический вестник, 1884. № 11.

Тарасов И. Т. Полиция в эпоху реформ. М., 1885.

Тарле Е. В. Запад и Россия. Пг., 1918.

Татищев С. С. Император Александр II. Его жизнь и царствование. Т. 1–2. СПб., 1903.

Токарев С. В. О численности крестьянских вступлений в России в годы первой революционной ситуации // Революционная ситуация в России в 1859–1861 гг. М., 1960.

Трефолов А. Н. Бенкендорфские «шалуны» (Черты николаевского времени) // Русский архив, 1896. № 2.

Троцкий Н. А. Подвиг Николая Клеточникова // Прометей. Т. 9. М., 1972.

Троцкий Н. А. Царские суды против революционной России. Саратов, 1976.

Троцкий И. III-е отделение при Николае I. Л., 1990.

Тютюник Л. И. Состояние политического сыска в России в 60–70-е гг. XIX в. // Государственные учреждения и общественные организации СССР. История и современность. М., 1985.

Уортман Р. С. Властители и судии: Развитие правового сознания в императорской России. М., 2004.

Устрялов Н. Г. Историческое обозрение царствования государя императора Николая I. СПб., 1847.

Федоров В. А. Русский крестьянин накануне революционной ситуации 1859–1861 гг. (по материалам центрально-промышленных губерний России) // Революционная ситуация в России в 1859–1861 гг. М., 1974.

Федоров В. А. Требования крестьянского движения в начале революционной ситуации (до 19 февраля 1861 г.) // Революционная ситуация в России в 1859–1861 гг. М., 1960.

Федосеева Е. П. Из истории борьбы самодержавия с изданиями Герцена // Литературное наследство. Т. 63. М., 1956.

Федосов И. А. Революционное движение в России во второй четверти XIX в. (революционные организации и кружки). М., 1958.

Христофоров И. А. «Аристократическая» оппозиция Великим реформам (конец 1850 – середина 1870-х гг.). М., 2002.

Цензоры Российской империи, конец XVIII – начало XX века: биобиблиограф. справ. / [О. Ю. Абакумов и др.; редкол.: В. Р. Фирсов (пред.) и др.]. СПб., 2013.

Цензура в царствование императора Николая I // Русская старина, 1903. Т. 114.

Цимбаев Н. И. И. С. Аксаков в общественной жизни пореформенной России. М., 1978.

Цимбаев Н. И. Славянофильство (Из истории русской общественно-политической мысли XIX в.). М., 1986.

Чернов С. Н. У истоков русского освободительного движения. Саратов, 1960.

Чернуха В. Г. Великие реформы. Попытка преодоления кризиса // Власть и реформы. От самодержавной к Советской России. М., 2006.

Чернуха В. Г. Внутренняя политика царизма с середины 50-х до начала 80-х гг. XIX в. Л., 1978.

Чернуха В. Г. Правительственная политика в отношении печати. 60–70-е годы XIX века. Л., 1989.

Черных В. А. К вопросу о тиражах лондонских изданий Герцена и Огарева // Археографический ежегодник за 1969 г. М., 1971.

Чукарев А. Г. Тайная полиция России. 1825–1855 гг. М., 2005.

Шевченко М. М. Конец одного Величия: Власть, образование и печатное слово в Императорской России на пороге Освободительных реформ. М., 2003.

Шилов А. А. Арест М. И. Михайлова и суд над ним // Русское прошлое, 1923. № 2. С. 145–150.

Шилов А. А. Н. Г. Чернышевский в донесениях агентов III Отделения // Красный архив, 1926. Т. 1.

Шилов А. А. П. Л. Лавров в агентурных донесениях сотрудников III Отделения // Материалы для биографии П. Л. Лаврова. Вып. 1. Пг., 1921.

Шилов Д. Н. Государственные деятели российской империи. 1802–1917: Биобиблиографический справочник. СПб., 2001.

Шильдер Н. Два доноса в 1831 г. // Русская старина, 1898. Т. 8.

Шильдер Н. К. Император Николай I. Его жизнь и царствование: В 2-х т. СПб., 1903.

Штакельберг Ю. И. К истории журнал «Заноза» // Освободительное движение в России. Вып. 3. 1973.

Штрайх С. Я. Роман Медокс. Похождения русского авантюриста XIX века. М., 2000.

Щебальский П. К. Доносы и доносчики // Отечественные записки, 1861. № 10.

[*Щебальский П. К.*] Исторические сведения о цензуре в России. СПб., 1862.

Щеголев П. Благоразумные советы из крепости // Алексеевский равелин. Л., 1990.

Эйдельман Н. Я. Анонимные корреспонденты «Колокола» // Проблемы изучения Герцена. М., 1963.

Эйдельман Н. Я. Герцен против самодержавия. М., 1983.

Эйдельман Н. Я. После 14 декабря: Из записной книжки писателя-архивиста // Пути в неизвестное: писатели рассказывают о науке. Сб. 14. М., 1978.

Эйдельман Н. Я. Случай ненадежен, но щедр // Наука и жизнь, 1965. № 1–2.

Эйдельман Н. Я. Тайные корреспонденты «Полярной звезды». М., 1966.

Эймонтова Р. Г. Русские университеты на грани двух эпох: от России крепостной к России капиталистической. М., 1985.

Эймонтова Р. Г. Русские университеты на путях реформы: шестидесятые годы XIX века. М., 1993.

Экштут С. А. В поисках исторической альтернативы. М., 1994.

Экштут С. А. На службе российскому Левиафану. Историчесофские опыты. М., 1998.

Ямпольский И. Сатирическая журналистика 1860-х годов. Журнал революционной сатиры «Искра» (1859–1872). М., 1964.

Grunwald, de C. La vie de Nicolas Ier. P., 1946.

Monas S. The Third Section. Police and Society in Russia under Nicholas I. Harvard, 1961.

Squire P. S. The Third Department. The Establishment and Practices of the Political Police in the Russia of Nicholas I. Cambridge, 1968.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абакумов О. Ю.* 8, 45, 141, 186, 300, 464, 474
Аврех А. Я. 26, 27
Агафонов 472
Адлерберг А. В. 182, 185
Адлерберг В. Ф. 81, 92, 255, 259, 301, 302, 304
Аксаков И. С. 258, 259, 260, 267, 268, 315, 323, 339, 340, 395, 397, 400–404, 457, 473, 481
Аксаков К. 397, 398, 401, 403
Александр I, император России 26, 36, 171, 252, 253
Александр II, император России 9, 46, 71, 74, 75, 76, 77, 83, 85, 92, 94, 95, 97–99, 105–109, 111, 112, 115, 117, 121, 123, 130, 131, 133, 135, 152, 178, 185, 190, 193, 197–199, 220, 223, 251, 256, 260, 268–271, 279, 297, 301, 303, 304, 307, 312, 319, 322, 325, 328, 331, 335, 337, 345, 354, 355, 356, 361, 364, 365, 368, 372, 376, 378, 382, 384, 386, 398, 401, 404, 410, 411, 419, 429, 439, 440, 442, 444, 445, 451, 456, 458, 465, 466, 467, 474, 488, 490
Алексеев 215, 216
Алымов 406
Альбертини Н. В. 471
Амстердамский 405
Анисимов М. И. 56
Анисимов Е. В. 252, 274
Анненков И. В. 234
Анненков П. В. 331
Антонелли П. Д. 392, 470
Антонович 330
Арендт Х. 462
Арсеньев И. А. 342, 474
Артемьев А. И. 58
Архангельская 405
Аскоченский В. И. 334
Афендик 284
Ахматов А. П. 262
Багратионы 389
Базылева З. П. 408
Бакай М. Е. 232, 478
Балабин В. П. 180
Баранова Ю. Ф. 56
Барсуков М. И. 267
Барсуков Н. П. 272, 402, 463, 465
Бартель Е. И. 51, 59
Бартенев П. И. 93, 97, 98
Барятинский А. И. 345, 356, 368, 370, 376, 464
Бахтин Н. И. 128, 160
Бачманов П. В. 16, 25, 244
Белинский В. Г. 448
Белозерский В. М. 390, 391, 392
Беневоленский 471
Бенкендорф А. Х. 8, 12–17, 19–26, 28–32, 34–40, 49, 50, 61, 63, 66, 68–71, 134, 135, 137–141, 143, 147–149, 151, 169, 170, 172, 174, 175, 179, 187–189, 200–202, 237, 247, 251, 253–258, 275, 287, 309, 340, 394, 454, 455, 457, 459, 463, 465, 487, 488, 490, 493
Бенни А. 232, 471
Берви В. В. 244, 245
Бердяев Н. А. 447
Березов 80
Бернард К. И. 300
Бестужев (Марлинский) А. А. 40
Бестужев-Рюмин А. П. 252

- Бибиков Г. 8, 36, 174, 237*
 Благосветов 330
 Блюдов Д. Н. 78, 122, 146, 151, 156, 182, 185
 Блудова А. Д. 473
Блюм Р. Н. 416
 Блюммер Л. П. 472, 474
 Блюхер Г. 303
 Боборыкин П. Д. 58, 308
Богданов Л. 292
 Богданова 479
Богучарский В. 210, 423, 493
 Бодянский О. М. 15, 260, 394
 Бокль 447
 Боткин В. П. 204
 Бочкарев 471
Бочкарев В. Е. 481
 Брадке Е. Ф., фон 198
 Брауман 472
 Бригген А. Ф. 263
Брикнер А. 252
 Брок 81
 Брокгауз Ф. А. 458
 Будберг А. Ф. 180
 Булгаков К. Я. 257, 258
 Булгарин Б. Ф. 300
 Булгарин Ф. В. 9, 17, 19, 20, 56, 300, 350
 Бунаков Н. Ф. 245, 475
 Бутков В. П. 92, 97, 156, 420, 421
 Бутурлин Д. П. 176, 490
 Бюхнер Л. 319, 447
- Валуев П. А. 47, 110–112, 115–126, 130, 131, 133, 134, 251, 264, 272, 273, 296, 319, 320, 323, 328, 386, 418, 430, 431, 434, 440, 456, 480, 488**
 Вальденберг 472
 Вальденберг Д. 472
 Варшавчик 234, 469
 Васильчиков И. В. 36, 71, 169
 Велепольский А. 268
 Вердеревский Е. А. 180
 Верещинский П. 261
 Виардо 331
- Вигель Ф. Ф. 29, 40, 275
Виленский Б. В. 168
 Вильям 262
 Виноградов П. 479
 Висковатов С. И. 202
 Вишневецкий 371
 Вовчек М. 182
 Воейков А. В. 403
 Волгин Н. 234
 Волконский С. Г. 42
 Волокитин С. 234–236, 472
 Вольтер 405
 Вольф 215, 225
 Вольфсон 474
Вольфсон Т. С. 197
 Воронов А. С. 196
 Воронцов М. С. 68, 69
 Воронцов-Дашков 221
 Врасский Б. А. 59
 Вульф (Вольф) 224
Высочков Л. В. 8, 18
 Вяземский генерал-прокурор, кн. 250
 Вяземский П. А. 203, 457, 479
- Гагарин П. П. 76, 78, 84, 88, 91, 92, 110, 122, 159
 Галаган 471
 Гальслебен Н. К. 60
 Гарибальди 269, 316
Гармиза В. В. 124, 131
 Гакстгаузен А. фон 83
 Гедерштерн А. К. 208, 210, 211, 255, 281, 420
 Геллер А. А. 55
Герасимова Ю. И. 179, 184, 320, 323, 325, 351, 358, 367, 401, 402
 Герман 211
Гернет М. Н. 45
 Герцен А. И. 40, 48, 57, 155, 179, 193, 203, 204, 220, 221, 222, 225, 232, 234, 239, 241, 246, 258, 261, 262, 266, 269–271, 278, 279, 281, 284, 291, 292, 314, 317, 324, 328, 329, 331, 390, 408, 410, 412, 415, 429, 437, 439, 442, 443, 447, 454–

- 465, 475, 476, 480, 504, 507, 511,
521, 523
- Гессен И. В.* 144, 162, 165
- Гёте И. В. 304, 309
- Гиероглифов А. С. 221, 225
- Гильдебрант 243, 246
- Гиляров-Платонов Н. П. 473
- Гинзбург Б. С.* 279, 408
- Глинка Ф. Н. 395
- Голенищев - Кутузов - Тол-
стой П. М. 17, 61, 454
- Голицын А. 202-203
- Голицын А. Н. 251, 255
- Голицын А. Ф. 55, 231, 422, 423,
425, 511
- Голицын С. П. 316
- Голицын Ю. Н. 278, 410
- Головин К. Ф. 467
- Головкин Г. И. 252
- Головнин А. В. 102-104, 196-198,
234, 245, 266, 267, 274, 324, 328,
415, 421, 480, 481
- Гончаров И. А. 308, 468, 469
- Горбачев И. Г.* 178
- Гордон В. 158
- Горемыкин И. Д. 59
- Горемыкин П. Д. 236
- Горчаков А. М. 122, 180, 430
- Горчаков М. Д. 261
- Горянский Ф. И. 57-59, 460
- Гофман 160
- Грановский Т. Н. 448
- Греч Н. И. 42, 180, 455
- Грибовский М. К. 36
- Григорович П. Н. 51, 56, 61
- Григорьев А. 224, 225
- Громека С. С. 155, 460, 471, 475
- Грушин Б. А.* 313
- Гулак Н. И. 278, 390, 391
- Гусман Л. Ю.* 474
- Гутков 149
- Гюбнер Ю. Ю. 424
- Гюго В. 306
- Дамешек Л. М.* 263
- Дантес Ж. Ш. 267
- Дашков Д. В. 135, 136, 144-146,
169, 256, 257
- Дебу 290
- Дельвиг А. И. 28, 468, 476
- Делянов И. Д. 468
- Демидов 279
- Демидов Н. 415
- Деревнина Т. Г.* 7, 15, 22, 50, 56, 57,
149
- Джаншиев Г. А.* 149
- Джунковский В. Ф. 17
- Дивов П. Г. 37
- Дмитриев 405
- Дмитриев М. А. 12, 28, 200, 201,
245, 464, 465
- Долбилов М. Д.* 9, 30, 115
- Долгоруков В. А. 25, 46-49, 60,
75, 76, 78-84, 92, 93, 95-97, 99,
100, 102, 105-119, 120-134, 153,
155-160, 162, 164-166, 168,
179, 190-192, 194, 196, 197,
198, 210, 213, 217, 226, 231, 235,
241, 246-248, 250, 262-265, 269,
272, 273, 283, 289, 290, 293, 302,
308, 311-313, 316-324, 328,
331, 332, 335, 336, 337, 339, 341,
354, 365, 375, 385, 400, 402, 407,
409-411, 415, 417-422, 425, 426,
428, 430-435, 437, 439-441, 444,
448, 450, 451, 454, 456, 457, 463,
464, 466, 467, 479, 480, 482, 487,
488
- Долгоруков П. В. 38-40, 45, 265,
267, 412, 420, 456, 457, 458, 461,
471, 475, 504, 507
- Должиков 472
- Достоевский Ф. М. 285, 324, 334,
438
- Драган П. М. 467
- Драшусов 367
- Дрентельн С. Р. 315
- Дризен Н. В.* 299, 302, 303, 304,
306-308
- Дружинин А. В. 463
- Дубельт Л. В. 17, 41-46, 56, 149,
175, 205-207, 256, 258, 285, 298,

- 302, 308, 323, 393, 394, 398, 400,
455–459, 464, 479
- Дубельт М. 45
Дубельт М. Л. 274
Дубельт Е. И. 42
Дуров С. Ф. 290, 291
Дьяков В. А. 389, 427
Дьяконов И. Д. 60
Дюма А. 306, 309
- Екатерина II, императрица России
26, 171, 455
- Елагина А. В. 466, 481
Елагина Е. И. 481
Елена Павловна, вел. кнг. 82, 121,
265
Еленев Ф. П. 82, 97
Елисеев П. Е. 222
Еремеев 420
Ермолова А. Г. 257
Ерошкин Н. П. 29
Ефрон И. А. 458
- Жданов С. Р.** 422, 431, 433, 437,
439
Жеденев Н. Н. 58, 456
Желтухнн А. Д. 183
Жирков Г. В. 176
Журавлев М. 479
Журавские 214
Жустиниани 384
- Забравский** 472
Завалишин Д. И. 478
Завалишин И. 388
Зайончковский П. А. 9, 30, 52, 59, 76,
92, 106, 111, 112, 114–116
Зайцев 330
Зайцева А. А. 320
Закревский А. А. 19, 96, 400, 401,
403
Замойский А. 511, 512
Заславский Д. 239, 246, 261, 269
Захаров М. 55
Захарова Л. Г. 9, 76, 80, 81, 83, 95,
97, 112, 115
- Захарьин В. А. 228
Захарьина Н. А. 292
Званцов 211
Зеленый А. А. 111, 124
Золя Э. 306
Зорин Н. Е. 245
Зотов 472
Зотов Р. М. 307
Зотов Л 244
Зубарев И. Д. 462
Зубов Н. П. 262
Зупанский И. 261
- Иванов** 226
Иванов И. 216
Иванюков И. 76
Игнатъев П. Н. 282, 354, 417, 421,
466
Изансон И. 56
Измозик В. С. 8, 9
Иконников А. 284
Ильинский Л. 408
Исаева А. 281
- Кабдуков** 482
Кавелин К. Д. 82, 83, 98, 102, 271,
465, 479
КалOVEROV 279
Каменский А. В. 59
Каратыгин П. П. 17, 394, 455
Караулов 213
Кареев 365
Карпинский 406
Карпов 446
Касторский М. И. 197, 325, 342
Катков М. Н. 182, 398, 437
Кашинцов Н. А. 54
Кейзер-фон-Нилькгейм Е. А. И.
56, 300
Кельсиев В. И. 224, 293, 415
Киреевский И. В. 257, 258, 395,
397, 399
Кириангело 280
Кирпотин В. 334
Киселев 82
Киселев П. Д. 65, 66, 68, 180, 383

- Киселев В. 461*
 Киянский 283
 Клеточников Н. 59
 Клица И. И. 59, 60
 Ключель 410
 Клюква, де ля 266
 Княжевич А. М. 112–114, 265, 409, 411, 481
 Кобеляцкий А. Н. 61
 Ковалевский Е. П. 190–193, 313
 Кованько 142
Коган С. В. 286
Кодан С. В. 263
 Кожанчиков Д. Е. 224
Козьмин Б. П. 227, 429, 433
 Кокорев В. 293, 383
 Колмаков М. Н. 143, 144, 148, 149, 150, 454
 Колчин 59
 Комаров 368
 Комаров А. В. 435
 Конарский Ш. 496
 Константин Николаевич, вел. кн. 81, 92, 103, 110–112, 120, 133, 221, 268, 269, 348, 350, 364, 373, 376–387
 Константин Павлович, вел. кн. 20
 Коптев 211
 Коптев А. Н. 96
 Кори Г. И. 334
Коротких М. Г. 165
 Корф М. А. 38, 40, 56, 81, 84, 122, 128, 140, 175, 178, 185, 186, 463, 491
 Костомаров Вс. 472, 477
 Костомаров Н. И. 196, 197, 278, 292, 293, 337, 390, 391, 459, 464, 478
 Кочубей 410
Кошелев В. 274
 Кошелева О. Ф. 466
 Краевский А. А. 176, 182, 320, 340, 471
 Кранц Ф. Ф. 59, 61
 Критские, братья 388
 Кроликовский 261
 Крузе Н. Ф. 226, 461, 463, 465
 Крылов Н. И. 458
 Кузнецов А. С. 154
 Кулиш П. А. 278
 Кулышев С. 284
 Курбановский 284
 Курочкина В. 476
 Курута И. Э. 291
 Курута Ю. Ф. 258
 Кусков П. А. 382, 386, 387
 Куторга 394
 Кюлевейн 472
 Лаврецов 279
 Лавров П. Л. 7, 209, 235, 405, 523
 Лакруа 265
 Лакс А. И. 245
 Ламанский Е. И. 265, 481
 Ланской В. С. 169
 Ланской П. П. 422
 Ланской С. С. 77, 84, 85, 89, 92, 110, 280
 Лапа 211
 Латышев В. О. 52
 Лаубе Г. 305
Л-дм-р. [Людмер Я.И.] 296, 297
 Лебедев К. Н. 38, 41, 152, 314, 393
 Левашёв 270
 Левченко 279
 Левшин А. И. 85, 86, 92
 Лейкин Н. А. 316
Лемке М. К. 6, 173, 224, 311, 323, 425, 439, 470, 477, 480
 Лескин 471
 Ливен К. А. 172, 187, 188
Ливен Д. 9
 Линд В. Н. 470
 Липранди И. П. 207, 208, 233, 392, 420
Литвак Б. Г. 9, 76, 99, 100, 101, 103, 343
 Логинов А. 364
 Логиновский П. П. 57
 Ломачевский А. И. 17, 26, 242, 243, 246
 Ломоносов М. В. 338

- Лошаков 257
 Лужин И. Д. 315
 Лукьянов 225, 368
Лурье Ф. М. 7, 253
 Лушников 388
 Львов М. П. 51
Львова М. В. 324
- Мавроди К. Н.** 56, 311
 Майвалдов 281
 Майков А. 477
 Майский С. 266
Макаревич Э. Ф. 7
Макарова Н. В. 7
Макашин С. А. 227, 256, 260, 315, 478
 Максимов С. 478
Макушин Л. М. 9, 311
 Марат 270
 Мария Александровна, императрица России 364
 Мария Николаевна, вел. кнг. 121, 377
 Маркевич Б. М. 331
 Массон А. П. 268
 Мафета 383
 Медокс Р. 6
 Мей Л. А. 308
 Мейверс 214
 Мельгунов Н. А. 154, 406, 407
 Мельников 222
 Мельников П. Н. 180
 Менделеев Д. И. 458
 Мендельсон 60
 Меншиков А. С. 109, 110, 175, 490
 Метелкин 63
 Мещерский В. П. 47, 457
 Миклашевский Г 261
 Миллер 289
 Миллер П. И. 257
Миллер И. С. 419
 Миль 447
 Мильковский З. 512
 Милютин Н. А. 76, 116, 133, 134
 Милютин Д. А. 122–124, 128, 458, 464
- Минаев Д. 477
 Минин 225, 305, 389
 Миннос 410
Мироненко С. В. 9, 65, 66, 70, 71, 83, 91, 92, 95
Миронов Б. Н. 27, 28
 Михаил Николаевич, вел. кн. 267, 464
 Михайлов И. 230
 Михайлов М. Л. 58, 61, 246, 454, 459, 460, 480, 481
 Мишевский 279
Модзалевский Б. Л. 6
 Мольер Ж.-Б. 307
 Мордвинов А. Н. 40, 41, 173, 459, 465
 Морохов 279
 Мосолов С. 104, 272
 Мулюкин П. А. 59
 Муравьев А. Н. 96
 Муравьев М. Н. 76, 110–115, 118, 248, 385, 431
 Мусина-Пушкина М. Н. 56
 Муханов В. А. 47
 Муханов Н. А. 182, 183, 186, 402
 Мухин П. 221
Мухина Е. А. 95, 96
- Н. [Зибер]** 15, 17, 275
 Набоков Н. А. 393
 Набоков В. 156, 159–162, 165, 166
 Назаревский 472
 Назимов В. И. 94, 279, 280, 345, 398
 Наранович 473
 Наумов 213, 214, 219, 236
 Некрасов Н. А. 204
 Нессельроде К. В. 169, 207
 Нефедьев 202
Нечаева В. С. 334, 522
 Никитенко А. В. 40, 75, 80, 176, 182, 183, 186, 196, 304, 402, 460, 474
 Никитин А. П. 46, 47
 Никитин В. Н. 233
 Николаев 284
 Николай А. П. 421
 Николая 36

- Нифонтов А. С.* 102, 103, 254
Новикова Н. Н. 416, 417
 Новицкий 472
 Новопашенный Н. 220, 227, 234, 469
 Нордстрем И. А. 54, 58, 300, 302, 305, 307, 308

Оболенский А. 403
 Оболенский Д. А. 80–83, 403
 Обручев В. А. 233, 324, 459
 Огарев Н. П. 220, 243, 249, 329, 415, 431, 475, 476, 511, 521, 523
 Огрызко И. П. 315
 Ожье Э. 304
 Озерская 446
Олейников Д. 8, 25, 26
 Ольдекоп Е. И. 299, 306
 Ольденбургский П. Г. 74, 159, 165, 192
 Олсуфьев 425
Оржеховский И. В. 7, 16, 22, 25, 54, 56, 223, 249, 253, 254, 263, 269, 311, 312
 Орлов А.Ф. 24, 35, 38, 39, 46, 56, 71–76, 78, 81, 83, 92, 110, 135, 151, 152, 172, 175, 176, 177, 178, 189, 204, 207, 245, 255, 257, 259, 267, 277, 278, 315, 347–349, 353(он?), 356, 381, 390–392, 395, 396, 398, 399, 408, 455, 457, 458, 465, 487, 488
 Орлов М. Ф. 42
 Орлов Н. А. 267, 382, 464
 Осипов А. М. 268
 Островский А. Н. 302, 308
 Офросимов С. М. 109
 Офросимов Ф. 109
 Оханов 282, 283

Павел I, император России 250
Павленко Н. И. 26, 27
 Павлов Н. Ф. 334, 474
 Павлов П. В. 197, 236, 322, 410, 471
Пайтс Р. 9, 454
 Пальм А. И. 291
 Пальчиков 410
 Панаев И. И. 204, 464
 Панаева А. Я. (Головачева) 204, 464
 Панин В. Н. 107, 108, 122, 146–148, 151, 153, 154, 156, 159, 160, 165, 166, 192–194, 257, 314, 366, 402
Пантелеев Л. Ф. 293, 469, 471
 Пассек Т. П. 461
 Паткуль А.В. 282, 324, 374, 417, 421
 Патон П. И. 104, 272
Патрушева Н. Г. 9, 186
 Пеликан А. А. 469
 Перетц Г. Г. 209, 235
 Перовский Л. А. 71, 74
 Перфильев С. В. 293, 395, 396, 482, 483
 Петерсон 334
 Петр I, император России 26, 33–35, 137, 303, 378, 403
 Петрашевский М. В. 41, 207, 208, 212, 392, 394, 410
 Петров А. М. 45, 55–57, 59, 61, 278, 390, 391, 454, 503
 Печников В. Н. 178
 Пирогов Н. И. 459
 Писарев А. Н. 307
 Писарев Д. Н. 323, 330, 339
 Писаревский Н. Г. 333, 471
 Писемский А. Ф. 302, 303
 Плансон А. А. 458
 Платонов А. П. 134
 Платонов П. П. 121
 Повалихин 284
 Погодин М. П. 267, 272, 303, 394, 395, 402, 410, 463, 465, 474
 Пожарский 225, 305, 389
 Позен Л. М. 272
 Позен М. П. 77, 78, 80, 81, 272
 Полевой 476
 Поливанова Н. П. 104, 272
 Политковский А. Г. 45
 Померанцев 284
Попельницкий А. З. 84, 88, 89, 96
 Попов, агент 235
 Попов, гимназист 284

- Попов В. П. 308
 Попов М. М. 58, 266, 308, 314
Порох И. В. 3, 41, 48, 104, 179, 180, 261, 269, 270, 317, 408, 418, 422, 425, 465
Порох В. И. 268, 400–402, 404, 457
 Потанин 339
 Потапов А. Л. 48, 195, 196, 214, 231, 232, 241, 243, 246, 248, 283, 308, 310, 311, 320, 324, 334, 369, 423, 425, 436, 439, 440, 458, 466, 493, 518, 528
 Потехин А. А. 308, 324
 Потоцкий (Балашевич) А. Ю. 232, 237
 Потоцкий М. 148
Предтеченский А. В. 253, 255
 Проскуряков Ф. И. 57, 453
 Протасов Н. А. 391
 Прянишников Ф. И. 251, 259, 262
 Пугачев Е. И. 63, 418
 Путерницкий Н. 220, 227
 Путилин И. Д. 233
 Путятин Е. В. 414
 Пучкова 202
 Пушкарев 284
 Пушкарев Л. Л. 421
 Пушкин А. С. 6, 9, 40, 174, 175, 179, 180, 257, 267, 307
 Пушин И. И. 290
 Пыпин А. Н. 229

Раевский М. Ф. 402–404
 Разин С. Т. 418
Рац Д. 25
 Рашевский Н. Н. 262
Рейсер С. 471
Рейтблат А. И. 9, 174, 175
 Рейтерн М. Х. 122, 123, 124
Рейфман П. С. 330, 333, 337
 Регунский В. Ф. 263
 Ржевская Н. С. 285
 Ридигер Ф. В. 205
 Ровинский Д. А. 165
Родзевич Н. Н. 193, 194

Рождественский С. В. 169, 170, 174, 176, 177, 178, 192
Розенблюм Н. Г. 209
 Розенгейм М. П. 334
Романов В. В. 8, 15
Рослякова О. Б. 8
 Ростовцев Я. И. 78, 81, 84, 85, 90, 92, 214, 354, 365, 366
 Ростопчина Е. П. 476
 Рудаков В. Е. 323, 324, 480
Рудницкая Е. Л. 261, 408, 438
 Рунич Д. П. 253
 Руссо 405
 Рутковский К. Л. 19, 20
Рууд Ч. 7, 18, 300, 310
 Рушковский 253
 Рыбников П. Н. 315
 Рындин 246

 Савелова 446
 Савицкий 278, 405
 Сагтынский А. А. 52, 54, 61, 258, 285
 Сазонов Н. И. 17
 Салиас Е. 226, 293, 462
 Салтыков-Щедрин М. Е. 266, 307, 308, 315, 478
 Самарин Л. 471
 Самарин Ю. Ф. 81–83, 102, 259, 260, 398, 403, 410
 Сафонович В. И. 315
 Свириденко М. Я. 315
Севастьянов Ф. Л. 8
Седов М. Г. 329, 450
Седунов А. В. 7
 Селиванов И. В. 58, 410, 455, 456
Семевский В. И. 68, 69, 74
 Семенов Н. П. 108, 110
 Семенов-Тянь-Шанский П. П. 75, 110
Середонин С. М. 139, 150
 Серно-Соловьевич Н. А. 232, 236, 323
Сидорова М. В. 7, 49, 50, 54, 56
 Симановский И. М. 245

- Скабичевский А. М. 320, 468, 469
 Скальковский К. 456, 467
 Скарятин В. Д. 132, 334
 Скосырев 245
 Скуратов 466
Сладкевич Н. Г. 191
 Слепцов В. А. 232, 444, 448
Смиренский Б. В. 291
Смолин И. С. 408
Соболева Т. А. 252
 Соколов, полиц. чиновник 212, 213
 Соколов, чиновник 279
 Соколов А. А. 61
 Соколова А. И. 457, 458, 462, 476
 Соллогуб Л. 202
 Солнцев 446
 Соловьев 214
 Соловьев С.М. 397
 Соловьев Я. А. 97, 347, 348, 349, 455
 Сосницкий 219
 Спасович В. Д. 337
 Сперанский М. М. 140
 Стасов Д. В. 154, 460, 461
Стеклов Ю. М. 342
 Степанов 215, 225, 226
 Степанов И. 359
Степанов С. А. 7, 18, 300, 310
 Степанова 232, 236
 Стогов Э. И. 244
 Страхов Н. 333
 Строганов А. Г. 289, 290
 Строганов С. Г. 117, 192, 198
 Струве Б. В. 315
 Суворин А. С. 285
 Суворов А. А. 128, 282, 331, 421, 450, 469
 Сунгуров Н. П. 389
 Суслов 446
 Сухово-Кобылин А. В. 307
Сухомлинов М. 400

Таборовский А. 245
Тальская О. С. 263
Тарасов И. Т. 26
Тарле Е.В. 265
 Тарновский 82
Татищев С. С. 419
 Тетера 410
 Тиль 211
 Тимашев А. Е. 48, 58, 80, 81, 84–90, 92, 93, 97, 104, 109, 115, 116, 180–186, 210, 212, 226, 261, 266, 268, 273, 304, 319, 400–404, 431–443, 457–459, 466, 475, 479, 480, 482, 483
 Тимофеев И. К. 51
 Тихомиров Н. А. 52
Токарев С. В. 103
 Толстой А. А. 466, 467
 Толстой А. И. 478
 Толстой А. К. 61, 267, 268, 459, 469, 470
 Толстой И. М. 263, 264
 Толстой Я. Н. 461
Троцкий Н. А. 59, 149, 168
 Трофимов Д. 296
Троцкий И. 7, 28, 40, 41, 254
 Трубников Н. И. 225
 Тургенев А. И. 203
 Тургенев И. С. 304, 308, 329, 330, 331, 445
 Тучков П. А. 263, 264
 Тютчев А. 256
 Тютчева А. Ф. 75, 102
Тютюник Л. И. 58, 59

 Уваров С. С. 169, 172–174, 176, 178, 187–189
 Унковский А. М. 98, 99, 105, 106, 245, 265, 266
Уортман Р. С. 9, 62
 Утин Б. И. 235
 Утин Н. И. 443, 520
 Уткин А. 389

Федоров В. А. 100, 101, 175, 349, 360
Федосеева Е. П. 408
 Федосов И. А. 388, 389
 Фейербах Л. А. 447
 Фет А. А. 476

- Фиалковский 257
 Филарет 320, 321
Филд Д. 9, 115, 419
 Фирсов В. Р. 300
 Фишер К. И. 38, 40
 Фок фон М. Я. 16, 40, 63, 135, 169,
 170, 201–203, 275, 493
 Фохт 447
 Фрейд 220, 227, 236
- Ханьков Н. В. 245, 267, 274, 398
 Ходкевич Д. М. 405
 Хомяков А. С. 395, 397–399, 403,
 476
 Христофоров А. Х. 446
Христофоров И. А. 9, 76, 115
 Хрушев Д. П. 183, 345, 346, 350,
 351, 354, 371, 372, 374
- Церетели Н. Л.** 105
 Цертелев П. 105, 272
 Цеэ В. А. 324, 328, 480
 Цимбаев Н. И. 340, 398, 404
 Цыдзик В. 280
- Чайковский М. С.** (Садык-паша)
 496, 511
 Чевкин К. В. 76, 81, 117
 Чекмарев 256
 Чемизов В. 468, 471
 Черкасов 471
Черкасов П. П. 54
 Черкасский В. А. 268, 397, 399, 401,
 403
*Чернуха В. Г. 9, 120–122, 130, 179,
 313, 319, 325, 337, 342*
Черных В. А. 329
 Чернышев А. И. 47, 74, 393
 Чернышевская О. С. 229
 Чернышевский Н. Г. 47, 227–231,
 233, 236, 241, 256, 282–284,
 298, 318, 319, 321, 323, 342,
 417, 422, 425, 429, 445, 450, 451,
 472
 Чижов Ф. В. 398
 Чичерин Б. Н. 154, 195, 271, 272,
 331
- Чубинский 340
*Чукарев А. Г. 8, 17, 250, 251, 257,
 388*
- Швейковский 270**
 Шевченко Т. Г. 278, 390, 391
Шевченко М. М. 175, 176, 178
 Шевырев С. П. 394, 395
 Шедо-Ферротти 337
 Шекспир 307, 309
 Шелгунов Н. В. 58, 236, 246, 339,
 454
 Шелгунова Л. П. 58, 246, 454
 Шенапан 266
 Шервуд 28
*Шилов А. А. 7, 209, 227, 235, 462,
 472, 481*
Шилов Д. Н. 39
Шильдер Н. К. 17
 Шнейдер Л. 231
 Шомпулев В. А. 20, 243
 Шпекин 273
Штакельберг Ю. И. 334
 Штакеншнейдер Е. А. 476
Штрайх С. Я. 6
 Шувалов А. П. 48
 Шувалов П. А. 48, 60, 155, 192,
 212–214, 226, 236, 247, 248, 249,
 268, 319, 387, 417, 419, 424, 450–
 452, 458, 460, 480, 481
 Шулепников М. П. 59
 Шульц А. Ф. 57, 210, 235, 283,
 311
- Щапов 339**
*Щебальский П. К. 170, 172, 176, 178,
 274, 285*
 Щербачев Г. Д. 243, 463
 Щербина Н. Ф. 456, 477
 Щербинин М. П. 481
- Эверман 472**
*Эйдельман Н. Я. 41, 278, 408, 410,
 466, 468, 471, 479*

Эймонтова Р. Г. 18, 190, 192, 196,
198, 417
Экштут С. А. 26, 36
Эссекс 305
Эссен М. 405

Юнге Е. Ф. 459, 479
Юркевич-Литвинов П. А. 235

Яковлев 55, 364, 386
Якубович 410
Якушкин П. И. 315
Ямпольский И. 316

Grunwald de C. 17
Monas S. 8
Squire P. S. 8

Научное издание

Абакумов Олег Юрьевич

**«Безопасность престола и спокойствие государства».
Политическая полиция самодержавной России
(1826–1866)**

Ведущий редактор *Н. А. Волынчик*
Редактор *В. Т. Веденева*
Художественный редактор *А. К. Сорокин*
Технический редактор *М. М. Ветрова*
Выпускающий редактор *Н. Н. Доломанова*
Компьютерная верстка *Т. Т. Богданова*
Корректор *Е. Л. Бородина*

Л. Р. № 066009 от 22.07.1998. Подписано в печать 30.09.2019.
Формат 60х90/16. Печать офсетная. Усл.-печ. л. 35.
Тираж 300 экз. Заказ № 5899.

Издательство «Политическая энциклопедия»
127018, Москва, 3-й проезд Марьиной Рощи, д. 40, стр. 1
Тел.: 8 (499) 685-15-75 (общий, факс),
8 (499) 672-03-95 (отдел реализации)

117246, г. Москва, проезд Научный, д. 19, этаж 2, ком. 6Д, оф. 202
+7 (495) 926-63-96, www.bukivedi.com, info@bukivedi.com

Абакумов Олег Юрьевич родился в 1962 г. в Саратове. Окончил исторический факультет Саратовского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского. В настоящее время – доцент кафедры истории государства, права и международных отношений Поволжского института управления РАНХиГС. Автор монографий: «...Чтоб нравственная зараза не проникла в наши пределы». Из истории борьбы III Отделения с европейским влиянием в России (1830-е – начало 1860-х гг.). Саратов, 2008; «Третье отделение на страже нравственности и благочиния. Жандармы в борьбе со взятками и пороком. 1826–1866 гг.». М., 2017.